60 6/29

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ АНГЛІИ.

Религія, законодательство, наука, искусство, промышленность, торговля, литература, нравы и обычаи въ ихъ историческомъ развитіи съ древнѣйшаго періода до настоящаго времени.

Изданіе Г. Д. ТРАЙЛЯ.

ТОМЪ I.

Отъ древнѣйшаго времени до восшествія на престолъ Эдуарда I.

БИБЛІОТЕКА ИМПЕР. РОССІЙ. ИСТОР. МУЗЕЯ

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО Л. Ч.,

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ П. Николаева.

ПОНИЖЕННАЯ ЦѢНА 1 Р.

Изданіе К. Т. Солдатенкова.

Цѣна 3 рубля.

МОСКВА.
Типо-литографія В. Рихтеръ, Тверская, Мамоновскій пер., свой домъ.
1896.

ИЗДАНІЯ К. Т. СОЛДАТЕНКОВА.

(ПРОДАЮТСЯ ВО ВСѢХЪ ИЗВѢСТНЫХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ).

Брайса Д. Американская республика. 3 тома. Цѣна 10 р. 50 к.

Буасье Гастона. Римская религія. Пер. *М. Корсакъ*. М. 1878 г. Ц. 5 р.

— — Цицеронъ и его друзья. — М. 1880 г. Ц. 2 р.

— — Паденіе язычества. М. 1893 г. Цѣна 4 руб.

Бэра. Исторія Всемірной торговли. 3 ч. Пер. *Э. Циммермана*. М. 1876 г Цѣна 7 р. 50 к.

Вебера Георга. Всеобщая исторія. М. 1886. Въ 15 т. (15-й въ 2 ч.) Цѣна 79 р.

Вегеле, Франца. Дантъ Алигьери, его жизнь и сочиненія. Ц. 3 р.

Вейса. Внѣшній бытъ народовъ съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ.—5 частей М. 1879 г. Цѣна 20 р.

Викторова П. П. Ученіе о личности, вып. I. М. 1887 г. Ц. 1 р. 50 к.

Гайма Р. Гердеръ, его жизнь и сочиненія, 2 тома. М. 1889 г. Цѣна 10 р.

— Романтическая школа въ Германіи. М. 1891 г. Ц. 5 руб.

Гартмана. Сущность міроваго процесса или философія безсознательнаго. *А. Козлова*. М. 1876 г. Т. II. Ц. 2 р. 50 к.

Гаспари А Исторія итальянской литературы, т. I. Перев. *К. Бальмонта*. Моск. ва 1895 г. Ц. 3 р.

Гервинуса Г. Г. Автобіографія, съ 4 портр. Цѣна 1 р. 50 к.

Геттнера. Исторія всеобщей литературы XVIII вѣка. Т. III. кн. I. Ц. 2 руб.

Гиббона. Исторія упадка и разрушенія Римской имперіи (съ портр. автора). Перев. *В. Н. Невѣдомскаго*. Въ 7-ми томахъ. М. 1886 г. Ц. 26 руб.

Гизо. Исторія цивилизаціи во Франціи. Т. III и IV. М. 1877 г. Ц. 4 р.

Гнейста Рудольфа. Исторія государственныхъ учрежденій Англіи, переводъ съ нѣмецкаго *С. А. Венгерова*. Москва, 1885 г. Ц. 4 р. 50 к.

Горна Ф. Исторія скандинавской литературы. Пер. *К. Бальмонта*. М. 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.

Грегуара Л. Исторія Франціи XIX вѣка, томъ I II и III, перев. подъ редакціею *И. В. Лучицкаго*, М. 1893 г. Цѣна 12 руб.

Грина Д. Исторія Англійскаго народа, въ 4-хъ томахъ. Ц. 10 р. 50 к.

Гюббара Г. Исторія современной литературы въ Испаніи. Ц. 2 р.

Давидъ-Соважо А. Реализмъ и натурализмъ въ литературѣ. Ц. 2 р.

Дройзена. Исторія Эллинизма. Въ 3 томахъ. Пер. *М. Шемунова*. М. 1893 г. Ц. 11 р.

Забѣлина И. Е. Кунцево и древній Сѣтунскій станъ. М. 1872 г. Ц. 2 р.

Зибера Н. И. Соч. Очерки первобытной экономической культуры. Ц. 4 р. 50 к

Игеринга. Борьба за право. Пер. *П. Волкова*. М. 1872 г. Ц. 75 к.

Иліада Гомера, переводъ Н. Минскаго. Ц. 75 к.

Іодля Ф. Исторія этики. Т. I. Перев. подъ ред. *Вл. Соловьева*. М. 1896. Ц. 2 р.

Каррьера. Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры. Т. I, II, III и IV. Перев. *Е. Корша*. М. 1874 г. Ц. 16 р.

Ковалевскаго М. Происхожденіе современной демократіи. Т. II. М. 1896 года. Ц. 2 р. 50 к.

Корсакъ. Первоначальные уроки грамматики. М. 1879 г. Ц. 60 к.

(Продолженіе на 3 и 4 стр. обертки).

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ

АНГЛІИ.

Религія, законодательство, наука, искусство, промышленность, торговля, литература, нравы и обычаи въ ихъ историческомъ развитіи съ древнѣйшаго періода до настоящаго времени.

Изданіе Г. Д. ТРАЙЛЯ.

ТОМЪ I.

Отъ древнѣйшаго времени до восшествія на престолъ Эдуарда I.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО Л. Ч.,

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ П. Николаева.

Изданіе К. Т. Солдатенкова.

МОСКВА.
Типо-литографія В. Рихтеръ, Тверская, Мамоновскій пер., свой домъ.
1896.

Гос. Историч. Научн. Б-ка
НКП РСФСР
Инвент. № 346383
193 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Введеніе.—Трайля 1
I. Гражданская организація 8
II. Религія 11
III. Наука и естествознаніе. 16
IV. Литература. 21
V. Искусство 26
VI. Торговля и промышленность 29
VII. Нравы 34

ГЛАВА I.

Англія до Англичанъ.

Кельтская Британія.—Эдвардса 38
Римская Британія (48—410).—Ричардса. 46
Языческая Британія.—Уильямса 64
Война.—Купера Кинга 75
Искусство и архитектура.—Р. Гугса. 95
Торговля и промышленность Британіи.—Эдвардса. 113
Промышленность и торговля съ римской Британіей.—Ричардса . . . 118
Общественная жизнь и нравы.—Ньюмана 125

ГЛАВА II.

Паденіе Римскаго господства—287—450 г. по Р. Х.—Британія подъ владычествомъ англовъ и датчанъ 450—1066 г. по Р. Х.

Нашествіе англовъ.—Поуэлля. 141
Вторженія датчанъ.—I. Поуэлля. 164
Язычество англо-саксовъ.—Мэнна. 172
Англійская церковь.—Мауда 176
Исторія законодательства.—Майтлэнда. 185
Народное здравіе.—Крейтона 193
Военная организація.—Омана. 196
Датская война.—Омана 199
Древняя англійская литература.—Гитса 203
Искусство и архитектура.—Гугса 211
Торговля и промышленность.—Смита 218
Общественная жизнь и нравы.—Ньюмана 226

ГЛАВА III.

Отъ завоеванія до хартіи 1066—1216.

СТР.

Нормандское завоеваніе.—Смита 245
Domesday Book.—Поуэлля 249
Царствованіе Вильгельма Рыжаго и Генриха I.—Смита 257
Религія.—Геттона. 261
Царствованіе Стефана 1135—1154.—Смита 268
Церковь во время анархіи.—Геттона. 278
Англійское господство во время Норманскаго правленія.—Майтлэнда . 284
Норманскіе способы веденія войны.—Омана 305
Норманскій флотъ.—Клоуэса. 310
Норманская архитектура.—Гугса 323
Литература и наука.—Пуля. 334
Литература.—Гитса. 343
Торговля и промышленность.—Смита 354
Общественное здравіе.—Крейтона 364
Общественная жизнь и нравы.—Трайля 367

ГЛАВА IV.

Отъ хартіи до парламента 1216—1273.

Царствованіе Генриха III—1216—1273.—Смита. 385
Происхожденіе парламента.—Смита 389
Церковь.—Геттона. 396
Развитіе судопроизводства 1154—1272.—Майтлэнда 400
Военное искусство.Омана 402
Флотъ 1216—1272.—Лердъ-Кловиса 403
Искусство и архитектура.—Гугса 406
Наука.—Пуля. 417
Языкъ и литература.—Франка Гитса 427
Земледѣліе.—Корбета. 436
Торговля и промышленность.—Губерта Голля. 442
Общественное здравіе.—Крейтона 454
Общественная жизнь и нравы.—Трайля. 455

ВВЕДЕНІЕ.

Исторію всякой цивилизованной націи можно разсматривать съ разнородныхъ сторонъ, и излагать ее можно различными способами. Вообще же формы, доступныя наблюденію, сводятся къ тремъ главнымъ типамъ. Мы можемъ разсматривать націю, какъ соціальный организмъ, какъ организмъ политическій и какъ государство среди государствъ. Первичной и простой формой націи слѣдуетъ, конечно, считать соціальный организмъ — соединеніе индивидуумовъ первоначально для цѣлей взаимо-помощи въ борьбѣ съ враждебными силами природы и ради общей выгоды при добываніи и распредѣленіи произведеній природы. Ассоціація неизбѣжно создаетъ права и обязанности; въ силу правъ и обязанностей возникаютъ законы и управленіе; съ возникновеніемъ законовъ и управленія нарождается политическій организмъ; сношенія одного политическаго организма съ другимъ создаютъ еще болѣе широкое понятіе о націи, какъ о государствѣ среди государствъ.

Заглавіе этого сочиненія достаточно показываетъ, въ какой именно изъ этихъ трехъ формъ мы предполагаемъ разсматривать жизнь Англійской націи. Это историческое сочиненіе избираетъ предметомъ своего изслѣдованія развитіе націи, какъ соціальнаго, а не какъ политическаго организма или какъ государства среди государствъ. Во избѣжаніе недоразумѣній мы постараемся предварительно выяснить, въ какомъ именно смыслѣ и въ какихъ границахъ слѣдуетъ понимать это заглавіе.

Каждый цивилизованный соціальный организмъ представляетъ уже самъ по себѣ такого рода организмъ, форма и направленіе развитія котораго зависятъ частью отъ дѣйствія внутреннихъ силъ, частью отъ воздѣйствія на него окружающей обстановки. Въ составъ такого рода обстановки законы и учрежденія соціальнаго организма входятъ, какъ самый значительный элементъ, и имѣютъ весьма важное значеніе. Возможно конечно, что ихъ возникновеніе и характеръ обусловливаются цѣликомъ или въ значительной степени характеромъ на

рода, выработавшаго или усвоившаго ихъ, но не менѣе вѣрно и то, что они сильно реагируютъ на характеръ народа и существенно вліяютъ на его развитіе. Несомнѣнно также, что каковы бы ни были естественныя тенденціи націи къ развитію, онѣ въ сильной степени подвергаются вліянію отношеній къ другимъ государствамъ—къ тѣмъ государствамъ, у которыхъ нація можетъ заимствовать искусства и промышленность и извлекать богатства,— къ тѣмъ, которыя нація можетъ завоевать или которыя могутъ завладѣть ею,—къ тѣмъ, союзы съ которыми могутъ оказать поддержку націи или могутъ истощить ее войнами. Строго говоря, соціальная исторія какой бы то ни было страны не можетъ быть совершенно отдѣлена отъ политическихъ событій, юридическихъ и административныхъ учрежденій и отъ международныхъ событій. Чрезмѣрное предпочтеніе, оказываемое историками этимъ сторонамъ, вызвала реакцію, которая грозитъ перейти въ новую крайность; и, быть можетъ, вліяніе политической жизни на соціальный прогрессъ гораздо болѣе рѣшительно, чѣмъ то склонна допустить современная школа историческихъ писателей. «Исторіи военныхъ подвиговъ», безъ сомнѣнія, заслуживаютъ то презрительное отношеніе, съ какимъ отнесся къ нимъ покойный Гринъ въ предисловіи къ своему знаменитому сочиненію; есть тѣмъ не менѣе въ эпической жизни націи такіе эпизоды, которые неизбѣжно требуютъ военныхъ трубъ и барабановъ. Безъ подобнаго аккомпанимента нѣкоторые историческіе разсказы не только были бы подчасъ неточны, но и вовсе непонятны.

Хотя мы не имѣемъ возможности совершенно отдѣлить соціальную исторію націи отъ исторіи политической и государственной, хотя мы не можемъ избѣжать необходимости связывать наше повѣствованіе о матеріальномъ, нравственномъ и интеллектуальномъ прогрессѣ народа съ параллельными сообщеніями о политическихъ событіяхъ внутри страны и внѣ ея, мы все же для нашей настоящей цѣли можемъ до нѣкоторой степени отдѣлить эти двѣ стороны жизни. Мы можемъ задаться цѣлью отдѣлить насколько возможно на этихъ страницахъ политическую исторію, и изолировать, когда только это представляется возможнымъ, соціальные факты нашей исторіи: мы можемъ излагать по возможности настолько кратко, насколько это допустимо безъ ущерба для ясности изложенія, событія войнъ, завоеваній, договоровъ и союзовъ, борьбы конституціонныхъ учрежденій и борьбы династій; но за то мы будемъ излагать во всѣхъ мелкихъ подробностяхъ тѣ различныя ступени нашей англійской цивилизаціи, которыя отмѣчены эпохами нравственнаго и интеллектуальнаго прогресса или которыя можно прослѣдить косвенно въ томъ ростѣ богатства, который, увеличивая комфортъ и расширяя досугъ, такъ сильно способствуетъ интеллектуальному развитію, а въ нѣкоторой степени и нравственному усовершенствованію народовъ. Вполнѣ возможно (и

это предполагается также въ этомъ сочиненіи) главнымъ образомъ останавливаться на ростѣ и экономическомъ развитіи народа, на прогрессивномъ расширеніи промышленности и торговли, на постепенномъ распространеніи образованія и просвѣщенія, на успѣхахъ искусствъ и наукъ, на постоянномъ расширеніи тѣхъ культурныхъ вліяній всякаго рода, которыя формируютъ «облагороженную человѣческую жизнь».

При таковомъ изложеніи исторіи народа необходимо придерживаться одного изъ двухъ методовъ. Можно разсматривать въ цѣломъ все прогрессивное движеніе при переходѣ соціальнаго организма отъ простѣйшихъ и первобытныхъ формъ къ сложнымъ формамъ современной жизни; можно прослѣдить прогрессивное движеніе въ различныхъ областяхъ человѣческой дѣятельности періодъ за періодомъ, во всѣхъ подробностяхъ. Другими словами, мы можемъ обозрѣвать всю совокупность нашихъ культурныхъ силъ въ ихъ прогрессивномъ ростѣ; или мы можемъ собирать свѣдѣнія по пути шествія каждаго крупнаго отряда, входящаго въ составъ этой арміи. Каждый изъ этихъ методовъ имѣетъ свои преимущества и свои невыгоды. Первый методъ несомнѣнно развертываетъ предъ нашими глазами широкую картину жизни націи, второй даетъ результаты, не такъ легко воспринимаемые сразу нашимъ воображеніемъ. Но то, что мы теряемъ, пользуясь послѣднимъ методомъ, для воображенія, мы выгадываемъ въ пониманіи, и, быть можетъ, это и является главнымъ аргументомъ для принятія именно этого метода въ сочиненіи такого рода, какое предлагается теперь читателю. Изложивъ «Общественную жизнь Англіи» по этому методу мы, быть можетъ, не дадимъ читателю возможности сразу охватить весь предметъ во всѣхъ его деталяхъ, но зато читатель получитъ лучшую подготовку для того, чтобы разрѣшить такую серьезную задачу. Обладая сильнымъ воображеніемъ, исключительно ясной головой и устойчивой памятью, можно приступить съ нѣкоторою надеждою на успѣхъ къ изслѣдованію предмета «en bloc.»; для большинства же людей необходимо предварительно тщательное изученіе, изслѣдованіе подробностей раньше, чѣмъ приступить къ изученію предмета во всемъ его объемѣ.

Принятый методъ представляетъ, по нашему мнѣнію, еще одно преимущество, способствующее лучшему усвоенію предмета изученія. Когда мы слѣдимъ за нашимъ соціальнымъ прогрессомъ въ различныхъ сферахъ дѣятельности, въ которыхъ проявляется жизнь народа, тогда при помощи подобнаго метода читатель съ особой ясностью видитъ предъ собой постоянный переходъ отъ общаго къ частному, отъ простаго къ сложному, отъ простаго организма къ сложному, (что, несомнѣнно, вытекаетъ и обусловливается развитіемъ цивилизаціи). Въ самомъ оглавленіи уже все это ясно бросается въ глаза. По мѣрѣ того, какъ одни столѣтія смѣняются другими, тѣ шесть

или семь крупныхъ категорій, подъ которыя подводятся различные формы и факторы соціальной жизни, уже не удовлетворяютъ требованіямъ классификаціи. Въ каждой категоріи накопляются факты слишкомъ разнообразные, чтобы можно было ихъ группировать вмѣстѣ не запутывая изложенія. Возникаютъ новые роды дѣятельности, которые невозможно подвести подъ старыя классификаціи. Первичныя дѣленія предмета ведутъ къ подраздѣленіямъ, а тѣ въ свою очередь вновь подраздѣляются. Въ каждой области нашей національной жизни повторяется тотъ же ходъ эволюціоннаго роста — въ иныхъ отдѣлахъ ростъ этотъ постояненъ, въ другихъ онъ перемежающійся, но присутствіе его несомнѣнно вездѣ. Промышленность разростается и развѣтвляется; торговля постоянно расширяется; искусство развивается, хотя и медленно сравнительно съ другими странами, но вырабатывая разнообразныя формы; наука освобождается отъ средневѣковой опеки и становится всемірнымъ достояніемъ; въ литературѣ, достигнувшей высшаго достижимаго для человѣка поэтическаго проявленія, совершенствуется проза, по силѣ выраженія превосходящая прозаическую литературу всѣхъ другихъ народовъ и по своей гибкости неимѣющая соперниковъ (за исключеніемъ одного); недавно народившееся естествознаніе удивительно ростетъ, достигаетъ внезапно грандіозныхъ размѣровъ, всюду протягиваетъ свои всесильныи руки, необычайно расширяетъ проявленіе человѣческой энергіи и черезъ посредство воздѣйствія видоизмѣненной внѣшней жизни на внутреннюю природу человѣка,—воздѣйствія глубокаго, безповоротнаго, хотя все еще въ нѣкоторой степени смутнаго,—видоизмѣняетъ судьбы земнаго существованія націи.

Конечно, мы не ставимъ въ укоръ интеллектуальнымъ способностямъ средняго современнаго англичанина то, что онъ нуждается въ помощи классификаціи и особаго плана для усвоенія могучаго и разнообразнаго прогресса. Только получившій военную подготовку и опытный глазъ можетъ спокойно, не теряя самообладанія, слѣдить за линіей движущейся арміи по всѣмъ этапамъ ея похода. Почти такое же впечатлѣніе будетъ производить и «Общественная жизнь Англіи», гдѣ въ главѣ за главой, а иной разъ въ параграфѣ за параграфомъ переплетается исторія нашего прогресса въ искусствѣ и литературѣ съ сообщеніями о развитіи нашей промышленности и о расширеніи нашей торговли.

Для избѣжанія такого рода сбивчивости и принятъ, какъ указано было выше, особый планъ этихъ томовъ. Тѣмъ, которые руководятъ подборомъ матеріяла, казалось лучшимъ обработать каждый отдѣлъ нашей соціальной жизни въ разнообразныхъ ея проявленіяхъ и, насколько возможно (конечно это не всегда было возможнымъ), строго отдѣлять его отъ другихъ отдѣловъ; сочиненіе затѣмъ расположено такъ, что каждая глава трактуетъ объ исторіи нашего прогресса

въ каждомъ отдѣлѣ, начиная съ того момента, на которомъ остановилась предшествующая глава.

Такой планъ можетъ вызвать возраженіе, что онъ неизбѣжно влечетъ за собою повторенія. Хотя возраженіе это вѣрно, но оно, по мнѣнію составителей этого сочиненія, не имѣетъ вѣскаго значенія. Извѣстныя событія и вліянія оказываютъ, несомнѣнно, воздѣйствіе на нашу соціальную исторію болѣе чѣмъ съ одной какой-либо стороны, нѣкоторые историческіе дѣятели проявляли свою дѣятельность въ нѣсколькихъ областяхъ. Напримѣръ, экономическія движенія часто неразрывно связаны съ измѣненіями въ нравахъ, искусство и промышленность часто сливаются вмѣстѣ, руководитель въ религіозной сферѣ раннихъ періодовъ часто является двигателемъ науки, зачастую также выдающимся писателемъ. Объ этихъ предметахъ и лицахъ приходится говорить и дѣйствительно говорится въ нѣсколькихъ отдѣлахъ. Осмѣлюсь замѣтить, что эти неизбѣжныя повторенія вовсе не такъ многочисленны и не имѣютъ такого важнаго значенія въ сравненіи съ тѣмъ общимъ удобствомъ, какое представляетъ принятый планъ.

Наша «Общественная жизнь Англіи» распадается на слѣдующіе отдѣлы:

I. Гражданская организація.
II. Религія.
III. Наука и естествознаніе.
IV. Литература.
V. Искусство.
VI. Торговля и Промышленность.
VII. Нравы.

Объ общемъ характерѣ содержанія Отдѣла I можно составить себѣ представленіе уже по выше-сдѣланнымъ замѣчаніямъ. Въ немъ будетъ заключаться сжатый отчетъ о важныхъ политическихъ событіяхъ каждаго періода,—особенно о такихъ событіяхъ, которыя имѣютъ непосредственное значеніе для соціальной жизни народа; главнымъ же образомъ, отдѣлъ этотъ будетъ посвященъ изслѣдованію развитія нашихъ административныхъ учрежденій (исторія англійскаго законодательства и нашихъ юридическихъ системъ войдутъ въ особый отдѣлъ) и займется въ сущности изслѣдованіемъ тѣхъ различныхъ формъ, въ которыхъ общественный организмъ проявлялъ себя, какъ организмъ политическій. Нашъ прогрессъ въ военномъ искусствѣ и въ развитіи флота, который могъ бы, быть можетъ, войти въ составъ этого отдѣла, послужитъ предметомъ отдѣльнаго изслѣдованія.

Во II-мъ Отдѣлѣ будетъ разсматриваться религія въ каждомъ изъ тѣхъ трехъ ея проявленій, которыя отражаются на нашей соціальной жизни; а именно онъ будетъ посвященъ изслѣдованію вѣроуче-

нія, богослуженія и дисциплины. Изслѣдованіе будетъ касаться не только внутренняго значенія религіи, какъ силы руководящей, направляющей и видоизмѣняющей духовную энергію отдѣльныхъ гражданъ, но также и съ внѣшней стороны, какъ системы постановленій и обрядовъ, отражавшихся на всей гражданской жизни въ ея совокупности. Двойственный и тройственный характеръ этого изслѣдованія не требуетъ вначалѣ особыхъ подраздѣленій. Въ теченіи этихъ столѣтій, когда единичнымъ авторитетомъ формулировалось вѣроученіе націи, направлялось ея богослуженіе и предписывалась дисциплина, исторія церкви Англіи воплощаетъ въ себѣ всю исторію національной религіи. Только послѣ реформаціи и лишь тогда, когда центробѣжныя вліянія протестантизма проявляются въ размноженіи нонконформистскихъ сектъ, необходимо будетъ расширить этотъ отдѣлъ и включить въ него всѣ религіозныя вліянія, относящіяся къ нашей «Общественной жизни Англіи».

Соединеніе изслѣдованія науки и естествознанія въ Отдѣлѣ III возможно только въ первыхъ томахъ этого сочиненія. Въ томъ періодѣ, изложеніе исторіи котораго входитъ въ первые томы, оба наименованія въ сущности означали одно и тоже. Когда естествознаніе начинаетъ опираться на опытное изслѣдованіе, напримѣръ, въ медицинѣ, мы отводимъ его изслѣдованію отдѣльное мѣсто; но только тогда, когда естествознаніе исключительно и окончательно выступаетъ на путь опыта, оно выдѣляется изъ общей рубрики: наука, и составляетъ особый отдѣлъ. До этого времени всѣ науки одинаково начинаются и заканчиваются изученіемъ письменныхъ хроникъ. Въ этомъ отдѣлѣ намъ придется имѣть дѣло не только съ вопросомъ накопленія, но и съ вопросомъ распространенія свѣтскаго знанія. То будетъ связная исторія научнаго изслѣдованія и образованія.

Быть можетъ, совершенно излишне упоминать о томъ, что Отдѣлъ IV по своимъ существеннымъ чертамъ не можетъ быть вполнѣ отдѣленъ отъ предъидущаго отдѣла. Демаркаціонная линія между литературой и наукой часто исчезаетъ даже и въ наше время—черезъ посредство вкладовъ, дѣлаемыхъ въ литературу людьми науки; иной разъ возникаетъ менѣе желательное вмѣшательство литераторовъ въ область науки. Въ раннюю эпоху, когда поэзія пребывала еще въ періодѣ младенчества, романъ, драма и критика еще не возникали, большая часть существующей литературы была литературой научной, и неизбѣжны, поэтому, повторенія однихъ и тѣхъ же именъ многихъ раннихъ писателей и ихъ произведеній въ этомъ и предшествующемъ отдѣлѣ. Тѣмъ не менѣе такъ какъ рѣчь идетъ совершенно о различныхъ проявленіяхъ ихъ дѣятельности, они имѣютъ право на такое двойное упоминаніе. Первичный эпическій писатель и древній хроникеръ могли быть однимъ и тѣмъ же лицомъ; вліяніе же барда на судьбы литературы и на языкъ совершенно различно отъ его

вклада въ современную ему науку. Для того, чтобы отвести ему надлежащее мѣсто въ «Общественной жизни Англіи», необходимо изучать проявленія его дѣятельности отдѣльно въ каждой области. Такія явленія могутъ попадаться только въ первыхъ томахъ этого сочиненія. Позднѣе отдѣленія литературы отъ науки обозначается уже достаточно рѣзко.

Предметъ Отдѣла V сразу уже ясно обозначенъ. На рлнихъ ступеняхъ искусство дѣйствительно проявляется независимо и самостоятельно, какъ результатъ естественнаго человѣческаго стремленія къ прекрасному. Повѣствованіе о прогрессѣ этого стремленія представляетъ самостоятельный интересъ для каждой націи, независимо отъ степени этого прогресса; далеко не безъинтересенъ этотъ прогрессъ и въ нашей родинѣ. Долгое время мы имѣемъ только ограниченныя свѣдѣнія о сколько нибудь замѣтномъ прогрессѣ искусства. Исторія англійскаго искусства въ теченіе многихъ столѣтій — исторія архитектуры, —главнымъ образомъ, только церковной. Прошло много времени, пока общественная жизнь Англіи знакомится съ другими главными формами искусства—съ живописью и скульптурой; почти только въ наше время этотъ отдѣлъ расширяется до такихъ размѣровъ, что является необходимость подраздѣлить его.

Въ слѣдующемъ отдѣлѣ ощущается уже болѣе настоятельная необходимость въ подраздѣленіи. Подъ общимъ заглавіемъ: Торговля и Промышленность мы могли соединить въ одной статьѣ полную исторію національной промышленности и національнаго и международнаго обмѣна естественными и мануфактурными произведеніями. Уже вначалѣ этого сочиненія городскую промышленность необходимо отдѣлить отъ земледѣлія, производство и обмѣнъ неизбѣжно отдѣляются, и, наконецъ, все разрастающееся развитіе нашей заграничной торговли требуетъ отдѣленія ея изслѣдованія отъ изслѣдованія внутренней торговли.

Относительно названія VII отдѣла слѣдуетъ замѣтить, что названіе это нѣсколько неопредѣленно и имѣетъ широкій смыслъ, но оно принято въ силу необходимости подвести подъ него разнообразный матеріялъ и передать подъ этимъ заглавіемъ все, что слѣдуетъ сказать объ исторіи общественнаго прогресса въ нравахъ. Излишне и прибавлять, что въ этомъ отдѣлѣ мы не претендуемъ на научность; мы вводимъ иной разъ новый видъ явленій въ группу, не принимая во вниманіе строго логическихъ принциповъ классификаціи. Потому что тамъ, гдѣ дѣло идетъ о религіи, промышленности, наукѣ и о другихъ уже вышеупомянутыхъ рубрикахъ, мы вездѣ изображаемъ извѣстныя явленія и ихъ результаты; эта послѣдняя рубрика, напротивъ, не имѣетъ такого значенія. Въ сущности эта рубрика включаетъ только результаты вышеупомянутыхъ явленій. Нравы народа собственно и слагаются подъ вліяніемъ промышленности народа, его

религіи, искусства, науки и литературы; отъ этихъ первыхъ факторовъ зависитъ богатство, опредѣляющее матеріяльный обликъ нравовъ; другіе факторы представляютъ гуманизирующія, культурныя, высшаго порядка вліянія, которыми обусловливается нравственный обликъ на какой бы то ни было ступени общественнаго развитія народа.

Вслѣдствіе этого можно сказать, что каждое явленіе, изображаемое въ нашихъ отдѣлахъ о нравахъ, могло бы, строго говоря, войти въ одинъ или нѣсколько отдѣловъ, на которые дѣлится сочиненіе. Если оно не есть выраженіе какого либо физическаго явленія или матеріяльной силы, то оно есть продуктъ дѣятельности какого-либо нравственнаго или духовнаго фактора образованія національнаго характера, о которомъ уже говорилось или могло говориться въ другомъ мѣстѣ. Тѣмъ не менѣе явленія, о которыхъ идетъ рѣчь, такъ многочислены, что въ большинствѣ случаевъ ихъ можно отмѣтить только въ общей сложности, не пытаясь сопоставить ихъ одно съ другимъ, или прослѣдить ихъ до ихъ первичныхъ причинъ. Для большинства изъ насъ общественное состояніе какой либо страны на какой либо ступени цивилизаціи обусловливается состояніемъ нравовъ и почти тождественно съ этимъ состояніемъ; какъ бы обстоятельно общественная исторія не изслѣдовала внутреннія явленія, способствовавшія цивилизаціи и прогрессу общества, картина не будетъ полной и не будетъ дѣйствовать на воображеніе читателя, если не будетъ отведено значительное и относительно большое мѣсто изложенію внѣшняго облика жизни націи.

I. Гражданская организація.

Наталкиваясь на каждомъ шагу на безконечное сплетеніе учрежденій, входящихъ въ составъ современнаго общества, трудно ясно представить себѣ начатки нашей англійской жизни. Какова была гражданская организація первыхъ жителей этихъ острововъ? Какое значеніе придавать этому термину? Если такой терминъ кажется черезъ чуръ отвлеченнымъ, то какъ же можемъ мы охарактеризовать то положеніе вещей и идей, какое господствовало у людей, среди которыхъ появились легіоны Цезаря, высадившіеся съ мечемъ въ рукѣ въ извѣстный день съ своихъ галеръ въ пятьдесятъ пятомъ году до Рождества Христова? Можно ли примѣнить къ нимъ терминъ гражданскаго устройства, или терминъ этотъ слишкомъ ужъ громокъ въ примѣненіи къ грубому, первобытному строю ихъ общественной жизни?

Современное изслѣдованіе не раздѣляетъ этого мнѣнія. Правда, еще недавно юному изслѣдователю этой эры нашей исторіи внушали, что люди, сопротивлявшіеся вторженію римлянъ, представляли ничто иное, какъ простую орду нагихъ варваровъ, также мало имѣющихъ

право носить названіе цивилизованнаго общества и столь же лишенныхъ его характерныхъ чертъ, какъ какіе нибудь «Черноногіе» или «Сіуксы». Образъ этихъ воющихъ, татуированныхъ дикарей исчезъ въ памяти народа. Безъ сомнѣнія еще многое остается узнать о народности, среди которой римскій завоеватель водворилъ свои знамена на зарѣ Христіанской эры; все же мы имѣемъ настолько свѣдѣній о ней, что терминъ: гражданская организація можемъ быть примѣнимъ къ способу организаціи ихъ жизни. Въ сущности, Цезарь вступилъ въ страну, подвергавшуюся и до его нашествія неоднократнымъ вторженіямъ и послѣдовательнымъ завоеваніямъ; народу этому не только не было чуждо гражданское устройство, но онъ имѣлъ даже свой политическій и общественный строй; и этотъ строй до извѣстной степени можно считать производнымъ отъ строя предшествующаго періода,—строя, отчасти усвоеннаго, а отчасти видоизмѣненнаго.

Въ раннюю пору того западнаго движенія народовъ, которое началось въ доисторическую эпоху и продолжается до нашего времени, волна не-арійскихъ переселенцевъ, малорослыхъ и смуглыхъ, двинулась на островъ. Затѣмъ съ теченіемъ времени нахлынули одно за другимъ новыя вторженія арійцевъ — гаэльскихъ и британскихъ Кельтовъ. Когда сюда явился Цезарь, смѣшанная община, образовавшаяся послѣдовательными вторженіями, носила явные слѣды историческаго соціальнаго развитія. Первобытный житель, смуглый иберіецъ, давно уже былъ покоренъ и порабощенъ явившимся вслѣдъ за нимъ высокимъ, бѣлокурымъ кельтомъ, отъ котораго покоренный иберіецъ сильно отличался по языку, характеру, образу жизни и по формѣ своихъ учрежденій. Въ общественномъ и политическомъ значеніи членъ арійскаго племени, не смотря на расовую гордость и болѣе развитое понятіе о собственности, —не общественной, а семейной—былъ низведенъ до положенія презираемаго поселянина не за долго до римскаго завоеванія. Племенной предводитель въ это время сталъ племеннымъ королемъ; ему платили дань съ свободной земли и съ общинной земли поселянъ; обѣ общины, семья и община поселянъ, очутились у него въ подданствѣ. Благодаря борьбѣ племенныхъ королей съ ея послѣдствіями: бѣгствомъ и изгнаніемъ и обращеніемъ къ римской помощи тѣхъ, кто терпѣлъ пораженіе въ борьбѣ, завоевателямъ Галліи былъ открытъ свободный доступъ для покоренія Британіи.

Народъ съ такимъ историческимъ прошлымъ несомнѣнно имѣетъ право на повѣствованіе о его гражданской организаціи. Обитатели до-римской Британіи имѣютъ еще больше правъ на такое повѣствованіе. Общественная система, возникшая на этихъ островахъ въ періодъ между первыми поселеніями западныхъ переселенцовъ и періодомъ подчиненія ихъ Риму, оставила свои неизгладимые слѣды до нашихъ дней. Подъ пылью вѣковъ обнаруживаются и теперь остатки

въ нарѣчіяхъ и преданіи, въ границахъ графствъ и округовъ, въ удивительныхъ пережиткахъ доисторической распри, въ племенныхъ дѣленіяхъ кельтской Англіи. Между тѣмъ «правленіе римлянъ забыто даже тамъ, гдѣ сохранились еще ихъ виллы и надгробные памятники».

Періодъ римскаго владычества былъ продолжителенъ; но съ точки зрѣнія нашего гражданскаго прогресса намъ приходится разсматривать эти четыре столѣтія, какъ время пріостановки развитія. Здѣсь, какъ и вездѣ, завоеватели положили глубокій отпечатокъ на страну, которую они присвоили себѣ. Римская дорога и римская вилла сохраняютъ для насъ слѣды ихъ трудовъ и ихъ роскоши; въ отрывочныхъ, но достаточно ясныхъ повѣствованіяхъ, исторія свидѣтельствуетъ объ ихъ матеріяльномъ благосостояніи, о возможности образованія и просвѣщенія въ предѣлахъ ихъ вліянія, разросшагося въ періодъ «римскаго мира». Римлянамъ никогда не удавалось въ Британіи,—да они даже никогда не пытались систематически—приняться за дѣло гражданскаго переустройства, за что принимались они во многихъ завоеванныхъ областяхъ на континентѣ. Большая часть британцевъ оставалась незатронутою цивилизаціей властителей въ своихъ политическихъ учрежденіяхъ, въ законахъ, а также въ языкѣ, религіи, нравахъ. Британія въ теченіи четырехъ сотъ лѣтняго существованія своего въ качествѣ покоренной провинціи только отвыкла и отъ тѣхъ примитивныхъ воинскихъ доблестей, какими она обладала прежде. Она не усвоила административной системы правителей и не развила въ себѣ зачатковъ способности къ самоуправленію, обнаруживаемыхъ ею въ предшествовавшемъ періодѣ. Поэтому въ исторіи развитія нашего гражданскаго устройства римское владычество съ политической точки зрѣнія составляетъ чуждый эпизодъ—отступленіе отъ главнаго повѣствованія, которое вновь продолжается по удаленіи императорскихъ легіоновъ.

Затѣмъ управленіе судьбой націи переходитъ въ другія руки, къ новымъ властителямъ, подъ владычество которыхъ подпадаетъ теперь Британія. Это владычество кладетъ на ея гражданскую жизнь свой отпечатокъ и даетъ направленіе ея общественнымъ силамъ, вліяніе его болѣе сильно, болѣе значительно, чѣмъ всѣ тѣ, какія нація переживала въ своей послѣдующей исторіи. Англійское завоеваніе Британіи положило основу англійскому общественному строю нашего времени. Явившійся затѣмъ норманскій завоеватель сдѣлалъ для нея то, чего не пытался сдѣлать или что не удалось сдѣлать римскому завоевателю. Онъ началъ строить по тѣмъ главнымъ очертаніямъ гражданскаго строя, которыя онъ засталъ во время своего пришествія,—и строилъ широко, возводя законченное зданіе по наброску саксонскаго архитектора, при чемъ главный планъ принадлежалъ ему самому. Во всякомъ случаѣ съ этого времени—отъ англійскаго завоеванія Британіи въ седьмомъ столѣтіи до конца девятнадцатаго

столѣтія, — исторія нашего общественнаго устройства есть исторія однороднаго развитія. Нѣтъ больше рѣзкихъ перерывовъ въ повѣствованіи, нѣтъ существеннаго отступленія отъ, такъ сказать, логической эволюціи «хода» разсказа. Норманская династія, Анжуйская, Тюдоры, Стюарты, содѣйствовали развитію иногда безсознательно и прибавляли главу за главой; но главныя очертанія набросаны уже съ самаго начала, развитіе идетъ постоянно и теченіе его при всѣхъ политическихъ колебаніяхъ и превратностяхъ совершается въ опредѣленномъ порядкѣ. Въ какой бы періодъ мы отъ смутнаго подчасъ теченія политической жизни не переходили къ обозрѣнію хода общественнаго прогресса, мы всюду видимъ ту же правильность безостановочнаго движенія впередъ.

II. Религія.

Другимъ важнымъ факторомъ цивилизаціи является религія. Христіанство возникло въ западной Британіи въ тотъ періодъ, когда гражданскія добродѣтели покоренныхъ кельтовъ исчезли подъ давленіемъ парализирующаго вліянія римскаго управленія; но первые лучи христіанства были, конечно, слабы и едва успѣли они проникнуть на востокъ и на югъ, какъ Римъ отозвалъ свои легіоны,—и свѣжая волна язычества вновь нахлынула на страну. Трудно съ точностью опредѣлить продолжительность эпохи, закончившейся такимъ печальнымъ образомъ. Свѣтское преданіе конкурируетъ съ религіознымъ миѳомъ въ ревностномъ, но тщетномъ усиліи назвать перваго миссіонера Британіи; исторія же, которая не можетъ даже съ точностью опредѣлить времени обращенія въ христіанство, естественно молчитъ о распространителѣ христіанства. Мы знаемъ только, что въ началѣ третьяго столѣтія въ Британіи были христіане, что для первой половины четвертаго столѣтія имѣются уже доказательства о существованіи въ этой странѣ вполнѣ организованной церкви. Вѣра распространилась медленно и къ концу римскаго владычества не проникла въ массу народа даже въ южной Британіи, и такимъ образомъ связь этихъ острововъ съ западнымъ центромъ христіанства была внезапно прервана. Завоеваніе Англіи язычниками-англами «ввело язычество», какъ картинно выражается Гринъ, «въ сердце той великой общины, въ составъ которой, включая въ нее и Ирландію, входили всѣ страны Западной Европы, кромѣ Германіи», и изъ Ирландіи, этого отдѣльнаго пункта, въ который проникъ свѣтъ христіанства, лучи послѣдняго должны были вновь освѣтить наступившій мракъ. Благодаря ревности и старанію ирландскихъ миссіонеровъ, воодушевленію, переданному ими саксонскимъ принцамъ, принявшимъ христіанство, свѣтъ вѣры, занесенный Августиномъ въ юго-восточную Британію не погасъ среди кровавыхъ распрей.

Тѣмъ не менѣе, хотя Англія обязана распространенію въ ней христіанства кельтской церкви, страна эта подчинилась главенству Рима. Два столѣтія борьбы старой вѣры съ новой закончились въ послѣдніе годы спорами побѣдителей относительно церковныхъ постановленій, которымъ они должны подчиняться.

Едва созванъ былъ соборъ для рѣшенія этого важнаго вопроса, какъ притязанія ирландской церкви были отвергнуты, а авторитетъ Рима взялъ верхъ. Пользуясь съ обычной поспѣшностью своей побѣдой, Римъ отправилъ на постъ архіепископа Кентербюри греческаго монаха Теодора изъ Тарса,—и тогда возникла церковь Англіи въ томъ видѣ, въ какомъ мы знаемъ ее теперь.

Исторія церкви въ теченіи прошедшихъ съ тѣхъ поръ двѣнадцати столѣтій является въ значительной степени въ то же время и исторіей націи, и въ продолженіи девяти или десяти столѣтій, собственно говоря, есть исторія націи. Слишкомъ смѣло было бы сказать, что періодъ ея развитія и застоя, ея процвѣтанія и неудачъ, ея великолѣпія и упадка имѣютъ соотвѣтственное отраженіе въ современной ей свѣтской исторіи. Свѣтская исторія церкви Англіи, какъ и въ большинствѣ странъ Европы, представляетъ исторію раздоровъ. Во многихъ случаяхъ она близко соприкасается съ жгучими вопросами политическихъ партій и люди противоположныхъ воззрѣній на соотвѣтствующую политику государства въ гражданскихъ вопросахъ не могли сходиться и въ своихъ взглядахъ относительно вліянія церкви на общественный прогрессъ въ извѣстные періоды ея исторіи. Правда, ихъ разногласія касались, главнымъ образомъ, политическихъ вопросовъ; несомнѣнно, что непосредственное вліяніе церкви на общество,—за исключеніемъ рѣдкихъ и кратковременныхъ періодовъ испорченности и застоя,—оказывалось слишкомъ благодѣтельнымъ, чтобы его возможно было оспаривать; тѣмъ не менѣе—и въ этомъ мы находимъ подтвержденіе той истины, на которой желательно было остановиться въ началѣ этого изложенія—невозможно настолько отдѣлить общественный организмъ отъ политическаго, чтобы возможно было въ теченіи различныхъ вѣковъ нашей исторіи отдѣлить политическую исторію церкви Англіи отъ ея вліянія на нашъ общественный строй.

Несомнѣнно, было бы простымъ педантизмомъ отнестись къ столкновенію въ двѣнадцатомъ столѣтіи между церковью и короною, между гражданской и духовной властью, какъ къ простому эпизоду нашей политической исторіи, какъ къ такому эпизоду, къ которому изслѣдователь общественной науки долженъ отнестись индифферентно или, по крайней мѣрѣ, считать его находящимся внѣ области его спеціальнаго изученія. Важность столкновенія настолько же велика съ общественной, какъ и съ политической точки зрѣнія. Не раціонально предположить, чтобы вопросъ, имѣвшій такое важное значе-

ніе въ гражданской жизни, по своимъ послѣдствіямъ имѣлъ весьма мало или никакого отношенія къ общественной исторіи. Должна ли церковь обладать юридической властью совмѣстно съ государствомъ, или независимо отъ него, путемъ захвата у него таковой власти? Должно ли государство пользоваться верховной властью? Безъ сомнѣнія, первоначально разрѣшеніе этихъ вопросовъ имѣло чистое политическое значеніе, но рѣшеніе ихъ въ значительной степени опредѣляло и направленіе развитія общественнаго организма Англіи. Ясно, что далеко не безразлично для общества, какого рода вліянія, гражданскія или духовныя, направляли его прогрессъ.

Иногда въ тѣ періоды, когда церковь Англіи то направляла свою дѣятельность на упроченіе духовныхъ привилегій или свѣтскихъ притязаній, то присоединялась къ борцамъ за права націи противъ короны, политическая сторона исторіи поглощаетъ всѣ другія стороны. Съ полной основательностью можно сказать, что въ царствованіе Іоанна и его сына и преемника политическое и общественное значеніе церкви постоянно смѣняютъ одно другое. Значеніе церкви, какъ участницы въ политической борьбѣ, никогда не было такъ значительно, какъ тогда; но вліяніе на частную жизнь и нравы застыло въ одномъ положеніи, а затѣмъ пошло на убыль. Популярность церкви, пріобрѣтенная въ борьбѣ за Хартію, не была такъ значительна, чтобы вознаградить за почти такой же значительный уронъ въ общественномъ уваженіи. Вездѣ прелаты и духовенство обнаруживали признаки свѣтскости въ нравахъ и привычкахъ. Проповѣди вышли изъ употребленія, монашескіе ордена превратились въ крупныхъ землевладѣльцевъ, невѣжественный священникъ оставлялъ паству безъ всякаго духовнаго назиданія; часто онъ совсѣмъ отсутствовалъ въ приходѣ, такъ что не соблюдалась и внѣшняя форма. Службой манкировали, и распространено было совмѣщеніе въ однѣхъ рукахъ нѣсколькихъ мѣстъ; накопились всевозможныя злоупотребленія, и тотъ пылкій интересъ, съ какимъ встрѣчены были нищенствующіе монахи, указываетъ на временную несостоятельность церкви для удовлетворенія нравственныхъ потребностей націи.

Несомнѣнно то, что эти ревностные миссіонеры много способствовали послѣдовавшему затѣмъ возрожденію религіи. Церковь, однако, поднявшись нѣсколько подъ давленіемъ ихъ энтузіазма, увлекла ихъ за собою въ своемъ разложеніи въ слѣдующій періодъ упадка. Интересно сопоставить ихъ положеніе въ первой четверти тринадцатаго столѣтія съ ихъ положеніемъ во второй половинѣ четырнадцатаго столѣтія, сравнить то время, когда къ нищенствующимъ монахамъ стекались тысячи послѣдователей, полныхъ религіознаго рвенія, со временемъ, наступившимъ спустя не болѣе столѣтія, когда Виклифъ, при всеобщемъ одобреніи, называлъ этихъ монаховъ «гру-

быми нищими» и заявлялъ, «что тотъ, кто подастъ милостыю нищенствующему монаху, *ipso facto* отлученъ отъ церкви».

Эти слова произносилъ человѣкъ, который не ограничивался однимъ обличеніемъ. Въ борьбѣ лоллардовъ, съ момента возникновенія движенія при Виклифѣ и вплоть до окончательнаго подавленія движенія тридцать лѣтъ спустя послѣ его смерти, мы видимъ предъ собою проявленіе того возрождающаго принципа въ лонѣ церкви, которымъ она обновлялась и который она хранила изъ вѣка въ вѣкъ, пока вполнѣ очищенная и совершенно обновленная великимъ движеніемъ Реформаціи, она заняла, наконецъ, положеніе руководительницы нравственнаго и духовнаго прогресса народа, каковою она и была всегда, за исключеніемъ сравнительно краткаго періода послѣдняго столѣтія.

Для изслѣдователя общественной исторіи, главнымъ образомъ, представляютъ глубокій интересъ церковь и религія націй въ этотъ замѣчательный критическій моментъ въ судьбѣ Европы. Англіи, какъ и всякой другой европейской странѣ, пришлось въ интересахъ будущаго гражданскаго общества дѣлать выборъ между старою или новою вѣрой. Послѣдствія этого выбора отразились въ Англіи болѣе широко и глубоко, чѣмъ на континентѣ, они распространены нами по всему земному шару. Существуетъ форма цивилизаціи, соотвѣтствующая духу католицизма и характернымъ племеннымъ особенностямъ націй, на которыя католицизмъ и оказываетъ значительное воздѣйствіе; когда люди разошлись по разнымъ дорогамъ, эти націи избрали себѣ дорогу въ Римъ. Настоящее сочиненіе не ставитъ себѣ цѣлью и не занимается сопоставленіемъ, насколько эта форма цивилизаціи благопріятна или неблагопріятна сравнительно съ формой цивилизаціи, процвѣтавшей и развивавшейся въ странѣ, гдѣ распространилась протестантская форма христіанской вѣры. Достаточно отмѣтить, что эти двѣ формы существенно отличны одна отъ другой, что каждая изъ нихъ способствуетъ развитію совершенно отличныхъ нравственныхъ и интеллектуальныхъ качествъ и что тотъ народъ, который окончательно избираетъ для себя одну изъ этихъ формъ, совершаетъ свой путь прогресса совершенно инымъ образомъ и по иной дорогѣ, чѣмъ народъ, избравшій другую изъ этихъ формъ. Поэтому столкновеніе, происшедшее во время реформаціи, имѣетъ широкое общественное, политическое и религіозное значеніе. Вопросы, весьма далекіе отъ вопроса о количествѣ таинствъ или о полномочіяхъ св. Петра, переданныхъ папѣ и (если только возможно сопоставить матеріальные вопросы съ духовными) имѣющіе больше значенія для человѣчества, рѣшались упорной борьбой; результаты борьбы въ европейскихъ странахъ и, главнымъ образомъ, въ Англіи, весьма замѣтны для тѣхъ, кто обратитъ вниманіе на современное намъ состояніе; они выступаютъ съ такой яркостью, съ какой не могло

представить ихъ себѣ самое сильное и пылкое воображеніе великихъ дѣятелей той или другой церкви, принимавшихъ участіе въ борьбѣ.

Многозначительнымъ рѣшеніемъ шестнадцатаго столѣтія опредѣлилось все будущее теченіе нашей общественной исторіи, насколько ее обусловливали религіозныя вліянія. Реформація явилась несомнѣннымъ, хотя и не непосредственнымъ источникомъ того великаго духовнаго движенія послѣдующаго столѣтія, которое оставило глубокіе слѣды на жизни и нравахъ націи, слѣды настолько сильные, что они замѣтны и теперь, послѣ промежутка въ двѣсти пятьдесятъ лѣтъ въ нѣкоторыхъ отличительныхъ и характерныхъ чертахъ нашего народа. Безъ протестантизма не существовалъ бы пуританизмъ; безъ пуританизма англичанинъ нашего времени былъ бы инымъ, чѣмъ онъ является теперь. Не только по своимъ мыслямъ и чувствамъ, не только по своему нравственному и интеллектуальному темпераменту онъ отклонялся бы отъ существующаго теперь типа, но всѣ его планы и теорія жизни, правила индивидуальнаго поведенія, его кодексъ общественныхъ обычаевъ, его вкусы и развлеченія, его предпочтенія въ литературѣ, его отношенія къ искусству—однимъ словомъ, вся совокупность его относительнаго участія въ человѣческихъ интересахъ и человѣческихъ цѣляхъ—были бы совершенно иными, чѣмъ теперь. Собственно говоря, исторія пуританизма составляетъ часть общей исторіи религіи; послѣ возникновенія пуританскаго движенія религіозный факторъ нашего соціальнаго развитія не можетъ быть уже отожествляемъ то съ усиливавшимся, то съ ослаблявшимся вліяніемъ англійской церкви. Хотя церковь возставала противъ пуританскаго движенія и одно время подавила его, она тѣмъ не менѣе подверглась его вліянію и до сихъ поръ носитъ слѣды этого вліянія; начиная съ Веслеянскаго возрожденія и кончая Трактаріанской реакціей, въ теченіе цѣлаго столѣтія церковь всей своей жизненной энергіей обязана пуританскому духу. Духъ этотъ возникъ въ шестнадцатомъ столѣтіи среди самого многочисленнаго, воздержаннаго и въ общемъ самаго консервативнаго класса англичанъ; онъ возродился вновь въ семнадцатомъ столѣтіи въ среднемъ классѣ — классѣ, являющемся типичнымъ представителемъ народа для иностранцевъ и даже, судя по народнымъ воззрѣніямъ и по нѣкоторымъ каррикатурамъ, воспроизводившимъ его, типичнымъ для англичанъ вообще, пережитки его рѣзче всего замѣтны и въ наше время. Культура и скептицизмъ, развитіе роскоши и утонченности затронули, безъ сомнѣнія, и этотъ классъ, но культурное, скептическое, утонченное и привыкшее къ роскоши меньшинство сильно преувеличиваетъ ту степень, въ какой этотъ классъ затронутъ ими. Преувеличеніе вводитъ въ заблужденіе тѣмъ сильнѣе, что классы, освободившіеся отъ вліянія пуританизма, настолько же непропорціонально пользуются правомъ голоса, насколько сравнительно немногочисленны; а классы, въ кото-

рыхъ и по нынѣ сохраняется вліяніе пуританизма, представляютъ собственно лишенную голоса толпу. Безпристрастный изслѣдователь національнаго характера безпрестанно наталкивается на доказательства того, что процесъ такъ называемой «эмансипаціи» затронулъ только поверхность общества, что масса англичанъ средняго класса все еще по своимъ цѣлямъ и стремленіямъ истые духовные потомки пуританъ.

III. Наука и естествознаніе.

Духовные и интеллектуальные факторы нашего общественнаго развитія могутъ быть связаны съ факторомъ религіознымъ, хотя въ этомъ сочиненіи большей частью приходится дѣлать иное распредѣленіе и, быть можетъ, умѣстно упомянуть теперь-же, что въ послѣдующихъ главахъ мы будемъ примѣнять порядокъ предметовъ соотвѣтственно тому значенію, которое тотъ или другой изъ нихъ имѣлъ въ извѣстный періодъ, о которомъ идетъ рѣчь. Исторія науки и естествознанія идетъ параллельно съ исторіей религіи и иногда, но не всегда, по одному и тому же пути. Въ ранній періодъ нашей общественной исторіи онѣ почти сливаются. Въ то время, когда наука являлась монополіей монашескихъ орденовъ, прогрессъ ея, несомнѣнно, совершался, главнымъ образомъ, по религіозному пути. Личности, двигавшія науку, являлись въ то же время дѣятелями религіи и иногда литературы; первыя литературныя стремленія людей направлялись главнымъ образомъ на религіозныя темы, для грубаго же и неграмотнаго общества, въ которомъ онѣ проявлялись, эти стремленія въ то же время весьма естественно вели и къ первымъ научнымъ попыткамъ. Такъ Кедмонъ, одинъ изъ первыхъ саксонскихъ поэтовъ, изложилъ библію въ стихахъ; Альфредъ — переводчикъ Бэды, кладетъ основаніе не только саксонской прозѣ, но и англійской исторіи.

Судьбы науки отдѣляются отъ церкви собственно только послѣ возникновенія (и то не тотчасъ же) англійскихъ университетовъ. Академическая система по формѣ и по происхожденію была, правда, чисто церковной. Широкое значеніе, придававшееся въ средніе вѣка слову «орденъ», сосредоточило въ лонѣ духовенства весь образованный міръ. «Каковы бы ни были ихъ познанія, ученый и учитель считались клериками, свободными отъ свѣтской отвѣтственности и контроля гражданскаго суда, подчинявшимися только постановленію епископа или приговору церковныхъ судилищъ». Тѣмъ не менѣе, возникновеніе коллегій указываетъ на ослабленіе исключительно религіозныхъ пожертвованій и обнаруживаетъ новое стремленіе посвящать свое состояніе исключительно на воспитательныя, а не на чисто «благочестивыя цѣли»; въ развитіи коллегій и въ основаніи университетовъ

проявляется свѣтскій духъ, способствовавшій ихъ возникновенію; результаты вліянія этаго духа стали проявляться все чаще и чаще. Вліяніе церкви, такъ сильно поколебленное широкимъ распространеніемъ образованія, совпавшимъ съ возникновеніемъ университетовъ, было до нѣкоторой степени упрочено съ помощью нищенствующихъ монаховъ и тѣмъ новымъ верховенствомъ, какое ихъ ученіе имѣло надъ схоластической наукой академическаго преподаванія. Изъ этой же школы вышелъ Рожеръ Бэконъ, открывшій двери храма науки и обнаруживший, по крайней мѣрѣ, тѣ сокровища, изслѣдованіемъ которыхъ могли заняться будущія поколѣнія.

Великій монахъ родился однако преждевременно; вѣкъ, въ который онъ жилъ, не созрѣлъ еще для тѣхъ изученій, какія въ послѣдующія столѣтія привели къ такимъ важнымъ результатамъ. Схоластикѣ суждено было еще царить въ теченіи двухъ столѣтій. Исторія господства схоластики составитъ далеко не лишнюю главу въ исторіи нашего интеллектуальнаго прогресса. Система эта вводила неподражаемую дисциплину яснаго мышленія, сильнаго анализа, пытливой критики, пониманія и умѣнія пользоваться каждымъ орудіемъ для вооруженія человѣческаго разума. Хотя знаніе не подвигалось впередъ во время господства схоластики, за то орудія знанія были доведены ею, хотя и безсознательно, но настойчиво, до совершенства. Она явилась учителемъ людей науки. Результаты схоластики были, правда, въ то же время исключительно теологическаго или церковнаго порядка; мы открываемъ ихъ въ смѣломъ эрастіанизмѣ [1]), какъ бы охарактеризовала это направленіе въ позднѣйшее время, въ ученіи Оккама, въ реформаторской энергіи Виклефа. Все же схоластическіе методы подготовляли способности людей къ усвоенію и воспріятію тѣхъ знаній, которыя со временемъ стали для нихъ доступны.

Съ открытіемъ Новаго Свѣта взошла новая заря для человѣческаго ума. Наступила великая эпоха Возрожденія. Сначала въ Италіи, затѣмъ на всемъ континентѣ и, наконецъ, въ Англіи возрожденіе литературы возбудило человѣческіе умы къ новой усиленной дѣятельности. Возникновеніе и прогрессъ новаго научнаго движенія относится отчасти (но уже только отчасти) къ исторіи религіи. Оно много способствовало и прогрессу свѣтскаго знанія, но, главнымъ образомъ, черезъ посредство вліянія на образованіе. Основаніе школы св. Павла деканомъ Колетомъ было первымъ шагомъ образовательнаго движенія, которому предназначено было въ теченіи одого или двухъ поколѣній совершенно видоизмѣнить физіономію страны. Цѣлью основателя было соединеніе раціональной религіи съ истиннымъ знаніемъ, изъятіе изъ преподаванія схоластической логики и прочное распро-

[1]) Ученіе Thomas'a Erastus'a, жившаго въ 16-мъ столѣтіи, и его послѣдователей, отрицало власть церкви надъ ея членами. *Прим. перев.*

страненіе обѣихъ классическихъ литературъ. Греческій языкъ, какъ нововведеніе, проникъ въ школу не безъ борьбы. Не только изученіе греческаго языка проникло постепенно въ существующія школы, но примѣръ Колета былъ настолько вліятеленъ, что возникло много новыхъ учрежденій, въ которыхъ греческій языкъ сразу введенъ былъ въ программы преподаванія. Въ послѣдніе годы царствованія Генриха VIII грамматическихъ школъ основано больше, чѣмъ сколько ихъ основано было въ три предшествовавшія столѣтія. Грамматическія школы Эдуарда VI и Елизаветы продолжали движеніе и къ концу столѣтія дѣло реформы было закончено.

Вліяніе новой системы образованія не распространялось только на первоначальное и среднее образованіе, оно захватило послѣ ожесточенной борьбы оба университета и все высшее образованіе. Оксфордъ раздѣлился временно на сторонниковъ и противниковъ—на«Грековъ» и «Троянцевъ»; борьба одно время дошла до такой степени, что вызвала вмѣшательство и выговоръ короля. Торжество новаго направленія не заставило себя долго ждать въ университетахъ и школахъ. Вновь основанная коллегія въ Оксфордѣ ознаменовала свое основаніе введеніемъ преподаванія греческаго языка; позднѣе корона учредила и профессорскую кафедру по этому предмету. Дѣло завершено было основаніемъ Вольсеемъ великолѣпной коллегіи Церкви Христа.

Въ самомъ разгарѣ образовательнаго движенія въ первые годы царствованія Елизаветы родился Бэконъ.

Бэконъ, котораго вполнѣ основательно можно считать врожденнымъ философомъ, но который считалъ себя человѣкомъ науки, внесъ обширный вкладъ въ интелектуальный прогрессъ человѣчества, вкладъ совершенно иного характера, чѣмъ какимъ онъ его представлялъ себѣ. Онъ задался цѣлью положить основаніе истинному методу научнаго изслѣдованія; его задачей было развить и расширить систему, которая въ общемъ хотя и не вполнѣ научна, предвосхищаетъ, однако, поразительнымъ образомъ новѣйшіе научные методы. Онъ настаиваетъ (и вполнѣ основательно) на экспериментальномъ принципѣ, хотя самъ и не дошелъ до правильнаго пониманія экспериментальныхъ методовъ; не смотря на успѣшную разработку перваго и неудачную разработку послѣднихъ, заслугу Бэкона могутъ вполнѣ оцѣнить только тѣ, кто приметъ во вниманіе педагогическіе пріемы и предразсудки въ умственной сферѣ, съ которыми Бэкону приходилось бороться. Помимо заслугъ (великихъ, но не понятыхъ ни имъ, ни другими), которыя онъ косвенно оказалъ естественнымъ наукамъ, человѣческое знаніе очень многимъ обязано Бэкону; оно ожидало примѣненія того великаго принципа, на необходимости примѣненія котораго для обезпеченія прогресса Бэконъ настаивалъ въ естественныхъ наукахъ. Заглавіе этого отдѣла состоитъ изъ двухъ словъ, изъ которыхъ первое—наука есть родовое понятіе; второе, естествознаніе, видовое—заслуга Бэкона имѣетъ

болѣе важное значеніе для всей науки вообще, а не только въ узкомъ ея значеніи для естествознанія.

По мѣрѣ того, какъ мы приближаемся къ семнадцатому столѣтію, горизонтъ знанія необычайно расширяется, принимая во вниманіе результаты дедуктивнаго мышленія, индуктивнаго изслѣдованія и критики древнихъ памятниковъ. Старые методы изслѣдованія разрабатываются самымъ плодотворнымъ образомъ, литературное образованіе, создавая новыя силы, расширяетъ границы учености; возникаютъ новыя экспериментальныя науки; самая старѣйшая изъ дедуктивныхъ наукъ достигаетъ высшаго успѣха въ рукахъ самого знаменитаго изъ ея изслѣдователей. Наступаетъ вѣкъ Гарвея, Сиденгама, Бейля, Жильберта, Локка, Гоббса и, наконецъ, вѣкъ Исаака Ньютона. Основывается Королевское Общество, въ числѣ президентовъ котораго былъ величайшій астрономъ всѣхъ временъ. Къ концу семнадцатаго вѣка физіономія интеллектуальнаго міра совершенно измѣнилась. Наука, на которую презрительно смотритъ Свифтъ въ началѣ слѣдующаго столѣтія и которую въ «Гулливерѣ» онъ осыпаетъ непочтительными насмѣшками; философія, надъ которой онъ смѣется въ своемъ «Путешествіи въ Лапуту» и ученость, которую онъ такъ смѣло задѣваетъ въ своей «Битвѣ книгъ», носятъ уже другой характеръ, чѣмъ тотъ, съ какимъ они представлялись взорамъ наблюдателя начала царствованія Іакова II. Философія и наука носятъ неизгладимые слѣды трудовъ Локка и Ньютона; не будь Бентлея, ученость не достигла бы той ступени развитія, до которой дошла она въ то время въ Англіи.

Въ первой половинѣ слѣдующаго столѣтія прогрессъ въ естествознаніи нѣсколько замедляется, но вновь идетъ быстрѣе къ концу столѣтія. Наступилъ вѣкъ, когда сдѣлано было больше научныхъ открытій, чѣмъ въ теченіи безконечныхъ цикловъ, прошедшихъ со времени разсвѣта просвѣщенія человѣчества, когда медленно накоплялось сомнительное знаніе.

Мы уже выше сказали, что начало восемнадцатаго вѣка замѣчательно болѣе, какъ эра въ исторіи нашей національной литературы, чѣмъ какъ эра научнаго прогресса. Во второй половинѣ сдѣланы научныя изысканія и механическія изобрѣтенія въ примѣненіи къ промышленности, и изобрѣтенія эти слѣдуетъ отнести къ экономическому отдѣлу нашего изслѣдованія. Тѣмъ не менѣе не заброшена была и чистая наука въ ея главныхъ отрасляхъ. Гершель въ астрономіи, Гёнтеръ въ анатоміи и физіологіи, Блэкъ, Кавендишъ, Пристлей въ химіи—имена памятныя и почетныя въ лѣтописяхъ британской науки; каждое изъ этихъ именъ напоминаетъ намъ о какомъ либо важномъ пріобрѣтеніи въ новой неизслѣдованной области. Помимо всего этого, періодъ этотъ навсегда останется памятнымъ, такъ какъ тогда появилось великое сочиненіе Адама Смита, положившее начало новой

наукѣ и хотя послѣдователи Адама Смита не довели этой науки до неопровержимыхъ и приложимыхъ для всего міра выводовъ, какъ этого когда-то ждали, все же ни одно произведеніе человѣческаго ума не способствовало въ такой степени человѣческому счастью и благосостоянію въ теченіи ста двадцати лѣтъ, протекшихъ съ того времени, когда обнародована была его книга: «Богатство Народовъ».

Начало и первые годы девятнадцатаго столѣтія застали насъ еще въ отчаянной борьбѣ съ Наполеономъ; и хотя (какъ это бываетъ у всякой націи, не теряющей жизненности) въ теченіи всего періода продолжалось постоянное, хотя и не быстрое, расширеніе области знанія, но только къ половинѣ столѣтія научное движеніе, занимавшее второстепенное мѣсто въ теченіи долгой борьбы, впервые развернуло всѣ свои силы. Примѣненіе пара къ движенію на сушѣ началось въ четвертомъ десятилѣтіи столѣтія; только въ пятомъ—желѣзныя дороги цѣлою сѣтью покрыли землю. Электрическій телеграфъ изобрѣтенъ почти около того же времени, хотя примѣненіе его въ жизни совершалось гораздо медленнѣе, чѣмъ примѣненіе пара. Въ пятидесятыхъ годахъ научное движеніе стало прогрессировать уже постоянно и достигло поразительныхъ результатовъ. Въ особенности замѣчательны успѣхи науки въ области естествознанія и преимущественно въ области электричества. Примѣненіе этой силы къ тремъ цѣлямъ: для передачи звука, освѣщенія и движенія, представляютъ три совершенно новыхъ приложенія электричества, возникшихъ въ послѣдней четверти или даже вѣрнѣе въ послѣдніе двадцать лѣтъ истекающаго столѣтія. Всѣ эти изобрѣтенія далеко еще не исчерпаны, и въ этой области остается еще широкое поле для дѣятельности; трудно даже предвидѣть, къ чему еще будетъ приспособлена эта сила Протея.

Наша страна не только прославилась развитіемъ и значеніемъ прикладныхъ наукъ въ настоящемъ и предшествовавшемъ поколѣніяхъ. Наши успѣхи были удивительны не только въ этой области, и не только въ ней для человѣческаго ума сдѣланы пріобрѣтенія, имѣвшія самое важное и рѣшительное вліяніе на судьбы народа. Въ то время, какъ открытія людей науки примѣнялись и приспособлялись инженерами и измѣняли внѣшній видъ Англіи, великое твореніе Дарвина произвело огромный переворотъ въ человѣческомъ умѣ. Обнародованіе «Происхожденія видовъ» составило эпоху не только въ лѣтописи научныхъ изысканій, но и во всей исторіи человѣческой мысли. Оно глубоко затронуло всѣ тѣ изслѣдованія, въ которыя, въ качествѣ фактора, входитъ человѣческая натура, въ ея нравственномъ, физическомъ, интеллектуальномъ, или духовномъ проявленіи. Исторія, психологія, этика, экономическія науки,—всѣ эти знанія стали разсматриваться съ той исходной точки зрѣнія, которая намѣчена ученіемъ эволюціи. Благодаря этому ученію, можно сказать, возникла

наука сравнительной теологіи. Ученіе это впервые вводитъ,—если можно такъ выразиться — методы научнаго изслѣдованія въ исторіи религіи и религіозныхъ инстинктовъ человѣка. Повторяемъ, нельзя найти ни одной отрасли науки, которая не имѣла бы связи съ біологической наукой или не зависѣла бы въ своей разработкѣ и выводахъ отъ біологовъ и не получила бы новаго импульса и новаго направленія отъ теоріи Дарвина.

Особенно значителенъ прогрессъ во всѣхъ областяхъ естествознанія въ послѣдніе пятьдесятъ лѣтъ. Безъ преувеличенія можно сказать, что во всѣхъ областяхъ научнаго изслѣдованія, не только въ собственно естественныхъ наукахъ, но всюду, гдѣ затрогиваются вопросы человѣческаго существованія, а не только вопросы о сущности и законахъ внѣшней природы, напримѣръ въ химіи, служащей соединительнымъ звеномъ между біологій и физіологій, въ послѣдній періодъ сдѣланы были открытія весьма важныя, часто производящія полный переворотъ въ наукѣ. Химія развилась до самыхъ тончайшихъ изслѣдованій; физіологія значительно расширила свою область и провѣрила свои выводы съ помощью микроскопическихъ изысканій, хирургія сдѣлала широкіе успѣхи благодаря примѣненію антисентическихъ средствъ и другихъ открытій, терапевтика и гигіена достигли изумительныхъ успѣховъ, немыслимыхъ до того времени; онѣ вступили въ область прогресса, недоступную для нихъ до возникновенія и примѣненія бактеорологіи. Еще замѣчательнѣе прогрессъ, достигнутый въ отрасляхъ знанія, не связанныхъ непосредственно съ физической природой человѣка—или связаннымъ съ нимъ лишь постольку, поскольку съ нимъ связаны всѣ орудія человѣческаго просвѣщенія. Изслѣдованы всѣ великія космическія силы—теплота, свѣтъ, магнетизмъ и электричество; гипотеза о дѣйствіи этихъ силъ внѣ предѣловъ, доступнымъ внѣшнимъ чувствамъ, обоснована съ большей основательностью, чѣмъ прежде. Высшимъ же торжествомъ науки былъ всеобъемлющій и руководящій законъ «Сохраненія силы», связавшій въ одно цѣлое всѣ естественныя науки и образовавшій изъ нихъ въ сущности одну науку.

IV. Литература.

Изложеніе исторіи англійской литературы удовлетворительнымъ образомъ въ этомъ предварительномъ очеркѣ представляется еще болѣе трудной задачей, чѣмъ изложеніе краткаго очерка науки и естествознанія. Въ самомъ начальномъ моментѣ возникновенія литературы, въ ея первыхъ зачаткахъ, факторы, способствовавшія развитію, многочисленны; причины, обусловливавшія ея движеніе въ томъ или иномъ направленіи неясны въ своемъ происхожденіи, и

неуловимы по своему воздѣйствію. Исторія литературы есть одновременно исторія мысли и исторія языка, а не только исторія мысли, какова религія или наука и философія, а вслѣдствіе этого и поле наблюденія значительно расширяется. Такой обширный предметъ приходится упрощать. Чтобы составить предварительный обзоръ на этихъ страницахъ, приходится по необходимости слѣдовать одному изъ двухъ типовъ изложенія: ограничиться сжатымъ обзоромъ, который всегда грозитъ перейти (а часто и переходитъ) въ простой каталогъ именъ и чиселъ, или удовольствоваться только указаніемъ великихъ «періодовъ» исторіи англійской литературы и великихъ эпохъ развитія.

Въ такомъ краткомъ очеркѣ, какъ нашъ, возможно только бѣгло обозрѣть длинную и интересную эру литературнаго развитія, обнимающую, говоря вообще, время отъ седьмаго до четырнадцатаго столѣтія. Во второй главѣ этого тома будутъ разсмотрѣны довольно подробно исторія древней англійской поэзіи, въ лирической формѣ, начиная съ Кедмона, или въ грубой варварской формѣ эпоса Беовульфа, какъ въ первыхъ образчикахъ поэзіи; развитіе древней англійской прозы, съ самого начала въ англо-саксонской хроникѣ, до застоя, наступившаго въ ея развитіи въ одинадцатомъ столѣтіи. Затѣмъ мы должны обратить вниманіе на критическій періодъ въ судьбахъ языка и его литературы, наступившій со времени Норманскаго завоеванія и продолжавшійся и послѣ вступленія на престолъ Анжуйской династіи—періодъ, когда при дворѣ французскій и латинскій языки изгнали нашу рѣчь и литературу, которыя, однако, сохранились въ народѣ, что служитъ доказательствомъ той несокрушимой жизненности, благодаря которой онѣ снова взяли верхъ. Мы не можемъ останавливаться на этой эрѣ и на самомъ знаменитомъ ея произведеніи «Брутъ» Ляйямона, памятникѣ необыкновеной жизненности нашего языка; въ этомъ сочиненіи, написанномъ почти полтора столѣтія послѣ завоеванія, на тридцать тысячъ строкъ приходится только пятьдесятъ словъ на языкѣ завоевателя. Намъ приходится умолчать и о слѣдующихъ вѣкахъ, когда борьба двухъ языковъ закончилась окончательнымъ торжествомъ роднаго языка и на сцену является Чосеръ, не только для того, чтобы пожать плоды побѣды, но и для того, чтобы соединить побѣдителя и побѣжденнаго и выработать уцѣлѣвшіе остатки нормано-французскаго языка въ тотъ коренной чисто-англійскій языкъ, изъ котораго и возникаютъ перлы его поэзіи. Поэмы Чосера представляютъ крупный интересъ не только для критика, но и для филолога, такъ какъ онѣ служатъ неизгладимымъ памятникомъ состоянія письменнаго языка въ памятную переходную эпоху. Самъ поэтъ не только отмѣчалъ переходную эпоху, но, весьма вѣроятно, и самъ способствовалъ переходному процессу. Во всѣ вѣка нововведенія являлись прерогати-

вами великаго литературнаго генія. Свѣтское, оффиціозное и дипломатическое воспитаніе Чосера дало ему возможность понять силу и прелесть словъ и оборотовъ нормано-французскаго языка, и у него явилось желаніе обогатить и усилить ими англійскій языкъ его стиха. Конечно, прибавленія эти не были значительны по объему. Совершенно нелѣпо съ точки зрѣнія здраваго смысла старое мнѣніе писателей семнадцатаго вѣка о томъ, что Чосеръ,—когда онъ писалъ на англійскомъ языкѣ объ обыденныхъ англійскихъ вещахъ и создавалъ произведенія, доставившія ему славу популярнѣйшаго писателя его времени и его родины,—все же исказилъ и испортилъ англійскіе обороты языка прибавкою французскихъ словъ. Несомнѣнно, что масса словъ (количество ихъ, соотвѣтственно съ цѣлымъ произведеніемъ, незначительно) тогда уже вошла въ рѣчь націи и поэтъ только ввелъ ихъ въ литературу.

Чосеръ имѣетъ значеніе не для одной англійской филологіи, но для литературы и даже для всемірной литературы. Каковы бы ни были лингвистическія особенности внѣшней формы его поэзіи, если бы даже эта форма и немногому научила насъ относительно исторіи развитія нашего языка,—хотя въ сущности, она научаетъ насъ многому—значеніе этой поэзіи въ исторіи нашей цивилизаціи остается несомнѣннымъ и важнымъ. Мы находимъ неподражаемыя поэтическія достоинства, много чувства и выразительности, грацію и веселость поэта, его юморъ и паѳосъ, его способность драмматически изображать характеры, всеобщность его симпатій,—все то, чего мы не встрѣчаемъ въ литературѣ до появленія Шекспира. Его прекрасное широкое артистическое изображеніе человѣческихъ типовъ, свѣжесть въ представленіи ландшафта, ясная, солнечная атмосфера, сквозь которую онъ смотритъ на природу и человѣка, вотъ что поставило отца англійской поэзіи въ ряды великихъ міровыхъ поэтовъ. Благодаря всѣмъ этимъ достоинствамъ толпа пилигриммовъ, двинувшихся изъ Саутуарка для посѣщенія мощей Св. Ѳомы въ Кентербюри въ одинъ апрѣльскій день приблизительно въ 1383 году возстаетъ такъ живо передъ нами, что при изученіи этого произведенія изслѣдователь невольно стремится опредѣлить точную дату отправки пилигриммовъ и время и мѣсто ихъ остановокъ. Образы, созданные воображеніемъ поэта, являются для насъ реальными; передъ нами проходитъ и всегда будетъ проходить панорама образовъ прошлаго; рыцарь и сквайръ, клеркъ и землевладѣлецъ, старшина и мельникъ, продавецъ индульгенцій и педель, игуменья и монахиня, многократно вдовѣвшая женщина,—всѣ эти веселые и безсмертные образы проходятъ въ нашемъ воображеніи, какъ вакхическая процессія на изваяніи Фидія.

Чосеръ блеснулъ въ литературѣ ненадолго, какъ Виклифъ въ религіи; затѣмъ вновь наступило господство мрака. Приходится вновь

пропустить мрачный періодъ, наполненный войною съ Франціей и послѣдовавшими за нею междоусобіями въ Англіи; мы не находимъ ничего, на чемъ могли бы остановить свое вниманіе, пока не дохо димъ до великой эпохи разсвѣта, наступавшаго въ Англіи и во всей Западной Европѣ вмѣстѣ съ возрожденіемъ литературы, изобрѣтеніемъ книгопечатанія и открытіемъ Новаго Свѣта.

Исторія слѣдующаго столѣтія является, въ сущности, исторіей литературы. Англія медленнѣе другихъ странъ поддалась вліянію Возрожденія, но и на ней, наконецъ, отразилось его магическое вліяніе. Въ англійскую культуру вошли сначала поэты средневѣковой Италіи, а затѣмъ греческіе и латинскіе классики. Переводы Тассо и Аріосто указывали на новый интересъ англичанъ къ обѣтованной странѣ интеллектуальнаго свѣта; за ними послѣдовали переложенія замѣчательныхъ сочиненій классической древности, и еще до истеченія шестнадцатаго столѣтія великіе поэты и историки Греціи и Рима стали доступны англичанамъ на ихъ родномъ языкѣ. Настало также и время пробужденія родной музы. Въ поэмахъ Уайтта и Сюррея и ихъ современниковъ мы находимъ не только признаки новой мысли и творчества, но и начало новой выработки стихотворной формы, достигшемъ высшаго своего проявленія въ «Королевѣ Фей». Англійская проза стала вырабатывать свою теперешнюю форму конструкціи въ произведеніяхъ Ашама и Гукера, а Сидней, хотя и ощупью и не всегда удачно, сталъ заимствовать у риторики горячность, и яркость красокъ у поэзіи. Наконецъ «Morality» и мистеріи періода первыхъ Тюдоровъ создали славу всемірной литературы, драму вѣка Елизаветы. Драма пролила свѣтъ на пониманіе человѣка и природы, Марло положилъ ей начало и она достигла своего зенита въ Шекспирѣ.

Семнадцатое столѣтіе смѣнило шестнадцатое. Пѣснь постепенно смолкаетъ. Огонь драматическаго генія горитъ все слабѣе, слабѣе и тухнетъ, уже болѣе не загораясь, лишь изрѣдка вспыхивая слабымъ пламенемъ въ теченіи многихъ вѣковъ, прошедшихъ съ тѣхъ поръ. Тѣмъ не менѣе англійская литература продолжаетъ развиваться и проявляется въ сильныхъ стихахъ и прекрасной прозѣ въ сочиненіяхъ Мильтона и Драйдена, Бэкона и Іеремія Тайлора, Броуна, Гоббса и Кларендона. Даже комедія временъ Реставраціи, нравственно испорченная и подражательная по формѣ, способствуетъ литературному движенію; Конгривъ обладаетъ высокими литературными достоинствами, Ванбругъ отличается меньшими достоинствами. Конгривъ первый научилъ англійскаго писателя, какъ можно умѣло пользоваться эпиграммой въ прозаическихъ сочиненіяхъ, хотя онъ и подражаетъ французской эпиграммѣ, но по самому духу языка не можемъ превзойти ее. Заслуги Драйдена во всѣхъ областяхъ англійской литературы неоцѣнимы. Онъ не только довелъ до

стройности и правильности строфы героической поэмы, но и оставилъ образцы болѣе гибкой и изящной прозы, чѣмъ тѣ образцы, которые онъ засталъ. Его можно считать отцомъ новѣйшей критики по стилю и по сюжету его литературныхъ разсужденій. Семнадцатое столѣтіе находитъ въ немъ своего настоящаго представителя, какъ въ прозѣ, такъ и въ стихахъ; его наслѣдство, по его смерти, перешло въ столько же рукъ, во сколько перешла имперія Александра. Не прошло и двѣнадцати лѣтъ послѣ его смерти, какъ скипетръ поэзіи такъ же прочно пребывалъ въ рукахъ Попа, какъ прежде въ рукахъ Драйдона; въ прозѣ славу его унаслѣдовали многіе писатели, изъ которыхъ самыми замѣчательными были Свифтъ и Аддисонъ.

Равномѣрнѣе развивалась вторая половина завѣщаннаго имъ наслѣдія, которая въ концѣ концовъ оказалась не менѣе блестящей, чѣмъ первая половина. Англійская проза, получившая отъ Свифта силу выраженія, а изящество и чистоту отъ Аддисона, дошла до нашихъ дней безъ перерывовъ упадка и регресса и проявилась въ высшемъ развитіи и чистотѣ въ твореніяхъ извѣстныхъ романистовъ, у Фильдинга и Ричардсона, даже у небрежнаго Скотта, и отъ Скотта перешла къ Диккенсу, Теккерею и Джоржъ Эліотъ. Мы находимъ доведенную до совершенства прозу у каждаго изъ историковъ, начиная съ Юма и Гиббона и кончая Маколеемъ и Фроудомъ; у каждаго критика и эссеиста, отъ Джонсона и Гольдсмита до Соутсея и Лэндора, Лэмба и Газлитта, и до Рэскина и Карлейля. Англійская поэзія съ другой стороны, доведенная до высшей технической обработки Попомъ, съ нѣкоторымъ ущербомъ въ искренности чувства, перешла въ рукахъ безчисленныхъ подражателей въ безжизненное искусство; при таковомъ ея состояніи Грей и Куперъ—хотя и истинные поэты,—были только предшественниками ея возрожденія. Только у порога девятнадцатаго столѣтія мы видимъ новый процессъ развитія поэзіи, менѣе дѣйствительный по непосредственному вліянію, но по литературному значенію напоминавшій періодъ вѣка Елизаветы; процессъ этотъ обладалъ большей жизненностью и не изсякъ еще и до нашаго времени. Появленіе Лирическихъ Балладъ въ 1788 г. было побѣдныхъ призывомъ новаго поэтическаго духа, частью романтическаго, частью мистическаго, частью натуралистическаго. Это тройное вліяніе отразилось, начиная съ Колльриджа и Шелли, Китса и Уорсворта, и кончая Свинбэрномъ и Уилльямомъ Моррисомъ съ одной стороны, и Матью Арнольдомъ и его школою съ другой стороны и проявилось какъ въ высшей точкѣ вдохновенія въ поэтическомъ творчествѣ Теннисона, въ которомъ слились во-едино всѣ три составные элементы.

V. Искусство.

Изслѣдователю исторіи англійскаго искусства не приходится имѣть дѣла съ такимъ разнообразіемъ формъ, какъ изслѣдователю искусства въ Италіи и даже въ другихъ менѣе знаменитыхъ въ артистическомъ отношеніи странахъ континента: Англія дала много произведеній искусства, но въ ея лѣтописяхъ мы не встрѣчаемъ такого періода, въ который искусство это достигало бы разнообразнаго своего проявленія. Можно даже утверждать съ полною достовѣрностью, что до сравнительно недавняго періода искусство проявлялось въ немъ только въ одной отрасли. Живопись и скульптура успѣли уже всюду создать себѣ длинную и славную исторію въ тотъ моментъ, когда мы впервые встрѣчаемъ имя природнаго англичанина, котораго можно бы поставить на ряду съ иностранными художниками въ этихъ отрасляхъ искусства. Даже дуновеніе Возрожденія, пронесшееся по всѣмъ другимъ странамъ, какъ вихрь воскрешенія, по зову Езекіиля пронесшійся по долинѣ смерти, не пробудило новой артистической жизни въ Англіи. Прошли столѣтія,—и даже та великая отрасль искусства, въ которой англичане достигли совершенства, пришла въ упадокъ и, наконецъ, вымерла, прежде чѣмъ возникла англійская школа живописи. Къ счастью для насъ, вышеупомянутая отрасль выдѣляется среди другихъ по прочности своихъ твореній и сохранились еще величественные памятники, свидѣтельствующіе о силѣ и благородствѣ англійской архитектуры.

Хотя исторія нашего искусства въ ея самыхъ главныхъ и замѣчательныхъ отрасляхъ и не проявляетъ, такъ сказать, широкихъ развѣтленій, все же, если мы соединимъ главныя и второстепенныя формы искусства, обозрѣніе ея полнаго развитія значительно расширится и пріобрѣтетъ большое значеніе въ общей исторіи прогресса нашей цивилизаціи. На страницахъ, посвящаемыхъ искусству, мы попытаемся прослѣдить его постоянное развитіе, начиная съ самаго отдаленнаго прошлаго. Мы укажемъ, какъ искусство рисунка началось до начала исторіи, какъ первыя понятія объ архитектурномъ величіи возникли у доисторическихъ строителей. Мы покажемъ, какъ римскій завоеватель нашелъ возможность украшать свое мѣсто ссылки произведеніемъ британскихъ ремесленниковъ; какъ его грубый преемникъ по завоеванію выработался въ трудолюбиваго иллюминатора и самого искуснаго вышивальщика. Мы отмѣтимъ иниціаторское значеніе англійскаго ткацкаго станка за пять столѣтій до того времени, когда французъ или фламандецъ принялись обучать насъ болѣе совершенному способу и за тысячу лѣтъ до появленія перваго веретена въ Манчестерѣ. Позднѣе мы отмѣтимъ, какъ съ нашествіемъ норманновъ англійскій бургъ уступилъ мѣсто неприступному замку,

и какъ непрочныя деревянныя церкви саксонцевъ были замѣнены каменными норманскими зданіями, построенными на вѣчныя времена, и какъ затѣмъ рѣзьба и украшенія въ обиліи покрыли церкви временъ Ансельма и Ланфранка. Мы прослѣдимъ возникновеніе, упадокъ и гибель готической архитектуры; ея возникновеніе при первыхъ Анжуйскихъ короляхъ; граціозность ея во время расцвѣта при Ричардѣ, Іоаннѣ и Генрихѣ; пышныя украшенія при Эдуардѣ; серьезную осеннюю красоту при его преемникахъ; жаркое лѣто и окончательное исчезновеніе при Тюдорахъ.

Въ нашемъ обзорѣ развитія свѣтской архитектуры мы отмѣтимъ развитіе подобныхъ, но не параллельныхъ чертъ. Массивный норманскій замокъ, — печать, положенная вездѣ Вильгельмомъ на свои завоеванія, — съ внѣшней стороны мало обѣщалъ въ прогрессивномъ отношеніи. Однако, уже эти стѣны, смоченныя слезами и потомъ побѣжденныхъ, свидѣтельствуютъ о матеріяльной цивилизаціи. Новые образцы вводятся въ постройку крѣпости и башни. Укрѣпленный замокъ становится больше и удобнѣе; позднѣе мы уже видимъ стремленіе къ комфорту и, наконецъ, доходятъ почти до роскоши. Замокъ лорда вступаетъ съ нимъ въ соревнованіе, — и вступаетъ весьма успѣшно, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда по требованію военной дисциплины замокъ долженъ служить организованнымъ правительственнымъ укрѣпленіемъ. Позднѣе мы видимъ, какъ, сохраняя прежній грозный внѣшній видъ, замокъ внутри становится весьма подходящей резиденціей для цивилизованнаго человѣка. Наконецъ, форма замка исчезаетъ, и дома англійской знати обнаруживаютъ свое военное происхожденіе только нѣкоторой военной своей величественностью. Затѣмъ возрожденіе производитъ перемѣну въ прежней архитектурѣ, хотя мы должны признаться, что сравнительно съ церковной архитектурой новое вліяніе мало отразилось на нашей свѣтской архитектурѣ.

Живопись, повидимому, вездѣ (за исключеніемъ развѣ Египта) являлась спутницей какаго-либо другаго искусства. Въ Англіи она явилась спутницей — и весьма скромной спутницей — архитектуры. Англія, однако, не была единственной въ этомъ отношеніи; у насъ нѣтъ доказательствъ тому, чтобы въ младенческомъ періодѣ искусства живописцы фрескъ Іорка или Кентербюри стояли ниже живописцовъ Тосканы и Романьи. Хотя англичане настолько же отставали отъ итальянцевъ, насколько отставали отъ нихъ и художники Франціи и Фландріи, но въ то время, когда въ послѣднихъ странахъ наступила лишь пріостановка въ развитіи, въ Англіи живопись замерла совсѣмъ. Художественный геній въ болѣе благопріятствуемыхъ странахъ хотя и дремалъ, но сохранялъ живучесть, здѣсь же погибъ совершенно. Продолжительная и истощающая война съ Франціей, междоусобія Іоркской и Ланкастерской линій были не только

неблагопріятны для жатвы произведеній искусства, но они, очевидно, истощили и самую почву. Живопись, какъ христіанство, вторично введена была въ Англію.

Скульптура, хотя и играетъ роль Сандрильоны въ нашемъ національномъ искусствѣ, находилась въ лучшихъ условіяхъ; быть можетъ потому, что входила интегральной частью и составляла почти отрасль архитектуры. Кромѣ того, это была единственная форма художественнаго проявленія, въ какой англичане въ раннюю эпоху выразили то, что на современномъ языкѣ называется «вкусъ къ украшенію». Читатель можетъ прослѣдить на этихъ страницахъ какъ сильно развито было у готическихъ каменьщиковъ искусство украшенія верхушекъ колоннъ и орнаментъ, какое большое значеніе пріобрѣла надгробная скульптура (включая фигуры изъ камня и бронзы) въ самый мрачный вѣкъ архитектуры, и какъ она никогда болѣе и не теряла этого значенія впослѣдствіи.

Живопись занесена была при Тюдорахъ изъ чужихъ странъ и сохранила всѣ свойства тепличнаго растенія. Она не пустила корней въ нашей холодной почвѣ. Знаменитые живописцы, привлеченные изъ Италіи, Швейцаріи и Нидерландъ приманкой обогащенія при дворахъ Тюдоровъ и Стюартовъ, имѣли, конечно, учениковъ и подражателей, но ни они, ни ихъ ученики не создали школы, не оставили традицій. Какъ бы слабо и незначительно не было ихъ вліяніе, но намъ придется кратко упомянуть о дѣятельности въ Англіи этихъ чужеземцевъ и объ ихъ сравнительно неизвѣстныхъ соревнователяхъ на этомъ поприщѣ изъ среды англичанъ. Ихъ было немного и врядъ ли кто изъ нихъ достигъ выдающагося успѣха. Нѣсколько хорошихъ миніатюристовъ въ шестнадцатомъ столѣтіи, одинъ великій англійскій портретистъ и одинъ шотландскій въ семнадцатомъ столѣтіи много обѣщали въ будущемъ, но обѣщанію этому не суждено было осуществиться. Недостатокъ общественной оцѣнки, смуты гражданскихъ войнъ, подчиненіе Франціи, и больше всего подавляющее вліяніе протестантизма въ предыдущемъ столѣтіи и квинтэссенціи его—пуританизмъ въ послѣдующемъ столѣтіи, все это объясняетъ неуспѣхъ живописи; однимъ изъ побочныхъ обстоятельствъ была также преждевременная смерть талантливыхъ художниковъ. Исторія искусства несомнѣнно интересна, столь же интересна, какъ исторія національнаго развитія. Эпоха искусства, какъ фазы этого развитія, наступила позднѣе.

Послѣдовательная исторія англійскаго искусства должна естественно начинаться Гогартомъ. Въ теченіи его жизни родились всѣ наши великіе художники, изъ которыхъ послѣдній жилъ еще до второй четверти настоящаго столѣтія. Мы постараемся, хотя и кратко, очертить ихъ блестящую дѣятельность и указать также и ихъ неудачи. Мы должны будемъ также отмѣтить то странное явленіе, характер-

ное для англійскихъ стремленій въ искусствѣ, что наши побѣды въ послѣднемъ, какъ и въ войнѣ, могутъ считаться скорѣе «побѣдами солдатъ»; каждый совершалъ въ отдѣльности то, что онъ считалъ нужнымъ. Это примѣнимо не только къ художникамъ этого вѣка, но и къ ихъ послѣдователямъ и къ художникамъ настоящаго времени. Были, конечно, стремленія къ опредѣленнымъ цѣлямъ и къ однородному художественному идеалу. Это стремленіе и теперь существуетъ, хотя оно и утратило свою непосредственную жизненность. Но тутъ мы вступаемъ въ область настоящаго, и должны поэтому тутъ закончить нашъ обзоръ англійскаго искусства.

VI. Торговля и промышленность.

Закончивъ обзоръ нравственныхъ, интеллектуальныхъ и духовныхъ факторовъ нашей современной цивилизаціи, мы должны теперь обратить вниманіе и на физическихъ двигателей, способствовавшихъ ея развитію. Мы должны шагъ за шагомъ, со ступени на ступень прослѣдить въ этихъ томахъ прогрессъ нашего матеріяльнаго благосостоянія. Мы должны отмѣтить послѣдовательную утилизацію различныхъ источниковъ богатства; развитіе соотвѣтственныхъ способовъ обработки, — неудачную судьбу нашего земледѣлія, возникновеніе и развитіе, столь значительное въ позднѣйшихъ стадіяхъ, нашей мануфактурной промышленности, прогрессивное развитіе до настоящихъ удивительныхъ размѣровъ нашей внѣшней торговли. Намъ придется вслѣдствіе этого иногда слѣдить періодъ за періодомъ за физическимъ благосостояніемъ массы англійскаго народа, указать на воздѣйствіе естественныхъ и искусственныхъ причинъ, на велѣнія Господа или повелѣнія человѣка, на законы, въ прямомъ значеніи этого слова и въ фигуральномъ его значеніи, употребляемомъ экономистами, на вліяніе войны, чумы, голода, уменьшавшихъ населеніе, останавливавшихъ производство и измѣнявшихъ промышленность, и наконецъ, указать на самыя важныя и вліятельныя причины, — на примѣненіе къ производству изобрѣтательной способности человѣка, направлявшей промышленность по новому пути и оставлявшей въ застоѣ и пріостанавливавшей другіе пути, на новое направленіе, которое черезъ нѣсколько двадцатилѣтій можетъ видоизмѣнить работу вѣковъ и не только внѣшнимъ образомъ пересоздать общество, но даже создать новый типъ національнаго характера.

Этой стороной предмета исторія національной промышленности тѣсно связывается съ исторіей нравовъ; хотя для удобства обозрѣнія оба предмета разсматриваются отдѣльно въ этомъ сочиненіи, я не стану преднамѣренно отдѣлять ихъ теперь. Внѣшній обликъ жизни всякаго народа, нравы и обычаи, ихъ общественныя учрежденія и

привычки (понимая таковыя въ самомъ широкомъ и узкомъ смыслѣ этого слова, начиная съ самыхъ важныхъ обычаевъ и общественныхъ отношеній и кончая цвѣтомъ, покроемъ и матеріаломъ одежды) находятся если не въ исключительной, то въ гораздо болѣе тѣсной связи и въ большей зависимости отъ характера промышленности, чѣмъ отъ какой-либо другой причины. Едва колонизація или завоеваніе кладетъ основу гражданскому обществу, едва заканчивается борьба съ природой или съ соперниками-людьми изъ-за обладанія территоріей и колонистъ или завоеватель поселяется и живетъ своимъ трудомъ, какъ начинается процессъ обоюднаго воздѣйствія промышленности и привычекъ, и результатъ этого воздѣйствія обусловливаетъ то направленіе, по которому общество должно двигаться въ своемъ прогрессѣ развитія жизненныхъ условій. Почва и климатъ, случайность и инстинктъ соединяются и направляютъ народъ къ той или другой отрасли промышленности; но разъ избранная отрасль промышленности и присоединяющіяся затѣмъ къ ней другія отрасли кладутъ навсегда глубокій отпечатокъ на характеръ народа. Наша собственная ранняя исторія служитъ замѣчательной иллюстраціей этой истины въ повѣствованіи о саксонцахъ и датчанахъ. Морскіе пираты, явившіеся въ Британію въ пятомъ столѣтіи, въ восьмомъ столѣтіи превратились въ осѣдлыхъ земледѣльцевъ, ставшихъ беззащитной добычей нахлынувшихъ на нихъ морскихъ пиратовъ.

По пути движенія человѣка къ цивилизаціи первой формой осѣдлаго труда повсемѣстно являлось земледѣліе. Послѣ охотничей пики сошникъ плуга былъ первымъ орудіемъ въ рукахъ человѣка. Несомнѣнно, человѣкъ обрабатывалъ землю раньше, чѣмъ сталъ работать въ рудникахъ; а между тѣмъ такъ какъ самая первобытная форма земледѣлія вытекаетъ изъ непосредственныхъ личныхъ нуждъ земледѣльца и долгое время ставитъ себѣ только цѣлью удовлетвореніе этимъ нуждамъ болѣе или менѣе грубымъ способомъ мѣстнаго обмѣна, то начатки земледѣлія не оставляютъ глубокаго слѣда на исторіи народа. Только тогда, когда народъ въ развитіи своемъ подвинулся настолько, что начинаетъ производить для обмѣна на продукты другихъ болѣе цивилизованныхъ общинъ, мы начинаемъ находить упоминанія о его промышленности въ письменныхъ хроникахъ. Въ странахъ болѣе благопріятныхъ по климату, чѣмъ Британія, первымъ продуктомъ торговли съ чужеземцами, о которомъ упоминается въ исторіи, являются произведенія земли: хлѣбъ или вино, продукты оливковыхъ рощъ или огородовъ. На страницахъ историческихъ и географическихъ сочиненій группа нашихъ острововъ впервые отмѣчается производствомъ минеральныхъ богатствъ; попадается много разнообразныхъ доказательствъ тому, что жители до завоеванія римлянъ владѣли искусствомъ обработки металловъ. Страна, которой суждено было стать одной изъ первыхъ мануфактурныхъ странъ

міра, медленно занимала свое мѣсто среди мануфактурныхъ народовъ Европы. Другіе народы, которыхъ англичане затѣмъ оставили далеко позади себя, стояли много столѣтій впереди насъ и Англія въ этотъ періодъ существовала главнымъ образомъ производствомъ сырыхъ продуктовъ и была главнымъ рынкомъ обмѣна, чѣмъ въ значительной степени остается и до сихъ поръ. Во времена римлянъ и датчанъ, и въ позднѣйшія времена, наша главная столица была значительнымъ центромъ международной торговли; завоеванію датчанъ и ихъ управленію мы обязаны возникновеніемъ и развитіемъ торговыхъ портовъ на нашихъ восточныхъ берегахъ. До паденія владычества датчанъ купецъ въ «Старинномъ Англійскомъ Діалогѣ» на вопросъ: «Что вы привезли намъ»? отвѣчаетъ: «я привезъ шкуры, шелкъ. драгоцѣнные камни, золотыя украшенія, кромѣ того различныя одежды, косметики, вино, оливковое масло, слоновую кость, бронзу, мѣдь, олово, серебро и золото и т. п.».

Англія начала свою каррьеру на поприщѣ всемірной исторіи въ качествѣ торговца, но даже тогда, когда она производила больше, чѣмъ требовалось для удовлетворенія ея потребностей, она все еще, такъ сказать, оставалась на первой стадіи производства. Эта страна, производящая шерсть для всего Запада, долгое время зависѣла отъ спроса на шерсть фламандскихъ станковъ и только въ царствованіе Эдуарда III была сдѣлана попытка развить въ этой странѣ мануфактурное производство. Мы подходимъ къ такому обширному предмету, что въ предисловіи мы можемъ только слегка затронуть его. Здѣсь соприкасаются два отдѣла, отдѣлъ земледѣлія и отдѣлъ торговли; здѣсь затрогиваются тѣ главные элементы важнаго вопроса, которые должны разсматриваться въ экономическомъ отдѣлѣ этихъ томовъ— а именно вопроса о взаимодѣйствіи торговли и промышленности.

Приходится принимать во вниманіе и другіе факторы, помимо экономическихъ. Слѣдуетъ отмѣтить: вліяніе законодательства и королевской политики, въ особенности замѣтное въ тринадцатомъ столѣтіи; великія физическія бѣдствія, отмѣтившія послѣдующее столѣтіе; гражданскія движенія и гражданское развитіе, проявившіяся въ эти періоды и впослѣдствіи. Эти и другія явленія слѣдуетъ прослѣдить, намѣчая видоизмѣненія нашей промышленной и торговой исторіи до самаго восшествія Елизаветы, когда открывается новая глава въ исторіи нашей торговли благодаря внезапному приливу изслѣдованія и колонизаціи, отмѣтившимъ эту славную эру. Въ семнадцатомъ столѣтіи наступаетъ затѣмъ длинная пауза; взоръ Англіи не обнимаетъ болѣе горизонта внѣшняго міра, какъ то было въ царствованіе Тюдоровъ, — взоръ ея обращенъ на внутреннюю жизнь; искатели приключеній предыдущаго вѣка поглощены, по выраженію французовъ— «работою надъ своими душами» и междоусобіями. Затѣмъ наступила революція и послѣдовавшая за ней истощающая война; затѣмъ во

время мирной политики Вальполя наступаетъ возрожденіе и развитіе британской торговли, которое доходитъ приблизительно до средины семнадцатаго столѣтія; затѣмъ Питтъ Старшій завладѣваетъ для насъ новой имперіей и для насъ открывается всемірный рынокъ; наконецъ, мы доходимъ до изобрѣтеній и открытій, составившихъ эпоху и окончательно упрочившихъ судьбу Англіи, какъ мануфактурной націи, и открывшихъ для нея ту каррьеру, по которой она продолжаетъ идти, достигая такихъ важныхъ результатовъ, до нашего времени.

Такимъ образомъ въ первомъ изъ вышеупомянутыхъ періодовъ мы должны изложить исторію и отмѣтить крупный промышленный переворотъ, начавшійся въ царствованіи Генриха III и продолжавшійся съ усиленной энергіей въ теченіи его царствованія и при его сынѣ законодательнымъ путемъ; — переворотъ, создавшій въ области земледѣлія среди массы сельскихъ крѣпостныхъ новый классъ фермеровъ арендаторовъ, а въ области торговли сопровождавшійся быстрымъ возрастаніемъ богатства. Переходя къ слѣдующему столѣтію, мы замѣтимъ, какъ прогрессивное и вмѣстѣ съ тѣмъ мирное развитіе новой аграрной системы, основанной на договорѣ землевладѣльца съ арендаторомъ и выработавшей договоръ найма и службы, замѣнило старыя поземельныя феодальныя отношенія и феодальную организацію труда; какъ это развитіе внезапно пріостановилось вслѣдствіе страшнаго національнаго бѣдствія «Черной смерти»; какъ сильная смертность, сопровождавшая это бѣдствіе, и послѣдовавшее вслѣдствіе этого уменьшеніе земледѣльческаго класса повели за собою черезъ посредство послѣдовательнаго суроваго законодательства, путемъ народнаго возстанія и репрессій исполнительной власти, не затронувшей корня зла — насильственную перемѣну въ сферѣ производства со стороны землевладѣльцевъ, что произвело впослѣдствіи полный переворотъ въ земледѣльческой системѣ этой страны. Въ послѣдующемъ столѣтіи, во время періода истощающей войны за-границей и въ самой странѣ, мы прослѣдимъ постоянное дѣйствіе тѣхъ же причинъ въ господствовавшемъ бѣдственномъ положеніи и недовольствѣ тѣхъ же сельскихъ рабочихъ классовъ, которыхъ выше указанная поземельная реформа съ ея выселеніями и лишеніями права владѣнія, консолидированіемъ мелкихъ владѣній, расширеніемъ пастбищъ и сокращеніемъ пахатной земли выбрасывала въ ряды все увеличивающагося числа безработныхъ. Для этихъ классовъ слово «ограда» (enclosure), въ которомъ слышалось угроза подорвать ихъ средства существованія, стало также ненавистно, какъ три столѣтія спустя для городскихъ рабочихъ ненавистно было слово «машина»; ихъ опасенія, какъ и опасенія послѣднихъ нашли выраженіе въ насилія и бунтахъ. Мы должны прослѣдить затѣмъ во всѣхъ политическихъ и соціальныхъ послѣдствіяхъ

медленное и тягостное приспособленіе земледѣльческаго труда къ новымъ условіямъ, пока, наконецъ, закономъ о бѣдныхъ при Елизаветѣ, не доставляется облегченіе наиболѣе пострадавшимъ въ этомъ процессѣ приспособленія; въ то же время и земледѣліе, получая теперь прибыли, приносимыя ему реформой, поглотило избытокъ труда, выброшенный въ началѣ переходнаго періода, а значительное развитіе мануфактурной промышленности, сопровождаемой еще большимъ расширеніемъ торговли, облегчило окончательно судьбу страдавшихъ отъ безработицы.

Англійская торговля, развитіе которой не встрѣчало столько препятствій и находилось въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ земледѣліе, все это время, «не спѣша и не останавливаясь», шла по пути прогресса. Мы уже отмѣтили ту особенность, какою отличалась жизнь страны за много столѣтій до развитія въ ней мануфактурной промышленности и въ тотъ періодъ, когда ея самыя значительныя естественныя богатства еще не были разработаны; англійская торговля никогда не теряетъ значенія и даже повидимому не подвергается и временному упадку въ теченіи всѣхъ послѣдующихъ столѣтій. Ни завоеваніе, ни перемѣна династіи не вносятъ никакого другаго измѣненія, кромѣ того, что только увеличиваютъ ее. При Анжуйскихъ и Норманскихъ королях, при датчанахъ и саксонцахъ, внѣшняя торговля Англіи замѣчательна своимъ постояннымъ развитіемъ. Исторія внутренней торговли связывается съ интереснымъ повѣствованіемъ о борьбѣ за муниципальныя привиллегіи, о соперничествѣ цеховъ и затрогиваетъ менѣе важные, но не менѣе интересные вопросы о возникновеніи и развитіи англійскихъ городовъ. Еще другой предметъ неразрывно связывается съ исторіей нашей торговли во всѣхъ ея отрасляхъ. Рядомъ съ англійскимъ торговцемъ въ теченіи болѣе тысячи лѣтъ идетъ англійскій законодатель; вниманіе этого спутника не всегда безкорыстно; а когда оно и безкорыстно, то часто бываетъ помѣхой. Повѣствованіе объ ихъ долгомъ совмѣстномъ странствованіи раскрываетъ предъ нами попытки со стороны законодателя то покровительствовать торговцу, то обогощать короля или общину на его счетъ,—и въ каждомъ изъ этихъ случаевъ съ явнымъ убыткомъ для одной стороны и съ сомнительной прибылью для другой. Мы прослѣдимъ главу за главой книгу Статутовъ (Statute Book)—законы фискальные, законы противъ роскоши, всевозможные покровительственные законы; постановленія о поощреніи одной формы торговли и подавленіи другой, о покровительствѣ вывозу въ одномъ мѣстѣ и о запрещеніи его въ другомъ, законы о перекупкѣ, перепродажѣ и монополіи, безконечныя рядъ «Статутовъ о складахъ»; постоянныя попытки установить цѣну товарамъ и регулировать заработную плату—прослѣдимъ всѣ эти стадіи отношеній торговли и законодательства; и хотя по мѣрѣ того, какъ

мы приближаемся къ нашимъ временамъ, вмѣшательство послѣдняго въ область первой становится все рѣже и все менѣе отражается на характерѣ торговли, но все же только въ половинѣ настоящаго столѣтія эти неподходящіе одинъ къ другому спутники наконецъ разстались.

Длинное повѣствованіе объ ихъ отношеніяхъ даетъ, быть можетъ, самую поразительную картину національнаго прогресса. Самое сильное доказательство необычайной жизненности англійской торговли и промышленности мы находимъ въ этомъ повѣствованіи о безчисленныхъ препятствіяхъ, съ которыми имъ приходилось бороться. Побѣда обнаруживаетъ и тѣ національныя качества, въ силу которыхъ были побѣждены всѣ эти преграды. Благодаря жизненности и энергіи, при многихъ враждебныхъ вліяніяхъ, которыя перечисляетъ Маколей въ одномъ замѣчательномъ мѣстѣ своего сочиненія, благосостояніе страны прочно развивалось. Благодаря этимъ причинамъ, говоритъ онъ, національное богатство безпрерывно увеличивалось,— покрайней мѣрѣ, въ теченіи шести столѣтій; оно было значительнѣе при Тюдорахъ, чѣмъ при Плантагенетахъ, и значительнѣе при Стюартахъ, чѣмъ при Тюдорахъ; не смотря на битвы, осады и конфискаціи, національное богатство было больше во время Реставраціи, чѣмъ при Долгомъ Парламентѣ; не смотря на дурное управленіе, расточительность, государственное банкротство,—не смотря на двѣ неудачныя и дорого стоющія войны, не смотря на чуму и пожаръ, національное богатство было значительнѣе во время смерти Карла II, чѣмъ во время Реставраціи и, наконецъ, (прибавимъ отъ себя послѣднюю и самую интересную главу къ исторіи, которую Маколей прерываетъ въ этомъ мѣстѣ), не смотря на потерю американскихъ колоній и на войну, истощавшую Англію въ теченіи двадцати лѣтъ, во время Вѣнскаго конгресса національное богатство было больше, ѣмъ въ день восшествія на престолъ Георга III.

VII. Нравы.

Развитіе національнаго богатства вездѣ сопровождалось прогрессомъ въ утонченности нравовъ и въ жизненномъ комфортѣ. Этотъ прогрессъ обусловливается и поддерживается врожденнымъ инстинктомъ человѣческой природы. Онъ неизбѣженъ въ силу всеобщаго стремленія человѣчества сберечь трудъ, доставить досугъ, уменьшить страданіе, увеличить удовольствіе, избѣгать неудобствъ. Избытокъ національнаго богатства, который идетъ на эту цѣль, можетъ быть различно употребляемъ въ различныя времена (исторія нравовъ и есть до значительной степени исторія различныхъ употребленій этого избытка); въ общемъ же сумма матерьяльной роскоши націи и спо-

собы добыванія ея увеличиваются въ прямой пропорціи къ суммѣ этого избытка, которымъ нація располагаетъ. Положеніе это можетъ показаться сомнительнымъ только при частичномъ и недостаточномъ обзорѣ прошлаго и для тѣхъ только, кто сосредоточитъ свое вниманіе на какой либо отдѣльной чертѣ національной жизни, а не на всей жизни вообще. Роскошь въ одеждѣ, въ домашней обстановкѣ и тому под. можетъ выражать стремленіе къ матерьяльнымъ наслажденіямъ во всякую историческую эпоху, и если мы обратимъ вниманіе на этотъ факторъ въ отдѣльности взятый, то мы составимъ ложное представленіе о современномъ уровнѣ жизни. Свѣтскій человѣкъ во времена Ричарда II тратилъ на свой костюмъ, «въ которомъ онъ парадировалъ», 200 ф. с., а дэнди временъ Викторіи прекрасно одѣвается за столько же шиллинговъ или немного болѣе. Личный штатъ аристократа временъ Тюдора часто въ двадцать разъ превышалъ обыкновенный домашній штатъ приближенныхъ герцога нашего времени. Однако же пища, жилище, освѣщеніе, отопленіе, домашній комфортъ и удобства, медицина и хирургія, способы передвиженія и сообщенія, которыми располагалъ придворный четырнадцатаго столѣтія, или дворянинъ шестнадцатаго столѣтія, далеко не соотвѣтствовали роскоши одежды и пышности обстановки ихъ жизни. Принцъ или пэръ періода Анжуйскихъ королей носилъ бархатъ и горностай, но подъ ногами у него былъ камышъ; его зала была велика по размѣрамъ и богато украшена, но, благодаря первобытному способу освѣщенія, оставалась въ полумракѣ; кушанья подавались ему на дорогихъ блюдахъ, но онъ бралъ пищу пальцами.

Контрастъ между цивилизаціей настоящаго и прошлаго никогда не будетъ вполнѣ выясненъ, если мы ограничимся наблюденіемъ за измѣненіемъ нравовъ только среди богатыхъ классовъ общества. Въ извѣстной главѣ исторіи Маколея, цитируемой нами выше, историкъ сравниваетъ положеніе трудящихся классовъ времени, когда онъ писалъ, съ классомъ аристократіи, дворянства, высшихъ профессій, торговой аристократіи конца семцадцатаго столѣтія и указываетъ, какими удобствами и средствами цивилизованной жизни пользовался этотъ классъ. Онъ или вовсе ихъ не зналъ, или пользовался ими въ весьма скудныхъ размѣрахъ. Маколей указываетъ, насколько положеніе самыхъ незначительныхъ членовъ общества его времени предпочтительнѣе положенія самого богатаго гражданина того времени, которое онъ описываетъ, по отношенію къ удобствамъ путешествія, средствъ сообщенія, способовъ общественныхъ сношеній, охраны жизни и собственности, сохраненія здоровья, средствъ излеченія болѣзней. Промежутокъ между его временемъ и нашимъ представляетъ не менѣе замѣчательный интересъ для описанія. Главной причиной прогресса, несомнѣнно, было: обширное развитіе производства, сопровождавшее экономическое освобожденіе торговли и про-

мышленности, и сопутствовавшее ему увеличеніе покупательной силы денегъ и удешевленіе предметовъ необходимости. Тому же благопріятному результату способствовали также постоянно увеличивавшіяся открытія въ области науки, громадное расширеніе путей сообщенія черезъ посредство пара и электричества, просвѣщенное и гуманизирующее вліяніе образованія. Совокупному дѣйствію всѣхъ этихъ причинъ мы обязаны тѣмъ, что въ главѣ исторіи общественной жизни Англіи, начинающей повѣствованіе съ средины настоящаго столѣтія, свѣдѣнія о матеріальныхъ успѣхахъ и объ интеллектуальномъ прогрессѣ неизмѣримо превышаютъ по своему значенію свѣдѣнія о всѣхъ предшествовавшихъ періодахъ занесенныя въ хроники нашей націи.

Матеріальный прогрессъ нашего времени шелъ такъ быстро и непрерывно, что онъ, быть можетъ, возбудилъ разочарованіе въ тѣхъ, кто въ качествѣ философа углубляется въ другую, не матеріальную сторону жизни. Такіе люди склонны требовать отъ прогресса больше того, что онъ можетъ дать, и затѣмъ они обвиняютъ прогрессъ въ томъ, что онъ не удовлетворяетъ ихъ требованіямъ. Постоянно напоминая намъ, что «не единымъ хлѣбомъ живъ будетъ человѣкъ», они какъ бы считаютъ себя въ правѣ пренебрежительно относиться къ воздѣлыванію пшеницы. Несомнѣнно, есть доля истины въ ихъ жалобахъ на то, что наша увеличенная и увеличивающаяся власть надъ физическимъ міромъ не сопровождалась соотвѣтственнымъ повышеніемъ нравственнаго и духовнаго уровня способностей человѣческой натуры. Однако они эту истину систематически преувеличиваютъ. Вѣрно то, что нравственное и духовное существо человѣка мало и медленно измѣняется съ теченіемъ вѣковъ и въ этомъ отношеніи воздѣйствіе на него окружающей матеріяльной обстановки весьма постепенно и очень незначительно. Невѣрно, однако, то, что (какъ склонны утверждать эти лица) нравственное и духовное существо человѣка вовсе не мѣняется и что воздѣйствіе окружающей его обстановки на его характеръ ничтожно. Англичанинъ девятнадцатаго столѣтія отъ англичанина пятнадцатаго столѣтія или даже одиннадцатаго по своему внутреннему облику отличается гораздо меньше, чѣмъ по внѣшней обстановкѣ общественной жизни, но все жъ между ними есть различіе, которому способствовали измѣненія обстановки вмѣстѣ съ другими причинами. Мы не боимся прибавить, что перемѣна произошла къ лучшему. Тому пессимисту, который предполагаетъ, что въ будущемъ англичане не будутъ отличаться отъ англичанъ нашего времени, или что если они и будутъ измѣняться, то только къ худшему, мы предоставляемъ самому подыскивать соотвѣтствующія доказательства. Пусть онъ самъ подыщетъ причины, которыя могли бы оправдать то положеніе, что путь, идущій въ теченіи цѣлыхъ столѣтій впередъ и вверхъ, пойдетъ по однообразной равнинѣ

или спустится въ низменности. Пусть онъ опровергаетъ предубѣжденіе, подтверждаемое многими примѣрами, что кажущаяся пріостановка прогресса человѣческой расы бывала только временной, что краткіе перерывы настоящаго регресса не пріостанавливали общаго прогрессивнаго теченія, какъ приливъ не пріостанавливается въ своемъ теченіи отъ напора отхлынувшей волны. Во всѣ періоды человѣческой исторіи люди ошибались и случайное и подходящее принимали за присущее и постоянное, и затѣмъ слѣдующій вѣкъ обнаруживалъ эту ошибку; тѣ изъ нашей среды, кто отчаявается въ нашемъ будущемъ, можетъ успокоить себя тѣмъ, что англичане, которые будутъ существовать столѣтіе спустя послѣ насъ, хотя по всѣмъ вѣроятіямъ и заняты будутъ своей злобою дня, но, во всякомъ случаѣ, будутъ улыбаться надъ нашими невзгодами.

Г. Д. Трайль.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ АНГЛІИ ВЪ ЕЯ ИСТОРИЧЕСКОМЪ РАЗВИТІИ.

ГЛАВА I.

Англія до англичанъ.

Кельтская Британія.

О. М. Эдвардса.

ельтская
ританія.

Исторія самой значительной части свѣта есть исторія переселенія народовъ съ востока на западъ. Уже на зарѣ исторіи до нашего времени мы имѣемъ передъ собою движеніе народовъ на западъ. Римляне устанавливали границы и воздвигали пограничныя стѣны, но могущество Рима пало и движеніе народовъ продолжалось попрежнему. До пятнадцатаго столѣтія, когда смѣлый Генуэзецъ рѣшился пуститься въ океанъ для открытія новаго свѣта, наши острова лежали у тѣхъ предѣловъ земли, за которые никто не могъ отважиться перейти. До тѣхъ предѣловъ достигали самые предпріимчивые народы— и только они. Острова эти становились пріютомъ для тѣхъ, кто здѣсь останавливался, такъ какъ здѣсь они достигали крайнихъ предѣловъ переселенія.

аселеніе
ританіи.

Первая переселенческая волна достигла Британіи — о первичномъ населеніи острова мы будемъ говорить позднѣе—и принесла съ собою малорослыхъ, смуглыхъ людей. Типы чистокровныхъ потомковъ этихъ людей мы встрѣчаемъ среди углекоповъ долины Ронды (Rhondda) или въ квадратныхъ зданіяхъ колледжа Іисуса въ Оксфордѣ. Мы называемъ ихъ иберійцами и предполагаемъ, что они пришли съ востока—изъ Аравіи или Египта. Многіе настаиваютъ на сходствѣ ихъ лицъ съ лицами людей, изображенныхъ на ассирійскихъ камняхъ и у египетскихъ мумій и предполагаютъ, что въ движеніи своемъ на западъ люди эти направлялись къ сѣверному прибрежью Средиземнаго моря.

Вторую волну мы называемъ кельтской. Кельты были блондины и ростомъ выше иберійцевъ; они достигли болѣе высокаго уровня цивилизаціи. У нихъ существовалъ бракъ и они приручили почти всѣхъ тѣхъ животныхъ, которыя въ настоящее время намъ извѣстны, какъ ручныя, за исключеніемъ развѣ свиньи и пчелы. Кельты вѣроятно прошли черезъ центальную Европу. На Британскіе острова явились повидимому двѣ группы: вслѣдъ за гаэльскими кельтами явились бретонскіе кельты. Языкъ гаэльскихъ кельтовъ еще до сихъ поръ сохранился на островѣ Мэнѣ въ западной Ирландіи и въ сѣверо-западной и сѣверной Шотландіи. Языкъ бретонскихъ кельтовъ еще до сихъ поръ существуетъ въ Бретани и Валлисѣ; восемь столѣтій тому назадъ на немъ говорили въ округѣ между Ди и Клайдомъ; кумберлендскіе пастухи до сихъ поръ считаютъ своихъ овецъ по валлійски, только въ послѣднее столѣтіе языкъ этотъ исчезъ въ Корнваллисѣ. Гаэльскій кельтъ перешелъ въ Ирландію, очутился здѣсь передъ безбрежнымъ океаномъ и вернулся назадъ. На западномъ берегу Британіи, между Св. Давидомъ и Дэмбартономъ, народъ этотъ столкнулся съ бретонскимъ кельтомъ, шедшимъ по его слѣдамъ; ранняя исторія Валлиса и Шотландіи есть исторія борьбы этихъ родичей.

Пріостановленіе переселенія

Въ эпоху Рождества Христова кельтскія племена двигались одно за другимъ съ континента въ Британію и между народами, жившими по обѣ стороны канала, существовали самыя близкія отношенія. Въ то же время завоеванія Юлія Цезаря и расширеніе власти Рима пріостановили движеніе племенъ съ востока и юго-востока. Римъ сталъ на пути переселявшихся національностей и натискъ ихъ на Британію ослабѣлъ. Племена стали пріобрѣтать осѣдлость и племенной король сталъ пріобрѣтать значеніе національнаго властителя; на восточномъ берегу находилась его столица, откуда исходила его власть, на западъ по направленію къ странѣ непобѣдимыхъ силуровъ власть его становилась неопредѣленной и призрачной.

Римъ воздвигалъ стѣны и проводилъ дороги, пересѣкая старые пути кельтовъ и иберійцевъ, виллы новыхъ правителей возникли по окраинамъ дороги и около гарнизоновъ появились цвѣтущіе города. Все это, однако, могло только на время пріостановить переселеніе. Другія, тевтонскія племена скоплялись на сѣверныхъ границахъ Рима и готовились вторгнуться по сушѣ и морю на югъ и западъ. Наконецъ, они прорвались черезъ укрѣпленія Римской Имперіи и Британія увидѣла новыхъ чужеземцевъ: сначала вторглись тевтонскіе англы и саксонцы, а затѣмъ тевтонскіе норманны.

Съ отдаленныхъ временъ и до начала двѣнадцатаго столѣтія волна за волной наводняли Британію и каждая вторгавшаяся волна вводила съ собою новое сословіе. Впродолженіи четырехъ столѣтій отъ 50 г. до 450 г. послѣ Р. Х. римляне предупреждали или задерживали переселеніе, пріучали безпокойныя племена къ осѣдлости и къ проч-

ному управленію. Когда Римская Имперія пала, ея идеи сохранялись въ странахъ, составлявшихъ часть ея владѣній. Когда тевтонскія племена вторглись въ римскія владѣнія, они усвоили римскія понятія. Предводитель западныхъ саксонцевъ, безжалостно разрушивъ римскій городъ и храмъ въ южной Британіи, въ концѣ концовъ украшаетъ себя регалями римской верховной власти, присоединяетъ къ своему титулу титулъ римскаго правителя. Норманскій пиратъ, опустошивъ всѣ устья по Атлантическому прибрежью, сдѣлался защитникомъ Франціи и послѣднимъ объединителемъ Британіи. Предводители прежняго переселенія явились защитниками недавно заселенныхъ земель. Во время послѣдняго вторженія въ Англію, когда вначалѣ двѣнадцатаго столѣтія норвежцы высадились на островъ Энглеси, и защитниками и завоевателями были норманны. Норманскій графъ Римскаго Честера, съ тѣми же римскими традиціями и правами, защищалъ свою страну отъ вторженія, какъ и римскій предшественникъ его защищалъ ее отъ норманновъ шестьсотъ лѣтъ тому назадъ. Хотя норвежскому Магнусу удалось всадить стрѣлу въ глаза Гуга Шревсбюри, послѣднее вторженіе было отражено. Но слѣды постепенныхъ вторженій сохранились въ тѣхъ сословіяхъ, на которыя подраздѣлялись и подраздѣляются жители Британіи—послѣдніе завоеватели составляли высшее сословіе. Изложивъ политическую исторію, обратимся теперь къ общественному состоянію Британіи въ ранній періодъ ея исторіи.

Общественная организація.

До возникновенія римскаго города въ Британіи, характерными учрежденіями острова были свободное племя и крѣпостная деревня. Отношенія члена племени къ поселянину выясняютъ общественную исторію Британіи до римскаго завоеванія.

Племя и деревня представляютъ двѣ расы, отличныя по происхожденію, характеру и учрежденіямъ. Свободный арійскій членъ племени полагалъ, что онъ явился съ востока, изъ страны восходящаго солнца. Онъ смотрѣлъ на малорослаго, смуглаго иберійскаго поселянина, какъ на выходца изъ какой-то мрачной, таинственной страны, находящейся гдѣ то на предѣлахъ низменныхъ областей. Сохранились преданія о борьбѣ двухъ языковъ: хотя иберіецъ и забылъ окончательно свой языкъ и выучился кельтскому, онъ придалъ усвоенному языку такія особенности, которыя и до симъ поръ представляютъ камень преткновенія для валлійскихъ грамматиковъ. Членъ племени былъ высокъ и бѣлокуръ, гостепріименъ и великодушенъ, любилъ войну и охоту; поселянинъ былъ хитеръ, коваренъ, зналъ ремесла и колдовство, рѣдко отваживался спускаться съ вершины или склона холма. Членъ племени повелѣвалъ съ гордостью своей расы; поселянинъ, который не могъ похвалиться предками, служилъ и платилъ подати.

Разсмотримъ сначала племя. Это—община свободныхъ представителей семей, соединившихся воедино для цѣлей защиты, закона и об-

работки земли. Гомстэды—замки ихъ разбросаны по окраинамъ лѣса, между пастбищами и мѣстами для охоты. Каждый гомстэдъ достаточно великъ, чтобы вмѣстить въ одной залѣ всю семью. Гомстэдъ квадратное или круглое строеніе, сложенное изъ скрѣпленныхъ по угламъ тесаннымъ или нетесанныхъ бревенъ, съ крышей изъ сплетенныхъ вѣтвей, покрытой камышомъ или дерномъ. По срединѣ пола горѣлъ фамильный огонь, члены семьи располагались вокругъ комнаты на постели изъ камыша, покрытой шкурами или грубымъ холстомъ. Члены семьи имѣли право сидѣть на постели во время ѣды и лежать ночью вокругъ огня, который поддерживался и днемъ и ночью. Во время ѣды на камышъ или зеленую траву, которая росла между фамильной постелью и фамильнымъ огнемъ, ставились большія миски съ овсянными пирогами, мясомъ и похлебкой. Съ наступленіемъ ночи вновь разводился огонь и привеллигированный кругъ—начиная отъ дѣда и кончая внукомъ—располагался ногами къ огню. Земля принадлежала семьѣ; право сидѣть въ кругу у фамильнаго очага и права отдыха на фамильной постели включали въ себя права члена племени на участокъ земли, на долю пастбища, на привиллегію охотиться на дикаго кабана, волка и оленя на мѣстахъ, отведенныхъ семьѣ для охоты.

Члены семьи до третьяго поколѣнія жили совмѣстно. Когда умиралъ глава дома, его младшій сынъ занималъ его мѣсто хозяина стараго замка—гомстэда, а оставшіеся братья строили для себя другіе замки на фамильной землѣ. Со смертью всѣхъ братьевъ производился вторичный раздѣлъ фамильной земли между двоюродными братьями, и, наконецъ, по смерти всѣхъ двоюродныхъ братьевъ, троюродные братья могли дѣлить фамильную землю въ третій разъ. Тогда старая семья распадалась на новыя семьи, всѣ эти семьи однако-же не забывали своего общаго происхожденія.

Всякое преступленіе являлось преступленіемъ противъ семьи. На семью возлагалась отвѣтственость за преступленіе, совершенное кѣмъ либо изъ его членовъ; семья обязана была удовлетворить за обиду или вести кровавыя распри. Съ теченіемъ временн введена была денежная пеня въ вознагражденіе за оскорбленіе; но даже до двѣнадцатаго столѣтія валлійскія кровавыя распри доходили до смертоубійства и цѣлыя семьи подъ начальствомъ главы дома возставали для преслѣдованія убійцы.

Каждый свободный членъ племени имѣлъ право носить оружіе и молодые люди племени подъ начальствомъ избраннаго ими предводителя предпринимали военныя экспедиціи противъ своихъ сосѣдей. Во время такой экспедиціи ихъ принимали въ каждый замокъ, принадлежащій ихъ племени. Современемъ эта привиллегія стала чрезвычайно опасной, братья спорили объ участкахъ при раздѣлѣ фамильной земли, безпокойный членъ племени, изгнанный изъ своей семьи, могъ собрать

себѣ отрядъ приверженцевъ и жить на счетъ страны. Въ одной легендѣ, написанной въ дошедшей до насъ формѣ въ 13 столѣтіи, разсказывается, какъ одинъ князь, завидуя положенію своего брата, какъ главы дома, собралъ отрядъ молочныхъ братьевъ и подчиненныхъ;—этотъ отрядъ наводилъ ужасъ на страну. Его преслѣдователи увидали разъ раззоренный домъ, который признали за замокъ старой свободной земли. Передъ ними чернѣлъ и возвышался старый замокъ, описываетъ легенда, изъ него валилъ черный дымъ. Полъ былъ неровный и грязный, покрытый вѣтками остролистника. Когда они подошли ко входу, они увидѣли семью, сидящую вокругъ, внутри замка было грязно и бѣдно, съ трудомъ можно было выносить дымъ, поднимавшійся отъ огня. Они усѣлись вокругъ очага, пока приготовлялись ячменные пироги для нихъ; они пробовали заснуть въ старой фамильной постели — постели изъ вѣтвей и соломы, покрытой грубымъ холстомъ британскаго издѣлія. Одинъ изъ нихъ спалъ однакоже на желтой телячьей шкурѣ, вѣроятно на привиллигерованномъ мѣстѣ стараго главы гомстэда, ему снились древніе боги и герои страны, превратившіеся въ рыцарей Артура.

Свободнымъ племеннымъ общинамъ подчинялись поселяне—taeog по позднѣйшему валлійскому закону, совершенно отличные отъ рабовъ племени. Отличительными чертами поселянъ, потомки которыхъ по законамъ 13 столѣтія назывались *вилланами* — были ихъ общинность и подчиненіе. Вѣроятно въ началѣ они составляли первобытную родовую общину и ихъ родовые *тотемы* сохранились въ мѣстныхъ названіяхъ кельтскихъ мѣстностей—напр., свиньи Энглеси, козы Арвона. Земля принадлежала на равныхъ правахъ всѣмъ—сынамъ и чужестранцамъ. Въ позднѣйшее время не могло быть мѣста для выморочной земли по неимѣнію наслѣдника, такъ какъ община признавалась единственнымъ наслѣдникомъ.

Земля обработывалась сообща, а продуктъ земли считался общественной собственностью. Эти подчиненныя общины были несомнѣнно не арійскія; названія ихъ сохранились въ пословицахъ, какъ укоризненныя названія, когда различіе между ними и членами давно уже было забыто.

Кельтскіе члены племени, подчинивъ ихъ, раздѣлили ихъ земли поровну между вилланами, не соображаясь со степенью ихъ родства. Вилланамъ не позволяли носить оружія; ихъ собственность въ теоріи считалась собственностью ихъ завоевателей; они не могли на равныхъ правахъ съ членами племени учиться и заниматься промышленостью или торговлей; виллань не могъ войти въ свободную семью племени посредствомъ брака или стать главой новаго свободнаго рода.

Политическая организація.

Постепенно положеніе члена племени и поселянина стало уравниваться; появленіе племеннаго короля или покрайней мѣрѣ возвыше-

ніе его власти объясняется этимъ уравненіемъ. Племенной король вначалѣ, быть можетъ, былъ только военнымъ предводителемъ; но онъ удержалъ свое положеніе и во время мира, благодаря подчиненнымъ общинамъ. Когда наступало время періодическаго раздѣла земли, земли вилланов дѣлилъ чиновникъ лорда, между тѣмъ какъ земли племени дѣлили сами собственники. Главный источникъ силы предводителя племени, а также и его обязанность, заключались въ управленіи подчиненнымъ народомъ. Вилланы строили или исправляли его замокъ; они поставляли все къ его столу; они содержали его собакъ и рабовъ. Богатствомъ и властью онъ постепенно превзошелъ другихъ представителей семей, вскорѣ и съ свободной земли племени ему стали выплачивать подать, какъ выплачивалась она съ обложенной податью земли вилланов. Два учрежденія — семья и община слились, наконецъ, въ одно цѣлое подъ властью лорда и его чиновниковъ.

Римское завоеваніе.

Когда Юрій Цезарь завоевалъ Галлію, къ нему явились просить помощи бѣжавшіе съ острова Британіи короли. Многимъ изъ многочисленныхъ племенныхъ королей грозила опасность отъ возраставшей силы какого либо честолюбиваго племени и его короля. Области главныхъ рѣкъ Ненъ и Узы (Ouse) заняты были племенемъ Катувелауни, ихъ король Кассивеллаунъ подчинилъ своей власти всѣ племена на юго-восточной сторонѣ острова. Юлій Цезарь пытался подорвать власть этого короля, оказывая покровительство королямъ племенъ, покоренныхъ Кассивеллауномъ, въ особенности Мандубратію, королю тринобантовъ. Захваты Катувелауніевъ не прекращались; во время завоеванія Клавдія въ 43 г. по Р. Х. почти черезъ сто лѣтъ послѣ ухода Юлія Цезаря, они установили родъ призрачной власти надъ всей южной Британіей. Племена подъ ихъ властью вѣроятно раздѣлялись на двѣ группы—на племена равнины юго-востока и на племена горъ запада и сѣвера. Эти два союзныя племени занимали земли, которыя послѣ римскаго завоеванія, стали называться нижней и верхней Британіей. Кунобелинъ, «блестящій Цимбелинъ», умеръ до пришествія римлянъ, его королевствомъ управляли два сына, Каратакъ (собственно Каратакъ) и Тогодумнъ. Авлъ Плавтъ отнялъ у сыновей Цимбелина восточную часть; Тогодумнъ погибъ и столица Цимбелина Камулодунумъ была взята. Королевство сыновей Цимбелина легко завоевано было еще и вслѣдствіе непріязни подчиненныхъ племенъ. Вскорѣ племена эти убѣдились, что иго римлянъ не легче ига Цимбелина и его сыновей. Римляне учредили колонію ветерановъ въ Камулодунумѣ и всякое возмущеніе племени подавлялось сурово и быстро. Каратакъ бѣжалъ на западъ и сталъ во главѣ силуровъ и другихъ западныхъ племенъ, которыя, быть можетъ, признавали власть его отца. Когда силуры были разбиты Орозіемъ, Каратакъ перешелъ къ бригантамъ на сѣверъ, чтобы организовать новое сопро-

тивленіе помимо непобѣжденныхъ еще силуровъ. Покореніемъ силуровъ и плѣномъ Каратака положенъ былъ конецъ всякому союзу британскихъ племенъ, и завоеваніе римлянами острова было сравнительно уже легкимъ дѣломъ. Когда Юлій Агрикола явился лѣтомъ 78 г. для организаціи завоеванныхъ племенъ, онъ встрѣтилъ сопротивленіе только со стороны отдѣльныхъ британскихъ племенъ. Зять Агриколы разсказываетъ, что британцы прежде управлялись королями, но въ его время дѣлились на отряды и партіи. Для римлянъ представляло большую выгоду то обстоятельство, что эти племена не могли больше дѣйствовать сообща.

Покоренная Британія.

Въ періодъ между 78 и 450 г. римляне объединили Британію. Географически островъ раздѣлялся на гористый западъ и низменный востокъ: мѣста первыхъ и позднѣйшихъ битвъ Каратака. Крѣпости, построенныя римлянами по долинамъ Сѣверна и Ди для защиты первыхъ завоеваній, вскорѣ сдѣлались цвѣтущими и богатыми городами, въ нихъ сосредоточивались также легіоны запада. Не успѣла Британія окончательно латинизироваться, какъ на нее нахлынули новые народы, угрожавшіе нападеніемъ всей сѣверной границѣ имперіи. Чтобы защищаться отъ племенъ, нападавшихъ съ восточнаго берега и съ сѣвера, Британія сообразно старому естественному дѣленію распалась на двѣ части, сѣверо-западную и юго-восточную, которыми правилъ одинъ *Dux Britanniarum*. Восточныя провинціи покорены были тевтонскими завоевателями между 450—600 г.; западная область, хотя она послѣ битвъ при Дургамѣ и Честерѣ и распалась на три округа: Корнваллисъ, Валлисъ и Стратклайдъ, сохранила свою независимость. Здѣсь вновь поднялись племенныя войны и одинъ могущественный племенной король добивался даже того, чтобы его признали преемникомъ герцога британскаго. На востокѣ британскія племена слились съ завоевавшими ихъ тевтонскими племенами, сохранивъ воспоминаніе о римской власти. Титулъ Бретуальда (Bretwolda), которымъ жаловались нѣкоторые могущественные племенные короли, ничто иное, какъ переводъ на англійскій языкъ титула Dux Britanniarum. Мечта о единствѣ Британіи продолжаетъ жить въ хроникахъ и сказаніяхъ въ теченіи всѣхъ среднихъ вѣковъ; существовало предположеніе, что корона Артура сохранилась въ Карнарвонѣ въ 1284 г. Старое племенное расчленіе не исчезло, не смотря на распространеніе понятій о государственномъ единствѣ. Нарѣчія и преданія и понынѣ служатъ доказательствомъ тому, что дѣленіе на графства и епархіи имѣетъ въ своемъ основаніи старое дѣленіе на племена. Племенной король слилъ во едино свободное племя съ своими подчиненными общинами; Кассивеллаунъ и Карататъ стремились подчинить предводителя племени королю острова; римляне ввели болѣе широкое понятіе о верховной власти, подчинивъ королей императору такимъ же образомъ, какъ и каждый король подчинилъ себѣ

лордовъ племени. Первая борьба имѣла однако же болѣе прочныя послѣдствія, чѣмъ послѣдняя. Въ кельтскихъ частяхъ современной Британіи сохранились слѣды прежней антипатіи между членомъ племени и поселяниномъ; правленіе же римлянъ забыто даже тамъ, гдѣ оставались ихъ виллы и историческіе могилы.

Мы можемъ слѣдующимъ образомъ резюмировать все изложенное о началѣ исторіи нашей общественной жизни:

Выводы.

Въ періодъ завоеванія Британіи (54 г. до Р. Х.—43 г. послѣ Р. Х.). Римляне застали здѣсь сильнаго племеннаго короля, стремившагося подчинить себѣ другія племена. Въ 54 г. до Р. Х. они встрѣтили Кассивеллауна, распространившаго власть на восточную часть острова; въ 43 г. послѣ Р. Х. они застали Каратака, распространившаго призрачную власть даже на Силуровъ запада.

Какимъ образомъ появились племенные короли? Населеніе Британіи получило свое начало отъ двухъ волнъ переселенія. Прежде всего появились малорослые, смуглые иберійцы, которыхъ затѣмъ завоевали могущественные кельты. Два народа существовали здѣсь бокъ объ бокъ, при различныхъ общественныхъ условіяхъ; иберійскія общины подчинялись предводителю завоевавшихъ ихъ кельтовъ. Это обстоятельство сдѣлало предводителя очень могущественнымъ — онъ сталъ королемъ своего собственнаго народа.

Кельтскія племена не жили въ мирѣ между собою. Постоянно вторгались новыя племена, лучше вооруженныя. Во время постоянныхъ войнъ одинъ изъ королей племени пріобрѣталъ возможность сдѣлаться достаточно могущественнымъ для того, чтобы подчинить себѣ другихъ королей. Для огражденія себя отъ нападеній сильнаго короля, слабые короли обратились за помощью къ римлянамъ. Появились римляне.

Римляне на время уничтожили власть предводителей племени, соединили южную часть Британіи, какъ часть обширной имперіи, подъ своею властью. Кельтское племя и иберійская община уцѣлѣли, однакоже, а римляне принуждены были удалиться. Позднѣйшая исторія представляетъ намъ въ различныхъ формахъ борьбу старой племенной независимости съ традиціями римскаго единства.

Эта политическая исторія вполнѣ выясняетъ общественное состояніе Британіи въ британскія времена. Низшее сословіе, подчиненное всѣмъ завоевателямъ, состояло изъ первоначальныхъ обитателей Британіи — такъ называемыхъ иберійцевъ, съ ихъ мрачнымъ друидизмомъ и общинной жизнію. Надъ иберійцами властвовали кельтскіе члены племени, группировавшіеся въ семьи и племена, гордые своими привиллегіями. Кельтскіе члены племени подчинялись королю, который по политическимъ причинамъ отдалялъ отъ себя своихъ сотоварищей. Со временемъ короли въ свою очередь подчинялись римлянамъ, — «красная туника» римлянъ долго послѣ ихъ ухода про-

должала служить знакомъ благородства. Когда сословія эти сформировались, друидизмъ принялся ковать желѣзныя цѣпи для всякаго подчиненнаго сословія. Благодаря созданному порядку вещей рабъ не могъ освободиться. Выступили на сцену новыя вторженія, возникали новыя сословія, старая исторія общественной жизни продолжала повторяться съ утомительнымъ однообразіемъ до тѣхъ поръ, пока на ней не отразилось уравновѣшивающее вліяніе двухъ совершенно различныхъ факторовъ — религіи и военныхъ изобрѣтеній и пока не возникла новая эра общественной жизни.

Римская Британія.

(48 г.—410 г. послѣ Р. Х.).

Ф. Ричардса.

Римское вліяніе стало отражаться на Британіи, какъ это имѣло мѣсто и по отношенію къ другимъ сосѣдямъ великой Имперіи, еще до того, какъ она была завоевана римскимъ оружіемъ. Вліяніе это въ тысячахъ формахъ прорывалось черезъ границы. Рабъ убѣгалъ отъ своего господина и, зная, что въ предѣлахъ имперіи онъ не могъ оставаться въ безопасности, скрывался у варваровъ, унося съ собою туда искры той цивилизаціи, отъ которой онъ самъ отказывался. Иногда римскіе купцы переходили границу, рискуя своими товарами и даже жизнію для открытія новыхъ рынковъ. Черезъ границу производилась взаимная торговля. Иной разъ смѣлые чужестранцы по дѣлу или изъ простаго любопытства проникали во владѣнія императора и по возвращеніи домой съ недовольствомъ относились къ той простотѣ жизни, среди которой они выросли. Враждующія партіи варваровъ обращались за поддержкой къ римлянамъ, старались заполучить ее, усваивая римскіе обычаи и просили вмѣшательства римлянъ. Даже Цезарь нашелъ расположенную ближе къ континенту часть острова наиболѣе цивилизованной. Римская цивилизація, распространяясь въ Галліи, стала оказывать во всѣхъ отношеніяхъ вліяніе на Британію съ того момента, когда Цезарь покинулъ ея берега. Весьма вѣроятно, что Южная Британія сдѣлала значительные успѣхи въ своемъ развитіи въ промежутокъ времени между второй высадкой Цезаря (53 г. до Р. Х.) и завоеваніями предводителей Клавдія (начало 48 г. послѣ Р. Х.). Британцы по Тациту уже не тѣ настоящіе варвары, о которыхъ разсказываетъ Цезарь. Лондонъ, о которомъ послѣдній не упоминаетъ, въ 61 г. послѣ Р.

X. уже городъ «заселенный купцами». Британскіе предводители чеканили монеты съ латинскими надписями. Съ римскимъ правительствомъ завязались даже дипломатическія сношенія и, быть можетъ, даже обмѣнъ дружескихъ услугъ. Предводители приносили жертвы въ главномъ храмѣ Капитолія. На разбитомъ мраморѣ Ангоры, на которомъ до сихъ поръ сохранились отрывки записей Императора Августа о его царствованіи, можно прочесть о томъ, какъ Думнобеллаунъ и другой британскій князь бѣжали къ нему и просили помощи. Нѣсколько лѣтъ спустя, когда римскій флотъ былъ разбитъ бурей въ Сѣверномъ морѣ, мелкіе предводители отправили домой тѣхъ солдатъ и матросовъ, которые были выброшены на берега Британіи. Вѣроятно, что у нихъ было желаніе установить хорошія отношенія съ сильнымъ сосѣдомъ, ихъ стремленія направлены были къ тому, чтобы удостоиться жезла изъ слоновой кости, расшитой мантіи, титуловъ короля и друга Рима и въ то же время удержать свою независимость; каждый изъ нихъ надѣялся, что въ случаѣ, если явится необходимость подчиниться, онъ будетъ княземъ, черезъ посредство котораго римляне будутъ править его страной.

Завоеваніе.

Необходимость въ подчиненіи явилась немного лѣтъ спустя, и по крайней мѣрѣ одинъ изъ королей удержалъ свое положеніе и при-римской верховной власти. Тиверій Клавдій Когидубнъ соединялъ повидимому королевскій титулъ съ положеніемъ римскаго чиновника и, получивъ отъ завоевателей нѣсколько областей, временно управлялъ округомъ Чичестера (Regnum). Въ виды новаго правительства вовсе не входило пользоваться властью черезъ посредство туземныхъ князей. Правленіе было непосредственнымъ и завоеванный народъ находился въ зависимости отъ римскаго чиновника, а не отъ туземнаго правителя. Миръ и безопасность достигались путемъ однообразнаго подчиненія и, вѣроятно, обезоруженія народа. Но однако же у «свирѣпыхъ британцевъ» не было, казалось, недостатка въ оружіи: если Римъ могъ править островомъ съ помощью незначительной силы тридцати или сорока человѣкъ, то главнымъ образомъ потому, что онъ цивилизовалъ—или, какъ нѣкоторые говорятъ, развращалъ ближайшія области; распри же, возникавшія между туземцами, несомнѣнно сдѣлали для чужестранца завоеваніе страны вообще легкой задачей. «Въ борьбѣ съ самыми сильными племенами ничто такъ не помогаетъ намъ», говоритъ одинъ изъ философскихъ римскихъ наблюдателей, какъ то, что они всегда во враждѣ другъ съ другомъ».

Весь островъ никогда, однако же, не былъ подчиненъ римской власти. Сѣверъ отказывался покориться или вступить въ соглашеніе и Римъ, не смотря на внѣшнюю силу и богатство, въ первые вѣка христіанской эры былъ слишкомъ слабъ, чтобы закончить завоеваніе такого отдаленнаго острова и слишкомъ стѣсненъ въ средствахъ,

чтобы содержать на готовѣ необходимыя силы. Сѣверная граница римскихъ владѣній не отличалась постоянствомъ; она придвигалась или отодвигалась въ силу случайностей войны или по произволу императора. Плотина Грэгама или плотина Граима—линія насыпей, которая тянется отъ Киннейля на Фортѣ до Кильпатрика на Клайдѣ, указываетъ самую дальнюю границу, которую правительству удалось, дѣйствительно, удержать; такъ называемая стѣна Пиктовъ или Римская стѣна (она пересѣкаетъ косу между Карлилемъ и Ньюкэстлемъ) уже болѣе сильное укрѣпленіе и указываетъ ту границу, которую правительство дѣйствительно могло хорошо укрѣпить [1]). (Ирландія никогда не была занята).

Въ этихъ то границахъ, какъ предполагалось, и царилъ прославленный римскій миръ, поддерживавшійся системой провинціальнаго управленія.

Провинціальное дѣленіе.

Британія со времени завоеванія до 197 г. послѣ Р. Х. управлялась, какъ одна провинція. Она, слѣдовательно, для удобства управленія не дѣлилась на отдѣльныя области, подобно тому какъ Галлія дѣлилась на четыре части, а Испанія на три, но управлялась вся однимъ правителемъ. Она принадлежала къ числу провинцій, которыя управлялись намѣстниками императора, а не чиновниками римскаго сената и поэтому правитель носилъ здѣсь слѣдующій полный титулъ *Legatus Augusti pro proetore*. На этого правителя возлагались обычныя административно-судебныя обязанности и распоряженія военными силами; на ряду съ нимъ стоялъ *procurator*, завѣдующій финансовыми дѣлами. Простой, грубый и необразованный солдатъ никакимъ образомъ не могъ быть настоящимъ правителемъ. Изъ того, что намъ извѣстно о карьерахъ многихъ, занимавшихъ мѣста правителей, мы видимъ, что они занимали раньше различныя должности въ различныхъ странахъ; одинъ изъ правителей Британіи, о которомъ у насъ имѣются довольно подробныя свѣдѣнія, получилъ греческое образованіе въ Массаліи (впослѣдствіи Марсель) и усиленно занимался изученіемъ философіи. Получивъ управленіе нашимъ островомъ, онъ заинтересовался развитіемъ и усовершенствованіемъ туземцевъ [2]).

Послѣ 197 г. Императоръ Септимій Северъ дѣлитъ Британію на двѣ провинціи и назначаетъ сюда двухъ правителей. Вообще западная половина Англіи (но не всего острова) составляла *Britannia superior*, а восточная *Britannia inferior*. Каждый правитель этихъ

---

1) Не найдено ни одной римской гробницы къ сѣверу отъ Ардоча, близъ Стерлинга.

2) Мы знаемъ, что Британцы того времени жаловались: „на нашихъ плечахъ два короля вмѣсто одного: *legatus* и *procurator*; первый похищаетъ нашихъ молодыхъ людей въ армію, послѣдній похищаетъ наше имущество“.

областей назывался *Proeses* и гарнизонъ дѣлился между ними. Интересы государства страдали. Война съ сѣверными племенами не могла уже вестись такъ успѣшно. Вѣроятно считалось небезопаснымъ предоставлять островъ и всѣ его силы власти одного человѣка. Д. Клодій Албинъ, правитель соединенной Британіи, былъ страшнымъ соперникомъ Севера и императоръ послѣ побѣды надъ Клодіемъ, не хотѣлъ подвергаться снова такому риску. Вскорѣ введена была основателями имперіи политика раздробленія крупныхъ провинцій на малыя, безопасныя — но безпомощныя — отдѣльныя части, и Британія подверглась участи другихъ странъ. По распоряженію Діоклетіана или вскорѣ послѣ него Британія была раздѣлена на четыре области или *provinciae — Britannia Prima* (занимала вѣроятно Англію на югъ и на западъ отъ Темзы) *B. Secunda* (Валлисъ) *B. Maxima Caesariensis* (быть можетъ Средняя Англія) и *B. Flavia Caesariensis* (Сѣверъ). Еще нѣсколько позднѣе, въ 369 г. по Р. Х., побѣды Θеодосія надъ безпокойными сосѣдами римской Британіи вернули отъ нихъ то, что было римскими владѣніями къ сѣверу отъ стѣны Пиктовъ; Θеодосій раздѣлилъ вслѣдствіе этого сѣверную страну на двѣ провинціи и назвалъ дальнюю изъ нихъ въ честь императора Валентиніана I *Valentia*. (Мы не знаемъ въ какихъ городахъ была официальная резиденція правителей. Все, что мы можемъ сказать, это то, что Лондонъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, былъ резиденціей одного правителя; Іоркъ же былъ навѣрное мѣстопребываніемъ другаго правителя). Вскорѣ убѣдились, что подраздѣленіе на провинціи имѣетъ свои невыгоды и четыре или пять правителей острова (изъ которыхъ одни назывались *Proesides*, а другіе *Consulares*) подчинены были главному правителю *Vicarius Britanniarum*, который подчиненъ былъ въ свою очередь высшему чиновнику по ту сторону Британскаго канала *Proefectus proetorio Galliarum*. Существовали также, конечно, и финансовые чиновники. Къ концу нашего періода, когда враги надвигались со всѣхъ сторонъ на римскія владѣнія и въ томъ числѣ и на Британію, было трое главныхъ военныхъ начальниковъ, независимыхъ отъ властей Британіи, но подчиненныхъ префекту Галліи. Это были *Dux Britanniarum, Comes Britanniarum* и *Comes Litoris Saxonici* — воинъ, охраняющій весь юго-восточный берегъ. Древнимъ римлянамъ удалось водворить миръ въ своихъ владѣніяхъ посредствомъ болѣе централистически и менѣе тяжеловѣсныхъ административныхъ мѣръ, чѣмъ эта; не удивительно, что эта послѣдняя не имѣла успѣха [1]).

Римское управленіе

Въ предѣлахъ выше упомянутыхъ владѣній обезпеченъ былъ порядокъ и все что необходимо для хорошаго управленія, покрайней

[1]) Саксонскій берегъ, особенно нуждавшійся въ защитѣ, включалъ всю область, защищенную въ наше время круглыми башнями (Martello).

мѣрѣ въ теченіи долгаго промежутка времени между концомъ періода завоеванія и началомъ періода упадка. Отъ времени до времени вспыхивали, конечно, возстанія среди народа, и мы полагаемъ, что окруженные стѣнами города Южной Британіи (какъ напр. Сильчестеръ), безопасные для открытаго нападенія, служили мѣстомъ убѣжища въ критическихъ случаяхъ — мы дѣйствительно знаемъ, что эти укрѣпленія появились со времени нарушенія Римскаго мира. Въ общемъ вездѣ поддерживался порядокъ, и народъ оставляли въ покоѣ тамъ, гдѣ исправно выплачивались подати. Правленіе, описанное нами, было исключительно чужеземное [1]), чуждое народу; — оно несомнѣнно доставляло странѣ извѣстныя выгоды, въ родѣ тѣхъ, какія англичане доставляютъ Индіи; но оно не дѣлало тѣхъ попытокъ, какія дѣлаютъ англичане, для того, чтобы возвысить подданныхъ до возможности самоуправленія. Быть можетъ существовалъ родъ національнаго собранія, дозволеннаго и созываемаго римлянами. Если таковое было, то оно происходило въ Камулодунумѣ или коллоніи Викторицензисъ (вѣроятно Кольчестеръ) при храмѣ въ честь перваго завоевателя Императора Клавдія. Мы не знаемъ ничего опредѣленнаго о подобномъ собраніи, мы лишь предполагаемъ это по аналогіи съ другими провинціями. Мы не находимъ на римской службѣ ни одного британца; они попадаются только въ арміи и на незначительныхъ должностяхъ. Мы не знаемъ, насколько допускалось самоуправленіе въ городахъ. По двумъ или тремъ титуламъ мѣстныхъ чиновниковъ, сохранившимся въ надписяхъ римскаго періода и по многимъ подробностямъ, извѣстныхъ намъ о галльскихъ и другихъ континентальныхъ городахъ, мы можемъ составить догадку о существованіи нѣкоторыхъ городскихъ цеховъ, управлявшихъ своими дѣлами — но насколько всѣ догадки основательны по отношенію Британіи, мы не знаемъ. Существовали городскіе совѣты, миніатюрные сенаты; сохранились надписи на камнѣ, относящіеся къ городскимъ совѣтникамъ Глостера, Іорка и вѣроятно Линкольна; но для того, чтобы установить что-либо болѣе подробное относительно администраціи города въ римской провинціи, намъ приходится руководиться свѣдѣніями о странахъ за проливомъ.

Римскіе города.

Опираясь на эти свѣдѣнія, мы представляемъ себѣ города нашего острова въ завѣдываніи правящаго класса или сената зажиточныхъ людей (*curiales* или *decuriones*), первоначально состоявшаго изъ отставныхъ чиновниковъ города; позднѣе же они оставались въ своихъ званіяхъ пожизненно и передавали свои права отъ отца къ сыну. Когда наступилъ такой порядокъ вещей, городскіе чиновники выбирались сенатомъ изъ среды своихъ членовъ, уже не избираемыхъ народомъ. Эти городскіе чиновники могли носить различные титулы:

1) Императоръ Магненцій, говорятъ, былъ родомъ британецъ.

въ другихъ странахъ наиболѣе употребительнымъ былъ титулъ *Duumvir*. Въ Британіи мы можемъ указать на титулъ *censitor* или *censor* въ Колчестерѣ. Выше описанный городской совѣтъ по составу своему не имѣлъ уже, конечно, никакого отношенія къ народу. Приходилось удержать его и нельзя было уничтожить, такъ какъ не было другаго класса, которымъ римское управленіе могло бы пользоваться и съ кого бы непосредственно могло собирать подати, но это классъ не былъ уже представителемъ гражданъ города. Вслѣдствіе этихъ причинъ императоръ Валентиніанъ I назначилъ въ каждый городъ новаго чиновника, *Defensor civitatis*—защитника народа отъ городскаго управленія. Въ одной изъ дошедшихъ до насъ надписей упоминается *Sevir* изъ Іорка и судя по аналогіи съ континентальными провинціалами, мы можемъ предполагать, что въ одномъ городѣ или въ нѣкоторыхъ городахъ Британіи были корпораціи *(collegia) Augustalis*—лицъ, воздававшихъ божескія почести императору Августу. *Seviri* были священнодѣйствующими членами этихъ корпорацій и отправляли службу въ теченіе одного года. Все же врядъ ли можно предположить, чтобы въ Британіи поклоненіе Августу распространено было въ такой степени, какъ это было въ Галліи, если мы примемъ во вниманіе, что Британія была завоевана послѣ смерти Августа.

Когда шла рѣчь о группѣ домовъ, принималось во вниманіе ихъ размѣръ и значеніе, подобно тому, какъ мы различаемъ деревню, мѣстечко и городъ. Города (какъ напр. Лондонъ, тогда Лондиніумъ или Августа) назывались *oppida*. Болѣе значительные города назывались *municipia*; названіемъ этимъ давно уже перестали обозначать ту значительную долю самоуправленія, понятіе о которой это слово возбуждало у римлянъ. Такой *municipia* былъ Веруламіумъ (позднѣе С. Албанъ). Названіе «колонія» могло означать дѣйствительное поселеніе чужестранцевъ, напр. Камулодунумъ, гдѣ римляне въ самомъ началѣ помѣстили гарнизонъ старыхъ солдатъ; но названіе это могло быть и просто почетнымъ названіемъ для значительныхъ городовъ, какъ Эборакумъ (впослѣдствіи Іоркъ), который вскорѣ сдѣлался главнымъ городомъ острова, Линкольнъ (Lindum Colonia) и Глевумъ (Глостеръ). Гробница гражданина Глевума, найденная въ Римѣ, даетъ возможность предположить, что колонію устроилъ Нерва т. е. что она была основана между 96 г. и 98 г. послѣ Р. Х. Подобныя колоніи въ другихъ мѣстахъ Римской Имперіи пользовались широкимъ самоуправленіемъ, обременены были меньшими финансовыми тягостями и могли и въ Британіи пользоваться тѣми же привиллегіями. Нѣкоторые изъ британо-римскихъ городовъ пользовались повидимому правомъ чеканки монетъ, какъ можно судить по иниціаламъ на монетахъ, но монета была не собственная, не мѣстная, а всегда императорская. Должно быть, долгое

время самымъ значительнымъ городомъ былъ Іоркъ — административный центръ и императорская резиденція, и Лондонъ, по направленію котораго (къ нему и отъ него) обозначено столько дорогъ въ древнемъ маршрутѣ или путеводителѣ третьяго или четвертаго столѣтія.

Кромѣ вышеупомянутыхъ городовъ пріобрѣли значеніе и многіе другіе города. Мы, правда, мало знаемъ о нихъ изъ книгъ, но остатки, найденные въ ихъ мѣстностяхъ, лучше всего доказываютъ какія мѣста являлись центрами населенности и роскоши. Батъ (Aquae Sulis) посѣщался во времена римлянъ, и вѣроятно и раньше, ради цѣлебныхъ источниковъ. Источники эти привлекали къ себѣ посѣтителей, о количествѣ и богатствѣ которыхъ мы можемъ судить по грандіозности дѣлавшихся для нихъ приготовленій. По уцѣлѣвшимъ каменнымъ и свинцовымъ работамъ мы можемъ судить о размѣрахъ римскихъ термъ [1]).

Роксетеръ (Viroconium или Uriconium) названъ британской Помпеей по богатству своихъ раскопокъ. Сиренчестеръ (Corinium или Durocornovium) получилъ быть можетъ значеніе, какъ пунктъ, гдѣ скрещивались дороги. Во многихъ старыхъ городахъ и ихъ окрестностяхъ, какъ въ Дорчестерѣ (Durnovaria) въ Дорсетширѣ, почва полна римскими останками.

Были также и такіе города, которые хотя и существовали до римскаго завоеванія, но получили свое значеніе, а отчасти и самое возникновеніе благодаря находящимся въ нихъ римскимъ гарнизонамъ. Населеніе естественно стекается во всѣхъ пунктахъ, въ которыхъ сосредоточена значительная и постоянная военная сила. Различныя потребности воиновъ должны быть удовлетворены. Офицеры строили себѣ дома въ окрестностяхъ и привозили сюда слугъ. Гражданскіе чиновники предпочитали жить въ такихъ мѣстахъ, гдѣ они могли имѣть общество; въ иныхъ случаяхъ судъ римскаго правителя привлекалъ много просителей и тяжущихся. Бѣдный кварталъ, неизбѣжно возникавшій внѣ обширнаго римскаго лагеря, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ континента Европы, назывался *Cannaboe* («хижины») и хотя названіе это не встрѣчается въ Британіи, но такіе кварталы безъ сомнѣнія существовали и тамъ. Такимъ образомъ, даже тогда, когда легіоны и вспомогательное войско (не римскіе отряды) удалялись изъ этихъ центровъ, здѣсь все таки оставалось населеніе, и Кэрлеонъ на Ускѣ, Честеръ, Іоркъ всегда, вѣроятно, были заселены съ тѣхъ поръ, какъ они стали римскими стоянками. Въ Кэрлеонѣ (Isca Silurum) [2]) долгое время стоялъ второй легіонъ (Legio Secunda Augusta),

---

[1]) Большая ванна, поставленная въ залѣ, имѣетъ 111 футовъ 4 дюйма длины, 66 футовъ 6 д. ширины и около 6 ф. 8 д. глубины. Размѣръ дна 77 ф. 2 д. и 29 ф. 6 д. (Excavations of Roman baths at Bath By C. E. Davis).

[2]) Современное названіе „Кэрлеонъ“ произошло, несомнѣнно отъ „Castra legiones“

отрядъ въ 5.000 человѣкъ, а при немъ находились дополнительные отряды иноземныхъ солдатъ. Въ Честерѣ (Deva) стоялъ двѣнадцатый легіонъ, носившій гордое названіе: „*Legio Vicesima Valeria Victrix*“. Въ Іоркѣ (Eboracum) сохранились надписи, высѣченныя на камняхъ или выбитыя на черепицахъ, свидѣтельствующія о продожительномъ пребываніи девятаго, а впослѣдствіи шестого легіона (Legio Nona Hispana и Legio Sexta *Victrix*). Въ этихъ городахъ были стоянки, депо, резервы легіоновъ, на которыхъ возлагалась обязанность поддерживать порядокъ въ Британіи и охранять возникавшую тамъ цивилизацію отъ варваровъ. Легіоны эти передвигались, конечно, по мѣрѣ надобности. Они построили двѣ стѣны черезъ Нортумберлендъ и Кумберлендъ и черезъ Шотландію и, когда горные валлійцы, для защиты отъ которыхъ первоначально устроены были лагери Кэрлеона и Честера, стали менѣе опасны, чѣмъ пикты, войскамъ этимъ часто приходилось двигаться на сѣверъ. Но тѣ солдаты, постоянная стоянка которыхъ находилась у стѣны Нортумбріи, пребываніе которыхъ замѣтно отразилось въ этой мѣстности, составляли скорѣе дополнительныя силы, — не регулярныя войска, а легіоны или отряды пограничной линіи. Мы не можемъ сказать, обязаны ли своимъ происхожденіемъ пребыванію римскихъ войскъ находящіеся у обоихъ концовъ стѣны Карлиль (Luguvallium) и Ньюкэстль (Pons Elius). Весьма вѣроятно, что многія мѣстности береговыхъ укрѣпленій въ южной и восточной Британіи вовсе не были заняты войсками, до тѣхъ поръ, пока римляне не поняли ихъ стратегическаго значенія. Возьмемъ, напримѣръ, Рекульверъ (Reculbium) и Ричборо (Rutupiae): врядъ ли стоило занимать эти мѣста до тѣхъ поръ, пока сюда не стали прибывать регулярно и въ значительномъ числѣ корабли отъ континента къ устью пролива, отдѣляющаго островъ Танетъ отъ Кента, гдѣ удобнѣе всего было подплыть съ юга къ Темзѣ и Лондону. Когда такое движеніе установилось, стоило уже охранять два входа; но Ричборо утратилъ свое населеніе и теперь совсѣмъ не заселенъ. Это, помимо причиненною войной раззоренія, вызвано было удаленіемъ отъ моря. Рекульверъ пострадалъ позднѣе и почти разрушенъ былъ наводненіемъ. Кое-гдѣ временно располагались въ лагеряхъ (castra) мелкіе римскіе отряды, оставивъ слѣды въ названіяхъ многочисленныхъ городковъ и деревень: напримѣръ, Честерсъ, Честеръ-ле-Стритъ, Честертонъ, Манчестеръ, Тодкастеръ, Лейчестеръ и т. д. Норвичъ (Venta Icenorum) носитъ слѣды обширного и постоянного лагеря, хотя названіе его этого не обнаруживаетъ. Въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ, основанныхъ и занятыхъ римлянами, какъ, напримѣръ, въ Честерѣ, скрещиваніе двухъ главныхъ улицъ въ центрѣ указываетъ на то, что это были прежде римскіе лагери.

Выгодныя стороны римскаго завоеванія.

Если мы бросимъ взглядъ назадъ на британцевъ во время завоеванія Цезаря,— какими онъ ихъ описываетъ и сравнимъ затѣмъ изо-

браженное имъ жалкое положеніе ихъ съ тѣмъ положеніемъ, въ какомъ они рисуются намъ по свѣдѣніямъ о римской Британіи въ 100 — 300 гг. послѣ Р. Х., то мы можемъ, не колеблясь, сказать, что завоеваніе долгое время было благодѣтельно для различныхъ расъ, населявшихъ нашъ островъ. Пріученные къ сохраненію мира, безпокойныя племена принуждены были въ случаѣ ссоры обращаться къ суду, а не прибѣгать къ оружію. Внутренній миръ, такимъ образомъ, обезпеченъ былъ для многихъ поколѣній, внѣшній же миръ для Британіи, во всякомъ случаѣ, организованъ былъ и обезпеченъ при помощи самой крупной въ мірѣ военной силы. Трудно представить себѣ, что выносили цѣлыя поколѣнія во время завоеванія: римскіе военные законы были поистинѣ очень суровы. Но разъ борьба закончилась, новыя поколѣнія выростали съ перспективой такой безопасной жизни, такого комфорта и цивилизаціи и такого будущаго, о которыхъ предки ихъ никогда и мечтать не могли. Примѣнявшійся къ нимъ законъ былъ справедливъ и, въ общемъ, гуманенъ. Налагались наказанія, которыя современнаго человѣка приводятъ въ содроганіе. Для насъ невыносимо было бы зрѣлище бросанія преступниковъ на съѣденіе дикимъ звѣрямъ или сжиганія ихъ живыми. Но римская система, при всемъ томъ, все таки защищала невинныхъ людей отъ разныхъ опасностей; относительно уликъ римскій законъ былъ очень точенъ. Никто не могъ быть осужденъ безъ суда или по недостаточнымъ уликамъ; никого не могли пытать или казнить по произволу начальника или во имя религіи. Даже до 79 г. римскій чиновникъ могъ писать: «невозможно вполнѣ оцѣнить той благодѣтельной услуги, которую оказали римляне, положивъ конецъ человѣческимъ жертвамъ». Этимъ неограничивались благодѣянія, оказанныя Римомъ: устроили дороги, отмѣченныя верстовыми столбами и годными не только для прохода войска и обоза, но и для ѣзды,—и страна открылась, такимъ образомъ, для торговли и сношеній. Преемники римлянъ не могли поддерживать дорогъ, проложенныхъ послѣдними, и островъ нашъ въ теченіе многихъ столѣтій не видалъ уженичего подобнаго. Обломки разрушеннаго маяка въ замкѣ Довера указываютъ на заботы римлянъ объ интересахъ навигаціи. Введеніе театровъ было и культурнымъ развлеченіемъ и средствомъ для образованія [1]). Разнообразныя коллекція нашихъ музеевъ указываютъ на тотъ значительный уровень, какого, по крайней мѣрѣ, часть населенія достигла по отношенію къ внѣшней цивилизаціи. Ключи и вѣсы, кровельныя черепицы, шпильки, стеклянныя бутылки и ложки, ста-

---

[1]) Дикіе и таинственные крики, которые раздавались въ театрѣ Кольчестера (Камулодонумъ), были одними изъ признаковъ, предсказывавшихъ разрушеніе этого города во время кровопролитнаго возстанія туземцевъ въ 61 г, послѣ Р. Х.

туи и колокольчикъ, — все это такія потребности и такія удобства, какія чужды были «дикимъ, дрожащимъ британцамъ», одѣтымъ въ шкуры, какими знали ихъ древніе писатели. Молодые провинціалы, присоединялись къ войску добровольно или по принужденію и по истеченіи двадцатипятилѣтней службы могли быть въ награду пожалованы римскимъ гражданствомъ для себя и своихъ женъ; ихъ дѣти могли пользоваться полными правами римскихъ гражданъ, въ числѣ которыхъ (какъ доказываетъ инцидентъ Св. Павла) было право на изъятіе отъ тѣлеснаго наказанія. Декреты императора, коими милость эта жаловалась отрядамъ людей, оказавшимся ея достойными, составлялись въ Римѣ, копіи декрета посылались на мѣсто стоянки этихъ людей и, быть можетъ, раздавались каждому лично. Четыре или пять такихъ копій найдены были въ Британіи. Хотя они относятся только къ не британскимъ отрядамъ, набраннымъ изъ другихъ провинцій и служившимъ на нашемъ островѣ, но мы имѣемъ полное основаніе предположить, что британскіе отряды, служившіе въ другихъ странахъ, награждались такимъ же образомъ. Лица, повидимому, британскаго происхожденія, несомнѣнно, получали гражданство. Такъ Тацитъ разсказываетъ о томъ, какъ нѣкто Сюльпицій Флоръ (Sulpicius Florus) «изъ британскаго войска, которому Гальба впослѣдствіи пожаловалъ гражданство», былъ въ Римѣ въ 69 г. послѣ Р. Х. и отличился тѣмъ, что, когда погибъ Гальба, онъ убилъ на улицѣ пріемнаго сына этого императора Пизо. Во всякомъ случаѣ британцы пользовались пожалованнымъ императоромъ Каракалой въ 212 г. послѣ Р. Х. правомъ римскаго гражданства для каждаго свободно-рожденнаго провинціала. Съ этого времени всякое положеніе въ имперіи было для британца доступно также, какъ и для всякаго другого.

Налоги.

Нелѣпо предположить, что британцы дѣйствительно сознавали все то, что они выигрывали отъ сношеній своихъ съ Римомъ. Было при этомъ и нѣчто такое, что приходилось класть и на другую чашку вѣсовъ,— то, что мѣшало прочному умиротворенію и романизаціи провинціи. Такую отрицательную роль играла не только страсть къ дикой свободѣ, продолжавшая сильно клокотать во многихъ сердцахъ и въ нѣкоторыхъ частяхъ острова никогда не потушенная, но и гнетъ налоговъ, а также различныя притѣсненія безъ всякой надежды на облегченіе ихъ. Система римскихъ налоговъ никогда не была организована цѣлесообразно и никогда не принимала въ расчетъ интересовъ плательщика. Когда имперія стала дряхлѣть, ея постоянное стремленіе свести концы съ концами оказалось крайне раззорительнымъ для налого-плательщиковъ даже тамъ, гдѣ плательщики эти были полноправными гражданами, каковыми многіе изъ жителей Британіи сдѣлались только въ 212 г. послѣ Р. Х. Обычные провинціальные налоги падали, конечно, и на этотъ островъ. Tributum или налогъ на собственность собирался со всего, что сборщикъ налоговъ нахо-

дилъ достойнымъ вниманія. Такъ какъ Британія представляла страну, засѣянную хлѣбомъ, то здѣсь въ то время взимался еще дополнительный налогъ въ формѣ *annona*—опредѣленнаго запаса хлѣба; передаваемый римскимъ чиновникамъ, хлѣбъ этотъ долженъ былъ служить для продовольствія арміи въ Британіи и на континентѣ. Полученіе римскихъ правъ сопровождалось дальнѣйшимъ обложеніемъ налогомъ на наслѣдство въ 5 проц. *(vicesima hereditatum u legatorum)*. Взималась также ввозная пошлина *(portoria)*, уплачивавшаяся съ ввозимыхъ товаровъ въ гаваняхъ, гдѣ ихъ выгружали. Намекъ на эти налоги мы находимъ, вѣроятно, въ латинской рѣчи, авторъ которой восхваляетъ Британію, «какъ страну, богатую обильными жатвами, роскошными пастбищами, металлическими рудниками, доходами и *многочисленными гаванями*». Разсказываютъ также, что богатый философъ Сенека ссудилъ британцамъ «противъ ихъ желанія» частью своего громаднаго состоянія,— требованіе объ уплатѣ этого долга и было одной изъ причинъ или однимъ изъ поводовъ къ возстанію Боадицеи. Только это мы и знаемъ объ этомъ эпизодѣ; но мы можемъ пополнить это свѣдѣніе тѣмъ, что случилось въ другихъ провинціяхъ. Сенека ссудилъ городскія муниципіи Британіи деньгами за высокій процентъ для немедленной уплаты сборщикамъ налоговъ. Когда наступали болѣе плохія времена, бремя налоговъ тяжело ложилось на зажиточныхъ членовъ городскихъ муниципалитетовъ. Если на континентѣ они изнывали подъ гнетомъ этихъ налоговъ и совершенно раззорялись, то врядъ ли были въ лучшемъ положеніи члены городскихъ совѣтовъ въ Британіи.

Правильные налоги британцы выносили довольно терпѣливо. «Налоги и другія обремененія», говоритъ одинъ современный наблюдатель, «они переносятъ спокойно, если имъ не наносятъ оскорбленія». Можно полагать,—хотя врядъ ли можно утверждать это съ увѣренностью,—что оскорбительное обращеніе съ британцами было рѣдкимъ и случайнымъ явленіемъ. Основаніе колоніи Колчестеръ повело къ отягощенію населенія. Туземцы потеряли свою землю, старые солдаты ухудшали ихъ положеніе, обращаясь съ ними, бывшими собственниками, какъ съ плѣнными и рабами. Такія колоніи были конечно малочисленны и вѣроятно основывались только въ первое время. Не слѣдуетъ забывать жестокаго обращенія съ Боадиціей (собственно Будиккой) и ея дочерьми:

„Они схватили и мучили меня, они бичевали и унижали меня;
Я служила забавой безпутныхъ ветерановъ, жертвою грубыхъ развратниковъ“.

Нѣкоторые поступки правительства—или покрайней мѣрѣ его чиновниковъ—при собираніи запасовъ хлѣба носили характеръ произвольнаго оскорбленія, что тяжело было сносить независимому народу, который по словамъ одного изъ завоевателей приведенъ былъ въ

повиновеніе. но не въ рабство. Британцы принуждены были доставлять хлѣбъ и такъ какъ его у нихъ не было, то они должны были покупать его и покупать по произвольной цѣнѣ у чиновниковъ, чтобы тѣмъ же чиновникамъ немедленно же доставлять тотъ же хлѣбъ; все это было настолько грубо и настолько раздражало населеніе, что не удивительно, если одинъ мудрый правитель рѣшился прекратить эту систему. Его реформа совершилась въ раннюю эпоху исторіи римской Британіи, но происшествіе съ Боадиціей относится къ еще болѣе раннему періоду завоеванія и беззаконныхъ дѣяній побѣдителей. Время ввело законъ, какъ для побѣдителей, такъ и для побѣжденныхъ.

Бѣдствія британцевъ.

Существовали и постоянныя тягости болѣе обременительныя, чѣмъ налоги. «Мы платимъ», восклицаетъ одинъ британецъ въ разсказѣ о завоеваніи, «ежегодную дань нашими тѣлами». Ежегодно наборъ выхватывалъ опредѣленное количество молодыхъ людей на службу въ *auxilia* или «туземные отряды» и такъ какъ эти отряды направлялись заграницу, то ни одинъ британскій солдатъ не могъ быть увѣренъ въ томъ, что онъ вновь увидитъ свой домъ и своихъ друзей. Страхъ изгнанія и смѣшенія съ другими націями и удаленія на край свѣта тяготѣлъ надъ молодыми людьми и ихъ родителями, туземные предводители съ содраганіемъ думали о томъ, что они такимъ образомъ подкрѣпляли римскія военныя силы своими самыми лучшими людьми. Флотъ „*Classis Britanica*“, охранявшій берегъ и служившій для сообщенія съ остальной Европой, набирался частью такимъ же образомъ. Императоръ Клавдій во время своего завоеванія устроилъ флотъ. Правитель Агрикола употреблялъ его для объѣзда вокругъ острова, но еще до паденія римскаго владычества перестали уже заботиться о флотѣ; можетъ быть его присоединили къ континентальной эскадрѣ и онъ утратилъ свое названіе. Флотъ стоялъ въ Дуврѣ (Dubrae, позднѣе Дувръ), въ портѣ Леманисъ (Lymne) и въ Гесоріакумѣ или Бононіи (Булонь). Въ булонскомъ музеѣ сохранилась дощечка съ изображеніемъ кораблей, по всѣмъ вѣроятіямъ *ex voto* экипажа корабля этого флота *Triremis Radians*. Весьма тягостенъ былъ также принудительный трудъ при постройкѣ дорогъ и въ рудникахъ. Всюду, гдѣ простота и добродѣтель туземцевъ соединялись съ умомъ или гдѣ британцы впитала лучшую сторону римской цивилизаціи, поднималась злоба противъ тѣхъ, кто вводилъ въ страну чуждые ей пороки.

Послѣ всего сказаннаго нельзя удивляться той массѣ недовольства, какая накопилась среди британцевъ, въ особенности въ старомъ поколѣніи. Позднѣйшія поколѣнія выросли въ своей золотой клѣткѣ, но старые люди негодовали на свое положеніе. Свободные каледонцы или сѣверныя племена, свободные ирландцы служили живымъ укоромъ для ихъ побѣжденныхъ сосѣдей. Къ тому же надежда на добычу всегда могла поддержать возставшихъ подданныхъ, или еще

незавоеванныхъ сѣверныхъ британцевъ, если бы тѣмъ вздумалось двинуться въ провинціи. Потому то положеніе римлянъ долгое время было весьма тревожно и гарнизонъ всегда оставался въ оборонительномъ положеніи. Власть на большомъ островѣ поддерживалась только чужеземными войсками. Кажется, солдатамъ-британцамъ не вполнѣ можно было довѣрять и намъ неизвѣстны случаи, когда туземный отрядъ оставался бы постоянно на островѣ. До насъ дошли свѣдѣнія о различныхъ возстаніяхъ среди населенія. Сохранились намеки, указывающіе, что Іоркширъ представлялъ область, трудную для управленія, и если мы не находимъ и слѣда Девятаго Легіона послѣ 108 и 109 г. въ памятникахъ Іорка, гдѣ онъ стоялъ (а также и въ другихъ мѣстахъ), то мы можемъ съ полной достовѣрностью предположить, что онъ былъ вырѣзанъ. Не даромъ великая римская стѣна отъ Ньюкэстля до Карлиля укрѣплена съ обѣихъ сторонъ, такъ что укрѣпленія могли пригодиться и внутри противъ безпокойныхъ подданныхъ и извнѣ противъ непокоренныхъ каледонцевъ.

Римское вліяніе.

Не взирая на эти смуты, само время содѣйствовало установленію прочнаго цивилизованнаго правительства, и даже съ раннихъ поръ юго-восточная часть острова примирилась съ своимъ положеніемъ и искала для себя новаго исхода, стараясь по возможности стать римской. Легіоны можно было спокойно удалить изъ этихъ частей страны. Мудрые правители поощряли перемѣну. Они поощряли и помогали романизирующей партіи украшать города храмами, красивыми рынками и прекрасными домами. Выдающіеся люди среди южныхъ британцевъ охотно дѣлали заимствованія и давали другимъ примѣръ. Сознаніе измѣненія, введеннаго завоевателями, аллегорически выражается въ постоянномъ изображеніи на мозаичныхъ полахъ римскихъ виллъ въ Англіи Орфея, укрощающаго птицъ и звѣрей. Британцы были птицы и звѣри и если они не сознавали этого, то римляне хорошо знали это. Сыновья британскихъ дворянъ обучались свободнымъ наукамъ и давали тонъ своимъ соотечественникамъ. Многія изъ дошедшихъ до насъ надписей указываютъ на распространенное употребленіе или знаніе письма и даже латинскаго языка — хотя конечно болѣе половины надписей принадлежитъ не британскимъ писателямъ. Предполагаютъ покрайней мѣрѣ, что молодые британскіе юристы ѣздили учиться въ Августодунумъ (Autun)—высшую школу въ Галліи. Римское платье, римскія привычки въ пищѣ утвердились на британской почвѣ и даже греческій «грамматикосъ», лекторъ литературы, нашелъ возможнымъ совершить путешествіе изъ Малой Азіи въ Британію. Другая сторона римской жизни—кровавыя забавы арены — также нашла себѣ здѣсь примѣненіе. Сохранились еще одинъ или два амфитеатра грубой постройки въ Дорчестерѣ и Силчестерѣ; о назначеніи ихъ можно судить по группѣ могучихъ гла-

діаторовъ, изображенной на мозаикѣ римскихъ половъ, найденной въ Биньорѣ и по рисункамъ на глиняной посудѣ.

Мы не должны, однако, преувеличивать размѣровъ романизированной области. На протяженіи отъ Девона до Корнваллиса попадается мало надписей, весьма немного ихъ и въ большой части Валлиса; знаменательно также и то обстоятельство, что мы находимъ кельтскую рѣчь въ Валлисѣ, которая только недавно исчезла въ Корнваллисѣ. Къ сѣверу отъ Альдборо въ Іоркширѣ не найдено ни одной римской виллы. Британія не произвела ни одного извѣстнаго латинскаго писателя, никто изъ британскихъ писателей не могъ сравниться съ Авзоніемъ въ Галліи или Квинтиліаномъ или Марціаломъ въ Испаніи. Не было здѣсь такихъ замѣчательныхъ школъ и такихъ великихъ учителей, какихъ мы встрѣчаемъ въ Галліи и извѣстныхъ намъ благодаря стараніямъ Авзонія. Собранныя въ нашихъ музеяхъ произведенія искусства британской почвы, подобно многимъ надписямъ, удивительно грубы и носятъ варварскій характеръ. Эти произведенія, высѣченныя изъ грубаго матеріала, несоразмѣрныя, грубо сдѣланныя, указываютъ на искусство Греціи, занесенное въ отдаленную страну римскими учителями. На могильныхъ и на другихъ памятникахъ мы встрѣчаемъ сравнительно мало именъ, кромѣ именъ военныхъ и чиновныхъ особъ. Въ Британіи сохранилось мало слѣдовъ греческой цивилизаціи которая возвысила и смягчила цивилизацію Рима и шла рука объ руку съ его завоеваніями. Встрѣчаются греческія надписи, но ихъ мало и онѣ не интересны.

Дѣло въ томъ, что существовала цѣлая пропасть между образованнымъ джентельменомъ британскаго происхожденія, усвоившимъ римскій образъ жизни и римскую ученость, и его бѣднымъ соотечественникомъ, необразованнымъ и упорно удерживавшимъ свои привычки и свою религію. Такіе контрасты, какіе тогда имѣли мѣсто въ Британіи, въ настоящее время можно встрѣтить въ Россіи. Не смотря на то, что Марціалъ могъ хвастаться, что у него находятся читатели на этомъ островѣ и что Ювеналъ могъ шутливо говорить о томъ, что на островѣ Тулѣ (въ Шотландіи или Исландіи?) требуется учитель риторики, масса народа погружена была здѣсь въ глубокое невѣжество, и Британія подобно западнымъ провинціямъ была излюбленнымъ мѣстомъ для практики всевозможныхъ лѣкарей и шарлатановъ. Неудивительно, что имена немногихъ врачей, дошедшія до насъ, частью настоящія римскія, частью греческія. Гдѣ наука была въ застоѣ, тамъ процвѣтала магія; британская магія извѣстна была даже въ Римѣ. Два заклятія, написанныя на свинцовыхъ пластинкахъ и закопанныя, вѣроятно, въ виду достиженія ихъ цѣли, сохранились до нашего времени. Заклятіе — надпись, найденное въ Батѣ гласитъ, что кто укралъ платокъ пишущаго, «Пусть тотъ сгинетъ (или сгніетъ) за это». Изъ другой надписи, найденной въ Гло-

честерѣ, видно, что Сильвуланъ потерялъ кольцо и богамъ обѣщается половина цѣнности его, если они обнаружатъ пропажу. «Пусть они лишатъ здоровья вора!» Колдовство было въ ходу какъ у солдатъ гарнизона, такъ и у британцевъ. Извѣстными знаками можно было парализовать дѣйствіе дурнаго глаза, разнымъ оборотамъ фразъ придавали значеніе, какъ приносящимъ счастье и вырѣзывали ихъ на предметахъ ежедневнаго обихода, напр. *Vivas*—«Долгой жизни!» *Utere felix*—«Употребляй меня и процвѣтай».

Религія. Вѣра въ чародѣйство совмѣщается со всякой формой религіи; въ Британіи обряды колдовства тѣсно связаны съ системой друидизма, которая подавлена была на островѣ Мона (Энглеси) двумя предпринятыми походами 61 и 78 гг. Отъ заклятій, произносимыхъ друидами «съ руками воздѣтыми къ небу», когда стояли на берегу священнаго острова, у солдатъ застывала кровь и они немогли двигаться впередъ: и даже послѣ того, какъ эти жрецы и защищавшія ихъ экзальтированныя женщины, «одѣтыя въ черное подобно фуріямъ и съ распущенными волосами, размахивающія факелами», потерпѣли полное пораженіе, различныя формы древней британской религіи еще не окончательно исчезли. Римское правительство не стремилось уничтожить религію кого бы то ни было изъ своихъ подданныхъ. Если подданные подчинялись и признавали законъ, они могли поклоняться кому хотѣли и какъ хотѣли. Ихъ поощряли принимать участіе въ поклоненіи императору, но только сумасшедшій могъ попытаться сдѣлать принудительнымъ это поклоненіе. Если они отождествляли своихъ боговъ съ богами завоевателей—тѣмъ лучше; но вообще они могли поступать, какъ хотѣли. Терпимость дала свои естественные результаты: религіозная борьба была неизвѣстна, поклонники самыхъ различныхъ многочисленныхъ божествъ оставили свои имена и имена своихъ боговъ вырѣзанными главнымъ образомъ на предметахъ, приносимыхъ по обѣту въ жертву. Не всегда легко опредѣлить, кто были эти поклонники. Иногда попадается только имя настоящаго италійскаго божества, и мы не имѣемъ возможности опредѣлить, былъ ли приноситель жертвы романизированный британецъ или солдатъ гарнизона. Такъ находимъ мы здѣсь поклонниковъ Нептуна и Геркулеса, Марса и Минервы, Юпитера-Optimus Maximus и Аполлона. Слова „*Fulgur divom*“ указываютъ, кажется, съ старомодной итальянской добросовѣстностью на мѣсто гдѣ то вдоль мрачной линіи Нотумберландской стѣны, гдѣ гнѣвъ божій разразился молніей; посвященія *Genius loci* имѣютъ характеръ настоящихъ римскихъ надписей; но когда поклонникъ Аполлона не можетъ правильно написать имя Аполлона, мы подозрѣваемъ, что то былъ не римлянинъ; и когда Минерва отождествляется съ *dea Sulis* или *dea Sulis* отождествляется съ Минервой, мы подозрѣваемъ, что поклонникъ-провинціалъ, который желаетъ угодить и своему старому богу и новому

богу своихъ властителей. «Марсъ Камулъ» опять представляетъ попытку соединить римское божество съ британскимъ богомъ; впослѣдствіи Колчестеръ отсюда заимствовалъ свое старое названіе Комулодунумъ. Иногда группа восточныхъ божествъ соединяется съ именемъ сирійскихъ поклонниковъ. Иногда мы находимъ боговъ Галліи и Германіи; то были тогда божества, поклоненіе которыхъ широко распространено было среди кельтовъ по обѣ стороны моря; быть можетъ ихъ занесли сюда чужеземные поселенцы и чужеземные отряды, служившіе въ арміи завоевателей. *Deae Matres* или *Matronae,* изображаемыя на (чужеземныхъ) высѣченныхъ камняхъ въ видѣ трехъ сидячихъ фигуръ, держащихъ нѣчто въ родѣ символовъ изобилія и плодородія, также хорошо извѣстны въ римской Германіи. Однако и здѣсь мы встрѣчаемъ много варварскихъ названій боговъ, ни значенія, ни происхожденія которыхъ мы доискаться не можемъ. Странная человѣческая фигура съ ногами и головой пѣтуха, которая видна на мозаичномъ полу римской виллы въ Брэдингѣ, быть можетъ имѣла какое нибудь религіозное значеніе. Немногія божества исключительно національны или принадлежатъ цѣлому племени, такъ *dea Brigantia* — «богиня» синихъ (раскрашенныхъ) бригантовъ. Тамъ и сямъ поклонялись естественнымъ силамъ природы. Надписи, посвященныя нимфамъ и родникамъ, найденныя около Честера, напоминаютъ намъ о томъ, что наши священные ключи древнѣе христіанства; такъ въ ключѣ близъ Ньюкестля изображеніе богини Ковентины, плывущей на водяной лиліи; поклоненіе, воздаваемое dea Tertiana, олицетворенію горячки и перемежающейся лихорадки, указывало на естественную тенденцію поклоняться тому, чего не понимаешь и ч его боишься.

Въ сущности религіозные памятники римской Британіи указываютъ намъ религіозное состояніе міра въ тѣ времена—являются указателями сохраняющихся еще старыхъ вѣрованій и новыхъ тенденцій. Алтари съ жертвенными надписями были вѣроятно наиболѣе многочисленнымъ родомъ камней съ надписями и служатъ полной иллюстраціей разнообразія вѣрованій и обрядовъ. Поклоненіе императорамъ, умершимъ или живушимъ, составляло общій обрядъ, въ которомъ могли принимать участіе въ провинціи, и, Британія, вѣроятно, въ этомъ отношеніи не отставала отъ другихъ, хотя мы не можемъ съ достовѣрностью указать здѣсь какой либо центральный алтарь, у котораго для этой цѣли могли бы сходиться всѣ племена, какъ мы можемъ указать на алтарь Рима и Августа въ Лугдунумѣ (Ліонѣ), религіозномъ центрѣ римской Галліи. Благочестивое отношеніе къ императорамъ иллюстрируется многими надписями, кромѣ вышеуказанной надписи о *Sevir* въ Іоркѣ. Часто встрѣчаются посвященія божеству императора: *numen Imperatoris* или *Augusti* или *numina Augustorum.* Поклоненіе Эскулапу (*Asklepios* или *Aesculapus*), столь распространенное во времена древней Имперіи въ странахъ отдаленнаго

Востока, весьма возможно, было вытѣснено въ Британіи величіемъ богини Сулисъ (Sulis) и ея цѣлительными источниками въ Батѣ, однако же слѣды этого поклоненія все-таки попадаются. Встрѣчаются здѣсь также и болѣе мистическія религіи, проникшія сюда съ Востока. Посвященіе богу Эону (Aeon), написанное какимъ-то Аріманіемъ, быть можетъ персомъ, указываетъ на то, какъ далеко могли проникать вѣрованія и ихъ послѣдователи во времена всемірнаго владычества Рима. Сераписъ, первоначально богъ южнаго берега Чернаго моря, служитъ указателемъ тенденціи просвѣщеннаго позднѣйшаго паганизма слить свои божества и подыскать одного главнаго бога, фигурирующаго подъ разными названіями. Его отождествляли съ египетскими объектами поклоненія, онъ былъ великъ и извѣстенъ въ Александріи и въ Римѣ и слѣды поклоненія ему сохранились даже на этомъ отдаленномъ островѣ Сѣвернаго моря. Поклоненіе Митрѣ— одно время соперничавшее съ христіанствомъ, — прошло весь путь отъ Персіи до южнаго Валлиса и Нортумберланда. Этаго бога обыкновенно отождествляли съ солнцемъ и странные символы, изображающіе его при жертвоприношеніи, хорошо извѣстны намъ по коллекціямъ въ Луврѣ и въ британскомъ музеѣ. По линіи «стѣны Пиктовъ» близъ Гаустэда найдена пещера, избранная для совершенія тайныхъ обрядовъ, и мы представляемъ себѣ вѣрующаго, жаждущаго отпущенія грѣховъ, спускающимся въ эту пропасть, чтобы очиститься кровью жертвы—овцы или быка, убиваемыхъ надъ нимъ на помостѣ изъ продырявленныхъ досокъ.

Весьма обычной чертой религіозныхъ обрядовъ въ Греціи и въ Римѣ было добровольное соединеніе людей въ ассоціаціи для воздаванія почестей тому божеству, которому они отдавали предпочтеніе; такимъ организованнымъ обществомъ является въ Британіи „*collegium Apollinis*“ и общество поклонниковъ Меркурія и поклонниковъ Сулисъ.

Нѣкоторыя изъ надписей въ честь «прежнихъ боговъ» (*Di veteres*) вызываютъ предположеніе, что многія лица, усвоивъ извѣстную долю римской цивилизаціи, неодобрительно относились къ проникавшимъ къ нимъ нововведеніямъ. Слово «Друидъ» не встрѣчается въ римско-британскихъ надписяхъ, но система друидовъ не могла быть скоро забыта (какая религія скоро забывается?) и ревность къ вѣрѣ и суевѣріе въ совокупности способствовали почитанію старой вѣры. Другой видъ сохранившагося сожалѣнія о старой вѣрѣ проглядываетъ въ надгробныхъ надписяхъ — римскій обычай, перешедшій въ провинцію — *Dis Manibus* или рѣже *Memoriae*. Нѣжныя слова, въ которыхъ слышится печаль, слова: отецъ или ребенокъ, мужъ или жена, вырѣзанныя ниже этихъ сохранившихся выраженій, напоминаютъ намъ о простомъ народѣ, о его ежедневныхъ горестяхъ и радостяхъ, которыя упускаются часто изъ вида

при изученіи внѣшней исторіи и административнаго механизма націи. Намъ становятся близки римскій гарнизонъ и романизированные провинціалы, когда мы читаемъ эти выраженія печали, истинную сущность которыхъ не можетъ безъ ущерба передать переводъ[1]).

Simpliciae Florentine anime innocentissime (изъ Іорка).

Filia matri et fratri piissima. (Найдена близъ Карлеона).

Filie dulcissime. (Нортумберлендъ).

Fil(ioe) Kar(issimoe). (Батъ).

Conju(gi) et filioe pientissi(mis). (Старый Пенритъ).

Conjugi sanctissimoe quae vixit annis xxxiii sine ulla macula. (Нортумберландъ).

(Conjugi cum qua) vixi sin(e ulla querella). (Сомерсетширъ).

Умершаго хоронили обыкновенно въ Британіи наслѣдники, а не общество (collegium), къ которому онъ принадлежитъ, какъ это часто бывало въ Италіи. Это отнюдь не можетъ служить доказательствомъ силы родственной привязанности, а вытекаетъ изъ двухъ фактовъ. 1) Относительно могилъ найденныхъ нами солдатъ или знатныхъ людей можно сказать, что они могли не пользоваться услугами похороннаго общества (club). 2) Бѣднѣйшіе британцы не могли дорости до кооперації, въ силу которой основывались и правильно функціонировали похоронныя общества.

Мы должны съ осторожностью говорить о христіанствѣ Британіи, такъ какъ намъ о немъ очень мало извѣстно. Хотя не вѣрно и то, что мы не можемъ вовсе найти слѣдовъ христіанства въ Британіи во время римскаго владычества, но можно утвердительно сказать, что слѣды эти очень незначительны. Христіанскихъ надписей попадается мало и изъ мѣстностей, имѣющихъ мало значенія. Современный историкъ по тщательному изысканію приходитъ къ такому выводу: «Сообщенія о британскихъ христіанахъ въ Римѣ или Британіи, о миссіонерахъ, проповѣдывавшихъ въ Британіи въ первомъ столѣтіи, опираются на догадки, заблужденія или басни. Достовѣрность существованія христіанской церкви въ Британіи во второмъ столѣтіи не доказана исторически». Въ концѣ третьяго столѣтія и въ началѣ четвертаго извѣстны имена британскихъ епископовъ, въ концѣ четвертаго столѣтія существовала въ Британіи «утвержденная церковь», съ церквами, алтарями, священнымъ писаніемъ, благочиніемъ, по образцу католической вѣры и она находилась въ сношеніяхъ съ Римомъ и Палестиной[2]).

---

[1]) Правописаніе и другія особенности формы сохранены въ томъ видѣ въ какомъ ихъ находимъ на оргиналахъ.

[2]) Haddan and Stubbs, Councils 1, 22, 24, 7, 10.

Языческая британія.

Р. Уилльямса.

Паганизмъ былъ религіей классическаго міра въ расцвѣтъ его цивилизаціи. Вслѣдствіе этого для его исторіи имѣется обильный матеріалъ,—письменный, архитектурный и т. п., такъ что изслѣдованіе религіозной жизни и возстановленіе религіозныхъ вѣрованій грековъ и римлянъ составляютъ легкую задачу. У кельта было иначе: онъ отрекся отъ паганизма въ то время, когда цивилизація едва начала появляться у него. Картина кельтскаго язычества можетъ быть начертана лишь въ слабыхъ, неясныхъ очертаніяхъ. Тѣ свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ относительно него, почерпаются изъ слѣдующихъ источниковъ: 1) сочиненій греческихъ и римскихъ писателей, въ которыхъ излагаются ихъ наблюденія или разсказы тѣхъ, кто путешествовалъ или управлялъ странами, населенными кельтами, 2) изъ сочиненій самихъ кельтовъ, относящихся къ позднѣйшему и главнымъ образомъ послѣ языческому времени; 3) изъ результатовъ новѣйшихъ антропологическихъ и антикварныхъ изслѣдованій.

Во время вторженія Юлія Цезаря (55 г. до Р. Х.) т. е. начала исторіи Британіи, она была заселена иберійцами, которые, предполагаютъ, не арійскаго происхожденія и двумя вѣтвями кельтскаго рода — гойделами (Goidels) и британами (Brythons). Эти двѣ вѣтви раздѣлили островъ между собою, какъ это въ позднѣйшій періодъ сдѣлали британскія и саксонскія племена,—гойделы соотвѣтствуютъ британцамъ, и британы—саксонцамъ. Отъ иберійцевъ остались только слѣды, болѣе замѣтные среди гойделовъ, въ сѣверныхъ частяхъ страны.

Эти три различные народа, хотя одинаково сильно преданные религіи, отличались однако по своей религіи и по своей цивилизаціи. Цивилизація двигалась на западъ, внося съ собою религіозныя, соціальныя и политическія нововведенія; такъ что то, что составляло когда то религіозные обряды у британовъ восточныхъ округовъ, въ позднѣйшій періодъ вошло въ составъ религіозныхъ обрядовъ гойделовъ на западѣ. Съ пришествіемъ римлянъ произошло значительное измѣненіе въ старой кельтской религіи въ духѣ вѣры завоевателей.

Боги. Цезарь отождествляетъ главныя кельтскія божества съ хорошо извѣстными богами римскаго пантеона — Меркуріемъ, Аполлономъ, Марсомъ, Юпитеромъ и Минервой. Основаніемъ къ этому отождествленію послужило, безъ сомнѣнія, тождество атрибутовъ и силъ, приписываемыхъ различнымъ божествамъ кельтами и римлянами. Главными руководящими идеями язычника кельта были идеи языче-

скихъ націй, вообще обоготвореніе природы и олицетвореніе ея силъ. «Въ этомъ для меня», говоритъ Карлейль,—«состоитъ тайна всѣхъ формъ язычества. Поклоненіе есть трасцендентное удивленіе—удивленіе, для котораго нѣтъ границы или предѣла—это и есть поклоненіе. Для этихъ первобытныхъ людей всѣ творенія и все, что они видѣли существующимъ помимо нихъ, являлось эмблемой божественнаго бога».

Изъ этихъ божествъ Меркурій—извѣстный въ Британіи, вѣроятно, подъ именемъ Офидда (Ofydd-Ovyth)—считался главнымъ. Онъ былъ изобрѣтатель всѣхъ искусствъ, покровитель всѣхъ дорогъ и путешествій, его вліяніе признавалось самымъ могущественнымъ въ дѣлѣ пріобрѣтенія денегъ и коммерческихъ оборотовъ. Цезарь говоритъ, что существовало много изображеній этого божества, и Луканъ оставилъ весьма интересныя описанія этихъ изображеній. Богъ изображенъ очень дряхлымъ старикомъ, съ лысой головой; сохранившіеся волосы совершенно сѣдые, кожа сморщена годами и загорѣлая, какъ это бываетъ у людей, состарившихся отъ жизни на морѣ. Его одежда состоитъ изъ львиной шкуры. Въ правой рукѣ онъ держитъ палицу, въ лѣвой натянутый лукъ, запасъ стрѣлъ приготовленъ въ колчанѣ, висящемъ сбоку. Офиддъ былъ также богъ рѣчи. На изображеніи онъ тащитъ за собою толпу людей янтарными и золотыми нитями, привязанными къ ихъ ушамъ. Другіе концы нитей продернуты чрезъ кончикъ языка бога, который не только, казалось, не страдаетъ отъ этой пытки, но даже добродушно улыбается своимъ послѣдователямъ.

Объ Аполлонѣ Цезарь говоритъ, что его считали исцѣлителемъ отъ болѣзней. Кромѣ того, однако, онъ былъ еще кельтскимъ богомъ солнца. Его британское названіе Мапонъ (Mapon), позднѣе Мабонъ означало «мальчикъ» или «ребенокъ мужскаго пола». Его изображали обыкновенно въ сопровожденіи пожилой богини, извѣстной по имени Сироны, его матери соотвѣтственно Валлійской миѳологіи, гдѣ Мапонъ фигурируетъ какъ «*Mabon mab Modron*»—Мабонъ сынъ Модроны».

Почитался въ особенности среди кельтовъ богъ войны, Марсъ классической миѳологіи. Комулъ,—какъ его чаще называли въ народѣ,—не только руководилъ и рѣшалъ судьбы войны, но управлялъ еще вѣтрами. Въ древнемъ періодѣ онъ занималъ, кажется, положеніе главнаго бога, бога *par excellence*. При открытіи войны давался общій обѣтъ, что вся отнятая у врага добыча будетъ посвящена богу войны. Когда война кончалась и побѣда была обезпечена, приносились въ жертву взятыя въ плѣнъ животныя; да и другая добыча складывалась на священныхъ мѣстахъ въ городахъ. Какое либо нарушеніе или замедленіе въ исполненіи этого обѣта,

какъ у Ахана, или расхищеніе добычи, признавались высшими формами измѣны и влекли за собою соотвѣтствующія наказанія.

Юпитеръ извѣстенъ подъ различными именами — въ зависимости отъ приписываемыхъ ему функцій и силъ. Какъ Суцело (Sucelo) или Тараннъ (Tarannus), онъ повелѣвалъ громомъ. Какъ Esus или Hesus онъ былъ повелителемъ лѣсовъ, полей и садовъ и покровителемъ пастуховъ. Подъ именемъ Нодена (Nodens)—Валлійскаго Nudd или Ludd (Lud),—онъ соотвѣтствовалъ римскому Нептуну, повелителю моря. Какъ у повелителя моря, у него былъ храмъ въ Лиднеѣ, на сѣверѣ, гдѣ найдено его изображеніе. Онъ изображенъ юнымъ богомъ, осѣненнымъ лучами, стоящимъ на колесницѣ, запряженной четверкой лошадей; его сопровождаютъ крылатыя фигуры, изображающія вѣтеръ.

Минерва—единственная богиня, упоминаемая Цезаремъ. Однако же, она отнюдь не была единственнымъ женскимъ божествомъ: со многими именами боговъ связываются имена богинь. Богиня, которую Цезарь отождествляетъ съ Минервой, и которой приписывалось изобрѣтеніе различныхъ искусствъ и ремеслъ, была Бригантія, ирландская Бриджетъ, въ позднѣйшей Валійской миѳологіи извѣстная подъ именемъ Керидуенъ.

Остается Dis Pater или Сернунно (Cernunnos), какъ называли его кельты. Въ немъ соединялся кельтскій Плутонъ съ Янусомъ. Отъ него кельты вели свое происхожденіе и въ честь его, по всѣмъ вѣроятіямъ, они начинали свое счисленіе времени съ ночи.

Феи и демоны.

Кромѣ того было еще множество низшихъ божествъ — фей, геніевъ и демоновъ; имъ, вѣроятно, преклонялись преимущественно,—какъ предполагаютъ,—среди иберійцевъ; поклоненіе этимъ же божествамъ, распространено было вѣроятно среди Гойделовъ западныхъ округовъ. Изъ этихъ божествъ на первомъ мѣстѣ должны быть поставлены мѣстные геніи (Genius loci). Каждый раіонъ имѣлъ своего особаго покровителя- генія, въ честь котораго ежегодно устраивался праздникъ съ жертвоприношеніями и возліяніями вина. За ними слѣдуютъ главныя богини, въ латинскихъ надписяхъ именуемыя матерями (Matres или Matronae). То были или благодѣтельныя волшебницы, или злыя людоѣдки. Было также много божествъ дружелюбныхъ и враждебныхъ человѣку, которыми населялись выдающіяся мѣстности. Каждый лѣсъ, всякій горный утесъ, скала, озеро, рѣка, ключъ, имѣли свои божества. Названіе Ди, столь часто встрѣчающееся для британскихъ рѣкъ, пережитокъ этого времени. Сѣверный Валлійскій Ди пользовался особой славой, какъ Эрвенъ (Aerven)—геній войны. Даже еще въ двѣнадцатомъ столѣтіи берега этой рѣки тщательно и тревожно изслѣдовались передъ началомъ войны англичанъ съ валлійцами. Размытіе англійскаго или валлійскаго берега предсказывало пораженіе той или другой арміи въ предстоящей борь-

бѣ. Подобно грекамъ валлійцы олицетворяли болѣзни. Желтая лихорадка была «У Fod Felen», въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Валлиса перемежающаяся лихорадка извѣстна, какъ «Ir hen wrach», старая вѣдьма. Съ этимъ тѣсно связана была и значительно преобладала вѣра въ колдуній и колдовство. Недавно въ Гекстэмѣ открыта статуя, посвященная «тремъ колдуньямъ». Всѣ усилія христіанства и просвѣщенія долгое время тщательно направлялись на то, чтобы побороть эти и многія другія вѣрованія этихъ первобытныхъ временъ. Еще на нашей памяти въ Сѣверномъ Валлисѣ молодого больного калѣку-поэта считали жертвой фамильной мстительности одной злой колдуньи, которая «посвятила его морю» [1]).

Друиды.

Система друидовъ,—эта, какъ полагаютъ, видоизмѣненная форма иберійской религіи, преобладала среди Гойделовъ. Отличительной чертой ея была стоявшая во главѣ могущественная іерархія, называвшаяся друидами—отъ слова «*dru*», галльскаго названія дуба. Друиды освобождались отъ уплаты племени податей и отъ обязательства военной службы. Вліяніе ихъ было такъ велико, что если двѣ арміи сходились для битвы, друиды, бросившись среди нихъ, могли воспрепятствовать сраженію. Отлученія со стороны друидовъ на столько же боялись, и оно сопровождалось такимъ же суровымъ остракизмомъ, какъ и отлученіе Гильдебранта. Многіе вступали добровольно въ этотъ орденъ (друиды не были кастой), чтобы пользоваться этими высшими привиллегіями, или вводились въ него родителями и друзьями.

Предсѣдательствовавшій надъ всѣмъ орденомъ архидруидъ выбирался пожизненно изъ старшихъ друидовъ. Если изъ среды послѣднихъ кто либо выдѣлялся по своимъ достоинствамъ, то его безъ пререканій избирали въ преемники архидруида. Если выборъ приходилось дѣлать изъ нѣсколькихъ кандидатовъ, то избраніе совершалось орденомъ путемъ баллотировки, при чемъ, конечно, не всегда дѣло обходилось безъ помощи оружія.

Кромѣ главы-архидруида въ составъ ордена входили три степени: собственно друиды, барды и оваты (Ovates). Трудно опредѣлить соотвѣтственное положеніе и различныя обязанности каждой степени. Въ общемъ извѣстно только слѣдующее: друиды были философы; они распоряжались религіозными церемоніями,—одни изъ нихъ предсѣдательствовали, другіе совершали обряды и приносили жертвоприношенія. Барды были поэты и пѣвцы; они слагали гимны своимъ благодѣтелямъ, призывали къ возстанію противъ врага, воспѣвали

---

[1]) Уже послѣ того, какъ написаны были эти строки, авторъ, къ удивленію своему, нашелъ въ центральномъ Валлисѣ такой округъ, въ которомъ до сихъ поръ твердо вѣрятъ въ колдовство,—вѣрятъ въ него и практически имъ пользуются.

въ стихахъ удаль и превосходство ушедшихъ на войну, сопровождая свое пѣніе аккомпаниментомъ арфы. Оваты, какъ самое названіе показываетъ, были авгуры или предсказатели — Римскіе Vates — и, весьма возможно, хроникеры. Есть предложеніе, что существовалъ орденъ друидесъ. Когда Севтоній Павлинъ преслѣдовалъ друидовъ въ Энгльси въ 56 г. послѣ Р. Х., во время его высадки женщины въ траурныхъ одѣяніяхъ, съ развѣвающимися косами и горящими факелами бросились къ британскимъ воинамъ, возбуждая въ нихъ храбрость для защиты послѣдняго убѣжища ихъ ордена.

Священные обряды.

Вообще, друиды были жрецы, судьи,—и уголовные, и гражданскіе,—лѣкари, магики, наставники юношества. Въ этомъ послѣднемъ званіи британскіе друиды пользовались такою славою, что во времена Цезаря галльскіе юноши отправлялись къ нимъ для пополненія своего образованія. Никакое жертвоприношеніе,—будь оно частное или общественное,—не могло быть совершаемо безъ санкціи и присутствія друида. Приношенія эти, въ особенности во время войны или чумы, состояли обыкновенно изъ человѣческихъ жертвъ. Тотъ, кто не могъ добыть подобной жертвы, давалъ обѣтъ принести въ жертву самого себя. Для общественныхъ и государственныхъ жертвоприношеній каждое племя имѣло установленный жертвенный кодексъ. Если безсмертные боги приходили въ сильный гнѣвъ, то ихъ можно было умиротворить одной лишь человѣческой кровью; особенно угодна была въ этихъ случаяхъ кровь осужденныхъ преступниковъ. При многихъ торжественныхъ обстоятельствахъ сооружались изъ ивы громадныя изображенія, которыя наполнялись человѣческими жертвами и зажигались. Исходъ войны или какое-либо другое важное грядущее событіе нерѣдко предсказывалось по человѣческимъ жертвамъ. Жертвѣ мечемъ прокалывали поясницу и отгадывали будущее по конвульсіямъ или предсказывали его по внутренностямъ.

Странной чертой системы друидовъ является почитаніе омелы. Открытіе послѣдней на дубѣ давало поводъ ко всеобщему торжеству. Предсѣдательствующій друидъ, одѣтый въ длинную, развивающуюся бѣлую мантію, взбирался на дерево и золотымъ серпомъ срѣзалъ драгоцѣнное растеніе, которое внизу принимали на бѣлый холстъ два друида; тутъ же приносилась благодарственная жертва изъ двухъ бѣлыхъ быковъ.

Другое столь же странное суевѣріе связывается съ миѳомъ о яйцѣ змѣи. Утверждали, что лѣтомъ сходилось множество змѣй и, выдувая изъ себя въ воздухъ нѣчто въ родѣ пѣны, искусственно дѣлали яйцо. Друиды утверждали, что они съ точностью угадываютъ время, когда это происходитъ, и ловили падающее яйцо на холстъ. Процедура эта считалась опасною, змѣи ожесточенно преслѣдовали похитителя до тѣхъ поръ, пока ихъ не раздѣляла рѣка. Тотъ, кто обладалъ яйцомъ, имѣлъ успѣхъ въ судебныхъ дѣлахъ; оно же об-

легчало доступъ къ королю. Императоръ Клавдій казнилъ римскаго всадника за то, что во время веденія юридическаго процесса, онъ носилъ на груди такое яйцо. Плиній разсказываетъ, что у него самого было такое яйцо величиною съ обыкновенное яблоко. Въ дѣйствительности, яйцо это дѣлалось, кажется, изъ стекла и употреблялось друидами, чтобы поддерживать свой обманъ.

Чрезвычайно трудно опредѣлить сущность ученія друидовъ,—тѣмъ болѣе, что проповѣдь ихъ совершалась устно, частью ради лучшаго сохраненія тайны, частью ради развитія и сохраненія памяти. Въ ихъ ученіе, насколько оно намъ извѣстно, входили понятія о безсмертныхъ богахъ, какъ о томъ можно судить главнымъ образомъ по ихъ поклоненію Юпитеру подъ открытымъ небомъ, о безсмертіи человѣческой души по Пиѳагорійской доктринѣ, о переселеніи послѣдней, о движеніи звѣздъ и о протяженіи земли. Обученіе продолжалось иногда около двадцати лѣтъ и сводилось, обыкновенно, къ передачѣ памяти устныхъ изрѣченій, выраженныхъ обыкновенно въ трехстишіяхъ (triads) и часто въ стихахъ. Такой способъ передачи знанія сохранился у валлійцевъ до сравнительно поздняго періода.

Кельтское христіанство.

Могущество друидовъ было окончательно подорвано, когда завоевали Энгльси, уничтожили орденъ и вырубили рощи. Когда мы вслѣдъ затѣмъ встрѣчаемся съ ними въ ирландской и шотландской исторіи, то они уже тамъ ничто иное, какъ подобіе Елима Волшебника, тамъ они претендуютъ на обладаніе миѳической силой и толпятся при дворахъ племенныхъ предводителей. Кельтское язычество, въ особенности въ городахъ, сливалось все болѣе съ эклектическимъ паганизмомъ, модной въ то время религіей въ Римѣ, пока оба ученія не исчезли при появленіи христіанства.

Обращеніе Британіи.

Въ настоящее время мы не можемъ опредѣлить, кто былъ первымъ миссіонеромъ въ Британіи. Слова св. Климента о томъ, что Павелъ странствовалъ на окраины Запада, вызвали предположеніе, что онъ самъ былъ великимъ апостоломъ британскихъ язычниковъ. Другое преданіе приписываетъ дѣло обращенія Брану (Bran), отцу Каратака, храбраго предводителя Силуровъ, который девять лѣтъ подъ рядъ противостоялъ храбрости и дисциплинѣ римскаго войска. Бранъ былъ оставленъ въ Римѣ въ качествѣ заложника вмѣсто его сына; онъ былъ обращенъ св. Павломъ, содержавшимся въ тюрьмѣ одновременно съ нимъ, и, наконецъ, вернулся, чтобы сообщить благовѣстіе своимъ соотечественникамъ. Въ то же время третья, самая распространенная, легенда утверждаетъ, что основателемъ британской церкви былъ Іосифъ Аримафейскій. По этой легендѣ Іосифа, Лазаря и его двухъ сестеръ ихъ преслѣдователи посадили въ лодку безъ весла и паруса, и Провидѣніе занесло ихъ въ южную Галлію. Отсюда св. Іосифъ, который все время несъ при себѣ Святую Чашу (Holy Grail), отправился съ двѣнадцатью товарищами проповѣдывать Слово Жизни

британцамъ. Приставъ къ Бристольскому каналу, они поселились на островѣ Гластонбюри, гдѣ св. Іосифъ принужденъ былъ, вслѣдствіе недовѣрія слушателей, воткнуть свой жезлъ въ землю и повелѣть ему произвести листья и цвѣтъ. Это чудо повлекло за собою обращеніе короля; жезлъ Іосифа сталъ знаменитымъ Гластонбюрійскимъ терновникомъ, который цвѣлъ впослѣдствіи въ Рождественское утро въ годовщину чудеснаго событія.

Предполагаемые распространители христіанства.

Эти и другіе разсказы неимѣютъ характера исторической достовѣрности чтобы изъ области легенды перейти даже въ область правдоподобной исторіи. Подобно многимъ цѣннымъ именамъ, имя перваго миссіонера Британіи исчезло во мракѣ и туманѣ прошедшаго. Вѣроятно, христіанство достигло этой страны, какъ и многихъ другихъ странъ, при посредствѣ разныхъ распространителей. Отдѣльные христіане среди солдатъ и гражданскихъ чиновниковъ постоянно разъѣзжали изъ Рима въ Британію и обратно; они, по всѣмъ вѣроятіямъ, способствовавали появленію первыхъ обращенныхъ; миссіонеры изъ греческихъ миссіонерствъ въ Ліонѣ и Вьеннѣ въ Галліи, основанныхъ въ 150 г. послѣ Р. Х., организовали разбросанныхъ тогда обращенныхъ въ церковь. Раннія историческія доказательства, касающіяся этого предмета, подтверждаютъ и даже отмѣчаютъ послѣдовательныя ступени этого предполагаемаго факта. О существованіи христіанъ въ Британіи впервые упоминаетъ Тертуліанъ около 208 г. по Р. Х. Въ 304 г. по Р. Х., во время преслѣдованій Діоклетіана, св. Албанъ былъ замученъ въ Веруламѣ, названномъ съ тѣхъ поръ С. Албаномъ. Распространеніе христіанства приняло тогда такіе размѣры, что обратило на себя вниманіе гражданскихъ властей. Присутствіе, въ 314 г. по Р. Х., британскихъ епископовъ Іорка, Лондона и (вѣроятно) Кэрлеона на Ускѣ на соборѣ въ Арлѣ воФранціи служитъ доказательствомъ того, что въ южной части острова существовала организованная церковь.

Не слѣдуетъ однако думать, что вся нація или что народная масса была обращена. Хотя благодаря ихъ религіозному настроенію и быстрому воспріимчивому темпераменту британцы были до извѣстной степени расположены откликнуться на призывъ христіанства, однако только столѣтіе спустя церковь проникла въ горы и долины даже южной Британіи. Церкви первоначально посвящались основателямъ ихъ. Въ началѣ восьмаго столѣтія обычай этотъ смѣнился посвященіемъ церкви св. Михаилу. Теперь церкви, посвященныя св. Михаилу—Llanfihangels—почти всѣ безъ исключенія расположены въ дикихъ гористыхъ долинахъ или на твердой землѣ среди болотъ. Онѣ обозначаютъ послѣднее прибѣжище вымиравшаго язычества и очевидно заняты были церковью только въ началѣ восьмаго столѣтія.

Характерныя черты: Епископства.

Христіанство было еще нераздѣльнымъ, и главныя отличія вселенной церкви: учрежденіе епископствъ, католическая вѣра, литургія,

таинства, появились съ самаго начала и въ британской церкви. Существованіе трехъ видовъ священнослужителей — епископовъ, священниковъ и діаконовъ,—извѣстно по присутствію представителей каждой степени священства на соборѣ въ Арлѣ. Сначала епископство было епархіальное или территоріальное и имѣло свои отличительныя черты. Одной изъ отличительныхъ чертъ было отсутствіе архіепископа. Хотя личныя качества давали почетное положеніе епископамъ различныхъ епархій, но архіепископа въ обычномъ пониманіи этого званія не было въ Валлисѣ даже до соединенія церкви Валлиса съ церковью Англіи въ двѣнадцатомъ столѣтіи. Другой особенностью было отсутствіе обязательнаго безбрачія—положеніе вещей, продолжавшееся въ Валлисѣ покрайней мѣрѣ до одинадцатаго столѣтія. Сынъ зачастую наслѣдовалъ отъ отца епископство, напримѣръ Суліенъ и Ридмаршъ на кафедрѣ св. Давида въ 1088 г., два человѣка въ Валлійской исторіи, съ которыми никто не могъ сравниться по благочестію и учености. Были также особенности въ обрядѣ посвященія епископовъ. Посвященіе могло совершаться однимъ епископомъ вмѣсто трехъ, какъ это установлено въ другихъ мѣстахъ, и сопровождалось церемоніями, міропомазаніемъ ногъ и головы посвящаемаго, что не употреблялось въ другихъ церквахъ. Болѣе же всего отличались британскія епископства благороднымъ происхожденіемъ своихъ членовъ. Епископы были или князья или члены княжеской семьи: св. Давидъ, учредитель епархіи его имени, былъ княземъ Середигіона (Ceredigion), Св. Тейло, Деиніоль и Синдейрнъ, учредители другихъ валлійскихъ епархій, были отпрыски благороднѣйшихъ фамилій.

Миссіонерскіе Монастыри.

Члены княжескихъ фамилій были также учредителями того, что составляло особую славу британской и валлійской церкви, а именно многочисленныхъ монастырей или «*coreu*» (единственное число этого слова *côr*), какъ ихъ называли. Вождь часто дѣлался аббатомъ, а кланъ составлялъ его *côr*. Страна была покрыта сѣтью такихъ учрежденій. Въ самомъ меньшемъ изъ такихъ учрежденій было пятьдесятъ обитателей. Въ самомъ большемъ, напримѣръ, въ знаменитыхъ колледжахъ,— такъ какъ монастыри были не только религіозныя, но и воспитательныя учрежденія,— въ Бангоръ-из-Коедъ (Bangor-is-Coed) въ Денбигширѣ, въ Колледжѣ св. Илтида въ Llandwit Major, члены насчитывались тысячами. Время распредѣлялось на часы молитвы, ученія и физическаго труда; послѣдній составлялъ отличительную черту валлійской монастырской жизни. Главная же задача этихъ учрежденій было миссіонерство. Кельтскіе монастыри имѣли совсѣмъ не то направленіе, какое имѣли позднѣйшіе англійскіе и континентальные монастыри. Послѣдніе служили прибѣжищемъ для тѣхъ, кто убѣгалъ отъ мірскаго зла. Первые были мѣстомъ воспитанія для тѣхъ, кто выступалъ для борьбы съ этимъ зломъ. Каж-

дый монастырь являлся центромъ миссіонерской дѣятельности. Ежедневный обиходъ разнообразился странствованіемъ въ сосѣдніе округа для проповѣди евангелія. Мѣста проповѣди обозначались каменнымъ крестомъ; съ теченіемъ времени, когда появлялись обращенные, строилось грубое зданіе, соотвѣтствующее миссіонерскому помѣщенію настоящаго времени. Современемъ воздвигалась приличная церковь, получалась бенефиція, устраивалось кладбище, затѣмъ все освящалось постомъ и молитвою миссіонерскаго священника и называлась его именемъ. Въ одномъ Карнарвонширѣ тридцать одинъ приходъ носятъ еще названіе и свидѣтельствуютъ о миссіонерскихъ трудахъ первыхъ основателей ихъ церквей, такъ напримѣръ, св. Тудно, св. Перисъ, св. Киби въ Лландудно, Лланберисѣ и Лланджиби. Часто названіе церкви было отлично отъ названія прихода. Св. Беуно, получивъ отъ Кэдуаллона городъ Клиногъ въ Корнарвонширѣ, поселился тамъ съ своимъ «côr». Вскорѣ послѣдовало обращеніе сосѣдней мѣстности и основаніе въ ней церкви. Затѣмъ заняты были ближайшіе округа и помимо церквей, посвященныхъ членомъ его колледжа, не менѣе семи приходскихъ церквей посвящены самому св. Беуно и свидѣтельствуютъ о его миссіонерской дѣятельности.

Въ теченіи послѣдующихъ столѣтій волны религіознаго энтузіазма или возрожденія, свойственныя кельтской религіи, уничтожили эти монастырскіе колледжи, но затѣмъ при новомъ послѣдовательномъ обращеніи Ирландіи, Шотландіи, а вслѣдъ за ними большей части Саксонской Англіи опять выступили на сцену новыя миссіи.

Вѣроученіе Богослуженіе.

Первоначальная вѣра была апостольская. Въ 325 г. по Р. Х. британскіе епископы увѣряли Св. Афанасія, великаго борца за истинную вѣру, въ своемъ согласіи съ никейскимъ символомъ вѣры, возникшимъ за семь лѣтъ передъ этимъ, и въ ихъ принадлежности къ католической вѣрѣ. Эти вѣроученія съ позднѣйшимъ, такъ называемымъ, вѣроученіемъ Афанасія дополняли тріаду формулъ, и до сихъ поръ составляющихъ главное вѣроученіе англиканской церкви. Но эта принадлежность къ ортодоксіи установилась совсѣмъ не такъ просто. Кельтъ въ своихъ религіозныхъ тенденціяхъ обнаруживалъ склонность къ метафизикѣ. Спорные вопросы этого рода приводили къ ожесточеннымъ диспутамъ. Когда Морганъ — британецъ, болѣе извѣстный подъ именемъ Пелагія, около 400 г. по Р. Х. обнародовалъ свое еретическое ученіе о первородномъ грѣхѣ и о естественной возможности для человѣка духовнаго возрожденія, то ересь эта нигдѣ въ христіанскомъ мірѣ не свирѣпствовала болѣе ожесточенно, чѣмъ среди земляковъ ересіарха. Племенной характеръ монастырей побуждалъ монаховъ вмѣшиваться въ междоусобныя войны. Во время религіозныхъ споровъ гражданскіе и духовные интересы часто спутывались, и междоусобныя племенныя раздоры принимали характеръ религіозныхъ войнъ. То же самое случилось и во время ереси Пе-

лагія, такъ что британскіе епископы въ отчаяніи обратились, наконецъ, за помощью для уничтоженія ереси къ своимъ родственникамъ въ Бретани. Два британскихъ епископа, Св. Германъ или Гармонъ и Св. Лупъ или Блейддинъ, были отправлены съ этою цѣлью.

Литургія и т. п.

Мало извѣстно о служеніи литургіи въ британской церкви до прибытія Св. Гармона въ 429 г. по Р. Х. Вѣроятно, то было старое галиканское видоизмѣненіе устава, первоначально внесеннаго изъ Ефеса основателями гальскихъ миссіонерствъ. При Св. Гармонѣ литургія опять была согласована съ позднѣйшимъ галликанскимъ богослуженіемъ. Кромѣ случайныхъ требъ, какъ крещеніе, похороны и т. п., богослуженіе состояло еще изъ службы часовъ и собственно литургіи или службы Святаго Причащенія. Послѣдняя состояла изъ двухъ частей—литургіи оглашенныхъ для тѣхъ, кто подготовлялся къ крещенію, и литургіи вѣрныхъ, при которой не присутствовали оглашенные. Часы состояли изъ гимновъ, псалмовъ, избранныхъ мѣстъ и поученій изъ Священнаго Писанія. Въ британской церкви имѣлось особое изданіе Священнаго Писанія, отличавшееся отъ Вульгаты.

Способъ обученія собранія мірянъ заимствованъ былъ, вѣроятно, у друидовъ. Нравственныя иносказательныя библейскія истины высказывались въ формѣ поэтическихъ афоризмовъ. «Лучшее занятіе—трудъ». «Лучшая печаль—печаль о грѣхахъ». «Лучшее положеніе—смиреніе»—таковы дошедшія до насъ изрѣченія князя-аббата Св. Кадока въ Лланкарванѣ. Воскресный день строго соблюдался въ монастыряхъ, но не скоро еще прекращеніе работы въ воскресные дни сдѣлалось полнымъ и всеобщимъ. Постъ и большіе праздники исполнялись также надлежащимъ образомъ. Время празднованія Пасхи послужило предметомъ спора между Св. Августиномъ и британскими епископами, когда онъ явился проповѣдывать Евангеліе среди саксовъ. Однократное погруженіе въ воду при Св. Крещеніи и бритье части волосъ спереди отъ «уха до уха» составляло другое отличіе британской церкви, когда послѣ своего отчужденія вслѣдствіе завоеванія саксонцами, она снова пришла въ соприкосновеніе съ христіанской Европой. Отношеніе кельтской церкви къ Риму было такое, какое можно было ожидать при подобныхъ обстоятельствахъ. Для британцевъ Римъ былъ сердцемъ и центромъ міра, колыбелью цивилизаціи и источникомъ всей учености. Епископъ этого города, естественно, пользовался почетомъ и уваженіемъ. Но, какъ оказалось впослѣдствіи, то не было признаніе верховенства или авторитета, а когда отъ нихъ стали требовать этого столѣтіе спустя, они быстро отклонили такое притязаніе.

Строенія.

До тѣхъ поръ, пока въ силу миланскаго эдикта въ 313 г. по Р. Х. не прекратились преслѣдованія, существовало мало церковныхъ строеній. Появившіяся впослѣдствіи носили характеръ окружающихъ

строеній. Городскія и сельскія церкви отличались другъ отъ друга тогда, какъ и теперь. Въ городахъ, въ которыхъ римляне воздвигали сами или учили туземцевъ воздвигать каменныя строенія, зданія эти строились для церковныхъ цѣлей. Сохранились еще остатки такихъ строеній римскихъ временъ, какъ напримѣръ Рекульверъ, Лимингъ, Св. Мартина, Кентербюри. Наоборотъ, въ деревняхъ, гдѣ населеніе жило еще въ грубыхъ постройкахъ изъ бревенъ или вѣтвей, и церкви строились въ такомъ же родѣ. О сооруженіи каменной церкви въ 401 г. по Р. Х. Св. Ниніаномъ въ Кандида Каза говорится, какъ «о событіи, небываломъ у британцевъ». Моделью для этихъ первыхъ церквей служила римская Базилика; они состояли, обыкновенно, изъ средней части и алтаря,—въ каменныхъ церквахъ имѣлись также боковые придѣлы. Внутри алтаря, помѣщавшагося на возвышенномъ мѣстѣ, находился престолъ,—обыкновенно каменный,—деревянный налой и мѣста для духовенства.

Пожертвованія. Мы упоминали уже о бенефиціяхъ. Гильдасъ въ 550 г. по Р. Х. упоминаетъ о томъ, что въ Валлисѣ въ его время возникли «parochiae», надѣленія пожертвованіями. Эти «parochiae»,—по крайней мѣрѣ, во многихъ случаяхъ,—не походили на теперешніе приходы; они означали сферу дѣятельности, отведенную монастырскимъ центрамъ или присвоенную себѣ ими самими. Долгъ роздачи милостыни внушался какъ особая обязанность христіанской жизни; обыкновенно, рекомендовался библейскій (въ сущности, языческій) прецедентъ—дача десятины. Въ самомъ раннемъ извѣстномъ кодексѣ валлійскихъ законовъ признавались отказанныя по завѣщанію пожертвованія церкви, бывшія источниками церковнаго имущества; въ тоже время связанныя съ освященною церковью привиллегіи вызывали въ arglivydd'ѣ (лордѣ) и въ taoeg'ѣ (крестьянинѣ) готовность способствовать воздвиженію церквей и снабженію ихъ имуществомъ. Нахожденіе церкви въ помѣстьи лорда удвоивало его ренту. Освященіе церкви въ мѣстечкѣ taeogiàd или крѣпостныхъ крестьянъ освобождало его жителей отъ крѣпостной зависимости.

Послѣднее значеніе церкви можетъ служить примѣромъ того, какими различными способами церковь въ то время старалась смягчить положеніе несчастныхъ и помочь притѣсненнымъ. Трудно преувеличить значеніе этой системы въ вѣкъ грубаго насилія,—системы, которая нравственной властью подавляла неограниченную физическую силу. Власть и вліяніе духовенства были велики и неутомимо направлялись на пользу беззащитныхъ. Умирающаго лорда увѣщевали завѣщать свободу своимъ рабамъ. Слабыхъ и беззащитныхъ безстрашно защищали отъ насилія и разврата. Результатомъ этой системы было то, что хартіи довѣрялись на храненіе монастырскимъ колледжамъ. «Breiniau Arfon», привиллегіи Арвона, отданы были на храненіе въ *corcu* (монастыри) въ Клиногѣ и Бангорѣ. Даже

животныя были здѣсь въ безопасности. Король Меорчіонъ не смѣлъ схватить преслѣдуемаго оленя, укрывшагося у ногъ Св. Ильтида.

Война.

С. Купера Кинга.

Первыя грубыя орудія первобытныхъ расъ въ Британіи найдены или на песчаныхъ рѣчныхъ косахъ, или на берегахъ рѣкъ, или въ пещерахъ и въ углубленіяхъ скалъ близь воды. Въ мѣстахъ этихъ можно видѣть простыя стоянки по дорогамъ, «остатки пировъ», каковыми были, вѣроятно, и «кухонныя кучи» въ Даніи, или рыболовныя стоянки. Послѣднія указываютъ на болѣе продолжительное пребываніе. Палеолитическія орудія.

Въ обоихъ случаяхъ орудія—самыя простыя; но естественно, что во второй группѣ каменныхъ орудій разнообразія больше. Въ рѣчномъ пескѣ находится много грубыхъ осколковъ кремня, которые могли употребляться для скобленія шкуры и какъ остріе копій; здѣсь же находятся овальные или заостренные каменные топоры, которые могли служить простымъ ручнымъ орудіемъ или снабжаться рукояткой. Точныхъ указаній, какъ именно они употреблялись, не имѣется. Въ пещерахъ находились подобные же остатки; попадались также лучшіе осколки, которые—какъ можно судить по слѣдамъ—употреблялись для скобленія кости или рукоятки копья. Попадаются грубыя огнива, имѣвшія очевидно такое же назначеніе, какъ и мелкіе осколки, и грубо выдѣланные куски, которые служили, вѣроятно, молотами или метательными снарядами.

Въ эти раннія времена, какъ у дикихъ народовъ и въ настоящее время, дѣйствительнаго различія между орудіемъ, домашними инструментами и оружіемъ, вѣроятно, не существовало. То, что разбивало мозговую кость, также хорошо могло раздробить и черепъ врага; осколокъ представлялъ ножъ, употребляемый на все, на что только такое орудіе могло пригодиться.

Оружіе этихъ раннихъ обитателей Британіи предназначалось, очевидно, для борьбы на близкомъ разстояніи, какъ можно судить по ихъ топорамъ. Мы не встрѣчаемъ годныхъ для употребленія, съ нашей современной точки зрѣнія, остріевъ копій или стрѣлъ, какъ метательнаго оружія. «Въ такой суровой жизни выживаютъ только способнѣйшіе и, вѣроятно, палеолитическій человѣкъ не довѣрялъ всему живому, и его недовѣріе простиралось и на брата человѣка, какъ и на дикихъ звѣрей, на которыхъ онъ охотился. Его привычки

склоняли его скорѣе жить семьей (и даже уединенно), а не общиной. Община возможна лишь при обоюдномъ довѣріи, а это предполагаетъ уже форму жизни высшую той, какая тогда имѣла мѣсто. Этотъ первобытный человѣкъ мало чѣмъ отличался отъ того звѣря, котораго онъ убивалъ для своего пропитанія; это было дикое, хотя и человѣческое существо».

Война въ палеолитическій періодъ.

У этого дикаря не было, по всѣмъ вѣроятіямъ, военной организаціи, превосходившей его «домъ» (household), сыновья, (какъ у высшихъ номадовъ) помогали отцу; обладаніе крѣпкими молодцами считалось благословеніемъ: такой счастливый обладатель могъ «говорить съ врагомъ у воротъ».

Долго спустя послѣ того, какъ исчезъ палеолитическій человѣкъ, его смѣнила раса, съ которой въ нѣкоторомъ родѣ начинается исторія. Антропологи называютъ эту рассу неолитической; этнографически мы можемъ назвать ихъ иберійцами, кровь которыхъ—весьма возможно—течетъ въ жилахъ басковъ и, въ ограниченной степени, даже въ жилахъ населенія крайняго запада нашего острова, т. е. въ жилахъ населенія Южнаго Валлиса и Корнваллиса.

Такъ называемые иберійцы или неолитическія люди ввели высшую форму жизни, хотя имъ далеко еще было до высшей цивилизаціи.

Иберійское оружіе.

Ихъ семейная нравственность не отличалась еще высокимъ развитіемъ, ихъ способность воздвигать каменныя и глиняныя постройки была все еще ограниченная. Высшая цивилизація обусловливаетъ возможность приведенія въ исполненіе артистическихъ или массивныхъ проектовъ, на что врядь ли способны были въ первобытную эпоху доликокефалы-иберійцы съ ихъ длинными черепами. У нихъ не было даже физической возможности развить такіе проекты. Курганы съ несомнѣнными остатками отъ этой эпохи изобилуютъ, главнымъ образомъ, каменными орудіями. Тонко высѣченныя и выдѣланныя, отполированныя и прекрасно сдѣланныя, орудія эти все же не могли оставить такихъ прочныхъ слѣдовъ на ихъ жизни, какіе оставили орудія послѣдующихъ поколѣній. Все же вѣкъ былъ еще каменнымъ.

Все таки орудія эти подраздѣляются на мирныя орудія и военное оружіе. Между ними мы находимъ острія стрѣлъ, копій, топоры и нѣчто вродѣ метательныхъ снарядовъ. Нѣкоторыя, такъ называемыя «célts», имѣютъ форму долота и предназначались для тонкой работы. Веретена и приспособленіе для дѣтей принадлежатъ столько же этому вѣку, сколько и вѣку бронзовому.

Военная организація.

Расчистка страны отъ лѣса и поросли подвигалась очень медленно. Изъ сообщенія Цезаря о британцахъ мы узнаемъ, что ихъ племена даже въ его время были или номадами со стадами, или охотниками. Они не составляли еще осѣдлаго народа и ихъ военная организація (весьма вѣроятно, только семьи, или—въ лучшемъ случаѣ—группы

бродячихъ семей)—была чисто временная и возникала или съ цѣлью совершенія кровавыхъ набѣговъ, или для нападенія ради грабежа. Рѣдкое населеніе не было настолько осѣдлымъ, чтобы вести племенную войну въ опредѣленномъ порядкѣ.

Укрѣпленія.

Отсюда легко вывести заключеніе, что такой народъ врядъ ли могъ воздвигать для защиты земляныя укрѣпленія; а если онъ воздвигалъ ихъ, то развѣ только для двухъ особыхъ цѣлей—какъ «загонъ для скота» и какъ «мѣсто убѣжища». Города—oppida, эти истинные центры жизни, дѣятельности и защиты, не могутъ существовать у неосѣдлаго народа. Только осѣдлая сельская община можетъ дойти до земледѣлія и торговли. Только такія ассоціаціи приводятъ къ дальнѣйшей расчисткѣ земли и улучшенію сообщенія между населенными центрами. Сообщенія эти,—въ какомъ бы они жалкомъ состояніи не находились,—переходятъ съ годами въ дороги. У кочеваго и рѣдкаго населенія нѣтъ ни времени, ни даже возможности сооружать дороги; ему приходится довольствоваться тропинками, протоптанными по высокимъ, самымъ сухимъ мѣстамъ среди болотъ и плохо высыхавшихъ послѣ наводненій рѣчныхъ долинъ.

Пути сообщенія.

Эти первобытныя пути сообщенія всегда шли отъ брода до брода. Они извивались по утесамъ, окаймлявшимъ прежнее болото. На прибрежьяхъ часто осколками кремня и грубо-на-половину высѣченными кремнями отмѣчались мѣста, гдѣ номадъ останавливался для дневной пастьбы у воды, которую онъ не могъ носить съ собою. Здѣсь онъ заостривалъ и точилъ оружіе для войны—подобно тому, какъ янки или англійскій школьникъ заостриваетъ палку или мастеритъ дѣтское копье. Когда ему не удавалось смастерить что-либо пригодное или когда орудія притуплялись, онъ бросалъ ихъ тамъ, гдѣ мы ихъ находимъ, вмѣстѣ съ кусками дерева, изъ которыхъ онъ выдѣлывалъ головки стрѣлъ. Остатки «щепье» и «огниво» онъ употреблялъ для добыванія огня.

Тамъ-и-самъ пути эти ведутъ къ слабымъ слѣдамъ, сохранившимся на твердомъ склонѣ холмовъ, гдѣ пріютились его жалкія пещерныя жилища или краали (Kraals). Около нихъ иногда расположены низкія очертанія земляного окопа, достигающаго не болѣе двухъ или трехъ футовъ высоты. Окопъ окружалъ пространство, на которомъ ночью укрывался скотъ отъ волковъ и другихъ дикихъ звѣрей; на немъ возвышалась изгородь изъ кольевъ и вѣтвей. Теперешній размѣръ окопа,—ограниченное пространство, имъ занимаемое,—высоты, съ которыхъ можно было бросать метательные снаряды,—все это исключаетъ возможность предположить, что мѣста эти могли представлять защиту противъ смѣлаго вооруженнаго врага. Прекраснымъ доказательствомъ можетъ служить замокъ Нукъ около Гейтсбюри [1]): окопъ

---

[1]) Colt Hoare's „Wiltshire" 1.

въ 180 ярдовъ длины и 100 ярдовъ ширины,—и его хорошо видно съ сосѣднихъ холмовъ; вблизи видны слѣды прежнихъ дѣленій и слѣды ограды; мѣстность изобилуетъ черноземомъ и осколками грубыхъ орудій и еще болѣе грубой глиняной посуды; тамъ номадъ останавливался и, сколько могъ, пользовался домашней обстановкой.

Изъ этого не слѣдуетъ заключать, чтобы такія жилища существовали лишь въ первобытное время. Другіе остатки указываютъ на то, что они уцѣлѣли до временъ Рима. Они служатъ типичнымъ образчикомъ тѣхъ жалкихъ приспособленій, какія могли соорудить люди съ столь простыми орудіями, какъ заостренныя палки или оленьи рога для разрыхленія земли, плоскіе камни, щепа или плоскія кости для копанія земли, ивовыя корзины, или даже шкуры животныхъ для перенесенія этой земли въ надлежащее мѣсто.

Группа хижинъ въ это первобытное время, которую мы удостоиваемъ названіемъ деревни, не была укрѣплена. Она не была достаточно обширна, чтобы стоило ее укрѣплять.

Лагери. Для охраны семей и расъ номадовъ принимались мѣры защиты въ другомъ мѣстѣ. Каждый маленькій кланъ самъ по себѣ былъ слишкомъ слабъ для того, чтобы оказать серьезное сопротивленіе вторженію завоевателя, но всѣ кланы сообща въ предѣлахъ извѣстной окружности могли противостоять противъ врага. Потому для цѣлей защиты избирались центральныя мѣста, закрытыя или недоступныя,—или мѣста, откуда открывался широкій кругозоръ. Мѣста эти служили пріютомъ для убѣгавшихъ семей съ ихъ стадами, съ женами, дѣтьми и ихъ немногими жалкими драгоцѣнностями. Британскій городъ (Town), даже по словамъ латинскихъ писателей, означалъ ограду въ «густомъ лѣсу, со рвомъ и валомъ».

Постройку лагерей со слабыми укрѣпленіями, занимавшихъ обширныя пространства и притомъ на возвышенныхъ мѣстахъ, трудно объяснить себѣ чѣмъ-либо инымъ, какъ только тѣмъ, что они соотвѣтствовали цѣлямъ какого-нибудь начальника племени. Такіе лагери не составляли общей системы защиты округа. Они стоятъ совершенно отдѣльно, какъ, напр., «лагери Цезаря» въ Альдершотѣ и равнинѣ Истампстеда, или Огбюри въ Уильтиширѣ, къ сѣверу отъ стараго Сарума, или Ярнбюри близъ Лавингтона.

Уже одна обширность лагерей указываетъ на то, что они должны были пріютить въ себѣ скотъ и несражающихся людей съ сильнымъ отрядомъ боевыхъ людей, которые могли бы отстаивать ихъ земляные парапеты; внутри же лагерей мы рѣдко встрѣчаемъ,—кромѣ простыхъ окоповъ и несложныхъ валовъ, о которыхъ мы говорили,—какіе-либо слѣды постояннаго пребыванія, какъ мы находимъ это въ окрестностяхъ замка Нукъ. Кромѣ того на такой возвышенности оказывается скудный запасъ воды. Колодцы здѣсь рѣдки; если бы они существовали, то врядъ ли исчезли бы всѣ ихъ слѣды. Встрѣ-

чаются, правда, «дождевые пруды», но лишь въ мѣловыхъ низменностяхъ, а не на открытыхъ обросшихъ елями степяхъ несчанаго округа, гдѣ такія сооруженія встрѣчаются также часто, какъ и въ другихъ мѣстахъ.

Большія сооруженія съ значительнымъ внутреннимъ протяженіемъ и недостаточнымъ водоснабженіемъ не могли служить ни городомъ, ни вообще постояннымъ мѣстопребываніемъ для большого количества людей, которые сами могли бы себя защищать. Это просто центры мѣстной защиты для людей, которымъ не оставалось другого выбора, и которые еще не научились тому, чтобы въ постоянномъ соединеніи въ большіе отряды видѣть силу физическую и нравственную.

Укрѣпленія на возвышенностяхъ.

Вокругъ уединеннаго Огбюри, который расположенъ на вершинѣ холма, со входомъ у рѣки, находится множество мѣстъ съ древними названіями, которые избирались для захвата тѣми кельтскими племенами, которыя поочередно владѣли страной. Такъ, напр., мы находимъ тамъ Уильсфордъ (wil—ива), Дэрнфордъ (deor—дикое животное), Неттонъ (net—скотъ), Саллертонъ (salh—ива) и Верхній, Средній и Нижній Вудфордъ.

Затѣмъ у Ярнбюри (названіе котораго происходитъ отъ *yorn*—или *garn*—куча камней, и *beory*—холмъ) расположены Орчестонъ (*orceard*—огородъ), Штрьютонъ (*Scearn*—округъ), Маддентонъ (*maidun*—большой холмъ), Кодфордъ (*coed*—лѣсъ), Читернъ (*chettel*—имя), Бервикъ (*ber*—изгородь; *wick*—деревня), Уинтербурнъ (*venta*—зима) и Эльстонъ (*Ella's Town*). Въ четырехъ послѣднихъ случаяхъ современныя деревни расположены у подножія холма, и по прилегающимъ откосамъ находятъ слѣды прежнихъ деревень. Укрѣпленіе на возвышенности расположено въ углу между двумя рѣками, мѣста перехода черезъ которыя обозначены древними названіями.

Оба эти замка на возвышенности могли играть роль мѣстныхъ центровъ, въ которые спасались жители при враждебномъ набѣгѣ какого-либо сосѣдняго хищника. Такіе набѣги могли быть кратковременны, врагъ могъ взять съ собою мало припасовъ; разворивъ страну и забравъ добычу, торжествующіе побѣдители уходили туда, откуда пришли. Добыча была, безъ сомнѣнія, жалкая. Шлифованныя каменныя орудія указываютъ на употребленіе рабскаго и женскаго труда. Никто не выигрывалъ отъ такого вторженія, и если Зулусы нападали на менѣе сильныхъ сосѣдей, чтобы «прочистить свои сѣкиры» и удовлетворить жажду къ завоеванію, то британскій предводитель могъ также вести за собою ради славы и грабежа буйныхъ членовъ своего племени.

Тогда-то укрѣпленія на возвышенности исполняли свое значеніе. Картина плачущихъ женщинъ и мужчинъ въ тревогѣ, собравшихся за зелеными валами Огбюри, когда вдалекѣ зарево пожаровъ возвѣщаетъ имъ о раззореніи ихъ жилищъ, возбуждаетъ въ насъ присущую

намъ человѣческую симпатію. Многіе изъ лагерей,—въ особенности тѣ, которые имѣли дѣйствительное стратегическое значеніе—были улучшены завоевателями; трудно, однако, доказать, кѣмъ именно они были улучшены—галльскими завоевателями до римлянъ, самими римлянами или позже, саксонцами и датчанами. Но несомнѣнно, кажется, то, что массивныя укрѣпленія возвышенностей возникли позже простыхъ укрѣпленій Огбюри. Это укрѣпленіе, по своимъ характернымъ чертамъ, по работѣ, по своимъ каменнымъ остаткамъ прямо можетъ быть названо британскимъ, если не до-кельтскимъ сооруженіемъ.

Разсматривая эти укрѣпленія въ деталяхъ, мы находимъ, что чаще всего они расположены на выдающихся мѣстахъ—и въ такомъ случаѣ валъ идетъ по ровной поверхности, соединяющей высокую часть холма съ его главной массой, или они расположены на уединенныхъ холмахъ—и тогда валъ вездѣ ровенъ и не широкъ. Прежде валъ былъ, несомнѣнно, выше, хотя врядъ ли подымался выше, чѣмъ до пояса человѣка, какъ это теперь имѣетъ мѣсто въ теперешнихъ полевыхъ парапетахъ укрѣпленій; на вершинѣ, какъ полагаетъ Віоле-ле-Дюкъ (Violeh-le-Duc) укрѣпленіе было огорожено изгородью изъ кольевъ или вѣтвей, достаточно плотной для того, чтобы не пропустить метательнаго камня, брошеннаго копья, или стрѣлы. Только въ крутыхъ мѣстахъ бывалъ откосъ, и только въ слабыхъ пунктахъ находимъ сложные рвы; въ такихъ же простыхъ сооруженіяхъ, о которыхъ мы говоримъ, сложные рвы встрѣчаются весьма рѣдко. Всѣ усилія сводились къ тому, чтобы обнести достаточное пространство валомъ и — когда явится необходимость, при приближеніи врага, — усилить препятствіе высокими парапетами и господствовать, такимъ образомъ, надъ осаждающими; другія стороны сооруженія дѣлались круче и еще недоступнѣе. Лучшее оружіе неолитическаго типа и широкія, простыя, земляныя работы, по всѣмъ вѣроятіямъ, указываютъ на укрѣпленія разбросанныхъ иберійскихъ племенъ.

Иберійское, вѣроятно, пастушеское племя съ длинными черепами смѣнилось и было завоевано бѣлокурымъ народомъ съ круглымъ черепомъ. Племя это причисляютъ то къ племени белговъ (и поэтому, быть можетъ, къ германскому племени), то къ племени финновъ и къ кельтскому авангарду. Мы здѣсь для удобства принимаемъ послѣднее мнѣніе. Этотъ народъ былъ, во всякомъ случаѣ, лучше вооруженъ и болѣе искусенъ, чѣмъ тѣ, кого они покорили. Искусство, и въ особенности военное искусство, опиравшееся на лучшія орудія и оружіе и вслѣдствіе этого и на лучшую организацію новопришедшихъ, повело естественно къ прогрессу цивилизаціи побѣжденныхъ, такъ какъ теперь миссіонерскіе труды сопровождали мечъ солдата.

Единственный способъ узнать, чѣмъ занимался до-историческій

народъ — это разобрать, какую работу онъ физически въ состояніи былъ производить. Крупныя земляныя укрѣпленія — «oppida» — какъ въ Сильчестерѣ, въ Каллевѣ Аттребатовъ или въ Maiden Castle около Дорчестера, указываютъ на высшую организацію, на военную способность къ оцѣнкѣ крупныхъ оборонительныхъ сооруженій, на возможность (вѣроятно, при помощи рабскаго труда послѣ удачнаго похода) воздвигать лучшія сооруженія. Прогрессъ въ фортификаціи.

Когда занятія стали болѣе осѣдлыми, легче стало воздвигать и содержать большія укрѣпленія, потому что тѣ, которые ихъ защищали, жили въ нихъ. Такимъ образомъ очищалось громадное пространство для земледѣльческихъ цѣлей и для охраны. Съ усовершенствованіемъ оружія, открытое поле для стрѣльбы стало, относительно, настолько же цѣннымъ, насколько оно цѣнно и теперь.

Дороги стали лучше, когда въ нихъ появилась надобность для торговыхъ цѣлей или даже для сосредоточенія племени въ видахъ обороны. Земляныя укрѣпленія не стояли уже отдѣльно, они группировались для защиты этихъ дорогъ или для охраны племенной границы отъ возможнаго врага; такъ Франція соорудила укрѣпленія на открытой границѣ отъ Вердюна до Безансона. «Когда мы находимъ большихъ размѣровъ окопы, отличающіеся обширностью валовъ, высотою ихъ замковъ и необыкновенной глубиной ихъ рвовъ, мы полагаемъ, что они сооружены народомъ, лучше усвоившимъ искусство метанія снарядовъ» [1]).

Такимъ образомъ, между одною частью Британіи и другой возникли большія между-племенныя дороги, главные пути сообщенія. Это было значительнымъ шагомъ впередъ сравнительно съ первобытной эпохой. Британскія главныя дороги.

Изъ этихъ путей извѣстны пять:

1) Дорога Уатлингъ, ведущая въ Ирландію. Начинаясь отъ Ричборо, она идетъ черезъ Лондонъ и Уорчестеръ до Фестиніога. Тутъ она развѣтвлялась на двѣ дороги: лѣвая шла до Карнарвона, правая—черезъ Честеръ, Манчестеръ и Корбриджъ, къ Крамонду, Іедбургу и на сѣверъ.

2) Дорога Икеніельдъ, ведущая изъ графства Исени (около Уашъ и Іоркшира) черезъ Ньюмаркетъ и Дунстэбль въ Стретлей. Здѣсь она развѣтвлялась: правая дорога шла черезъ Риджуэй Беркшира въ Авебюри; лѣвая—черезъ Ньюбюри и Тэнгли въ старый Сэрумъ, Дорчестеръ, Гонитонъ, Эксетеръ, Тотнесъ и Land's End [2]).

3) Дорога Экемэнъ—изъ восточныхъ графствъ черезъ Бедфордъ, Бэкингэмъ, Альчестеръ, Вудстокъ, Сиренчестеръ, Аустъ (гдѣ она пересѣкала Севернъ), Кэрлеонъ, Кардифъ, Кэрмортенъ и городъ св. Давида.

[1]) Colt Hoare's „Wiltshire" vol. I p. 17.

[2]) Stukeley.

4) Дорога Рикніельдъ—отъ Тайна черезъ Бручестеръ, Бароуриджъ, Альдборо, Рибстонъ, Больтонъ, Честерфильдъ, Бэртонъ Уалль, Бирмингамъ, Тьюксбюри, Глочестеръ, Чипстоу, а затѣмъ черезъ Абергевенни и Кэрмартенъ въ городъ св. Давида.

5) Дорога Эрминъ — изъ Восточной Шотландіи черезъ Бервикъ, Брамптонъ, Корбриджъ — къ Катарику, гдѣ она развѣтвлялась на двѣ: западная шла вдоль дороги Рикніельдъ въ Альборо, Гугтонъ, Донкастеръ, Саутсуэлль и Ставелей, гдѣ она соединялась съ восточной вѣтвью, шедшей изъ Катарика черезъ Норталлертонъ, Стамфордъ Бриджъ, Саутъ-Кэвъ, Линкольнъ, Анкастеръ и близь Уатгэма. Отсюда дорога шла близь Стамфорда, Честертона, Ройстона, Уэръ-Парка, Энфильда, Вудъ-Грина въ Лондонъ. Здѣсь она опять развѣтвлялась: западная вѣтвь проходила черезъ Доркингъ и Пульборо до Чичестера; восточная вела черезъ Бромлей, Тэнбриджъ, Уодгэрстъ и Истбурнъ въ Певенсей [1]).

Сэръ Ричардъ Кольтъ Гоаръ упоминаетъ еще о двухъ второстепенныхъ дорогахъ:

6) Дорога Фоссъ, приблизительно отъ Ситона черезъ Ильчестеръ, Батъ, Сиренчестеръ, Нортличь, Клэйчестеръ—въ Линсольнъ.

7) Дорога Юліи (Via Julia)—отъ Бата, Бильтона, Кэруэнта, Керлеона, Коубриджа, Нитса и Кэрмартена до св. Давида.

Все еще неправильныя и извилистыя, дороги примыкали къ рѣчнымъ путямъ и возвышенностямъ — хотя не къ такимъ высокимъ, какъ прежде, такъ какъ нижніе склоны холмовъ были уже болѣе расчищены. Дороги эти уже болѣе опредѣленныя, потому что ведутъ черезъ жилыя мѣста, и ими пользуются. Онѣ не были вымощены, и часто по этой причинѣ (вѣроятнѣе, что по этой, а не по той, кажущейся намъ пустой, причинѣ—чтобы скрываться), онѣ углублены вродѣ колей, производимыхъ движеніемъ пѣшеходовъ и вьючныхъ животныхъ. Если внимательно разсмотримъ карту, то увидимъ, что въ важныхъ пунктахъ, которые мы теперь назвали бы стратегическими, дороги эти укрѣплены были сооруженіями, которыя даже и современный инженеръ назвалъ бы значительными.

Эти сооруженія — не массивные земляные валы протяженіемъ въ нѣсколько акровъ, окружающіе «Gwalh Vawr» Аттребатовъ, названный позднѣе римлянами «Каллева» (Calleva), а саксонцами — «Сильчестеръ». Таковы были города позднѣйшихъ кельтійскихъ временъ, въ то время какъ другіе грозные земляные замки меньшаго размѣра были «forts d'arrêts», охранявшіе большія дороги или границы кельтскихъ племенъ.

Самой значительной среди этихъ границъ былъ «Уансдайкъ» (Wans-

---

[1]) Для опредѣленія общаго направленія этихъ дорогъ упоминаются лишь нѣкоторыя мѣста.

dyke). Эта старая кельтская граница была укрѣплена массивными сооруженіями. Она проходила по тому мѣсту, гдѣ находился замокъ, отъ устья Северна къ Мальборо и затѣмъ (здѣсь она теперь исчезла) къ Темзѣ — къ востоку отъ Ридинга. Никто изъ римлянъ не находилъ бы заслуживающимъ труда и траты времени устройство такихъ сложныхъ рвовъ, какими были многіе изъ нихъ, — для защиты противъ приступа врага. Хорошо вооруженные люди не нуждаются въ столь сложныхъ сооруженіяхъ, а кельты — по всей вѣроятности — были, вообще говоря, снабжены хорошимъ бронзовымъ оружіемъ. Хотя римляне занимали позднѣе эти укрѣпленія — тамъ, гдѣ они были, — и даже въ меньшихъ укрѣпленіяхъ, снабженныхъ слабымъ гарнизономъ, принимали тотъ же типъ обороны, все же эти укрѣпленія, неправильно проведенныя вдоль холма, кельтскія по своему происхожденію, вовсе не сооружались на основаніи какой либо тактической организаціи защищавшихъ ихъ отрядовъ. Защита границы.

Эти прочныя сооруженія съ глубокими рвами и крѣпкими валами лучше первобытныхъ сооруженій. Они воздвигнуты людьми, владѣвшими лучшими орудіями; но это—не римскія сооруженія, такъ какъ они совсѣмъ не пригодны для ихъ военной организаціи.

Военныя силы британскихъ кельтовъ были усовершенствованы сравнительно съ тѣмъ, какими онѣ были при иберійцахъ. У нихъ существовало уже большее мѣстное сосредоточеніе боевыхъ людей въ «oppida», и гарнизоны распредѣлены были больше по крѣпостямъ для защиты границы. Все это обнаруживаетъ большее тактическое и административное искусство, опиравшееся на города и деревни, ставшіе уже постоянными центрами жизни. Лучшіе способы сообщенія, лучшія дороги и обусловленная этимъ болѣе быстрая перевозка людей и вещей указываютъ на болѣе значительныя средства защиты, чѣмъ тѣ, о какихъ могло мечтать прежнее населеніе.

Даже и теперь войны, вѣроятно, были скорѣе мѣстныя, чѣмъ общія. Существовали еще семейныя распри, но онѣ уступали уже мѣсто племеннымъ набѣгамъ, предпринимавшимся ради рабовъ, грабежа и военной славы.

Бронзовое оружіе и топоръ замѣнили каменное оружіе, доспѣхи изъ шкуры или что-либо иное давали возможность устранить недостатокъ защитительныхъ средствъ у первобытнаго населенія [1]).

И въ то время какъ племена иберійскаго происхожденія все еще поддерживали дружескія сношенія со своими единовѣрцами Венетами и другими въ западной Галліи, переселенцы-кельты получали помощь и подкрѣпленіе отъ своихъ могущественныхъ соплеменниковъ

---

[1]) Племена, обыкновенно, носили щитъ, кинжалъ и короткое копье, „на нижнемъ концѣ котораго прикрѣплялся кусокъ мѣди въ видѣ яблока, которымъ имѣли обыкновеніе пугать враговъ“.—Xiphilinus (Colt Hoare I. 10).

и собратій изъ той страны, которая теперь называется Бельгіей. Бронзовое оружіе, крѣпкія и сложныя земляныя укрѣпленія характеризуютъ это позднѣйшее населеніе. Но ихъ военная система составляетъ лишь развитіе семейныхъ собраній для защиты; завоеванныя расы организовали изъ нихъ собранія клана, достаточно сильнаго также и для нападенія.

Кельты въ сраженіи.

Они обладали нѣкоторымъ военнымъ искусствомъ, хотя ихъ способъ веденія войны напоминалъ войны афганскаго племени или новозеландскаго клана. Они употребляли «длинные, тупые» мечи, носили также маленькіе щиты; то и другое сдѣлано было изъ бронзы или покрыто было бронзой. Сила конной инфантеріи заключалась въ ихъ колесницахъ съ серпоподобными осями; есла эта странная колесница терпѣла крушеніе, сидѣвшій въ ней соскакивалъ на землю и сражался пѣшимъ, возница же колесницы укрывался и выжидалъ его возвращенія. Они употребляли въ дѣло всадниковъ и кавалерію и, кажется, пріучали собакъ помогать имъ на аванпостахъ [1]). Самое главное то, что они не боялись смерти, ихъ религія учила ихъ, что «души никогда не погибаютъ, а переселяются послѣ смерти въ другія тѣла». Кому приходилось сталкиваться лицомъ къ лицу съ афганцами, или съ отрядомъ суданцевъ, тотъ можетъ оцѣнить военную способность берегового бретанца, впервые столкнувшагося лицомъ къ лицу, мечъ съ мечемъ съ римской военной силой.

Римское завоеваніе.

Эта могущественная военная и въ то же время колонизаторская сила міра составляла вторую волну нашествія съ юга.

Юлій Цезарь завоевалъ Галлію и столкнулся при этомъ съ британскими боевыми людьми, содѣйствовавшими сопротивленію галльскихъ племенъ, которыя онъ покорилъ. То было повтореніе старой басни о волкѣ и ягненкѣ. Британія по семейнымъ и расовымъ симпатіямъ оказывала поддержку покореннымъ и повернула направленіе потока римскаго завоеванія.

Юлій Цезарь. 54 г. до Р. Х.

20 сентября 54 г. до Р. Х. великій предводитель рѣшилъ завоевать Британію. Исторію этого завоеванія мы изложимъ лишь въ самыхъ краткихъ чертахъ. Первое нападеніе сдѣлано изъ «Portus-Itius» — Булони и было почти пораженіемъ, вообще неудачей. Если бы не личная храбрость знаменосца 10 легіона (въ дѣлѣ принимали участіе только 7 и 10 легіоны), то еще вопросъ: могли ли бы непріятельскіе отряды высадиться на берегъ. Вся экспедиція съ начала до конца кампаніи продолжалась ровно три недѣли. Даже во время второго нападенія въ маѣ 53 г. до Р. Х. римляне достигли только Чайльтернса, хотя на этотъ разъ Цезарь велъ за собою пять легіоновъ; но онъ направился на Ричборо, переправился черезъ Темзу въ Коуэй

[1]) Hozier „Invasions of England“ vol. I, p. 7.

Стэксъ и разбилъ Кассивелауна, предводителя тринобантовъ при Веруламіумѣ (С. Албансъ), взялъ заложниковъ и заключилъ миръ. Въ Британіи не былъ оставленъ римскій гарнизонъ, и страна впродолженіи почти ста лѣтъ пользовалась независимостью и внѣшнимъ миромъ.

Клавдій. 43 г. по Р.Х.

Миръ этотъ не нарушался до 43 г. по Р. Х., когда императоръ Клавдій отправилъ Авла Плавта и Веспасіана въ Британію съ 2-мъ, 9-мъ, 14-мъ и 12-мъ и, быть можетъ, и 7-мъ легіонами. Кунобелинъ былъ разбитъ и Камулодунумъ, нынѣшній Колчестеръ, былъ взятъ. Въ то время, какъ Веспасіанъ послѣ тридцати двухъ сраженій покорилъ округъ къ югу отъ Темзы до Карнваллилиса, Плавтъ завладѣлъ округомъ къ сѣверу отъ этой рѣки до Глочестершира. Публій Осторій Скапула началъ войну противъ исеновъ около Уаша и затѣмъ направилъ свое побѣдоносное оружіе на Каратака въ Силуріи. Но пораженіе, нанесенное Каратаку послѣ упорнаго сопротивленія съ его стороны въ его послѣднемъ укрѣпленіи въ Кэръ-Карадокѣ въ Шропширѣ, не повлекло еще за собою укрощенія туземныхъ племенъ. Исени возстали подъ предводительствомъ Боадицеи, но были вновь жестоко разбиты Севтоніемъ Павлиномъ. Изнуреніе принудило ихъ заключить миръ, а назначеніе мудраго администратора и въ тоже время искуснаго предводителя Агриколы упрочило власть римлянъ и способствовало цивилизаціи покоренной расы. Оставались еще безпокойныя племена на крайнемъ сѣверѣ острова; но Агрикола, какъ мудрый предводитель, обезпечилъ мирное положеніе страны въ своемъ аррьергардѣ раньше, чѣмъ двинулся противъ сѣверныхъ кельтовъ.

Веспасіанъ, Плавтъ, Осторій.

Агрикола.

Первыя римскія дороги.

Поэтому въ правленіе Агриколы завершено было сооруженіе большихъ военныхъ дорогъ, перерѣзавшихъ римскую Британію. Весьма вѣроятно, что нѣкоторыя изъ этихъ дорогъ были проложены раньше, но требовалось время и миръ, чтобы докончить ихъ послѣ ухода римлянъ. Пережитое тревожное прошлое не могло этому способствовать, въ особенности въ области на сѣверъ отъ Темзы. Агрикола понялъ, что прочность «основы его дѣйствій» зависитъ отъ уровня цивилизаціи; его мудрое правленіе способствовало насажденію цивилизаціи, завершенному съ теченіемъ времени. Онъ понималъ, что можно этого достигнуть, научивъ туземцевъ искать отдыха въ искусствѣ и развивъ вкусъ къ изящнымъ развлеченіямъ. Онъ побуждалъ ихъ къ этому частными бесѣдами и своими общественными мѣропріятіями. Онъ поощрялъ ихъ воздвигать храмы, форумы и дома. Онъ заставлялъ сыновей британскихъ вождей усвоивать языкъ и знанія ихъ завоевателей. Мѣры эти быстро привели къ желательнымъ результатамъ. Британцы скоро усвоили римское платье и замѣнили грубое одѣяніе своихъ предковъ благородной тогой. Мало по малу вкоренились у

нихъ римскіе обычаи; они пріобрѣли вкусъ къ строенію портиковъ и бань и ко всевозможнымъ удобствамъ.

Тѣмъ временемъ, пока совершалась эта перемѣна, Агрикола двинулся въ Шотландію и въ кампаніи, длившейся два года, окончательно покорилъ (по крайней мѣрѣ, на время) сѣверныя племена подъ предводительствомъ Галгака, на Грампіанскихъ склонахъ около Дэльжинъ Росса [1]).

Затѣмъ въ видахъ дальнѣйшей охраны прочно развивавшейся цивилизаціи юга отъ набѣговъ, онъ построилъ между Тайномъ и Сольуэемъ и затѣмъ между Фортомъ и Клайдомъ цѣпь укрѣпленій, которыя должны были впослѣдствіи послужить основаніемъ обширной линіи защитительныхъ укрѣпленій. Одной изъ самыхъ обширныхъ линій была стѣна Адріана или «Римская стѣна» «par excellence», извѣстная намъ больше, чѣмъ другія римскія сооруженія; другая стѣна Антонина, позднѣе исправленная Северомъ, шла отъ Форта до Клайда.

Стѣна Адріана описана у Моммзена («Римскія провинціи» т. I) такими словами:

«Военная дорога, защищенная съ обѣихъ сторонъ укрѣпленіями. Она шла отъ моря къ морю на протяженіи около семидесяти миль, на западѣ—къ Сольуэй Фёртсъ, на востокѣ—къ устью Тайна. Съ сѣвера она была защищена громадной стѣной, первоначально по крайней мѣрѣ въ шестнадцать футовъ высоты и восемь толщины, построенной съ двухъ внѣшнихъ сторонъ изъ квадратныхъ камней, засыпанныхъ въ срединѣ щебнемъ и извѣсткой. Передъ стѣной растилался не менѣе внушительныхъ размѣровъ ровъ, въ девять футовъ глубины и тридцать четыре фута или болѣе ширины вверху. Съ юга дорога защищалась двумя параллельными земляными валами, и теперь еще имѣющими вышину отъ шести до семи футовъ; между ними находится ровъ въ семь футовъ глубины, съ высокимъ краемъ къ югу. Все это сооруженіе отъ вала къ валу имѣетъ въ ширину двадцать четыре фута. Между каменной стѣной и земляными валами на самой дорогѣ находились лагерныя стоянки и сторожки; на разстояніи четырехъ миль одинъ отъ другого расположены лагери отрядовъ. Лагери построены были какъ укрѣпленія, каждое изъ которыхъ могло пригодиться для самостоятельной защиты, съ воротами, открывавшимися съ каждой изъ четырехъ сторонъ; между каждыми двумя укрѣпленіями находилось укрѣпленіе меньшихъ размѣровъ такого же типа съ выходами на сѣверъ и югъ; между каждыми двумя меньшими укрѣпленіями располагалось четыре сторожевыхъ дома на близкомъ разстояніи одинъ отъ другого».

Болѣе сѣверная защитительная стѣна, стѣна Антонина, по описанію того же писателя, состояла «изъ большого земляного вала, со

---

[1]) General Roy „Military Antiquities of the Romans in Britain“ p. 83.

рвомъ впереди и дорогой сзади, и, поэтому, не была приспособлена (какъ стѣна Адріана) для защиты съ юга; къ тому же она включала въ себѣ нѣсколько меньшихъ лагерей» [1]).

Страна раздѣлялась на пять округовъ, названія коихъ сохранились въ Imperii Notitio; но границы этихъ округовъ извѣстны только по догадкамъ. Они охранялись укрѣпленіями различныхъ размѣровъ сначала въ важныхъ стратегическихъ пунктахъ, позднѣе—въ пунктахъ, соединявшихъ центры національной и цивилизованной жизни.

Было пять разрядовъ дорогъ. Viae Militares или военныя дороги проводились по возможности прямо и предназначались для военныхъ цѣлей. И тогда, какъ и теперь, являлась необходимость въ быстромъ сосредоточеніи войскъ и въ подкрѣпленіи отдѣльныхъ гарнизоновъ въ странѣ, полной смутъ. Только такимъ путемъ ловкость и дисциплина одерживали верхъ надъ большими массами храбрыхъ, но дикихъ враговъ. Вслѣдствіе этого самыя удобныя дороги въ тоже время были и кратчайшія. Они не были сооружены для цѣлей промышленности и торговли или для удобства гражданъ. Они соединяли укрѣпленные стратегическіе пункты, которые, въ свою очередь, должны были стать или смѣниться городами. Сооружали ихъ такимъ образомъ: проводили двѣ параллельныя борозды, между которыми сильно убивалась площадка. Это былъ «Pavimentum», на которомъ постепенно сооружали «Statumen» — твердую массу изъ извести и песку; затѣмъ «Rudus» — мелкіе камни и известь; «Nucleus» — смѣсь извести, мѣла, ломанной черепицы, земли и гравія, песку и извести съ глиной; и, наконецъ, «Summum Dorsum», или «Summa Crusta», состоявшій или изъ каменныхъ плитъ, или изъ слоя гравія и извести [2]).

Большія военныя дороги.

Вся масса называлась «Agger». Въ промежуткахъ между ними, въ которыхъ не расположены были города и лагери, находились Diversoria и Caupones—гостинницы или станціи; на правильныхъ растояніяхъ въ римскую милю (*mille passus*, равняющуюся 4.834.28 ф.) разставлены были «Milliaria» или верстовые столбы [3]).

Другія дороги, часто «романизированныя»,—вѣрнѣе, проведенныя уже по бывшимъ извилистымъ мѣстнымъ путямъ, а не построенныя римлянами, были: «Viae Privatae» или частныя, Agrariae или сельскія и Deviae или проселочныя.

---

[1]) Многіе изслѣдователи, однако, говорятъ, что Северъ исправилъ не эту стѣну, а стѣну Адріана. Вообще объ этомъ предметѣ см. у C. Bruce „Handbook to the Roman wall“ (3 Ed. 1885). Нѣкоторыя изъ вышеприведенныхъ положеній Моммзена, однако, съ военной точки зрѣнія — по моему мнѣнію—невѣрны.—С. С. К.

[2]) Vitruvius.

[3]) На одномъ изъ нихъ въ Лейчестерѣ находится надпись: „Imp. Caesar. Div. Traian. Parth. F. Div. Traian. Hadrian Aug. Pont. IV Ces. III A. Rates II“.

Охранялись эти дороги лагерями или укрѣпленіями, дѣлившимися на три разряда:

1) Castra Exploratoria (наблюдательные пункты)—главнымъ образомъ временнаго характера. Отъ нихъ сохранились слабые слѣды.

2) Castra Aestiva (лѣтнія укрѣпленія) — на половину постояннаго характера. Они иногда укрѣплялись, чтобы зимой играть роль Castra Hiberna (зимнихъ укрѣпленій).

3) Castra Stativa или постоянное укрѣпленіе, которое или становилось городомъ, или смѣнялось городомъ впослѣдствіи, когда уже больше не было необходимости въ крѣпостяхъ для устрашенія страны и народа.

Каковы бы ни были эти укрѣпленія, но они всегда имѣли опредѣленную форму, если только сразу сооружались римлянами. Они не были похожи на неправильныя земляныя укрѣпленія кельтовъ, которыя они замѣнили или на круговыя укрѣпленія саксонцевъ или датчанъ, которыя появились послѣ нихъ.

Они были большею частью прямоугольны. Они были квадратныя или продолговатыя, такъ какъ форма ихъ зависѣла отъ строя римской арміи. Легіонъ и его составныя части являлся организованнымъ и дисциплинированнымъ отрядомъ; онъ «несъ службу» съ тою же систематичностью и правильностью, съ какою несетъ ее англійскій батальонъ или англійская бригада. Онъ сходенъ былъ съ послѣднею. такъ какъ во время имперіи въ него входило отъ 4000 до 6000 и болѣе человѣкъ регулярнаго войска и такое же число людей вспомогательнаго отряда.

Требовавшееся для него пространство мѣнялось, конечно, соотвѣтственно количеству людей. Полный легіонъ занималъ площадь около 1.620 ф.×2.320 ф., которая защищена была валомъ въ 6 ф. высоты и 8 ф. толщины, со рвомъ впереди въ 3 ф. глубины и 5 ф. ширины [1]). Размѣръ укрѣпленія, конечно, мѣнялся. Если нужно было помѣстить въ укрѣпленіи меньшій гарнизонъ, парапетъ дѣлался выше и ровъ сооружался сложнѣе и съ препятствіями.

Прекрасный образчикъ подобнаго укрѣпленія находится въ фортѣ Ардокъ, въ Стратгалланѣ, на линіи завоеваній Агриколы. Правильность формы этого укрѣпленія указываетъ на то, что это римская постройка: въ немъ найденъ камень съ надписью, показывающей, что здѣсь когда-то располагался гарнизономъ первый отрядъ испанскихъ вспомогательныхъ войскъ. Его сложные рвы указываютъ на незначительный гарнизонъ, который сосредоточивалъ всѣ элементы защиты, обставивъ себя цѣлой массой препятствій противъ вторженія. Только внутренній валъ серьёзно охранялся. Съ каждой стороны находились ворота; впереди «praetorium» и «quaestorium» (преторскія или квесторскія), въ арьергардѣ «decuman» или чрезвычайныя,— съ каждой сто-

[1]) Godwin-English Archaealogical Handbook.

роны, «лѣвыя и правыя», главныя ворота. Въ укрѣпленіи, приписываемомъ Агриколѣ, ворота эти защищались наклономъ парапета, въ которомъ продѣланы были ворота.

Въ Англіи и Валлисѣ настоящіе римскіе лагери попадаются рѣдко. Попадаются развѣ такіе, которые впослѣдствіи превращены были въ города; напр., Варгэмъ, Колчестеръ, Уинчестеръ и т. д. Въ другихъ случаяхъ римляне отстраивали уже существовавшую крѣпость, какъ это сдѣлалъ Веспасіанъ съ британскимъ лагеремъ въ Амсбюри, который носитъ его имя. Хотя укрѣпленіе не совсѣмъ правильное, оно все же скорѣе римское, чѣмъ кельтское. Во время затянувшагося похода противъ Каратака, въ Брандонѣ также былъ построенъ значительный квадратный лагерь, который могъ бы выдержать внезапную аттаку. Мы находимъ и другіе образчики укрѣпленій въ Кейсторѣ, Норфолькѣ, въ лѣсахъ Шервуда [1]), но такія укрѣпленія, какъ замокъ Акръ, Ярмутъ, Эгбюри, Андоверъ, Гримсби, Ньюбюри, Годуинъ, Пэйнсуикъ, Мэсбюри, Шептонъ Маллетъ, Перборо, Гэмстэдъ Норрисъ, Рундуэй, Девайзъ, часто называются римскими, вѣрнѣе романизированными укрѣпленіями. Укрѣпленія, предназначенныя для военныхъ цѣлей и построенныя на большихъ дорогахъ, вообще говоря, находились другъ отъ друга на разстояніи около двадцати миль или на разстояніи дневного пути—и были квадратныя. Временно занимаемыя укрѣпленія и передѣланныя изъ прежнихъ земляныхъ замковъ можно узнать по слѣдующимъ признакамъ:

1) по настоящимъ римскимъ остаткамъ, какъ то: глиняная посуда, выдѣланная на гончарномъ станкѣ, разбросанныя монеты и раковины устрицъ.

2) Расположеніе укрѣпленій по сосѣдству или на перекресткахъ несомнѣнныхъ римскихъ или романизированныхъ дорогъ.

3) По сохранившимся или оставшимся римскимъ названіямъ, какъ Street, Stone, Sretton, Wick, Cold Harbour и т. д.

Легіонъ [2]) былъ тактической единицей римской арміи и состоялъ при Юліи Цезарѣ изъ десяти когортъ инфантеріи, приблизительно по 360 человѣкъ въ каждой, изъ которыхъ каждая дѣлилась на три манипулы [3]). Во время имперіи въ каждой когортѣ насчитывалось до 600 человѣкъ; въ первой когортѣ числилось двойное число сравнительно съ остальными. Къ каждому легіону присоединялись кавалерія и легкіе отряды, всегда набиравшіеся изъ провинціаловъ. Въ тоже время легіоны, хотя и набирались обыкновенно въ провинціи и весьма рѣдко въ Италіи, состояли только изъ римскихъ гражданъ,

---

[1]) Archeologia.

[2]) Характеристика эта основана на трудѣ W. Rüstow «Heerwesen und Kriegführung C. Julius Caesar. Gotha 1855.

[3]) Рота римскаго войска.

большею частью несомнѣнно римскаго происхожденія. Военныя колоніи, состоявшія изъ отставныхъ солдатъ, которымъ давалась земля въ видѣ пенсіи, представляли удобныя мѣста для набора,—и въ то время, какъ легіоны цѣлые годы подъ рядъ стояли въ одной и той же провинціи, новобранцевъ, набранныхъ въ одной провинціи, отправляли обыкновенно служить въ другую провинцію, чтобы этимъ путемъ препятствовать развитію національнаго сознанія.

Во время сраженія, легіоны обыкновенно строились въ два или три ряда когортъ (*acies duplex*, *triplex*). Впереди оставлялись промежутки между когортами. Линіи строились такъ, что промежутки первой линіи приходились впереди когортъ второй линіи и наоборотъ. Вся инфантерія была одинаково вооружена: мечъ и *pilum*, копье въ шесть футовъ длины съ тяжелой головкой изъ мягкаго желѣза съ крѣпкимъ концомъ. Каждая когорта состояла, обыкновенно, изъ десяти рядовъ. Двинувшись на разстояніе десяти или двѣнадцати шаговъ отъ врага, первый рядъ первой линіи когортъ бросалъ свои *pila* съ намѣреніемъ вызвать безпорядокъ въ рядахъ врага, что часто и удавалось. Эти оружія, помимо того, что они наносили опасныя раны, вонзались въ щиты, головки ихъ сгибались и тянули щитъ внизъ; между тѣмъ солдаты перваго ряда, бросивши свои *pila*, бросались впередъ и нападали съ мечемъ. Въ это время второй рядъ, кинувъ свои *pila* черезъ головы перваго ряда, бросался по мѣрѣ надобности на смѣну убитыхъ и раненыхъ товарищей. Арріегардъ служилъ резервомъ и стоялъ сзади, усталые воины находили въ немъ убѣжище; въ крайнемъ случаѣ онъ служилъ также для прикрытія отступленія. Тяжелая ноша, которой обремененъ былъ римскій солдатъ, существенно не стѣсняла его движеній. Кавалерія, расположенная по обоимъ флангамъ легіона, наблюдала за кавалеріей непріятеля, чтобы не допускать нападенія съ фланга на римскіе отряды и чтобы, въ случаѣ побѣды, слѣдовать за отступающимъ врагомъ.

Организація арміи въ родѣ той, съ какою мы знакомимся, главнымъ образомъ, по описаніямъ сраженій Цезаря въ Галліи, могла и не соблюдаться во время британскихъ войнъ во всей полнотѣ, такъ какъ, вообще, всякая организація тогда, какъ и теперь, зависѣла отъ свойства почвы; а страна эта, какъ намъ хорошо извѣстно, въ то время покрыта была густымъ лѣсомъ, была плохо осушена и состояла изъ болотистыхъ пространствъ.

Въ сущности, у насъ нѣтъ подробныхъ извѣстій о ходѣ какого-либо сраженія римлянъ на британской почвѣ. Установлено, однако, что когда три легіона отправлялись на фуражировку, съ ними, для охраны и развѣдокъ, высылалась кавалерія, состоявшая повидимому изъ галльскихъ всадниковъ. Такимъ же образомъ во время похода противъ Кассивелауна кавалерія перешла бродъ Темзы, около Кауэй-Стэкса, сопровождаемая легіономъ въ строгомъ порядкѣ, но при та-

кой неудобной почвѣ когорты должны были одна за другою переходить черезъ рѣку, чтобы выстроиться въ линію на берегу. Слѣдуетъ замѣтить, что тактика враждебныхъ британцевъ была, повидимому, общей тактикой тогдашнихъ дикихъ племенъ. Подъ предводительствомъ отдѣльныхъ вождей предпринимались отдѣльныя нападенія отдѣльныхъ отрядовъ, направленныхъ противъ какой-либо части непріятельской колонны; къ этому присоединялась обычная военная хитрость дикихъ—засада, въ которую завлекали врага мнимымъ отступленіемъ. Тамъ, гдѣ почва была удобна для проѣзда, для конной инфантеріи употреблялись колесницы. Такъ, говорятъ, Кассивелаунъ послѣ своего пораженія распустилъ свою упавшую духомъ инфантерію, удержавъ только 4,000 колесницъ [1]). Затѣмъ Светоній, сражаясь съ Боадиціей, выстроилъ свои 10,000 человѣкъ, состоявшихъ изъ 14-го легіона, знаменосцевъ (vexillarii) 20-го легіона и нѣсколькихъ вспомогательныхъ отрядовъ, въ линію съ ихъ флангами такъ, что оказалось невозможнымъ оттѣснить ихъ и поэтому британцы не могли извлечь достаточно выгодъ изъ своего количественнаго превосходства. Послѣдовавшая фронтовая аттака была жестокая и кровавая; нападающіе потеряли 80,000 человѣкъ убитыми, римляне-же только 400. Наконецъ, во время завоеванія Каледоніи Агриколой, римская армія выстроена была однажды въ двѣ линіи. Первая линія имѣла 800 человѣкъ вспомогательной инфантеріи въ центрѣ и 3000 человѣкъ кавалеріи на флангахъ; вторая состояла ихъ выстроенныхъ въ одну линію правильныхъ легіоновъ. Слѣдуетъ замѣтить, что колесницы вносили сильный безпорядокъ среди британцевъ; ихъ лошади безъ возницъ, испуганныя и дикія, бросались во всѣ стороны и по пути валили все съ ногъ. Полибій, писавшій два столѣтія раньше, сообщаетъ слѣдующія подробности о тактическомъ строѣ римскихъ солдатъ, бывшемъ еще тогда въ употребленіи: «римскій солдатъ во время сраженія не занимаетъ больше трехъ футовъ земли. Но такъ какъ необходимо было не только стоять, но и двигаться, чтобы имѣть возможность закрываться щитомъ и наносить удары концомъ и остріемъ своего оружія, то для каждаго легіонера требовалось съ каждой стороны, по крайней мѣрѣ, по три фута пространства, чистого и свободного отъ какого-либо препятствія. При аттакѣ сильно сплоченныхъ отрядовъ, въ родѣ греческой фаланги, «они придерживались тактики ставить одну часть войска противъ врага и удерживать другую часть въ резервѣ». Останавливаясь же на ихъ искусствѣ въ сраженіи вообще, Полибій говоритъ: «всегда готовые къ быстрому и рѣшительному дѣйствію, они не смущались никакимъ особымъ проявленіемъ враждебныхъ дѣйствій. Выстроенные въ ряды малыми отря-

---

[1]) General Roy: „Military antiquities of the Romans in Britain p. 6.

дами или для открытой схватки, лицомъ къ лицу съ врагомъ, римскіе солдаты всегда готовы храбро идти въ дѣло».

Сила римской арміи въ Британіи.

По свѣдѣніямъ Imperii Notitiæ [1]), римская армія насчитывала въ Британіи 19.200 человѣкъ инфантеріи и 1,700 челевѣкъ кавалеріи, подъ предводительствомъ *Comes Saxonici Litoris*, который управлялъ южнымъ и юго-восточнымъ побережьемъ; на *Comes Britanniarum* возложено было главное управленіе арміей; за нимъ слѣдовалъ *Dux Britanniarum* или главно-командующій, главная квартира котораго съ 6 мъ (Victrix) легіономъ находилась въ Эборакумѣ и Іоркѣ. Изъ остальныхъ легіоновъ 2-й (Augustan) находился въ Иска Силурумѣ или Кэрлеонѣ; 9-й (Hispanica) соединенъ былъ съ 6-мъ; 10-й (Victoria Victix) и 20-ый (Valens Victrix) находились въ Дева или Честерѣ [2]).

Надписи легіонобъ.

Отъ этихъ старыхъ легіонеровъ осталось много слѣдовъ, по которымъ видно, какъ они поселились въ странѣ ихъ военнаго служенія, быть можетъ съ британскими женами. Большинство могильныхъ надписей относятся къ солдатамъ и ихъ родственникамъ.

Такъ въ Сиренчестерѣ умеръ «*Rufus Sita*—всадникъ 6-й когорты, ѳракіецъ, сорока шести лѣтъ, служившій двадцать два года»; близь Кэрлеона находится могила съ надписью, посвященной Julius Valens, ветерану второго легіона (Augustan), прожившему сто лѣтъ.

Сѣть военныхъ дорогъ настолько прямыхъ, насколько было возможно, пересѣкала Британію. Она охранялась полу-постоянными крѣпостями, которыя покидали, когда миновала въ нихъ военная надобность (напр., Ардокъ) или крѣпкими земляными замками, превращенными въ города (напр., Валлингфордъ) или большими крѣпостями кельтскаго или бельгійскаго происхожденія, укрѣпленными римскимъ искусствомъ, которыя хотя и занимались временно, впослѣдствіи послужили мѣстами болѣе удобнаго поселенія (напр., Дорчестеръ въ Дорсетширѣ). Трудно объяснить, какъ проводили эти дороги черезъ густые лѣта, топкія болота и непроходимыя равнины. Путеводители Антонина, помѣченные 320 г. послѣ Р. Х. указываютъ пятнадцать большихъ военныхъ дорогъ (itinera), изъ которыхъ шесть сходятся въ Лондоніумѣ и три въ Каллева (Сильчестерѣ), откуда начинаются сверхъ того еще двѣ дороги, не указанныя въ путеводителѣ. Сорбіодунумъ (старый Сарумъ) былъ мѣстомъ скрещиванія шести дорогъ, изъ коихъ одна идетъ въ совершенно прямомъ направленіи къ Аксіуму, по берегу Сомерситшира, близь того мѣста, гдѣ теперь находится хорошенькая деревня Эпгилль (Uphill) [3]).

---

[1]) Приблизительно отъ четвертого до пятаго столѣтія.

[2]) 14-й легіонъ прежде стоялъ здѣсь, но потомъ былъ переведенъ.

[3]) Colt Hoare vol. I. p. 38.

Въ общемъ извѣстно 218 римскихъ стоянокъ, изъ которыхъ двѣ, (Веруламіумъ и Эборакумъ), были муниципальными городами; и девять (Aquae Sulis, Camboricum, Camulodunum, Glevum, Isca Silurum, Lindum, Londinium, Rutupiae и Deva) были колоніи (colonie), пользовавшіяся правами римскаго гражданства. Извѣстныя римскія стоянки.

Впродолженіе первыхъ двухъ столѣтій стоянки эти не окружали стѣнами, даже тогда, когда ихъ превращали въ постоянные города. Иначе трудно объяснить полнѣйшее раззореніе Веруламіума и др. во время возстанія Боадицеи. По мѣрѣ же того, какъ страна заселялась, каменная стѣна или замѣнила земляной валъ, какъ въ Сильчестерѣ, римскомъ Каллева, или строилась внутри за земляным валомъ города Аттребатовъ.

Эти укрѣпленные города имѣли грозный видъ. Они все еще были прямоугольны, или даже квадратны, имѣли четыре выхода, какъ въ римскихъ лагеряхъ, которые они замѣняли, но выходы эти снабжены были теперь воротами и сводами, часто надъ ними возвышались башни. Многія изъ башенъ круглы, какъ въ Ричборо и на прочномъ базисѣ. Стѣны сложены изъ двухъ параллельныхъ слоевъ камня, грубо отесаннаго, перемѣшаннаго съ черепицей, часто уложеннаго подъ угломъ, при чемъ промежутокъ наполнялся щебнемъ и известью. Гдѣ черепица не была пригодна, какъ напр. въ Сильчестерѣ, тамъ она замѣнялась рядами плоскаго камня.

Относительно характера римскаго оружія въ Британіи у насъ существуютъ только предположенія, какъ относительно другихъ мѣстъ; трудно объяснить почему, но желѣзное оружіе характеризуетъ скорѣе тевтонскую, чѣмъ римскую расу [1]). Вооруженіе ихъ состояло изъ бляхъ или полосъ вокругъ пояса, груди и на плечахъ. (Lorica pectorale и humeraliá) или изъ нашитыхъ на кожанное одѣяніе (Lorica squamata) пластинокъ металла, очевидно или изъ бронзы, или изъ желѣза. И тотъ, и другой металлъ могъ пригодиться для защиты. Оружіе и вооруженіе.

Такъ какъ длинное заостренное pilum (копье) безъ сомнѣнія было желѣзнымъ, то мы можемъ предположить, что короткій gladius—мечъ для рукопашной схватки дѣлался изъ стали и что изъ того же металла дѣлался и широкій parazonium—кинжалъ. Высокая цивилизація римлянъ обусловливала умѣніе выдѣлки стали, а сталь настоящій металлъ для нападенія. Pilum было похоже на штыкъ, gladius на мечъ кавалериста—оружіе для близкой схватки; и такъ лучшимъ способомъ войны до того времени, когда вошли въ употребленіе тяжелые металлическіе снаряды, былъ способъ наилучше примѣнимый къ дисциплинированнымъ и организованнымъ отрядамъ. Изъ какого бы металла ни дѣлалось оружіе, оно висѣло съ правой сто-

[1]) Boutell and Llewellyn Jewett

роны, чтобы не мѣшать щиту (clypeus изъ желѣза, или scutum изъ дерева или кожи), который носили на лѣвой рукѣ. Все это наглядно поясняетъ намъ статуя въ музеѣ лондонской ратуши. Желѣзныя головки стрѣлъ, вошедшія въ употребленіе у вспомогательныхъ отрядовъ легіона, находятъ часто въ пещерахъ въ Виндомисѣ; но мы не находимъ доказательства, чтобы и легіоны были вооружены такимъ же образомъ.

Бронзовое оружіе сохранилось; его исключительно и находятъ, потому что оно менѣе подвергается ржавчинѣ. Желѣзные мечи саксонцевъ находятъ въ курганахъ обыкновенно въ совершенно разрушенномъ видѣ. Средневѣковое оружіе и вооруженіе пострадали такимъ же образомъ, но ихъ приспособляли къ домашнему обиходу, дѣлая изъ нихъ сошники и садовые ножи.

Что касается знамени, *signum* легіона, то пока найдено только одно и вѣроятно единственное въ развалинахъ Сильчестера; оно имѣло особое значеніе въ римской войнѣ. Потеря знамени считалась позоромъ; на знамени произносилась военная клятва, sacramentum. Оно выбито на многихъ монетахъ въ видѣ птицы съ горизонтально распростертыми крыльями; на колоннѣ Траяна оно вырѣзано съ крыльями, распростертыми вертикально, какъ будто птица спускается внизъ.

Бронзовый орелъ, находящійся теперь въ Страдфильдсэйѣ, представляетъ только туловище съ квадратнымъ углубленіемъ у базиса для древка; но въ верхней поверхности имѣются двѣ квадратныя дыры, въ которыя вкладывались крылья; по расположенію дыръ видно, чтр крылья были расположены вертикально. Неизвѣстно, были ли эти крылья, какъ предполагалось, изъ драгоцѣнныхъ металловъ или они дѣлались только изъ бронзы и украшались золотыми и серебряными вѣнками въ честь выигранныхъ сраженій; возможно, что во время смутъ Караузія и Аллекта туловище орла было запрятано, а остальныя части знамени взяты или потеряны какимъ либо солдатомъ вспомогательнаго войска. Въ такомъ видѣ оно было спрятано, погребено въ пеплѣ деревянной крыши; во всякомъ случаѣ оно было символомъ конца римскаго владычества въ Британіи.

Задолго передъ тѣмъ, какъ послѣдній легіонъ покинулъ Британію и направился на родину, спокойствіе ея береговъ нарушалось нападеніями морскихъ пиратовъ — саксонцевъ, норвежцевъ, ютовъ и англовъ. Могущественная римская имперія наконецъ распадалась и Гонорій, чтобы поддержать свои слабыя силы, сзывалъ легіоны со всѣхъ отдаленныхъ береговъ и предоставилъ Британію самоуправленію, самозащитѣ и отчаянію.

Искусство и архитектура.

Р. Гугъ (R. Hughes).

Едва ли можно открыть первые слѣды искусства въ Британіи въ предѣлахъ нашего историческаго существованія. Мы должны для этого перенестись къ палеолитической эрѣ, когда люди не умѣли еще шлифовать высѣченныя изъ кремня орудія, которыя они употребляли для удовлетворенія своихъ потребностей. Районъ странствованій этихъ первобытныхъ людей былъ обширенъ и головки ихъ стрѣлъ и ихъ топоры можно найти почти въ половинѣ рѣчныхъ наносовъ всего міра. Однако только часть ихъ потомковъ, люди, устраивавшіе свои жилища въ пещерахъ сѣверо-западной Европы, обладали рѣдкимъ даромъ артистическаго замысла. Эти пещерные люди Франціи и Англіи были «греки» палеолитической расы, одному изъ которыхъ мы обязаны удивительнымъ доказательствомъ древности искусства на британской почвѣ [1])—мы говоримъ объ удивительно удачномъ изображеніи дикой лошади съ поднятой гривой, нарисованномъ остріемъ кремня на кускѣ ребра и найденномъ въ пещерѣ Робинъ Гудъ въ Крессуэль Крэгъ (Cresswell Crugs) на пограничной чертѣ между Ноттингамомъ и Дербиширомъ. Изображеніе это найдено подъ твердой скалой, которую пришлось взрывать. Скала эта находилась подъ слоемъ земли, заключавшей обломки римской глиняной посуды. Этотъ единственный образчикъ имѣетъ для насъ особенную цѣнность; онъ окончательно подтверждаетъ существованіе связи между жителями теперешней Англіи и охотниками и рѣзчиками, жившими въ пещерахъ теперешней Франціи. Послѣдніе вырѣзали изображеніе современнаго имъ мамонта на его клыкахъ и сѣвернаго оленя на отросткахъ его роговъ и носили ожерелье или амулеты изъ украшенныхъ изображеніями зубовъ пещернаго льва. При изслѣдованіи населенія этой первобытной эпохи необходимо осторожно относиться къ нашимъ географическимъ свѣдѣніямъ, потому что наша современная Англія въ то время была центромъ широкаго мыса, отдѣленнаго узкимъ морскимъ проливомъ отъ Скандинавіи, Англійскій же каналъ и Бискайскій заливъ тогда не существовали. Эти даровитые дикари исчезли, не оставивъ никакихъ слѣдовъ, которые указывали бы на ихъ наружность и на ихъ нравы—никакихъ слѣдовъ, кромѣ слѣдовъ ихъ ловкости въ искусствѣ. Сдѣлана была смѣлая попытка связать ихъ съ эскимосами; весьма возможно, что кромѣ нихъ ни одна изъ существующихъ

---

[1]) Boyd Dawkins «Early man in Britain» p. 185.

расъ не можетъ претендовать на родство и происхожденіе отъ этой расы.

Совсѣмъ иное представляла послѣдующая раса, малорослые люди, населявшіе Англію послѣ промежутка, продолжительность котораго мы предоставляемъ опредѣлить геологамъ, и населявшіе именно ту Англію, которую мы знаемъ теперь. Возможно, что типъ этотъ и нынѣ сохраняется среди малорослыхъ загорѣлыхъ валлійцевъ и смуглыхъ ирландцевъ запада; не менѣе вѣроятно, что смуглые силуры, грубая жестокость которыхъ и несходство въ нравственномъ и физическомъ отношеніи съ кельтами, галлами и британцами такъ глубоко поражали римскихъ завоевателей, были ихъ прямыми потомками. Эти люди, вѣроятно, не принадлежали къ англійской расѣ, а были родственны баскамъ или чуди; ихъ гробницы въ формѣ знаменитыхъ длинныхъ кургановъ сохранились до нашего времени. Хотя имъ неизвѣстно еще было употребленіе металловъ, но имъ знакомо было искусство обтачиванія кремня; ихъ шлифованныя каменныя орудія, ихъ топоры и ножи прекрасно выдѣланы. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ они замѣтно ушли впередъ; въ искусствѣ же они значительно отстали отъ обитателей пещеръ, которые, не смотря на свои таланты, не имѣли ни хижинъ, ни гробницъ.

Неолитическій періодъ.

Неолитическія расы, въ отличіе отъ пещерныхъ людей, очень заботились объ умершихъ; на ихъ могилахъ мы находимъ первые слѣды современнаго обычая украшать могилы. Нѣкоторыя изъ этихъ могилъ служили также мѣстами сожженія труповъ. Неолитическіе люди не только выкладывали могилы плитами и устраивали склепы, но и украшали вѣнками и спиралями. Они научились выдѣлывать глиняную посуду, хотя безъ гончарнаго станка и даже умѣли украшать ее, хотя только простыми геометрическими фигурами.

Бронзовый вѣкъ.

Только съ появленіемъ другой расы—рослыхъ людей съ круглыми черепами, сходство которыхъ съ другими не установлено—начинается въ Британіи прогрессъ въ этомъ примитивномъ искусствѣ. Намъ нѣтъ надобности опредѣлять: составляли ли новопришедшіе авангардъ кельтской расы или расу смѣшаную, или рослую финскую расу; въ пользу послѣдняго взгляда говоритъ только то, что арійская раса вообще не устраивала могилъ такъ усердно, какъ устраивали ихъ первобытные британцы. За неимѣніемъ точныхъ данныхъ, мы можемъ для удобства подраздѣлить эти двѣ расы—малорослую съ длиннымъ черепомъ и рослую съ круглымъ черепомъ (хотя подъ послѣднее опредѣленіе могутъ подходить двѣ расы)—на расу, устраивавшую продолговатые курганы и на расу, устраивавшую круглые курганы, хотя послѣдніе могли принадлежать двумъ расамъ, или двумъ подраздѣленіямъ одной и той же расы. Находятъ много

продолговатыхъ кургановъ и еще больше круглыхъ кургановъ. Они покрываютъ каждое мѣстечко, священное для древней расы. Люди круглыхъ кургановъ ввели у насъ въ употребленіе бронзу, быть можетъ, и искусство выдѣлки бронзы; съ наступленіемъ вѣка бронзы, мы вступаемъ въ область исторіи.

Украшенія.

Горшечное производство въ Британіи въ эту эпоху все еще ручное, но обнаруживаетъ значительную степень искусства. Формы хороши и попадаются образчики крупныхъ размѣровъ, до трехъ футовъ высоты. Въ извѣстныхъ предѣлахъ мы встрѣчаемъ удивительное разнообразіе сосудовъ, служившихъ для украшенія. Мы находимъ сосуды для пищи, урны для пепла, кубки для питья и какія то странно пробуравленныя чаши, которыя прежде принимали или за лампы или за факелы для куренія ѳиміамомъ, а теперь полагаютъ, что это были сосуды для огня; въ нихъ переносили горящіе угли на погребальный костеръ. Рисунки состоятъ обыкновенно изъ прямыхъ линій, проведенныхъ сѣтью въ видѣ крестовъ (чрезвычайно разнообразныхъ) и зигзаговъ; иногда мы встрѣчаемъ окрашенные въ бѣлый цвѣтъ зубчатые рисунки, которые разнообразятся перемежающимися различными квадратиками, рядами и группами крапинокъ—круглыхъ, овальныхъ, треугольныхъ. Иногда мы находимъ рисунки въ видѣ петлевидной или скрученной ленты; на одномъ образчикѣ ясно замѣтна лента, состоящая изъ трехъ полосъ. Не смотря на разнообразіе рисунковъ, способъ производства ихъ чрезвычайно простъ; рисунки дѣлались или какимъ-либо заостреннымъ инструментомъ, или нажиманіемъ на сырую глину палки или полосы. Кривыя и круглыя линіи въ рисункахъ, хотя и встрѣчаются, но онѣ не попадаются такъ часто и, должно быть, принадлежатъ къ позднѣйшему времени; но мы не встрѣчаемъ ни малѣйшей попытки изобразить что-либо изъ животнаго или растительнаго царства. Мы не встрѣчаемъ съ наступленіемъ болѣе развитаго бронзоваго вѣка замѣтнаго измѣненія въ образчикахъ для украшеній; прогрессъ выразился въ усиленной замѣнѣ кости, рога, камня или глины металломъ, а не въ усовершенствованіи вкуса при выработкѣ этихъ издѣлій. Украшенія изъ бронзы имѣютъ ту же геометрическую форму и продолжаютъ сохранять ее до наступленія желѣзнаго вѣка, при чемъ мы можемъ отмѣтить усиленное стремленіе къ украшенію личности. Попадаются тщательно выдѣланныя ожерелья изъ ввозимаго янтаря, обиліе колецъ, браслетъ и каменныхъ запястій съ золотыми украшеніями или смѣсью золота съ серебромъ, такъ какъ туземцы ремесленники не умѣли отдѣлять металлы.

Начало исторіи.

Британія затѣмъ вступаетъ въ періодъ письменной исторіи. Невозможно утверждать, что карѳагенянинъ Гимильконъ не доходилъ до нашихъ береговъ, хотя слѣдуетъ отбросить отождествленіе его Эстремнидъ (Oestremnides), съ островами Сциллійскими (Scilly), и если правдопо-

добно то, что другіе сидонскіе мореплаватели достигали этихъ береговъ, то до насъ не дошло объ этомъ никакихъ свѣдѣній. Въ четвертомъ столѣтіи до Р. Х., вѣроятно до смерти Александра, Пиѳіасъ, гражданинъ греческой колоніи Марселя, дѣйствительно посѣтилъ Британію; отчетъ о его путешествіи въ поискахъ за новыми рынками сталъ центромъ частью романтической, частью серьезной литературы, которая и послужила для послѣдующихъ четырехъ столѣтій запасомъ свѣдѣній объ этихъ островахъ. Отсюда черпали свѣдѣнія многочисленные писатели эпохи имперіи и нѣкоторые изъ нихъ, какъ Страбонъ, настойчиво дискредитировали Пиѳіаса и его путешествіе. Одному изъ компиляторовъ этого періода Діодору, современнику Ювенала, мы обязаны сохраненіемъ самого интереснаго разсказа. Цитируя Гекатея, писателя, сочиненіе котораго прямо написано по сочиненію Пиѳіаса, онъ именно разсказываетъ намъ, что Британія мѣсторожденіе Латоны, вслѣдствіе этого Аполлона почитали тамъ выше всѣхъ боговъ; еще болѣе замѣчательно то, что ему воздвигнуты были на этомъ островѣ «великолѣпная священная ограда и замѣчательный храмъ круглой формы». Конечно тутъ возможно простое совпаденіе, но мы не можемъ не вспомнить при этомъ о существованіи кельтскаго храма [1]). Это удивительное сооруженіе достаточно соотвѣтствуетъ описанію Діодора. Относится ли описаніе къ этому именно храму или нѣтъ, во всякомъ случаѣ это, несомнѣнно, одно изъ самыхъ большихъ сооруженій первобытныхъ британцевъ. Безполезно вдаваться въ обсужденіе вопроса: возникло ли это сооруженіе какъ могильникъ, или какъ мѣсто поклоненія; среди грубыхъ расъ почести, воздаваемыя умершимъ предкамъ, часто тѣсно сливались съ почестями, воздаваемыми живымъ богамъ. Люди, воздвигшіе въ центрѣ эти громадные трилитоны [2]) и окружавшіе ихъ гигантскимъ палисадомъ, обладали чутьетъ того, что создаетъ величественную архитектуру. Затѣмъ, эти громадныя груды, образующія окружность, поддерживали подпоры, такъ соединенныя одна съ другою, что образовывали сплошной архитравъ (подпоры),—это служило доказательствомъ того, что архитектурные пріемы и духъ архитектуры были еще въ періодѣ дѣтства. Изслѣдованіе могилъ въ сосѣдствѣ этого храма указываетъ на возникновеніе послѣдняго въ теченіе бронзовой эпохи: точно также пріемы его постройки и сооруженія не подтверждаютъ защищаемаго однимъ археологомъ мнѣнія, что этотъ храмъ сору-

---

[1]) *Stonehenge*—Древній кельтскій храмъ въ Англіи, расположенный въ обширномъ пространствѣ огороженной мѣстности, называемый равниной Салюсбюри въ Уильтширѣ. Въ теперешнемъ своемъ видѣ храмъ этотъ состоитъ изъ груды громадныхъ камней, стоящихъ или лежащихъ на землѣ. *Прим. пер.*

[2]) *Trilithons*—три камня, сложенные въ видѣ косяковъ и притолки двери. *Прим. пер.*

женъ позднѣе римскаго завоеванія. Храмъ этотъ по времени позднѣе и обширной каменной ограды (circle) Авбюри, съ незапамятныхъ временъ служившей каменоломней для жителей округа; вѣроятно онъ возникъ немного раньше желѣзнаго вѣка, къ которому мы перейдемъ въ слѣдующемъ параграфѣ.

Желѣзный вѣкъ.

Во время нашествія Юлія Цезаря желѣзный вѣкъ не насчитывалъ еще за собою много столѣтій, такъ какъ бронза не была еще вполнѣ вытѣснена. Введеніе желѣза произвело громадное усовершенствованіе въ орудіяхъ ремесленника и такимъ образомъ произвело значительное измѣненіе въ искусствѣ Британіи, хотя врядъ ли въ ея архитектурѣ. Въ желѣзный вѣкъ мы замѣчаемъ такое же удивительное усовершенствованіе въ рисункѣ, какъ и въ производствѣ, хотя первое усовершенствованіе вытекаетъ скорѣе изъ внѣшнихъ вліяній, а не изъ внутренняго развитія. Хотя время появленія кельтскаго племени составляетъ спорный вопросъ, оно въ это время упрочило уже за собою большую часть своихъ завоеваній, но новыя толпы завоевателей долгое время направлялись съ континента и создавали королевства, найденныя впослѣдствіи римлянами. Эти сношенія между кельтами континента и кельтами острова естественно повели къ ввозу въ Британію продуктовъ, получаемыхъ жителями континента отъ сосѣднихъ, болѣе цивилизованныхъ племенъ и именно въ это время мы сталкиваемся съ металлическимъ производствомъ, въ которомъ ясно обнаруживается заимствованіе южныхъ формъ. Золотыя латы, вырытыя въ Молдѣ, въ сѣверномъ Валлисѣ, золотая чаша, найденная въ Типперари, очевидно копіи этрусскихъ *repoussé* и легко найти такія же издѣлія въ Корнето и Пренесте (Praeneste); въ то же время въ числѣ британскихъ издѣлій того времени кромѣ кельтскихъ ожерелій — torques [1]) и браслетъ, встрѣчаются кольца, застежки и броши, ясно указывавшія на свое иностранное происхожденіе. Теперь стали распространяться сочетанія спирали съ завитками и различные образчики сплетеній: нѣкоторыя изъ этихъ формъ отличались чрезвычайной красотой. Таковы рисунки на знаменитомъ перстнѣ, выкопанномъ въ Ститчелѣ въ Рогсбуршрѣ и на ножнахъ кинжала, найденнаго въ рѣкѣ Уитгэмъ. Къ тому же эти рисунки входятъ въ употребленіе и въ позднѣйшія историческія времена и въ сочетаніи съ итальянскими и германскими формами воспроизводятся въ рисункахъ требниковъ (Missal) спустя столѣтіе. Другой важной чертой этого вѣка является обычай хоронить мертвыхъ въ склепахъ въ полномъ вооруженіи, вмѣстѣ съ оружіемъ и украшеніями, какія они

Кельтское искусство.

---

[1]) Torque (отъ слова torqueo — крутить) ожерелье или цѣпь для шеи, сдѣланное изъ толстой золотой скрученной проволоки, такія ожерелья носили персы и впослѣдствіе другіе народы, въ особенности германцы, галлы и британцы. *Прим. пер.*

носили при жизни; обычай этотъ не мало содѣйствовалъ къ ознакомленію съ искусствомъ и культурой того періода. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ тѣла или ихъ пепелъ клались въ мегалитическія [1]) могилы, прекрасные образчики каковыхъ мы находимъ въ Бойнѣ въ Ирландіи. Одна изъ такихъ могилъ въ Нью-Гренжѣ представляетъ крестообразное сооруженіе, въ девяносто футовъ длины, оно состоитъ изъ громадныхъ глыбъ, уложенныхъ въ «каирнъ» («cairn») [2]) въ семьдесятъ футовъ высоты, съ длиннымъ проходомъ, который ведетъ къ обширному куполу, помѣщавшемуся въ мѣстѣ скрещенія плитъ, камни при входѣ украшены группами самыхъ замысловатыхъ спиралей, окаймленныхъ краями въ формѣ ромбовъ и зигзаговъ; такой типъ сооруженій не встрѣчается въ предшествующемъ вѣкѣ. Могилы принадлежатъ вѣроятно позднѣйшей эпохѣ, чѣмъ курганъ въ Молдѣ, въ которомъ найдены золотыя латы, о которыхъ мы упомянали и около которыхъ найдено триста янтарныхъ бусъ, а въ нѣсколькихъ ярдахъ далѣе найдена урна, полная пепла. Тоже самое можно сказать о могилахъ близь Маркетъ Уэйтона, гдъ сожженіе труповъ не было кажется въ обычаѣ. Въ одной изъ этихъ послѣднихъ могилъ найденъ скелетъ съ оружіемъ; деревянный щитъ съ бронзовой выпуклостью въ центрѣ и съ желѣзнымъ краемъ, лошадиная узда и колеса колесницы. Въ другой могилѣ кромѣ человѣческихъ костей найдены скелеты двухъ лошадей и желѣзныя и бронзовыя украшенія колесницы. Въ третьей могилѣ, въ которой оказался по мнѣнію знатоковъ трупъ женщины, нашли сотни стеклянныхъ бусъ (голубыхъ и зеленыхъ съ бѣлыми полосками), рѣзное украшеніе изъ слоновой кости, два эмалированныхъ браслета и кольца изъ краснаго янтаря, бронзы и золота. Издѣлія изъ стекла появлялись обыкновенно одновременно съ плавкою желѣза и поэтому весьма вѣроятно, что эти бусы британскаго происхожденія.

Однако же искусство въ выдѣлываніи украшеній далеко превосходитъ искусство, обнаруживаемое въ скромной области домашней архитектуры. Дѣйствительно у британцевъ, которыхъ нашли римляне,—были ли то позднѣе явившіеся белги или кельты новаго или прежняго переселенія или смуглые силуры,—вовсе не было архитектуры, за исключеніемъ могилъ и храмовъ, изъ которыхъ нѣкоторые могли быть даже доисторическаго происхожденія. Ихъ круглыя жилища, на сѣверѣ иногда изъ камня (безъ сомнѣнія за недостаткомъ строеваго лѣса), строились обыкновенно изъ свай, переплетенныхъ вѣтвями и напоминали, кажется, постройки крааля зулусовъ, хотя далеко

Жилища.

---

[1]) *Megalithic*—состоящій изъ большихъ камней. *Прим. пер.*

[2]) *Cairn* (Gael. *carn* Scot *cairn*) куча изъ камней, которая по существующему предположенію, замѣняла могильный памятникъ. *Прим. пер.*

не отличались ихъ чистотою. Воздвигнутый въ подражаніе Комулодунуму во время тріумфа Клавдія въ Campus Martius городокъ, осада и защита котораго возложены были на британскихъ плѣнныхъ, предполагался точнымъ снимкомъ британской столицы. Это, насколько намъ извѣстно, было мѣсто, обнесенное изгородью изъ кольевъ (палисадомъ), окруженное искусственной канавой, здѣсь находились дворцы съ тростниковой крышей и улицы изъ рядовъ хижинъ, построенныхъ изъ вѣтвей.

Монеты.

Трудно что нибудь сказать о чеканкѣ монетъ Британіи до пришествія римлянъ. И дѣйствительно, Цезарь утверждаетъ (Bell. Gall. v. 12), если только комментаріи Скалигера вѣрны, что въ странѣ не было чеканенной монеты. Вѣроятно британскіе кельты въ этомъ отношеніи были болѣе отсталыми, чѣмъ ихъ сосѣди на континентѣ, хотя все-таки нельзя сказать, чтобы искусство чеканки было имъ вполнѣ неизвѣстно. Нѣкоторыя британскія племена имѣли, кажется, свою собственную чеканку золота, а возможно также и олова, въ эпоху, которую не совсѣмъ безосновательно мы можемъ отнести за сто пятьдесятъ лѣтъ до Р. Х. Монеты были кажется большею частью копіями, хотя врядъ ли первичными, съ прекрасною *stater* [1]) Филиппа Македонскаго,—предполагаютъ, что эта монета ввезена была въ большомъ количествѣ въ Галлію, какъ добыча Бренна. Хотя наши монеты кажутся скопированными съ имитацій настоящей монеты Филиппа, но есть однако указанія на то, что сами эти имитаціи относятся къ болѣе раннему времени. Доказывается это тѣмъ фактомъ, что многія изъ британскихъ монетъ прекрасны, но совершенно несходны съ оригиналомъ; въ то же время на позднѣйшихъ галльскихъ монетахъ, употреблявшихся во времена Цезаря, рисунокъ оригинала, благодаря неумѣлому подражанію, почти исчезъ. Такъ прекрасная голова Аполлона на монетѣ Филиппа, его вѣнокъ и локоны, замѣнены рядомъ ничего не означающихъ прямыхъ и кривыхъ линій, нарисованные на оборотной сторонѣ возница и его колесница—biga [2]), пройдя предварительную стадію смѣшнаго изображенія лошади съ человѣческой головой, стали изображаться въ видѣ отдѣльныхъ членовъ или неясныхъ группъ шариковъ (pellets). Правда, на нѣкоторыхъ британскихъ монетахъ, напримѣръ на монетѣ, о которой говоритъ Ивансъ (Evans), можно различить голову, но лошадь настолько измѣнена, что ея шею и туловище принимали за золотой серпъ, которымъ Друиды срѣзали священную омелу; омела же, изображеніе которой обнаружено въ одной изъ группъ шариковъ—ничто иное, какъ *disjecta membra* (члены тѣла) возницы. Слѣдуетъ замѣтить, что пре-

---

[1]) Stater—золотая монета различной цѣнности въ древней Греціи. *Прим. перев.*

[2]) *Biga*—колесница, запряженная парою лошадей. *Прим. перев.*

даніе о существованіи лошади на монетѣ не вполнѣ исчезло у британскихъ художниковъ и по временамъ мы наталкиваемся на новую попытку изобразить эту лошадь съ натуры въ видѣ скачущаго галопомъ животнаго, но выполненіе рисунка далеко не удовлетворительно. Первыя британскія монеты, сравнительно чисто выполненныя, безъ надписей; возможно, однако, что бываютъ исключенія изъ этого общаго правила. Послѣ нашествія Цезаря и обложенія имъ данью попадаются часто на монетахъ надписи, относящіяся къ различнымъ королямъ и мѣстамъ чеканки, напр. Кунобелинъ и Камулодунумъ. Конечно, все вышесказанное относится только къ монетамъ преимущественно берегговыхъ британцевъ т. е. кельтскихъ обитателей юга и востока и не имѣетъ никакого отношенія къ дикимъ силурамъ запада, которые не знали употребленія монеты покрайней мѣрѣ до временъ Веспасіана.

Римско Британскій періодъ.

Мы говорили уже, что Цезарь столкнулся съ грубымъ населеніемъ, хотя племена, съ которыми ему пришлось войти въ столкновеніе, представляли позднѣйшихъ переселенцевъ и, по всѣмъ вѣроятіямъ, болѣе цивилизованныхъ обитателей острова. Въ грубыхъ искусствахъ этихъ обитателей не было ничего достойнаго вниманія для этого патриціанскаго солдата, который выросъ въ матерьяльной роскоши Рима и которому съ юности уже извѣстна была слава Аѳинъ. Какъ воинъ, римскій солдатъ восхищался искусствомъ и храбростью британскихъ возницъ, напоминавшихъ образованному римлянину героическія сраженія Иліады; но въ сообщеніяхъ Цезаря о Британіи и у его позднѣйшихъ комментаторовъ мы находимъ только самыя скудныя свѣдѣнія о ея цивилизаціи. Одно изъ этихъ свѣдѣній мы находимъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ описываетъ дикій скотъ Британіи (очевидно смѣшивая его съ зубрами), предковъ стадъ Чиллингэма и Чартлея. Въ особенности говоритъ онъ о ихъ большихъ развѣтвлявшихся рогахъ, украшенныхъ серебромъ, которые онъ повидимому видѣлъ; онъ говоритъ, что туземцы особенно цѣнили эти рога, такъ какъ употребляли ихъ какъ кубки на своихъ обильныхъ пирахъ. Латы изъ британскаго жемчуга, которыя Цезарь повѣсилъ въ храмѣ Венеры, указываютъ несомнѣнно на нѣкоторую степень знакомства съ ювелирнымъ искусствомъ, хотя Плиній подозрѣваетъ, что это не настоящій жемчугъ, а поддѣлка,—и онъ, и Тацитъ указываютъ на плохой цвѣтъ британскаго жемчуга; мнѣніе ихъ подтверждается послѣднимъ свидѣтельствомъ Эліана (Aelian). Въ теченіи столѣтія, отдѣлявшаго временныя посѣщенія Цезаремъ Британіи отъ завоеванія Авла Плавта и тріумфа Клавдія, не могло произойти усовершенствованія въ мирныхъ искусствахъ Британіи. Мѣстные короли, границы владѣній которыхъ мѣнялись соотвѣтственно превратностямъ междоусобной войны, могли, какъ мы узнаемъ изъ таблицы Ансиры, пріобрѣсти презрительную дружбу Августа, могли посредствомъ по-

сольствъ выпрашивать милости у Рима и жертвовать въ Капитоліи золотыя издѣлія Британіи, но они, кажется, выучились только выбивать имена на туземной монетѣ. Никакіе другіе успѣхи ни въ искусствѣ, ни въ архитектурѣ не доказаны.

Римское завоеваніе.

Завоеваніе всетаки дало толчокъ торговлѣ съ континентомъ, и Страбонъ упоминаетъ о браслетахъ изъ слоновой кости, янтаря и стекла, составлявшихъ въ то время главный предметъ торговли съ страной кельтовъ. Водвореніе галльскихъ переселенцевъ происходило, безъ сомнѣнія, въ большихъ размѣрахъ. Переселенцы ввели новые образцы, которымъ туземцы не замедлили подражать; весьма возможно, что замѣчательное изобиліе красной эмали, которое мы встрѣчаемъ у туземцевъ, возникло въ подражаніе украшенному кораллами Средиземнаго моря вооруженію парижскихъ переселенцевъ въ Іоркширъ. Ножны не оконченныхъ лезвій мечей галльскаго рисунка найдены въ большомъ количествѣ къ юго-западныхъ графствахъ, въ нихъ вполнѣ основательно можно видѣть подобное же доказательство британскаго прогресса собственно въ галльскомъ искусствѣ. Торговля предметами болѣе или менѣе артистической выдѣлки, во всякомъ случаѣ, доставляла достаточно выгодъ для уплаты главной части дани, которая повидимому не была обременительна ни количествомъ, ни способомъ ея собиранія. Ввозныя и вывозныя пошлины, дѣйствительно, собирались правильно; но этимъ все и ограничивалось; ни чѣмъ другимъ ни оружіе Италіи, ни ея вліяніе не обременяли Британіи.

Совершенно иныя были послѣдствія завоеванія Авла Плавта въ 50 г. послѣ Р. Х. Въ послѣдовавшіе за этимъ одинадцать лѣтъ истреблены были друиды, возстала и погибла Боадицея и положено было основаніе владычеству римлянъ. Въ 86 г. послѣ Р. Х. Британія составляла уже во всѣхъ отношеніяхъ римскую провинцію, она была покрыта укрѣпленными городами и цѣлою сѣтью дорогъ, что всюду являлось признакомъ постояннаго римскаго владѣнія. Римляне, хорошіе инженеры и прекрасные, если не талантливые, архитекторы, въ сущности не были артистическимъ народомъ; искусство, которое они вводили, брало начало изъ той Греціи, которая давно «плѣнила вкусъ своихъ дикихъ завоевателей». Армія чиновниковъ заняла страну вдоль и поперекъ. На мѣстѣ прежнихъ хижинъ изъ вѣтвей появились виллы; подражая завоевателямъ, туземцы льстили имъ. Не менѣе интереснымъ послѣдствіемъ сношеній съ Римомъ было введеніе среди британскихъ язычниковъ поклоненія скульптурнымъ изваяніямъ. До появленія поклонниковъ Марса и Аполлона жители этихъ острововъ не пытались никогда создать для поклоненія человѣческое изображеніе. Священный дубъ, ключъ, солнце были объектами первобытнаго поклоненія обитателей; но формы итальянскаго язычества, съ сильной примѣсью въ это время восточныхъ

Римско-Британское искусство.

Священное искусство.

формъ, разбудили въ нихъ подражательныя способности. Они также строили храмы и ставили изваянія боговъ; Гильдасъ описываетъ эти изваянія, которыя можно найти въ разрушенныхъ городахъ. Эти же азваянія, поставленныя на городскихъ стѣнахъ и воротахъ, возбуждали удивленіе первыхъ антикваріевъ. Изъ двѣнадцати бронзовыхъ изображеній, вырытыхъ въ Дивайзѣ въ началѣ текущаго столѣтія, значительная часть представляетъ британскія, а не римскія божества. Змѣя съ гребнемъ или драконъ фигурируютъ часто въ первобытномъ искусствѣ—иногда они комбинируются съ нагими фигурами, иногда обвиваютъ фигуры, одѣтыя въ кельтскую тунику и штаны. Британскій артистъ, дѣйствительно, былъ удивительно хорошо знакомъ съ атрибутами божествъ самыхъ отдаленныхъ частей свѣта; его произведенія доказываютъ, что поклоненіе Митрѣ и Серапису пользовалось популярностью. Надписи на дощечкахъ «*Sol invictus Mithras*» весьма малочисленны; и кажется, будто туземецъ самъ сознавалъ связь и сродство этого чужеземнаго восточнаго поклоненія съ испорченнымъ культомъ природы его собственнаго друидизма. Онъ воздвигалъ алтари съ греческими надписями, хотя мы смѣло можемъ приписать самыя эти надписи благочестію чужеземныхъ легіонеровъ. Таковы алтари, найденные у стѣны Адріана; одинъ изъ нихъ посвященъ отдѣльно Астартѣ (или Ashtaroth)—Венерѣ финикіанъ. Другой алтарь посвященъ Діодорой, великой жрицей, Тирскому Геркулесу, другой Мелькарту, богу Ханаана, храмъ котораго на скалѣ, названной впослѣдствіе сарацинами Гибралтаромъ, былъ знаменитымъ аванпостомъ Карѳагена. Въ Іоркѣ найденъ фундаментъ храма Сераписа, въ этомъ же городѣ открыто изображеніе Беллоны, въ храмъ которой приведенъ былъ однимъ сельскимъ предсказателемъ Северъ не задолго до своей смерти. Вполнѣ естественно, что мы встрѣчаемъ много алтарей, посвященныхъ по римскому обычаю римскимъ богамъ: Юпитеру, Фортунѣ, Genius Loci, Victoria Victrix, Геркулесу, Марсу, Меркурію, Сильвану, нимфамъ и Numina Augustorum. Британскій и галльскій Олимпъ были одинаково хорошо снабжены богами и туземныя божества считались хорошимъ обществомъ для великихъ римскихъ боговъ. Такъ найденъ алтарь, посвященный Юпитеру и Марсу совмѣстно съ Неметоной, богиней войны галловъ. Въ Линднѣ въ Глочестерширѣ былъ храмъ богу Нодену или Нодону и Эпона, богиня коней, была вездѣ любимой богиней! Кромѣ того раса гибридныхъ боговъ: Mars Lucetius, Sul Minerva, Mars Belacatrudus, Jupiter Dolichemus, также давала работу британскимъ скульпторамъ. *Deae matres* (богини — матери) Италіи, Африки и Галліи, также имѣли алтари на британской почвѣ, ихъ сооружали благочестивые люди, считавшіе излишнимъ отдѣльное поклоненіе. Желаніе выразить въ сжатой формѣ благочестіе широко проявляется въ посвященіи «богамъ начальниковъ прето-

ріума» [1]), вырѣзанномъ на бронзѣ греческими прописными буквами или въ надписи на мраморной дощечкѣ «dis deabus hospitalibus penatibusque». Ничто такъ ясно не указываетъ на всеобщее значеніе римской религіи, какъ эти надписи, посвященныя всевозможнымъ богамъ и отъ имени всевозможныхъ чужеземныхъ націй; воздвигнутый же благочестіемъ туземца алтарь «*Britannia Sancta*» указывалъ въ то же время, насколько распространеніе римскаго язычества проникло въ среду завоеваннаго народа.

Скульпторы, воздвигавшіе алтари и вырѣзавшіе эти воззванія къ чужеземнымъ богамъ континентальной Европы, принадлежали по всѣмъ даннымъ къ британской національности; мы имѣемъ доказательства, что во времена императоровъ существовала *collegia* или цехи ремесленниковъ и безъ особой натяжки мы можемъ предположить, что отъ нихъ же произошли ремесленныя корпораціи среднихъ вѣковъ. До сихъ поръ не найдено надписей цеха скульпторовъ, но въ Чичестерѣ найдена дощечка, на которой сообщается о сооруженіи храма Нептуну и Минервѣ *Collegium Fabrorum* (вѣроятно цехомъ ремесленниковъ).

Это скульптурное произведеніе не единственное доказательство существованія этого цеха, въ составъ котораго входили строители т. е. плотники и мастера другихъ искусствъ и ремеслъ. Чичестерская надпись считается самой замѣчательной; въ ней находятъ сообщеніе, что этотъ храмъ посвященъ двумъ исключительно итальянскимъ божествамъ и воздвигнутъ по повелѣнію британскаго князя Тиверія Клавдія Когидубна, принявшаго титулъ *legatus* и удержавшаго въ тоже время титулъ *rex*. Конечно эти «сооруженія религіи» всегда занимали первое мѣсто среди произведеній искусства; такъ было въ Британіи, Греціи, Италіи, Испаніи, такъ было въ древніе и средніе вѣка. Иконопластическое рвеніе послѣдующихъ религій оказалось болѣе роковымъ по отношенію къ богамъ, чѣмъ по отношенію къ ихъ поклонникамъ; изъ священныхъ статуй, насчитывавшихся сотнями, до насъ дошло удивительно мало. Статуй въ человѣческій ростъ почти не сохранилось, только въ Іоркѣ найдена статуя Марса, сдѣланная изъ мѣстнаго песчаника.

Чаще встрѣчаются рельефы алтарей, немногіе изъ нихъ высокаго качества. Хорошимъ образцомъ служитъ алтарь, посвященный Эскулапу и Салу (Salus), правая рука Эскулапа охватила лѣвую руку Сала, его же лѣвая рука покоится на шеѣ священнаго змѣя. Это интересное произведеніе найдено въ Бинчестерѣ въ Дургэмѣ (древнемъ Vinovium) и воздвигнуто благочестіемъ частнаго лица, лекаря испанской кавалеріи.

---

[1]) *Pretorium*—палатка начальника въ лагерѣ—мѣстопребываніе правителя въ провинціи, большой домъ, дворецъ. *Прим. перев.*

Архитектура.

Конечно римскій колонистъ не вводилъ всюду, куда онъ проникалъ, однѣ только религіозныя постройки; недостатокъ камня, годнаго для построекъ, обиліе дубоваго лѣса, различіе климата несомнѣнно измѣняли характеръ его домашней архитектуры и конечно обусловливали меньшую прочность построекъ. По всѣмъ вѣроятіямъ, больше всего сходство домашней архитектуры императорской Италіи и сѣверныхъ провинцій сохранялось въ городахъ. Къ сожалѣнію именно города Англіи и пострадали больше всего, потому что они не только служили цѣлые вѣка римлянамъ каменоломнями для добыванія кирпича и извести, но зачастую не одинъ, а многіе города возникали на томъ же мѣстѣ, погребая драгоцѣнные остатки слоями послѣдующихъ построекъ. Саксонскій городъ С. Албанъ, какъ предполагаютъ, весь построенъ на развалинахъ Веруламіума, и въ настоящее время случайный прохожій можемъ замѣтить, что стѣны башни и среднія части Норманскаго собора большею частью состоятъ изъ римской черепицы. Въ самомъ Римѣ прекрасно отесанный камень императорской архитектуры тысячами пошолъ на постройку стѣнъ дворцовъ сіятельныхъ папскихъ семей (quod non fecerunt barbari, fecere Barbarini); такъ и въ Англіи кирпичъ, мраморъ, терракотта безчисленныхъ римскихъ виллъ и храмовъ пошли на постройку англійскихъ замковъ, церквей и усадьбъ. Загородныя виллы пострадали однако же меньше всего отъ разрушенія и надстроекъ. Вообще онѣ по размѣрамъ своимъ уступали вилламъ южныхъ странъ и, быть можетъ, строились изъ менѣе роскошнаго матеріяла. Даже въ открытыхъ мѣстностяхъ, какъ Кумберлендъ, всегда подвергавшійся хроническимъ набѣгамъ пиктовъ, попадаются остатки прекрасно отдѣланнаго кирпича и камня; въ то же время, уже одно существованіе такихъ городовъ, какъ Сильчестеръ, стѣны котораго окружали площадь въ три мили въ окружности, указываетъ на вѣроятность распространенія большей или меньшей роскоши.

Римскія виллы

Врядъ ли дѣйствительно богатый гражданинъ соглашался жить такъ далеко отъ Рима, подъ британскимъ небомъ; поэтому виллы наши по всѣмъ вѣроятіямъ служили жилищемъ небогатымъ людямъ; но съ другой стороны нѣтъ указаній и на то, чтобы романизированный британецъ не могъ удержать при себѣ все свое состояніе; чиновники имперіи въ большомъ количествѣ набирались также среди жителей отдаленныхъ провинцій.

При сравненіи различій римской домашней архитектуры въ Британіи и той же архитектуры въ Италіи слѣдуетъ принять во вниманіе, что даже въ ихъ родной странѣ планъ строеній значительно измѣнялся. Главныя части образцоваго римскаго дома состояли изъ *atrium* или залы, куда входили черезъ *ostium* или портикъ; эта зала составляла первоначально главную комнату въ домѣ. Она была покрыта крышей — или вся или такимъ образомъ, что въ центрѣ

оставлялось отверстіе или просвѣтъ — въ большихъ домахъ крыша поддерживалась колоннами. За этой залой шелъ *cavoedium*, внутренній дворъ, настоящій центръ жилаго помѣщенія; въ центрѣ находилась обширное открытое пространство *impluvium* (съ цистерной или бассейномъ), безъ крыши и окруженное со всѣхъ сторонъ крытыми проходами; за ними расположенъ былъ *peristilium*, находящійся подъ прямымъ угломъ съ другими комнатами; въ срединѣ перестилія находился садъ, окруженный аркадой изъ колоннъ; къ *peristilium* примыкали *triclinia* или столовыя, ихъ было нѣсколько, а въ богатыхъ домахъ различныя *oeci* или пріемныя комнаты. Въ то время, къ которому мы можемъ отнести постройку большинства британскихъ виллъ, т. е. во второмъ, третьемъ и четвертомъ столѣтіи нашей эры— *oecus cyzicenus* представлялъ типъ римскаго дома. Обыкновенно, это была трехъугольная комната сзади peristilium'а—или двора-сада; главнымъ отличіемъ ея было то, что съ двухъ сторонъ, а иногда и съ трехъ, находились окна, доходившія до земли, такъ что опершись на подоконникъ можно было любоваться видомъ открытой мѣстности. Таковы главныя комнаты. Вокругъ первыхъ трехъ расположены были *cubicula* или спальни — обыкновенно очень маленькія— кладовыя, кухни, службы.

Совершенно другое устройство преобладало въ деревенскихъ домахъ; они состояли изъ двухъ дворовъ: во внѣшнемъ дворѣ находилось помѣщеніе управляющаго и комнаты *praedial'овъ* — слугъ фермы; здѣсь помѣщались прессы для вина и сбиванія масла, кухня; внутренній дворъ былъ вродѣ двора фермы съ водопоемъ для скота, хлѣвами и другими сельско-хозяйственными постройками. Обитаемая часть виллы обыкновенно строилась съ портикомъ или колоннадой, расположенной вдоль передняго фасада и съ комнатами по плану, грубо подражавшему постройкѣ городскаго дома; допускалась впрочемъ прибавка меньшей *peristilia* сзади залы, а впереди двора прибавлялась комната для пировъ, устроенная по тому же образцу, какъ *Oecus Cyzicenus*. Мы полагаемъ также, что деревенскія виллы неизбѣжно снабжались хорошо устроенными ваннами съ hypocost'омъ или аппаратомъ для нагрѣванія воды.

Римская городская архитектура.

Жилища римской Британіи, повидимому, не приспособлялись строго къ какому нибудь одному изъ этихъ типовъ. Два главныхъ города первобытной Британіи, муниципіи — Іоркъ и С. Албанъ, какъ мы называемъ ихъ теперь, и Эборакумъ и Веруламіумъ, какъ называли ихъ римляне (первый во все время пребыванія римлянъ считался лучшимъ городомъ Британіи), не даютъ, однако же, точныхъ представленій о формѣ и размѣрахъ строеній. Не даетъ этихъ представленій и Лондонъ, который хотя и не былъ муниципіей — но былъ очевидно крупнымъ коммерческимъ центромъ, мѣстомъ императорской чеканки монеты,—городомъ, носившимъ титулъ *Augusta* и быть

можетъ главнымъ хранилищемъ императорской казны. Съ другой стороны деревенскія виллы, построенныя на деревянномъ и каменномъ фундаментѣ, совершенно исчезли съ поверхности земли, но подъ землей возможно открыть ихъ общій планъ,—и онѣ-то служатъ самыми достовѣрными свидѣтельствами характера римской цивилизаціи. О типѣ виллы, преобладавшей въ Британіи, можно судить по многочисленнымъ образчикамъ, въ особенности по открытымъ въ Лидней-Паркѣ и въ Удчестерѣ въ Глостерширѣ, въ Биньорѣ въ Суссенсѣ и въ Брэдингѣ на островѣ Уайтъ. Во всѣхъ этихъ образчикахъ нѣтъ правильныхъ рядовъ комнатъ, жилыя комнаты виллы расположены по сторонамъ большого открытаго двора, длиною отъ шестидесяти до двухсотъ футовъ квадратной или продолговатой формы. Эти дворы иногда (какъ въ Биньорѣ) вымощены каменными плитами и всегда окружены аркадой, которая иногда на большей части своего протяженія двойная. Въ большинствѣ случаевъ можно найти и залу, болѣе или менѣе соотвѣтствующую Oecus Cyzicenus и обращенную болѣе или менѣе на югъ. Ванны обыкновенно отдѣлены и болѣе усовершенствованнаго типа. Теплый воздухъ проведенъ не только въ нѣкоторыя маленькія комнаты, какъ это дѣлалось иногда въ Италіи, но проходилъ подъ поломъ всѣхъ главныхъ комнатъ. Попадаются также открытые очаги и хотя кое-гдѣ можно открыть существованіе бассейна, устройство *impluvium* повидимому совершенно уничтожено. Въ одномъ отношеніи эти виллы похожи и часто превосходятъ по красотѣ самыя красивыя виллы, найденныя на континентѣ,—а именно по великолѣпію своихъ половъ. Въ этой области искусства британскіе художники, конечно, дѣлаютъ честь своимъ римскимъ учителямъ, ихъ мозаичныя работы (opus musivum или musaceum римлянъ) не только необычайной красоты и оригинальности, но иногда носятъ также національный характеръ. Ни одинъ изъ римскихъ останковъ не сохранился такъ хорошо, благодаря, конечно, особой заботѣ о предохраненіи мозаики отъ порчи британскаго климата. Объ укладкѣ мозаики и цементѣ заботились такъ же тщательно, какъ и о рисункѣ; предварительно землю покрывали известью, мелкимъ пескомъ, пепломъ, цементъ приготовлялся изъ толченнаго шифера, бѣлка яицъ, клея, эстрагона (dracunum). Употреблялись кубы отъ полдюйма до дюйма длины и Д-ръ Лизонсъ, изслѣдователь Удчестера, высчиталъ, что на мозаику, которая найдена тамъ, потрачено полтора милліона *tesserae;* матерьялъ большею частью мѣстнаго производства, хотя иногда попадается мѣловой камень итальянскаго происхожденія. Большинство мозаикъ клали на платформу изъ черепицъ на подпоркахъ изъ кирпича или камня, причемъ въ пустые промежутки проводился обыкновенно теплый воздухъ *hypocost'a*. Если это было почему либо не выполнимо, значительно увеличивали толщину фундамента; въ Роксетерѣ, когда-то населенномъ городѣ Ури-

коніумъ, найденъ фундаментъ въ три фута толщины, въ Уудчестерѣ фундаментъ имѣетъ не менѣе пяти футовъ толщины.

Въ юго-западныхъ и южныхъ графствахъ найдены лучшіе образцы этого искусства, но они встрѣчаются повсемѣстно въ Англіи. Образцы, найденые въ Линднѣ и въ Уудчестерѣ вполнѣ заслужено считаются знаменитыми, но ихъ еще превосходятъ образцы, найденные въ Брэдингѣ, дающіе полное право похвастаться превосходствомъ, какого достигли британскіе художники въ этомъ жанрѣ рисунка. Мы уже описали общій планъ виллы, и хотя произведенныя изслѣдованія еще не вполнѣ выяснили устройство виллы въ Брэдингѣ, но вѣрно то, что комната, въ которой начинается рядъ мозаичныхъ изображеній, была одной изъ тѣхъ дополнительныхъ комнатъ, о которыхъ мы упоминали. Въ центрѣ изображена голова женщины, которую Морганъ, цѣнному труду котораго мы обязаны главными подробностями, считаетъ Гармоніей. Вокругъ нея группируются три мозаичныя картины, изображающія различныя подраздѣленія ихъ. Раннее утро изображено въ видѣ гладіаторовъ, выведенныхъ своими владѣльцами на бой съ дикими звѣрями; утро—часъ, назначенный для боя человѣка съ звѣремъ, «lever du rideau» для амфитеатра; бой человѣка съ человѣкомъ происходитъ въ болѣе модный часъ—въ полдень. Затѣмъ далѣе день изображенъ, какъ *gallicinium*—раздѣленіе дня, начинающагося пѣніемъ пѣтуха,—въ видѣ человѣка съ головой, украшенной пѣтушинымъ гребнемъ и съ пѣтушиными шпорами. Слѣдующая сцена изображаетъ полдень. Мы видимъ *secutor* съ мечомъ и шлемомъ, онъ старается уклониться отъ сѣти, набрасываемой на него *retiarius*'омъ и перерѣзать ее раньше, чѣмъ онъ вновь наброситъ ее. Третье дѣленіе дня изображено въ видѣ лисицы, прокрадывающейся при наступленіи ночи въ виноградникъ. Должно замѣтить, что эти толкованія не всѣми приняты. Нѣкоторые догадывались, что изображеніе человѣка-пѣтуха есть символическая насмѣшка надъ св. Петромъ и христіанствомъ, или что это Алектріонъ или родъ дерзкаго каламбура въ видѣ картины на имя императора Галліена. Фактъ, что дикіе звѣри—пантеры, священныя животныя Бахуса и снабжены крыльями, подвергаетъ поясненія Моргана еще большему сомнѣнію. Въ центрѣ длинной галлереи — безъ сомнѣнія той залы для пировъ, какая обыкновенно устраивалась въ загородныхъ виллахъ—изображенъ Орфей въ фригійскомъ колпакѣ и съ лирой, окруженный звѣрями. Изображеніе это сильно повреждено; только уцѣлѣвшіе осколки Орфея и звѣрей—среди которыхъ находились лисица, павлинъ, корнваллійская галка и обезьяна—указываютъ на красоту рисунка.

Въ сѣверной комнатѣ, назначеніе которой неопредѣленно, мозаика не сохранилась хорошо; она повидимому состояла изъ четырехъ частей, изъ квадратовъ въ перемежку съ кусками продолговатой формы; Морганъ очень остроумно объяснилъ, что эта мозаика изображаетъ

легенду Діонисія (Вакха). На первой изъ этихъ мозаикъ центръ исчезъ, въ фигурѣ же, которая несетъ голову, признали Агаву съ головою сына своего Пентея: въ безуміи, ниспосланномъ на нее богомъ за оскорбленіе его величія, она приняла своего сына за дикаго звѣря. Въ слѣдующей продолговатой мозаикѣ изображена фигура астронома съ инструментами вокругъ него, а затѣмъ изображено повидимому продолженіе исторіи Вакха. Въ центрѣ голова, которую различно принимаютъ за голову Медузы или Пентея и отсюда расходятся четыре медаліона. Въ первомъ изъ нихъ изображенъ Ликургъ съ топоромъ, даннымъ ему Юноной, чтобы убить Вакха. Затѣмъ преслѣдуемая нимфа въ изорванномъ и развѣвающемся одѣяніи (вѣроятно дальнѣйшее продолженіе легенды Діонисія) и послѣдній медаліонъ изображаетъ Стафила (Staphilus—виноградная лоза) въ видѣ юноши съ свирѣлью, Пана и нимфу съ тамбуриномъ—символъ счастья, происходящаго отъ истиннаго поклоненія богу вина.

По этимъ подробностямъ можно судить объ успѣхахъ британскаго искусства и обширности его примѣненія. Не слѣдуетъ при этомъ забывать, что это составляетъ только часть того, что сохранилось въ многочисленныхъ виллахъ, разбросанныхъ по всей странѣ. Эти виллы настолько многочисленны, что невозможно получить даже мало мальски полнаго описанія. Мы можемъ отмѣтить, что художники чаще всего выбирали сюжеты изъ миѳическихъ легендъ. Самыя распространенныя фигуры — фигуры полубоговъ, наядъ, тритоновъ, Орфея съ его лирой; часто встрѣчаются также Вакхъ съ его пантерой, Меркурій. Купидонъ, Панъ. Главные боги встрѣчаются рѣдко, чаще всего встрѣчаются Юпитеръ и Нептунъ. Юпитеръ найденъ въ Биньорѣ съ Ганимедомъ, и съ Марсомъ въ Фрамптонѣ. Венера, Марсъ и Діана найдены также въ Брамдинѣ. Аполлонъ почти не встрѣчается, иногда принимали за него нѣкоторыя изображенія Орфея. Часто встрѣчаются изображенія птицъ и звѣрей и сцены охоты и рыбной ловли, хотя послѣднихъ находятъ немного. Самое интересное изображеніе найдено на мозаикѣ въ Лиднеѣ: рыбаки въ ихъ кожанныхъ лодкахъ (coracles — грубыя овальныя лодки до сихъ поръ въ употребленіи на Ди); одинъ изъ рыбаковъ выгружаетъ на берегъ британскую семгу. Сцены арены—рѣдки; помимо найденныхъ въ Брэдингѣ извѣстно мало другихъ сценъ. Одна изъ сценъ найдена въ Биньорѣ, и довольно странно то, что въ то время, какъ въ Брэдингѣ изображены звѣри съ крыльями, изукрашены такимъ же образомъ гладіаторы въ Биньорѣ. Края такихъ мозаикъ также часто чрезвычайно хорошо украшены. Въ Уудчестерѣ при сѣромъ фонѣ красный край, затѣмъ положенъ рядъ кирпичей двухъ цвѣтовъ, потомъ греческій рисунокъ, широкая полоса, затѣмъ рядъ самыхъ сложныхъ квадратовъ и медаліоновъ, другая полоса, арабескъ въ видѣ листьевъ, узкая полоса, процессія звѣрей, опять полосы, процессія птицъ, которымъ играетъ

Орфей. Центръ исчезъ, но въ квадратныхъ углахъ изображены вытянутыя человѣческія фигуры или геніи, расположенныя съ удивительнымъ пониманіемъ декоративнаго эффекта.

Когда деревянныя стѣны виллъ—которыя, какъ мы сказали, были выведены на кирпичномъ или каменномъ фундаментѣ,—разрушились, полы покрылись ихъ обломками и вскорѣ заросли растительностью, которая и образовала почву, предохранявшую ихъ отъ невзгодъ погоды и болѣе разрушительной силы человѣка. Общественныя зданія, построенныя въ городѣ, не были такъ предохранены и вслѣдствіе этого сильно пострадали. Въ лучшемъ видѣ сохранились бани и въ такихъ мѣстахъ, какъ Aquae Sulis или Батъ, и до сихъ поръ можно видѣть ихъ останки и въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже въ ихъ прежнемъ видѣ. Театровъ, базиликъ и преторій было много; сохранилось нѣсколько фундаментовъ, но вполнѣ удостовѣрено существованіе остатковъ только одного театра. Что касается амфитеатровъ, этого необходимаго атрибута каждаго истаго римлянина, которые, благодаря величинѣ, размѣрамъ и положенію не могли исчезнуть вполнѣ, то ихъ насчитываютъ весьма мало. Амфитеатры были повидимому чаще всего земляныя постройки, рѣдко выложенныя камнемъ и за исключеніемъ развѣ громадной впадины Черитона, которая, какъ полагаютъ, была мѣстонахожденіемъ одного изъ нихъ, они не равнялись по величинѣ даже съ постройками въ второстепенныхъ галльскихъ городахъ, какъ въ Оранжѣ (Orange), Вьеннѣ (Vienne), не говоря уже о Арлѣ и Тревѣ. Это, хотя и легко объяснимое, исчезновеніе сооруженій крайне неблагопріятно отразилось въ особенности на христіанской архитектурѣ того времени. Мы знаемъ, что задолго до царствованія Константина существовало много церквей; церкви, разрушенныя во время гоненія Діоклетіана (при правителѣ Констанціи) были отстроены (на это указываетъ Бэда) при сынѣ Констанція, когда христіанская религія стала государственной религіей. Еще болѣе появилось церквей въ то время, когда запрещены были языческіе обряды, впродолженіи тѣхъ полутора вѣковъ, а въ нѣкоторыхъ частяхъ Англіи двухъ или трехъ столѣтій, которыя протекли до вторженія особенно разрушительнаго языческаго народа — англовъ. Какова бы ни была разрушительная сила ихъ язычества, но ихъ обращеніе въ христіанство и сооруженіе ихъ церквей на прежнихъ мѣстахъ было еще разрушительнѣе для памятниковъ британскаго христіанства. Но какова бы ни была причина, а фактъ тотъ, что отъ церковной архитектуры христіанской Британіи врядъ ли сохранился хоть одинъ достовѣрный обломокъ. Церковь св. Мартина въ Кентербюри, церковь въ Рекульверѣ, еще одна въ Дуврѣ, и, можетъ быть, въ аббатствѣ св. Албана,—вотъ гдѣ, можетъ быть, сохраняются церковные обломки римско-британскаго происхожденія. Найденная въ Сиренчестерѣ монета, (на оборотной сторонѣ которой вырѣзана священная монограмма

Церковная архитектура.

A и *Ω*), нѣсколько изображенныхъ на камнѣ христіанскихъ символовъ, часть сомнительныхъ саркофаговъ, пальмовая вѣтвь, грубо вырѣзанная на надгробной доскѣ—вотъ и всѣ слѣды христіанскаго искусства и христіанской архитектуры Британіи. Это относится не только къ періоду христіанскихъ Цезарей, но и къ періоду quasi-независимости, пока римская цивилизація не поглощена была волною англійскаго варварства.

Глиняная посуда, металлическія издѣлія.

Хотя британскіе провинціалы и выдѣлывали всевозможные сорта стекла, но они повидимому не обращали большаго вниманія на искусство горшечнаго производства. Покрытыя прекрасной красной глазурью саміанскія вазы, которыя выдѣлывались тогда повсемѣстно въ южной Европѣ, никогда не выдѣлывались здѣсь. Лучшимъ британскимъ издѣліемъ была разрисованная посуда, выдѣлываемая въ Дуробривѣ или Касторѣ возлѣ Питерборо. Она не представляла особой красоты, но она лучше обыкновенной англійской посуды; обширное производство ея существовало въ Линкольнширѣ, Гантсѣ, Сомерсетѣ, Уорчестерширѣ, Нортгэмптонширѣ и Эссексѣ. Выдѣлывались также игрушки изъ терракотты и статуэтки; найдены металлическія весьма разнообразныя издѣлія: кольца, брошки, зеркала, ложки (похожія на старинныя апостольскія ложки). Кромѣ мелкихъ произведеній этого рода бронза въ Британіи рѣдко въ этомъ періодѣ подвергалась художественной обработкѣ; самые лучшіе изъ найденныхъ образчиковъ принадлежали какимъ либо голоднымъ ничтожнымъ грекамъ (grecklings)[1] императорскаго Рима и перенесены сюда ихъ римскими собственниками

Римскія монеты.

Почва Британіи, какъ и почва другихъ провинцій римской имперіи, изобилуетъ, конечно, римскими монетами. У насъ имѣется почти полный ихъ списокъ отъ того времени, когда Августъ предписывалъ законы въ Римѣ всему міру, до того времени, когда Гонорій дрожалъ въ Равеннѣ. Незначительная часть ихъ относится къ мѣстной чеканкѣ въ Британіи. Не важно рѣшить вопросъ: принадлежали ли монеты британскихъ королей, которыя чеканились главнымъ образомъ въ Веруламіумѣ или въ Камулодунумѣ, къ чеканкѣ британскихъ или римскихъ ремесленниковъ. Почти несомнѣнно во всякомъ случаѣ то, что Агрикола устроилъ правильные римскіе монетные дворы въ умиротворенныхъ провинціяхъ; несомнѣнно, что дворы эти существовали и позднѣе, дѣйствовали еще и во второмъ столѣтіи. Подвиги Адріана въ Британіи и въ другихъ мѣстахъ выбиты на его монетахъ, самыя распространенныя у насъ римскія монеты — монеты Антонина Пія; на лицевой сторонѣ этой монеты часто изображена фигура Британіи, сидящая на скалѣ съ щитомъ сбоку и копьемъ, прислоненнымъ къ плечу. Другія мѣстныя монеты принадлежатъ къ періоду царствованія Коммода, Севера, Каракаллы (который принялъ и про-

---

[1]) *Greckling*—презрительное названіе. *Прим. перев.*

фанировалъ имя Марка Аврелія), Геты, Діоклетіана и Максиміана (его монеты рѣдки), «славнаго узурпатора Каравзія» (Carausias), Аллекта (который измѣнилъ ему и убилъ его), Константина Великаго, Фавсты, его жены, Криспа и Константина, его сыновей. Списокъ заканчивается младшимъ Констанціемъ. Монеты отличаются по красотѣ чеканки; золотыя монеты, обыкновенно, прекрасной работы, серебряныя—часто грубой выдѣлки, а мѣдныя иногда варварской работы. Какъ ни плоха, однако, ихъ чеканка, по смѣлостью и выразительностью рисунка, онѣ могутъ заткнуть за поясъ чеканку нашего времени. Даже монеты, вычеканенныя или выбитыя кузнецами и въ временныхъ монетныхъ дворахъ, устроенныхъ для временной нужды временнаго правительства, прекрасной работы.

Торговля и промышленность Британіи.

О. М. Эдвардса (O. M. Edwards).

Съ давнихъ поръ составилось убѣжденіе, что далеко въ западномъ океанѣ находится благодатная страна, полная жемчуга и солнечнаго цвѣта. Во дворцѣ ея короля одна стѣна выложена мѣдью, другая оловомъ, третья сверкаетъ краснымъ отблескомъ коринѳской мѣди [1]).

Во время упадка финикійскихъ городовъ, когда всѣ острова океана оплакивали паденіе Тира, греки и римляне стремились овладѣть долею участія въ торговлѣ таинственнымъ оловомъ острововъ запада. При жизни Александра Великаго и Аристотеля въ 330 г. до Р. Х., греческіе колонисты Марселя предприняли экспедицію для изслѣдованія западнаго океана. Начальство надъ экспедиціей поручено было Пиѳіасу, который пріобрѣлъ извѣстность изученіемъ математики и мореплаванія. Изъ отрывковъ его сохранившихся сочиненій мы черпаемъ свѣдѣнія о первой стадіи исторіи торговли и промышленности Британіи. Пиѳіасъ видѣлъ обиліе пшеницы во время жатвы въ Кентѣ, онъ былъ пораженъ видомъ большихъ ригъ, въ которыхъ молотили хлѣбъ, онъ пробовалъ напитокъ, приготовленный изъ пшеницы и меда, но онъ не былъ внутри страны и не видѣлъ оловянныхъ рудниковъ.

Двѣсти лѣтъ спустя послѣ Пиѳіаса, географъ Посидоній, наставникъ Цицерона, посѣтилъ западъ. Разсчитывая, вѣроятно, найти острова океана еще богаче, чѣмъ отдаленнѣйшія области континента, почва

---

[1]) Orichalcum — горная мѣдь, особый видъ металлической смѣси, бывшей въ употребленіи у древнихъ грековъ и римлянъ. *Прим. перев.*

котораго сверкала серебромъ, оловомъ и бѣлымъ золотомъ [1]),—онъ направился въ Британію и проѣхалъ на западъ далѣе, чѣмъ Пиѳіасъ. Онъ видѣлъ болѣе дикую жизнь внутри страны и посѣтилъ оловянные округа Корнваллиса. Онъ нашелъ въ рабочихъ оловянныхъ рудниковъ людей гостепріимныхъ, цивилизованныхъ и искусныхъ въ своемъ ремеслѣ. Почва страны описывается имъ какъ скалистая съ жилами руды, откуда добывается олово, которое сначала плавится, очищается и затѣмъ вырабатывается въ видѣ пластинокъ для перевозки. Олово перевозилось во время отлива въ повозкахъ на сосѣдній островъ, куда уже являлись за нимъ купцы. Различные писатели считали оловяннымъ островомъ гору св. Михаила, островъ Уайтъ и островъ Танетъ. Отсюда олово привозилось на корабляхъ на берегъ Галліи и оттуда на континентъ въ долину Роны и Марсель.

Олово.

Въ теченіи трехсотъ лѣтъ, прошедшихъ со времени посѣщенія Пиѳіаса до сношенія съ римлянами, торговля и промышленность Британіи быстро развились. Пиѳіасъ ничего не говоритъ о городахъ; въ его время существовали вѣроятно только укрѣпленія на холмахъ, въ которыя сбѣгалось все населеніе при набѣгѣ непріятеля. Во время завоеванія римлянами населенные города стали вытѣснять укрѣпленія на холмахъ и въ болотахъ. Сношенія съ греческими и римскими купцами стали оживленнѣе, что можно замѣтить по количеству и качеству британскихъ монетъ. Первымъ орудіемъ цѣнности у британцевъ былъ скотъ, быть можетъ желѣзныя полосы или маленькія пластинки олова. Приблизительно около времени посѣщенія Пиѳіаса или вскорѣ послѣ этого появились монеты, какъ подражаніе греческимъ монетамъ. Предполагаютъ, что британцы въ этомъ отношеніи стали подражать галльскимъ копіямъ золотаго stater'а Филиппа II Македонскаго. Позднѣе появились монеты изъ серебра и бронзы. До римскаго завоеванія они въ виду увеличивавшихся сношеній съ римскими завоевателями на континентѣ начали на монетахъ своихъ выбивать буквы. Британскіе короли уже не подражали искаженнымъ греческимъ образцамъ, а имитируя надписи, какія они видѣли на монетахъ Августа, они изображаютъ напримѣръ на монетахъ «*Tincommios Commi Filius*» или «*Cunobelinos Rex*». Цезарь въ одномъ мѣстѣ, несомнѣнно измѣненномъ (B. G. v. 12), говоритъ, что британская монета была или мѣдная или состояла изъ продолговатыхъ кусковъ желѣза опредѣленнаго вѣса.

Города.

До римскаго нашествія находили и обрабатывали въ Британіи желѣзо. Цезарь говоритъ, что желѣзо находили на берегу, но въ небольшомъ количествѣ. Несомнѣнно желѣзныя рудники находились въ долинѣ Северна раньше, чѣмъ римляне стали разработывать ихъ или облагать налогами.

---

[1]) White gold.

Ремесла.

Въ началѣ британское оружіе было изъ бронзы и, по всѣмъ вѣроятіямъ, ввозилось. До нашествія римлянъ бронзовые топоры были брошены и замѣнены мечами и копьями. Сначала ихъ привозили изъ Галліи, но потомъ британцы скоро сами научились приготовлять ихъ. Лезвія мечей были изъ желѣза и выдѣлывались въ юго-западной части острова, ножны дѣлались изъ бронзы, рукоятки красиво украшались шишечками изъ краснаго коралла. Лезвія серповъ, прикрѣпленныхъ къ военнымъ колесницамъ Кассивелауна, несомнѣнно были британскаго издѣлія.

Въ раннихъ валлійскихъ сказаніяхъ,—сказаніяхъ полныхъ языческихъ воспомининій, появившихся задолго до цикла Артура—указывается на западныя части Британіи, какъ на мѣсто искуснаго ремесленнаго производства. Выдѣлка желѣзныхъ котловъ, эмалировка рукоятокъ мечей, заостриваніе наконечниковъ дротиковъ изъ китовой кости, окраска щитовъ, занятія ремеслами, связанными съ чародѣйствомъ—все это обыкновенно приписывается западу. Одно сказаніе описываетъ путешествіе двухъ убогихъ королей Дейфеда (Dyfed) и Лоэгра (Lloegr), занимавшихся ремесломъ. Они сначала сдѣлались сѣдельниками и выдѣлываемыя ими сѣдла были такъ прекрасно раскрашены, что никто другихъ сѣделъ не покупалъ, кромѣ этихъ. Завистливые сѣдельники выгнали ихъ и они принуждены были уйдти въ другое мѣсто; здѣсь они попробовали занятія башмачнымъ ремесломъ, и занялись имъ съ тѣмъ же успѣхомъ; ихъ издѣлія отличались красотою и прекраснымъ качествомъ. Они также успѣшно выдѣлывали щиты и умѣли отдѣлывать ихъ голубою эмалью.

Земледѣліе.

Въ сказаніяхъ мы встрѣчаемъ много легендъ о начаткахъ земледѣлія и скотоводства. Всемогущій Гугъ по этой легендѣ вводитъ въ употребленіе плугъ на островѣ Британіи, и съ первымъ посѣвомъ зерна связывается много легендъ. Всѣ ручныя животныя на зарѣ исторіи были въ домашнемъ употребленіи и у британцевъ. Позднѣе другихъ приручены были свинья и пчелы; относительно приученія послѣднихъ сохранилось много легендъ. Свиньи впервые привезены въ Британію Гвидіономъ (Gwydion ab Don), который укралъ ихъ въ королевствѣ на берегу Аида [1]). Пчелы, съ другой стороны, считались даромъ неба и средневѣковый валлійскій поэтъ намекаетъ на легенду, когда, описывая снѣжныя хлопья, говоритъ:

„Пчелы неба такъ бѣлы, какъ онѣ“.

Наканунѣ римскаго завоеванія британцы были богаты земледѣльческими продуктами. Какіе бы завоеватели не являлись на островъ, говоритъ Цезарь, они бросали войну для земледѣлія. Цезарь полагалъ, что островъ густо населенъ, строенія многочисленны, и количество

---

[1]) *Hades*—аидъ—мѣсто или царство мертвыхъ. *Примѣч. перев.*

скота значительно. Среди вывозимыхъ земледѣльческихъ продуктовъ были: скотъ, кожи, пшеница, ячмень, произраставшій въ изобиліи на островѣ. Британскіе псы высоко цѣнились, галлы употребляли ихъ для войны, а римляне для охоты. Вывозились вѣроятно и рабы, а торговля рабами не порицалась до тѣхъ поръ, когда св. Патрикъ упрекнулъ валлійскаго короля Середигіона въ продажѣ христіанскихъ рабовъ язычникамъ англичанамъ.

Въ обмѣнъ на эти предметы вывоза британцы получали выдѣланное желѣзо, бронзовые предметы, глиняную посуду, соль и ткани. Извѣстно, что кромѣ собственныхъ желѣзныхъ издѣлій, у нихъ была глиняная посуда мѣстнаго производства и выдѣлка грубыхъ тканей, которыя постепенно входили въ употребленіе вмѣсто шкуръ. Плиній, писавшій между первымъ и вторымъ вторженіемъ римлянъ, описываетъ эту ткань, изъ которой приготовлялись британскіе куртки, штаны, шляпы и плащи. Ткань эта была грубый войлокъ, настолько толстый, что предохранялъ отъ удара меча. Ткань была яркихъ цвѣтовъ и британцы гордились ею. Ихъ любимое платье приготовлялось изъ полосатой ткани, состоявшей изъ мелкихъ квадратиковъ всѣхъ яркихъ цвѣтовъ. Любимый ихъ цвѣтъ былъ ярко-красный. Краски добывались изъ коры различныхъ деревьевъ и лишаевъ; лишаи до сихъ поръ употребляются въ Валлисѣ для окраски, и даютъ прекрасный цвѣтъ. Золотыя ожерелья и кольца были по всѣмъ вѣроятіямъ мѣстнаго производства, но стеклянныя бусы, которыми британцы любили украшать себя, по всѣмъ вѣроятіямъ занесены греческими купцами изъ Египта. У британцевъ съ незапамятныхъ временъ имѣлись бусы изъ янтаря и различныхъ камней, на своихъ разноцвѣтныхъ одеждахъ они носили золотыя и серебряныя бляхи; были у нихъ булавки и броши изъ полированныхъ клыковъ кабана. Кузнецъ пользовался большимъ почетомъ, горшечникъ, все еще обходившійся безъ горшечнаго станка, выдѣлывалъ вазы и чаши различныхъ видовъ.

Цезарь говоритъ, что въ Британіи росли всѣ деревья Галліи, кромѣ березы и ели. Тацитъ слышалъ, что всѣ обыкновенныя произведенія могутъ быть найдены въ Британіи, кромѣ оливковаго дерева и виноградной лозы. Виноградная лоза введена римлянами и даже въ норманскія времена существовали довольно значительные виноградники. Въ одной валлійской поэмѣ, написанной въ настоящей ея формѣ въ тринадцатомъ вѣкѣ, находится описаніе битвы деревьевъ, въ числѣ которыхъ оказывается и береза; ель все еще чужестранка, грушевое дерево только что появилось, сливовое дерево встрѣчается рѣдко.

Внутренняя торговля.

Внутреннее сообщеніе производилось по рѣкамъ и горнымъ тропамъ. На внутреннихъ рѣкахъ употреблялась маленькая круглая лодка (coracle) съ килемъ изъ тонкихъ досокъ и съ плетеными боками, покрытыми шкурами. Жители юго-западныхъ частей были прекрасными

моряками. Галльскія племена Морбигана призывали ихъ на помощь противъ Цезаря, описывающаго ихъ корабли, которые приспособлены были какъ для плаванія вдоль береговъ, такъ и для плаванія по глубокому морю. Ихъ дно было болѣе плоско, чѣмъ дно римскихъ кораблей, ради удобства причаливанія къ берегу и прохода по мелямъ. Корма и носъ съ другой стороны высоко подымались надъ водою, чтобы противостоять бурямъ въ открытомъ морѣ. Корабли строились прочно изъ дуба, поперечныя скамьи прикрѣплялись желѣзными гвоздями, якори прикрѣплялись желѣзными цѣпями, а не канатами. Паруса сдѣланы были изъ невыдѣланныхъ кожъ, часто окрашенныхъ въ синій цвѣтъ, чтобы не быть замѣченными на разстояніи. Цезарь не полагаетъ, чтобы они употребляли кожи за неимѣніемъ холста или вслѣдствіе отсутствія привычки употреблять холстъ. Они думали, вѣроятно, что ни одинъ холщевый парусъ не выдержитъ, когда такіе громадные корабли столкнутся съ бурей. Корабли были слишкомъ прочно построены, чтобы носы римскихъ кораблей могли нанести имъ поврежденіе; они были слишкомъ высоки, чтобы можно было захватить ихъ желѣзными крючьями и прекрасно приспособлены для битвы среди мелей и скалъ. Экипажъ состоялъ изъ храбрыхъ матросовъ, которые рѣшались выходить въ Ирландское море даже въ открытыхъ лодкахъ. Торговыя сношенія Британіи съ Галліей объясняютъ нашествіе римлянъ, подобныя же сношенія Валлиса съ Ирландіей въ позднѣйшее время объясняетъ завоеваніе Ирландіи королями Англіи.

Темза и Северъ были двумя главными рѣками въ исторіи британской торговли. На берегу каждой изъ этихъ рѣкъ былъ воздвигнутъ храмъ Луда; въ Глостерширѣ во время половодія рыбакъ и купецъ приносили жертву Луду. Городъ Лидней до сихъ поръ носитъ имя этого бога и тамъ найдены остатки храма. Другой храмъ стоялъ несомнѣнно на холмѣ у Темзы и до сихъ поръ называется *Ludgate-hill* («холмъ воротъ Луда»). Слѣдуетъ замѣтить также, что на валлійскомъ языкѣ Лондонъ называется *Caer Lud*—городъ Луда. Въ британской легендѣ Лудъ признавался покровителемъ народа, ниспосылавшимъ ему благосостояніе. У него серебряныя руки, онъ освободилъ свой народъ отъ трехъ бичей; у него двадцать одна тысяча молочныхъ коровъ, онъ знаменитъ среди боговъ по своему великодушію и даваемому имъ народу благополучію. Онъ имѣлъ флотъ и иной разъ фигурируетъ какъ богъ войны. Онъ считался королемъ Оркнейскихъ острововъ, въ устьѣ Северна и Темзы ему былъ воздвигнутъ храмъ, его слава росла по мѣрѣ развитія британской торговли и римскій купецъ былъ тоже поклонникомъ его алтарей.

Когда римляне завоевали Британію, она перестала быть страною яркаго солнца и жемчуга. Тацитъ зналъ, что въ океанѣ находятъ жемчугъ, но тусклаго и синеватаго оттѣнка. Тѣмъ не менѣе онъ думалъ, что на островѣ есть золото и серебро и другіе металлы, ко-

торые могутъ сдѣлаться добычею завоевателя. Римляне много способствовали развитію рудокопнаго дѣла и въ особенности развитію внутренней торговли. Олово, свинецъ, желѣзо выдѣлывались, быть можетъ, цѣлыя столѣтія до нашествія римлянъ. Римское завоеваніе способствовало развитію британской торговли и промышленности, но развитіе это совершалось и до ихъ пришествія. Военное завоеваніе сопровождалось пробужденіемъ коммерческой предпріимчивости у римлянъ.

Резюмируя выше сказанное, мы можемъ сказать, что до нашествія римлянъ коммерческія сношенія поддерживались между всѣми племенами Британіи, что доказывается монетами, найденными въ юго-западныхъ округахъ долины Северна и долины Клайда. Существовали также тѣсныя коммерческія сношенія съ западнымъ берегомъ, Ирландіей и на всемъ протяженіи южнаго берега и съ Галліей. Предметами вывоза служили исключительно сырыя произведенія, предметами ввоза—почти исключительно выдѣланные продукты. Всетаки и сами британцы выдѣлывали ткани различныхъ цвѣтовъ, золотыя украшенія, жѣлезное оружіе и были искусны въ эмалировкѣ и приготовленіи колесницъ. Римляне во время нашествія нашли оловяные, золотые и желѣзные рудники. Завоеваніе римлянъ положило конецъ мѣстной чеканкѣ монеты, но сильно развило британское земледѣліе и производство и значительно расширило британскую торговлю. Власть серебряной руки Луда становилась шире, чѣмъ когда либо.

Промышленность и торговля въ римской Британіи.

Ф. Т. Ричардса (F. T. Richards).

Не смотря на орудія и приспособленія цивилизаціи, введенныя римлянами въ ихъ провинцію, послѣдняя по внѣшнему виду значительно отличалась отъ той страны, какой представляется намъ теперь эта провинція. Вѣка осушки, вырубки лѣса, проложенія дорогъ значительно измѣнили нашу страну. Исчезли тысячи болотъ, черезъ которыя при прежнихъ дорогахъ проводили мосты или вовсе обходили. Страна была покрыта густыми лѣсами, остатки которыхъ сохранились въ видѣ нашихъ парковъ и въ такихъ названіяхъ, какъ «Weald» въ Кентѣ. Римляне прокладывали черезъ эти лѣса длинныя, прямыя дороги; но по обѣимъ сторонамъ этихъ дорогъ тянулся дѣвственный лѣсъ и дороги черезъ Сюррей и Суссексъ отъ Лондона до

Чичестера напоминали тѣнистыя дороги Нью-Фореста. Много здѣсь было дикихъ звѣрей, теперь исчезнувшихъ. Бобръ строилъ плотины по рѣкамъ, волкъ опустошалъ стада по всему острову, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ водились медвѣди, олень встрѣчался повсюду. Возлѣ Дургэма найдена дощечка съ благодарственнымъ возваніемъ къ Сильвану, богу охотниковъ, отъ римскаго всадника, убившаго кабана необычайныхъ размѣровъ, «котораго до него никто не могъ одолѣть». Полагаютъ, что римляне завели здѣсь ланей, фазановъ, безрогихъ овецъ, гусей, домашнюю птицу, хотя это предположеніе не вполнѣ подтверждается. У насъ нѣтъ также полной увѣренности въ томъ, что римляне укрѣпили берегъ, чтобы защитить низменности отъ морскихъ приливовъ и наводненія рѣкъ. Климатъ былъ почти такой же, какъ теперь. Римляне были очень довольны имъ, и они были совершенно правы, занявъ лучшую часть острова; они, говоря о климатѣ, замѣчали, что «здѣсь выпадаетъ больше дождей, чѣмъ снѣга и въ прекрасную погоду бываетъ туманъ». Не даромъ поклонялись здѣсь богинѣ лихорадки, «Тертіанѣ». Островъ былъ «лѣсистый», на немъ росли всѣ сорта деревьевъ Галліи, исключая «березы и ели», хотя быть можетъ Цезарь ошибается, указывая на отсутствіе этихъ деревьевъ.

Промышленность и торговля.

На островѣ не было виноградниковъ и вино сюда ввозилось; въ спискѣ предметовъ ввоза (очевидно весьма неточномъ) попадаются также слоновая кость и янтарь; хлѣбъ составлялъ главный предметъ, въ обмѣнъ на эти предметы, вывоза. Вывозъ хлѣба на континентъ начался еще до завоеванія римлянъ, но безъ сомнѣнія организована и расширена была торговля хлѣбомъ уже при новомъ правленіи. Одинъ историкъ въ 380 г. послѣ Р. Х. упоминаетъ «о привозѣ хлѣба (въ Галлію) отъ британцевъ», отмѣчая при этомъ, что привозъ былъ правильный, а не случайный; другой писатель около того же времени упоминаетъ, что хлѣбъ (или часть его) отправлялся изъ Британіи на Рейнъ. Конечно часть хлѣба, вносимая въ видѣ annona, (подати), вовсе не оплачивалась. Другимъ предметомъ вывоза, которымъ провинція могла оплачивать ввозимое вино и другіе чужеземные предметы роскоши, были металлы. Рудники весьма часто, хотя не всегда, находились въ рукахъ римскаго правительства, но въ Британіи не найдено слѣда выработанной организаціи рудокопной общины, какую мы находимъ въ Испаніи по сообщенію Випаска (Vipasca). Римскіе рудокопные инструменты сохранились въ Мендипъ Гилль (Mendip hill), въ другихъ мѣстахъ найдены полосы серебра и олова, куски мѣди и свинца. Слитки свинца часто помѣчались временемъ ихъ плавки; по нимъ мы можемъ видѣть, что римляне не теряли времени при изслѣдованіи производства новой провинціи. Завоеваніе началось въ 48 г. по Р. Х., а масса свинца изъ Сомерсета помѣчена временемъ

около 49 г. послѣ Р. Х. Свинецъ вывозился изъ Мендипа, частью изъ Дерби и другихъ графствъ; олово изъ Девона и Корнваллиса. Свинецъ находили въ такомъ изобиліи, что закономъ ограничивался размѣръ его добыванія—вѣроятно для того, чтобы не понижать цѣны. Мѣдь добывалась въ Энгльси и въ Шропширѣ. Залежи желѣзнаго шлака (scoriae), содержащія монеты и другіе римскіе останки, указываютъ на добываніе желѣза въ Форестъ Динѣ, Герефордширѣ, Монмоутширѣ. Суссексій глинисто-желѣзистый камень былъ извѣстенъ, но не вырабатывался еще въ такихъ широкихъ размѣрахъ, въ какихъ онъ вырабатывался впослѣдствіи англичанами съ тринадцатаго до восемнадцатаго столѣтія. На эти залежи намекаетъ вѣроятно Цезарь, когда онъ говоритъ о томъ, что желѣзо находили въ береговой области. Мы подозрѣваемъ, что о золотѣ и жемчугѣ больше говорили, чѣмъ находили ихъ. Правильно вывозились скотъ, овцы, шкуры, мѣха и рыбы, также дикіе звѣри для представленій въ Римѣ [1]). Собаки цѣнились за границей для охоты; нерѣдко можно встрѣтить изображеніе охотничьихъ сценъ съ собаками на британской посудѣ того времени. Одинъ римскій сатирикъ говоритъ, что кентскія устрицы часто появлялись за столомъ въ Римѣ къ концу перваго столѣтія. Цѣнность «киммериджскаго угля» для выдѣлки украшеній хорошо извѣстна; украшенія изъ него найдены въ могилахъ этого періода, но нѣтъ доказательства его вывоза. Врядъ ли вывозился тогда британскій уголь, хотя его конечно жгли на британской почвѣ. Найденъ годный къ употребленію уголь у стѣны Нортумберленда; онъ напоминаетъ намъ, какъ славился углемъ Уольсендъ (римскій Сегедунумъ). Мы ничего не узнаемъ о вывозѣ тканей изъ Британіи, хотя намъ извѣстно, что домашнее производство существовало и не было недостатка въ тканяхъ для домашняго употребленія. Каменьщику было много работы. Готовились плиты для крышъ; выливались бронзовыя издѣлія, которыя также и ввозились. Варили пиво. Въ обширныхъ размѣрахъ изготовляли стеклянную и глиняную посуду, такъ что ввозъ стекла, о которомъ упоминаетъ одинъ писатель предшествовавшей эпохи, становится излишнимъ. Весьма вѣроятно, что ввозились издѣлія изъ красной глины, называемой саміанской; но грубые сорта глиняной посуды выдѣлывались повсемѣстно въ Британіи. Сохранились печи для обжиганія посуды и даже орудія горшечника. Одними изъ главныхъ центровъ производства были: Лондонъ, Эпчёрчъ и Медуэй, частью Нью-Форестъ, Димчёрчъ и Касторъ въ Нотгэмптонширѣ («Durobrivae»). Выдѣлывались и, по крайней мѣрѣ, цѣнились въ Британіи и болѣе или менѣе артистическія издѣлія. Велась обширная торговля кирпичами, черепицей для построекъ, половъ и крышъ. Кирпичъ и черепица выдѣлывались

---

[1]) За дикихъ звѣрей вѣроятно не платили.

солдатами для военныхъ цѣлей и также промышленниками, по всѣмъ вѣроятіямъ, въ тѣхъ мѣстностяхъ страны, гдѣ находили подходящую глину.

Мы не знаемъ, устраивались ли здѣсь, какъ въ другихъ мѣстахъ римской имперіи, торговые цехи или корпораціи. Двѣ надписи, въ которыхъ какъ будто упоминается collegia кузнецовъ, относятся быть можетъ только къ кузнецамъ арміи.

Римскія виллы.

Въ общемъ мы не можемъ считать Британію въ первые вѣка по Рождествѣ Христовомъ очень богатой провинціей, но это одна изъ тѣхъ провинцій, гдѣ существованіе зажиточнаго класса оставило самые ясные слѣды. Этотъ классъ наживалъ состояніе или торговлей, или захватомъ богатствъ на воинѣ, или жалованіемъ и доходами на службѣ. Тѣла и хижины бѣдныхъ разсыпались въ прахъ и не оставили слѣдовъ; но могилы зажиточныхъ сохранились и знакомятъ насъ съ ихъ драгоцѣнностями; ни въ одной странѣ нѣтъ такихъ многочисленныхъ и прекрасныхъ останковъ римскихъ городскихъ домовъ и загородныхъ виллъ, какъ въ Британіи. Эти развалины находятъ теперь подъ землею—иногда въ нашихъ городахъ, иногда въ открытомъ полѣ далеко отъ нынѣшнихъ строеній, и ничто не указываетъ мѣста ихъ нахожденія кромѣ раковинъ устрицъ, вырытыхъ на поверхность плугомъ. Обыкновенно эти загородные дома расположены были вблизи, а не на самой римской дорогѣ, и къ нимъ легко было подъѣзжать. Дома обращались на западъ или на югъ; въ мѣстности, гдѣ они находились, было много воды,—вода проводилась даже посредствомъ трубъ въ усадьбу. Ванны составляли необходимую принадлежность этихъ домовъ. Точно также многія надписи указываютъ на постройку и перестройку бань, а это доказываетъ, что бани считались чрезвычайно необходимыми тамъ, гдѣ сосредоточивались отряды людей въ городахъ и на линіяхъ укрѣпленій. Что внутри страны господствовалъ прочный миръ, доказывается тѣмъ фактомъ, что ни одинъ изъ загородныхъ домовъ не носитъ слѣдовъ укрѣпленій. Не смотря на разрушеніе, длившееся столѣтія, мы можемъ еще очень часто прослѣдить планъ виллы, видѣть расположеніе маленькихъ спаленъ и кладовыхъ вокругъ четыреугольника и даже различить пріемные покои и столовыя. Можно расчистить колодезь и найти въ немъ очень интересныя находки. Мы можемъ изслѣдовать систему отопленія дома—болѣе примѣнимую къ одноэтажному, чѣмъ къ многоэтажному зданію. Внизу подъ землей находился низкій склепъ или рядъ комнатъ, тянувшійся подъ жилыми комнатами. Рабы поддерживали подъ этими сводами (hypocausis) большой огонь и теплый воздухъ расходился по трубамъ подъ поломъ и по стѣнамъ верхнихъ комнатъ. Употребленіе толстой глины для трубъ гарантировало домъ отъ пожара.

Во многихъ случаяхъ слѣдуетъ обратить вниманіе только на одинъ

размѣръ этихъ домовъ. Низко построенные, они конечно раздаются въ ширь; но даже если мы примемъ во вниманіе это обстоятельство, площадь, занятая главнымъ строеніемъ и постройками, указываетъ на крупное богатство и большое количество рабовъ. Строенія Уудчестера, еще вполнѣ не изслѣдованныя, имѣтъ протяженіе въ 330 футовъ въ одномъ направленіи и болѣе 300 футовъ въ другомъ. Славу такой виллы обыкновенно составляютъ мозаичные полы. Въ Англіи находили великолѣпныя мозаики, но даже мозаичный полъ самого простаго геометрическаго рисунка и мягкихъ и гармонирующихъ цвѣтовъ, пріятенъ для глазъ и дѣлаетъ честь рисовальщику. По обломкамъ крашенной штукатурки, найденной въ развалинахъ, можно судить о томъ, какъ стѣны были украшены внутри. Плиты чужеземнаго мрамора для украшенія стѣнъ встрѣчаются рѣдко, хотя и попадаются въ Британіи. Онѣ были черезъ чуръ дороги. Ни въ одномъ домѣ не найдено еще указаній на имя и званіе владѣльца, но вездѣ мы наталкиваемся на несомнѣнные признаки вкуса и богатства хозяина.

Прекраснѣйшая мозаика найдена въ Уудчестерѣ, въ Глостерширѣ; здѣсь изображена фигура Орфея, окруженная птицами и звѣрями, окаймленная тщательно исполненнымъ рисункомъ условнаго орнамента. На мозаикѣ въ Биньорѣ изображены четыре времени года, въ видѣ человѣческихъ головъ съ символами, фигуры Ганимеда и группы гладіаторовъ. Въ Брэдингѣ на мозаикѣ изображены танцующія фигуры и другіе рисунки, значеніе которыхъ не ясно. Другія мозаики найдены были въ Сиренчестерѣ, Гандборо (въ Оксфордширѣ), въ Іоркѣ, Лейчестерѣ, Кентербюри, Лондонѣ, Фрамптонѣ (въ Дорсетѣ). Среди другихъ уцѣлѣвшихъ памятниковъ римскаго періода мы должны упомянуть о земляныхъ укрѣпленіяхъ Нортумберленда (каменная часть стѣны почти совсѣмъ исчезла), о лагерѣ въ Гаустедѣ, о рынкѣ въ Чоллерфордѣ, о римской банѣ въ Страндѣ и о величественныхъ стѣнахъ Порчестера, Ричборо и Певенсея (Anderida). Ничто не даетъ намъ лучшаго представленія о размѣрахъ возводившихся римлянами построекъ, какъ норманскій замокъ, затерявшійся, такъ сказать, въ оградѣ Певенсея. Самыя лучшія коллекціи съ находками самыхъ разнообразныхъ вещей сосредоточены въ музеѣ лондонской Ратуши (Guildhall); слѣдуетъ еще упомянуть о коллекціи общества антикваріевъ въ Ньюкестлѣ на Тайнѣ, гдѣ собрано много рѣдкостей съ линіи римской стѣны и о музеѣ Шрюсбэри, гдѣ собрано много вещей изъ Роксетера (Viroconium или Uriconium). Музей въ Ридингѣ пріобрѣтаетъ предметы, найденные въ впадинѣ Сильчестера (Calleva). Весьма вѣроятно, что многіе зеленые луга и холмы еще покрываютъ остатки давно прошедшихъ временъ.

Чужеземныя примѣси.

Римское завоеваніе несомнѣнно способствовало прибавленію чужеземной примѣси къ безъ того уже смѣшанному населенію Британіи.

Здѣсь могли слиться новые пришельцы изъ всѣхъ странъ, находящихся подъ римскимъ владычествомъ. Мы видимъ здѣсь жителей Пальмиры, пріютившихся подъ блѣднымъ небомъ Нортумберленда и мавровъ — на службѣ въ Элленборо. Откуда бы солдаты легіоновъ ни пришли, они не были британцами по рожденію; офицеры могли быть итальянскаго происхожденія; а сильныя вспомогательныя войска: бельгійцы или батавы, альпійскіе отряды или испанцы, галлы или германцы, далматы или сарматы — были ли они дѣйствительно набраны въ странахъ, имя которыхъ носили или нѣтъ, — всѣ они до нѣкоторой степени способствовали примѣси крови къ тому населенію, среди котораго они жили.

Все населеніе, включая чужеземные гарнизоны и всѣхъ примыкавшихъ къ нимъ, не было, однако, особенно многочисленно. Римскіе города, — тамъ, гдѣ мы можемъ прослѣдить ихъ окружность, — занимали меньшую площадь сравнительно съ тѣми англійскими городами, которые возникли на ихъ мѣстѣ въ семнадцатомъ и восемнадцатомъ столѣтіи; возможность вывоза съ острова хлѣба указываетъ на рѣдкое населеніе.

Паденіе Римской власти.

На британскихъ провинціяхъ, не смотря на ихъ процвѣтаніе въ счастливые дни имперіи, отразилась несомнѣнно эпоха ея вырожденія и упадка; имъ пришлось претерпѣть до окончательнаго ухода легіоновъ много бѣдъ отъ внутренняго дурнаго управленія и чужеземныхъ нападеній. Возможно, конечно, что нѣкоторые города, извѣстные намъ какъ развивающіеся римскіе города, стали падать въ концѣ римскаго періода въ силу поднятія береговъ, такъ какъ море способствовало развитію ихъ торговли. Ричборо (Rutupae), Певенсей (Anderida), Лимпъ (Portus Lemanis) уже были засыпаны и отрѣзаны отъ открытаго моря отложеніями ила и раковинами. Большая же часть бѣдствій, претерпѣваемыхъ поздпѣйшей римской Британіей должна быть приписана безумію и насилію человѣка. Мы не имѣемъ подробныхъ свѣдѣній, но смутно мы знаемъ о происходившихъ въ концѣ четвертаго вѣка внутреннихъ смутахъ, о грабежахъ на большихъ дорогахъ, о невыплатѣ жалованія войску и о дезертирствѣ солдатъ. Къ тому же острова съ обѣихъ концовъ подвергался нападеніямъ, а правительство не было достаточно сильно, чтобы отражать ихъ. Съ одной стороны явились пикты, скоты, аттакотти, разорявшіе сѣверную и среднюю полосу, съ другой стороны въ то же время на южномъ и юговосточномъ побережьи имѣли основаніе опасаться нашествія «саксонцевъ», которые могли нахлынуть съ каждымъ дуновеніемъ вѣтра. *Comes Litoris Saxonici* (начальнику саксонскаго побережья) приходилось имѣть дѣло съ саксонцами (англами) и франками за много лѣтъ до ихъ окончательной осѣдлости (449 послѣ Р. Х.). У насъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній объ умѣніи романизированныхъ британцевъ защищать себя. Судъ исторіи произноситъ въ этомъ случаѣ полный

обвинительный приговоръ римскому правительству въ Британіи. Римляне застали туземцевъ воинственными, хотя и недисциплинированными, а оставили ихъ безпомощными и невоинственными. Имперія принесла съ собою всѣ преимущества мира, она доставила матеріальное благосостояніе и процвѣтаніе, она принесла съ собою высшее образованіе и развитіе того времени; но когда понадобилось военное мужество, то жители острова оказались несостоятельными, и цивилизація, неспособная къ самозащитѣ, погибла отъ огня и меча.

Уничтожили ли саксонцы окончательно всѣ слѣды римской цивилизаціи или нѣтъ, но разрушеніе во всякомъ случаѣ было ужасное. Даже теперь остатки виллъ указываютъ намъ, сколько виллъ было тогда сожжено. Города были взяты одинъ за другимъ, хотя нѣкоторые защищались и, покинутые римлянами, оставались вѣрны римскимъ традиціямъ. Батъ, Сиренчестеръ, Глочестеръ, Рокестеръ держались почти до конца шестаго столѣтія. Во всякомъ случаѣ держались ли города, или сразу подчинялись англамъ, они разрушались. Они составляли часть прекрасно оранизованной коммерческой системы, связанной со всѣми областями континента великолѣпной сѣтью большихъ дорогъ. Когда дороги были заброшены, пути сообщенія отрѣзаны, потокъ торговли пріостановился, города теряли смыслъ своего существованія и проходили цѣлые вѣка прежде, чѣмъ они вновь пріобрѣтали значеніе. Люди, существующіе торговлей, остались не при чемъ; мечъ свирѣпствовалъ на всемъ островѣ цѣлые вѣка. Новые завоеватели не только были завоеватели—они не имѣли ничего общаго съ туземцами. Страны, откуда они явились, не затронуты были цивилизаціей Рима; они не заботились о его учрежденіяхъ, его языкѣ и его имени. Они не находились, подобно многимъ германскимъ завоевателямъ римскихъ провинцій на континентѣ, подъ вліяніемъ христіанства до ихъ пришествія въ эту строку. Они не были еще укрощены религіей, сдерживаемы духовенствомъ; и разрушеніе, вносимое ими, было полное, — то было разрушеніе чужеземцевъ, дикихъ язычниковъ. Въ одной изъ англо-саксонскихъ хроникъ[1]) разсказывается: «Элла и Цисса осадили Андредсчестеръ (Anderida, Pevensey) и убили всѣхъ жителей, тамъ не осталось ни одного британца»; не вездѣ такъ было, но таковъ былъ общій характеръ разрушенія. Многіе центры римской торговли и цивилизаціи съ тѣхъ поръ стоятъ опустошенными. Въ стѣнахъ Ричборо нѣтъ ни одной хижины и водяныя птицы спокойно могутъ класть яица въ ваннахъ Бата. Враждебное отношеніе новой расы къ древнему міру не закончилось завоеваніемъ. Современные обитатели Шотландіи могли относиться къ останкамъ классической древности съ «почтительнымъ восторгомъ» [2]); въ Англіи же этимъ останкамъ наносилось оскорбленіе

[1]) Переведено изъ „Monumenta Historica Britannica“.

[2]) Burton's „History of Scotland“ 1 p. 47.

за оскорбленіемъ. Здѣсь ихъ разрушали ради починки дорогъ или постройки хлѣва или фермы; тамъ ихъ рыли и уничтожали при поискахъ кладовъ; тамъ боязнь чародѣйства заставила стеречь всѣ надписи и уничтожить скульптурныя украшенія. Хорошо и то, что еще кое-что осталось.

Общественная жизнь и нравы.

П. Ньюмана (P. H. Newman).

Воины, собравшіеся на утесахъ Дувра, чтобы противостоять нападенію Цезаря 26 августа въ 55 г. послѣ Р. Х. принадлежали къ различнымъ племенамъ, на время соединившимся противъ общаго врага. Поэтому нѣтъ основанія сомнѣваться въ вѣрности описанія Цезаря, который находитъ, что ихъ обычаи сходны съ обычаями галловъ. То же самое можно сказать и объ ихъ одеждѣ. Кельтскіе народы, отправляясь въ битву, обнажали верхнюю часть тѣла; это, безъ сомнѣнія, дало поводъ къ прежде распространенному повѣрію, что они были нагіе, татуированные дикари. Цезарь описываетъ ихъ удобныя, ходкія, ивовыя лодки (coracles), покрытыя шкурами, въ родѣ тѣхъ, какія мы находимъ еще на валлійскихъ рѣкахъ; онъ описываетъ ихъ страшныя колесницы, съ серповидными концами, которыя британцы ловко пускали въ ходъ на полѣ сраженія. Въ ихъ могильникахъ или курганахъ найдено бронзовое оружіе; среди оружія для нападенія и защиты попадаются различной формы щиты [1]), украшенные кругами и выпуклостями, листо-образные мечи, кинжалы, копья, часто на противоположномъ концѣ снабженныя пустой шишкой съ чѣмъ-либо гремящимъ, лукъ и стрѣлы съ кремневымъ или бронзовымъ остріемъ, тяжелыя палицы, набитыя камнями и привязанныя къ ремню. Кромѣ того они употребляли пращи, различной формы «celt» [2]), употребляемыя какъ боевыя сѣкиры, *torque* — ожерелье, защищавшее горло и шею и *armillae* (родъ браслетъ) для руки, въ которой былъ мечъ. Трехнедѣльная экспедиція Цезаря въ Британіи была нѣчто въ родѣ рекогносцировки; трудности, на которыя онъ наткнулся, побудили его заняться крупными приготовленіями ко второму нападенію; завоеваніе было закончено въ два мѣсяца взятіемъ *Oppidum* Кассивелауна и приближеніемъ зимы. Завоеватель повидимому пользовался британскими тропинками, перешелъ

---

[1]) Длинные щиты—targets. *Прим. пер.*

[2]) Каменное или металлическое орудіе, найденное въ курганахъ кельтскаго періода въ Великобританіи, Ирландіи и въ Европѣ. *Прим. пер.*

въ бродъ Темзу, такъ какъ не нашелъ мостовъ и описываетъ страну, которую онъ прошелъ, какъ весьма населенную („*hominum infinita multitudo*“—безконечная масса людей).

Столица Кассивелауна находилась вблизи того мѣста, гдѣ впослѣдствіи построенъ былъ Веруламъ, а Албанъ стоитъ на территоріи Катувелауна. Изъ племенъ упоминаются: тринобанты, въ теперешнемъ Эссексѣ, столица ихъ Камулодунумъ; на югѣ Темзы жили аттребаты, столицей ихъ былъ Силчестеръ, на западѣ въ Глочестерширѣ жили добуни, ихъ столицей былъ Кариніумъ или Сиренчестеръ; белги жили также на западѣ, занимали Уинчестеръ, (Venta Belgarum) и древній Сарумъ близь Салюсбюри. Трудно съ точностью установить дѣйствительныя границы этихъ племенъ. Cantium или Кентъ, кажется былъ самой цивилизованной мѣстностью. Помимо добычи и дани, собранныхъ впослѣдствіи, Цезарь, говорятъ, привезъ латы изъ британскаго жемчуга и посвятилъ ихъ храму Венеры. Много говорилось о британскомъ жемчугѣ. Полагаютъ даже, что онъ служилъ приманкой для завоевателей, но такъ какъ о томъ же жемчугѣ говорятъ, что цвѣтъ его былъ тусклый, то вѣрнѣе предположить, что римляне явились затѣмъ, чтобы наказать британцевъ за помощь, оказанную ими возставшимъ венетамъ, или населенію Бретани. Найденная тамъ добыча и рабы послужили, однако, приманкою для послѣдующаго завоеванія, которому содѣйствовали свѣдѣнія о странѣ, добытыя Цезаремъ. Послѣ удаленія Цезаря въ Британіи все оставалось почти по прежнему, найдены были только монеты съ именемъ Тасціована, вѣроятно сына Кассивелауна. Эти монеты указываютъ на организацію чеканки монеты въ Веруламѣ или возлѣ него, что служитъ уже указателемъ нѣкотораго общественнаго прогресса. Еще и въ настоящее время находятъ лагери и окопы. Белги, приведенные сюда по всѣмъ вѣроятіямъ Дивитіакомъ, королемъ суссіоновъ (Suessiones) въ Галліи, оставили слѣды своихъ длинныхъ линій укрѣпленій по берегу Комба, у рва Бокерлей, къ югу отъ Салюсбюри, у Ольдъ Дитчъ (Старая Изгородь—Old Ditch) къ сѣверу отъ Амсбюри и у Уансдайка; эта линія тянется отъ лѣса Савернэйка въ Уильтсѣ до Бристольскаго канала. Эти укрѣпленія указываютъ на послѣдовательныя завоеванія белговъ. Послѣдняя пограничная линія, сохранившаяся въ превосходномъ состояніи и приходящая черезъ Уильтширъ недалеко отъ Марлборо, стоила долгаго и упорнаго труда.

Хотя Калигула мечталъ объ экспедиціи въ Британію и принималъ Админія, изгнаннаго своимъ отцомъ Кунобелиномъ, но только въ правленіе Клавдія была предпринята другая попытка покорить страну. Если мы прослѣдимъ походы Авла Плавта, Осторія Скапула и Дидія Галла и ихъ схватки съ силурами, населеніемъ южнаго Валлиса, иценами или населеніемъ Норфолька и Суффолька и бригантами, или населеніемъ сѣверныхъ и среднихъ графствъ, мы замѣ-

тимъ, что британцы даже въ это раннее время не сознавали, казалось, своего пораженія и если бы всѣ эти племена соединили всѣ свои силы, исходъ борьбы былъ бы инымъ. Какъ бы то ни было и при этихъ обстоятельствахъ храбрыя племена были покорены съ очень большимъ трудомъ. На дѣлѣ оказалось, что разрозненныя храбрыя племена не могли выдержать продолжительнаго столкновенія съ системой и дисциплиной Рима. Разсказъ о Картисмандуа не только указываетъ на племенныя раздоры того времени, но хорошо обрисовываетъ ихъ обычаи и характерныя черты. Такъ какъ до римскаго нашествія внутри Британіи не было городовъ, то роскошь двора Картисмандуа «должно быть существовала только въ воображеніи» [1]). Но Тацита королева варваровъ безъ сомнѣнія была богата въ своемъ дворцѣ изъ ивовыхъ вѣтвей, она обладала стадомъ бѣлоснѣжнаго скота, покрывавшаго пастбища королевскихъ племенъ, разукрашенной колесницей и золотымъ шлемомъ или золотыми латами. Она была предводительницей одного изъ многихъ племенъ, входившихъ въ составъ народа бригантовъ. Въ то время, когда каждая долина имѣла своего короля съ войскомъ изъ поселянъ, король этотъ устраивалъ совѣщанія въ пивной и являлся обладателемъ случайнаго богатства — скота, которымъ онъ завладѣлъ по праву сильнаго. Тогда народу рѣдко представлялась возможность сплотиться для какой либо общей цѣли, даже для цѣли отраженія чужеземнаго нашествія. Собираніе войска совершалось путемъ собраній, договоровъ и торжественныхъ жертвоприношеній богамъ. Когда заканчивались священные обряды, вкушалась кровь и соперническія божества и предводители соединялись временными узами, выбирался изъ среды самыхъ благородныхъ и храбрыхъ племенныхъ предводителей военный король для главнаго предводительства; но зачастую договоръ нарушался и кланы сражались или сдавались по своему собственному произволу. Тацитъ говоритъ: «очень выгодно имѣть дѣло съ такими дикими народами — они никогда не дѣйствуютъ сообща, рѣдко даже два или три племени соединяются противъ общаго врага; въ то время, пока каждый изъ нихъ сражается самъ по себѣ, ихъ всѣхъ покоряютъ».

Въ жилахъ Картисмандуа текла такая благородная кровь, что ее избрали въ предводители народнаго войска. Она была замужемъ за Венутіемъ, предводителемъ сосѣдняго племени и искуснымъ воиномъ. Тѣмъ не менѣе предвидя безнадежность продолжительной борьбы съ Римомъ, предвидя возможность соблазнительнаго для нея грабежа въ случаѣ подчиненія и союза съ Римомъ, она добровольно присоединилась къ римлянамъ, а за ней и Венутій и, захвативъ Каратака — какъ говорятъ ея зятя — и всю его семью, она выдала ихъ завоевателямъ, съ которыми тотъ велъ борьбу уже девять лѣтъ.

---

[1]) Elton „Origin of English History“ p 243.

Каратака отвезли въ Римъ, гдѣ его съ большою торжественностью показывали народу. Подробности этой церемоніи мы находимъ у Тацита. Впереди шли офицеры Каратака и стража и несли драгоцѣнности и ожерелья, упряжь его лошадей, украшенія колесницъ и сокровища, захваченныя имъ на войнѣ; затѣмъ шли его братъ, его жена и дочь. Позади всѣхъ шелъ самъ предводитель, онъ одинъ былъ спокоенъ, всѣ другіе рыдали и умоляли о пощадѣ. Картисмандуа добилась торжества для цезаря. Ея дерзость возростала вмѣстѣ съ возростаніемъ ея богатствъ. Она считала себя внѣ законовъ своего племени. Она предпочла щитоносца своему мужу,— и хотя она смѣло сражалась съ мужемъ и его союзниками и даже захватила его семью въ качествѣ заложниковъ, она, несмотря на помощь римлянъ, лишилась своихъ владѣній въ междоусобной войнѣ. Бриганты были быстро покорены и усвоили римскіе обычаи.

Боадицеѣ, королевѣ иценовъ, римляне обязаны самыми крупными несчастіями на этихъ островахъ. Прасутагъ, король иценовъ, завѣщалъ свое королевство женѣ, дочери и императору сообща, но въ правленіе Нерона британцамъ пришлось выносить сильныя притѣсненія. Тацитъ говоритъ, что британцы такъ отзывались о легатѣ, прокураторѣ и сборщикѣ императорскихъ податей: «одинъ сосетъ нашу кровь, другой грабитъ наши земли, чиновники одного и рабы другого соединяютъ въ себѣ насиліе и оскорбленіе; ничто не можетъ уцѣлѣть отъ ихъ корыстолюбія и жадности». Завоеватели не признали правъ Боадицеи и ея имущество было расхищено жрецами. Обращеніе къ Кату, прокуратору, повело за собою бичеваніе королевы и изнасилованіе ея дочерей,— эти оскорбленія нанесены были въ отсутствіи легата Свѣтонія, который занятъ былъ разрушеніемъ укрѣпленія друидовъ Мона,—произошло возстаніе, племена захватили Веруламъ и Лондонъ и послѣдовало поголовное избіеніе семидесяти тысячъ римлянъ. Свѣтоній вернулся, напалъ на британцевъ при благопріятныхъ обстоятельствахъ, разбилъ Боадицею, при чемъ погибло семьдесятъ или восемьдесятъ тысячъ человѣкъ разныхъ племенъ. Говорятъ, королева сама покончила съ собою, принявъ ядъ [1]). Вслѣдъ за этой побѣдой положено было основаніе Камулодунуму (Colchester), который сдѣлался мѣстомъ стоянки четырнадцаго легіона. Этотъ эпизодъ, полный жестокостей съ обѣихъ сторонъ, послужилъ хорошимъ урокомъ; и Агрикола, намѣстникъ Веспасіана, одержавъ блистательныя побѣды надъ ордовисами (ordovices) и другими племенами, поступалъ уже съ ними значительно мягче. И дѣйствительно, британцы, не покорявшіеся оружію, поддавались миролюбивымъ мѣропріятіямъ,—и тамъ, гдѣ Агри-

---

[1]) Тысячи британцевъ были отвезены въ Римъ въ качествѣ плѣнниковъ и отданы на растерзаніе звѣрямъ на аренахъ и для театральныхъ представленій.

кола нашелъ дикарей, онъ оставилъ цивилизованный народъ. Такое положеніе вещей длилось послѣ его отъѣзда цѣлые годы. «Агрикола сдѣлалъ сноснымъ уплату подати и обязательство содержанія двора и и арміи. До того времени откупщики соединялись для покупки хлѣба и предводители должны были перекупать у нихъ хлѣбъ по разорительнымъ цѣнамъ,— непозволительная сдѣлка ради выгоды, тяготившая больше самой подати». На сѣверѣ начата была постройка стѣны, чтобы сдерживать пиктовъ и скотовъ, и легіонеры при новой болѣе спокойной обстановкѣ приступили къ занятію пустопорожнихъ мѣстъ и завершенію прекрасной системы дорогъ. Британцы начали теперь строить удобные дома и стали заимствовать у римлянъ полезныя искусства, а также и нѣкоторую роскошь цивилизованной жизни; кромѣ того, они усвоили у нихъ систему воспитанія, которая способствовала усвоенію латинскаго языка и литературы. Они зашли такъ далеко, что заимствовали и тогу и римскій обычай устраивать бани и пиры. Уже и до того времени имъ отчасти извѣстны были нѣкоторыя декоративныя искусства мирнаго времени; свойственная всѣмъ людямъ склонность къ украшеніямъ развита была у первобытныхъ британцевъ и проявлялась у нихъ въ татуированіи, распрашиваніи *woada* [1]) и выдѣлкѣ полосатыхъ и клѣтчатыхъ тканей. Плиній [2]) говоритъ объ ихъ умѣніи, заимствованнымъ у галловъ, добывать изъ травъ пурпуровую, пунцовую и другія краски. Плащъ изъ шкуры (sagum) замѣненъ плащемъ изъ синей или черной ткани; преобладающимъ цвѣтомъ туники или штановъ, — клетчатыхъ, какъ въ національномъ костюмѣ горцевъ,—былъ красный. Они носили куртки немного выше колѣнъ, волосы часто закручивали на макушкѣ головы, брили подбородокъ, оставляя длинные спадающіе всклокоченные усы. Женщины носили длинныя туники, *pais*, доходившія до лодыжки и сверху болѣе короткія туники съ рукавами до локтей. Діонъ Кассій такъ описываетъ платье Боадицеи: оно состояло изъ разноцвѣтной туники въ складкахъ и сверхъ нея мантія изъ грубой ткани, застегнутой *fibula*, брошкой; ея свѣтлые волосы ниспадали по плечамъ, на шеѣ у нея надѣто золотое *torque*—ожерелье изъ скрученной проволоки или полоски металла, которое мужчины и женщины носили какъ символъ высокаго положенія и власти. Британцы такъ любили украшенія, что когда нельзя было достать золота, выдѣлывали ихъ изъ бронзы и желѣза. Въ галльскихъ и британскихъ курганахъ найдены золотыя и серебрянныя кольца, запястья, брошки, бронзовыя бусы, а также золотыя латы. Одежда друидовъ была уже описана. Барды, поэты и историки кельтскихъ народовъ — носили синія мантія; въ то время

Одежда.

---

[1]) Woad — синяя краска, сходная съ индиго, добываемая въ Британіи изъ растенія „Isatis tinctoria“. *Прим. перев.*

[2]) „Hist. Nat.“ XVI, 8; XXVI, 26.

какъ оваты, астрономы и врачи носили зеленыя мантіи, эмблему учености и цвѣта растеній.

Религія и обряды.

Съ періодомъ усвоенія римскихъ обычаевъ мы должны связывать исчезновеніе языческаго культа. Главныя божества британцевъ были олицетвореніемъ стихій. «Темный народъ», говоритъ монахъ Гильдасъ, одинъ изъ первыхъ хроникеровъ,—«оказывалъ божескія почести горамъ, ключамъ и рѣкамъ», ихъ алтарями были каменные столы, украшенные эмблемами солнца и луны; британцы поклонялись небу и землѣ, дню и ночи, дождю, росѣ и вѣтру. Въ Британію были ручьи, мимо которыхъ дѣвушки не могли пройти, чтобы не принести обычную жертву; онѣ привязывали кусочекъ холста или шерстяной ткани къ ближайшему «кусту» въ знакъ дани духу водъ. Суевѣрія британцевъ проникли и въ римскія войска. Тацитъ упоминаетъ о цѣломъ спискѣ предзнаменованій, предсказывавшихъ возстаніе Боадицеи,—«стонъ въ домѣ совѣта», «вой въ театрѣ», а въ устьѣ Темзы видны были «очертанія погружавшагося города».

Бракъ.

Трудно рѣшить, должны ли мы считать свободные обряды въ Британіи сходными съ обрядами другихъ народовъ въ сѣверной Европѣ, или нѣтъ; Цезарь разсказываетъ намъ о британцахъ, что они жили обыкновенно по десяти и двѣнадцати мужчинъ вмѣстѣ, въ особенности братья или отецъ съ сыновьями; жены у нихъ были общія, дѣти принадлежали тому изъ мужчинъ, который первый вступилъ съ женщиной въ бракъ—такое состояніе общества подтверждается Діономъ Кассіемъ и сократителемъ его Ксифилиномъ и св. Іеронимомъ. Страбонъ указываетъ на положеніе, аналогичное описанному Цезаремъ, но сомнѣвается въ немъ и опредѣленно говоритъ о томъ, что языческій умъ того времени даже возмущался возможностью такого обычая. Ксифилинъ приводитъ бесѣду императрицы Юліи Августы съ женою британскаго предводителя Аргетакоксосъ (Argetacoxos); въ отвѣтъ на насмѣшку относительно браковъ ея землячекъ, послѣдняя возразила императрицѣ, что еще большаго осужденія заслуживаетъ распущность матронъ. Полагаютъ также, что римляне дѣлали неправильныя заключенія относительно британскаго образа жизни, не похожаго на собственный и при видѣ семей, скученныхъ вмѣстѣ подъ одной кровлей. Римляне имѣли возможность изучать нравы и обычаи другихъ грубыхъ племенъ, и не слѣдуетъ забывать, что Тацитъ, въ отзывѣ своемъ о германцахъ, говоритъ: «это почти единственные варвары, которые довольствуются одной женой», хотя тутъ же онъ приводитъ любопытныя исключенія. Сообщенія св. Іеронима относятся къ болѣе сѣверной части Британіи. Діонъ Кассій и Страбонъ указываютъ на господство такихъ обычаевъ въ Шотландіи и Ирландіи. Во всякомъ случаѣ столь различныя извѣстія заставляютъ насъ принять на вѣру положеніе Цезаря, хотя невозможно локализировать упоминаемые имъ обычаи. Къ тому же хорошо извѣстныя новѣйшія изслѣдованія доставили намъ обширныя

доказательства существованія видовъ полигаміи и ноліандріи во всѣ времена среди всевозможныхъ расъ вселенной, даже среди такихъ народовъ, какъ наиры въ западной Индіи, въ другихъ отношеніяхъ болѣе цивилизованнаго народа, чѣмъ кельты въ Британіи во времена Цезаря. Нѣкоторые изслѣдователи дѣйствительно полагаютъ, что жены, о которыхъ онъ упоминаетъ, были также сестры и что мы сталкиваемся здѣсь съ «брачной группой»—съ группой братьевъ по крови или считавшихся братьями, изъ коихъ каждый считался мужемъ каждой группы сестеръ; тоже можно сказать о послѣднихъ относительно первыхъ. Слѣды такихъ брачныхъ группъ можно найти въ изобиліи, даже въ исторіи древнихъ грековъ и германцевъ; такую форму брака можно найти и теперь, напримѣръ мы находимъ ее въ Полинезіи и среди индѣйцевъ Пуэбло, Аризоны и Новой Мексики. Представляется спорнымъ вопросъ, который рѣшать здѣсь не мѣсто: слѣдуетъ ли смотрѣть на эти отталкивающія формы брака какъ на вырожденіе прежней моногаміи или какъ на нѣкоторый прогрессъ послѣ первобытной и полной поліандріи, обусловливавшейся недостаткомъ пищи и вызваннымъ этимъ убійствомъ дѣтей женскаго пола. Высокое положеніе женщинъ и нѣкоторое поклоненіе имъ, встрѣчаемыя нами въ кельтской жизни, являются обыкновенно отличительными чертами такого рода общества. Такъ какъ мы не знаемъ ничего о подобномъ учрежденіи среди континентальныхъ кельтовъ, то весьма возможно, что описаніе Цезаря относится къ подчиненному населенію крѣпостныхъ деревень, описываемыхъ въ началѣ этой главы, имѣвшему расовыя отличія отъ ихъ кельтскихъ завоевателей и представлявшему остатки первобытнаго и болѣе варварскаго населенія.

Мы не должны дѣлать изъ этого заключенія, что подобные обычаи, о которыхъ возможно вообще собирать свѣдѣнія, были широко распространенными или даже существовали у жителей Британіи, у галльскихъ или белгскихъ кельтовъ южныхъ частей острова. Что касается до свадебныхъ обрядовъ, то слѣдуетъ допустить, что чѣмъ первобытнѣе эпоха, тѣмъ проще обряды. Изъ такъ называемыхъ Оссіановскихъ поэмъ мы можемъ заключить, что у кельтовъ въ этихъ случаяхъ былъ въ употребленіи обычай, что отецъ невѣсты дарилъ своему зятю свое оружіе. Всѣ кельтскія племени чрезвычайно любили пиршества, ни одна свадьба не обходилась безъ большаго пира; въ тотъ день, когда невѣсту ея близкіе привозили въ домъ жениха, послѣдній приглашалъ къ себѣ всѣхъ родственниковъ до третьей степени родства съ обѣихъ сторонъ. Если обѣ брачущіяся стороны были богаты, то онѣ на брачномъ пиршествѣ дѣлали подарки всѣмъ своимъ друзьямъ; если же они были бѣдны, происходило обратное: каждый изъ друзей приносилъ свадебный подарокъ, сообразно своему состоянію и расположенію. Въ концѣ пиршества все общество съ веселой музыкой и танцами провожали жениха и невѣсту въ ихъ комнату. Ут-

ромъ послѣ свадьбы, прежде чѣмъ встать, мужъ дѣлалъ женѣ цѣнный подарокъ, сообразно его состоянію. Этотъ обычай и сохранился въ видѣ *morgen gifu* до англо-саксонскихъ временъ. Подарокъ этотъ считался личной собственностью жены. Жены у древнихъ британцевъ, въ особенности у воиновъ, завѣдывали не только домашними дѣлами—на нихъ возлагалась забота и завѣдываніе всѣмъ тѣмъ, что касалось семьи въ домѣ и внѣ дома, мужья большею частью заняты были войною и охотою. Для другого труда они были слишкомъ лѣнивы и горды. Такъ какъ женщины у древнихъ британцевъ и другихъ кельтскихъ племенъ были вообще крѣпкаго и здороваго сложенія и вели обыкновенно простую, незатѣйливую, сельскую жизнь, то заботы материнства мало мѣшали обычному ходу дѣлъ; мы узнаемъ однако, что онѣ носили особые пояса, имѣвшіе особое назначеніе, они въ особенности способствовали рожденію героевъ. Такіе пояса, дѣйствительно, почти до настоящаго времени тщательно хранились въ семьяхъ шотландскихъ горцевъ. На нихъ были вытиснены нѣсколько мистическихъ знаковъ. Церемонія надѣванія пояса сопровождалась словами и жестами, указывавшими на древность обычая и на его друидское происхожденіе.

Дѣтство. У кельтовъ существовалъ обычай погружать новорожденныхъ въ какое-либо озеро или рѣку, чтобы испытать крѣпость ихъ тѣлосложенія и закалить ихъ тѣла,—это совершалось даже зимой. Говорятъ, скандинавы лили воду на голову дѣтей сейчасъ же послѣ ихъ рожденія, за долго до введенія христіанства; но у насъ нѣтъ доказательства тому, чтобы этотъ обычай соблюдался и въ Британіи. До введенія христіанства жители сѣверныхъ областей Британіи не давали именъ своимъ сыновьямъ до тѣхъ поръ, пока тѣ не совершили какого-либо храбраго поступка, или не проявили своихъ наклонностей и своего характера; доказательствомъ этого служитъ то, что имена древнихъ британцевъ, сохраненныя писателями древней эпохи. на британскомъ языкѣ означаютъ какія-либо личныя отличительныя черты. Этотъ обычай, несомнѣнно, способствовалъ особому художественному воспѣванію событій и лицъ бардами въ ихъ поэмахъ, и произошелъ быть можетъ отъ обычая пересказа героическихъ подвиговъ,—обычая, игравшаго не маловажную роль въ развитіи народнаго духа. Слѣдуетъ замѣтить, что у сѣверныхъ племенъ наблюдается сходный обычай давать имена любимому оружію. Не удивительно, что родители колебались давать имя сыну, пока тотъ не проявитъ какого-либо особаго, быть можетъ, желательнаго качества.

Первобытныя британскія матроны даже высшаго сословія всегда сами кормили своихъ дѣтей и считали бы въ высшей степени унизительнымъ передавать свои обязанности другой женщинѣ. Мы мало знаемъ о воспитаніи дѣтей. Существуетъ разсказъ Солинуса (Solinus) о томъ, что первый кусокъ пищи клали въ ротъ ребенка на кон-

чикѣ отцовскаго меча, произнося при этомъ молитву о томъ, чтобы онъ выросъ великимъ, храбрымъ воиномъ и умеръ на полѣ битвы. Подобный обычай скорѣе, однако, подходитъ къ другимъ племенамъ и къ времени римскаго завоеванія, чѣмъ къ настоящимъ древнимъ британцамъ. Мы не знаемъ также, къ какой отдѣльной народности отнести сообщенія, основанныя на авторитетахъ Тацита и Геродіана о томъ, что у древнихъ британцевъ военная дисциплина считалось самой достохвальной и славной добродѣтелью, хотя по всѣмъ вѣроятіямъ это можетъ относиться ко всѣмъ племенамъ вообще. Говорятъ также, что ихъ природная храбрость, происходившая отъ физической силы, доводилась сильными возбудительными средствами до энтузіазма. Съ дѣтства они привыкли владѣть оружіемъ и воспѣвать славные подвиги предковъ. Юноши вдохновлялись такимъ образомъ подвигами силы и войною. Когда они выростали и обучались военному искусству, имъ также внушалось, что все въ жизни зависитъ отъ ихъ храбрости; восхваленія бардовъ, милости высшихъ, одобреніе народа, блаженство послѣ смерти — все это награда только для тѣхъ, кто проявитъ храбрость въ войнѣ. Слѣдуетъ допустить, конечно, что юношество въ Британіи въ это время не получало изнѣженнаго воспитанія; грубый и крѣпкій народъ не могъ воспитывать своихъ дѣтей непригодными къ окружающей обставкѣ и образу жизни и, безъ сомнѣнія, благородныя семьи не воспитывали дѣтей нѣжнѣе и утонченнѣе, чѣмъ простой народъ. Тацитъ говоритъ о германцахъ: «въ каждомъ домѣ мы видимъ маленькихъ мальчиковъ, сыновей владѣльцевъ и крестьянъ, одинаково грязно и плохо одѣтыхъ, они тутъ же вмѣстѣ лежатъ на землѣ или играютъ вмѣстѣ со скотомъ и безъ всякаго видимаго различія. Такимъ образомъ они развиваютъ въ себѣ удивительную физическую силу, которой мы съ восхищеніемъ любуемся». Сыновьямъ древнихъ германцевъ, галловъ и британцевъ всѣхъ состояній предоставлялась свобода бѣгать, бороться, прыгать, плавать и упражняться до зрѣлаго возраста въ физическихъ движеніяхъ какъ угодно и безъ стѣсненія [1]). Постояннымъ упражненіямъ и простотѣ пищи Цезарь приписываетъ крѣпость тѣла и неустрашимость духа, которыми отличались эти племена. Цезарь разсказываетъ, что когда въ Германіи, Галліи и Британіи юноша приближался къ возмужалости, общество и родители повидимому начинали обращать на него больше вниманія, чѣмъ прежде; до тѣхъ поръ, когда сынъ былъ малолѣтенъ, для отца считалось позоромъ находиться съ нимъ вмѣстѣ. Дѣти, предназначаемыя для

---

[1]) Бросаніе камня—упражненіе, которое до сихъ поръ въ ходу на сѣверѣ — ведетъ свое начало съ этихъ первобытныхъ временъ; у дверей предводителя клали камень и каждому посѣтителю предлагали выказать силу и ловкость въ его бросаніи.

жреческаго сословія, помѣщались подъ руководство друндовъ для обученія наукамъ, законамъ, нравственности и религіи; дѣти же, предназначаемыя для войны, получали,—по словамъ Цезаря—оружіе отъ отца или ближайшаго родственника на общественномъ собраніи воиновъ государства или клана. Нѣкоторые остатки этого обычая—въ особенности по отношенію къ старшимъ сыновьямъ лэдровъ (lairds) или предводителей — въ нѣкоторыхъ мѣстности горной Шотландіи и ея западныхъ острововъ сохранились до позднѣйшаго времени.

Война. Замѣчательны нѣкоторые обычаи, имѣвшіе отношеніе къ войнѣ. Когда несчастный предводитель умолялъ другого о покровительствѣ и помощи, онъ подходилъ къ его мѣстожительству съ окровленнымъ мечемъ въ одной рукѣ, какъ съ символомъ своего огорченія по поводу смерти своихъ друзей и съ сломаннымъ копьемъ, символомъ его неспособности отмстить за нихъ. Точно также когда воинственныя племена призывались какимъ-либо предводителемъ отразить внезапное нападеніе и отправиться въ внезапную экспедицію, тѣхъ, кто былъ по близости, сзывали не только звуками рога или ударами въ щитъ, но предводитель посылалъ *Cran-tara* или палку, зажженную съ одного конца и обагренную кровью козы съ быстрымъ гонцемъ въ ближайшую деревню, извѣщая только о мѣстѣ свиданія. *Cran-tara*, хорошо извѣстная всѣмъ, какъ символъ разрушенія огнемъ и мечомъ, переходилъ быстро изъ деревни въ деревню, пока воины не собирались вокругъ своего князя или предводителя подъ его начальство. Во время дружественныхъ посѣщеній предводители и ихъ дружинники носили мечи свои повернутыми остріемъ назадъ въ знакъ миролюбивыхъ намѣреній. Нападающее войско проливало кровь перваго попавшагося животнаго въ владѣніяхъ врага и кропило ею свои знамена [1]); передъ битвою предводители проводили ночь одни, обдумывая распредѣленіе силъ въ предстоящемъ наступленіи. Въ ознаменованіе побѣдъ воздвигались памятники, обыкновенно клали большой камень. Въ различныхъ мѣстностяхъ Британіи находятъ много такихъ камней, которые указываютъ на то, что здѣсь когда-то происходили битвы, воспоминаніе о которыхъ давно затерялось.

Похороны. Похоронные обряды британцевъ на югѣ походили на обряды ихъ сосѣдей галловъ; но они, вѣроятно, видоизмѣнялись въ разныхъ мѣстностяхъ, сообразно племеннымъ особенностямъ различныхъ обитателей этихъ мѣстностей. Цезарь коротко отмѣчаетъ, что «похороны галловъ, принимая во вниманіе ихъ обстановку, были великолѣпны и роскошны. Существовалъ обычай въ похоронный костеръ, на которомъ сжигали тѣло, бросать вещи и даже животныхъ, которыхъ особенно любилъ покойный; нѣсколько лѣтъ тому назадъ они даже

---

[1]) Martin „Western Islands p. 103.

бросали въ горящій костеръ его слугъ и друзей, бывшихъ его любимцевъ и всѣ превращались въ пепелъ однимъ и тѣмъ же огнемъ». Помпоній Мела даетъ такое же описаніе похоронныхъ обрядовъ древнихъ галловъ; онъ добавляетъ слѣдующія подробности: «когда галлы сжигали тѣла умершихъ и хоронили ихъ пепелъ, они вмѣстѣ съ тѣломъ хоронили ихъ счета и росписки о денежныхъ суммахъ, которыя они ссужали при жизни для того, чтобы они могли получить по нихъ точную уплату на томъ свѣтѣ. Иногда близкіе родственники и друзья также бросались въ похоронный костеръ, надѣясь жить вмѣстѣ въ будущей жизни». Множество найденныхъ въ курганахъ погребальныхъ урнъ британскаго издѣлія указываетъ на несомнѣнную распространенность обычая сжигать умершихъ. Часто оружіе умершаго сжигалось одновременно съ его тѣломъ; пепелъ собирали и клали въ подобныя же урны. Въ Оссіановскихъ поэмахъ встрѣчается описаніе похоронъ останковъ умершаго по національному обычаю безъ сожженія. Описаніе это относится, конечно, къ каледонцамъ и сѣвернымъ британцамъ. «Они вырывали могилу въ шесть или восемь футовъ глубины, дно выкладывалось огнеупорной глиной и клали туда тѣло умершаго; если хоронили воина, клали возлѣ него двѣнадцать головокъ стрѣлъ; затѣмъ клали другой слой глины, куда вкладывали оленій рогъ, какъ символъ охоты. Затѣмъ все покрывалось снова слоемъ хорошей глины, и четыре камня по угламъ отмѣчали размѣръ могилы». Въ поэмахъ Оссіана мы находимъ много намековъ на способъ погребенія умершихъ и узнаемъ дальнѣйшія подробности: въ могилы клали луки воиновъ, а также мечи и стрѣлы; эти могилы отмѣчались иной разъ только однимъ камнемъ, иногда двумя, иной разъ надъ ними возвышался курганъ или могильникъ. Часто вблизи сжигались любимыя собаки умершаго. Самымъ важнымъ похоронным обрядомъ у древнихъ британцевъ была похоронная пѣснь съ восхваленіями умершаго, ее распѣвали нѣсколько бардовъ подъ акомпаниментъ своихъ арфъ въ то время, когда тѣло опускали въ могилу. Отсутствіе похоронной пѣсни считалось величайшимъ несчастіемъ и позоромъ; британцы вѣрили. что безъ этой пѣсни душа умершаго не можетъ пользоваться ни покоемъ, ни счастіемъ въ будущей жизни.

Гостепріимство и привѣтливость къ чужимъ составляли одну изъ блестящихъ добродѣтелей древнихъ британцевъ и всѣхъ другихъ кельтскихъ племенъ. Стоило имъ только увидѣть передъ собою лицо гостя, какъ ихъ высокомѣріе и жестокость исчезали; они ощущали, по ихъ выраженію, самую искреннюю радость по поводу прибытія гостя, встрѣчали его самыми дружескими привѣтствіями, радушно приглашали войти въ домъ, двери котораго раскрывались настежъ для пріема. Долгое время для предводителя у древнихъ британцевъ считалось вообще позорнымъ затворять двери дома, такъ какъ,

въ противномъ случаѣ (какъ пѣли барды): «придетъ гость и сердце его будетъ закрыто». Какъ только гость принималъ дружеское приглашеніе и входилъ въ гостепріимную дверь, ему подавали воду для омовенія ногъ, онъ принималъ ее и умывалъ ноги, въ то же время онъ отдавалъ свое оружіе хозяину дома — что означало, что онъ почтитъ его своимъ присутствіемъ на нѣкоторое время, покрайней мѣрѣ на одну ночь. Присутствіе гостя наполняло радостью весь домъ; раздавались звуки арфъ, немедленно приготовлялось угощеніе, настолько раскошное и обильное, насколько могъ позволить себѣ хозяинъ. По окончаніи угощенія хозяинъ безъ нарушенія законовъ гостепріимства могъ вступить въ непринужденную бесѣду съ своимъ гостемъ спросить его имя и задавать ему вопросы: откуда онъ, куда отправляется. Все время, пока гость оставался въ домѣ, личность его считалась священной и неприкосновенной; время его пребыванія проводилось въ пиршествахъ, гостю представлялись всѣ развлеченія, какія были въ распоряженіи хозяина, чтобы доставить ему возможность пріятнѣе провести время и продолжать свое пребываніе. Было въ обычаѣ, что гость передъ отъѣздомъ обмѣнивался съ гостепріимнымъ хозяиномъ мечемъ, копьемъ или частью вооруженія; это оружіе оба хранили съ религіознымъ почтеніемъ, какъ знаки дружбы и узъ гостепріимства, закрѣпленныхъ между ними, ихъ семьями и ихъ потомствомъ. Добродѣтель гостепріимства еще долго послѣ этой эпохи сохранялась у истыхъ потомковъ древнихъ британцевъ въ Валлисѣ и у горцовъ въ Шотландіи; гостепріимство и понынѣ не совсѣмъ исчезло въ малопосѣщаемыхъ уголкахъ этихъ мѣстностей, гдѣ и въ настоящее время оно является далеко не лишнимъ. Что касается обычая не затворять дверей, то мы на основаніи личнаго опыта можемъ констатировать; что еще въ послѣдніе годы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ среднихъ графствъ запираніе двери, выходившей на большую дорогу, возбуждало серьезное народное неудовольствіе.

Древніе британцы и другія кельтскія племена славились теплотою своихъ родственныхъ привязанностей, почтительнымъ отношеніемъ къ родителямъ и старшимъ и своею непоколебимою привязанностью къ друзьямъ и семьѣ. Всѣ молодые люди клана или семьи относились къ старикамъ съ уваженіемъ и почтеніемъ, какое они оказывали родителямъ, къ лицамъ же одного возраста съ ними относились какъ братья. Ничто не можетъ сравниться съ тѣмъ уваженіемъ, тою привязанностью и тою прочною приверженностью, которыя каждая семья выказывала своему главѣ или предводителю. Каждый изъ его друзей и дружинниковъ готовъ былъ подвергнуть свою жизнь самой большой опасности ради безопасности и чести своего предводителя. Всѣ члены клана или семьи какъ бы имѣли одну душу, и тотъ, кто наносилъ обиду или оскорбленіе одному изъ членовъ, навлекалъ на

себя месть всего клана или семьи. Эти добродѣтели, конечно, доходили до крайностей; самая пустая причина у воинственнаго народа вела къ необузданному и страшному кровопролитію, которое сопровождалось еще болѣе ужаснымъ возмездіемъ. У такого народа, весьма понятно, ссора обыкновенно могла рѣшаться только остріемъ меча. Другимъ зломъ, возникавшимъ въ силу воинственнаго духа и поддерживавшимся трудностью добыванія и скудостью жизненныхъ припасовъ, являлся грабежъ, которому сильно предавались эти дикія племена. И дѣйствительно, понятія ихъ были гибельны для безопасности собственности;—поживиться на счетъ сосѣдняго клана въ силу простаго закона права сильнѣйшаго не считалось ни преступнымъ, ни позорнымъ. Праздность шла рука объ руку съ этими характерными чертами; забирать чужое гораздо легче, чѣмъ трудиться и воздѣлывать землю; физическая сила и свобода отъ физическаго труда легко вели къ возбужденію гордости и ложнаго стыда, не допускавшихъ послѣ стычки и грабежа скота снизойти до домашнихъ работъ и еще менѣе до обработки поля. По этому мы видимъ во времена Цезаря, что земледѣліемъ занимаются преимущественно обитатели побережья; населеніе же внутри страны живетъ скотоводствомъ, охотой и произведеніями земли, попадавшимися случайно на дикихъ пустыняхъ или разграбленіемъ полей, обработанныхъ тѣми, чей трудъ они презирали. При такихъ условіяхъ, когда всякій трудъ этого рода находился въ пренебреженіи, не могли процвѣтать и мирныя полезныя искусства.

Крайнее пристрастіе къ опьяняющимъ напиткамъ, по словамъ классическихъ писателей, составляло порокъ кельтскихъ племенъ, и много имѣется доказательствъ тому, что британцы въ этомъ отношеніи не составляли исключенія; каледонцы находили, повидимому, большое наслажденіе въ крѣпкихъ возбуждающихъ напиткахъ.

Люди, впрочемъ, во всѣ времена питали пристрастіе къ возбуждающимъ напиткамъ, въ особенности въ холодномъ климатѣ—трудность добыванія ихъ въ раннюю эпоху цивилизаціи усиливало наслажденіе. Трудно, однако же, опредѣлить, были ли привычки къ пьянству и лѣности свойственны британцамъ въ такой же степени какъ и другимъ кельтскимъ племенамъ; британцы, кажется, были значительно менѣе лѣнивы, чѣмъ другія племена — въ особенности германцы; британцы всегда находили удовольствіе въ атлетическихъ упражненіяхъ, и даже великіе герои принимали участіе въ приготовленіяхъ къ пиршеству, такъ надо полагать на основаніи свѣдѣнія изъ Оссіановской поэмы, если примѣнить ихъ и къ родственному племени. Въ поваренномъ дѣлѣ и въ приготовленіи пищи британцы повидимому не проявляли особаго искусства. Тацитъ разсказываетъ, что нѣкоторыя кельтскія племена мололи жолуди и другія дикія ягоды и приготовляли родъ хлѣба; но сомнительно, чтобы этотъ обычай

былъ распространенъ въ Британіи. Искусство дѣлать сыръ во всякомъ случаѣ не было извѣстно на сѣверѣ, хотя тамъ умѣли дѣлать масло. Дичь приготовлялась часто слѣдующимъ образомъ: — вырывалась яма, которая выкладывалась гладкимъ камнемъ; вблизи ямы складывалась куча гладкихъ плоскихъ кремневыхъ камней и яма и куча камней нагрѣвались верескомъ. Затѣмъ клали дичь на дно ямы, сверху накладывался слой камней и такъ накладывали слой за слоемъ, пока не наполнится яма. Сверху все обкладывалось верескомъ, чтобы не пропускать дымъ. То была, очевидно, трудная работа, требовавшая много рукъ, Діодоръ разсказываетъ: «возлѣ мѣста, гдѣ должно происходить угощеніе, они раскладываютъ большіе костры; на нихъ ставятъ горшки и вертела, варятъ и жарятъ большіе куски разнаго мяса»[1]). Утверждаютъ, будто британцы, умѣли приготовлять сухіе консервы, секретъ этотъ нынѣ утраченъ; достаточно было съѣсть кусочекъ такой пищи величиною съ бобъ, чтобы поддерживать жизнь и не страдать отъ голода и жажды.

Относительно одежды слѣдуетъ принять во вниманіе, что въ этомъ отношеніи, какъ и во всякомъ другомъ искусствѣ, имѣло мѣсто постепенное развитіе. Поэтому говоря объ одеждѣ древнихъ британцевъ, слѣдуетъ всегда знать о какомъ времени и о какой народности идетъ рѣчь. Насколько можно судить по дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ отъ древнихъ писателей, безъ сомнѣнія было время, когда обитатели этихъ острововъ носили весьма мало одежды или вовсе не носили ея. Мы узнаемъ, что въ особенности на сѣверѣ они часто участвовали въ битвѣ совершенно нагіе. Простой образъ жизни и лишенія пріучали ихъ къ перенесенію самой крайней температуры при такихъ условіяхъ, которыя теперь казались бы немыслимыми, хотя шотландскій горецъ и теперь можетъ безъ особаго неудобства ходить босымъ. Первоначальная одежда была *sagum* или пледъ — квадратный кусокъ ткани, застегиваемый шипомъ вмѣсто застежки. Эти плащи были въ употребленіи только у людей съ солиднымъ положеніемъ и у богатыхъ; бѣдные же надѣвали тѣ звѣриныя шкуры, какія могли добыть. Когда впервые вошли въ употребленіе пледы и плащи, ихъ считали большой роскошью. Интересно, что ихъ выдѣлывали одноцвѣтными, подражая шкурамъ, которыя эти плащи замѣнили; ткань съ одной стороны была гладкая, съ другой покрыта грубымъ волосомъ. Дневная одежда служила и ночью, такъ какъ еще долго люди продолжали спать на звѣриныхъ шкурахъ, которыя служили имъ главной постелью.

---

[1]) У британцевъ была въ ходу дичь и домашняя птица, но въ силу тотемизма они не ѣли зайцевъ, куръ и гусей. Они умѣли солить и сохранять мясо. Испаряли соленую воду съ помощью горячихъ углей и получали такимъ образомъ соль темнаго цвѣта, весьма возможно болѣе пригодную, какъ предохранительное средство отъ присутствія въ ней угля.

Хотя британцы и другія кельтскія племена до временъ Цезаря и позднѣе одѣвались плохо, но вовсе не изъ пристрастія къ простотѣ или презрѣнія къ украшенію, въ чемъ убѣждаютъ привычки ихъ сосѣдей, галловъ. Изъ авторитетныхъ сообщеній классическихъ писателей мы узнаемъ, что въ то время, какъ германцы и другія народы просто одѣвались въ шкуры, галлы украшали свои плащи кусочками различнаго рода шкуръ и различныхъ цвѣтовъ. Галлы кромѣ того были богаты золотыми украшеніями, и Полибій (1—3) повѣтствуетъ намъ, что «въ первыхъ рядахъ войска только у немногихъ солдатъ шея и руки не были украшены золотыми цѣпями и браслетами». Кельтскія племена чрезвычайно гордились длиною и красотою своихъ волосъ. Нѣкоторыя доводили пристрастіе къ длиннымъ волосамъ и восхищеніе ими до крайности. Говорятъ, что послѣдней и важной просьбой молодаго воина, взятаго въ плѣнъ и присужденнаго къ обезглавленію, состояла въ томъ, чтобы волосы его, замѣчательно длинные и красивые, не были запачканы кровью. Поэма Оссіана изобилуютъ описаніемъ красивыхъ мужчинъ и прекрасныхъ женщинъ. Въ нихъ описывается также, что волосы не мало способствовали ихъ личной привлекательности.

Для измѣненія цвѣта и блеска волосъ они употребляли особыя средства и косметики; одно изъ такихъ средствъ приготовлялось изъ извести, пепла извѣстныхъ растеній и сала. Употребленіе такихъ искусственныхъ средствъ указываетъ на то, что украшеніе своей личности составляло раннее явленіе и что оно, повидимому, составляетъ составную часть первоначальныхъ инстинктовъ человѣческой расы.

ИСТОЧНИКИ.

Кельтская Британія. Цезарь: *De Bello Gallico;* Тацитъ: *Agricola* и *Histories;* Rhys *Celtic Britain*. Болѣе обработанныя сочиненія: Rhys: *Celtic Heathendom* (Hibbert Lectures) и *Arthur*: Skene's Four Ancient Books of *Wales;* Elton, *Origins of English History;* Evans: *British Coins;* Gomme: *Village Community;* Seebohm, *English Village Community;* Isaac Taylor; *Origin of the Aryans.*

Римская Британія: Доказательства, почерпнутыя изъ надписей лучше всего изучать въ *Corpus Inscriptionum Latinarum Vol. VII.* гдѣ также находится карта и полный отчетъ о прежнихъ англійскихъ и шотландскихъ книгахъ по этому вопросу. Литературные источники хорошо сведены у Marquardt'a *Romische Staatsverwaltung* Vol. I. *Roman Britain* Scarth'a полезная, но довольно неточная популярная книга. Исторію завоеванія и оцѣнку значенія римской цивилизаціи на островѣ можно найти въ *History of the Romans under the Empire* Merival'я и у Момзена: „Римскія провинціи.

Религія: Кельтское язычество. О Друидахъ можно найти у Цезаря *Bell. gall.* V. 12—14, VI, 11—20; у Тацита, *Agricola;* и у Помпонія Мелы. Читатель валлійскихъ источниковъ найдетъ много необработанныхъ свѣдѣній у

„Hanes y *Bylaniaid ar Cymry* l; для изслѣдователей рекомендуемъ *Celtic Heathendom* Rhys'a.

Британское и Римское Христіанство. Haddan u Stubbs: *Councils and Ecclesiastical Doc.* I. 1—234. Законы *Hyuel Dda* можно найти на валлійскомъ языкѣ въ *Myfyrian Archaiology*. Romilly Allan's *Monumental History of the British Church* chap. I, II. Pryce's *Ancient British Church*. Bright's *Early English Church History*. Краткій обзоръ на валлійскомъ языкѣ R. Williams'a *Hanes yr Eglwys yr Ughymru c. i.*

Военные вопросы. F. Wright. *The Celt, the Roman, and the* Saxon даетъ хорошій, хотя краткій отчетъ о послѣдовательныхъ завоеваніяхъ. Слѣдуетъ упомянуть: General Roy's *Military antiquities of the Romans in Britain* и Colt Hoare's *History of Wiltshire*. О бронзовыхъ и каменныхъ орудіяхъ войны смотр. труды Lyell, Lubbock, Evans, Boyd Dawckins и др. Объ организаціи римской арміи смотр. W. Rüstow „*Heerwesen und Kriegführung C. I. Caesaris* Gotha 1895 u Marquardt's *Romische Staatsverwaltuny* II.

Архитектура: Руководящіе и доступные источники: **До Римскаго періода:** Greenwel's *British Barrows;* Boyd Dawkins, *Early Man in Britain*; Elton: *Origins of English History* (со ссылками на классическихъ авторовъ).

Романо-Британскій періодъ: Scarth: *Roman Britain;* Lysons: *Reliquia Britanniae Romanae*, Wright, Kind, Lysons, Coote *passim*, and Journal of Archaeological Association (для монетъ); A. J. Evans: *Coins of Ancienf Britons*, съ приложеніемъ; Stevens' *Roman coins; Akerman's Numismatic Manual.*

ГЛАВА II.

Паденіе римскаго господства 287—450 г. по Р. Х.

Британія подъ владычествомъ англовъ и датчанъ 450—1066 г. по Р. Х.

Нашествіе англовъ.

Ф. Іоркъ Поуэллъ (F. Iork Powell).

Съ ослабленіемъ римской императорской системы, когда въ отдаленныхъ владѣніяхъ Рима стало менѣе чувствоваться давленіе центральной бюрократіи, Британія, значительно разбогатѣвшая, усилившая обработку земли, оздоровленіе страны и ея поступность, сдѣлалась на время центромъ и пріютомъ цѣлаго ряда замѣчательныхъ предводителей и администраторовъ, опиравшихся на флотъ и легіоны и пользовавшихся своимъ пребываніемъ на островѣ чтобы оспаривать у владѣльцевъ пурпуровой мантіи на континентѣ свою долю положенія и власти. Съ этою цѣлью, говорятъ, Караузій (Carausius), первый и самый знаменитый изъ этихъ «островныхъ императоровъ», вступилъ въ переговоры съ варварами, угрожавшими нападеніемъ на берега Галліи и Британіи.—Онъ самъ происходилъ изъ племени менапіевъ, жившихъ по Шельдѣ [1]). Онъ держался семъ лѣтъ, послѣ жестокой битвы признанъ былъ Максиміаномъ и погибъ отъ измѣны своего собственнаго адмирала Аллекта въ 294 г. по Р. Х. Послѣдній два года правилъ островомъ; большую часть его войска составляли франки, охотно поступавшіе на службу къ своему родичу, сохранивъ

Британія изобилуетъ тиранами.

---

[1]) Менапіи жили также на восточномъ берегу Ирландіи; они были, по всѣмъ вѣроятіямъ, отрасль одного и того же племени.

свою одежду и обычаи. Констанцій, подкравшись во время тумана къ стоявшимъ у Уайта галерамъ Аллекта (какъ впослѣдствіе сдѣлалъ Гарольдъ), внезапно напалъ съ своимъ войскомъ, высадился на западномъ берегу Саутгэмптонъ-Уотера одержалъ двѣ побѣды, одну на югѣ и другую въ Лондонѣ, — уничтожилъ войско франковъ и спасъ Лондонъ отъ ужасовъ разграбленія. Побѣдитель Констанцій жилъ, преимущественно, въ завоеванной имъ странѣ и умеръ въ Іоркѣ. Послѣ удачной войны съ каледонцами сынъ его, Константинъ Великій, принялъ пурпуровую мантію, благодаря усиленной помощи союзника его отца Крока, короля аламанновъ, которому желательно было его избраніе. По предначертанному плану императорской администраціи Діоклетіана Vicar въ Іоркѣ и Comes Britaniarum управляли государствомъ и войскомъ, подчиняясь Praefectus Galliarum въ Тревѣ. Подъ властью Comes находился *Dux Britaniarum;* первый защищалъ западъ отъ ирландцевъ и аттациттовъ, въ то время какъ послѣдній и *Comes Littoris Saxonici* охраняли линію восточнаго берега отъ Уаша до Певенсея и Булони отъ тевтонскихъ пиратовъ, которые уже въ третьемъ столѣтіи начали нападать на берега Сѣвернаго моря и канала.

Франки и аламанны были одинаково готовы грабить или защищать Британію и нашъ островъ могъ бы сдѣлаться Франціей (France) или Аллеманіей (Almaine) вмѣсто Англіи (England), если бы императоры могли доставлять постоянное и хорошо-оплачиваемое мѣсто всякому волонтеру, являвшемуся къ нимъ изъ франкскихъ племенъ. Быстрое распространеніе и внезапное принятіе императоромъ христіанства, по всѣмъ вѣроятіямъ, способствовало болѣе энергичной политикѣ противъ языческихъ грабителей съ востока и запада. Въ 360 г. были отражены западные враги, скоты и пикты. Въ 367 г. начальникъ саксонскаго берега и герцогъ Британіи пали жертвами враговъ. Островъ подвергся нападенію и съ запада, и съ востока, и сѣвера и преданъ былъ раззоренію, грабежу, пожарамъ и захвату рабовъ. Потребовались все искусство Ѳеодосія, помощь двухъ легіоновъ и многихъ отрядовъ германскихъ вспомогательныхъ войскъ, чтобы очистить несчастную провинцію отъ ея упорныхъ враговъ. Когда Ѳеодосій былъ отозванъ, императоръ Валентиніанъ отправилъ для охраны острововъ короля Фраомарія (Fraomarius), тевтонскаго союзника съ войскомъ. Политика пускать въ дѣло варваровъ противъ варваровъ не только допускалась, но и оказывалась успѣшной въ теченіи долгаго времени. Солдаты, опасаясь, что императоръ Граціанъ наградитъ своихъ союзниковъ алановъ землями въ Британіи, избрали въ 383 г. императоромъ Климента Максима (испытаннаго предводителя въ войнѣ съ пиктами и скотами). Онъ убилъ Граціана, захватилъ въ свои руки правленіе въ Тревѣ, сталъ во главѣ войска въ Британіи, этомъ мѣстѣ набора туземцевъ, уже цѣлыми годами пополнявшихъ римскій

Варвары-враги Британіи.

гарнизонъ. Войска послѣдовали за нимъ въ походъ на югъ въ Италію и сражались, пока онъ не погибъ при Савѣ. Они вновь возвратились на сѣверъ, но не въ свою страну; они поселились въ Арморикѣ, чтобы охранять Галлію отъ ирландскихъ морскихъ разбойниковъ. Въ 396 г. и 400 г. на островъ снова сдѣлали набѣгъ скоты и саксы (франки были заняты въ Галліи), пока намѣстникъ Гонорія, спаситель имперіи, Стилихонъ не явился съ своими легіонами и не помогъ римлянамъ. Римъ не могъ оказать содѣйствія своимъ отдаленнымъ гражданамъ; вандалы, свевы и аланы ворвались въ Галлію, отрѣзали островъ отъ Рима и даже грозили вторженіемъ. Отрѣзанныя римскія войска въ Британіи избирали сами для себя изъ своей среды или изъ среды союзниковъ императора за императоромъ. Маркъ, вѣроятно ирландскій король, и Граціанъ (британецъ) погибли одинъ за другимъ насильственной смертью; но третій — Константій перешелъ каналъ, оттѣснилъ тевтонскія племена и вновь завоевалъ Галлію и Испанію съ помощью войска изъ Британіи (новаго набора боевыхъ силъ острова). Его подвиги и власть принудили Гонорія признать его своимъ соправителемъ. Соперникъ британскаго узурпатора Геронтій рѣшился призвать побѣжденныхъ варваровъ для нападенія на Британію, такъ какъ она была доступна враждебному флоту и не имѣла своего войска. Варвары явились, но *Civitates* Британіи (подъ этимъ названіемъ вѣроятно слѣдуетъ подразумѣвать муниципалитеты съ романизированными округами), собрали войска, побѣдили враговъ, изгнали безполезныхъ для нихъ римскихъ чиновниковъ, облагавшихъ ихъ податями, но не защищавшихъ и рѣшили устроить свое собственное правленіе. Гонорій былъ доволенъ результатомъ; онъ самъ не могъ отстоять себя, и въ отвѣтѣ своимъ «городамъ» просилъ ихъ самихъ заботиться съ этого времени о ихъ собственной защитѣ. Такимъ образомъ въ 410 г. порвалась связь, соединявшая Британію съ Римомъ болѣе трехъ столѣтій. Британія получила императорскій подарокъ въ видѣ тѣхъ регулярныхъ войскъ, которыя оставались еще въ потерянной провинціи. Соперники-узурпаторы въ Галліи, которые могли бы на время учредить на островѣ имперію, погибли во взаимной распрѣ.

Независимая Британія завоевана саксами.

Христіанская независимая Британія управлялась теперь племенными королями (племена уцѣлѣли при романизаціи острова); покрайней мѣрѣ одинъ изъ племенныхъ королей предъявилъ притязаніе на родъ главенства и присвоилъ себѣ офиціальные знаки и титулы графа британцевъ. Эгоизмъ и необузданныя страсти этихъ королей, междуплеменные раздоры ихъ подданныхъ, сильныя столкновенія по поводу религіозныхъ вопросовъ, ослабляли независимый островъ. Пикты прорвались на югъ черезъ стѣну и поселились даже въ самой провинціи; скоты ворвались на западѣ черезъ Сольуэй, Ди, Севернъ, Уайтъ; саксы завладѣли восточнымъ и южнымъ побережьемъ. Все,

повидимому, погибало, кромѣ церкви. Когда галльскіе епископы Германъ и Лупъ явились съ мирной миссіей исцѣлить раздоры и заблужденія ереси и поддержать церковь, они употребили въ дѣло мірское оружіе противъ языческаго войска, угрожавшаго ихъ паствѣ въ долинѣ Ди въ 429 г. Но эта извѣстная «побѣда Аллилуя» (Hallelujа victory) не могла быть окончательной, хотя и считалась чудесной. Притѣсняемые христіане принуждены были (хотя и напрасно) молить о помощи знаменитаго римскаго полководца Аэція. Слѣдовало предпринять что-либо, или островъ долженъ былъ погибнуть. Вортигернъ, главный король, посовѣтовавшись, рѣшилъ послѣдовать римской политикѣ и направить отряды варваровъ на другихъ варваровъ. Отрядъ ютовъ съ извѣстными предводителями Генгестой и Горзой поступилъ на службу британскаго короля и во всѣхъ сраженіяхъ разбилъ его враговъ пиктовъ и скотовъ. Кромѣ того призваны были саксы. Опытъ оказался удачнымъ; но вскорѣ возникла и съ этой стороны опасность. Наемники требовали высокой ежемѣсячной платы и обратили оружіе на своихъ нанимателей. Раздоры и измѣна губили британцевъ, огонь и мечъ раззоряли страну. Британскіе и англійскіе писатели оставили намъ описанія разрушенныхъ и сожженныхъ большихъ городовъ, разрушенныхъ башенъ, оскверненныхъ алтарей, разрушенныхъ стѣнъ, непогребенныхъ тѣлъ, брошенныхъ на съѣденіе дикимъ звѣрямъ и птицамъ. Тѣхъ, кому удалось вырваться изъ осады, преслѣдовали и убивали на холмахъ, многіе принуждены были сдаться и были обращены въ рабовъ, многіе бѣжали за море къ своимъ родичамъ въ западную Галлію, многіе спасались въ дикихъ горахъ, лѣсахъ, въ скалахъ морского прибрежья. У насъ нѣтъ точныхъ чиселъ и подробностей. Но у насъ есть свѣдѣнія о томъ, какъ кентскіе британцы бѣжали въ Лондонъ въ 457 году послѣ битвы при Крейфордѣ и какъ въ 473 году Генгестъ одержалъ побѣду и захватилъ безчисленную добычу («валлійцы бѣжали отъ англичанъ, какъ отъ огня»). Во второй половинѣ пятаго столѣтія многія области восточнаго и южнаго побережья заняты были англами (Englas), саксами, фризами и ютами.

Второй періодъ завоеванія.

Въ концѣ пятаго столѣтія произошло замѣчательное соединеніе романизированныхъ британцевъ подъ предводительствомъ Амвросія Авреліана — скромнаго человѣка, «родичи котораго за заслуги украшены были пурпуровой мантіей» и потомки котораго послѣ его смерти вели войну «съ жестокими завоевателями». Въ это время сопротивленіе со стороны британцевъ было самое упорное и послѣ различныхъ побѣдъ и пораженій, «сорокъ четыре года и мѣсяцъ спустя послѣ высадки саксовъ», наступилъ годъ осады Mons Badonicus, великой побѣды британцевъ, которая на время пріостановила движеніе тевтоновъ и повела къ неожиданному «оживленію острова» или большей части его, хотя раззоренные города стояли въ запустѣніи. Меж-

доусобія и смуты, какъ то бывало часто, мѣшали соединенію кельтовъ. Гильдасъ, въ духѣ еврейскаго пророка и его выраженіями, обличаетъ короля-тирана и дурныхъ священниковъ. Онъ упоминаетъ о Константинѣ Дамноніи, клятвоприступникѣ и убійцѣ; Авреліи Конанѣ, котораго родственники и братья были умерщвлены въ юности, о Вортипорѣ, правителѣ демеціанъ (жителей южнаго Валлиса); о Кунигласѣ, возбудившемъ междоусобную войну; о Маглокунѣ (Maglocune), «драконѣ острова», величайшемъ, но не лучшимъ изъ правителей, сражавшихся противъ короля, препочитавшемъ гимны и сатиры поэтовъ «хваленіямъ Господу, воспѣваемымъ солдатами Христа»; этотъ король убилъ свою жену и сына своего брата, чтобы жениться на вдовѣ убитаго. Онъ называетъ этихъ лицъ «пятью борзыми конями, безумными спутниками Фараона» и предвѣщаетъ возмездіе.

Патріотъ съ горечью резюмируетъ положеніе такъ: Ослушаніе и подчиненіе (римское завоеваніе). Возстаніе, второе подчиненіе и рабство (вторичное завоеваніе послѣ возстанія Боадицеи). Христіанство, гоненіе, святые мученики, различныя ереси (распространеніе новой вѣры, девять лѣтъ гоненія Діоклетіана, мученичество Св. Албана изъ Верулама и Св. Аарона и Св. Юлія изъ Карлеона, ересь Арія). Тираны, два враждебные народа - опустошители (узурпація Клемента Максима и вторженія пиктовъ и скотовъ). Первое опустошеніе и защита (помощь Θеодосія). Второе опустошеніе и возмедіе (помощь Стилихона). Третье опустошеніе и голодъ, письма къ Аэцію (въ первой половинѣ пятаго столѣтія). Побѣды и преступленія, слава и знаменитая чума (побѣда городовъ, междоусобныя смуты, паническая вѣсть о завоеваніи острова, чума 445 г.). Совѣщанія въ странѣ, еще болѣе жестокіе враги, чѣмъ прежніе, разрушеніе городовъ (призваніе саксовъ противъ пиктовъ и скотовъ, распря съ новыми союзниками, захватъ прибережья и разрушеніе многихъ городовъ, окруженныхъ стѣнами). Уцѣлевшіе остатки населенія и наконецъ миръ (соединеніе лучшихъ романизированныхъ британцевъ подъ властью Амвросія и миръ, послѣдовавшій послѣ побѣды при Mons Badonicus)». Вотъ текстъ, который приходится комментировать историку этого періода.

Легенды объ Артурѣ относятся къ этому періоду, къ концу пятаго столѣтія, періоду сравнительной безопасности въ опредѣленныхъ границахъ отъ внѣшнихъ враговъ и попытки организаціи, подтачиваемой семейными раздорами, безразсудной гордостью и преступленіемъ.

Состояніе Британіи во время завоеванія англами.

Новопришельцы получили прекрасное наслѣдство,—самую плодородную и цивилизованную часть Британіи.

Они пришли изъ страны, заросшей высокимъ лѣсомъ и густою порослью до самыхъ береговъ рѣкъ. Рѣки служили имъ большими

дорогами, опушки прогалины-оазисами; безконечное лѣсное пространство прерывалось обширными степями, непроходимыми болотами и мелководными озерами. Страна же, въ которую они пришли, была расчищена, осушена и воздѣлана. Здѣсь были обширные заливные луга, прекрасныя пастбища по холмамъ, стада скота и овецъ разныхъ породъ, огороды, сады, виноградники возлѣ домовъ, хлѣбныя поля, занимавшія значительное пространство и производившія зерна больше, чѣмъ его могъ потребить островъ. Воздѣланная земля была тщательно обработана, преимущественно по римскому способу — по трехпольной системѣ усовершенствованными орудіями, и съ инвентаремъ римскаго сельскаго хозяйства—плугами съ желѣзными сошниками, желѣзными кирками и заступами и желѣзными лопатами. Въ этой странѣ были желѣзные заводы, оловянные и свинцовые рудники, ломка извѣсти, каменоломни, горшечные заводы, печи для обжиганія кирпича и черепицы, стеклянные заводы и рыболовство. Здѣсь было болѣе тридцати городовъ, обнесенныхъ стѣнами, много лагерей и военныхъ стоянокъ; всѣ они были соединены прекрасными, хорошо выровненными, мощенными дорогами, по которымъ круглый годъ могли двигаться люди, лошади и даже колесные экипажи. На рѣкахъ сооружены были мосты, а бродъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ представлялъ опасность, обносился частоколомъ или выкладывался камнемъ. Возлѣ каждаго города находились обработанныя земли; а вдоль дорогъ на разстояніи нѣсколькихъ миль стояли простыя, построенныя по итальянскому образцу виллы, при каждой изъ которыхъ находились ферма и поля, обрабатываемыя рабами или крѣпостными. Порты и гавани были безопасны и удобны для кораблей того времени; постоянные рейсы этихъ кораблей въ теченіе лѣта регулярно доставляли различные чужеземные предметы роскоши и удобства въ обмѣнъ на британскія произведенія: зерно, металы, уголь, рабовъ, собакъ и лошадей. Для тевтоновъ эта страна была золотымъ дномъ.

Завоеванная земля передѣлялась по традиціи по участкамъ. Опредѣленное пространство земли дѣлилось на участки по числу *vills* или помѣстій (по всѣмъ вѣроятіямъ кругомъ города находилось нѣсколько участковъ); эти участки раздавались на удачу по какому-то обычному принятому среди завоевателей способу: предводители ново-пришельцевъ брали себѣ по нѣскольку участковъ, а маленькая группа братьевъ или родичей считалпсь за одного владѣльца—allottee. Римская *villa* Кальпурнія или Северіана стала *ham* или *tun* Биллингсовъ или Уэллингсовъ. Новые владѣльцы строили деревянные дома, по образцу домовъ континента; каждая группа строеній —домъ, хижина, хлѣвъ, рига, амбаръ, сѣновалъ, конюшня, сараи, — входившихъ въ составъ усадьбы дворянина или фермера (yeoman), помѣщалась за оградой, окружалась заборомъ или земляной и каменной

стѣной. Домъ съ деревянной крышей, колокольня, большія ворота, ровъ вокругъ забора, — таковы были признаки усадьбы дворянина. Въ двухъ или трехъ усадьбахъ (homestead) англійскихъ фермеровъ и дворянъ, въ нѣсколькихъ десяткахъ или дюжинахъ хижинъ изъ вѣтвей съ тростниковой крышей для британскихъ рабовъ и крѣпостныхъ сосредоточивались теперь инвентарь и трудъ для обработки земли, принадлежавшіе прежде виллѣ римскаго владѣльца. Строенія римской виллы, если они не были сожжены при набѣгахъ предшествующаго періода, предоставлялись обыкновенно разрушенію или разрушались ради матеріала, хотя въ рѣдкихъ случаяхъ они служили также и жилищемъ для какого-либо саксонскаго поселенца. Рабы и крѣпостные продолжали, повидимому, жить и работать также какъ и у прежнихъ хозяевъ; новые хозяева занимались вѣроятно своимъ хозяйствомъ съ большею любовью чѣмъ римскіе провинціалы.

Изъ рукописныхъ описаній и замѣтокъ мы узнаемъ о ежегодномъ обиходѣ работы: четыре большихъ праздника (лѣтній праздникъ Іоанна Крестителя 22 іюня; Пасха весной, «когда въ городѣ наступалъ великій постъ;» осенью, когда наступала жажда и собирались зимніе запасы; зимніе Рождество и Крещеніе, Twelfth Night—Двѣнадцатая ночь). Гораздо труднѣе опредѣлить, существовали ли какіе-либо особые обычаи англійскаго, британскаго или до—британскаго происхожденія, связанные съ этими праздниками. Англичане рано заимствовали календарь, который римляне съ свою очередь заимствовали съ востока; недѣля изъ семи дней замѣнила болѣе старую и примитивную мѣру времени изъ пяти дней, долго еще существовавшую въ Скандинавіи.

Запашка, вскапываніе, посѣвъ, рубка лѣса, появленіе на свѣтъ ягнятъ занимало первую часть года, затѣмъ слѣдовали сѣнокосъ, жатва, стрижка овецъ; уходъ за скотомъ, выкармливаніе свиней, охота, псовая и соколиная, убой скота, соленіе мяса, варка пива занимали конецъ года. Въ суровую холодную погоду кузнецъ, плотникъ и мельники трудились надъ зерномъ. Въ срединѣ лѣта, весной и осенью происходили судъ и собранія. Войны, путешествія, ярмарки бывали только лѣтомъ.

Древняя англійская система земледѣлія.

Надѣлъ пахотной земли для свободнаго владѣнія составлялъ hïde—семейный участокъ (higio — мѣра въ 180 акровъ римскій трехпольной системы и въ 160 акровъ англійской двухпольной системы). По первой системѣ, одно поле оставлялось подъ паромъ, другое засѣвалось озимымъ хлѣбомъ, третье—яровымъ (Walter of Henley, c. iii). По двухпольной системѣ—одно оставлялось подъ паромъ, другое засѣвалось. Участокъ—*hide* требовалъ для обработки полной запряжки восьми воловъ; онъ обыкновенно дѣлится на четыре *yardlands*, каждый изъ которыхъ для своей обработки требовалъ пару воловъ, что составляло средній обиходъ крестьянскаго хозяйства; *yardland* дѣ-

лился на два *oxgangs* [1]) или на четыре *fardels*. (*Fardel* примыкалъ часто къ крестьянской хижинѣ и воздѣлывался, вѣроятно, киркой). Вся пахотная земля деревни состояла изъ двухъ или трехъ *общественныхъ полей*, которыя подраздѣлялись межами на полосы, въ *furlong* [2]) каждая (40 першей (perches) на 1); четыре furlongs составляли акръ (40 першей на 4). Такой акръ (перши равнялась $16^1/_2$ футамъ) составлялъ 4,840 квадратныхъ ярдовъ; но какъ перша, такъ и акръ имѣли различную величину въ разныхъ мѣстностяхъ. Плугъ обходилъ четыре «круга» или четыре «круга» съ половиною по каждой першѣ, борозда имѣла одинадцать дюймовъ въ ширину. Яровое поле подъ паромъ вспахивалось два или три раза. Первая вспашка около трехъ родъ (*rods*) съ половиной, вторая — акръ въ день. Эти вычисленія относятся къ тринадцатому столѣтію, но съ малыми измѣненіями въ мѣрахъ ихъ можно примѣнить и къ древнему англійскому земледѣлію. Въ Furlong'ѣ или въ полъ-акрѣ (двойной furlong) къ каждомъ полѣ давались полосы различнымъ земледѣльцамъ различныхъ деревень, во многихъ мѣстахъ полосы эти раздавались по жребію. Воздѣланная земля послѣ Lammas [3]) (1-го августа) представлялась для пастбища по окончаніи жатвы. Паровое поле упаважи-валось и иногда удобрялось мергелемъ. Обширные *общественные луга*, на которыхъ косили сѣно, какъ и *общественныя пастбища* предоставлялись въ пользованіе, сообразно мѣстнымъ обычаямъ, всѣмъ земледѣльцамъ деревни; имъ же представлялись и принадлежащіе деревнѣ лѣса для строеваго лѣса и кормленія свиней.

Воздѣлывались главнымъ образомъ: рожь, овесъ, ячмень, пшеница, бобы, горохъ. Въ огородѣ коттежда или дома росли травы, порей, капуста, заводились ульи, медъ употреблялся для приготовленія напитка (меда) и приправовъ. Послѣ введенія христіанства стали употреблять въ пищу рѣчную рыбу и рыбу изъ прудовъ, въ особенности угрей; морская рыба была мало въ употребленіи, несчитая селедокъ и крупной рыбы, какъ морская свинья, осетръ и китъ. Рыбу варили и ѣли съ соусомъ, приготовленнымъ изъ вина, уксуса и травъ. Мясо жарили или варили и ѣли подъ соусомъ; римскіе горшки и металлическіе котелки ввозились въ большомъ количествѣ тевтонскими племенами на окраины имперіи и были извѣстны англамъ еще до завоеванія ими Британіи. Хлѣбъ въ видѣ круглыхъ плоскихъ булокъ приготовляли изъ различнаго зерна, которое рабыни кололи на ручныхъ мельницахъ. Пекарь былъ важный особой въ домѣ джентельмена. Въ каждомъ большомъ хозяйствѣ приготовлялись пиво раз-

---

[1]) *Oxgang*—часть земли, которую обработывалъ въ одно лѣто волъ, около 15 акровъ. *Прим. пер.*

[2]) *Furlong*—восьмая часть мили.

[3]) *rod*—$5^1/_2$ ярдовъ или $16^1/_2$ футовъ. *Прим. пер.*

личнаго вкуса и крѣпости и медъ. Много употреблялось лѣтомъ сыворотки, а зимою свѣжаго молока. Вино привозилось изъ Галліи, и кое-гдѣ вѣроятно выдѣлывалось и въ Англіи; но оно составляло рѣдкій и дорогой предметъ роскоши.

Общественные классы въ древней англійской деревнѣ были:

	Сквайръ. Тегнъ или землевладѣлецъ.	Живетъ на своей собственной землѣ, несетъ обязанности относительно короля, къ *comitatus* котораго онъ принадлежалъ. *Благородной крови или состоянія.*	Общественные классы.
a. Дворянство (gentry).	Священникъ (parson).	Живетъ на землѣ, которую *thane* (назначившій его патронъ) подарилъ деревенской церкви; онъ получаетъ и завѣдуетъ десятиной и другими церковными повинностями. *Благороднаго состоянія.*	
b. Фермеръ.	Yeoman или Geneat (Фермеръ-арендаторъ).	Свободный человѣкъ, обработывалъ свой участокъ земли или землю лорда; въ послѣднемъ случаѣ отрабатывалъ за землю или платилъ ренту землевладѣльцу.	
c. Крестьяне.	Cotsetla (крестьянинъ).	Работникъ, получавшій пять акровъ вмѣсто рабочей платы. *Несвободенъ.*	
	Gebur (оброчный).	Оброчный, ие имѣвшій своего ховяйства и исполнявшій тяжелую барщину. *Несвободенъ.*	
d. Работники.	Пчеловоды, сыровары, надсмотрщики ригъ, свинопасы, погонщики воловъ, пастухи, сторожа, лѣсники, надсмотрщики сѣна.	*Крѣпостные.* Имъ платили частью пищей и платьемъ, частью, какъ это бывало съ сельскими властями, случайными доходами и повинностями.	
e. Деренскіе торговцы и ремесленники.	Рыбакъ, охотникъ (лѣсной сторожъ), птичникъ, ремесленники (кузнецы, плотники, кожевники), торговые разносчики, горшечники и другіе разъѣзжавшіе купцы.	*Свободные люди*—они или поступали на службу, или занимались торговлей или ремесломъ. Разъѣзжавшіе „купцы“, конечно, иной разъ имѣли дома въ городахъ.	

Весьма вѣроятно, что *thegen* и *geneat* и деревенскіе ремесленники, за исключеніемъ кузнеца, были главнымъ образомъ англійскаго происхожденія съ той примѣсью, которая обусловливалась браками и сожительствами съ британскими жеищинами; другіе классы почти на всемъ островѣ были главнымъ образомъ кельтскаго или до-кельтскаго происхожденія.

Насколько можно судить по добытымъ свѣдѣніямъ такое дѣленіе классовъ англійской деревни существовало до позднѣйшаго времени, конечно съ слабыми видоизмѣненіями въ юридическихъ правахъ. Такъ въ раннюю эпоху служанки и работницы въ домѣ фермера или джентельмена были полными *рабынями*, онѣ покупались и продавались какъ скотъ; въ то же время работники, хотя и были *крѣпостными*, но находились подъ охраной мѣстнаго «обычнаго права», ограничивавшаго права лорда надъ ними; они жили въ своихъ хижинахъ, а не въ домѣ своихъ хозяевъ.

Мало имѣется прямыхъ доказательствъ въ пользу прежней общепринятой нѣмецкой теоріи о томъ, что свободныя сельскія общины существовали повсемѣстно у англовъ. Англійскій завоеватель нашелъ помѣстья, воздѣлываемыя британскими *servi, liberti* и *coloni* по извѣстнымъ обычаямъ и установленіямъ въ пользу *dominus* и *patronus*. Онъ занялъ мѣсто римскаго патрона и прежняго кельтскаго предводителя, требовалъ исполненія прежней повинности и велъ хозяйство болѣе или менѣе по ихъ образцу. Онъ предсѣдательствовалъ на деревенскомъ вѣчѣ (village council), созывавшемся для обсужденія вопросовъ о неправильной торговлѣ, общественной обработкѣ земли и пастбищъ и обо всемъ, касавшемся всѣхъ хозяевъ, или, если самъ былъ въ отсутствіи или на службѣ короля въ мирное и военное время, посылалъ своего управляющаго на вѣчѣ, (muster или folkmoot). Нѣкоторыя деревни принадлежали королю; крупному тегну (или въ христіанскія времена *монастырю* или епископу) могли принадлежать также многія деревни. Въ такихъ случаяхъ главный замокъ (hall) занимался только на время, когда по тогдашнему обычаю король съ дружиной и совѣтомъ путешествовалъ по своимъ владѣніямъ или когда лордъ являлся за полученіемъ повинностей или чтобы творить судъ.

Земледѣльческіе классы: свободные и несвободные у древнихъ англовъ.

Для лучшаго выясненія положенія земледѣльческихъ классовъ мы приведемъ нѣсколько извлеченій. Первое извлеченіе заимствовано изъ стараго уложенія законовъ десятаго вѣка, но поясняетъ въ значительной степени раннія условія. Оно начинается такъ:

«О джентельменѣ или танѣ (тегнѣ). Его обязанность—быть достойнымъ привиллегіи его хартіи (передавать или распредѣлять землю согласно съ его хартіей). Онъ обязанъ выполнять свои обязанности относительно военной службы, защиты укрѣпленій и постройки мостовъ на его землѣ. Также многія повинности (rent-duty) возникаютъ на многихъ земляхъ въ силу повелѣній короля: содержаніе ограды по волѣ короля, снаряженіе на войну, охрана моря, снаряженіе отряда тѣлохранителей, военнаго отряда, раздача милостыни (alms-fee), церковныя повинности и многія другія».

«Повинности *geneat's* или крестьянина различны, соотвѣтственно обычаю данной мѣстности. На нѣкоторыхъ земляхъ онъ уплачивалъ

поземельную подать (land-gavel) и плату за пастбище (grass-hog) ежегодно, также ѣздилъ, возилъ и носилъ тяжести, работалъ и содержалъ своего лорда, жалъ и косилъ, рубилъ колья для изгороди (deer-fence), исправлялъ заборы, строилъ и дѣлалъ ограды, возилъ продукты въ городъ, платилъ церковную повинность и налогъ на бѣдныхъ (alms-fee), былъ сторожемъ, стерегъ лошадей, исполнялъ всѣ порученія и разъѣзжалъ, куда бы его ни послали».

«Повинности *cottar's*, (половника) соотвѣтственно обычаю мѣстности. На нѣкоторыхъ земляхъ онъ обязанъ былъ въ теченіе круглаго года всѣ понедѣльники работать на своего лорда, да во время жатвы работать на него три дня каждую недѣлю; на иныхъ земляхъ ему приходилось работать на него въ теченіи августа мѣсяца; онъ долженъ былъ ежедневно сжать акръ овса, получая свой снопъ, который давалъ ему староста лорда. Онъ не обязанъ былъ платить поземельной подати (land-gavel). Онъ могъ имѣть пять акровъ—даже болѣе, если то было въ обычаѣ мѣстности—меньшее же количество акровъ для него было слишкомъ мало, такъ какъ трудъ его часто требуется. Онъ платитъ подать подворную съ очага (hearth-penny) на святой четвергъ, какъ обязанъ это дѣлать всякій свободный человѣкъ; онъ долженъ охранять владѣнія или доменъ (domesne) своего лорда, если это требуется, охранять моря и ограду короля, если требуется, и уплачивать повинность церкви въ день Св. Мартина (11 ноября).

«Повинности *gebur's* или мелкаго фермера различны; въ однихъ мѣстахъ онѣ обременительны, въ другихъ сносны или даже легки. На нѣкоторыхъ земляхъ онъ долженъ исполнять два дня въ недѣлю ту работу, какую велятъ; въ первый день каждой недѣли въ теченіи всего года долженъ исполнять ту работу, какую ему укажутъ; во время жатвы онъ долженъ работать три дня въ недѣлю и три дня въ праздникъ Свѣчей [1]) и на Пасху. Если его лошадью пользовались (для надобностей лорда), онъ не обязанъ работать пока у него нѣтъ лошади. Онъ долженъ уплачивать въ день св. Михаила (29 сентября) десять пенсовъ ренты и въ день св. Мартина двадцать три пенса, бушель ячменя и двѣ курицы; на Пасху—молодую овцу или два пенса и отъ праздника св. Мартина до Пасхи ночевать въ оградѣ лорда столько разъ, сколько потребуется.

Отъ начала вспашки земли до св. Мартина онъ обязанъ каждую недѣлю вспахать одинъ акръ и обмолотить зерно самъ на ригѣ лорда; кромѣ того вспахать три акра подъ хлѣбъ и два подъ траву; если ему нужно больше травы, онъ долженъ взять столько, столько ему

---

1) Candlemass—праздникъ въ честь Божіей Матери, праздновался прежде 2 февраля; названъ такъ по обычаю зажигать много свѣчей во время процессіи или обычаю въ этотъ день святить свѣчи на весь годъ.

Прим. перев.

позволятъ. Его повинность — пашни обязываетъ его вспахать два акра и засѣять изъ своей риги и уплатить пенни съ очага (hearth penny); онъ долженъ кормить одну собаку пополамъ съ своимъ собратомъ, и каждый мелкій фермеръ долженъ уплатить шесть хлѣбовъ свинопасу, который гоняетъ его стадо на пастбище. На той же землѣ, гдѣ существуютъ эти обычаи, мелкій фермеръ долженъ получить для обзаведенія два вола, одну корову и шесть овецъ и семь акровъ засѣянной земли на своемъ участкѣ. Черезъ годъ онъ обязанъ уплачивать всѣ возложенныя на него повинности. Ему выдаются орудія для его труда и утварь для его дома; послѣ его смерти все, что онъ оставитъ, переходитъ къ его лорду... На нѣкоторыхъ земляхъ мелкій фермеръ обязанъ платить ренту съ меда, ренту съ мяса, и на иныхъ ренту съ эля. Какъ я упомянулъ выше поземельныя повинности различны и повинности, о которыхъ мы говоримъ не распространялись на весь народъ; но мы знакомимъ съ обычаями, насколько они намъ извѣстны. Если мы узнаемъ о лучшихъ обычаяхъ, мы охотно усвоимъ ихъ и удержимъ, согласно привычкамъ народа, среди котораго живемъ.

„He must teach laws to pleasure the people
That would not be willing to lose his renown [1])".

Существовали различныя мѣстныя повинности. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ существуютъ зимнія повинности (запасы, приносимые лорду зимою) повинности, на Пасхѣ и многія другія, которыя я не могу перечислить».

Авторъ сообщаетъ намъ также о денежныхъ повинностяхъ и о *liveries*, снабженіи пищей и платьемъ, о различныхъ классовъ *безземельныхъ рабочихъ* въ помѣстьяхъ (пчельникахъ, свинопасахъ, рабыняхъ, работникахъ, пастухахъ воловъ, коровъ и козъ, сыроварахъ, сторожахъ риги—всѣхъ несвободныхъ), и о повинностяхъ и случайныхъ сборахъ на сторожа, мясника, сторожа сѣна. Эти послѣдніе избирались своими однодеревенцами хозяевами съ согласія лорда, чтобы ради общаго блага заботиться о деревнѣ, о ея пахатной землѣ и лѣсѣ. Какъ общее правило, они были несвободные, хотя въ позднѣйшее время содержатель вѣсовъ (pindar или pound keeper), лѣсникъ (parker) и мельникъ (когда водяныя мельницы смѣнили ручныя) были свободны и часто принадлежали къ классу крупныхъ фермеровъ.

Знаменитый старинный англійскій діалогъ (Old English Dialogue), начала одиннадцатаго столѣтія даетъ ясное представленіе о различныхъ работникахъ—свободныхъ и несвободныхъ.

Пахарь говоритъ: «Я много работаю; я встаю на разсвѣтѣ, вы-

[1]) Кто не хочетъ утратить свою славу, долженъ изучать законы, которые бы удовлетворяли народъ.

вожу воловъ въ поле, запрягаю ихъ для пашни. Въ самую жестокую зиму я не смѣю запаздывать дома, боясь гнѣва моего лорда; я запрягаю воловъ, укрѣпляю сошникъ; ежедневно я долженъ вспахать акръ и болѣе. У меня мальчикъ погоняетъ воловъ желѣзнымъ остріемъ, онъ хрипнетъ отъ холода и крика. У меня еще есть работа. Я наполняю сѣномъ ясли воловъ, я пою воловъ, мѣняю имъ подстилку. Чрезвычайно тяжелъ мой трудъ, ибо я несвободенъ».

Пастухъ говорилъ: «Съ самаго ранняго утра я выгоняю моихъ овецъ на пастбище и сторожу ихъ съ моими собаками и въ жаръ, и въ холодъ, чтобы волки не разорвали ихъ; я веду ихъ обратно въ ихъ хлѣва, дою ихъ два раза въ день; чищу ихъ хлѣва, я приготовляю сыръ и масло, и вѣренъ моему лорду».

Погонщикъ воловъ говоритъ: «Когда пахарь распряжетъ воловъ, я гоню ихъ на пастбище и всю ночь стерегу ихъ отъ воровъ; а затѣмъ рано утромъ, хорошо накормленныхъ и напоенныхъ, отвожу ихъ пахарю».

Королевскій охотникъ говоритъ: «Я приготовляю себѣ сѣти и разставляю ихъ въ подходящихъ мѣстахъ; я выпускаю моихъ собакъ выслѣживать дичь, пока дичь, ничего не подозрѣвая, устремится къ сѣти,— тогда я ловлю ее, и убиваю въ сѣти. Съ гончими собаками я охочусь за дичью. Я ловлю оленей и кабановъ, ланей и козулей и иногда зайцевъ. Я отдаю королю все, что добуду, потому что я его охотникъ. Онъ хорошо одѣваетъ меня и кормитъ и иной разъ жалуетъ мнѣ коня или запястіе, чтобы я веселѣе занимался моимъ ремесломъ.

Рыбакъ (свободный человѣкъ), который зарабатываетъ и съѣстные припасы, и платье, и деньги своимъ ремесломъ, говоритъ: «Я плыву на моей лодкѣ и закидываю сѣти въ рѣку; я закидываю удочку и приманки, и то, что поймается, беру себѣ. Я выбрасываю нечистую рыбу и беру себѣ для ѣды чистую. Горожане покупаютъ мою рыбу. Я не могу наловить столько, сколько я могъ бы продать. Ловятся угри и щука, уклейки и налимы и форель». Иногда онъ ловитъ рыбу въ морѣ, «но рѣдко, для меня далеко въ морѣ». Онъ ловитъ тамъ «сельдь и семгу, морскихъ свиней и осетровъ, устрицъ и краббовъ, ракушекъ, моллюсковъ, морскія раковины—палтусовъ, камбалу, омаровъ и тому подобное... Опасно ловить кита. Мнѣ пріятнѣе плыть по рѣкѣ въ моей лодкѣ, чѣмъ плыть со многими лодками на ловлю кита».

Птицеловъ свидѣтельствуетъ: «Я обманываю птицъ многими способами — сѣтями, западнями, свистомъ, соколомъ, ловушками». Его соколы «кормятъ себя и меня зимою, а постомъ я ихъ выпускаю въ лѣсъ; во время жатвы я ловлю молодыхъ птицъ и приручаю ихъ. Многіе кормятъ ручныхъ птицъ все лѣто, чтобы онѣ были всегда на готовѣ».

Изъ ремесленниковъ упоминаются кузнецы, золотыхъ дѣлъ мастера, серебрянныхъ дѣлъ мастера и мѣдники, дровяники, сапожники, «которые выдѣлывали всевозможную обувь изъ кожъ и шкуръ, кожаные штаны и бутылки, ремни для уздечекъ, лошадиную упряжь, фляжки, кожаные чаны, стремена, хомуты».

Купецъ говоритъ: «Я плыву на палубѣ корабля съ моими товарами,— ѣду за море, продаю мои товары и покупаю драгоцѣнныя вещи, которыя не производятся въ этой странѣ и привожу сюда къ вамъ—парчу и шелкъ, драгоцѣнныя камни и золото, различныя одежды и окрашенныя матеріи, вино и масло, слоновую кость и бронзу, мѣдь, жесть, сѣру и стекло и тому подобное.

Я желаю продать здѣсь дороже, чѣмъ покупаю тамъ, чтобы имѣть нѣкоторую прибыль, на которую я могъ бы содержать себя, мою жену и моихъ сыновей».

Раннія хроники, какъ валлійскія, такъ и англійскія не даютъ намъ много свѣдѣній о поселеніи. Записи англійской хроники, относящіяся къ южному берегу, совершенно не историческія; многія названія, какъ Уитгаръ (Wihtgar), Стэфъ, Цисса, Портъ—совершенно вымышленныя; въ то же Цердикъ и Гивайзингъ (Giwising), какъ послѣдніе члены Вессекскаго королевскаго дома, носятъ валлійскія имена. Занятіе и укрѣпленіе Бамборо, сначала изгородью, а потомъ стѣною, Идою-а-Брендингъ и правленіе Эллы Иффингъ далѣе на югѣ историческіе факты—какъ и всѣ записи послѣ 544 г.

Другіе англійскіе авторитетные писатели помогаютъ намъ дополнить краткія сообщенія хроникъ относительно именъ первыхъ поселенцевъ; и мы узнаемъ, что первые короли восточныхъ саксонцевъ, мерсійцевъ, линдемановъ, происходили изъ королевскихъ клановъ и вели свое происхожденіе отъ Одина (Woden) [1]). Восточно-англійскіе и западно-саксонскіе королевскія дома были родственны, какъ Иффинги Нортумбріи съ позднѣйшимъ королевскимъ домомъ Гвиккасъ (Gwiccas). Имена указываютъ на то, что кентскій домъ состоялъ въ тѣсномъ родствѣ съ королевскимъ домомъ готовъ. Мы знаемъ, что земля была заселена, когда кланы были могущественны, потому что новыя деревни носятъ *названія кланов*, а не *личныя названія*. Мы знаемъ, что поселенцы селились по устьямъ рѣкъ и по линіямъ открытой страны. Такъ м-г Алленъ указываетъ, что въ Суссексѣ каждый изгибъ рѣки былъ отдѣльно занятъ группою саксовъ. Изучая названія мѣстъ и руководствуясь топографическими свѣдѣніями, мы можемъ почти прослѣдить линіи, по которымъ шло завоеваніе. Обширныя пространства болотъ и лѣсовъ, составлявшія преграды для новыхъ поселен-

---

[1]) Woden—богъ англо-саксовъ, считался соотвѣтствующимъ Меркурію древнихъ грековъ и римлянъ. Его иной разъ неправильно отождествляютъ съ Одиномъ—богомъ древне-германцевъ. *Прим. пер.*

цевъ, долго существовали. Такимъ образовъ восточные англы имѣли географическія границы изъ болотъ, рвовъ и рѣкъ. Южные саксы отдѣлялись отъ Кента порослью (Weald) и громаднымъ лѣсомъ, занимавшимъ низменность между возвышенностями (Downs) отъ южнаго острова (Southry)—то былъ самый отдаленный аванпостъ саксовъ, поселившихся на Темзѣ.

Второй періодъ завоеванія.

Названія мѣстностей помогаютъ намъ снова выяснить второй періодъ завоеванія, когда, послѣ соединенія британцевъ при Mons Badonicus и полувѣковаго *мира*, какъ называетъ это время Гильдасъ, завоеваніе возобновилось,—новые поселенцы побережья двигались на западъ по долинамъ и рѣкамъ, пока движеніе завоевателей не было остановлено хребтомъ холмовъ и фіордами Северна и Ди. Отъ 550 г., когда палъ Сарумъ, до 571 г., когда они завоевали Чильтернсъ и страну между средней Темзой и верхней Оозой послѣ битвы при Бедфордѣ и до 577 г., когда послѣ Диргэма они пріобрѣли три древнихъ города Глочестеръ, Сиренчестеръ и Батъ и проникли въ долину Северна и до Западнаго канала, западные саксы сплотились въ колоніи Дорсетасъ, Уильтсетасъ, Сомерсетасъ, Магесетасъ, Девонсетасъ; мѣстомъ собранія ихъ вѣча служилъ Доунтонъ, какъ для Кента Пененденъ. Южные англы достигли Ирландскаго пролива только въ 613 г. послѣ битвы при Честерѣ; валлійцы были сильнѣе, лучше организованы и подъ лучшимъ предводительствомъ, страна ихъ была менѣе проходима. Средніе англы долго не могли завладѣть средней равниной, и Марчъ (епархія Личфильдъ) долго была ихъ границей, Тамкуортсъ очевидно служилъ однимъ изъ политическихъ центровъ. Суровыя возвышенности къ сѣверу отъ Рибль и за Пикомъ и части лѣса и болотъ, которыми средняя полоса отрѣзывалась отъ сѣвера, все еще были заняты валлійцами.

Девонъ и Корнваллисъ удерживали свои мѣстныя династіи. Къ сѣверу отъ Форта не было поселеній; британцы Форта были сильны у Стирлинга, а за ними расположены были племена пиктовъ. Въ долинѣ Кляйда и въ Озерномъ округѣ (Lake District) находилось сильное валлійское королевство, а за нимъ по морю грабили шайки ирландскихъ пиратовъ, кельтовъ и пиктовъ.

Слѣдующая таблица можетъ указать на приблизительное направленіе завоеванія:

I. Юты [(Gestas) изъ Ютландіи и округа Гётеборгъ].	Восточный Кентъ. Западный Кентъ. Островъ Уайтъ. Меонъ-уарасъ (Meon-warac in Hants).
II. Англы (съ береговъ Шлезвига и Гольштейна).	Восточные англы. Линдисфарасъ. Гэйнасъ (Gainas). Гирвасъ (Gyrwas) Сѣв. и Южн.

II. Англы (съ береговъ Шлезвига и Гольштейна).	Средніе англы.	Пексетасъ. Марчмены. Чальтернъ-сетасъ.
	Сѣверные англы изъ Дейры.	Гвиккасъ (королевскій домъ).
	Сѣверные англы изъ Бернпціи.	Соутумбріанцы.
III. Саксонцы (съ нижняго Везера и Эльбы).	Восточные саксы. Южные саксы.	Средніе саксы. Сюррей.
	Западные саксы.	Дорсетасъ. Уильтсетасъ. Соммерсетасъ. Мэгсесетасъ.
	Саксы изъ Булоня и Байё.	Гвиккасъ (584). Геканасъ.
IV. Фризы (съ нижняго Эмса и Рейна).	Небольшія колоніи на Фортѣ и у Дэмфрайсъ.	

Насколько сохранилось британское населеніе.

Что именно внесло англійское завоеваніе, насколько туземцы были искоренены и вытѣснены на западѣ отъ 2°, можно составить себѣ понятіе только на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ. Несомнѣнно то, что къ востоку отъ этой линіи сохранился большой процентъ кельтской и, вѣроятно, до-кельтской крови, и факты, доказывающіе, что англійскій языкъ въ значительной степени былъ «языкомъ народа, на которомъ говорилъ другой народъ» могутъ служить лишь подтвержденіемъ, а отнюдь не опроверженіемъ этого положенія. Женщины всѣхъ племенъ и рабы были, конечно, цѣнны для англійскихъ поселенцевъ, хотя во время случайнаго набѣга ихъ и убивали; полагаемъ, что ихъ щадили во время втораго завоеванія, хотя многихъ вывозили на континентъ на рынки рабовъ. На значительно романизированномъ востокѣ англійскій языкъ, вѣроятно, вытѣснилъ латинскую рѣчь. На восточномъ побережьи больше слѣдовъ чисто тевтонскаго вліянія, чѣмъ во внутренней Британіи, хотя слѣдуетъ принять во вниманіе, что послѣдовательныя тевтонскія переселенія, датское и фламандское, усиливали конечно тевтонское вліяніе. Весьма вѣроятно, что большая часть высшихъ классовъ римскаго или британскаго происхожденія были изгнаны или убиты во всей странѣ, но въ настоящее время кажется почти достовѣрнымъ, что земля продолжала безпрерывно обрабатываться тѣмъ же способнымъ и народомъ одной и той же національности со временъ римлянъ до эпохи Генриха VIII. Въ кентскомъ преданіи о завоеваніи, извлеченномъ изъ валлійскихъ источниковъ, упоминается о томъ, что завоеватели привели съ собою женщинъ, какъ привели и свой скотъ; тамъ же говорится о томъ, что та часть земли, откуда поселенцы двинулись въ Британію, долго оставалась невоздѣланной и безъ пастбищъ. Достовѣрныя хро-

ники сообщаютъ, что позднѣе норманы (Northmen) увели скотъ и женщинъ съ британскихъ острововъ въ Ирландію и этимъ путемъ возникли Гренландія и Уинлэндъ (Wineland). Западныя саксонскія семьи имѣли, повидимому, тѣсную связь съ валлійскими семьями. Восточные англійскіе и сѣверные англійскіе короли приняли титулы римскихъ сановниковъ, которыхъ они смѣстили и (какъ указываетъ Dr. Rhys) наименованіе *Bretwalda* слѣдуетъ считать переводомъ на англійскій языкъ слова *Comes* или *Dux Britanniarum*. Преобладаніе множества народныхъ обычаевъ, праздниковъ и примѣтъ, вѣрованій и преданій не тевтонскаго происхожденія можетъ служить доказательствомъ того, что туземное населеніе сохранилось и вслѣдствіе этого образовалась смѣсь народностей. Этельвардъ (Ethelward) указываетъ въ хроникѣ, что когда юты завлздѣли островомъ Уайтъ, они умертвили тамъ мало народа. То, что такіе города, какъ Андерида, Сильчестеръ, Уриконіумъ были сожжены и разрушены, что Честеръ, Карлейль и Батъ лежали въ развалинахъ, не доказываетъ еще, что съ пришествіемъ англовъ уничтожены были всякая промышленность и торговля, хотя количество найденныхъ монетъ и указываетъ на меньшее употребленіе металлическихъ денегъ, чѣмъ прежде, до восьмаго столѣтія и до возобновленія правильной торговли съ Галліей. Исчезновеніе валлійскаго языка къ востоку отъ 2°—легко объяснимо; это явленіе сходное съ ассимилированіемъ съ кельтами до-кельтскаго населенія Ирландіи и ассимилированіемъ позднѣйшихъ англичанъ съ кельтскимъ населеніямъ Ирландіи и Шотландіи. Въ Галліи крупные города, могущественная церковь и громадная масса населенія, говорящая на римскомъ языкѣ, принудили разбросанныхъ франкскихъ землевладѣльцевъ говорить на языкѣ побѣжденныхъ. Весьма вѣроятно, что когда появились англы, язычество еще сильно распространено было среди бѣднаго сельскаго люда; этимъ объясняется, почему въ Британіи найдено такъ мало остатковъ римскаго христіанства и почему порабощенное населеніе приспособилось къ своимъ языческимъ властителямъ, въ то время, когда различіе вѣры, за рѣдкими исключеніями, было серьезнымъ препятствіемъ для сближенія свободнаго язычника тевтона къ свободнымъ валлійскимъ христіанином. При изслѣдованіи характерныхъ физическихъ чертъ смѣшанныхъ населеній настоящаго времени слѣдуетъ принимать во вниманіе, что съ пятнадцатаго столѣтія происходило постоянное *переселеніе* кельтовъ изъ Валлиса, Ирландіи и Шотландіи въ Англію и что въ особенности значительно происходило это переселеніе въ городахъ и вблизи городовъ.

Мы имѣемъ мало свѣдѣній о количествѣ и еще менѣе о составѣ населенія въ пятомъ и шестомъ столѣтіяхъ. Мы узнаемъ, однакоже, что въ Суссексѣ насчитывалось 7.000 (8.400) и на островѣ Уайтъ

1.200 (1.440) домохозяйствъ въ день Св. Уильфрида (во второй половинѣ седьмаго столѣтія).

Нами собраны всѣ свѣдѣнія, какія только можно собрать, о законахъ и строѣ древней англіи, а именно:

I) Постановленія обычнаго права (custumals) и законы нѣкоторыхъ кентскихъ, западно-саксонскихъ и англійскихъ королей.

II) Хартіи и юридическіе документы отъ седьмаго до одинадцатаго вѣка, въ особености сводъ уложеній Вильгельма, извѣстный подъ именемъ *Domesday Book*.

III) Свѣдѣнія и намеки въ древнихъ англійскихъ хроникахъ и въ другихъ древнихъ англійскихъ произведеніяхъ въ прозѣ и стихахъ.

Древнія англійскія юридическія учрежденія.

Положеніе вещей, конечно, значительно измѣнилось впродолженіи шестисотъ лѣтъ того періода, который мы называемъ древне-англійскимъ и подраздѣляемъ на такія эпохи: a) эпоха языческаго завоеванія; b) эпоха существованія отдѣльныхъ племенныхъ государствъ, надъ которыми три крупныхъ королевства нортумбріанцевъ Іорка, людей Марча и западныхъ саксовъ послѣдовательно пользовались нѣкоторымъ верховенствомъ или гегемоніей; c) эпоха, когда датчане уничтожили королевства нортумбріанцевъ и людей Марча и когда западные саксонскіе короли и ихъ датскіе замѣстители стали единственными королями и владѣтелями всего острова.

Король и Comitatus.

Во время ранняго періода англійскимъ племенемъ (собраніемъ клана) управлялъ *folk-king*; одинъ изъ двухъ host-leaders — военноначальниковъ — альдерменовъ, предводительствовавшій флотомъ завоевателей, принялъ титулъ *короля—king* (происходя отъ крови Одина) и «королевскій шлемъ» (king's helm) сталъ наслѣдственнымъ въ его семьѣ. Его власть подчинялась обычаямъ народа; онъ не могъ посягать на наслѣдство или жизнь свободнаго человѣка безъ юридической процедуры, что давало право свободному человѣку защищать свое дѣло передъ лицомъ собратовъ—свободныхъ людей; онъ не могъ издать закона безъ обсужденія и согласія народа; онъ обыкновенно поступалъ по совѣту своихъ совѣтниковъ (*counsellors*) и мудрыхъ (*wise-men*), составлявшихъ его частный совѣтъ, *privy council*; онъ предсѣдательствовалъ на народномъ вѣчѣ (folk-moot) или племенномъ собраніи, собиравшемся правильно черезъ годовые промежутки; его окружали старшины (*elders*) народа, дворянство (gentry) и его чиновники. Онъ велъ наборъ (*levy* или *furd*) своего племени на войну; онъ является представителемъ своего племени во всѣхъ договорахъ и союзахъ; онъ обязанъ былъ обозрѣвать свое королевство и наблюдать затѣмъ, чтобы въ немъ царила справедливость и чтобы отмѣнялись дурные обычаи и притѣсненія.

Какъ всѣ джентльмены помѣстій, онъ окруженъ былъ въ своемъ замкѣ (*hall*) «комитатомъ» (comitatus)—извѣстнымъ контингентомъ товарищей (retainers)—храбрыхъ людей, которыхъ онъ кормилъ, снаб-

жалъ вооруженіемъ и лошадьми и одаривалъ подарками за ихъ безусловную вѣрность, послушаніе и защиту его особы. Эти люди подраздѣлялись на ветерановъ (*doughty*) и на новичковъ (*youth*); среди нихъ часто попадались *изгнанники*, *гости*, *заложники*, зачастую люди испытанной храбрости, молодые джентельмены-искатели приключеній, домогавшіеся службы у знаменитаго и великодушнаго короля. Беовульфъ и Геремодъ типы такихъ людей въ древней ноэзіи.

Въ хроникѣ мы находимъ классическій древне-англійскій разсказъ о вѣрности этихъ гезитовъ (gesiths) или товарищей короля. Король, западныхъ саксовъ Киневульфъ отправился съ небольшимъ отрядомъ на свиданіе къ своей любовницѣ въ Мертонѣ, былъ окруженъ большою шайкою враговъ подъ предводительствомъ Кинегарда и раненъ на смерть; послѣ его смерти таны отказались отъ удовлетворенія и пощады и сражались надъ трупомъ короля, пока не были перебиты всѣ, за исключеніемъ одного британско-валлійскаго заложника. Вѣсть объ этомъ несчастіи разнеслась, и альдерменъ Озрикъ и таны умершаго короля быстро съѣхались утромъ и двинулись въ Мертонъ, гдѣ все еще находился Кинегардъ; онъ предлагалъ имъ всѣ скопленныя имъ деньги и всю захваченную землю, если они признаютъ его королемъ, и указывалъ имъ при этомъ на то, что при немъ находятся ихъ родичи, которые никогда его не покинутъ. Они объявили ему, что никто изъ родичей не можетъ быть имъ дороже ихъ властелина, что они никогда не послѣдуютъ за убійцей ихъ властелина и предлагали своимъ родичамъ отпустить ихъ. Товарищи Кинегарда отвѣтили, что они поступятъ такъ же, какъ тѣ, которые пали съ королемъ. И они продолжали сражаться у воротъ до тѣхъ поръ, пока мстители ворвались и не убили короля и всѣхъ съ нимъ находившихся, кромѣ одного, внука Озрика, получившаго много ранъ. Поразителенъ упрекъ, съ которымъ въ пѣснѣ Беовульфъ обращается къ нѣкоторымъ гезитамъ, покинувшимъ своего властелина; въ пѣснѣ же мы узнаемъ и о наказаніи за такую измѣну.

«Теперь у васъ и вашихъ родичей не будетъ радостей отъ обладанія сокровищами и подарками, добытыми мечемъ, также радостей въ вашихъ семьяхъ; всѣ права на землю, семейныя узы и обязанности каждаго человѣка по отношенію къ вамъ должны быть расторгнуты: далеко узнаютъ князья о вашемъ бѣгствѣ, неслыханномъ и беззаконномъ дѣлѣ. Смерть приличнѣе для джентельмена, чѣмъ такая позориая жизнь» [1]).

---

[1]) Now the taking of treasure
And the joys of your homes
Iou and your kindred:
Iour family bonds
From every man of you:
Shall hear from afar
Deed beyond doom.
For a gentleman
andgifts of swords to you,
shall wholly fail
all right to your lands,
must be cast away idle
as soon as the princes
of this flight of yours
Death is comelier
than a shameful life.

Канутъ и Этельредъ стали страшны, благодаря увеличенію такой дружины и вступленію въ составъ послѣдней изгнанныхъ пиратовъ подъ предводительствомъ Терсителя Высокаго (Thurcytel the Tall); они образовали ядро силы *house-carles*, не встрѣчавшее себѣ равныхъ, пока наконецъ въ одинъ мрачный октябрскій вечеръ въ большой битвѣ послѣдній король, рожденный на островѣ древней Англіи, палъ у подножья своего знамени.

Короли избирались народомъ на племенномъ вѣчѣ; въ христіанскія времена ихъ помазывали на царство, въ языческія времена сажали на священный камень и поднимали на щитѣ. Избирался обыкновенно ближайшій родственникъ, достигшій совершеннолѣтія, братъ наслѣдовалъ брату, претенденты часто сражались за свои права. Женщины, какъ общее правило, не могли быть правящими королевами, хотя властолюбивыя женщины, какъ Этельфледа, властительница Лондона, иногда пользовались королевской властью.

Уитанъ. Развитіе королевской власти и параллельное развитіе королевскаго двора (*hired*) и его членовъ шло одновременно съ расширеніемъ англо саксонскаго королевства и продолжалось до возникновенія англійскаго королевства. Во время завоеванія король располагалъ казною—*hoard*; при немъ былъ казначей—*hoarder* и канцлеръ—*referendarius*; его особу окружали таны, смотрѣвшіе за его утварью, одеждой и лошадьми. Когда къ нимъ присоединились еще епископы, аббаты и альдермены, которые замѣнили племенныхъ королей у отдѣльныхъ народностей («folks») или въ ширахъ («shires»), король собиралъ тогда Уитенагемотъ (Witena-gem'ot) или собраніе мудрыхъ—Concilium Sapientium. Совѣщанія этого собранія имѣли громадное значеніе; всѣ важныя дѣла, обсужденіе законовъ представлялись на его обсужденія; но при рѣшеніяхъ по важнымъ вопросамъ, какъ обложеніе новымъ налогомъ, избраніе короля, изданіе закона, собраніе не могло дѣлать и не дѣлало ничего безъ согласія свободныхъ людей (фермеровъ, дворянъ и горожанъ). Прежде всего король англовъ объѣзжалъ и предлагалъ издаваемые законы на обсужденіе различныхъ собраній и узналъ отдѣльное мнѣніе каждаго; въ десятомъ вѣкѣ короли пришли къ мысли—собирать вѣча различныхъ шировъ въ центральное удобное для нихъ мѣсто, какъ Оксфордъ или Лондонъ: все, что рѣшалось на этомъ коллективномъ вѣчѣ (Mycel-gemót) не требовало подтвержденія, такъ какъ на немъ присутствовали люди каждаго шира. Mycel-gemót—конечно Magnum-Concilium норманновъ; вѣче это развилось въ высшія судилища (High Courts) и въ парламенты въ тринадцатомъ столѣтіи; дѣло Годвина является образчикомъ послѣдующихъ обвиненій «добраго парламента».

Народное вѣче. Вѣче было продолженіемъ совѣта (concilia) Тацита. Свободные земледѣльцы, полноправные граждане англійскаго государства сходились вооруженными; ихъ собраніе—одновременно парламентъ, собраніе и

судъ. Мѣстомъ для собранія избиралась открытая равнина; возвышенность, въ видѣ террасы, отводилась для объявленія закона, ровъ и висѣлица для казней окружали священное мѣсто. Въ языческія времена мѣсто отводилось и освящалось особыми церемоніями, чтобы ниспослать собранію удачу и справедливость. При разбирательствѣ всѣхъ крупныхъ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ шира предсѣдательствовалъ на судѣ король; его окружали присяжные - извѣстное число свободныхъ земледѣльцевъ, клявшихся оказывать справедливость. Въ уголовномъ процессѣ обвиняемый торжественно обвинялся подъ присягой установленнымъ числомъ присяжныхъ, его равныхъ (peers). Если онъ заявлялъ себя «невиновнымъ» и не схваченъ былъ съ окровавленными руками (red-handed), ему дозволялось доказывать свою невинность, на основаніи обычныхъ формъ, посредствомъ испытанія или по присягѣ «именитыхъ» (law-worthy) людей. Если онъ не могъ доказать свою невинность, король присуждалъ его къ обычному наказанію. По нѣкоторымъ преступленіямъ, какъ тайное убійство, убійство родича, поджогъ, колдовство, измѣна лорду или племени— не полагалось пени (bootless); они наказывались смертью или изгнаніемъ, соотвѣтственно преступленію. Въ остальныхъ случаяхъ выплачивалась пеня суду и вознагражденіе потерпѣвшему лицу, или если лицо было убито, его семьѣ. На христіанъ, нарушившихъ законъ церкви, послѣднею налагались тяжелыя и различныя наказанія, изложенныя въ *penitentials*, выработанныхъ на церковныхъ соборахъ подъ руководствомъ архіепископа.

Преступленія сладострастія, насилія, простой жадности встрѣчались часто; чрезвычайно интересно читать списокъ пени или вознагражденій древнихъ англійскихъ постановленій; пени эти такого же рода, какія мы встрѣчаемъ въ бургундскихъ, ломбардскихъ и другихъ древнихъ тевтонскихъ законодательствахъ,—мы находимъ въ нихъ чрезвычайно мелочное различіе ранъ и оскорбленій. Все это было необходимо; до десятаго столѣтія feud—распря, почти всецѣло замѣняла законъ; человѣкъ «могъ купить копье и носить его» сколько ему было угодно, мы находимъ извѣстія о томъ, что vendette—месть велась внѣ закона и вопреки закона, какъ мы видимъ это въ распрѣ правящихъ нортумбріанскихъ семей—распрѣ, въ которой принималъ участіе самъ святой Уальтговъ (Waltheof). Чѣмъ сильнѣе былъ король, тѣмъ болѣе стремился онъ выставить обиду, нанесенную сосѣду, тяжкой обидою себѣ и нарушеніемъ мира и обложить тяжелой пеней—wite. Распространеніе самоуправства было уже гораздо меньшимъ, когда явился Вильгельмъ и его законники.

Кромѣ вѣче-шира (shire-moot) были вѣче-сотни (hundred-moots) и вѣче-замка (hall-moots). На вѣчѣ-замка предсѣдательствовалъ лордъ или выборный старшина сотни (hundred-elder), это вѣче было для округа тѣмъ же, чѣмъ вѣче-шира было для графства: то

Вѣче-сотни и вѣче-замка.

былъ судъ первой инстанціи, уголовный и гражданскій, съ большимъ числомъ присяжныхъ и съ обязательнымъ присутствіемъ лицъ съ каждой сотни (vill). Вѣче сходилось черезъ правильные промежутки времени—вѣроятно каждую четверть года—и вѣдало много дѣлъ, перешедшихъ впослѣдствіи, въ четырнадцатомъ вѣкѣ, въ сессіи мировыхъ судей Эдуарда III. Происхожденіе сотни начало свое ведетъ повидимому изъ военной организаціи, группировавшей извѣстное число vills или гомстедовъ, достаточныхъ для вооруженія, по крайней мѣрѣ, ста двадцати гражданъ для войны, или вполнѣ годныхъ присяжныхъ для дѣлъ округа. Вѣче-замка (*hall-moots*) соотвѣтствовало норманскимъ судамъ барономъ; оно происходило подъ предсѣдательствомъ лорда деревни или его представителя. Чтобы судъ имѣлъ силу, требовалось присутствіе опредѣленнаго числа (quorum) свободныхъ земледѣльцевъ, дѣла конечно были мѣстныя—разнообразные мелкіе гражданскіе случаи и злоупотребленія, для которыхъ мѣстный обычай установилъ соотвѣтственныя пени и вознагражденія. Мѣстное землевладѣніе, мѣстные поземельные обычаи и платежи давали матеріалъ для возникновенія многихъ дѣлъ. Не свободные земледѣльцы, могли быть свидѣтелями и истцами на этихъ судахъ.

Шерифъ и полиція.

Когда на вѣчѣ-шира самъ король не присутствовалъ, то на немъ предсѣдательствовалъ *альдерманъ шира*, мѣстный магнатъ, назначаемый королемъ; часто это былъ потомокъ древнихъ племенныхъ королей, естественный представитель шира въ военное и въ мирное время. Датчане называли его въ округѣ Англіи эорль (Earl), а норманы переводили этотъ титулъ словомъ *графъ*. Для соблюденія интересовъ короля избирался изъ среды лучшихъ землевладѣльцевъ еще одинъ мѣстный свободный землевладѣлецъ, часто назначавшійся королемъ; то былъ *scir-gerefa* или шерифъ. На немъ лежалъ надзоръ за соблюденіемъ привиллегій короля, за выполненіемъ слѣдуемыхъ ему повинностей и уплатой пени; онъ же наблюдалъ за королевскими помѣстьями, находившимися въ его вѣдомствѣ. Шерифъ являлся представителемъ королевской власти въ финансовыхъ дѣлахъ и на судѣ. Города и обнесенныя стѣною мѣстечки — boroughs имѣли своихъ отдѣльныхъ шерифовъ—*port-gerefas*. Вообще организація города—*city* имѣла сходство съ организаціей шира, borough — мѣстечко походило на сотню; нѣсколько приходовъ города или borough — мѣстечка считались townships.—Въ городахъ часто организовывались товарищества или *цехи* для развитія торговли и контроля за нею.

До тѣхъ поръ, пока семья была сильна и признавалась обязанность платить за оскорбившаго члена и мстить за обиженнаго, она извѣстнымъ образомъ замѣняла общую полицію; но когда заселеніе, переселеніе и новыя понятія ослабили семейныя узы, короли стали вводить мѣстную общую отвѣтственность землевладѣльцевъ, которые составляли мелкія группы, недостаточно значительныя, чтобы обя-

занности эти были для нихъ легкими и не такія мелкія, чтобы онѣ ихъ тяготили. Система *frank-pledge* или *frith-borow* продолжалась до тѣхъ поръ, пока ихъ замѣнила высшая административная власть и полиція анжуйскихъ королей.

Армія древне-англійскаго короля состояла изъ двухъ элементовъ— его гезитовъ (*gesiths* или *house-carles*) и альдерменовъ и отрядовъ шира. Первые были превосходные солдаты, но немногочисленны,— они были вооружены копьями изъ ясени, липовыми щитами, прямыми мечами съ широкимъ двойнымъ лезвеемъ и съ крестообразной рукояткой; они носили кожанный шлемъ съ мѣдной обшивкою и длинную кольчугу изъ металлическихъ колецъ. Они отправлялись на войну, сражаясь пря оборонѣ длинными рядами, настолько сомкнутыми, насколько было необходимо для свободнаго употребленія копья, меча или сѣкиры, при наступленіи же сомкнутымъ строемъ, строясь «кабаньей головой» («boar's head array» строй, изобрѣтеніе котораго, какъ и многіе военные обычаи, приписывался богу-войны). Главное войско составляли отряды шира; въ нихъ входили всѣ свободные люди, въ цвѣтущемъ возрастѣ, фермеры и дворяне; эти отряды были вооружены хуже, чѣмъ отряды короля и альдерменовъ, но нуждались только въ дисциплинѣ, чтобы сдѣлаться лучшими солдатами. Они, однако, легко поддавались паникѣ, не обязаны были служить внѣ своего шира, не расположены были оставаться долго внѣ дома. Или руководилъ мѣстный обычай, а не *esprit des corps*. Альфредъ пробудилъ старый духъ отваги; сзывая одновременно только половину отрядовъ, онъ обезпечивалъ «отсутствіе перерывовъ въ войнѣ и безпрерывность обработки земли». Каждый ширъ и болѣе крупные города должны были доставлять опредѣленное количество кораблей, снабженныхъ экипажемъ и припасами для національной защиты. Альфредъ съ помощью рабочихъ фризовъ построилъ военные корабли, что помогло почти на столѣтіе задержать датскіе набѣги. Альфредъ и его преемники строили также валы, окруженные палисадомъ и каменные бурги (burgs); сосѣдніе свободные землевладѣльцы обязаны были поддерживать ихъ и снабжать гарнизономъ. Эти укрѣпленія дѣйствительно положили конецъ датскимъ вторженіямъ внутрь страны и послужили центрами новаго дѣленія срединныхъ земель Англіи на административные ширы, которые не вполнѣ совпадали съ границами древнихъ племенныхъ дѣленій. Замокъ альдермена или тана, окруженный рвомъ и палисадомъ, былъ воспроизведеніемъ въ меньшемъ размѣрѣ королевскаго укрѣпленія; оба замка уступили мѣсто норманскому замку (castle) съ каменной башней и *bailey* [1]), окруженной стѣной. Обширное пространство необработанной, неосушенной и нерасчищенной

Армія и флотъ.

[1]) *Bailey*—мѣсто въ стѣнахъ укрѣпленія, иной разъ занятое тюрьмою. *Прим. перев.*

земли превращало охоту въ «пародію войны», и часто *fyrd* сзывался противъ волковъ, какъ сзывали его на защиту отъ датчанъ. Путешествовать можно было только вооруженнымъ и отрядами. Вся торговля округовъ сосредоточивалась на крупныхъ ярмаркахъ, которыя происходили ежегодно въ опредѣленные дни. Еженедѣльный базаръ въ borough'ѣ или въ городѣ снабжалъ тѣми обыденными припасами, которыхъ нельзя было добыть въ усадьбѣ (homestead). Было запрещено покупать или продавать землю, скотъ или рабовъ, иначе какъ въ присутствіи признаваемыхъ закономъ свидѣтелей, или на открытомъ рынкѣ въ привиллегированномъ мѣстѣ. Ярмарки скота и лошадей служили всегда предлогомъ для праздниковъ и пиршествъ, зачастую для распрей и грабежа.

Города и дороги.

Вторженія датчанъ.

Ф. Іоркъ Поуэля (F. Iork Powell).

Подробности новаго вторженія съ востока и заселенія вновь этихъ острововъ въ девятомъ столѣтіи слишкомъ сложны, чтобы подробно останавливаться на нихъ; мы изложимъ ихъ лишь въ главныхъ чертахъ.

Въ концѣ восьмаго столѣтія государству франковъ угрожали вооруженные флоты подъ начальствомъ ютскихъ и датскихъ предводителей; они опустошили побережье нижней Германіи и постепенно двигались на западъ, и до половины девятаго столѣтія опустошили Англійскій каналъ, каналъ св. Георга, Бискайскій заливъ и даже испанскіе и мавританскіе берега.

Поселеніе скандинавовъ въ девятомъ столѣтіи.

Предводители этихъ пиратовъ на первыхъ порахъ искали только лошадей, рабовъ, грабежа; но скоро на мысахъ и островахъ, удобныхъ для сосредоточенія ихъ кораблей и зимовки людей, они принялись устраивать постоянныя стоянки. Наступилъ третій періодъ этого движенія, когда предприняты были настойчивыя попытки подъ начальствомъ смѣлыхъ предводителей занять части опустошеннаго побережья и устроить правильныя колоніи. Эра вторженій для развѣдокъ заканчивается въ Англіи въ 855 году, когда «язычники впервые свирѣпствовали всю зиму въ Шеппей (Sheppey)». Какъ только закончилась эра методическаго грабежа, съ 876 г начинается заселеніе, когда «Гальфданъ раздавалъ землю нортумбріанцевъ и они (пришельцы) воздѣлывали и обрабатывали ее».

Изъ трехъ крупныхъ англійскихъ королевствъ королевства нортумбріанцевъ и восточныхъ англовъ заняты были скандинавами и

датчанами, въ особенности при Гальфданѣ (сынѣ Лодброка изъ южной Норвегіи) и Гутрумѣ Старомъ, датскомъ князѣ. Король мерсійцевъ былъ лишенъ трона, а восточная часть его королевства занята была различными шайками завоевателей, преимущественно датчанами.

Къ западу и югу отъ Темзы западно-саксонскій король, Альфредъ, послѣ долгой и ожесточенной борьбы успѣлъ отстоять себя. Въ 878 г. завоеватели принуждены были войдти въ соглашеніе съ нимъ и соблюдать съ нимъ миръ. Конецъ девятаго столѣтія занятъ неудачными попытками Гестена Скандинава захватить западно-саксонское королевство или часть его и возстаніями поселившихся скандинавовъ въ Іоркѣ и датчанъ въ восточной Англіи противъ ихъ западно-саксонскаго государя (sovran). Въ десятомъ столѣтіи сынъ, дочь и внуки Альфреда вернули себѣ всю землю, такъ какъ династіи пришельцевъ вымерли. Послѣ битвъ при Брунбюри (937 г.) и Станмурѣ (956) западно-саксонскій Эдгаръ (959) правилъ какъ императоръ всей Британіей и какъ король всѣми англійскими землями. Вначалѣ десятаго столѣтія вторженія въ Галлію закончились учрежденіемъ двухъ чужеземныхъ княжествъ — однимъ на Луарѣ, другимъ на западѣ Сены подъ властью Грольфа (Hrolf.) 921 г. На время воцарился миръ.

Результаты скандинавскаго поселенія въ Англіи.

Первыми результатами этого великаго переселенія были разграбленіе и разрушеніе большей части англійскихъ береговъ. Почти каждый крупный монастырь и городъ въ то или другое время былъ разграбленъ, сожженъ или обложенъ выкупомъ. Культурѣ королевства нортумбріанцевъ нанесенъ былъ смертельный ударъ. Церковь съ ея цивилизаторскимъ и космополитическимъ вліяніемъ на время была уничтожена во всѣхъ округахъ, вновь подпавшимъ во власть язычниковъ. Произошли страшныя бѣдствія, вызванныя убійствами, похищеніемъ скота, уводомъ людей и жестокостями во время набѣговъ этихъ пиратовъ. На сѣверѣ и на востокѣ англы, повидимому, убѣгали или вступали въ соглашеніе съ завоевателями; на югѣ саксы, были доведены до такого состоянія, что многіе свободные землевладѣльцы повидимому изъ-за хлѣба отдавали свои земли. Обѣднѣвшій народъ въ теченіи цѣлаго ряда лѣтъ не смѣлъ поддерживать короля въ его попыткѣ обезопасить страну устройствомъ сильныхъ крѣпостей, съ обнесеннымъ палисадомъ земляным валомъ и снабженныхъ гарнизонами въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ возможно было задерживать движеніе чужеземныхъ отрядовъ, постройкой, снабженіемъ экипажемъ и содержаніемъ флота для охраны береговъ, заключеніемъ союзовъ съ чужестранными прелатами и князьями противъ языческаго врага. Послѣ заселенія новопришельцы повидимому распредѣлили между собою обширныя пространства земли и устроили города (townships), названные по ихъ имени. Во многихъ городахъ, которыми они овладѣли или которые они заставили сдаться, они поселились вмѣстѣ съ англами въ качествѣ ремесленниковъ и купцовъ. Въ Іоркѣ архі-

епископъ,—изъ ревности ли къ церкви Кентербюри, которая въ теченіе двухъ поколѣній такъ тѣсно связана была съ правящимъ домомъ Вессекса, или изъ желанія блага завоеваннымъ и завоевателямъ,—соединился съ новыми сѣверными королями. Гартакнутъ-Годфредъ (Harthacnut-Godfred) находился подъ покровительствомъ самого св. Кутберта; Эрикъ Блодаксъ (Eric Bloodax), хотя и былъ кажется однимъ изъ виновниковъ сожженія монастыря Рипонъ, «отстроеннаго св. Вильфридомъ» и хотя жена его считалась вѣдьмой, былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ служителями церкви и мало дѣлалъ для язычества. Въ восточной Англіи датчане и скандинавы охотно повидимому приняли новую вѣру, что помогало имъ вести торговлю свободнѣе, чѣмъ прежде, такъ какъ этимъ устранялись затрудненія въ сношеніяхъ съ христіанами, съ которыми, пока они оставались язычниками, они не могли пить и ѣсть и вступать въ общественныя или юридическія сношенія. Возрастаніе торговли доказывается усовершенствованіемъ денегъ у нортумбріанцевъ (введена монета франковъ, до тѣхъ поръ не бывшая въ ходу на сѣверѣ) и количествомъ денегъ, вычеканенныхъ въ восточной Англіи подъ владычествомъ датчанъ; даже въ западно-саксонскомъ королевствѣ новое серебро чеканили въ громадномъ количествѣ для уплаты датчанамъ и скандинавамъ. Тотъ фактъ, что они предпочитали чеканенный металлъ слиткамъ, указываетъ на то, что они желали пустить въ обращеніе свою добычу въ торговлѣ. Такія имена, какъ Абонель (Abonel), едва ли могутъ быть другаго какого-либо происхожденія, кромѣ мавританскаго и еврейскаго, а имена: Хлодовикъ (Hludovicus), Мило (Milo), Ремигій (Remigius), Іоганнъ, Стефанъ, конечно франкскія или германскія, и указываютъ на тотъ фактъ, что иностранные торговцы проникли въ Англію въ качествѣ банкировъ.

Законы и организацію пришельцы сохранили тѣже, какіе они застали въ странѣ. Много терминовъ—*law*, *husting*, *outlaw*, *bylaw*, *hansel*, *riding* [1])—происходятъ отъ древнихъ терминовъ того времени, когда англійское законодательство было окончательно установлено при норманскихъ и анжуйскихъ короляхъ, и когда термины эти вошли въ составъ нашего языка. Какъ и можно было ожидать, въ округахъ, занятыхъ датчанами и скандинавами, было значительно менѣе *несвободнаго землевладѣнія*, чѣмъ въ другихъ не занятыхъ ими частяхъ. Тогда получили свое начало могущественныя семьи, какъ напр. родъ Сьюарда Бёрнсона (Siward Beornson), кровь котораго, черезъ посредство мученика Уальтгофа (Waltheof), течетъ въ жилахъ нашей теперешней королевы. Нѣкоторые изъ новопришельцевъ не могли вы-

---

[1]) *Law*—законъ, законодательство; *outlaw*—внѣ закона; *by-law*—мѣстный законъ; *hansel*—первый подарокъ; *riding* одно изъ трехъ подраздѣленій или юрисдикцій графства Іорка въ Англіи. *Прим. пер.*

носить подчиненія могущественному королю и предпочитали, еще два поколѣнія спустя послѣ поселеній девятаго столѣтія, отправляться за добычею, рабами и англійскими, шотландскими и ирландскими женами въ еще незаселенныя и необработанныя земли. Вслѣдствіе этого потомки короля Сіарваля (Ciarval) и св. Эдмунда найдены записанными въ книгу поселеній Исландіи и переселенцы британскихъ острововъ заселили острова Фароэ и Исландію.

Отличительныя черты цивилизаціи новыхъ поселенцевъ.

Относительно сравнительной цивилизаціи англичанъ и скандинавовъ можно сказать весьма немногое, такъ какъ между ними весьма мало различія. Вслѣдствіе болѣе суроваго климата и болѣе грубой жизни на скандинавскомъ полуостровѣ и изолированности его обитаемыхъ округовъ тамъ вѣроятно дольше, чѣмъ въ Велибританіи, сохранялись древніе нравы и обычаи. Купецъ ѣздилъ въ Балтійское море и на сѣверъ. Охота на моржей, китовъ и тюленей вырабатывали ловкость у скандинавовъ; дисциплина на кораблѣ и жизнь матроса способствовали развитію въ нихъ энергіи и самостоятельности. Смотря по обстоятельствамъ они бывали купцами или пиратами; они продавали лѣса, они привозили изъ Галліи и Германіи вино и оружіе; они доставляли рабовъ южнымъ купцамъ (евреямъ или маврамъ), которые уводили печальные отряды рабовъ черезъ Галлію къ берегамъ Средиземнаго моря, гдѣ за нихъ давали хорошую цѣну. Англичане обучались чужеземнымъ искусствамъ: каменнымъ постройкамъ, вышиванію (шитью цвѣтными нитками по матеріи) и музыкѣ; какъ только скандинавы поселились на нашихъ островахъ, они стали восхищаться этими искусствами и усваивать ихъ, въ десятомъ и одинадцатомъ столѣтіи прелесть церковной музыки и картинъ также сильно привлекали новообращенныхъ изъ среды скандинавовъ, какъ въ пятомъ и шестомъ вѣкѣ она привлекала язычниковъ-англовъ.

Въ домашнемъ обиходѣ—помимо того, что у англовъ была земля лучшаго качества и вслѣдствіе этого, вѣроятно, и лучшіе способы обработки земли—не было большаго различія между христіанами востока и язычниками запада Сѣвернаго моря. Скандинавы превосходятъ своихъ родичей въ поэзіи, и оставшіяся отъ эпохи викинговъ пѣсни по силѣ, простотѣ и истиннымъ эпическимъ чертамъ значительно выше сохранившихся англійскихъ пѣсенъ, хотя въ сѣверныхъ англійскихъ поэмахъ встрѣчается особая поэтическая меланхолія, полулирическаго и кельтскаго характера, какой мы не находимъ въ древнихъ сѣверныхъ поэмахъ. Въ сѣверной литературѣ мы встрѣчаемъ двѣ самыя характерныя формы: прозаическій эпосъ—сага и тщательно размѣренные стихи—панегирикъ развились отъ сближенія съ кельтскими сказками и поэмами британскихъ острововъ и обязаны своимъ развитіемъ исландцамъ, въ жилахъ которыхъ текло не мало и ирландской крови.

Нравственныя качества, пользовавшіяся уваженіемъ въ средѣ но-

вопришельцевъ, были тѣ же, которыми всегда дорожили англы: храбрость, великодушіе, вѣрность, преданность другу, родичу и лорду. Состраданіе, милосердіе и самообладаніе были христіанскими добродѣтелями, усвоить которыя англамъ было трудно; проживъ нѣкоторое время въ новой странѣ и принявъ новую вѣру, скандинавы стали усвоивать эти добродѣтели и старались подавлять въ себѣ жестокость, коварство и безпечную мстительность, которыми они такъ долго славились.

У насъ сохранилось мало свѣдѣній о томъ, насколько уцѣлѣлъ датскій языкъ; но отдѣльныя племена продолжали существовать, напримѣръ въ Эссексѣ до одинадцатаго столѣтія; и личныя имена сѣвернаго происхожденія еще цѣлое столѣтіе спустя указывали на происхожденіе носителей этихъ именъ.

Граница новаго поселенія.

Пространства, заселенныя скандинавами, легко прослѣдить по названіямъ на картѣ Англіи. На сѣверо-западномъ берегу находятся поселенія по обѣимъ сторонамъ Сольуэ (Solway) съ однимъ мѣстомъ для вѣча—*thing-wald* или *moot-stead* къ сѣверу отъ рѣки и другимъ въ Кумберлэндскихъ низменностяхъ;—вѣроятно, существовали еще пункты для собиранія вѣча и въ Уестморлэндѣ. Эти округа заселены были скандинавами изъ Ирландіи и острова Мэна, норвежскаго племени. Время ихъ поселенія неизвѣстно; по всей вѣроятности, оно имѣло мѣсто въ девятомъ столѣтіи. Позднѣе въ десятомъ столѣтіи изъ Ирландіи появились завоеватели, поселившіеся въ Уирроллѣ (Wirrall) и по сосѣдству Манчестера, гдѣ до сихъ поръ еще сохранились ихъ мѣста вѣча—*thing-steads*.

Смѣлое сопротивленіе, оказанное новопришельцамъ Эгельфледой, государыней марчменовъ, спасло флангъ западно-саксонской оборонительной линіи отъ разрушенія и удержало долину Северна внѣ датскаго владычества.

Датское владычество простиралось на пятнадцать шировъ:

Миддльсексъ.	Эссексъ	Саксонская земля, занятая главнымъ образомъ датчанами.
Норфолькъ	Суффолькъ	Восточно-англійская земля, занятая главнымъ образомъ датчанами.
Бэксъ Гертсъ Кэмбсъ	Бэдсъ Нортантсъ Бэнтсъ	Страна англовъ Марча, главнымъ образомъ занятая датчанами и скандинавами.
Линкольнъ Дерби	Лейчестеръ Нотсъ и округъ Стамфордъ.	Страна англовъ Марча, занятая главнымъ образовъ скандинавами.
Іоркъ	часть Дургема.	Сѣверная англійская земля, занятая главнымъ образомъ скандинавами.

Конечно въ этихъ ширахъ было много англійскихъ и саксонскихъ округовъ, но всѣ они подчинялись датскому закону, а не своему сак-

сонскому, мерсійскому или нортумбріанскому. Такимъ образомъ Гольдернесъ и Нортумберландъ остались англійскими и большая часть ихъ остались вотчиной св. Кутберта. Легко прослѣдить то направленіе, въ какомъ совершалась колонизація въ восточной Англіи, Эссексѣ и Линкольширѣ маленькими группами сѣверныхъ деревень поселенцевъ. Линія, проведенная отъ устья Несса и Рэгби и отъ Рэгби до Скиптона, а также отъ Скиптона до Престона, составитъ южную границу страны, гдѣ дѣленіе на англійскія сотни замѣнено скандинавскими *wapentakes* [1]).

Четыре изъ новыхъ шировъ группировались около четырехъ изъ «пяти городовъ» («Five Boroughs»), но мы не знаемъ, почему Стамфордъ не сдѣланъ былъ, подобно другимъ городомъ, главнымъ городомъ одного изъ новыхъ шировъ Альфреда.

Изъ нѣкоторыхъ мѣстъ хроники видно, что эти «пять городовъ» какъ будто стремились образовать нѣчто вродѣ лиги городовъ, но у насъ мало прямыхъ указаній по этому вопросу.

Бедфордъ и Нортгэмптонъ упоминаются въ связи съ датскимъ и норвежскимъ графомъ (earl) въ Бедфордѣ, нѣкіимъ Тэрсителемъ (Thurcytel) въ 918 г. Мѣсто это двухсмысленно, упоминается также и сѣверный графъ Тэрфиртсъ (Thurfirth) въ 921 г. который могъ быть скандинавскимъ графомъ въ Нортгэмптонѣ.

Политическія результаты поселенія скандинавовъ.

Слѣдуетъ обратить особое вниманіе на два слѣдствія поселенія скандинановъ въ Англіи. Во первыхъ нѣсколько христіанскихъ властелиновъ Великобританіи принуждены были соединиться противъ общаго языческаго врага; и хотя отдѣльные короли, какъ, напр., Константинъ, неразумно вступали въ союзы съ завоевателемъ ради временной выгоды,—политика объединенія продолжала господствовать вообще. Во времена Альфреда (885 г.) валлійскіе короли и князья—Гемейдъ (Hemeid) изъ южнаго Валлиса, Гоуэль (Howel), Брокмейль (Brocmail), Фернмейль (Fernmail) короли средняго Валлиса; Гелизедъ (Helised), королъ Брекона и Анараудъ (Anarawd) и его братъ изъ сѣвернаго Валлиса, какъ разсказываетъ Ассеръ (Asser) —обращались къ нему за помощью противъ язычниковъ, и союзъ держался повидимому прочно. Его сынъ выкупилъ епископа Камелика (Cameleac) изъ сѣвернаго Валлиса, когда онъ былъ взятъ въ плѣнъ двумя норвежскими графами, Отеромъ (Otheг) и Гроальдомъ (Hroald) въ 918 г., хотя война между западными валлійцами и леди Этельфледой происходила въ 916 г. Въ 922 г. короли сѣверныхъ валлійцевъ, Гоуэль и Клидаукъ (Cledauc) и Іотуэль (Ieothwel), и весь сѣверный валлійскій народъ избрали его лордомъ (lord). Два года спустя, въ Бэкуэллѣ (Bakewell) въ Пикландѣ (Peakland) «избирали его отцомъ и лор-

---

1) *Wapentake*—дѣленіе графствъ сѣверной Англіи, соотвѣтствующее сотнѣ—hundred. *Прим. пер.*

домъ король Скотовъ и весь народъ Скотовъ, и Рэгнальдъ (Raegnald) и сыновья Эдульфа (Eadulf), и всѣ жившіе въ Нортумберландѣ, англы или датчане, или скандинавы, или другіе и также валлійскій король Страт-кляйда и всѣ валлійцы Стратъ-Кляйда». Въ 926 г. Этельстанъ, сынъ Эдуарда, заручился въ Имотѣ (Eamot) клятвенными обѣщаніями мира отъ Гуваля (Huwal), западно-валлійскаго короля и Константина, короля скотовъ, Уэна (Uwen), короля людей Гуэнта (Gwent) и Эльдреда Эдульфинга изъ Бамборо. Константинъ нарушилъ миръ; соединившись съ Анлафомъ Скандинавскимъ, знаменитымъ морскимъ королемъ, о чудесной жизни котораго сохранилась легенда, онъ направился на югъ. Этельстанъ встрѣтилъ своихъ враговъ при Брунбюри, гдѣ-то на сѣверо-западномъ берегу Англіи, разбилъ ихъ «милостью Христа и убилъ пять королей и восемь графовъ». Эдмундъ, братъ Этельстана, разграбивъ Кумберлендъ въ 945 году, «предоставилъ все Малькольму, королю скотовъ, подъ условіемъ помощи на сушѣ и морѣ». Скоты опять подтвердили свои клятвы королю Эдреду (Eadred), брату Эдмунда и его преемнику въ 946 году, и въ Честерѣ Эдгару въ 972 г. Покровительство и верховная власть признавались валлійцами и князьями скотовъ многократно и впослѣдствіи вплоть до временъ завоевателя. Старая дружба и вѣроятно браки между фамиліей Цедрика и королевскими фамиліями Валлиса безъ сомнѣнія способствовали дружбѣ между королями Валисса и западныхъ заксовъ, въ то время какъ скоты искали дружбы дальше на югѣ, а не у скандинавскаго короля въ Іоркѣ или у англійскаго короля въ Бамборо.

Сліяніе Нортумберленда съ королевствомъ англійскаго короля произошло повидимому окончательно въ 954 г., когда прекратилось существованіе отдѣльнаго королевства въ Іоркѣ. Сліяніе восточной Англіи произошло въ 921 г., а датской Мерсіи—въ 942 г. У новыхъ поселенцевъ была своя особая политика и впродолженіи двухъ или трехъ поколѣній мы можемъ прослѣдить борьбу преобразовательной скандинавской партіи и старыхъ западно-саксонскихъ патроновъ и прелатовъ по церковнымъ вопросамъ и борьбу сѣверныхъ и датскихъ графовъ съ крупными альдерменами англійской Мерсіи но политическимъ вопросамъ.

Мы уже упоминали, что соперничество между Іоркомъ и Кентербюри было настолько сильно, что архіепископъ Вульфстанъ (Wulfstan) соединился съ скандинавами: съ Анлафомъ, сыномъ Ситрика, съ Регнальдомъ, сыномъ Гутфирта и Эрикомъ, сыномъ Гарольда противъ своего «естественнаго лорда» короля Эдмунда. Соперничество это, хотя и не въ такой сильной формѣ, существовало еще до временъ Вильгельма Завоевателя.

Династическая побѣда, передавшая на тридцать лѣтъ управленіе Англіей изъ рукъ королей западно-саксонскаго дома въ руки королей датскаго дома, объясняется частью большимъ количествомъ префес-

сіональныхъ солдатъ, находившихся на службѣ датскаго короля, частью неспособностью Этельреда и силою Свегёна и Канута, частью распространеннымъ въ большей части страны мнѣніемъ, что нѣтъ ничего противоестественнаго въ томъ, что датчане будутъ управлять вмѣсто западно-саксонцевъ, лишь бы соблюдались при этомъ мѣстныя привиллегіи. Замѣчательно всетаки, что въ восточной Англіи при альдерменѣ Британо въ 988 г. въ Мальдонѣ Анлафъ Триггуиссонъ (Triggwisson), союзникъ Свегена, встрѣтилъ отпоръ, а Ульфкетиль Быстрый (Ulfketyl-the-Swift), другой графъ восточныхъ англичанъ, въ 1004 г., почти отрѣзалъ отступленіе Свегена и его войска къ ихъ кораблямъ; по сожженіи Тетфорда «съ обѣихъ сторонъ была много убитыхъ. Благороднѣйшіе изъ восточныхъ англовъ пали въ этой рѣзнѣ, и будь англичане въ полной силѣ, датчане, по ихъ собственнымъ словамъ, не вернулись бы никогда къ своимъ кораблямъ». Внезапная смерть Свегена въ 1014 г. повлекла за собою возстановленіе Этельреда, давшаго при этомъ обѣщаніе править лучше предшественника. Измѣна мерійскаго альдермена оказала услугу Кануту или Кнуту послѣ смерти Этельреда въ 1016 г., но все таки пришлось, не смотря на геройскіе подвиги, совершенные Эдмундомъ Желѣзно-бокимъ въ сраженіи, въ которой пали всѣ англійскіе дворяне, войти въ соглашеніе при Олнеѣ. Канутъ сдѣланъ былъ королемъ Нортумбріи и Мерсіи, и Эдмундъ—королемъ Англіи и Вессекса. Послѣ убійства Эдмунда въ концѣ года, Канутъ остался единственнымъ королемъ. Царствованіе его было продолжительно и благополучно; Канутъ вступалъ въ союзъ съ папой и архіепископомъ Кентербюри и назначалъ по собственному выбору лицъ мѣстнаго происхожденія для управленія, въ качествѣ *графовъ*, четырьмя частями его англійскаго королевства, а для постоянной охраны онъ содержалъ отдѣльную стражу наемниковъ—*house-carles*. Послѣ смерти Канута всѣ «мудрые», Леофрикъ и мерсійцы «и почти всѣ таны къ сѣверу Темзы и всѣ люди флота Лондона» на большомъ собраніи въ Оксфордѣ избрали Гарольда. Годвинъ и западно-саксонскіе дворяне желали избрать Гартакнута (Hardi Canute), и избрали его западно саксонскимъ королемъ, Годвинъ и мать Гартакнута Эльгифу должны были править вмѣсто него, такъ какъ онъ жилъ въ своемъ датскомъ королевствѣ. Западнымъ саксонцамъ надоѣло ждать его, и они два года спустя изгнали Эльгифу и признали единственнымъ своимъ королемъ Гарольда. Ему наслѣдовалъ Гартакнутъ, который въ непродолжительное правленіе свое оказывалъ покровительство своимъ родичамъ старинной западно-саксонской линіи. Когда онъ умеръ «за выпивкой», открылась дорога для его своднаго брата Эдуарда и «весьма естественно, Эдуардъ былъ избранъ всѣмъ народомъ».

Правленіе датской династіи мало способствовало увеличенію численности скандинавовъ, поселившихся въ Англіи; исключеніе состав-

лялъ развѣ Лондонъ и еще нѣсколько городовъ. Господство этой династіи продолжалось недостаточно долго для того, чтобы ввести единство въ англійскіе законы, хотя и принимались мѣры въ этомъ направленіи. Вліяніе датчанъ на англійскій языкъ и культуру весьма незначительно и мало-замѣтно сравнительно съ вліяніемъ поселенія девятаго столѣтія. Вліяніе Англіи на Данію было гораздо значительнѣе, чѣмъ вліяніе Даніи на Англію. Англійскіе солдаты сражались съ Канутомъ въ балтійскомъ морѣ, англійскіе священники и епископы преобразовали и реорганизировали датскую церковь. Англійскимъ золотомъ платили наемникамъ—hause-carles—и, открывая законную карьеру искателямъ приключеній, войны способствовали упроченію мира на сѣверѣ. Англійское золото свергло св. Олафа и способствовало упроченію вѣчной славы Канута, воспѣтаго пѣвцами, толпившимися во дворцѣ короля; насколько онъ былъ экономенъ по отношенію къ слугамъ и подданнымъ, настолько онъ былъ щедръ къ иностранцамъ.

Язычество англо-саксовъ.

А. Манна (A. H. Mann).

Духовные писатели, которымъ мы обязаны первыми свѣдѣніями о нашихъ предкахъ, весьма мало говорятъ о формѣ религіи, которую предки эти ввели въ Британіи. Беда, старательно разыскивающій хроники, указывающія на прогрессъ христіанства, презрительно и въ краткихъ словахъ упоминаетъ о язычествѣ, на смѣну которому явилось христіанство.

Хотя мы благодаря этому лишаемся многихъ цѣнныхъ свѣдѣній относительно подробностей, у насъ все же имѣется много данныхъ, показывающихъ, что въ главныхъ чертахъ язычество англо-саксонцевъ было такое же, какъ и у другихъ тевтонскихъ племенъ. Съ незначительными измѣненіями дни и недѣли носятъ названія тѣхъ же божествъ, какъ и въ другихъ тевтонскихъ странахъ. Германскія племена на границѣ имперіи замѣнили ихъ названіями римскихъ боговъ (таковъ повидимому и непосредственный источникъ происхожденія недѣли изъ семи дней) и передали ихъ въ такомъ видѣ нашимъ предкамъ, жившимъ по берегамъ сѣвернаго моря. Другую связь германскихъ и скандинавскихъ преданій мы видимъ въ генеологіяхъ англо-саксонскихъ королей. Форма, въ какой генеалогіи эти дошли до насъ, принадлежитъ вѣроятно позднѣйшему времени, но въ нихъ несомнѣнно вошли древнія легенды, такъ какъ въ нихъ встрѣчаются имена многихъ боговъ и героевъ, имѣвшихъ большое значеніе въ миѳахъ

сѣвера. Саксонцы, несомнѣнно, продолжали поклоняться тѣмъ же богамъ еще долго послѣ своего прибытія на этотъ островъ; это мы видимъ по названіямъ мѣстъ въ честь ихъ во всѣхъ частяхъ страны, напримѣръ Тіюслей (Tewsley), равнина Тіо въ Сюрреѣ, Уэнсбюри (Wednesqury), городъ Одена въ Страдфотдширѣ и Уампуль (Wampool), прудъ Одена, въ Кумберлэндѣ. Если принять на вѣру данныя сравнительной миѳологіи, то эти боги первоначально олицетворяли силы природы, въ особенности тѣ силы, которыя оказываютъ могущественное вліяніе на благо человѣка. Тенденція первобытнаго ума объяснять естественныя явленія дѣйствіемъ живыхъ существъ привела ихъ къ тому, что въ измѣненіяхъ солнечнаго сіянія и бури они стали видѣть проявленія дѣйствія существъ, одаренныхъ такими же страстями, какими обладали они. По мѣрѣ того, какъ понятіе о богѣ развивалось въ воображеніи народа, новыя фантастическія представленія группировались около центральной идеи; божеству приписывались новыя свойства, возникли миѳы о его жизни и приключеніяхъ; таинственныя силы, таившіяся въ природѣ, все болѣе и болѣе стали принимать видъ земнаго героя.

Въ Англіи церкви удалось подавить язычество въ раннемъ періодѣ и потому сохранилось мало слѣдовъ поклоненія или атрибутовъ великихъ боговъ и даже то, что сохранилось, уясняется только при помощи континентальныхъ легендъ и обычаевъ и въ особенности при помощи богатой миѳологіи сѣвера, уцѣлѣвшей для насъ въ исландской литературѣ. Есть основаніе думать, что Оденъ (Woden), норвежскій Одинъ, былъ любимымъ богомъ англо-саксонцевъ. Чрезвычайно велико число мѣстъ, названныхъ въ честь его, и его имя чаще всего упоминается въ королевскихъ родословныхъ. Онъ не фигурируетъ во главѣ списка, другіе боги и герои считаются его предками и нѣкоторыя имена въ восходящемъ ряду ничто иное какъ титулы самого Одена. Это смѣшеніе именъ указываетъ на то мѣсто, какое этотъ богъ занималъ въ умахъ своихъ поклонниковъ, его же низкое положеніе объясняется тѣмъ предположеніемъ, что Оденъ соотвѣтствовалъ новой формѣ первоначальнаго бога въ менѣе божественномъ видѣ и мы находимъ подтвержденіе этого мнѣнія въ тевтонской миѳологіи. Въ концѣ еще перваго столѣтія Тацитъ, упоминая о германскихъ племенахъ, хорошо извѣстныхъ римлянамъ, говоритъ о нихъ, что «они воздавали особыя почести Меркурію», а сами тевтоны отождествляли впослѣдствіи Одена съ этимъ богомъ (греческимъ Гермесомъ), посвятивъ ему четвертый день недѣли. Атрибуты Одена были дѣйствительно значительно обширнѣе атрибутовъ Меркурія. Его имя произошло, говорятъ, отъ корня глагола, означающаго «идти», «странствовать» (англійскаго слова *Wade)* и указывало, по предположенію нѣкоторыхъ, на его вездѣсущіе. Въ существительномъ же первоначальное значеніе перешло въ означеніе «энергіи» и «пылкости», Оденъ

Великіе боги.

сталъ означать «необузданный (wild), неустрашимый (furious). Врядъ ли въ такомъ видѣ рисуетъ намъ классическая миѳологія Гермеса и Меркурія. Но у сѣвернаго и южнаго боговъ было много общихъ чертъ. И тотъ и другой были покровителями границъ — мы находимъ деревья и камни, означавшіе дѣленія земли, названныя въ честь Одена въ англо-саксонскихъ хартіяхъ;—въ норвежской миѳологіи изобрѣтеніе рунъ приписывается Одину, точно также какъ изобрѣтеніе письма и азбуки приписываютъ Гермесу. Въ умахъ дикихъ отрядовъ, высадившихся на берегахъ Британіи, ярче всего вѣроятно было представленіе объ Оденѣ, какъ о руководителѣ битвъ и подателѣ побѣды. Ему повидимому дѣйствительно присваивалось много атрибутовъ, свойственныхъ другимъ богамъ. Такъ настоящимъ богомъ войны былъ Тію (Tiw) (норвежскій Тиръ), чье имя сохранилось въ словѣ Tuesday—вторникъ (день Тію). Пятый день—четвергъ названъ по имени Thunor, Тора, о которомъ мы много узнаемъ изъ скандинавской миѳологіи. Его имя означало Thunder—громъ; по ихъ вѣрованію громъ производился стукомъ его колесъ по облакамъ, ударъ грома считался молотомъ, которымъ онъ наносилъ удары великанамъ холмовъ и льдовъ. Названіе орудія присвоено позднѣе и самому богу. Въ Англіи мы находимъ не только названія: Тэрслей (Thursley) и Тэндерсфильдъ (Thundersfield), но также Гаммеруикъ (Hammerwick), и Гомертонъ (Homerton). Совершенно отличенъ по типу былъ мирный Фреа, богъ солнечнаго свѣта и плодотворнаго дождя. Ему посвящался кабанъ; его изображеніе носили воины на своихъ шлемахъ, какъ показываетъ поэма «Беовульфа», и обычная кабанья голова на Рождествѣ ничто иное, какъ суевѣрный пережитокъ поклоненія этому богу. Мы находимъ въ англо-саксонской литературѣ слѣды прелестнаго миѳа о смерти Бальдера (Balder). Въ генеалогіяхъ онъ названъ Бальдегъ (Baeldaeg). Названія Бальдерсбай (Baldersbay) въ Іоркширѣ и Бальдерстонъ (Balderston) въ Ланкаширѣ, вѣроятно, ведутъ начало со времени періода датскаго и норвежскаго завоеванія. Существуетъ также предположеніе, что въ названія Польсуортсъ (*Polesworth*), Польстэдъ (Polstead) и въ другія названія саксонскаго происхожденія вошло имя этого бога, но въ другой формѣ. Предполагаютъ, что Saturday—суббота получила свое названіе отъ Сетера (Saeterе), имя котораго сохранилось также въ Сатерлей (Satterleigh) и Сатеруэйтъ (Satterwaide), но объ этомъ богѣ ничего неизвѣстно; быть можетъ, оно является искаженіемъ латинскаго Saturn'sday—день Сатурна. Главнымъ женскимъ божествомъ считалась Фриги (Fricge), жена Одена, въ честь котораго названъ шестый день [1]), среди другихъ богинь извѣстна Еостръ (Eostre) (откуда произошло слово Easter—пасха), вѣроятно богиня весны, которой приносили жертвы въ

[1]) Friday—пятница. *Прим. пер.*

апрѣлѣ, называемомъ «мѣсяцемъ Еостры». Относительно поклоненія этимъ богамъ мы узнаемъ отъ Бэды, что у нихъ были храмы, въ которыхъ помѣщались изображенія боговъ и алтари и въ которыхъ богамъ служили особые жрецы. Главный жрецъ Эдвина, короля нортумбріанцевъ, Коифи (Coifi), выслушавъ проповѣдь Паулина, осквернилъ языческое святилище, которое, говорятъ, обнесено было заборомъ: онъ бросилъ туда мечъ и затѣмъ отдалъ приказаніе сжечь его. Этотъ разсказъ указываетъ на ту легкость, съ какою миссіонеры разрушили вѣру въ боговъ подобныхъ Тенору и Одену, къ существованію которыхъ мыслящіе люди относились уже скептически. Боги эти служили главными объектами ихъ нападокъ, такъ какъ знаки поклоненія имъ встрѣчались повсюду.

Другія божества.

Были и другія божества болѣе неопредѣленнаго и смутнаго характера, болѣе тѣсно связанныя съ внутреннею жизнію народа, которыхъ народъ инстинктивно призывалъ въ моменты затрудненія и опасности. Таковы были страшныя богини Гель—(Hel) и Уайрдъ (Wyrd)—судьба, во власти которой было рѣшеніе вопроса о жизни и смерти. Понятіе о Гелѣ, какъ о женщинѣ, повидимому, быстро исчезаетъ, хотя многія черты ея царства мрака и печали—жилище тѣхъ, кто умеръ смертью труса и не участвуетъ въ радостяхъ Уэльголя (Wealheall)—вновь появляются въ англо-саксонскихъ описаніяхъ христіанскаго мѣста наказанія. Воспоминанія о Уайрдѣ сохранилось на ряду съ доктриною, что судьбы въ рукахъ Всемогущаго: въ поэмѣ о Беовульфѣ мы находимъ такія выраженія: «Уайрдъ преслѣдуетъ насъ съ жестокой и мрачной ненавистью», въ этой поэмѣ, какъ и въ другихъ старинныхъ поэмахъ, встрѣчаются намеки на то, что богиня ткетъ судьбу при рожденіи каждаго человѣка. Другіе обитатели языческаго міра—великаны, сверхъестественныя существа, эльфы—легко нашли новый пріютъ во вселенной, населенной повсемѣстно злымъ войскомъ злаго духа; Гренделъ—водяной, убитый Беовульфомъ—изображенъ въ христіанской поэмѣ потомкомъ Каина, удалившимся въ отчаяніи отъ радостей своихъ собратій—людей, таковы же были Никорсы (Nicors)—чудовища моря и болотъ, ухрощенныя Беовульфомъ въ ожесточенной битвѣ и огненный драконъ, котораго онъ убилъ съ опасностью жизни. Среди великановъ были Уэландъ—Weland (удивительный ремесленникъ, который выковалъ тотъ мечъ, которымъ Беовульфъ убилъ Гренделя) и Эгель или Эгиль (Aegel или Eigil), совершившій такой же подвигъ, какой приписываютъ Теллю и другимъ героямъ. Имена этихъ братьевъ уцѣлѣли въ названіяхъ Эльсбюри (Aylesbury) и Эльсфордѣ (Aylsford) и въ пещерѣ кузнеца Уэйланда (Wayland Smith's Cave) въ Беркширѣ. Другіе боги тоже не были совершенно забыты. Долго послѣ того, какъ исчезли боги, память о нихъ сохранялась, какъ о герояхъ-предкахъ народа, разсказы объ ихъ добродѣтели и отвагѣ воспѣвались при дворахъ христіанскихъ королей. Въ пер-

выхъ строкахъ «Беовульфа» мы находимъ легенду о Скильдѣ (Scyld or Sceaf), ребенкѣ, выброшенномъ на берега Spear-Danes (датчанъ), онъ, сдѣлался ихъ королемъ и основалъ династію Скайльдинговъ (Scyldings), Герой Сцифъ (Sceaf) или Ингъ (Ing) былъ никто иной какъ богъ Фріа, обучившій людей обработкѣ земли и подражанію искусствамъ цивилизованной жизни. По мѣрѣ того, какъ національная жизнь подпадала подъ чужеземное вліяніе, прежнія воспоминанія постепенно исчезали. Церковь пріобрѣла власть надъ человѣческой мыслію, и язычество сохранилось только въ тѣхъ формахъ, которыя вполнѣ совпадали съ матеріалистическими понятіями средневѣковаго христіанства. Вѣра въ колдовство, въ дѣйствіе чаръ и заклятій была вѣроятно настолько же распространена въ пятнадцатомъ, какъ и въ пятомъ вѣкѣ. Даже и теперь въ отдѣльныхъ частяхъ страны мы встрѣчаемъ обычаи, происхожденіе которыхъ относится къ времени Одена и Тунора.

Англійская церковь.

Дж. Г. Маудъ (J. H. Maude).

Исторія церкви въ Англіи вообще интересна и имѣетъ важное значеніе; но особенный интересъ представляетъ исторія ея основанія. Интересъ этотъ возбуждается, главнымъ образомъ, достоинствами писателя, познакомившаго насъ съ повѣствованіями объ основаніи церкви. Краткое ознакомленіе съ жизнью и произведеніемъ этого писателя будетъ подходящимъ введеніемъ къ событіямъ, о которыхъ онъ повѣствуетъ.

Бэда родился около 673 г. на земляхъ двухъ монастырей, основанныхъ Бенедиктомъ Бископомъ въ Вермутѣ и Йарроу; почти всю свою жизнь съ семи лѣтняго возраста онъ прожилъ въ послѣднемъ монастырѣ, гдѣ по его словамъ «отдавая всѣ свои силы на размышленіе о Священномъ Писаніи и постоянно наблюдая правила моего ордена и присутствуя на богослуженіи, я находилъ удовольствіе въ изученіи, обученіи и писательствѣ». Въ немъ сосредоточивалась вся ученость его вѣка Ученость эту онъ передалъ школѣ, которую онъ помогъ основать въ Іоркѣ, а затѣмъ Алкуинъ распространилъ эту ученость по Европѣ. Въ Бэдѣ, говоритъ д-ръ Стэббсъ (D-r Stubbs), «обширное знаніе ученаго соединялось съ смиреніемъ, простотою чистѣйшаго типа монашества». Въ своей «Historia Ecclesiastica Gentis Anglorum»—въ произведеніи, равного которому не было въ его вѣкѣ по искренности, любви къ ближнему и проницательности, соединеннымъ съ силою разсказа и умѣніемъ владѣть матерьяломъ,— онъ сообщилъ

намъ почти всѣ свѣдѣнія, которой дошли до насъ о первоначальной исторіи англійской церкви. Въ особенности слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что на страницахъ произведенія Бэды дѣятели этой исторіи встаютъ передъ нами, какъ настоящіе живые мущины и женщины, и всѣ событія, происшедшія вслѣдъ за основаніемъ англійской церкви, группируются вокругъ жизни и дѣяній трехъ главныхъ лицъ— Августина, Айдана и Теодора.

Миссіонерство Августина.

Въ 596 г. Григорій Великій, который среди своихъ разнообразныхъ обязанностей всегда горячо относился къ миссіонерскому дѣлу и который даже самъ желалъ отправиться въ Англію проповѣдывать христіанство, послалъ Августина, игумена своего монастыря, въ сопровожденіи приблизительно сорока монаховъ съ миссіонерскою цѣлью. Экспедиція достигла Кента весною въ 597 г. Страна, въ которую они явились, находилась въ исключительномъ положеніи. Она представляла единственную область римской имперіи, въ которой тевтонскими завоевателями христіанство было подавлено. Неизвѣстно, были ли истреблены британцы, или нѣтъ, — но ихъ религія во всякомъ случаѣ не произвела никакого впечатлѣнія на завоевателей и она совершенно исчезла въ восточной половинѣ острова. Въ западной половинѣ она продолжала еще существовать, но не проявляла ни малѣйшей попытки къ обращенію англійскихъ язычниковъ. Быть можетъ христіанство и вообще всегда проявлялось слабо въ Британіи. Изъ имѣющихся у насъ свѣдѣній видно, что покрайней мѣрѣ во второй половинѣ третьяго столѣтія здѣсь существовала организованная церковь, но крайняя рѣдкость христіанскихъ древностей указываетъ на незначительное распространеніе христіанства въ народѣ. Когда начались вторженія англовъ, всякое сношеніе съ Европой прервано было на сто пятьдесятъ лѣтъ, и исторія британской церкви прерывается на цѣлое столѣтіе. Гильдасъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ изображаетъ положеніе церкви до прибытія туда Августина, и все-таки церковь въ это время проявляла нѣкоторые признаки дѣятельности и оказывала, кажется, хорошее вліяніе на церковь въ Ирландіи. Этотъ островъ впервые былъ обращенъ въ христіанство св. Патрикомъ, который началъ свои труды по перешедшей по преданію, но вѣроятно неточной хронологіи, въ 432 г.; предпринятое имъ дѣло не было имъ закончено, и дѣло настоящаго обращенія въ христіанство предоставлено было такъ называемому Второму Ордену ирландскихъ святыхъ, руководители котораго получили образованіе въ Британіи. Самымъ знаменитымъ изъ этихъ миссіонеровъ былъ св. Колумба; онъ основалъ въ 563 г. монастырь Іона (Ніі), благодаря которому христіанство распространилось изъ Ирландіи не только среди скотовъ, жившихъ въ юго-западной части современной Шотландіи, но также и среди пиктовъ. Главною особенностью этой церкви скотовъ былъ ея исключительно монастырскій характеръ. Она представ-

ляла собой родъ федераціи группъ монастырей, безъ центральной организаціи; иногда епископы были аббатами, въ иныхъ же случаяхъ они, повидимому, находились въ монашескомъ подчиненіи игумену—аббату; ихъ епископальныя функціи почти исключительно сводились къ отдачѣ приказаній. Какъ и въ британской церкви, въ этой церкви Пасха праздновалась по старому исчисленію—какъ это было на западѣ, когда сообщеніе съ Римомъ было прервано—и существовалъ особый видъ тонзуры. Эти два пункта послужили поводомъ для позднѣйшихъ столкновеній. Между британскою церковью и церковью скотовъ была однако та разница, что первая отличалась напряженнымъ благочестіемъ и миссіонерскимъ рвеніемъ, вторая, сталкиваясь исключительно съ ненавистными врагами англами, была совершенно изолирована и замкнута.

Таковы главныя черты христіанства, съ которыми вошла въ соприкосновеніе римская миссія.

Слѣдуетъ прибавить еще нѣсколько словъ о положеніи самихъ англовъ. Во время прибытія Августина, Этельбертъ кентскій занималъ выдающееся мѣсто среди англійскихъ королей. Нортумбрія стала возвышаться и достигла преобладающаго положенія, которое она удерживала до 685 г. Мерсія сплочивалась въ могущественное королевство. Вессексъ все еще продолжалъ расширять свои владѣнія на западъ на счетъ британцевъ. Восточная Англія и Эссексъ имѣли весьма мало значенія, а Суссексъ почти совершенно былъ отрѣзанъ отъ остальной страны. Религія англовъ повидимому первоначально не отличалась отъ религіи другихъ германскихъ племенъ, но въ это время она оказывала слабое давленіе на чувства народа. Въ разсказѣ объ обращеніи англовъ только разъ упоминается жрецъ, и этотъ жрецъ руководилъ разрушеніемъ своего собственнаго храма. Единственный король, проявившій враждебность къ христіанству, терпѣлъ его въ своихъ владѣніяхъ, покрайней мѣрѣ въ концѣ своей жизни. Храмы и идолы упоминаются весьма рѣдко, и не встрѣчается и слѣда долгой борьбы съ суевѣріемъ, какую мы можемъ, напримѣръ, прослѣдить въ легендарной исторіи Ирландіи. Къ тому же англы достигли такой степени прогресса, что они могли уже отнестись радушно къ сближенію съ болѣе цивилизованными народностями. Этельбертъ женился на франкской княжнѣ, обезпечивъ за нею свободное исповѣданіе ея вѣры. Почва готова была для посѣва.

Эти обстоятельства объясняютъ быстроту первыхъ успѣховъ Августина. Этельбертъ крестился, быть можетъ, въ Духовъ день, по прибытіи миссіи, а его подданные, безъ всякаго принужденія, толпами послѣдовали его примѣру. Въ томъ же году Августинъ былъ посвященъ въ Арлѣ въ епископы, и обращеніе Кента было законченнымъ дѣломъ. Таковъ былъ, дѣйствительно, прочный и постоянный результатъ дѣятельности Августина и хотя ему приписывалось гораздо больше

заслугъ, но и этотъ результатъ имѣлъ громадное значеніе. Христіанство съ тѣхъ поръ имѣло центръ и точку отправленія въ Англіи. Однако, это не составляло единственной цѣли миссіи. Августинъ имѣлъ въ виду двѣ другія цѣли, и ни одной изъ нихъ не удалось ему достигнуть. Одна цѣль—войти въ сношеніе съ британской церковью и по возможности обезпечить ея содѣйствіе; другая цѣль — организовать іерархію и ввести христіанство повсемѣстно во всѣхъ другихъ англійскихъ королевствахъ. Мы не знаемъ, какимъ образомъ начались первые переговоры съ британскими епископами; но нѣсколько лѣтъ спустя послѣ прибытія Августина, онъ часто совѣщается съ епископами и на совѣщаніи наконецъ предлагаемъ имъ, съ нашей точки зрѣнія довольно основательныя, условія, а именно: британская церковь должна была принять римское исчисленіе для празднованія Пасхи, сдѣлать измѣненія, повидимому маловажныя, въ обрядѣ крещенія и присоединиться къ проповѣди евангелія англамъ. Условія эти не были приняты и въ теченіи двухъ столѣтій англійская и британская церкви находились въ чрезвычайно враждебныхъ отношеніяхъ другъ къ другу. По всѣмъ вѣроятіямъ, въ этомъ виноваты были обѣ стороны. Григорій и Августинъ считали вполнѣ естественнымъ подчиненіе британскихъ епископовъ ихъ авторитету, а послѣдніе не могли отрѣшиться отъ ненависти къ англамъ, какъ неизбѣжнаго послѣдствія истребительной войны. По отношенію къ организаціи планъ Григорія состоялъ въ раздѣленіи Англіи на двѣ провинціи съ архіепископами равнаго сана, въ Лондонѣ и въ Іоркѣ, и двѣнадцатью викарными епископами при каждомъ изъ архіепископовъ. Августинъ при осуществленіи этого плана могъ только посвятить епископа для Рочестера въ Кентскомъ королевствѣ и епископа для Эссекса. Когда умеръ Этельбертъ, Эссексъ опять впалъ въ язычество и преемникъ Августина Лаврентій собирался бросить миссію и бѣжать въ Галлію. Онъ остался, но только въ 625 г. миссія рѣшилась выйти опять изъ предѣловъ Кентскаго королевства. Мудрый и могущественный король Нортумбріи, Эдвинъ, желалъ выдать замужъ за короля Кента свою сестру. Бракъ могъ состояться только при томъ условіи, чтобы ея капеланомъ былъ христіанскій епископъ, какъ это было и у ея матери. Послѣ долгаго размышленія и обсужденія на Уайтена—гемотѣ Эдвинъ крестился, а епископъ Павлинъ проповѣдывалъ и крестилъ подъ его покровительствомъ по всей Нортумбріи и въ Линдсеѣ. Въ 633 г. битвою при Гатфильдѣ съ Пендой изъ Мерсіи, британскимъ княземъ, болѣе жестокимъ, чѣмъ сами язычники, закончились царствованіе и жизнь Эдвина. Павлинъ бѣжалъ съ королевой въ Кентъ и окончилъ дни свои въ санѣ епископа въ Рочестерѣ. Кентъ остался опять единымъ христіанскимъ королевствомъ. Въ Римѣ, повидимому, думали, что миссія не имѣла никакого успѣха. Передъ тѣмъ, какъ получена была вѣсть о пораженіи, папа выслалъ грамоты и омофоры въ Кен-

тербюри и Іоркъ. Годъ или два спустя въ Италіи былъ посвященъ другой отдѣльный миссіонеръ Биринъ (Birinus) и посланъ папой для отдѣльной попытки обращенія Англіи. Благодаря его проповѣди, крестился король западныхъ саксонцевъ и основано было епископство въ Дорчестерѣ. Восточная Англія была вторымъ королевствомъ, обязаннымъ своимъ обращеніемъ миссіонерамъ изъ Рима; король восточной Англіи нѣсколько лѣтъ спустя, самъ крестившись въ Галліи, вытребовалъ миссіонеровъ изъ Кентербюри для проповѣди христіанства его народу.

Миссіонерство Айдана.

Между тѣмъ порабощеніе Нортумбріи продлилось недолго. Черезъ годъ послѣ пораженія Освальдъ, князь бернійской династіи, находившійся въ изгнаніи въ Скотіи и принявшій тамъ христіанство, прогналъ британскихъ завоевателей. Первой его заботою было—вновь обратить въ христіанство народъ. Естественно, что онъ при этомъ обратился за помощью не въ Кентербюри, а въ монастырь Іона (Hii), откуда ему прислали Айдана. Благодаря святой жизни и личности послѣдняго обращеніе Нортумбріи представляетъ блестящій эпизодъ въ исторіи англійской церкви. Сопровождаемый толпою учениковъ, частію выкупленныхъ имъ рабовъ (на выкупъ рабовъ Айданъ тратилъ всѣ получаемыя имъ деньги), онъ обошелъ пѣшкомъ всю Нортумбрію, останавливаясь для проповѣди въ каждой деревнѣ и никогда не забывая проводить часть дня въ изученіи Священнаго Писанія и въ молитвѣ. Ни одинъ человѣкъ такъ настойчиво, какъ Айданъ, не слѣдовалъ правилу: *Ora et labora*. Милосердіе, мягкость, смиреніе, безстрашіе и полнѣйшая преданность—вотъ черты, какими характеризуетъ его Бэда. Его товарищи и преемники были такими же людьми не отъ міра сего. Всюду, гдѣ бы они не появлялись, народъ толпился слушать ихъ, проникаясь уваженіемъ къ ихъ святости. Бэда съ грустью противопоставляетъ имъ духовенство своего времени. Половина Англіи обязана имъ своимъ обращеніемъ. Два большихъ англійскихъ королевства—Нортумбрія и Мерсія и меньшее королевство Эссексъ обращены въ христіанство почти исключительно миссіонерами съ сѣвера. Черезъ двадцать лѣтъ послѣ того, какъ Айданъ покинулъ монастырь Іона, миссіонерство практически было завершено, и Англія стала христіанской страной.

Врядъ ли можно сказать, что единая англійская церковь уже существовала. Въ дѣйствительности тамъ было нѣсколько самостоятельныхъ церквей. Между ними не было такихъ различій, какія въ настоящее время могли бы считаться серьезными и ихъ взаимныя отношенія были дружественныя, но не было общаго, признаннаго всѣми центра, не было единенія въ дѣйствіи и почти не было организаціи—въ особенности на сѣверѣ. Въ этомъ дѣйствительно заключалась слабая сторона церкви у скотовъ и ея особенности въ видоизмѣненной формѣ были воспроизведены и въ Нортумбріи. Миссіонеры скотовъ отлича-

лись большимъ благочестіемъ, но они мало заботились о внѣшнемъ поклоненіи и управленіи церкви. Задача сліянія церквей нѣсколькихъ королевствъ въ одно органическое цѣлое предоставлена была Теодору. «Is primus erat», говоритъ Бэда, «in archiepiscopis, cui omnis Anglorum ecclessia manus dare consentiret». До его прибытія одно препятствіе было уже устранено. Два различныхъ способа исчисленія Пасхи уже произвели расколъ въ Нортумбріи, и въ 664 г. вопросъ былъ рѣшенъ въ пользу римскаго способа исчисленія синодомъ, созваннымъ королемъ Освью въ Уитби. Епископъ скотовъ, Колманъ, съ нѣкоторыми послѣдователями удалился въ монастырь Іона (Hii), но большинство подчинилось. Мы уже больше не слышимъ о кельтскихъ обрядахъ въ англійской церкви, хотя они еще удерживались болѣе столѣтія среди многихъ скотовъ и британцевъ. Не смотря на рѣшеніе этого вопроса церковь была весьма неустроена. Послѣ Уитби король Освью на мѣсто Колмана избралъ Сеада, человѣка весьма благочестиваго; но сынъ его, правившій частью страны, велѣлъ посвятить *sibi suisque* своего друга Вильфрида, поборника римской партіи. Архіепископъ Кентербюри, Деусдедитъ (Deusdedit), первый англичанинъ въ этомъ санѣ, умеръ немедленно послѣ синода и его мѣсто долго оставалось вакантнымъ. Нѣкоторое время спустя короли Нортумбріи и Кента избрали преемника архіепископа и послали его для посвященія въ Римъ, но онъ тамъ умеръ. Затѣмъ послѣ нѣкотораго промежутка папа избралъ на это мѣсто греческаго монаха Теодора, человѣка мало извѣстнаго, но обладавшаго не только ученостью, но и замѣчательной твердостью характера и организаторскимъ талантомъ. Онъ прибылъ въ Англію какъ разъ въ такое время, когда тамъ очень нуждались въ человѣкѣ съ такими способностями. Архіепископство оставалось вакантнымъ пять лѣтъ. Во всей Англіи было всего три епископа, изъ нихъ двое были претендентами на епископство Іорка, третій купилъ себѣ за деньги епископство Лондона. Организація церкви совершенно не соотвѣтствовала ея задачѣ. Дѣятельность Теодора можетъ быть резюмирована въ пяти положеніяхъ. Во первыхъ, онъ имѣлъ постоянное и дѣйствительное наблюденіе надъ церковью во всей Англіи. По прибытіи своемъ онъ первымъ дѣломъ объѣхалъ всю страну, посвящая новыхъ епископовъ, устраивая, организуя и завязывая тѣсныя сношенія. Во вторыхъ, онъ учредилъ систему синодовъ. До его прибытія соборъ въ Уитби былъ единственнымъ собраніемъ англійскихъ церквей и вполнѣ исключительнымъ по своей обстановкѣ и созванъ былъ не подъ предсѣдательствомъ кентербюрійскаго архіепископа. Соборъ въ Гертфордѣ, созванный Теодоромъ въ 673 г., не только крупное церковное событіе, но имѣетъ, по словамъ д-ра Стэббса, громадное конституціонное значеніе, какъ первый коллективный актъ англійской народности. Это былъ не только день рожденія англійской церкви, но и важный шагъ къ образованію англій-

Теодоръ.

ской націи. Теодоръ предполагалъ созывать ежегодно такіе соборы, и хотя намѣреніе это не приведено было въ исполненіе, однако фактъ возможности коллективнаго дѣйствія былъ установленъ. Третьимъ великимъ дѣяніемъ Теодора было дѣленіе страны на епархіи. Дѣленіе это было труднымъ дѣломъ. Обращеніе англійскихъ королевствъ почти всегда начиналось со двора короля, и епископъ прежде всего былъ капелланомъ короля. Такъ какъ въ каждомъ королевствѣ былъ одинъ король, то былъ и одинъ епископъ, онъ заимствовалъ свой титулъ не отъ епископства, а отъ народа, онъ назывался епископомъ восточныхъ англовъ, мерсійцевъ, нортумбріанцевъ. Неудивительно, что епископы сильно протестовали противъ подраздѣленія ихъ епископствъ. Теодоръ хотѣлъ утвердить уставъ по этому вопросу въ Гертфордѣ, но это ему неудалось. Однако же, несмотря на эту неудачу и на печальное столкновеніе его съ Вильфридомъ, онъ сдѣлалъ очень много. Передъ его смертью, или вскорѣ послѣ нея въ Нортумбріи было три епископа, въ Мерсіи четыре, въ восточной Англіи два, въ Вессексѣ два, въ Кентѣ съ 604 г. два. Бэда очень сожалѣетъ, что подраздѣленія эти не были продолжены еще дальше, такъ какъ это было пагубно для церкви, но не Теодоръ былъ виноватъ въ этомъ. Затѣмъ, хотя Теодоръ и не учредилъ собственно системы приходовъ, но его мѣры подготовили эту систему, явившуюся противовѣсомъ исключительно монастырскому строю церкви скотовъ. Наконецъ усилена была нравственная и религіозная система. Благодаря заботамъ Теодора и обученію аббата Адріана, пріѣхавшаго съ нимъ изъ Рима, Кентербюри сталъ центромъ учености и школою для духовенства всей церкви. Главнымъ результатомъ дѣятельности Теодора было то, что онъ установилъ единство и солидарность церкви во всѣхъ англійскихъ королевствахъ, и присоединеніе кельтскихъ церквей было лишь вопросомъ времени.

Причины упадка.

Такимъ образомъ обращеніе Англіи было завершено. Главный интересъ дальнѣйшей исторіи англійской церкви до завоеванія сосредочивается на ея упадкѣ, обусловленномъ частью внутренней и органической слабостью, частью датскими завоеваніями, а также различными попытками реформы, происходившими, главнымъ образомъ, при Дунстанѣ. Всего нѣсколько лѣтъ спустя послѣ смерти Теодора монастыри дошли до такого упадка, что вызываютъ громкія порицанія Бэды. Они чрезвычайно размножились, многіе были совершенно мірскими; въ нихъ стали очень распространенными роскошь и дурная жизнь. Нѣкоторая реформа была произведена соборомъ, созваннымъ въ Кловисгохѣ (Clovishoch) въ 747 г. Преобладаніе монашества имѣло во всякомъ случаѣ ту хорошую сторону, что оно стремилось къ уничтоженію преградъ между королевствами и къ соединенію церкви и націи. Въ этомъ столѣтіи единство церковной администраціи, учрежденной Теодоромъ, въ нѣкоторой степени было нарушено подаркомъ

омофора епископу Іорка и позднѣе учрежденіемъ Оффой третьяго архіепископства въ Лихфильдѣ. Это архіепископство сохранилось недолго. Еще до конца столѣтія начались вторженія датчанъ. Вторженія эти вызвали немедленно три результата для церкви. Во первыхъ: они нанесли громадный матеріальный убытокъ, въ особенности крупнымъ монастырямъ. Монастыри эти такъ часто грабили и жгли, что прежняя монастырская система почти перестала существовать. Во вторыхъ, онѣ прервали дѣятельность церкви до такой степени, что нѣкоторыя епископства прекратили свое существованіе, въ другихъ епископствахъ не было преемника епископа, и религія и ученость передъ вступленіемъ Альфреда на престолъ находились на самомъ низкомъ уровнѣ. Въ третьихъ, провинція Іоркъ почти совсѣмъ отрѣзана была отъ остальной церкви.

Съ возрожденіемъ патріотизма при Альфредѣ возродилось могущество и вліяніе церкви; въ нѣкоторой степени возродилась религія и ученость, благодаря серьезнымъ и ревностнымъ трудамъ Альфреда и другихъ королей. Способъ осуществленія этого возрожденія повлекъ за собой другое бѣдствіе. Характерную черту церкви до завоеванія составляло всегда тѣсное сближеніе съ государствомъ. Между этими двумя областями не существовало рѣзкой границы. Епископъ съ альдерменомъ судилъ свѣтскія дѣла, всякаго рода церковныя дѣла рѣшались на Уайтенагемотѣ. Всегда являлась при этомъ опасность смѣшенія двухъ сферъ и несомнѣнно, что церковь въ этотъ періодъ стала болѣе свѣтскою. Епископы становились государственными людьми, и это продолжалось до завоеванія. Нѣкоторые епископы были также военными и умерли на полѣ битвы съ датчанами. Епископства соединялись подъ управленіемъ одного лица. Разрушеніе крупныхъ монастырей способствовало усиленію бѣлаго духовенства сравнительно съ монахами, и хотя англійское духовенство не сдѣлалось наслѣдственной кастою, какъ это было въ Ирландіи и въ нѣкоторыхъ частяхъ континента, но у насъ есть много указаній на то, что тенденція къ этому всегда существовала и представляла серьезную опасность. Когда великій преобразователь Дунстанъ началъ свою дѣятельность, ему пришлось прежде всего столкнуться съ общимъ упадкомъ религіи и учености, который только отчасти пріостановленъ былъ усиліями Альфреда.

Церковь и государство.

Реформы Дунстана.

Онъ желалъ способствовать подъему церкви тѣснымъ сближеніемъ ея съ континентомъ, болѣе тѣснымъ общеніемъ съ Франціей, Фландріей и Германіей, устройствомъ апостольскаго епископства и въ связи со всѣмъ этимъ реформою монастырей. Дунстанъ желалъ ввести въ монастыряхъ бенедиктинскій уставъ и преобразовать ихъ въ школы учености и благочестія. Дисциплина англійскихъ монастырей, какъ мы узнаемъ отъ Бэды, съ самаго начала была весьма слаба; монастыри скотовъ даже номинально не подчинялись уставу Св. Бенедикта. Позднѣе свѣтскіе уставы замѣнили монастырскіе. Монастырскія ре-

формы, предпринятыя Дунстаномъ, заслонили въ глазахъ его біографовъ другія стороны его дѣятельности и способствовали преувеличеннымъ похваламъ или нападкамъ, омрачавшимъ его жизнь.

Второе зло, съ которымъ приходилось считаться, состояло въ обмірщеніи церкви. Этому злу помочь было труднѣе. Епископы, хотя и перестали сражаться, но продолжали занимать свѣтскія должности. Самъ Дунстанъ былъ скорѣе государственный дѣятель, чѣмъ прелатъ. Онъ, повидимому, хотѣлъ навязать бѣлому духовенству, согласно уставу западной церкви, безбрачіе, но желаніе это осталось безъ результатовъ. Говорятъ, онъ преслѣдовалъ женатыхъ священниковъ, но въ пользу этого мнѣнія у насъ слишкомъ мало доказательствъ. Ему удалось съ успѣхомъ заглушить тенденцію сдѣлать бенефиціи наслѣдственными. Третьей опасностью для церкви было изолированное положеніе эпархіи Іорка, которая едва не сдѣлалась одно время независимою церковью. Политика мирнаго сплоченія, какой слѣдовали Эдгаръ и Дунстанъ, предотвратила эту опасность, и соединеніе съ сѣвернымъ архіепископствомъ было упрочено его отношеніями съ епископствомъ Уорчестера; съ 963 г. послѣ завоеванія управленіе этимъ епископствомъ совмѣщалось съ Іоркскимъ, или находилось въ рукахъ ближайшаго родственника архіепископа.

Церковь до завоеванія.

Въ первой половинѣ царствованія Этельреда Дунстанъ постепенно удалялся отъ общественной жизни и послѣдніе дни свои провелъ въ мирѣ и благочестіи. Послѣдующіе тридцать лѣтъ, до восшествія Канута, отмѣчены катастрофой и регрессомъ въ церкви и въ государствѣ. Исторія церкви даетъ мало матерьяла за эти годы: героическая смерть архіепископа Эльфига (Elphege) является однимъ изъ свѣтлыхъ событій среди окружающаго мрака. Воцареніе Канута, предвѣщавшее повидимому церкви самую худшую судьбу было началомъ краткаго періода мира и процвѣтанія. «Общество», говоритъ д-ръ Стэббсъ, «которое не могло устоять противъ оружія Канута, почти немедленно гуманизировало и возвысило его». Канутъ не только сталъ строителемъ и возобновителемъ церквей и монастырей, но онъ былъ также дѣятельнымъ и мудрымъ законодателемъ для церкви и для государства и способствовалъ болѣе тѣсному сношенію съ континентомъ и Римомъ. Не смотря на то, что церковь нѣкоторымъ образомъ процвѣла, религія была въ упадкѣ, и даже когда послѣ дикаго управленія сыновей Канута восшествіе Эдуарда предвѣщало лучшія времена, продолжали господствовать симонія и соединеніе въ рукахъ многихъ епископствъ. Въ церкви и въ государствѣ преобладали общая бездѣятельность и индифферентизмъ. Эдуардъ безъ сомнѣнія проявлялъ искреннее стремленіе къ преобразованію, но его политика окончилась полной неудачей. Назначая чужеземныхъ духовныхъ лицъ, своевременно и несвоевременно, на высшія должности церкви, онъ усилилъ тѣ злоупотребленія, которыя хотѣлъ устранить. Народъ не

довѣрялъ чужеземнымъ прелатамъ и ненавидѣлъ ихъ, прелаты презирали народъ; попытка возвысить церковь сближеніемъ ея съ высшей цивилизаціей только повлекла за собою ослабленіе управленія. Чужеземное вліяніе оказалась преобладающимъ и влило новую энергію въ истощенное общество, но только въ моменты бѣдствій завоеванія.

Таковы главныя черты исторіи перваго періода существованія англійской церкви. Исторія даетъ свѣдѣнія, совершенно своеобразныя по подробностямъ и точности, объ обращеніи народа, почти не тронутаго римской цивилизаціей. Затѣмъ исторія описываетъ процессъ соединенія многихъ мелкихъ общинъ, обращенныхъ въ христіанство изъ различныхъ источниковъ и по разному типу, въ одну національную церковь. Она изображаетъ развитіе національной церкви совершавшимся почти внѣ вліянія и развитія остальнаго христіанства. Исторія дальнѣйшаго періода покажетъ намъ, какъ эта церковь сдѣлалась неразрывной частью великой іерархіи средневѣковой западной церкви.

Исторія законодательства.

Ф. Майтлэнда (F. W. Maitland).

Когда мы говоримъ о законодательствѣ, какъ цѣломъ, мы употребляемъ такую удачную метафору, что даже не считаемъ это метафорой. Мы представляемъ себѣ нѣчто, что живетъ и развивается и сохраняетъ свою сущность, въ то время какъ каждый атомъ, изъ котораго это нѣчто состоитъ, подвергается безпрерывному процессу измѣненія, разрушенія и возобновленія. Во всякое время, напримѣръ въ нынѣшнемъ году, мы думаемъ, что наши законодатели свободны и пользуются безграничною властью измѣнять по своему желанію законы, которымъ мы подчиняемся; а между тѣмъ мы знаемъ, что, какова бы ни была ихъ дѣятельность, ихъ труды составятъ органическую часть уже существующей системы.

Непрерывность Англійскаго законодательства.

Если мы обратимъ вниманіе на эпохи, особенно извѣстныя въ исторіи англійскаго законодательства: эпоху Бентама и радикальной реформы, эпоху, усвоившую всѣ выгоды, добытыя, но не удержанныя, во время правленія Кромвеля, эпоху Генриха VIII, эпоху Эдуарда I («нашего англійскаго Юстиніана») — мы замѣчаемъ, что эти лица, не смотря на всю ихъ дѣятельность, измѣняли и могли измѣнить лишь немногое въ законодательствѣ, унаслѣдованномъ ими отъ ихъ предшественниковъ. Врядъ ли хоть одинъ параграфъ остался безъ измѣненія, а всетаки законодательство (*body of law*), существующее

у насъ, тоже самое, которое излагаетъ Блэкстонъ въ восемнадцатомъ вѣкѣ, Кокъ въ семнадцатомъ, Литтльтонъ въ пятнадцатомъ, Брактонъ въ тринадцатомъ, Глэнвилль въ двѣнадцатомъ. Эти непрерывность и тождество очевидны для насъ, такъ какъ мы знаемъ, что всѣ судебныя постановленія въ Вестминстерѣ записаны и до сихъ поръ можно прочесть большую часть изъ нихъ. Если бы міръ былъ такъ великъ, чтобы быть въ состояніи вмѣстить въ себѣ такую книгу, мы могли бы напечатать не только біографію, но даже журналъ или дневникъ англійскаго законодательства, передавая, если не день за днемъ, то сессію за сессіей, все, что было сдѣлано со времени царствованія Ричарда I; какъ ни обильна событіями эта біографія законодательства, она обнимаетъ собою единую и нераздѣльную жизнь.

За предѣлами этихъ семи столѣтій находятся шесть другихъ столѣтій, которыя весьма неясно и лишь отчасти освѣщены; въ теченіи одного изъ этихъ столѣтій надъ Англіей и англійскимъ законодательствомъ разразилась большая катастрофа, —норманское завоеваніе, и все же мы не теряемъ исторической нити. По тому или другому пути мы можемъ прослѣдить нити, которыя идутъ отъ какого либо мѣста поселенія дикихъ германцевъ, завладѣвшихъ почвою римскихъ провинцій и вошедшихъ въ соприкосновеніе съ цивилизаціей древняго міра. Тутъ слѣдъ исчезаетъ, слабый свѣтъ сумерекъ переходитъ во мракъ ночи; отъ вѣка, когда люди рѣдко записываютъ законы, мы переходимъ къ вѣку, въ которомъ люди совсѣмъ не умѣютъ писать. Дальше мы попадаемъ въ область догадокъ.

Первый Англійскій кодексъ.

Около 600 года Этельбертъ, король Кента, по совѣту «мудрыхъ» повелѣлъ изложить письменно законы своего народа. Онъ только-что принялъ христіанскую вѣру изъ рукъ римскихъ миссіонеровъ, и въ подражаніе римлянамъ онъ и его народъ желали имѣть писанные законы. Его царствованіе слѣдовало за царствованіемъ Юстиніана, и быть можетъ онъ слышалъ, какъ широко простирались заботы римскаго императора о законодательствѣ на дальнемъ востокѣ. Англійское законодательство начинаетъ проявлять свою дѣятельность тогда, когда римское законодательство, можно сказать, произноситъ свои заключительныя слова. Тоже самое происходило и на континентѣ Европы. Едва только племя варваровъ подпадало подъ вліяніе Рима, оно начинало стремиться пріобрѣсть писанный кодексъ законовъ. Этельбертъ и его юты въ Кентѣ поступали точно такъ, какъ салійскіе франки столѣтіе тому назадъ, когда они написали знаменитый *Lex Salicà;* но въ то время, какъ на континентѣ законы завоевателей-германцевъ написаны на латинскомъ языкѣ побѣжденныхъ, въ Англіи варвары съ самаго начала пишутъ свое законодательство на томъ языкѣ, на которомъ говорятъ, — на языкѣ, сдѣлавшимся впослѣдствіе англійскимъ.

Законодательство Этельберта дошло до насъ, хотя и въ копіи, написанной послѣ норманскаго завоеванія. Законодательство это кажется намъ довольно первобытнымъ. Если бы византійскій императоръ могъ видѣть это законодательство, то онъ, конечно, сталъ бы отрицать какое бы то ни было сходство его съ римскимъ законодательствомъ и призналъ бы только то, что это были законы и писанные законы. Тѣмъ не менѣе мы не можемъ назвать ихъ первобытными въ полномъ смыслѣ этого слова. Эти законы—христіанскіе законы.

Въ первой же фразѣ, въ первомъ изложеніи англійскаго закона, мы читаемъ: «Часть (собственность) Богу и церкви—двѣнадцати кратная; часть епископа—одинадцати кратная; часть священника—девяти кратная; часть діакона — шести кратная; часть причетника — тройная». Церкви, епископы, священники, діаконы, причетники,—это не архаическія германскія учрежденія; это латинскія учрежденія, они носятъ латинскія названія, вошедшія въ составъ тевтонской рѣчи новообращенныхъ. Къ сожалѣнію (мы такъ думаемъ теперь) германское законодательство не оставило письменныхъ памятниковъ временъ язычества. Во всѣхъ письменныхъ памятникахъ, проходившихъ черезъ руки духовныхъ лицъ, старательно уничтожались самые слабые слѣды языческой вѣры. Мы полагаемъ, такимъ образомъ, что новая сила начинаетъ уже видоизмѣнять общій видъ и сущность варварскаго законодательства, еще до перваго изложенія законодательства, дошедшаго до насъ. Это—дикое растеніе, уже вызванное изъ родной почвы и пересаженное въ садъ. Перемѣна вѣры и замѣна однихъ религіозныхъ обрядовъ другими, во всякомъ случаѣ, имѣютъ значеніе, мы имѣемъ основаніе думать, что древнее законодательство включало въ себя значительный церковный элементъ; во всякомъ случаѣ, законодательство это отражало вліяніе древняго цивилизованнаго міра на новый варварскій міръ.

Законы Этельберта состоятъ изъ девяноста краткихъ статей. Возьмемъ двѣ изъ нихъ для образчика: «Если человѣкъ ударитъ другого кулакомъ по носу—три шиллинга». «Если выбитъ глазъ,—пеня въ пятьдесятъ шиллинговъ». Странно назвать это краткое перечисленіе кодексомъ, но у насъ есть доказательства, что «мудрые» Кента записывали въ формѣ отвлеченныхъ положеній все то, что они могли запомнить изъ обычнаго права. Несомнѣнно, что практически, въ частныхъ случаяхъ и въ судебномъ производствѣ, они знали законъ лучше. Въ какомъ-либо конкретномъ случаѣ они не затруднялись произнести приговоръ, но когда ихъ спрашивали объ общихъ положеніяхъ, они могли вспомнить только эти девяносто статей. Мы можемъ такимъ образомъ сказать, что исторія нашего законодательства началась актомъ кодификаціи. Этотъ кодексъ сталъ основою кентскаго законодательства. Послѣдующіе короли въ теченіи седьмаго столѣтія, Ло-

тарь (Hlothar), Эдрикъ (Eadric), Уитредъ (Wihtread), по совѣту «мудрыхъ», прибавили еще пятьдесятъ приговоровъ къ писанному закону «мудрыхъ» Кента.

Законы Ине. Затѣмъ мы переносимся въ Вессексъ. Въ половинѣ седьмого столѣтія западные саксонцы приняли христіанство; къ концу столѣтія они написали законы, законы Ине (Ine). По совѣту своихъ епископовъ и старѣйшихъ и мудрѣйшихъ людей, Ине издалъ сводъ законовъ, изъ котораго мы узнаемъ больше, чѣмъ изъ законодательства Кента.

Законодательство Альфреда. Слѣдующимъ законодателемъ, былъ Альфредъ. Его законы отдѣляются двумя столѣтіями, или около того, отъ законовъ его предка Ине. Этотъ промежутокъ времени составляетъ пробѣлъ въ непрерывной исторіи нашего законодательства. Въ исторіи религіи, учености и литературы это время далеко небыло самымъ мрачнымъ. То было время, когда Нортумбрія временно была центромъ просвѣщенія—не только для Англіи, но и для всего міра. Быть можетъ, кое что и не дошло до насъ. Почти навѣрное извѣстно, что Оффа, король Мерсіи, во дни ея величія издалъ писанные законы. Въ то время, когда Альфредъ былъ королемъ, когда Англія соединилась подъ властью могущественныхъ князей западно-саксонскаго дома, извѣстны три законодателя, имена которыхъ сохранились до сихъ поръ: Этельбертъ въ Кентѣ, Ине въ Вессексѣ и Оффа въ Мерсіи. Изъ того, что Альфредъ говоритъ объ этихъ законахъ и изъ всего, что намъ извѣстно о нихъ, мы можемъ вывести заключеніе, что какова бы ни была наша потеря, мы не утратили ни одного документа, указывающаго на радикальное измѣненіе въ законодательствѣ. Не смотря на то, что прошло три столѣтія со времени смерти Этельберта, его приговоры все еще были въ силѣ въ кентскомъ народѣ. Альфредъ говоритъ, что онъ рѣшается прибавить весьма мало своего къ трудамъ его трехъ великихъ предшественниковъ и хотя въ теченіи послѣднихъ двухъ столѣтій замѣтно возникновеніе нѣкоторыхъ новыхъ юридическихъ понятій, сущность закона остается прежняя. Письменно возможно было изложить лишь перечень пени, уплачиваемой за совершенныя насилія.

Альфредъ въ настоящемъ освѣщеніи не похожъ на Альфреда легенды законодательства — исторія законодательства имѣетъ свои легенды, — на изобрѣтательнаго архитектора британской конституціи; но его законы составляютъ первое звено громадной серіи капитулярій,—какъ мы можемъ назвать ихъ,— англійскихъ королей западно-саксонскаго дома. Эдуардъ старшій, Этельстанъ, Эдмундъ и Эдгаръ съ совѣта мудрыхъ смѣло и властно издаютъ законы. Ради лучшаго сохраненія мира, они подтверждаютъ прежнія статьи и прибавляютъ новыя. Писанные законы быстро накопляются. Можно предположить, что въ это время судьи (doomsmen) могли находить въ «судной кни-

гѣ» (doombook), въ книгѣ писаннаго закона, приговоры почти для всѣхъ дѣлъ, подлежавшихъ ихъ разбирательству. Серія начинается съ начала до конца десятаго столѣтія. Законы Этельреда доходятъ до одинадцатаго столѣтія. Онъ издалъ много законовъ, ему много разъ приходилось повторять одно и тоже: мы видимъ сразу, что законы эти были недѣйствительны. Онъ проситъ и умоляетъ людей сохранять миръ и прекратить преступныя дѣянія; онъ принужденъ просить и умолять, такъ какъ не имѣетъ возможности повелѣвать и наказывать; датчане раззоряли и побѣждали; государство пошатнулось, династія Цердика пала. На долю могущественнаго Канута выпала задача закончить первый великій періодъ англійскаго законодательства, — періодъ, въ теченіи котораго законы были написаны на англійскомъ языкѣ, періодъ, который можно назвать англо-саксонскимъ. Кодексъ Канута мы можемъ назвать, принимая во вниманіе вѣкъ изданія его, обширнымъ кодексомъ; въ немъ повторяется съ дополненіями все, что было сказано раньше. Великій датчанинъ могъ придать силу закона тѣмъ положеніямъ, которыя въ устахъ его предшественниковъ были лишь благочестивыми пожеланіями; но въ кодексъ входитъ и многое такое, чего мы раньше не находимъ. Весь экономическій и политическій строй общества подвергся большому измѣненію. Чтобы кратко выразить сущность этого сложнаго процесса, мы скажемъ, что племенное начало уступало мѣсто феодализму. Если бы преемники Канута отличались его силою и мудростью, быть можетъ переходъ совершился бы мирно и путемъ писанныхъ законовъ, съ которыми мы могли бы ознакомиться и теперь. На тронъ вступилъ благочестивый, но неспособный Эдуардъ. Впослѣдствіи онъ пріобрѣлъ не только славу святаго, имъ заслуженную, но и славу, на которую не имѣлъ, конечно, права,—славу великаго законодателя. Въ воздвигнутомъ имъ соборѣ король за королемъ давали клятву соблюдать законы Эдуарда Исповѣдника. Насколько мы знаемъ, онъ не издавалъ законовъ. Если бы онъ издавалъ законы, или даже съумѣлъ воспользоваться прежде изданными, быть можетъ, не произошло бы и завоеванія Англіи норманнами. Не будь завоеванія Англіи норманнами, Эдуардъ никогда не пріобрѣлъ бы своей мнимой славы. На него смотрѣли, какъ на послѣдняго потомка англійскихъ королей,—о Гарольдѣ, клятвопреступномъ узурпаторѣ не могло быть и рѣчи;—изнывая подъ игомъ французскихъ властелиновъ всѣ вздыхали о законѣ св. Эдуарда, подразумѣвая подъ этимъ тотъ законъ, который господствовалъ въ непобѣжденной еще Англіи.

Канутъ.

Законы Исповѣдника.

Въ настоящее время съ современной точки зрѣнія эти изданные и писанные законы, обнимающіе почти четыре съ половиною столѣтій,—приблизительно такой же періодъ, который отдѣляетъ наше время отъ войны Розъ,—кажутся намъ ничтожными. Всѣ эти законы прекрасно могли бы умѣститься на сотнѣ такихъ страницъ, какъ

Контрастъ между древнимъ и современнымъ статутами.

страницы этой книги. Сессія парламента, которая дала бы не больше матеріала, нынѣ считалась бы безплодной сессіей. Въ царствованіе Георга скромному проекту мощенія и освѣщенія города Малаго Педдлингтона посвящается больше словъ, чѣмъ сколько находится ихъ въ цѣломъ кодексѣ Канута. Хорошо, конечно, что наши древніе короли и ихъ «мудрые» говорили кратко и точно. Они не опасались, что остроумные юристы перетолкуютъ иначе ихъ слова. Формулируя: «Часть Бога и Церкви»,—и т. д. они понимаютъ, что по поводу такого важнаго вопроса не слѣдуетъ болѣе прибавлять ни слова. Нужно вспомнить также и то, что тогдашняя жизнь была проста, люди могли совершить и желать весьма мало. Расширеніе нашей власти надъ физическимъ міромъ влечетъ за собою всегда расширеніе области закона, такъ какъ усложняетъ отношенія между человѣческими существами. Нѣкоторые изъ современныхъ актовъ парламента обязаны своимъ существованіемъ паровой машинѣ, спустя долгое время послѣ появленія печатнаго станка возникаетъ надобность въ законѣ о правахъ литературныхъ. Во всякомъ случаѣ, достовѣрно одно, что эти древніе писанные и изданные законы составляютъ только часть закона, имѣвшаго силу въ Англіи.

Принимая во вниманіе, что законъ преслѣдуетъ три главныя цѣли: наказуетъ преступленіе, уничтожаетъ злоупотребленія и разрѣшаетъ споры (намъ нѣтъ надобности глубже входить въ сущность предмета),—мы можемъ сказать, что въ древнія времена первыя двѣ цѣли постоянно смѣшивались, о третьей же цѣли законодатель вовсе не заботился. Онъ былъ вполнѣ удовлетворенъ, если ему удавалось поддерживать миръ, подавлять насиліе и воровство, сдерживать въ извѣстныхъ предѣлахъ месть; онъ вовсе не заботится объ изданіи закона о бракѣ и наслѣдствѣ и закона, регулирующаго отношенія между мужемъ и женой, землевладѣльцемъ и фермеромъ. Все это устанавливалось неписаннымъ обычнымъ правомъ. Законодатель не заботится объ удовлетвореніи любопытства отдаленнаго потомства, которое вздумаетъ рыться въ этихъ документахъ и пожелаетъ писать о нихъ цѣлыя книги. Если, напримѣръ, судъ долженъ рѣшить спорный вопросъ о собственности умершаго, то онъ руководствуется общимъ закономъ о наслѣдствѣ или различными племенными или мѣстными законами. Законодатель ничего не упоминаетъ объ этомъ. Если мы хотимъ возстановить старыя статьи закона, мы можемъ руководствоваться только кое-какими намеками и случайными сообщеніями, или тѣми архаизмами, которые вошли въ законы позднѣйшаго времени.

Народное Обычное право.

Законы народа, «обычное право», (слово «law»—законъ, одно изъ тѣхъ словъ, которыя введены въ употребленіе датчанами)—извѣстны въ средѣ народа, но знаютъ ихъ въ особенности старики и мудрецы. Свободные люди, или свободные землевладѣльцы сотни обязаны посѣщать «вѣче»—судъ сотни, на которомъ объявлялся законъ и со-

ставлялись приговоры. Предсѣдательствующій альдерменъ или шерифъ обращался къ нимъ, когда являлась необходимость въ изложеніи закона. Пока нѣтъ еще класса профессіональныхъ законовѣдовъ, присутствіе на судахъ вмѣняется въ обязанность людямъ съ положеніемъ, людямъ ранга тегновъ, простой народъ предпочитаетъ оставаться у себя дома.

Характерныя черты первобытнаго закона.

Нѣкоторые люди пріобрѣтали извѣстность своею юридическою ученостью, и имъ многому приходилось учиться, хотя и не было писаннаго закона. Мы впадемъ въ крупную ошибку, если вообразимъ себѣ древнія вѣча судами справедливости, гдѣ «естественный человѣкъ» приводилъ въ исполненіе неформальный «законъ природы». Объ этомъ законѣ мы можемъ сказать одно (объ этомъ будемъ говорить и впослѣдствіи): законъ естественнаго человѣка—сверхъестественный законъ,—законъ, опирающійся на чудеса и примѣты. Затѣмъ онъ чрезвычайно формаленъ; это—законъ процедуры. Опредѣленныя слова должны произносится безъ малѣйшаго опущенія, необходимая церемонія должна быть выполнена въ точности, иначе все судопроизводство считается недѣйствительнымъ. Это составляло главное достояніе юриспруденціи мудрыхъ. Одного человѣка, пользовавшагося среди сосѣдей дѣйствительно славою мудреца, подозрѣвали въ томъ, что онъ умѣлъ расширять обычное право собственными дополненіями. Намъ передается удивительный разсказъ изъ Исландіи о необычайно мудромъ человѣкѣ: когда онъ оказался виновнымъ въ какомъ-то проступкѣ, то никто не рѣшался его обвинять, такъ какъ только ему были извѣстны настоящія слова формулы; заставить же его выдать тайны драгоцѣнной формулы, требовало бы геройскихъ усилій. Формализмъ имѣлъ какъ хорошую, такъ и смѣшную сторону. Пока нѣтъ писаннаго закона, приходится окружать его нѣкоторымъ драматизмомъ и обстановкою. Справедливость должна драпироваться въ красивое одѣяніе или будетъ незамѣчена. Даже ябеда имѣла свою хорошую сторону: то было почтеніе, которое беззаконіе оказывало закону.

Пени и штрафы.

Мы назвали писанные законы перечнями, тарифами. Они предписываютъ съ мельчайшими подробностями различныя суммы денегъ, которыя должны быть выплачены обидчикомъ. Пени уплачивались оскорбленному лицу или родственникамъ убитаго; существуютъ пени королю или представителямъ племени или народности. Развитіе системы денежныхъ штрафовъ постепенно съузило сферу самопомощи и мести. Узы кровнаго родства были тѣснѣйшими узами единенія. Если человѣка одной семьи убивалъ человѣкъ другой семьи, наступала кровавая распря, междоусобіе. Государство вмѣшивалось и принуждало оскорбленную семью принять «wergild», виру за убитаго—цѣну или стоимость убитаго, если таковая выплачивалась справедливо. Король Эдмондъ идетъ далѣе и настаиваетъ, чтобы месть род-

ственниковъ убитаго не распространялась на невинныхъ членовъ клана убійцы. Послѣднее средство закона противъ беззаконія — объявленіе «внѣ закона». Упорный обидчикъ ставился внѣ условій мира, онъ становился врагомъ всѣхъ, подчинявшихся закону. Обязанность послѣднихъ опустошать его землю, жечь его домъ и преслѣдовать его и бить его по головѣ, какъ хищное животное, такъ какъ «онъ носитъ волчью голову». По мѣрѣ того, какъ крѣпнетъ государство, становятся возможными менѣе грубые способы наказанія; преступникъ можетъ быть призванъ на судъ и окончательно присужденъ къ смерти или изуродованію. Мы можемъ наблюдать, какъ прежняя система денежныхъ пеней, кровавой распри и объявленія внѣ закона смѣняется системою настоящихъ наказаній, системою тѣлесныхъ наказаній и казней; наканунѣ норманскаго завоеванія простое убійство могло быть возмѣщено только уплатою виры, «wergild» и, въ случаѣ неуплаты ея, оскорбленная семья, а не государство, должна была убить убійцу. Люди различнаго состоянія оцѣнивались различно: тегнъ равнялся шести кеорлямъ (ceorls); если кеорль убивалъ тегна, онъ платилъ смертью или продавался въ рабство, такъ какъ вира за тегна превышала его скромныя средства. Въ двѣнадцатомъ столѣтіи старая система погибла вслѣдствіе ея сложности. Пеню за убійство было трудно вычислить, да и трудно уплатить во времена феодализма; за убитаго требовали виры и пени лордъ убитаго и лордъ мѣстности, гдѣ пролита кровь, еще и другіе лорды. Убійца долженъ былъ платить глазами или жизнію долгъ, который иначе онъ не въ состояніи былъ выплатить.

Вліяніе Рима.

Германское законодательство не подвергалось еще вторженію римской юриспруденціи, но все же медленно впитывало въ себя и ассимилировало цивилизацію древняго міра. Съ другой стороны еще не было заимствованія римскихъ юридическихъ текстовъ. У насъ нѣтъ доказательствъ, чтобы въ Англіи въ теченіи пяти столѣтій, предшествовавшихъ завоеванію норманновъ, существовала бы хоть одна копія римскихъ законовъ. У насъ имѣются слабые и смутные намеки на то, что законовѣденіе преподавалось въ школахъ, но мы можемъ быть вполнѣ убѣждены въ томъ, что подъ этимъ названіемъ подразумѣвались весьма скудныя свѣдѣнія. Люди очень опытные рылись въ приговорахъ нашихъ королей, стараясь найти хоть самый малѣйшій отрывокъ римскаго законодательства подъ варварской оболочкой и не нашли ничего достойнаго упоминанія. Мнѣнія ученыхъ сводятся къ тому, что эти приговоры — чистѣйшіе образчики чисто германскаго законодательства. Даже англійская церковь,— хотя независимость ея часто преувеличивается,— была чисто національной. Съ другой стороны, какъ мы уже сказали, стать христіаниномъ — въ нѣкоторомъ смыслѣ, значило стать римляниномъ. Трудно отвѣтить на вопросъ: не осталась ли бы Англія варварской страною до на-

шихъ дней, если бы въ послѣдней четверти шестаго столѣтія воздвигли вокругъ нея непроницаемую стѣну. Несомнѣнно то, что мы не сами выработали нашу цивилизацію; мы усвоили результаты, уже добытые древнимъ міромъ. Напримѣръ: мы не изобрѣли искусства письма, мы его заимствовали; мы не изобрѣли нашей азбуки, мы заимствовали римскую азбуку. И такимъ образомъ по отношенію къ нашему законодательству нужно сказать, что мы заимствовали или унаслѣдовали отъ древняго міра писанный юридическій документъ, писанную довѣренность, завѣщаніе. Писанная довѣренность введена была вмѣстѣ съ христіанствомъ; по всѣмъ вѣроятіямъ, Этельбертъ самъ началъ «регистрованную» передачу земель церквамъ. У насъ сохранилось мало поземельныхъ «регистровъ» седьмаго и восьмаго столѣтія, но много регистровъ позднѣйшихъ столѣтій. Большею частью они написаны по латыни и по итальянскимъ образцамъ; въ то же время мы замѣчаемъ, что образцы эти искажены и непонятны; англійскіе писцы перетолковывали намѣренія римскихъ законодателей. Конечно, всякое противопоставленіе законодательства народа и его цивилизаціи даетъ поводъ къ возраженіямъ. Предположимъ, что въ настоящее время отрядъ англійскихъ миссіонеровъ двинулся для обращенія дикаго племени: можетъ быть, ни одинъ изъ нихъ не знаетъ англійскаго законодательства настолько, чтобы выдержать самый снисходительный экзаменъ, но каждый изъ нихъ обладаетъ понятіями, которыя нѣкоторымъ образомъ въ совокупности составляютъ понятія объ англійскомъ законодательствѣ. Не умѣя опредѣлить, что такое убійство, они знаютъ, что въ этой странѣ убійцы приговариваются къ смерти; они знаютъ, что письменное выраженіе послѣдней воли человѣка должно быть уважаемо, хотя быть можетъ они и не будутъ знать, уничтожается ли это завѣщаніе бракомъ завѣщателя. Такъ было и въ седьмомъ вѣкѣ. Со времени Этельберта англійское законодательство настолько находилось подъ вліяніемъ римскаго законодательства, насколько послѣднее вошло въ традиціи римской церкви.

Народное здравіе.

Крейтона (C. Creighton).

Чума имѣла громадное значеніе въ общественной жизни среднихъ вѣковъ. Начальнымъ моментомъ средневѣковаго періода считаютъ то время, когда свирѣпствовала сильная чума, появившаяся въ Нижнемъ Египтѣ, въ царствованіе Юстиніана (въ 542 г. по Р. Х.) и распространившаяся по всей имперіи съ востока на западъ.

Писатели того времени говорятъ, что ничто не могло остановить развитія этой чумы; она опустошала города и деревни, забиралась въ высокія, необитаемыя горныя мѣстности и проникала въ области варваровъ. «Вмѣстѣ съ войною и голодомъ, говоритъ Гиббонъ, она способствовала значительному уменьшенію человѣческаго рода, и этотъ уронъ могъ быть потомъ возстановленъ въ нѣкоторыхъ изъ самыхъ лучшихъ странъ земнаго шара». Таже болѣзнь называлась «черною смертью» и, подобно великому вторженію ея въ четырнадцатомъ вѣкѣ, чума шестаго столѣтія врывалась отъ времени до времени («попеременно стихая и возобновляясь», какъ говоритъ Гиббонъ) въ теченіи десятилѣтняго промежутка и болѣе и появлялась то въ одной провинціи, то въ другой до 600 г. по Р. Х. Является вопросъ: появилась ли она, наконецъ, и въ Британіи, которая утратила свою римскую цивизацію, и которая могла бы быть причислена къ варварскимъ странамъ, если бы въ ней не было распространено кельтское христіанство. Несомнѣнно то, что сильная чума, извѣстная подъ названіемъ Желтой Чумы, появилась на югѣ Англіи въ 664 г., прошла по всей странѣ, распространилась по Ирландіи и продолжалась съ перерывами до 685 г. и затѣмъ перешла на континентъ Европы, гдѣ и исчезла. Тоже названіе Желтой Чумы дается заразѣ, свирѣпствовавшей «повально» среди простаго народа въ Валлисѣ въ то время, когда Св. Самсонъ управлялъ епископствомъ Св. Давида, въ концѣ шестого столѣтія. Святой Самсонъ былъ святой человѣкъ, говорится въ легендѣ, сохраненной Жиральдомъ (Giraldus), и не боялся умереть, но, подобно многимъ другимъ духовнымъ лицамъ, онъ, не смотря на стремленіе къ самопожертвованію, подчинился совѣту окружающихъ и отправился въ Бретань, гдѣ и сдѣлался архіепископомъ въ Долѣ. Онъ перевезъ въ Доль изъ Св. Давида омофоръ (pallium), такъ что валлійское епископство потеряло свое архіепископское достоинство; благодаря этому церковному событію, мы узнаемъ о сильной чумѣ. Спустя два или болѣе поколѣнія мы узнаемъ опять о чумѣ въ Британіи и Ирланціи изъ достовѣрнаго сообщенія Бэды. Она появилась на англійской почвѣ на южномъ берегу, какъ появилась гораздо позднѣе «Черная Смерть» и, какъ и послѣдняя, прошла всю страну до Нортумбріи и перешла въ Ирландію. Отъ нея много умирало народа всѣхъ состояній,—у ирландцевъ, говорятъ, умирали двое изъ трехъ,— относительно монастырей мы имѣемъ точныя подробныя свѣдѣнія до 685 г., и изъ нихъ съ несомнѣнностью видно, что зараза, даже сравнительно съ «Черной Смертью», была сильная, хотя она и свирѣпствовала среди болѣе рѣдкаго населенія и въ болѣе нецивилизованной общинѣ. Бэда по собственнымъ раннимъ воспоминаніямъ припоминаетъ, какъ благодаря чумѣ порѣдѣли ряды монаховъ въ Йарроу; его юношескій голосъ былъ единственный, который вторилъ аббату при пѣніи анти-

фоновъ и молитвъ; онъ разсказываетъ о свирѣпствованіи чумы въ монастыряхъ, начиная отъ Сельсея до Линдисфарна, и въ Ирландіи, въ монастыряхъ которой жило много англичанъ. Преданія о чумѣ сохранились въ Британіи, и разсказы о ней долго передавались также, какъ когда то передавались о сильной чумѣ временъ Кадуалодера (Cadwallader).

Историки, начиная отъ Ѳукидида и кончая Нибуромъ, обращаютъ вниманіе на деморализующее вліяніе подобной сильной чумы. Бэда сообщаетъ, что недавно обращенные восточные саксонцы впали въ язычество; почти несомнѣнно, что опустошенія, произведенныя въ Британіи чумою въ седьмомъ столѣтіи (и не задолго передъ тѣмъ во всей Европѣ), хотя мы и находимъ о нихъ мало свѣдѣній въ хроникахъ, послужили одной изъ главныхъ причинъ, почему послѣдующія столѣтія были настолько мрачными. Каковы бы ни были послѣдствія, мѣстное населеніе было здѣсь непричемъ; болѣзнь вторглась въ Британію извнѣ и источникъ ея можно прослѣдить до дельты Нила, точно также, какъ второе сильное вторженіе той же чумы въ четырнадцатомъ столѣтіи можетъ быть выслѣжено отъ бассейновъ рѣкъ Китая. Заразы мѣстнаго происхожденія, появлявшіяся послѣ долгихъ или короткихъ промежутковъ въ послѣдующія столѣтія, вызывались голодомъ отъ неурожая или падежемъ скота въ неурожайные годы и принимали менѣе смертельныя формы лихорадки и диссентеріи. Эти болѣзни уменьшали населеніе, но не настолько, чтобы естественный приростъ не пополнилъ его въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ; чужеземныя же вторженія чумы уносили столько населенія, что убыль ихъ пополнялась столѣтіями. Въ англо-саксонскій періодъ упоминается мало такихъ болѣзней отъ голодовокъ, обыкновенно предшествуемыхъ или сопровождаемыхъ падежомъ скота. Такія болѣзни дѣйствительно рѣже бывали въ Англіи, чѣмъ въ другихъ земляхъ. Одна такая эпидемическая форма — антоновъ огонь или заболѣваніе отъ спорыньи, (яда, находящагося во ржи), отъ употребленія ржанаго хлѣба, была распространена во Франціи впродолженіи всѣхъ среднихъ вѣковъ, но о ней почти не упоминается въ англійскихъ хроникахъ. Самый важный чумный періодъ, втеченіе котораго умерло много тановъ, составляютъ три года — около 897 г., впродолженіе которыхъ король Альфредъ велъ долгую, успѣшную войну съ вторгнувшимися датчанами. Шесть или восемь эпидемій отъ голодовокъ упоминаются со времени завоеванія. Онѣ связаны главнымъ образомъ съ вторженіемъ датчанъ и вызваны были безжалостнымъ разоренiемъ, причиненнымъ войной, обусловленной ею заброшенностью земледѣлія и неурожайными годами. Объ одной изъ эпидемій, бывшей въ 962 г., въ хроникѣ находимъ краткое сообщеніе: «въ Лондонѣ была лихорадка». Въ 1005 г. датчане находились уже нѣкоторое время въ странѣ; голодъ былъ тогда настолько силенъ, что Свено

нашелъ необходимымъ отправить на короткое время своихъ людей въ Данію —вѣроятно до слѣдующей жатвы. Съ этого времени до высадки Вильгельма Нормандскаго голодъ и болѣзни упоминаются чаще, чѣмъ прежде: много земли оставалось безъ обработки, когда была сдѣлана перепись (Domesday) норманами въ 1086 г., пространство обработанной земли, по Галламу, оказалось «необычайно малымъ».

Военная организація.

Омана (C. Oman).

Отряды англовъ и саксовъ, въ пятомъ и шестомъ столѣтіяхъ появившіеся и поселившіеся въ Британіи, по своимъ военнымъ пріемамъ и организаціи были сходны съ другими тевтонскими племенами, которыя въ болѣе раннюю эпоху вторглись въ южныя провинціи римской имперіи и основали тамъ франкское и готское королевства. Англы и саксы стояли на ступени болѣе близкой къ примитивному варварству, чѣмъ ихъ южные сосѣди, по описанію Тацита въ его «Германія». Цѣлыя поколѣнія готовъ и франковъ жили на границѣ римской имперіи и, сражаясь съ легіонами и служа, какъ это часто случалось, въ рядахъ вспомогательныхъ войскъ, обучились военному искусству. Мы находимъ у готовъ употребленіе вооруженія и цѣлые отряды кавалеріи уже въ пятомъ вѣкѣ, у англовъ и саксовъ тогда была еще только пѣхота и рѣдко встрѣчалось другое оборонительное оружіе, кромѣ легкаго щита. Живя на Эльбѣ и Одерѣ, отрѣзанные отъ римской границы многочисленными племенами, англы и саксы имѣли весьма мало общенія съ имперіей и сохранили почти въ неприкосновенности древніе тевтонскіе пріемы войны. Рѣдко кто изъ нихъ видѣлъ римлянъ, развѣ во время кратковременныхъ пиратскихъ набѣговъ на британское и бельгійское побережья. Они, повидимому, рѣдко поступали на службу въ римское войско, какъ это дѣлали ихъ сосѣди на западѣ и югѣ.

Во второй половинѣ пятаго столѣтія саксы и ихъ родичи англы и юты начали являться въ Британію не только для временныхъ пиратскихъ набѣговъ, но съ цѣлью постояннаго поселенія среди обезсиленныхъ кельтскихъ племенъ, враждующихъ между собою и съ піктами и скотами, и захвата когда-то процвѣтавшей провинціи, покинутой легіонами.

Часто поднимался вопросъ, слѣдуетъ ли приписывать завоеваніе Британіи древними англами переселенію цѣлыхъ племенъ, съ женами и дѣтьми, рабами и скотомъ или только вторженію военныхъ

шаекъ смѣшаннаго происхожденія, которыя шли сюда подъ знаменемъ предводителей въ поискахъ за пиратскими приключеніями. Несомнѣнно, однако, что въ завоевателяхъ Британіи преобладалъ второй элементъ. Первые поселенцы, основавшіе первыя саксонскія англійскія королевства, повидимому, не принесли изъ Германіи племенныхъ названій, но присвоили себѣ названіе захваченныхъ округовъ; они называли себя кентійцами, дейрами или берійцами, по кельтскимъ пазваніямъ завоеванныхъ ими округовъ, или южными или средними саксонцами, средними и восточными англами, по отношенію этихъ поселеній одного къ другому [1]). Все это доказываетъ, что то не были переселившіяся племена, а скопища военныхъ искателей приключеній.

Что такое представляла саксонская военная шайка, мы знаемъ хорошо по описанію Тацита, а также изъ архаическаго англійскаго эпоса о Беовульфѣ. Предводитель, создавшій себѣ громкое имя на войнѣ, собираетъ вокругъ себя толпу товарищей—*comites*, какъ называетъ ихъ Тацитъ, *gesiths*, какъ называютъ ихъ въ древнемъ англійскомъ законодательствѣ. Имъ роздалъ онъ мечи и щиты; они живутъ у его очага и дѣлятъ съ нимъ пиры и попойки. Всѣ поклялись быть его «людьми», слѣдовать за нимъ на поле битвы и подчиняться малѣйшему его приказанію во время мира и на войнѣ. Они отдавали въ его руки свою свободу и свою будущность; въ замѣнъ этого онъ долженъ былъ поступать съ ними благородно, дѣлиться съ ними добычею завоеваній и набѣговъ, дарить ихъ кольцами и дорогими одеждами, одѣлять ихъ пашнями и пастбищами, добытыми ихъ мечемъ.

По безчисленнымъ англо-саксонскимъ могиламъ и по описаніямъ ихъ писателей мы съ достовѣрностью узнаемъ объ оружіи и внѣшнемъ видѣ военной шайки гезитовъ, сопровождавшихъ Генгиста или Цердика для завоеванія себѣ поселенія на британской почвѣ. Они сражались пѣшіе, хотя знатные люди употребляли лошадей для выѣзда на поле битвы. Предводители и болѣе почетные дружинники носили кольчугу, доходившую до бедръ, и желѣзные шлемы, вмѣсто нашлемника украшенные часто изображеніемъ кабана. Большинство же отряда выходило на битву въ туникѣ, безъ всякаго другаго оборонительнаго оружія, кромѣ щита. Щитъ былъ круглый, выпуклый, и деревянный, обыкновенно изъ липоваго дерева, укрѣпленный въ центръ выдающеюся желѣзною выпуклостью и обшитый по краямъ желѣзомъ. Иной разъ для большей крѣпости дерево обтягивалось кожею и часто щитъ расписывался девизами.

---

[1]) Было весьма немного названій помимо названій мѣстнаго происхожденія: западные саксонцы назывались „Gewissas“, Fen-men (жившіе въ болотистой мѣстности), „Gyrwas“.

Оружіе. Вотъ каково было оборонительное оружіе древнихъ англичанъ. Изъ оружія для нападенія самое употребительное было копье, какъ у германцевъ, которыхъ Тацитъ описываетъ за четыреста лѣтъ передъ тѣмъ. На англо-саксонскихъ кладбищахъ находятъ это оружіе похороненнымъ съ каждымъ воиномъ, между тѣмъ какъ мечъ совсѣмъ не такъ распространенъ. Иногда находятъ зубчатыя и трехъугольныя острія копья, болѣе употребительна косоугольная форма острія, длиною отъ десяти до пятнадцати дюймовъ. Длина всего оружія въ среднемъ была около шести футовъ. Старинный англійскій мечъ былъ прямъ, съ двойнымъ лезвеемъ и сильно заостренъ. Онъ не былъ снабженъ рукояткою, ручка его сгибалась только для того, чтобы можно было взять мечъ. Вскорѣ было сдѣлано необходимое прибавленіе чашки, и мечъ снабженъ былъ обычной рукояткой средневѣковаго образца. Топоръ не былъ въ большомъ употребленіи. Если попадаются топоры. то не широкіе съ длиннымъ топорищемъ, какіе введены были въ позднѣйшую эпоху датчанами, а легкіе топоры, напоминающіе древній франкскій francisca съ лезвеемъ сѣкиры и одинаково пригодные и для того, чтобы бросать ихъ и для того, чтобы рубить ими. Широкій съ двойнымъ лезвеемъ кинжалъ, въ видѣ широкаго листа, длиною въ пятнадцать или шестнадцать дюймовъ, повидимому seax, который всегда связываютъ съ именемъ саксонцевъ, вовсе не такъ часто попадается, какъ бы можно было ожидать по пріобрѣтенной имъ извѣстности.

Изъ метательнаго оружія пика (javelin) различныхъ размѣровъ и формъ была любимымъ оружіемъ. Лукъ, хотя и встрѣчается, но никогда не былъ употребительнымъ и типичнымъ оружіемъ у древнихъ англичанъ, еще рѣже употреблялся пращъ, хотя употребленіе его было извѣстно.

Военныя шайки древнихъ англійскихъ предводителей и альдерменовъ (ealdormen) совершали мелкія завоеванія въ восточной Британіи, и гезиты заняли завоеванныя усадьбы (farmsteads) и стали властелинами отряда дружинниковъ, которые относились къ нимъ точно также, какъ они относились прежде къ своимъ военноначальникамъ. Въ силу мирнаго соединенія или насильственнаго подчиненія нѣсколькихъ такихъ мелкихъ военныхъ группъ, предводители настолько усилились, что измѣнили прежній титулъ альдермена на высшій титулъ короля. Первыя королевства были малы, какъ Кентъ и Суссексъ, но позднѣе образовались и крупныя королевства: такія королевства, какъ Вессексъ и Нортумбрія, были королевствами сильными и значительныхъ размѣровъ.

Живя спокойно на новой родинѣ—островѣ и ведя войну съ болѣе слабыми кельтскими сосѣдями и между собою, древніе англичане сохраняли древніе тевтонскіе военные пріемы долго послѣ того, какъ эти пріемы уже вышли изъ употребленія среди народностей на кон-

тинентѣ. Войны Эдвина, Оффы и Эгберта велись королемъ и его гезитами, съ помощью поспѣшно набранныхъ отрядовъ шировъ, подъ предводительствомъ ихъ альдерменовъ и старшинъ. Отсюда проистекаетъ внезапность и непослѣдовательность войнъ седьмаго, восьмаго и девятаго столѣтій. Не было организатора, чтобы создать новую военную силу, а древній типъ войска, пригодный въ эпоху перваго завоеванія Британіи, несоотвѣтствовалъ новымъ условіямъ гептархіи. Силы королевства могли быть сосредоточены для одной битвы или кратковременнаго похода, но не было той постоянной военной организаціи, которая необходима, когда одно королевство желаетъ совершенно покорить и подчинить себѣ другое. Въ этомъ и заключается причина отрывочности древней англійской исторіи, всѣ побѣды и завоеванія какого-нибудь Освальда или Оффы не приводили ни къ чему; покоренныя королевства, не сдерживаемыя силою постояннаго гарнизона или постояннаго войска—возставали, пока имъ не удавалось сбросить иго своихъ сосѣдей, или освобождались, когда смерть похищала покорившаго ихъ военноначальника.

Датская война.

Омана (C. Oman).

Безцѣльная борьба древнихъ англійскихъ королевствъ могла бы тянуться безконечно, если бы не вмѣшалась новая сила и не внесла единеніе въ Англіи. Этой силой явились датскіе викинги, нагрянувшіе на островъ въ девятомъ столѣтіи. Они поступили съ англичанами повидимому также, какъ когда-то, пятьсотъ лѣтъ тому назадъ, англичане поступили съ валлійцами. Викинги находились въ такомъ же общественномъ состояніи, въ какомъ находились ихъ предшественники по завоеванію Британіи; они составляли военныя шайки искателей приключеній, которыя шли подъ знаменемъ извѣстнаго предводителя и разсчитывали за участіе въ битвѣ получить добычу и землю. Съ перваго момента нашествія датчане выказали въ своихъ удачныхъ безстрашныхъ набѣгахъ полное превосходство надъ англичанами. Прошли столѣтія съ того времени, какъ англичане пріобрѣли осѣдлость; они жили мелкими разбросанными общинами на большомъ пространствѣ; христіанство научило ихъ до извѣстной степени воздерживаться отъ войны, составлявшей наслажденіе для ихъ предковъ; они отвыкли отъ постояннаго употребленія оружія, искусное владѣніе которымъ составляло когда-то силу ихъ военной организаціи. Датчанинъ, членъ старинной военной шайки, сражался съ земледѣль-

цемъ, только-что взятымъ отъ сохи, ветеранъ-солдатъ выходилъ противъ ополченца. Оружіемъ онъ былъ снабженъ лучше, чѣмъ его противники; почти у всѣхъ викинговъ мы находимъ желѣзныя каски и кольчуги, что рѣдко встрѣчается среди англичанъ. «Файрдъ» (fyrd) англійскаго королевства выходилъ съ небольшимъ количествомъ людей въ кольчугахъ съ аррьергардомъ изъ полувооруженной толпы поселянъ, вооруженныхъ всевозможнымъ оружіемъ, начиная съ копья и меча и кончая косой и каменнымъ топоромъ. Викингъ легко могъ совладать съ приблизительно равнымъ количествомъ людей; но когда поднималась вся страна и «файрдъ» трехъ или четырехъ шировъ вооружался противъ него, завоеватель принужденъ былъ бы уступить силѣ большаго количества, если бы рѣшился вступить въ открытый бой. Его цѣлью было — грабить, а не сражаться, и если раздраженный народъ превосходилъ его силой и нападалъ на него, викингъ убѣгалъ въ свои лодки и спасался, быстро уходя въ новую, неразграбленную область. Файрдъ являлся на мѣсто, оставленное грабителемъ, заставалъ здѣсь горящія хижины и разграбленныя церкви и никакого слѣда самого врага. Вскорѣ у викинговъ вошло въ обычай по высадкѣ на землю немедленно захватывать всѣхъ лошадей въ этой мѣстности и пріобрѣтать такимъ образомъ способность быстраго передвиженія на сухомъ пути. «Войско было конное», вотъ какая фраза часто встрѣчается въ англо-саксонскихъ хроникахъ при описаніяхъ отрядовъ викинговъ. Разъ въ сѣдлѣ, морякъ-всадникъ, такъ назовемъ его, скакалъ, уходя отъ файрда. Англичане напрасно гнались за нимъ до тѣхъ поръ, пока онъ не укрывался на своихъ корабляхъ и не уѣзжалъ. Если датчанъ настигали и окружали — какъ случалось иной разъ, не смотря на ихъ ловкость и быстроту — они обыкновенно окружали себя окопами, что у англичанъ никогда не было въ обычаѣ. Окруженные рвомъ и палисадомъ, на удобномъ холмѣ или мысѣ, они выжидали за своими укрѣпленіями, пока файрдъ не уйдетъ домой. Нападенія на датскія укрѣпленія рѣдко бывали удачны; мѣстные ополченцы, вооруженные тяжелыми топорами, рѣдко могли прорваться черезъ колья и ровъ.

Если мы прослѣдимъ типичные походы англовъ противъ датчанъ, какъ напримѣръ походы Этельреда и Альфреда противъ отрядовъ Гальфдана (Halfdan) и Багсега (Bagsèag) въ 871 г. послѣ Р. Х., мы видимъ, что англійскій король, одержавъ значительную побѣду въ открытомъ полѣ, загналъ завоевателей въ укрѣпленный лагерь въ Ридингѣ; онъ не могъ взять укрѣпленіе, удачный походъ кончился неудачею и отступленіемъ отъ непроницаемыхъ палисадовъ. Пораженія послѣдней четверти девятаго столѣтія повели къ преобразованію древней англійской военной системы. Стало очевиднымъ, что для отраженія датчанъ требуется нѣчто больше, чѣмъ поспѣшный призывъ файрда. Альфредъ сдѣлалъ значительныя усовершенствованія въ во-

енныхъ силахъ Англіи. Онъ построилъ флотъ, который далъ ему возможность оспаривать владычество надъ моремъ у датчанъ, до тѣхъ поръ единственныхъ его властелиновъ, и теперь ихъ быстрыя отступленія моремъ стали опасными. На сушѣ его дѣятельность была еще болѣе замѣчательна. Она направлена была на усиленіе болѣе важныхъ элементовъ національнаго отряда, — на увеличеніе количества тяжело-вооруженныхъ воиновъ, входившихъ въ его составъ. Введена была строгая зависимость всѣхъ землевладѣльцевъ королевства отъ короля, какъ отъ военнаго властелина, по обычаю гезитовъ первобытной эпохи. Каждый землевладѣлецъ, имѣвшій пять гайдовъ (hides) [1]) земли, несъ «службу—тегна», какъ стали называть теперь военную повинность королю. Тегны должны были сопровождать своего властелина въ походъ, въ полномъ вооруженіи, въ шлемѣ и кольчугѣ и составляли центръ и постоянную основу королевскаго войска. Таковы были «шайки избранныхъ», которыя подъ предводительствомъ Альфреда и его сына Эдуарда встрѣтились съ датскими воинами и повернули шансы войны въ пользу Англіи. Громадное ополченіе файрда все еще сохраняло разнообразное вооруженіе и сравнительное неустройство; оно обращено было въ постоянную военную силу; его раздѣлили на двѣ части, и поочередно одна часть шла въ походъ, другая воздѣлывала поля. Ополченіе было какъ бы древкомъ оружія, остріе котораго составлялъ отрядъ тегновъ.

Такимъ образомъ преобразованное англійское войско подъ предводительствомъ династіи Эгберта сначала сравнялось, а потомъ взяло верхъ надъ шайками викинговъ. Слѣдуетъ замѣтить, что завоеватели стали терять военную доблесть съ тѣхъ поръ, какъ стали отдавать «дань богатству». Превосходство первыхъ викинговъ происходило отъ того, что они были солдаты по профессіи, преданные только войнѣ; у нихъ не было какъ у ихъ противниковъ ни дома, ни богатствъ, которые приходилось бы защищать, и они всегда были свободны для нападенія. Ихъ сыновья, пріобрѣвъ фермы и дома въ Англіи и поселившись на нихъ въ качествѣ землевладѣльцевъ, не владѣли уже постоянно оружіемъ и не были свободны отъ отвѣтственности защиты. Датчанинъ изъ Данелофа (Danelagh), воюя съ Эдуардомъ или Этельстаномъ, долженъ былъ охранять свою усадьбу въ Іоркширѣ и Линконширѣ и въ то-же время опустошать Вессексъ. Легче имѣть дѣло съ врагомъ, у котораго есть города, которые можно сжечь и скотъ, который можно увести, чѣмъ съ простымъ грабителемъ, которому нечего терять и полемъ дѣйствія котораго является море. Въ десятомъ столѣтіи отношенія англичанъ и датчанъ совершенно измѣнились,—нападали теперь уже обыкновенно англичане,—и замѣчательно при этомъ то, что они усвоили тѣ самые способы защиты,

[1]) „Hide“—мѣра земли отъ 60 до 120 акровъ. *Прим. пер.*

которыя ихъ противники употребляли сто лѣтъ тому назадъ; они устраивали укрѣпленія со рвомъ и палисадомъ, дабы этимъ поставить своего врага въ затруднительное положеніе. Эдуардъ Старшій предпринималъ относительно Данелофа правильный рядъ *ἐπιτειχίσματα*, какъ назвали бы греки; онъ строилъ укрѣпленія передъ каждымъ датскимъ городомъ и содержалъ постоянный гарнизонъ, чтобы сдерживать нападенія жителей и покорять страну. Окончательная битва при Брунанбургѣ, когда англичане разбили великій союзъ англійскихъ датчанъ, викинговъ изъ Ирландіи и скотовъ, отмѣчаетъ конецъ періода опасности отъ вторженія завоевателей съ сѣвера.

Вліяніе датчанъ отразилось на англійскомъ военномъ искусствѣ не только измѣненіями въ организаціи, но и нѣкоторыми нововведеніями въ дѣлѣ вооруженія, которыми англичане обязаны были своимъ противникамъ. Таково было введеніе длиннаго щита въ формѣ бумажнаго змѣя, почти вытѣснившаго прежній круглый щитъ въ концѣ десятаго столѣтія и употребленіе, какъ національнаго оружія, большого датскаго топора. Топоръ этотъ совершенно отличался отъ древняго саксонскаго топора, онъ не могъ служить метательнымъ орудіемъ; топоръ былъ массивенъ, лезвее его было въ футъ длиною, съ топорищемъ въ пять футовъ; брали его обѣими руками. Во времена Эдуарда Старшаго топоръ вытѣснилъ мечъ, какъ характерное оружіе англійскихъ тегновъ. Во всѣхъ источникахъ говорятъ о страшныхъ ранахъ, наносимыхъ этимъ оружіемъ въ сильныхъ рукахъ. Имъ можно было раскроить шлемъ и черепъ до плечъ, отсѣчь бедро и даже отрѣзать голову лошади.

Войны во время неудачнаго царствованія Этельреда «Безсовѣтнаго», когда сила королевства соединенной Англіи внезапно стала падать благодаря вторженіямъ Свегена и Канута, выдвигаютъ одинъ или два новыхъ факта. Съ военной точки зрѣнія страна пала жертвою опасной феодальной децентрализаціи, вслѣдствіе неудачной политики короля Эдгара; онъ раздѣлилъ свое королевство на крупныя владѣнія альдерменовъ, которые стали слишкомъ независимы и не оказывали другъ другу помощи въ моментъ опасности. Король не стоитъ уже во главѣ соединенныхъ отрядовъ тегновъ всего королевства съ національнымй файрдомъ въ арріергардѣ, крупные альдермены предводительствуютъ отдѣльными областными ополченіями, ведутъ случайную борьбу, не поддерживая другъ друга. Паденіе саксонскаго дома совершилось окончательно въ 1013 г., когда альдермены Нортумбріи и восточной Англіи признали лордомъ и властелиномъ своимъ Свегена и отложились отъ подчиненія Этельреду. При подобныхъ отношеніяхъ областныхъ магнатовъ правленіе короля стало только фиктивнымъ, фактически оно замѣнено было феодальною независимостью.

Правленіе Канута было знаменательно для Англіи не только временнымъ предотвращеніемъ опасности распаденія, грубымъ способомъ

убійства крупныхъ графовъ Мерсіи и Нортумбріи, Утреда и Эдрика, но и введеніемъ новаго военнаго элемента въ королевство. Канутъ, отправивъ остатокъ своего войска домой въ Данію, удержалъ небольшой постоянный отрядъ набранныхъ наемниковъ, своихъ—«hus-carles» или военную охрану. Это не былъ, сравнительно, небольшой отрядъ, какой составляли гезиты у древне-саксонскаго короля; воины не награждались землями и не могли жить вдали отъ своего властелина. Въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ, они постоянно сопровождали короля и составляли ядро того войска, какое ему понадобилось бы собрать.

Это учрежденіе пережило Канута. Оба его преемники, Эдуардъ Исповѣдникъ и Гаральдъ, сынъ Годвина (Godwinson), содержали вооруженный отрядъ наемниковъ. Королевскіе «hus-carles»—составляли ядро войска, при помощи котораго графъ Сивардъ (Siward) разбилъ Макбета скотовъ, и графъ Гарольдъ преслѣдовалъ въ Валлисѣ короля Гриффита.

Древняя англійская литература.

Ф. Гитса (H. Frank Heath).

Въ древней англійской литературѣ, сохранившейся до нашихъ дней, больше всего насъ поражаетъ ея крайняя древность и, не смотря на отрывочность, значительный объемъ сравнительно съ древними литературными памятниками германскихъ племенъ. Готскій переводъ Новаго Завѣта Ульфилы и его учениковъ, конечно, значительно древнѣе, чѣмъ первые древне-англійскіе памятники, которые заслуживаютъ названія литературныхъ памятниковъ; но ни на готскомъ, ни на другомъ континентальномъ языкѣ нѣтъ оригинальнаго произведенія, которое по древности можно было бы сравнить съ «Беовульфомъ». Въ то время, какъ самая древняя германская поэма, пѣсня Гильдебранда (Hildebrandslied) относящаяся къ концу восьмаго столѣтія, только небольшой отрывокъ, «Беовульфъ» является полнымъ произведеніемъ. Другая особенность, заслуживающая вниманія, состоитъ въ томъ, что ранняя англійская литература—поэзія; проза получила преобладающее мѣсто тогда, когда поэтическій вѣкъ миновалъ. Въ этомъ случаѣ англичане слѣдуютъ по тому же пути развитія, по которому шли греки, римляне и всѣ арійцы.

Эпическая поэзія.

Если мы пожелаемъ опредѣлить эту древнюю англійскую поэзію и включить ее въ одну изъ общепринятыхъ критиками классификацій для поэтическихъ произведеній, то въ общемъ ея объемѣ ее лучше всего назвать «эпосомъ». Общее понятіе о значеніи слова «эпосъ»

вполнѣ выяснено длиннымъ рядомъ литературныхъ традицій, начиная съ Гомера и до временъ Аддисона и Джонсона, дававшихъ ясныя указанія для фабрикаціи такого рода поэмъ; во всякомъ случаѣ ясно, что то, что мы называемъ народнымъ эпосомъ, въ отличіе отъ литературнаго эпоса, относится къ тому уровню общественнаго развитія, который извѣстенъ подъ названіемъ «героическаго». Въ героическомъ вѣкѣ индивидуумъ значитъ много; если онъ сильный человѣкъ, его дѣянія имѣютъ, сравнительно, гораздо больше значенія для его народа, чѣмъ въ позднѣйшее время, когда организація отвела каждому человѣку его долю участія въ общей работѣ и когда систематическая кооперація, направляемая опредѣленными руководителями, охраняетъ отъ всевозможныхъ бѣдствій. Сильный человѣкъ (будь то Тезей, который убиваетъ Минотавра; или Геркулесъ, который чиститъ Авгеевы конюшни; или Беовульфъ, который убиваетъ дракона и злыхъ духовъ) заслуживаетъ благодарность, а его дѣянія привлекаютъ вниманіе. Его подвиги пріобрѣтаютъ глубокое національное значеніе и существеннымъ образомъ отражаютъ національныя стремленія и національную жизнь. И когда у очага богатаго и знатнаго мѣстный бардъ, ἀοιδός или gleôman [1]), воспѣваетъ храбрыя дѣянія такого человѣка, присутствующіе слушаютъ эпическую пѣсню или балладу. Если какая либо творческая рука соединитъ нѣсколько пѣсенъ, въ которыхъ разсказываются различныя приключенія одного и того же героя, и придастъ цѣльность произведенію, мы получимъ эпосъ какъ «Гнѣвъ Ахиллеса» «Одиссею» или «Беовульфа». Ясно, что личность героя, какъ она обрисовывается тѣми положеніями, въ какія онъ попадаетъ, имѣетъ главное значеніе въ эпической поэзіи въ противоположность романтической. Въ то же время замѣчается тенденція поставить героя выше человѣческаго уровня, чему способствуетъ то, что герой воплощалъ въ себѣ народный духъ; при упадкѣ народной вѣры въ истину миѳологіи такое отношеніе къ герою не считалось святотатствомъ. Мы видимъ, что какъ только миѳы становятся предметомъ художественной обработки и излагаются въ литературной формѣ, боги начинаютъ принимать человѣческій образъ, а любимые герои повышаются и изображаются въ видѣ полубоговъ. Параллельно съ внутреннимъ измѣненіемъ произошло и развитіе въ способахъ выраженія мысли. Древніе религіозные гимны, предназначаемые для хороваго пѣнія или раздѣляемые поэтому на строфы, уступили мѣсто болѣе живому стиху, болѣе подходящему къ передачѣ ряда важныхъ событій, и строки съ тою же цѣлью не слагались уже больше въ строфы. По мѣрѣ того, какъ развивалась цивилизація и стали обращать вниманіе на подробности жизни, поэты, довольство-

[1]) Слово „Scop“ имѣетъ спеціальное значеніе; оно означаетъ поэта при княжескомъ дворѣ.

вавшіеся краткимъ, сжатымъ слогомъ для изложенія исключительно главныхъ фактовъ,—какъ мы находимъ въ древне-германской «пѣснѣ Гильдебранда»,— стали вводить больше подробностей въ изложеніи, придавая такимъ образомъ живость личности, дѣяніямъ и жизни изображаемыхъ лицъ. Такимъ образомъ, англійская поэзія пріобрѣла въ шестомъ столѣтіи то соединеніе богатства и живости изложенія, которое составляетъ характерную черту эпическаго слога. Въ то же время не слѣдуетъ предполагать, что англійская поэзія достигала когда-либо совершенства техники, какое мы находимъ въ эпосѣ Гомера. Многія причины и, главнымъ образомъ, введеніе христіанства въ концѣ шестаго столѣтій подавили эту форму творчества въ начальный моментъ расцвѣта и, съ одной стороны, благопріятствовали развитію формъ выраженія мысли, а съ другой искажали стиль, что вліяло роковымъ образомъ на дальнѣйшее развитіе творчества. Напримѣръ, древне-англійскій поэтъ чрезвычайно любилъ употреблять при описаніяхъ нарицательныя имена, направлявшія вниманіе на какой-либо признакъ задуманнаго лица или предмета. Эти фразы [1]) употребляются часто въ видѣ приложенія къ существительному или мѣстоименію, къ которому они относятся. «Воздадимъ благодареніе Святому, удостоившему насъ, *князю славы*, *вѣчному Богу* во вѣки вѣковъ [2]). («Seafarer» I. 122 ff.). Часто, однако-жъ, эти перифразы замѣняютъ существительное. Въ позднѣйшей древне-англійской поэзіи подъ вліяніемъ Кинвульфа (Cynewulf) и его школы онѣ встрѣчаются чаще и болѣе искусственны; и, дѣйствительно, замѣчается особый родъ «вычурности» почти въ такой же степени, въ какой въ семнадцатомъ вѣкѣ мы встрѣчаемъ это въ произведеніяхъ Коулея (Cowley) или въ «Les Précieuses», которыя стаканъ воды называли *un bain intérieur*.

Древне-англійская поэзія, столь богатая по употребленію приложеній, удивительно скудна по употребленію описательныхъ эпитетовъ и такъ рѣдко употребляетъ полное уподобленіе, что эта форма рѣчи, можно сказать, вовсе въ ней отсутствуетъ [3]). Эпосъ Гомера, наоборотъ, въ особенности богатъ этими послѣдними красотами. Древняя англійская поэзія весьма богата метафорами и обильна перифразами,

---

[1]) Технически называемыя Kenningar (т. е. признаки)—терминъ, употребляемый въ древней норвежской поэзіи.

[2]) Примѣръ другой характерной черты древне-англійскаго поэтическаго слога, а именно раздѣленное приложеніе,—опредѣленія отдѣлены отъ слова которое они опредѣляютъ.

[3]) Во всемъ Беовульфѣ всего четыре уподобленія (а именно II, 218, 727, 985, 1608—всѣ весьма простыя. Послѣднее и самое длинное уподобленіе описываетъ мечъ Беовульфа, который таетъ, какъ ледъ, когда повелѣвающій временемъ и временами года освобождаетъ природу отъ ледяныхъ оковъ зимы:—но это позднѣйшая вставка христіанскаго писца.

но бѣдна прилагательными и тщательно обработанными уподобленіями; поэмы Гомера бѣдны приложеніями (Kenningar), но богаты удачными эпитетами и уподобленіями съ тщательно обработанными и отдѣланными деталями. Страстная порывистость германскаго духа не допускала удлиненныхъ перерывовъ въ разсказѣ, она торопилась узнать сущность, не придавая значенія разсужденію и пояснительнымъ примѣрамъ и субъективному анализу.

Если, наконецъ, мы припомнимъ частое употребленіе въ древней англійской поэзіи повторенія не только отдѣльныхъ словъ и фразъ, но цѣлыхъ мыслей, описанія, два или три раза повторяющіяся, одного и того же факта съ различныхъ точекъ зрѣнія, повторенія, задерживающія разсказъ — то мы получимъ представленіе о ея главныхъ характерныхъ чертахъ и отличіяхъ. Изложеніе другихъ особенностей, исключительно синтактическихъ, завело бы насъ слишкомъ далеко.

Слѣдуетъ упомянуть о формѣ стиха, бывшей въ употребленіи у англичанъ, и свойственной и другимъ германскимъ племенамъ. Это довольно спорный вопросъ, но въ главныхъ чертахъ онъ вполнѣ ясенъ. Древняя англійская версификація основана на ритмѣ, а не на стопахъ (метрѣ) и на законѣ, по которому удареніе стиха совпадало съ естественнымъ удареніемъ на словѣ. Стихи предназначались для пѣнія; самое важное было имѣть опредѣленное число ударенiй въ строкѣ, а не опредѣленное число слоговъ. Каждая нормальная строка имѣла поэтому два *главныхъ*[1]) ударенія въ каждой половинѣ,—строка дѣлилась на двѣ части очень замѣтной паузой въ срединѣ стиха. Въ лучшій періодъ, предшествовавшій Киневульфу, мало или вовсе не употреблялась риѳма, но въ трехъ изъ четырехъ слоговъ, на которыхъ находятся главныя ударенія въ каждой строкѣ, встрѣчается аллитерація. Въ первой полустрокѣ въ обоихъ слогахъ съ главнымъ удареніемъ мы находимъ аллитерацію, во второй половинѣ только первый слогъ изъ двухъ повторяетъ слогъ предшествующей полустроки. Такимъ образомъ удареніе ставится на самыхъ важныхъ словахъ, и выдѣляется единство двухъ полустрокъ. Въ случаѣ аллитераціи согласныхъ, комбинаціи *sc*, *sp* и *st* считаются за одиночные звуки. Когда аллитерація состоитъ въ *spiritus lenis* или пониженіи тона, правило требуетъ, чтобы каждый изъ трехъ слоговъ строки начинался съ различной гласной. Слѣдующіе примѣры послужатъ поясненіемъ выше сказаннаго:

„God mid *Ge*atum Grendles daeda“ („Beow.“ I. 195)
„on *st*efn *st*igon; *str*eâmes wundon“ („Beow.“ I. 212)
„*eo*fer îren-heard. *oe*heling manig („Beow.“ I. 1112).

---

[1]) Также два низкихъ слога въ каждомъ полустихѣ, хотя послѣдователи Сиверса (Sievers) отрицаютъ это.

Англійскіе поэты допускали въ этомъ отношеніи значительныя вольности. Не только опускались слоги безъ ударенія, которые должны были находиться между слогами съ удареніемъ, но въ нѣкоторыхъ строкахъ не хватало одного низкаго слога, въ другихъ было больше, чѣмъ принятое количество тѣхъ и другихъ слоговъ. Послѣднее въ особенности встрѣчается въ позднѣйшемъ или духовномъ эпосѣ.

«Беовульфъ».

Изъ древне-англійскихъ поэмъ замѣчательна эпическая поэма «Беовульфъ», дошедшая до насъ почти цѣликомъ въ манускриптѣ, который хранится въ Коттоніанской библіотекѣ (Cottonian Library) въ Британскомъ музеѣ (Vitellius A. XV).

Основа поэмы частью миѳическая, частью историческая. Миѳическая сага о побѣдѣ Беовой (Beowa) Гренделя и убійствѣ дракона изображаетъ постоянную борьбу германскихъ побережныхъ племенъ съ бурями Сѣвернаго моря. Вскорѣ послѣ англійской колонизаціи Британіи легендарный элементъ присвоенъ историческому герою, Беовульфу, внуку Гигелака (Hygelac или Chocilaicus), короля геатовъ (Geâts), который между 512 и 520 г. послѣ Р. Х. отправился въ походъ съ цѣлью грабежа въ нижнія области Рейна и погибъ въ битвѣ съ побѣдоноснымъ Теодобертомъ, сыномъ франкскаго короля. Въ этой битвѣ сильно отличился Беофульфъ, сынъ Эгтеова (Ecgtheowa), человѣкъ гигантскаго сложенія и колоссальной силы; послѣ смерти этотъ датскій герой и его дѣянія постепенно слились съ личностью и героическими дѣяніями полубога Беова. Хотя герой поэмы—датчанинъ, сама поэма — чисто англійскаго происхожденія и впервые появилась въ поэтической формѣ въ Нортумбріи. Одна пѣсня появилась въ Берниціи и другая въ Дейрѣ, въ каждой описываются различныя приключенія изъ жизни героя. Отсюда баллады распространились на югъ въ Мерсію, гдѣ они были дополнены, обработаны и соединены въ одну эпическую поэму и записаны, съ придачей тамъ и сямъ христіанской окраски. Это произошло въ теченіи восьмаго столѣтія. Въ слѣдующее столѣтіе списки распространились по Кенту и отсюда во второй половинѣ десятаго столѣтія перешли къ западнымъ саксонцамъ, у которыхъ и появилась рукопись, послужившая основой тому манускрипту, который находится въ нашихъ рукахъ. Въ поэмѣ разсказывается, какъ Беовульфъ, танъ Гигелака (Hygelac), отправляется въ Швецію, чтобы освободить Георотъ (Heorot), замокъ Гротгара (Hrothgar), короля Ютландіи отъ преслѣдованія злого духа Гренделя, который двѣнадцать лѣтъ уносилъ и пожиралъ тановъ Гротгара, такъ что въ замкѣ невозможно было жить. Беовульфъ вступаетъ въ борьбу съ чудовищемъ, которое оставляетъ руку въ когтеобразныхъ пальцахъ героя и убѣгаетъ въ свою родную пещеру на днѣ болота и тамъ умираетъ. Въ слѣдующую ночь мать чудовища мститъ за смерть сына, Беовульфъ нападаетъ на нее въ ея убѣжищѣ и убиваетъ ее. Героя щедро награждаютъ, онъ съ почестями возвра-

щается въ Швецію, гдѣ послѣ смерти Гигелака и его сына Эрдреда (Heardred) вступаетъ на престолъ и наконецъ, состарившись, умираетъ на службѣ отечеству, послѣ побѣдоносной битвы съ огнедышащимъ дракономъ, который явился затѣмъ, чтобы жечь и грабить страну въ отмщеніе за отнятое у него сокровище, находившееся подъ его охраной. Поэма заканчивается разсказомъ о сожженіи его тѣла на высокой вершинѣ кургана на мысѣ Гронесна (Hronesnaes).

Другія эпическія поэмы.

Кромѣ Беовульфа у насъ сохранились отрывки двухъ другихъ героическихъ поэмъ, относящихся къ древне-англійскому классическому періоду. Въ одной поэмѣ «Битва при Финнсбургѣ» рѣчь идетъ о войнѣ датскихъ скальдинговъ (Scyldings) подъ предводительствомъ Генгесты и ютовъ подъ предводительствомъ Финна, который осажденъ въ королевской резиденціи Финнсбургѣ [1]). Другая эпическая поэма: «Пѣсня о королѣ Вальдере (Waldere)» сохранилась въ двухъ небольшихъ отрывкахъ. Сюжетъ ея тотъ же, какой мы находимъ въ латинской поэмѣ Эккегарда десятаго столѣтія, «Вальтарій (Waltharius)»; въ ней разсказывается, какъ Вальтеръ Аквитанскій бѣжалъ съ своей возлюбленной Гильдегундой, какъ онъ побѣдилъ бургундскаго короля Гунтера и его людей, которые его преслѣдовали, въ проходахъ Вогезовъ. Другой героическій отрывокъ «Битва при Мальдонѣ», хотя и написанъ въ концѣ древне-англійскаго періода (991 г. по Р. Х.), заслуживаетъ того, чтобы быть причисленнымъ къ древне-эпической поэзіи, такъ какъ въ періодъ національнаго упадка и искаженія слога въ стихѣ и прозѣ отрывокъ этотъ служитъ образчикомъ удивительной вѣрности древне-эпической формѣ и древне-героическому направленію мысли. Въ немъ заключается описаніе очевидца послѣдняго отраженія восточно-саксонскимъ «альдерменомъ» Биртноо (Byrthnoo), шайки вторгнувшихся скандинавовъ на берегахъ Блэкуотера въ Эссексѣ.

Наклонность къ меланхоліи, часто впадающей въ мрачный и жалобный тонъ, составляетъ отличительную черту англійской поэзіи ранняго періода и, повидимому, странно противорѣчитъ неустрашимой отвагѣ, наслажденію битвами и фатализму, которыми отличается древняя эпическая поэзія. Тѣмъ не менѣе черта эта, обусловленная, быть можетъ, примѣсью кельтской крови, существуетъ несомнѣнно, и ее иногда можно прослѣдить въ героическихъ поэмахъ. Эта черта національнаго характера въ особенности ясно замѣтна въ другой группѣ поэмъ, лирическихъ по своей формѣ. Самая древняя изъ нихъ: «Widsîo» или «Пѣснь путешественника» менѣе сантиментальна, чѣмъ позднѣйшія поэмы: «Странникъ», «Мореплаватель», «Жалоба жены». Естественно, что съ введеніемъ христіанства произошло смягченіе характера: паѳосъ, хотя и въ такихъ же размѣрахъ, какъ въ ран-

Лирическая поэзія.

---

1) Сага упоминается въ „Беовульфѣ“ („Beowulf“ II. 1068—1159.

нихъ произведеніяхъ, проявляется не безсознательно, а сознательно и находитъ выраженіе въ ироніи.

Кэдмону (Caedmon), жившему близъ монастыря Стринссголя (Уитби) въ послѣдней половинѣ седьмаго столѣтія (умеръ въ 680), приписывается нѣсколько извѣстныхъ религіозныхъ поэмъ. Романтическій разсказъ Бэда о вдохновеніи, полученномъ Кэдмономъ во снѣ, («Historia Eccl. Gentis Anglorum», lib. IV, c, 24), слишкомъ хорошо извѣстенъ, чтобы стоило на немъ остановиться. Король Альфредъ, въ своемъ переводѣ Бэды, приводитъ содержаніе сочиненнаго поэтомъ, по его пробужденіи, хвалебнаго гимна, сущность котораго передаетъ и ученый монахъ Йарроу. Нѣтъ основанія сомнѣваться въ томъ, что эта короткая портумбріанская поэма принадлежитъ Кэдмону. Весьма вѣроятно, что болѣе древнія и менѣе поэтическія части стихотворной перифразы книги Бытія основаны на его произведеніи, но длинный отрывокъ изъ средины (II, 231—851), очевидно, принадлежитъ перу другаго поэта, у котораго, когда онъ писалъ, была подъ рукою древне-саксонская «Геліанда» («Heliand») [1]. Ему не принадлежитъ ни одна строчка въ стихотворномъ «Исходѣ израильтянъ изъ Египта», «Даніилъ» и «Юдифь», и ничего также въ «Христѣ и сатанѣ» и въ «Видѣніи Креста»,—въ произведеніяхъ, которыя прежде приписывались этому поэту. Три послѣднія изъ упомянутыхъ поэмъ принадлежатъ къ школѣ «Киневульфа»; «Юдифь»—самая прекрасная поэма изъ всей группы, и въ ней лучше всего сохранился древній эпическій слогъ. «Исходъ изъ Египта» и «Даніилъ» сильно отличаются по слогу и обработкѣ оригиналовъ какъ между собою, такъ и отъ «Бытія».

Киневульфъ (родился между 720 и 730 г., умеръ около 800 г.) былъ нортумбріанецъ, какъ и Кэдмонъ; онъ былъ странствующимъ бардомъ по профессіи. Въ старости онъ пережилъ религіозную борьбу и посвятилъ послѣдніе годы своей жизни религіозной поэзіи. Первымъ его произведеніемъ (если только оно принадлежитъ Киневульфу) была серія въ девяносто четыре загадки [2]. Эта вычурность формы является однимъ изъ результатовъ латинскаго вліянія, такъ вредно отразившагося въ общемъ на слогѣ древне-англійской литературы, и указываетъ намъ уже на періодъ упадка. Загадки, приписываемыя Симфозію (Symphosius), латинскому поэту четвертаго вѣка, вызвали подражаніе въ Англіи у Альдгельма (епископа Шерборна, умершаго въ 709 г.) и Татуайна (Tatwine) (архіепископа Кентербюри 731 г.), Киневульфъ взялъ ихъ также за образецъ и также пользовался сбор-

---

[1]) „Heliand“ (Исцѣлитель) стихотворное переложеніе „Новаго Завѣта“ на древне-саксонскомъ языкѣ.

[2]) Такъ называемая „Первая загадка“, въ сущности, драматическій монологъ, сходный съ поэмой „Жалоба Деодора“ („Deor's Complaint“).

никомъ Евсебія (Eusebius). Кромѣ загадокъ, «Христосъ» (въ которую входятъ три пришествія Христа), «Жизнь св. Юліана и св. Елены» и «Судьбы Апостоловъ», несомнѣнно, принадлежатъ Киневульфу. Во всѣхъ четырехъ поэмахъ авторъ вписалъ свое имя руническими буквами. «Хожденіе во адъ», «Фениксъ» и «Жизнь св. Андрея [1]) и св. Гутлака» почти навѣрное его произведенія и, весьма вѣроятно, ему принадлежитъ и «Видѣніе Креста». Нѣкоторые ученые приписывали Киневульфу всѣ поэмы сборниковъ (codices) Эксетера и Верчелли, но нѣкоторыя изъ нихъ, напр. «Юдифь», (с. 915), принадлежатъ, конечно, позднѣйшимъ писателямъ, писавшимъ подъ вліяніемъ Киневульфа; одна изъ нихъ, «Риѳмованная поэма», написана подъ скандинавскимъ вліяніемъ во второй половинѣ десятаго вѣка.

Прозаическая литература.

О прозаической литературѣ достаточно сказать нѣсколько словъ. Послѣ половины седьмаго столѣтія постепенно развивается прозаическій слогъ въ древне-англійской «Хроникѣ», впервые написанной въ Винчестерѣ. Повременныя записи были вначалѣ очень кратки и сухи, но во второй четверти девятаго столѣтія хроникеръ,—кто бы онъ ни былъ,—уже усвоилъ себѣ понятіе о живомъ точномъ слогѣ и подъ вліяніемъ Альфреда произошелъ въ этомъ отношеніи значительный прогрессъ. Этотъ король много писалъ. Онъ перевелъ: «Забота пастыря» Григорія для своего духовенства, также «Духовную исторію» Бэды, «Исторію міра» Орозія и Боэція «De Consolatione Philosophiae». У него была записная книжка, въ которую онъ заносилъ все, что стоило запомнить. Къ сожалѣнію книжка эта потеряна. Нѣкоторые приписываютъ ему также переводы «Metra» Боэція и «Псалмовъ». Древне-англійская проза много бы выиграла, еслибы продолжала развивать въ себѣ ясность, прямоту и силу, намѣченныя Альфредомъ; но въ религіозной прозѣ Эльфрика и Вульфстана въ концѣ десятаго и началѣ одинадцатаго столѣтій, какъ и въ позднѣйшихъ стихахъ, замѣтно повсюду гибельное вліяніе единственно доступныхъ имъ позднѣйшихъ латинскихъ образцовъ. Характерныя черты всей европейской литературы послѣ 1100 г.: сильно разукрашенный, натянутый, полустихотворный слогъ соединялся съ аллегорической обработкой матеріала. Развитіе слога англійской прозы отодвинуто было почти на пять столѣтій назадъ.

---

[1]) Есть основаніе полагать, что „Судьбы Апостоловъ“ — эпилогъ къ „св. Андрею“, а не отдѣльное сочиненіе. Cf. Gollancz, Appendix to Cynewulf's Crist. London 1892.

Искусство и архитектура.

Р. Гуга (R. Hughes).

Языческіе завоеватели, которые у себя дома извѣстны были подъ именемъ англовъ, а у чужихъ подъ именемъ саксонцевъ, вынесли изъ своей родины Шлезвига и окрестностей весьма мало того, чтобы собственно можно назвать искусствомъ. Они были прекрасные плотники и дѣлали сносныя лодки. Они, конечно, обладали нѣкоторымъ искусствомъ выдѣлки бронзы и желѣза и, вѣроятно, также умѣніемъ выдѣлки стекла и золота. Относительно обработки золота слѣдуетъ замѣтить, что у нихъ не было особаго закона, который покровительствовалъ бы золотыхъ дѣлъ мастерамъ; въ то время какъ у франковъ вира (wergild) за убійства раба искуснаго золотыхъ дѣлъ мастера была выше, чѣмъ вира за убійство свободнаго человѣка, англы въ этомъ случаѣ не дѣлали никакого различія въ его пользу. Относительно стекла, мы узнаемъ изъ особаго свидѣтельства Бэды, что когда игуменъ аббатства при устьѣ Уира Бенедиктъ началъ строить церковь на сѣверѣ, онъ послалъ во Францію не только за каменщиками, но и за рабочими, искусными въ выдѣлкѣ стекла, чтобы они обучили англичанъ не только дѣлать оконныя стекла, но и выдѣлывать стеклянныя чаши, лампы, сосуды для питья. Это было въ послѣднюю четверть седьмаго столѣтія; пятьдесятъ лѣтъ спустя ученикъ Бэды пишетъ французскому епископу и умоляетъ прислать кого-либо, умѣющаго дѣлать стекло, такъ какъ англичане не обладаютъ этимъ искусствомъ. Это тѣмъ болѣе удивительно, что саксонскія могилы, изслѣдованныя въ Кентѣ и другихъ мѣстахъ (гдѣ погребеніе не носитъ христіанскаго характера и относится или ко временамъ до прибытія Августина, или къ языческой реакціи послѣдующаго столѣтія) изобилуютъ прекрасными издѣліями изъ стекла и золота. Въ нихъ находятъ интересныя чаши, украшенныя наклонными ручками чаще изъ оливковаго стекла—съ той характерной саксонской особенностью, что онѣ не стоятъ, погребальныя урны (иногда изъ стекла, иногда изъ глины), часто украшенныя зубчатыми рисунками. У насъ нѣтъ свѣдѣній относительно того, чтобы англо-саксонское горшечное искусство шло дальше этихъ первобытныхъ, грубыхъ образчиковъ языческаго издѣлія. Больше значенія имѣютъ могильныя драгоцѣнности; сюда входятъ ожерелья, застежки, броши необыкновенной красоты и разнообразія. Эти броши, круглыя и длинныя, хотя и бѣдны рисункомъ, но прекрасно сдѣланы; полированный гранатъ и стеклянныя стразы, большею частью малиноваго цвѣта, и рѣдкая бирюза, которыми онѣ украшены, часто отдѣланы тонкими золотыми полосками, напоминающими тонкость и чистоту этруской

Украшенія.

работы. Иногда попадается греческій крестъ, позднѣе встрѣчаются чаще христіанскіе символы. Большинство мастеровъ вначалѣ безъ сомнѣнія были франкскаго происхожденія; но послѣ того какъ Альфредъ ввезъ искусныхъ чужеземныхъ мастеровъ золотыхъ издѣлій, вѣроятно и англійскіе ремесленники усвоили высшее искусство, такъ что «драгоцѣнность короля Альфреда», найденная на островѣ Ательнеѣ, могла быть и мѣстнаго издѣлія. Трудно опредѣлить насколько искусство золотыхъ издѣлій подвинулось въ вѣка, предшествовавшіе датскимъ войнамъ, но мы встрѣчаемъ упоминанія у Бэды и у другихъ о золотѣ и драгоцѣнныхъ камняхъ, о браслетахъ и кольцахъ и подробныя описанія бездѣлушекъ вродѣ золотой мухи, изукрашенной драгоцѣнными камнями и о золотыхъ «мозаичныхъ» ожерельяхъ, что указываетъ на значительное умѣнье въ этомъ искусствѣ. Каковъ бы ни былъ прогрессъ въ этомъ искусствѣ, достигнутый въ восьмомъ столѣтіи или ранѣе, предъ нами тотъ фактъ, что въ концѣ девятаго столѣтія Альфредъ принужденъ былъ выписывать изъ-за границы людей, искусныхъ въ выдѣлкѣ золота, и мы не можемъ приписывать англійскимъ золотыхъ дѣлъ мастерамъ корону въ четыре фунта вѣса и двѣ чаши (изъ «чистѣйшаго золота») и серебрянныя блюда, посланныя Альфредомъ въ подарокъ папѣ.

Ткань и шитье. Два искусства, однако, повидимому вкоренились въ Англіи и никогда не приходили въ упадокъ—искусство ткача и искусство шитья золотомъ. Мѣстный поэтъ и хроникеръ усердно восхваляютъ ловкость искусства ткача и съ восторгомъ описываютъ, какъ челнокъ «не только съ пурпуровыми, но и съ нитями всевозможныхъ цвѣтовъ снуетъ туда и сюда среди тѣсно натянутыхъ нитей» и какъ искусствомъ вышивальщика «шерстянная ткань украшается группами картинъ». Въ этомъ искусствѣ англичане пріобрѣли европейскую славу. Германцы, у которыхъ процвѣтало это производство, являлись обучаться ему въ Англію и *Opus Anglicum* славился даже въ Италіи. Мы слышимъ о шелковыхъ одеждахъ, на которыхъ вытканы золотые орлы, золотые цвѣты, которые украшены золотомъ и драгоцѣнными камнями; церковное облаченіе, въ особенности омофоръ епископа, весьма часто украшался такимъ образомъ. Два шелковыхъ палліума возбудили восторгъ даже самого Бэды и два другихъ включены въ списокъ подарковъ Альфреда Риму. Страсть къ яркимъ цвѣтамъ обнаруживается не только въ восторгахъ мѣстныхъ писателей; въ частыхъ пастырскихъ посланіяхъ монаховъ и монахинь также предостерегаютъ противъ увлеченія грѣхомъ пріобрѣтенія и ношенія разноцвѣтныхъ платьевъ. Мы находимъ очевидное доказательство этой господствующей страсти въ иллюминованныхъ манускриптахъ и въ извѣстномъ манускриптѣ саксонскихъ евангелій. Евангелисты облачены въ пурпуровыя или свѣтло-голубыя одежды, съ красными, лиловыми и зеленоватыми полосами, а мантіи ихъ раскрашены всѣми

цвѣтами радуги. Время смягчило эти рѣзкія краски и ввело болѣе ровную и пріятную гармонію ихъ, но наши предки, повидимому, не отличались даромъ тонкаго пониманія красокъ. Они могли изучить немного рисунковъ и преимущественно византійскихъ — напримѣръ Божью Матерь и двѣнадцать апостоловъ и иллюстраціи Ветхаго и Новаго Завѣта, привезенныя изъ Рима энергичнымъ аббатомъ Бенедиктомъ. Дошедшіе до насъ образцы рисунковъ золотомъ многочисленны и разъясняютъ намъ, какъ для этихъ выпуклыхъ золотыхъ буквъ готовилась основа (вѣроятно изъ мѣла) и затѣмъ старательно отполировывалась. Рисунки указываютъ на предпочтеніе симетрически-угловатыхъ формъ, но удачнѣе всего у англо-саксонцевъ выходили условные цвѣты и листья, животныя же оставляли желать весьма многаго. Если рисунки этихъ религіозныхъ книгъ не представляютъ совершенства ускусства, то для насъ часто цѣнно то, что они свидѣтельствуютъ объ извѣстной степени культуры. Нельзя, однако, вполнѣ полагаться на ихъ свидѣтельство, они часто заимствуютъ у орнаментовъ архитектуры листья на заглавной буквѣ, чего не было и не могло быть въ Англи. Указанія этихъ рисунковъ на существованіе различныхъ музыкальныхъ инструментовъ, (напримѣръ, въ одномъ изъ манускриптовъ Cotton'a изображены Давидъ и его музыканты, которые играютъ на семиструнной арфѣ, альтѣ, трубѣ и рогѣ),— вполнѣ достовѣрны. Если прибавимъ къ этому упоминанія о томъ, какъ Альфредъ или Анлафъ отправились съ арфой въ лагерь врага, то мы должны думать, что искусство играть на музыкальныхъ инструментахъ, а быть можетъ и изготовлять ихъ, было распространено по крайней мѣрѣ въ девятомъ столѣтіи. Даже во времена Бэды и Альдгейма мы находимъ упоминаніе объ органѣ съ тысячью трубокъ (millenis fiabris) и съ *ventosi folles* — мѣхами, приводившими его въ движеніе.

Иллюминація.

Музыкальные инструменты.

По отношенію къ архитектурѣ племена завоевателей являлись безжалостными разрушителями; у людей, огнемъ и мечомъ раззорявшихъ покинутую провинцію, не было никакихъ побудительныхъ причинъ для возведенія построекъ. Укрѣпленія, обнесенныя палисадомъ, были всегда ихъ любимымъ военнымъ убѣжищемъ, небольшіе деревянные дома и хижины давали достаточный пріютъ военному королю и его людямъ. Въ новой странѣ, какъ и въ прежней, они дѣлали изъ дерева идолы и алтари и даже въ эпоху Карла Великаго великій храмъ Ирменсула (идола континентальныхъ саксонцевъ) въ Мерзебургѣ былъ сдѣланъ изъ того же матерьяла. Описаніе этого идола, разрушеннаго Карломъ Великимъ, съ розой въ одной рукѣ и вѣсами въ другой, въ шлемѣ въ видѣ пѣтушинаго гребня и со щитомъ, не оставляетъ сомнѣнія, что идолъ былъ сдѣланъ изъ дерева; украшенія, вѣроятно, сдѣланы изъ позолоченной бронзы, какую находятъ въ англійскихъ могилахъ языческаго періода. Англо-саксонскій глаголъ «getimbrian»,

Архитектура.

соотвѣтствующій глаголу «to biuld»—(строить), означалъ, собственно, строить изъ дерева; этотъ простой филологическій фактъ объясняетъ не только рѣдкость остатковъ надгробныхъ памятниковъ англо-саксонцевъ, но и особый характеръ дошедшихъ до насъ памятниковъ.

Церковныя зданія.

У англичанъ было въ обычаѣ предавать уничтоженію всякій домъ ихъ врага; врядъ ли они были болѣе терпимы къ храмамъ бога ихъ враговъ. Случайно уцѣлѣла римско-британская церковь въ Кентербюри и Августинъ при содѣйствіи короля Этельберта отстроилъ и реставрировалъ ее. Возникновеніе латинскаго христіанства было такимъ образомъ вмѣстѣ съ тѣмъ и возникновеніемъ архитектуры въ Англіи. Церковь, отстроенная Августиномъ, весьма удачно возстановлена для насъ профессоромъ Виллисъ (Willis), который даетъ данныя для предположенія, что форма церкви, обычная у итальянскихъ архитекторовъ, была продолговатая или двойной квадратъ, съ хорами на каждомъ концѣ, съ главнымъ алтаремъ въ восточной части, съ часовней Божьей Матери (lady chapel) въ западной,—восточная часть отводилась духовенству, западная—свѣтскимъ прихожанамъ. Черезъ сто пятьдесятъ три года послѣ обращенія Этельберта архіепископъ Кутбертъ прибавилъ трапезу; въ 950 г. по Р. Х. архіепископъ Оддо воздвигъ каменныя стѣны и перекрылъ крышу. Къ несчастію годъ спустя послѣ Сенлака церковь была совершенно истреблена огнемъ. Она, однако, никогда не служила моделью для саксонскихъ строителей, которые главнымъ образомъ воздвигали строенія изъ дерева и совсѣмъ не свѣдущи были въ каменныхъ работахъ. То значеніе, которое они придавали зданію церкви по римскому образцу, т. е. изъ камня, уже показываетъ на ихъ неумѣніе строить изъ камня; всѣ церкви, возникшія во всей Англіи послѣ обращенія страны въ христіанство, были построены, несомнѣнно, изъ обычнаго, скоро разрушавшагося матеріала. Даже въ девятомъ и десятомъ столѣтіяхъ мы слышимъ о стѣнахъ соборовъ, изъѣденныхъ червями, о чудесномъ сохраненіи деревянныхъ колоннъ, къ которымъ прислонялся святой. Мы можемъ судить о нихъ по рисункамъ внутренней части церкви, находимымъ въ иллюминованныхъ манускриптахъ; обыкновенно, мы видимъ маленькія строенія, по формѣ своей напоминающія скорѣе деревянныя церкви Норвегіи, чѣмъ другія какія-либо зданія. Внутри онѣ украшались картинами разнообразныхъ яркихъ цвѣтовъ, но не сохранилось ни одного настоящаго образчика англо-саксонскихъ стѣнныхъ украшеній.

Каменныя церкви на сѣверѣ.

Соборъ св. Августина, безъ сомнѣнія, былъ первымъ мѣстомъ поклоненія крестившагося англичанина, но врядъ ли это была англійская церковь. Англійскую церковь мы можемъ найти въ аббатствѣ при устьѣ Уира и Йарроу; церковь эта, по словамъ Бэды, построена была Бенедиктомъ, который отправился за море въ Галлію и привезъ оттуда для этой цѣли каменьщиковъ. Это было около

680 г. по Р. Х., и въ началѣ слѣдующаго столѣтія слава каменныхъ церквей, построенныхъ Бенедиктомъ и Уильфридомъ на сѣверѣ Англіи, дошла до короля пиктовъ и онъ послалъ къ Кеолфреду (Ceolfred), аббату Йарроу, за архитекторами, которые выстроили бы въ Шотландіи каменную церковь по «римскому образцу». Вѣроятно, къ немного болѣе раннему періоду мы можемъ отнести простыя каменныя кельи, церкви же съ каменными крышами и круглыми башнями принадлежатъ болѣе позднему времени; но, конечно, всѣ эти постройки не англійскаго типа. Нѣкоторыя части построекъ, воздвигнутыхъ этими первыми святыми (Бенедиктомъ и Уильфридомъ), сохранились къ счастью до сихъ поръ, а остатки римскаго матеріала, изъ котораго выведены были стѣны, указываютъ на то, что строители эти знали, гдѣ нужно брать матеріалъ для постройки. Лучше всего сохранились кельи или ниши для мощей со ступеньками съ каждой стороны, чтобы вѣрующіе могли войти, поклониться тѣлу святого и выйти съ другой стороны. Ворота Бенедикта въ аббатствѣ при устьѣ Уира составляютъ, вѣроятно, самый настоящій образчикъ дошедшей до насъ древней англо-саксонской архитектуры. Сводъ ихъ низокъ и тяжелъ. Колонны, поддерживающія сводъ, оттесаны подобно точеному дереву и нижній камень праваго косяка украшенъ скрученными змѣями съ клювами, напоминающими украшенія, сохранившіяся въ англо-саксонскихъ иллюминаціяхъ. Церковь въ Бедфордѣ на Авонѣ, отстроенная, быть можетъ, позднѣе, первоначально построена Альдгельмомъ изъ Шерборна, получившимъ хартію отъ Ины изъ Вессекса въ 705 г. по Р. Х. По формѣ, это — грубое простое сводчатое зданіе, но въ церкви находятся маленькія фигуры ангеловъ со свитками, напоминающія рисунки въ сборникѣ благословеній (Benedictional) св. Этельвальда, относящіеся ко времени на сто лѣтъ или болѣе позднѣйшему. Еще болѣе сбиваетъ насъ съ толку норманское окно, высѣченное въ старой стѣнѣ, неглубокая аркада, составляющая наружное украшеніе, а крѣпко сплоченные камни не только указываютъ на то, что это норманская постройка, но даже на то, что это норманская постройка двѣнадцатаго вѣка.

Нашествіе датчанъ, безъ сомнѣнія, сильно затормозило строительное дѣло въ Англіи въ девятомъ столѣтіи, а приближеніе тысячелѣтія (1000 г. по Р. Х.) и связанное съ нимъ опасеніе конца міра подорвало архитектуру въ теченіи десятаго столѣтія. Этимъ можно объяснить незначительное количество остатковъ древностей; большая часть саксонскихъ церквей, главная часть которыхъ сохранилась надъ почвой, относится только къ одиннадцатому столѣтію. Многія изъ этихъ церквей обязаны своимъ существованіемъ сыновнему благочестію Канута, который вновь воздвигалъ церкви, сожженныя его отцемъ; въ саксонской хроникѣ сохранился его приказъ отстроить Эссендунъ (Essendune). Полное введеніе христіанства среди датчанъ

безъ сомнѣнія сопровождалось проявленіемъ благочестиваго интереса къ построенію церквей; послѣдній и неменьшій толчокъ данъ былъ сближеніемъ съ норманами. Постройка одиннадцатаго столѣтія отличается поперемѣннымъ «длиннымъ и короткимъ» заостреніемъ угловъ стѣнъ, какъ мы видимъ въ Earl's Barton въ Нортгэмптонѣ и Косгэмптонѣ въ Гэмпширѣ. Еще болѣе характерны длинныя узкія четырехъугольныя каменныя полосы, соединенныя сводами и прямыми перекладинами, которыми украшены стѣны, и которыя несомнѣнно заимствованы съ деревянныхъ оригиналовъ. Отверстія оконъ также, обыкновенно, чрезвычайно малы, такъ что къ нимъ весьма примѣнимо названіе *eyeholes* (глаза) — на англо-саксонскомъ языкѣ. Иной разъ онѣ сдѣланы въ такъ называемой г-номъ Фергюссономъ «gouty balustrades», неправильной балюстрадѣ и амбразуры неравномѣрно распредѣлены (иной разъ по обѣ стороны), въ то же время сводъ окна нерѣдко замѣненъ простымъ трехъугольникомъ. Норманское вліяніе, начавшееся при Эммѣ, супругѣ Этельреда и Канута, стало преобладать при Исповѣдникѣ, царствованіе котораго, конечно, составляетъ, эру въ архитектурномъ отношеніи. Отъ хора и поперечнаго корпуса Вестминстера, построенныхъ благочестивымъ монархомъ и освященныхъ за нѣсколько дней до его смерти, сохранилось мало остатковъ; уцѣлѣлъ только фундаментъ монашеской спальни и нижняя часть стѣнъ трапезной. Все это строеніе — неуклюжее, съ круглыми сводами, съ широкой кладкой камня, составлявшей отличительную черту древнихъ норманскихъ построекъ. Въ сущности этого и можно было ожидать отъ принца, воспитаннаго и родившагося въ норманнскихъ традиціяхъ, и зданіе это можно назвать англо-саксонскимъ въ историческомъ, а не въ архитектурномъ смыслѣ.

Архитектура жилищъ.

Что касается архитектуры жилищъ саксонцевъ, то относительно нихъ у насъ имѣются одни лишь предположенія. Поэты, какъ напримѣръ въ эпосѣ «Беовульфъ», упоминаютъ о замкахъ съ башнями и на иллюминаціяхъ мы видимъ зубчатыя стѣны. Весьма вѣроятно, что дерево не переставало служить матеріаломъ для свѣтскихъ построекъ, но когда стали строить церкви по «римскому образцу», какой нибудь танъ короля замѣнялъ иногда у себя деревянные косяки дверей каменными столбами. Замокъ (castle) не саксонскаго происхожденія, а города состояли изъ крытыхъ гонтомъ домовъ, окруженныхъ палисадомъ и рвомъ. Замѣчательно, что изъ всѣхъ замковъ, перечисляемыхъ въ Domesday, объ одномъ только замкѣ Арундель упоминается, какъ о существовавшемъ во времена Исповѣдника.

Монеты.

Если мы исключимъ царствованія первыхъ норманскихъ и анжуйскихъ королей, то окажется, что во время англо-саксонской династіи искусство чеканки находилось въ Англіи на самой низшей ступени. Это тѣмъ болѣе удивительно, что мѣстная чеканка монеты возникла еще въ седьмомъ столѣтіи. Мѣдные деньги (stycas или mites и sceathas),

по цѣнности равнявшіяся пенсу, чеканились тогда въ Нортумбріи изъ дешеваго металла, а также изъ серебра и даже золота. Эти монеты не вышли совершенно изъ употребленія до датскаго завоеванія подъ предводительствомъ Гальфдена (Halfdene) въ девятомъ столѣтіи. Монеты эти были грубой имитаціей монетъ узурпатора Максима, иногда съ руническими, иногда съ латинскими буквами; иногда же не оказывается ни тѣхъ, ни другихъ, и мы находимъ на нихъ знаки, скопированные лицомъ, незнавшимъ ни тѣхъ, ни другихъ буквъ. Слѣдующими за ними по времени являются немногія кентскія монеты; возникновеніе настоящей англійской чеканки относится лишь къ царствованію мерсійскаго Оффы (765 — 791 по Р. Х.). Неизвѣстно, дѣйствительно ли Оффа былъ въ Римѣ; но сравнительно изящная чеканка его монетъ была несомнѣно результатомъ спошеній съ вѣчнымъ городомъ и имѣла нѣкоторую связь и съ отправкою ежегодной дани въ 365 манкусовъ [1]), выплачиваемыхъ папѣ. Сумма была значительная, такъ какъ манкусъ равнялся тридцати пенсамъ. Дань должна была выплачиваться монетой, такъ какъ только необходимость выплаты монетой можетъ объяснить несомнѣнное существованіе арабскаго динарія съ неправильной вытисненной на немъ надписью «*Offa Rex*» такимъ образомъ, что надпись покрывала настоящую надпись изъ Корана. Саксонскихъ золотыхъ монетъ мало. Находятся золотыя *scaeltas* Нортумбріи, скопированныя съ римскихъ монетъ; нѣсколько образчиковъ *triens*, заимствованныхъ у франковъ; этотъ арабскій динарій и нѣсколько сомнительныхъ монетъ, на одной изъ которыхъ изображена голова Эдуарда Исповѣдника; эта монета повидимому золотая имитація настоящей серебряной монетѣ, и служила для украшенія ожерелья. Серебряныхъ монетъ много, не только отдѣльныхъ королевствъ Октархіи, но и монархіи, начиная съ Этельстана и различныхъ епископствъ и аббатствъ. Большею частью попадаются пенсы, но съ конца девятаго столѣтія попадаются и монеты въ полпенса, хотя онѣ и не чеканились во всѣ царствованія; для размѣна пенсъ дѣлили ножемъ на двѣ или на четыре части. Монеты цѣнны не столько, какъ образчики искусства, сколько какъ образчики исторіи; онѣ не только цѣнны по изображеніямъ королей и святыхъ, сохранившимся на нихъ, но и по тому освѣщенію, которое онѣ даютъ указаніямъ хроникеровъ; напримѣръ, усиленіе сношеній съ ахенскимъ дворомъ отразилось появленіемъ фасада карловингскаго храма на монетѣ саксонскаго короля. Серіи изображеній, хотя и грубыхъ, представляютъ много интереса, и они были бы многочисленнѣе, если бы стремившійся къ централизаціи Этельстанъ, давая право чеканки монеты епископствамъ, не запретилъ при этомъ чеканить на монетѣ какое-либо другое изображеніе, кромѣ его собственнаго. Даже

---

1) *Mancus*—саксонская монета величиною съ полкроны. *Прим. перев.*

въ эти древнія времена и въ эпоху еще не настоящей англійской чеканки способность туземныхъ мастеровъ проявляется въ характерности этихъ изображеній. Какъ ни слабы технически очертанія лица, изображенія эти даютъ намъ представленіе о порочной слабости Эдвига или о грубой силѣ Гарольда II.

Торговля и промышленность.

А. Смита (A. L. Smith).

Англія по климату, положенію, очертанію и произведеніямъ своимъ, повидимому болѣе другихъ странъ приспособлена къ морской торговлѣ. Раннія свѣдѣнія о саксонцахъ на ихъ прежней родинѣ изображаютъ ихъ смѣлыми мореплавателями. Въ своихъ плоскодонныхъ ладьяхъ (keels), покрывъ шкурами плетенные борта, они плавали за добычей въ Сѣверный океанъ, въ Бискайскій заливъ; они «привѣтствовали бурю, она укрывала ихъ приближеніе и разгоняла ихъ враговъ». Когда эти саксонцы и англы, послѣ ряда поколѣній, занимавшихся грабежомъ, въ пятомъ столѣтіи заняли Британію, они перевезли туда своихъ женъ, дѣтей, рабовъ и даже скотъ, они обратили романизированную и христіанскую страну въ настоящую страну англовъ (Engle-land), языческую, нецивилизованную, и повидимому сразу покинули море. Они не строили больше кораблей, они не предпринимали больше путешествій для торговли или ради добычи.

Морская торговля.

Ранняя исторія Англіи не даетъ почти никакихъ свѣдѣній о торговлѣ и промышленномъ развитіи. Можно предположить, что до норманскаго нашествія не было никакой торговли; вывозъ и до болѣе позднѣйшаго времени ограничивался сырыми произведеніями. Замѣчательно, что слово «chapman» — купецъ встрѣчается всего три раза во всемъ сводѣ англо-саксонскихъ законовъ. Тотъ фактъ, что большинство береговыхъ названій, даже внѣ датскихъ округовъ, по формѣ своей—скандинавскія названія (*ness*, *vick* и *by*), указываетъ на то, что внѣшняя торговля находилась, главнымъ образомъ, въ рукахъ сѣверныхъ торговцевъ. Изъ письма Карла Великаго къ Оффѣ, королю Мерсіи, мы узнаемъ объ англійскихъ купцахъ, которые присоединяются къ отрядамъ пилигриммовъ, чтобы безопасно пройти черезъ чужеземныя территоріи, а также провезти контробандою товары, за которые пришлось бы уплатить таможенныя пошлины. Товары эти вѣроятно были золотыя вещи и серебрянныя издѣлія.

Посольства короля Альфреда къ іерусалимскому патріарху и къ христіанамъ въ Индію имѣли какъ коммерческую, такъ и религіозную

цѣль. Въ свой переводъ Орозія онъ вставилъ свѣдѣнія, полученныя отъ скандинава Отера (Othere) и Вульфстана. Послѣдній описываетъ восточныя племена (Пруссіи) у Балтійскаго моря. Отеръ описываетъ сѣвернаго оленя и ловлю китовъ на его родинѣ въ Гельголандѣ—гдѣ онъ жилъ «сѣвернѣе всѣхъ скандинавовъ»—куницъ, оленей, выдръ и медвѣжьи шкуры, гагачій пухъ и китовый усъ, канаты, выдѣлываемые изъ шкуръ тюленя и кита. Финны добычей этой уплачивали дань, а сѣверные торговцы, безъ сомнѣнія, ввозили ее въ Англію. Отеръ обогнулъ Сѣверный мысъ, проникъ черезъ Бѣлое Море къ Архангельску и привезъ моржевую кость своему «властелину королю Альфреду». Когда Альфредъ строилъ новые корабли, чтобы сражаться съ датскими «*ashes*», то онъ строилъ ихъ «почти вдвое шире, быстрѣе, крѣпче и выше, нѣкоторые изъ нихъ въ шестьдесятъ веселъ и болѣе», онъ могъ въ нѣсколько лѣтъ уничтожить флотъ восточныхъ англо-датчанъ, но ему пришлось набрать въ Фрисландіи «пиратовъ» для снабженія этихъ кораблей экипажемъ. Его сынъ Эдуардъ могъ набрать сто кораблей для защиты канала; нѣтъ основанія сомнѣваться въ вѣрности сообщенія Уилльяма Мальмсбюрійскаго о ежегодномъ объѣздѣ побережья Эдгаромъ съ флотомъ. Такой флотъ долженъ былъ имѣть поддержку въ торговыхъ судахъ. Дѣйствительно, законъ, относящійся вѣроятно ко временамъ Этельстана стремится поощрить морскую торговлю, объявляя, что «каждый купецъ три раза переѣхавшій за море на свой счетъ будетъ цѣниться на равнѣ съ тегномъ». Весьма вѣроятно, что и бывшій въ силѣ при Эдгарѣ и Этельредѣ законъ, чтобы каждыя три сотни (безъ сомнѣнія жившія по береговой линіи) поставляли корабль, изданъ съ этою же цѣлью значительно ранѣе. Со временъ Этельстана часто упоминается объ англійскомъ флотѣ, а списокъ портовыхъ пошлинъ, составленный Этельредомъ для Лондона, указываетъ на оживленную торговлю съ Нормандіей, Франціей, Понтьё, Фландріей и другими мѣстами. Эти корабли и «корабли императора», которые также «заслуживаютъ хорошихъ законовъ, какъ и наши», ввозили вино, рыбу, ткани, перецъ, перчатки, уксусъ. Купецъ въ «Діалогахъ» Эльфрика привозитъ на своемъ собственномъ кораблѣ шкуры, шелка, драгоцѣнные камни, золото, ткани, косметики, вино, масло, слоновую кость, бронзу, мѣдь, олово, серебро, стекло и тому подобное; иногда, говоритъ онъ, «меня постигаетъ кораблекрушеніе и я теряю всѣ товары и едва спасаюсь самъ». Эти товары идутъ большею частью изъ Константинополя въ Венецію, оттуда сухимъ путемъ во Фландрію и моремъ въ Англію. Изъ различныхъ англо-саксонскихъ документовъ мы узнаемъ, что шелкъ былъ въ употребленіи, хотя и цѣнился дорого, «вино пили старшины и мудрые», оно разрѣшалось монахамъ въ праздничные дни. Съ сѣвера и востока привозили мѣха, шкуры, канаты, мачты, орудія и желѣзныя издѣлія. Всѣ эти предметы ввоза

Корабле строеніе Альфреда.

Ввозъ и вывозъ.

оплачивались, главнымъ образомъ, сырыми продуктами. Корнваллисское олово и олово изъ округа Пикъ составляли главные продукты, какъ въ римскія времена. Мы имѣемъ основаніе предполагать, что изъ другихъ рудниковъ добывалось серебро и даже золото. Уже въ седьмомъ столѣтіи упоминается о серебряныхъ и золотыхъ украшеніяхъ англійскаго производства. Высокая цѣна на шерсть и цѣнность шерсти сравнительно съ цѣною на овецъ даетъ поводъ предполагать, что уже тогда англійской шерстью, какъ и впослѣдствіи въ теченіи многихъ столѣтій, снабжались мануфактурные города Фландріи. Упоминается о вывозѣ лошадей, но закономъ Этельстана вывозъ ограниченъ. По свѣдѣніямъ, почерпнутымъ изъ документовъ, видно, что главный предметъ торговли составляли рабы. Разсказъ о Нортумбріанскихъ мальчикахъ, красота которыхъ до того растрогала Григорія на базарѣ Рима, что онъ далъ обѣтъ ввести истинную вѣру въ странѣ этихъ мальчиковъ, указываетъ на существованіе этой торговли въ шестомъ столѣтій. По древнимъ германскимъ законамъ люди обращались въ рабовъ путемъ войны, долга или преступленія. Англійскіе завоеватели Британіи привели съ собою своихъ крѣпостныхъ [1]), а постепенное движеніе завоевателей на западъ доставляло новыхъ рабовъ изъ завоеваннаго Валлиса. Средневѣковое христіанство, хотя и весьма легко примирялось съ крѣпостнымъ состояніемъ, протестовало противъ рабства. Запрещенія начались закономъ Ине (Ine) и повторялись до Этельреда: «христіане и не осужденные не должны продаваться изъ страны, въ особенности языческимъ народамъ, слѣдуетъ ревностно беречь отъ гибели ихъ души, искупленныя жизнію Христа». Въ особенности ясно выражено отношеніе къ рабамъ въ церковныхъ законахъ и сборникахъ эпитемій. Современный біографъ Вульфстана больше всего останавливается на описаніи усилій добраго епископа исправить купцовъ Бристоля, которые и въ одиннадцатомъ столѣтіи отличались въ этомъ отношеніи тѣми же свойствами, какими они отличались и въ восемнадцатомъ. «У жителей Бристоля установился отвратительный и закоренѣлый обычай покупать мужчинъ и женщинъ во всѣхъ частяхъ Англіи и вывозить ихъ ради наживы. Они выводили на рынокъ молодыхъ беременныхъ женщинъ, чтобы получить за нихъ дороже... Они не стыдились продавать въ рабство своихъ ближайшихъ родственниковъ — и даже своихъ собственныхъ дѣтей». Уильямъ Мальмсбюрійскій, писавшій на столѣтіе позже, указываетъ, что подобный же обычай существовалъ и на сѣверѣ Англіи.

Города. Мѣриломъ развитія внутренней торговли можетъ до нѣкоторой степени служить развитіе городскаго населенія. Ясно, что до тѣхъ поръ, пока Альфредъ не окружилъ стѣнами и не укрѣпилъ тридцать или сорокъ городовъ въ южныхъ ширахъ, а его сестра Этельфледа ко-

---

[1]) Theows или thralls.

ролева Мерсіи въ среднихъ и сѣверныхъ, а затѣмъ преемники Альфреда не укрѣпили другіе города, въ Англіи почти не было городовъ. По тевтонскимъ воззрѣніямъ, по Тациту, города, окруженные стѣнами, считались пріютомъ рабства. Трудно повѣрить, что было время, когда римскія стѣны, базилики и форумы такихъ городовъ, какъ Лондонъ и Іоркъ, были совершенно необитаемыми; но мы знаемъ, что такъ было въ Честерѣ, въ Сильчестерѣ и другихъ римскихъ городахъ. Только въ немногихъ старыхъ городахъ (во всякомъ случаѣ послѣ періода ихъ запустѣнія) вновь возникла городская жизнь. Англійскій «burh», ограда со стѣною, по устройству и типу былъ ничто иное, какъ населенная деревня. Гдѣ римская дорога примыкала къ рѣкѣ или гдѣ мощи (Св. Фрайдевиды въ Оксфордѣ) привлекали пилигримовъ, или вблизи древняго поселенія, гдѣ римскіе остатки могли служить каменоломней, или у устья рѣкъ, какъ Иръ или Эксъ—селеніе становилось «портомъ» или городомъ.

Это медленное и случайное развитіе городовъ хорошо выясняется изъ ранней исторіи Лондона. Когда Меллитъ (Mellitas) явился туда съ проповѣдью въ 601 г., онъ нашелъ тамъ весьма скудное языческое населеніе. Старая уатлингская дорога исчезла; мѣсто вокругъ Св. Павла было пустынно. Сто лѣтъ спустя, оно сдѣлалось «рынкомъ многихъ торговцевъ» — по всѣмъ вѣроятіямъ фризовъ, истерлинговъ, французовъ и пикардовъ. Въ немъ былъ отдѣльный старшина (wic-reeve). Расширеніе Лондона на востокъ и на югъ замѣтно по построеннымъ здѣсь церквамъ. Когда Альфредъ отнялъ Лондонъ у датчанъ и построилъ стѣны, онъ уже былъ значительнымъ городомъ. Вѣроятно, уже существовалъ лондонскій мостъ, который выдержалъ столько ожесточенныхъ нападеній со стороны датчанъ. При Этельстанѣ въ немъ было въ дѣйствіи восемь монетныхъ дворовъ, а постановленія его цеха (gild), группировавшаго гражданъ по десяткамъ и сотнямъ и собиравшагося ежемѣсячно для цеховыхъ отчетовъ, утверждались Этельстаномъ и народнымъ собраніемъ, Уитаномъ. Вліяніе церкви много содѣйствовало этому развитію. Народное вѣче собиралось въ оградѣ Св. Павла при ударахъ большаго колокола; вооруженное ополченіе шло подъ знаменемъ Св. Павла. Епископъ наблюдалъ за вѣрностью вѣсовъ и мѣръ. Населеніе города быстро росло; изъ суммы дани въ £ 72,000, выплаченной Кануту всей Англіей, на Лондонъ пришлось £ 10,500. Фактически Лондонъ вытѣснилъ Винчестеръ, какъ столицу. Лондонъ.

Наплывъ датскихъ поселенцевъ еще въ одиннадцатомъ столѣтіи имѣлъ свои неудобства. Одинъ хроникеръ замѣчаетъ, что городъ сталъ «на половину варварскимъ». Конечно, Лондонъ, почти до Тюдоровъ носилъ иноземный характеръ; онъ бывалъ кошелькомъ, иногда, какъ говорится, мозгомъ, но никогда онъ не былъ сердцемъ средневѣковой Англіи.

Рѣчная торговля и городская жизнь.

До десятаго столѣтія Лондонъ былъ единственнымъ городомъ на Темзѣ. По послѣднимъ авторитетнымъ свѣдѣніямъ Оксфордъ основанъ не ранѣе 912 г. Рѣки составляли естественные пути торговли; Оксфордъ былъ нѣкоторымъ рынкомъ еще и тогда, когда онъ былъ неукрѣпленной деревней. Аббатъ Абингтона проложилъ новый каналъ для кораблей, для чего бралъ налогъ съ ловли сельдей. Такимъ же образомъ Трентъ былъ главнымъ путемъ торговли и жители Ноттингэма собирали съ него налоги. Такое же значеніе имѣли и другія рѣки. Въ Глостерѣ находился съ 681 г. монастырь и монетный дворъ, и онъ всегда былъ мѣстомъ съѣзда валлійцевъ и англичанъ. Бристоль возникъ задолго до временъ Канута, задолго до того, какъ о немъ упоминается впервые. Онъ, повидимому, возникъ во времена величія Мерсіи, которое закончилось при Оффѣ. Честеръ велъ мѣстную торговлю скотомъ, овцами и молочными продуктами черезъ Риббль (Ribble) и ирландскую торговлю съ западными людьми Дублина и Уатерфорда. Значеніе Эксетера особенно замѣтно во время завоеванія норманновъ. и возникло благодаря рѣкѣ Эксъ, которая была тогда судоходна до самого города. Всѣ пять портовъ и береговые города, какъ Сандуичъ, могутъ считаться типичными. Тамъ производилась крупная ловля селедокъ. Этельредъ сдѣлалъ этотъ городъ мѣстомъ стоянки своего флота; Тостигъ набиралъ экипажъ своихъ кораблей среди его «butsecarls». Изъ Codex Diplomaticus видно, что налоги и доходы отъ «корабле-крушеній» и «береговаго права», дарованные хартіей Канута церкви Христа, въ Кентербюри, оцѣнивались болѣе чѣмъ въ £ 30 въ годъ. Зависть къ такому цѣнному пожертвованію вызвала соперничество со стороны аббатства Св. Августина, которое старалось, хотя и напрасно, вытѣснить Сандуичъ новымъ портомъ на недалекомъ разстояніи. Судя по количеству монетныхъ дворовъ можно считать другими значительными городами на югѣ,—кромѣ Уинчестера, Кентербюри и Рочестера,—Соутгэмптонъ, Люисъ, Шефтсбюри, Уэргэмъ, Гастингсъ и Чичестеръ. Въ восточныхъ ширахъ значительными городами были Норвичъ, Дунвичъ, Ипсвичъ; всѣ они въ значительной степени зависѣли отъ рыбной ловли. Далѣе на сѣверѣ выдающимися городами были Іоркъ и Линкольнъ, еще не вытѣсненные Гулемъ и Бостономъ. Даже въ Іоркѣ населеніе было менѣе 10,000; а по Domesday Book видно, что во всѣхъ восьмидесяти городахъ населеніе не доходило до 200,000 человѣкъ.

Англо-Саксонскіе города.

Англо-саксонскій городъ былъ ничто иное, какъ собраніе деревянныхъ крытыхъ соломой хижинъ съ двумя или тремя маленькими церквами. Въ нѣкоторыхъ изъ городовъ строилась башня для убѣжища и защиты; весь городъ окружался стѣною съ укрѣпленіями и палисадомъ и затѣмъ рвами. Города были рыночными, а не мануфактурными центрами, и ихъ населеніе исключительно занималось земледѣліемъ. Городъ былъ только большой деревней. Какъ и другія

деревни, онъ владѣлъ пахатной землей, пастбищемъ и общественнымъ лѣсомъ; жители его были крѣпостными сосѣдняго лорда и обязаны были для него пахать, косить и жать или уплачивать пенни съ сохи, жатвенную подать, оброкъ съ лѣса и подати (gafol). Если ихъ лордомъ былъ король, повинности ихъ принимали общественный характеръ; такъ, въ Ромнеѣ пятьдесятъ гражданъ, обязанныхъ отбывать морскую службу, освобождены были отъ всѣхъ повинностей, кромѣ уплаты пеней; въ Оксфордѣ двадцать гражданъ изъ всего города отправлялись на войну по призыву короля. Часто эти оброки королю или другому лорду уплачивались мѣстными продуктами, какъ и деньгами. Такъ Честеръ выплачивалъ £ 45 и три вязки шкурокъ куницъ; Оксфордъ выплачивалъ £ 20 и шесть мѣръ меда; Дэнвичъ £ 50 и шестьдесятъ тысячъ сельдей. Часто рента выплачивалась угрями, которые добывались въ громадномъ количествѣ. Обширныя болотистыя пространства и пруды, неосушенныя рѣки, стоячія устья рѣкъ изобиловали ими и доставляли семгу; тридцать три рыбныхъ ловли было на Ди, шестьдесятъ пять на Севернѣ и т. д. Рыба входила больше въ составъ народной пищи, чѣмъ теперь, даже не въ постные дни, такъ какъ зимнимъ мясомъ, кромѣ дичи, была только солонина. Въ Діалогахъ Эльфрика кромѣ обыкновенной рѣчной рыбы упоминается морская рыба, моллюски, морская свинья и стерлядь; на вопросъ: «Отчего не ловите вы рыбу на морѣ?» рыбакъ отвѣчаетъ: «Иной разъ я ловлю; но рѣдко, нужно большое судно, многіе ловятъ китовъ и получаютъ за нихъ хорошую цѣну, но я по трусости на это не отваживаюсь». Промыслы.

Быть можетъ, кромѣ земледѣлія и рыболовства, главнымъ промысломъ было добываніе соли; въ шести ширахъ упоминается 727 солеваренъ, уплачивающихъ лордамъ ренту. Въ Domesday упоминается около 5,000 мельницъ, это были водяныя мельницы. Ячмень составлялъ обыденную пищу; а у бѣдныхъ употреблялась смѣсь ржи, овса и бобовъ. Пшеничный хлѣбъ употребляли зажиточные и то по праздникамъ. Кузнечное ремесло было однимъ изъ первыхъ ремеслъ; упоминаются часто кузнецы и мѣдники; въ Domesday насчитываютъ шесть кузницъ въ городѣ Герефордѣ. Стеклянное производство — выдѣлка лампъ и посуды, по словамъ Бэды, и весьма рѣдко оконныхъ стеколъ— введено иностранными ремесленниками, привезенными аббатомъ Бенедиктомъ въ седьмомъ вѣкѣ. Сапожникъ говоритъ о себѣ, что онъ шьетъ башмаки и штиблеты, бутылки, сбрую и всевозможные кожанные предметы. Изъ другихъ ремеслъ упоминаютъ о ремеслѣ плотника, булочника, повара. Искусство шитья и тканья было очень развито и произведенія этого рода славились на континентѣ. Безъ сомнѣнія многіе предметы потребленія доставлялись домашнимъ производствомъ, и число ремесленниковъ, работавшихъ на продажу, было незначительно. Большіе монастыри были крупными промышленными центрами;

такія аббатства, какъ Св. Эдмунда или Гластонбюри, имѣли своихъ кузнецовъ, плотниковъ, мельниковъ, каменщиковъ, рыбаковъ, охотниковъ и земледѣльцевъ. По закону Эдгара каждый священникъ долженъ былъ знать какое либо ремесло. О состояніи этихъ искусствъ можно судить по описанію церкви, выстроенной Вильфридомъ въ Гексгэмѣ «изъ тесанаго камня съ колоннами и портиками, съ стѣнами значительной высоты и длины. Внизу и вверху было много спиралеобразныхъ украшеній, внутри каменный полъ. Она была лучше всѣхъ строеній по сю сторону Альпъ». Перечислимъ также все, что зналъ Дунстанъ: онъ зналъ ремесла каменьщика, плотника и кузнеца, умѣлъ рисовать, писать красками и набрасывать рисунокъ; онъ былъ музыкантъ и композиторъ и умѣлъ дѣлать музыкальные инструменты. Много богатствъ хранилось въ богатыхъ занавѣсяхъ, золотой и серебряной посудѣ и въ драгоцѣнностяхъ. Мы читаемъ о столахъ, чашахъ, распятіяхъ и блюдахъ изъ золота; отецъ Альфреда увезъ въ Римъ корону изъ чистаго золота въ 41 ф. вѣса. Законы для охраны собственности и прекращенія воровства и грабежа были многочислены и варварски суровы.

Рынки и ярмарки.

Рынковъ было много и они давали большіе доходы; рынокъ въ Таунтонѣ давалъ £ 2,10 шил. въ годъ, въ Бедфордѣ £ 7. Крупныя ярмарки въ Винчестерѣ, Стоурбриджѣ и Абингтонѣ привлекали массы народа со всѣхъ сторонъ. Торговлѣ все-таки приходилось бороться съ разнообразными и необычайными трудностями. Каждая дорога, рѣка, портъ обложены были тяжелыми пошлинами, привиллегіями владѣльцевъ «берегового права», права «поимки вора и суда надъ нимъ» и пр. Каждая сдѣлка на сумму выше «двадцати пенсовъ» должна совершаться въ городѣ при «правдивыхъ свидѣтеляхъ». Для всякой пріобрѣтаемой собственности долженъ быть свидѣтель, готовый удостовѣрить сдѣлку. Торговля каждаго города находилась подъ ревностнымъ контролемъ замкнутаго цеха.

Земледѣліе.

Самые интересные вопросы связаны съ земледѣльческой и сельской стороной англо-саксонской общественной жизни. Такъ называемая система марки, «mark system», если и существовала когда либо на англійской почвѣ, то не въ полной ея формѣ. Племена, сопровождавшія Генгеста и Цердика, продолжали группироваться по деревнямъ по родственнымъ связямъ; пастбища и пустопорожнія мѣста деревни оставались нетронутыми и принадлежали всѣмъ сообща; по традиціи равенства участки пахотной земли состояли изъ отдѣльныхъ разбросанныхъ «акровъ» на каждомъ изъ свободныхъ пахотныхъ полей. Обработка производилась сообща общественной запряжкой плуга въ восемь или двѣнадцать воловъ, каждый поселянинъ приводилъ одного или пару воловъ. Пахотная земля обыкновенно состояла изъ трехъ полей; одно засѣвалось хлѣбомъ, одно подъ яровое и одно отдыхало годъ подъ паромъ. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ англійскія пле-

мена вышли изъ первой стадіи общины «марки». Поземельная собственность стала личной, ввелось постоянное неравенство. Прежде всего, съ самаго перваго времени новаго поселенія, мы замѣчаемъ тенденцію слабыхъ землевладѣльцевъ стать въ зависимость отъ крупныхъ, отсюда выработывалось то, что мы называемъ феодализмомъ. Если мы сразу перенесемся къ концу англо-саксонскаго періода, описаннаго въ Domesday Book, мы увидимъ тамъ преобладаніе въ деревенской общинѣ не свободныхъ аллодіальныхъ землевладѣльцевъ, а зависимыхъ земледѣльцевъ подъ покровительствомъ лорда. Свободный «кеорль» прежнихъ временъ сталъ «виллановъ», какимъ онъ и былъ извѣстенъ норманскимъ законовѣдамъ. Нѣкоторые современные писатели утверждали, что наша общественная исторія начинается не свободнымъ населеніемъ, а крѣпостными, что никакимъ другимъ путемъ нельзя объяснить себѣ однообразія повинностей, требуемыхъ съ деревенскихъ общинъ по всей Англіи до Норманскаго періода. Съ другой стороны мы имѣемъ несомнѣнныя политическія и литературныя доказательства того, что прежній взглядъ, по которому крѣпостничество явилось медленнымъ и позднѣйшимъ результатомъ причинъ, въ силу которыхъ мелкіе свободные землевладѣльцы подавлялись въ теченіе цѣлыхъ столѣтій, имѣетъ также свои основанія. Одной изъ такихъ причинъ являлась необезпеченность во время долгаго періода датскихъ войнъ. Постоянное развитіе класса землевладѣльцевъ тегновъ усиливалось королевскими пожалованіями казенной земли, связанными съ нѣкоторыми правами и давленіемъ законовъ, какъ законъ Этельстана, требовавшій, чтобы каждый человѣкъ имѣлъ лорда, который въ случаѣ надобности доставлялъ бы его на народное вѣче.

Все общественное развитіе англо-саксонскаго періода съ перваго взгляда кажется ничтожнымъ и жалкимъ. Въ нѣкоторомъ отношеніи оно реакціонно, такъ какъ представляетъ упадокъ прежней свободы и переходъ къ феодальному крѣпостничеству. Но эта свобода была немногимъ лучше хаоса и анархіи. Шестьсотъ лѣтъ можно считать долгимъ періодомъ; но періодъ этотъ обнимаетъ только эпизодъ образованія и развитія англійской націи. Война должна была смѣниться миромъ, язычество—христіанствомъ, мелкія соперничествующія племена должны были слиться въ одинъ народъ; нужно было намѣтить предѣлы централизованнаго правительства и положить основаніе значительной городской жизни и начало торговлѣ, еще робкой и сдавленной, но имѣющей развиться въ будущемъ.

Общественная жизнь и нравы.

П. Ньюмана (P. H. Newman).

Чтобы получить опредѣленное понятіе объ измѣненіяхъ, внесенныхъ завоевателями, истреблявшими все огнемъ и мечомъ, необходимо собрать все, что можетъ быть извѣстно объ англо-саксонскихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ, обычаяхъ и общественной организаціи по останкамъ, могиламъ и хроникамъ. Большинство изъ многочисленныхъ саксонскихъ остатковъ въ могилахъ и курганахъ этой страны доказываютъ, по словамъ профессора Рольстона [1]), «ихъ громадную способность къ разрушенію» и «ихъ крайнюю медлительность при выработкѣ матеріальной цивилизаціи»; мы не должны этому удивляться, если примемъ во вниманіе, что хотя этотъ народъ и обнаруживалъ склонность къ земледѣлію, стада ихъ находили скудныя пастбища на песчаныхъ, покрытыхъ верескомъ дюнахъ ихъ родины Шлезвига и при устьяхъ Рейна въ Голландіи. На земляхъ, едва превышавшихъ уровень приливовъ Сѣвернаго моря, возможенъ былъ только суровый и воинственный образъ жизни, и несомнѣнно населеніе этихъ земель влекло въ ту стихію, которая давала ихъ предпріимчивости возможность заниматься пиратствомъ и грабежемъ. Въ Европѣ не было такого берега, который избѣгъ бы ихъ грабительскихъ нападеній, не было того устья, которое неизвѣстно бы было ихъ «cyulas»—ладьямъ.

Флотиліи завоевателей.

Въ пѣснѣ «Беовульфъ» и въ книгѣ Эксетера описываются флотиліи длинныхъ галеръ, въ видѣ лебедей или съ кормой въ видѣ дракона, на парусахъ или на веслахъ направлявшихся къ сверкающимъ утесамъ и высотамъ Британіи. «Береговой стражникъ стоитъ съ сельской стражей, чтобы помѣшать высадкѣ корсаровъ; корабли причаливаютъ, съ палубы поднимаютъ щиты, грабительскій флагъ поднимается въ знакъ присутствія бога-войны; пираты вооружаются своими блестящими мечами и длинными грубыми копьями и надъ лицомъ ихъ возвышается подобіе кабана изъ закаленнаго металла для сохраненія жизни». Сидоній видѣлъ такой экипажъ во время его поѣздки къ королю Эрику въ Бордо, въ его письмѣ находится блестящее описаніе саксонцевъ со щеками, раскрашенными синей краской, съ волосами зачесанными къ макушкѣ головы, чтобы лобъ казался больше. Повелители морей были робки и неуклюжи среди отрядовъ придворныхъ, поглощавшихъ богатство Аквитаніи; но какъ только они попадали на свои неуклюжія галеры, они снова пріобрѣтали отвагу и свободу. Можно было бы подумать, говоритъ епископъ,

---

[1]) Смотр. статьи Рольстона въ „Archeologia“ и приложеніе къ Canon Greenwell's „British Barrous“.

что «каждый гребецъ былъ главный пиратъ, всѣ они командовали и подчинялись, въ одно и то же время учились и обучали». Корабли были полу-палубныя судна, бывшія въ употребленіи у позднѣйшихъ викинговъ, гребцы сидѣли по обѣимъ сторонамъ длиннаго прохода, лучшіе воины размѣщались съ боковъ или около предводителей на шканцахъ. Въ описаніи морской битвы на сѣверѣ (которое относится, слѣдуетъ замѣтить, къ гораздо позднѣйшему времени) мы читаемъ, какъ король правилъ кораблемъ, пока не началась схватка, а затѣмъ сидѣлъ на палубѣ въ пунцовомъ плащѣ и когда мечи притупились и зазубрились, онъ спустился въ переднюю часть, открылъ ящики подъ трапомъ, досталъ много острыхъ мечей и передалъ ихъ своимъ людямъ [1]).

Таковы были флотиліи, грабившія берега еще съ третьяго столѣтія по Р. Х. Доказательствомъ ихъ существованія можетъ служить корабль, найденный въ болотѣ Шлезвига вмѣстѣ съ римскими останками и монетами отъ 67 по Р. Х. до 217 г. Это судно построено изъ дубовыхъ досокъ въ семьдесятъ футовъ длины и девять ширины; носовая и рулевая часть одинаковой формы и устроены такъ, что корабль можетъ безопасно причалить къ берегу. Найдены изваянія изъ камня, изображающія корабль на ходу; онъ идетъ на двѣнадцати парахъ веселъ и съ патрономъ,— вѣроятно, предводителемъ экспедиціи. Эти лодки могли вмѣстить 120 воиновъ.

Часто утверждаютъ (и не безъ нѣкотораго основанія), что эта страсть къ морскимъ приключеніямъ составляетъ истинную причину морскаго могущества Англіи въ болѣе позднее время. Если это такъ, то замѣчательно то, что какъ только англичане поселились въ Британіи, они совсѣмъ бросили мореплаваніе, ихъ корабли сгнили и были уничтожены, и они ихъ больше не строили. Епископъ Вильфридъ долженъ былъ гораздо позже обучать южныхъ саксонцевъ рыболовству, и мы знаемъ, что до временъ Альфреда у англичанъ не было кораблей, чтобы имѣть возможность бороться съ датскими корсарами. Англичане нашли даже въ то время плодородныя долины Британіи значительно лучше обработанными, чѣмъ саксонскія и шлезвигскія низменности; завоеватели тотчасъ же принялись за пастбища и земледѣліе при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ то было на континентѣ.

Способъ заселенія

Города были заброшены и почти разрушены и скудно заселены смѣшаннымъ населеніемъ. Англійскіе завоеватели жили въ деревняхъ, строили деревни и дѣлили землю по своимъ собственнымъ національнымъ обычаямъ. Римскія виллы по большей части были сожжены, жители выгнаны, или даже убиты, крѣпостные переведены къ тевтонскимъ господамъ. Полоса лѣса или болота отдѣляли деревню отъ

[1]) Elton's „Origins of English History".

деревни, кланъ отъ клана; расчищенныя мѣста были огорожены и воздѣлывались. Общины или семьи саксонцевъ часто носили одно названіе, и это названіе часто переходило и на деревню; по происхожденію названій теперь существующихъ деревень и мѣстечекъ мы должны вывести заключеніе, что населеніе было значительное. Одна изъ причинъ, почему англо-саксонцы раззоряли такъ много виллъ и строили свои дома, была, вѣроятно, суевѣрная боязнь жить въ домахъ, построенныхъ другими людьми и опасеніе магическихъ вліяній. Даже дворецъ короля и предводителя былъ ничто иное, какъ деревянный домъ, обнесенный плохимъ палиссадомъ, какъ деревня. Въ это древнее время не было каменныхъ строеній; храмы или строенія для религіозныхъ цѣлей строились изъ дерева; для государственныхъ церемоній и собраній вовсе не употреблялось зданій; народное вѣче, судебныя разбирательства, избраніе короля,— все это происходило на открытомъ воздухѣ, какъ это было въ обычаѣ у многихъ сѣверныхъ племенъ.

Торговля. Скотъ и рабы составляли обычные предметы мѣны у англо-саксонцевъ. Отецъ, если былъ бѣденъ, имѣлъ право продавать своихъ дѣтей на семь лѣтъ; право это сохранялось даже до норманскаго завоеванія, хотя въ половинѣ седьмаго столѣтія духовенство ввело въ него ограниченіе, сдѣлавъ обязательнымъ при этомъ согласіе ребенка.

Скотъ служилъ, повидимому, орудіемъ мѣны; изображеніе его мы находимъ вытисненнымъ на первоначальныхъ монетахъ, да и слово *pecunia* произошло отъ *pecus*—скотъ. Такъ какъ саксонцы въ скоромъ времени принялись за обработку земли и за пастбища— (хотя война и мѣшала имъ), хроники и манускрипты даютъ намъ хорошія описанія привычекъ и обычаевъ по отношенію къ землѣ. Границы собственности опредѣлялись изгородями, рѣчками и другими знаками; упоминаютъ объ оградахъ и воротахъ; деревья цѣнятся по количеству свиней, какое они могутъ укрыть. Законы охраняли строевой лѣсъ и растущія деревья, установлены были правила и *wite* или штрафъ налагался за срубку на топливо и для другаго употребленія. Скота было много и онъ не очень цѣнился, благодаря дешевизнѣ земли: акръ, повидимому, продавался часто за цѣну четырехъ овецъ; средняя цѣна овцы была около четырехъ шиллинговъ. Корова цѣнилась въ шесть разъ меньше лошади, а оселъ или мулъ цѣнились вдвое противъ вола [1]). Цѣнность простаго скота была незначительна, овецъ доили и выдѣлывали изъ молока сыръ. Мѣсяцъ май назывался Trimilchi — трехмолочный, такъ какъ скотъ въ это время доили по три раза въ день. Плохой уходъ за скотомъ и грубый кормъ причиняли большія потери,—иногда въ суровыя зимы погибала пятая часть стада. Овцы цѣнились нестолько за мясо, сколько за ткань, выдѣ-

Сельская жизнь.

[1]) Смотри примѣры, собранные Sharon Turner.

лываемую изъ ихъ шерсти; съ этой цѣлью онѣ, главнымъ образомъ, и разводились, хотя употреблялось и ихъ молоко.

Содержаніе свиней имѣло, повидимому, громадное значеніе; такъ можно судить по тѣмъ большимъ стадамъ, которыми всегда обладали англо-саксонцы. Свиньи шли только на пищу, ихъ содержаніе стоило гораздо меньше, чѣмъ содержаніе другого скота. Свиней выгоняли въ лѣса и пустыри, гдѣ желуди дуба и бука давали постоянный и питательный кормъ, который животныя легко разыскивали сами, свинопасъ смотрѣлъ только затѣмъ, чтобы стадо не разбрелось или сбивалъ для нихъ иной разъ желуди, какъ можно видѣть на иллюминаціи котоніанскаго (Cottonian) манускрипта,—что случалось тогда, когда кормъ не валяется въ изобиліи на землѣ безграничныхъ лѣсовъ. По Domesday Book такимъ образомъ въ Миддльэссексѣ кормилось 16,535 свиней, въ Гертфордширѣ 30,705, въ Эссексѣ—сплошь покрытымъ тогда лѣсомъ—90,991. Въ завѣщаніяхъ часто упоминаются свиньи. Одинъ дворянинъ оставляетъ своимъ двумъ дочерямъ двѣ тысячи свиней; другой – гайдъ земли съ двумя стами свиней своимъ родственникамъ и завѣщаетъ двѣсти свиней двумъ священникамъ, обоимъ поровну, ради спасенія своей души. Въ другомъ случаѣ завѣщатель отказываетъ землю церкви съ условіемъ, чтобы двѣсти свиней откармливались въ пользу его жены. Свиньи.

Воздѣлываніе пахатной земли, сравнительно съ позднѣйшимъ временемъ, было мало производительно. Пшеница и ячмень воздѣлывались на поляхъ, лежавшихъ ближе къ жилью, чѣмъ пастбища, и мергель, употреблявшійся для удобренія при римлянахъ, былъ въ ходу и у ихъ преемниковъ; но вообще-то обработка земли была плоха. Воздѣлывалась только третья, иной разъ пятая или шестая часть помѣстья, и хотя въ иллюминированныхъ манускриптахъ среди другихъ рисунковъ, изображающихъ нравы и обычаи повседневной жизни англо-саксонцевъ, мы видимъ изображеніе вспашки и другихъ земледѣльческихъ работъ и хотя мы знаемъ, что ячмень шелъ на приготовленіе пива и на хлѣбъ, всетаки вниманіе поглощали, главнымъ образомъ, уходъ за скотомъ, заботы о стадахъ, о козахъ, гусяхъ, домашней птицѣ. Голодъ составлялъ частое явленіе, и это не можетъ быть приписываемо исключительно малому пространству обработанной земли; оно вызывалось также перерывами въ обработкѣ по случаю войны, трудностью сообщенія между мѣстностями и поселеніями, когда дороги портились и всякое сношеніе было ограничено или совсѣмъ невозможно. Лошади, повидимому, не употреблялись въ земледѣліи; въ манускриптахъ и въ неоцѣненномъ отчетѣ о позднѣйшемъ саксонскомъ времени (вышиваніе Матильды, извѣстное подъ названіемъ Bayeux tapestry), изображены волы, запряженные въ плугъ и борону. Лошадь употреблялась въ пищу до восьмаго сто- Земледѣліе.

лѣтія, и ее держали, главнымъ образомъ, для ѣзды верхомъ, для для охоты и войны.

Религіозные пережитки.

Грантъ Алленъ говоритъ: «Англо-саксонское язычество — религія ужаса. Злые духи окружаютъ человѣка повсюду, живутъ въ уединенныхъ мѣстахъ и бродятъ ночью по землѣ. Привидѣнія живутъ въ лѣсахъ; эльфы населяютъ грубыя каменныя ограды первобытнаго времени; лѣсъ, населенный въ дѣйствительности оленями, волками, дикими кабанами, воображеніе заселяетъ демонами и чертями. Чары, заговоры и заклинанія составляли главную сущность народной вѣры и сохранились и въ христіанскія времена, въ видѣ колдовства; многое уцѣлѣло въ народныхъ преданіяхъ до настоящаго времени».

У англо-саксонцевъ царилъ, очевидно, тотемизмъ или поклоненіе животнымъ, свойственное всей арійской расѣ. Семьи считали свое происхожденіе отъ какого либо животнаго или растенія, сохраняя ихъ имена; это подтверждается, напримѣръ названіями: уильфинги (сыновья волка—wolf), гартинги (сыновья оленя—hart), и многими другими. Огонь добывался треніемъ другъ о друга двухъ палокъ, какъ и у другихъ дикихъ племенъ, и считался священнымъ. «Нужный огонь» (need-fire), какъ говорилось, зажигался разъ въ годъ и всѣ деревенскіе очаги брали оттуда огонь; чтобы уберечь скотъ отъ злыхъ духовъ, пропускали его черезъ огонь. Практиковался и обычай самосожиганія вдовъ по смерти ихъ мужей.

Бракъ.

Свадебные обряды сводились къ собранію друзей, съѣданію большаго хлѣба, приготовленнаго невѣстой, какъ проба хозяйскихъ способностей (это—прадѣдъ нашего свадебнаго пирога); приготовлялись особыя бочки пива, называвшіяся bride ale—(невѣстино пиво); отсюда и произошелъ нашъ «bridal». Это пиво пили за здоровье невѣсты и жениха (brydgumma) Англо-саксонецъ уплачивалъ отцу до свадьбы заранѣе условленную сумму; получивъ согласіе дѣвицы, женихъ давалъ свое обѣщаніе и слово (wed). Шаронъ Тэрнеръ (Sharon Turner), передавая объ этомъ обрядѣ, прибавляетъ: «этому обѣщанію не вѣрили, а полагались только на его честь и его собственный интересъ. Женскій полъ находился подъ покровительствомъ закона, женихъ долженъ былъ представить друзей, которые бы поручились за выполненіе имъ договора». Отсюда беретъ начало дружка—«groomsman» или «best-man» нашего времени. Послѣ сговора условливались, кто будетъ выплачивать «*foster-léan*» или деньги, требуемыя на содержаніе дѣтей. Женихъ обѣщалъ выплачивать, его друзья ручались за него. Когда эти предварительныя условія были выполнены, женихъ долженъ былъ опредѣлить, сколько онъ предполагаетъ дать ей за то, что она согласилась быть его женою, а ровно и то, что онъ оставитъ ей въ томъ случаѣ, если она переживетъ его. Это—«*morgen gifu*», который выплачивался англо-саксонскими мужьями ихъ женамъ утромъ послѣ свадьбы. Древній законъ признавалъ справедливымъ,

чтобы жена получила половину имущества или даже все, если у нея были дѣти и она не вышла вторично замужъ. Дружки жениха ручались за его хорошее поведеніе, а подруги невѣсты за ея поведеніе. Когда введено было христіанство, священникъ благословлялъ союзъ; и послѣ того какъ условились относительно тѣхъ пунктовъ закона, которые оказывали покровительство женѣ при всѣхъ обстоятельствахъ, «родственники выдавали ее за него». Во всѣхъ этихъ случаяхъ не упоминается объ обручальномъ кольцѣ,— оно появилось позднѣе. Англичане смотрѣли на жену, какъ на управительницу въ хозяйствѣ, кольцо на ея пальцѣ служило залогомъ не рабства, а власти; напримѣръ супруга Этельреда Втораго передъ коронаціей была помазана и получила этотъ знакъ украшенія, какъ отличіе.

Англо-саксонцы оказывали большое уваженіе женщинамъ. Женщины рѣдко принимали участіе въ земледѣльческихъ работахъ, онѣ исключительно занимались домашнимъ хозяйствомъ; женщины высшаго положенія принимали участіе въ общественныхъ работахъ. Но была и другая сторона домашней жизни, бывшая, несомнѣнно принадлежностью язычества, распространеннаго въ странѣ. Полигамія существовала, существовалъ и обычай жениться на вдовахъ своихъ отцовъ,—институтъ, очевидно, основанный на понятіи о наслѣдственной собственности. Существовала также экзогамія, т. е. бракъ черезъ похищеніе внѣ племени — и обычай считать родственниковъ только по женской линіи. Грэнтъ Алленъ указываетъ на это, «какъ на особенность низкой ступени культуры, съ которой обыкновенно связывается тотемизмъ. Этотъ способъ счета родства встрѣчается у нѣкоторыхъ арійскихъ племенъ, между прочимъ у пиктовъ». Трудно опредѣлить, до какой степени смѣшивались юты, англы и саксы, и насколько часто встрѣчающееся одно и то же названіе клана въ совершенно другихъ округахъ указываетъ на существованіе экзогаміи. Въ англійской брачной церемоніи женихъ дотрогивался башмакомъ до головы невѣсты,—остатокъ прежняго способа поимки, когда поймавшій ставилъ ногу на шею плѣнника. Послѣ свадьбы женѣ коротко остригали волосы—признакъ настоящаго рабства. Эти свадебные обычаи, такъ же какъ и другія учрежденія, связанныя съ религіей англо-саксонскихъ завоевателей, указываютъ на варварское суевѣріе, обусловленное первобытнымъ и дикимъ тотемизмомъ,— обожаніемъ природы, свойственнымъ всѣмъ арійскимъ народамъ, поклоненіемъ предку или герою у тевтоновъ. восторженному отношенію—если не обожанію—Войны, Судьбы, Побѣды и Смерти. Хотя любовь къ приключеніямъ и войнѣ, связываясь съ стремленіемъ къ обработкѣ почвы, къ накопленію домашнихъ животныхъ и стадъ должна была подрывать это суевѣріе, несомнѣнно однако и то, что жители этихъ необезпеченныхъ общинъ жили въ постоянномъ опасеніи насильственной смерти. При такихъ условіяхъ едва ли могла

Полигамія и экзогамія.

существовать древняя общественная жизнь внѣ границъ клана или семьи. Большинство искусствъ и жизненныхъ удобствъ отсутствовали, пока не возникла нѣкоторая обезпеченность, вносимая миромъ. Такое положеніе вещей настало до извѣстной степени для англо-саксовъ при возстановленіи христіанской религіи, которую они такъ усиленно искореняли. Хотя христіанство, уцѣлѣвшее у ирландцевъ и валлійцевъ на сѣверо-западѣ, отрѣзано было, какъ мы видѣли, отъ его послѣдователей на континентѣ поясомъ ютовъ, англовъ и саксовъ, ирландскій миссіонеръ, св. Колумба, въ концѣ шестаго столѣтія учредилъ британскую церковь на островѣ Іона. Ему и св. Кентигерну приписывается распространеніе христіанства у пиктовъ и въ Стратскляйдѣ. Вслѣдствіе этого миссіонерамъ этой британской церкви приходилось обращать главнымъ образомъ среднихъ англовъ. По историческимъ даннымъ, заимствованнымъ у Бэды, семь саксонскихъ королей имѣли поперемѣнно верховенство надъ другими; третій изъ нихъ носилъ титулъ Бретвальда: это былъ Этельбертъ, король Кента. Ему и его супругѣ Бертѣ, дочери Кариберта, короля Парижа, принадлежитъ честь хорошаго пріема св. Августина и его сорока монаховъ, посланныхъ папою Григоріемъ въ 597 г. для обращенія въ христіанство англовъ. Берта была христіанка; помимо прямаго вліяніе, которое она оказывала какъ королева-супруга, при бракѣ выговорена была для нея привиллегія удержать свою вѣру. Каково бы ни было ея вліяніе на ея супруга, обстоятельство это въ значительной степени облегчало трудъ римскихъ миссіонеровъ, начавшихъ при благопріятныхъ условіяхъ дѣло обращенія южныхъ англо-саксонцевъ. Первое благотворное вліяніе христіанства на обращенныхъ королей проявилось въ томъ, что возникъ обычай основывать монастыри—учрежденія, имѣвшія во многихъ отношеніяхъ до уничтоженія ихъ при Генрихѣ VIII громадное значеніе для Англіи. Въ эту раннюю саксонскую эпоху благодаря монастырямъ сохранились для насъ всѣ драгоцѣнныя сокровища литературы, искусства и религіи нашей страны. Безъ нихъ все это могло совершенно погибнуть среди преобладающаго язычества и въ отчаянной борьбѣ саксонцевъ съ датчанами. Не только отчеты о состояніи образованія сохранились для насъ въ переводахъ и рисункахъ саксонскихъ и латинскихъ монаховъ, но вмѣстѣ съ ученостью прошлаго сохранились и исторія, законы и обычаи того времени, имѣвшіе громадное и сильное вліяніе на современную общественную жизнь. Еще одно столѣтіе мрака англо-саксонскаго язычества и борьбы—и изъ развалинъ прошлаго ничего бы ни осталось для созиданія настоящаго. Постепенное распространеніе религіи Христа и развитіе «религіозныхъ домовъ» этого періода избавили жителей этихъ острововъ отъ Сизифова труда взбираться на крутизну со степени нравственной, интеллектуальной и общественной культуры, нисшей той, какой они по всѣмъ вѣроя-

Обращеніе Англіи.

тіямъ достигли въ эпоху римскаго завоеванія. Безъ сомнѣнія, нѣкоторая испорченность проникла въ монастыри; но если мы даже принуждены будемъ допустить, что въ нѣкоторые періоды они впадали въ полное нечестіе, то это случалось все-таки не всегда. Удивляться слѣдуетъ не столько тому, что учрежденіямъ этимъ не чужды были недостатки, сколько тому, что въ тѣ времена, когда эти учрежденія возникли и при тѣхъ элементахъ, изъ какихъ они слагались, эти недостатки не были болѣе значительны. То были времена только что возникавшаго религіознаго рвенія; элементами же учрежденій были люди, уставшіе отъ постоянной войны и полагавшіе, что жизнь ограниченія и сравнительнаго бездѣйствія не должна отразиться на вкусахъ и натурахъ, не знавшихъ для себя другихъ границъ, кромѣ побужденій индивидуальной воли. Врядъ ли можно было ожидать, что люди, для которыхъ жизнь самоотреченія и сдержанности знакомы были только развѣ по преданію, оставятъ по себѣ незапятнанную память; удивительно было бы, если бы это было такъ. Разсматривая эти учрежденія даже съ самой худшей стороны, мы должны допустить, что монахи первобытной Англіи были полезны, какъ хранители основъ цивилизаціи и общественныхъ устоевъ, и намъ легче теперь порицать ихъ, чѣмъ преувеличивать ихъ значеніе. Общественная жизнь Англіи въ сущности возникла на порогѣ монастырей, въ которыхъ гостепріимство оказывалось всѣмъ пришельцамъ. Здѣсь иноземецъ могъ быть увѣренъ, что его примутъ, накормятъ и согрѣютъ, здѣсь ухаживали за больными и находили занятіе для тѣхъ, чьи средства существованія погибли въ войнѣ и опустошеніи. Надежда вновь возродилась въ мрачной, истощенной войною странѣ, хотя развивавшаяся церковь и встрѣчала много препятствій; такихъ, какъ Пенда и Кадвалланъ, было много, и они были неутомимы. Нортумбрія, какъ и другія земли, отлагалась отъ христіанства и вновь къ нему возвращалась. Послѣ Уитенагемота Эдвина на берегахъ Деруэнта, съ того дня, какъ Коифи (Coifi), главный жрецъ языческаго храма, самъ убѣдилъ колеблющагося короля бросить копье въ посмѣяніе старымъ богамъ, обращеніе въ христіанство стало быстро подвигаться впередъ, постепенно возникали величественные монастыри и аббатства, часто на мѣстахъ прежнихъ деревянныхъ церквей. Кентербюри, Іоркъ, Петерборо и Эли, Беверлей, Винчестеръ, Уитби и Линдисфарнъ и другіе монастыри возвышались надъ холмами и долинами, рѣками и болотами; ихъ башни служили маяками и освѣщали матерьяльную и духовную пустыню; ихъ хоръ, колоколъ и церковное пѣніе изгнали эльфовъ языческаго воображенія. Сдѣланы были новыя лѣсныя расчистки; снова, какъ въ римскія времена, заняты были земли; проложены дороги черезъ непроходимыя до того времени болота и дремучіе лѣса, а людскіе умы открылись для свѣта культуры. Письмо смѣнило руны, римская азбука замѣнила сорокъ

Монастырская жизнь.

грубыхъ символовъ Футгорка (Futhork), а грубо вырѣзанная деревянная доска — *bok* уступила мѣсто пергаментному манускрипту съ его иллюминаціями и печатями. Сыновья людей, которые, не найдя героической смерти въ битвѣ, истекали кровью, начертывая на груди остріемъ копья рунами имя Одина, умирали теперь спокойно въ своихъ постеляхъ съ вѣрою въ Христа, евангеліе котораго было переведено и разукрашено монахами.

Хотя христіанство прочно распространялось—не смотря на войны и датское вторженіе—ученіе христіанское не вытѣснило вполнѣ языческаго суевѣрія и вѣрованія. Поэтому мы встрѣчаемъ законы, издававшіеся для подавленія, если не вѣрованій, то сохранившихся обычаевъ, заклинаній, поклоненія источникамъ и т. д. Въ нашимъ народныхъ сказаніяхъ сохранилось много слѣдовъ англо-саксонскаго и датскаго язычества.

Объединеніе Англійской жизни.

До обращенія въ христіанство не было писанныхъ лѣтописей или хроникъ. Съ его же возникновеніемъ законы и обычаи записываются и систематизируются; кромѣ того пожалованія земель монастырямъ и ихъ объемистыя хартіи, дошедшія до насъ, даютъ цѣнное представленіе объ общественной исторіи; организація стала быстро формироваться въ каждомъ государствѣ, хотя церковь Іона ревностно отстаивала свое ученіе, свои доктрины, ирландскіе священники требовали введенія тонсуры въ видѣ полумѣсяца по авторитету св. Іоанна, а не круглой тонсуры по авторитету св. Петра, принятой римскимъ духовенствомъ; эти и другія помѣхи подрывали только на время единство церкви. Король Освн, очень дѣятельный обращенный, рѣшилъ въ пользу Святаго, у котораго, какъ его учили, находились ключи отъ рая, и ирландскіе священники удалились или примирились. Мы видимъ также, что свободные монастыри и смѣшанныя общины монаховъ и монахинь подъ управленіемъ игумена или игуменіи современемъ уступаютъ мѣсто учрежденіямъ, въ которыхъ римскими епископами введенъ былъ болѣе строгій бенедиктинскій уставъ. Когда духъ монастырской жизни сталъ падать и страна была подавлена датскими вторженіями и опустошеніями, на долю св. Дунстана въ позднѣйшее время выпалъ трудъ возрожденія и преобразованія этихъ центровъ учености и цивилизаціи. Введеніемъ безбрачія духовенства онъ придалъ выдающееся значеніе римской церкви, и то, что у организаторовъ явилось результатомъ духа благочестія или политики, оказалось въ Англіи серьезнымъ камнемъ преткновенія на пути папства, а кромѣ того было вреднымъ для общественнаго развитія народа. Дунстанъ, родившійся въ кельтскомъ Сомерсетширѣ, отшельникъ, аббатъ Гластонбюри, былъ замѣчательнымъ человѣкомъ своего времени, соединялъ въ себѣ при строгой аскетической жизни способности ловкаго рабочаго, ремесленника, золотыхъ дѣлъ мастера, живописца, музыканта и государственныя способности, находившія

примѣненіе въ эти смутныя времена; онъ стремился привести страну къ единству и подчинилъ своей упорной волѣ короля Эдгара и дворянъ. Часто сила воли доводила его до крайностей, онъ пренебрегалъ своей личной свободой и не щадилъ чувствъ другихъ, какъ это мы видимъ въ его грубой поддержкѣ Одо, предшественника его въ епархіи Кентербюри, когда епископъ этотъ далъ разводъ Эдвину съ прекрасной Эльгифой и также (хотя на это у насъ имѣется мало доказательствъ) въ его неутомимомъ преслѣдованіи женатаго духовенства.

Короли выбирались—или, быть можетъ, правильнѣе сказать избирались. Избраніе народомъ короля, какъ одного изъ ихъ среды, если и не падало по какимъ-либо причинамъ на старшаго сына (въ случаѣ несовершенолѣтнія), ограничивалось все-же одной семьей. Прерогативы короля были значительны: онъ предводительствовалъ войсками, отъ него зависѣла чеканка монеты, онъ созывалъ Уитанъ, великій совѣтъ, выработывавшій вмѣстѣ съ нимъ законы. Слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что слово короля принималось безъ клятвы; это удивительно отражается на многихъ законахъ относительно свидѣтелей. Такой примѣръ мы находимъ во времена Эдуарда Старшаго (901—924 послѣ Р. Х.) [1]). Законъ гласитъ такъ: Статья I. «О торгѣ. И я повелѣваю, чтобы каждый человѣкъ имѣлъ поручителя, и не одинъ человѣкъ не долженъ покупать въ портѣ безъ присутствія старшины порта (port reeve) или другихъ нелгущихъ людей (ungeligenna manna), кому можно вѣрить и т. д.». Интересенъ также другой законъ, относящійся къ воскресенью: V. Уитанъ 1008: «Пусть соблюдается праздникъ воскресенья, въ этотъ святой день пусть старательно воздерживаются отъ базаровъ и вѣча». Тотъ фактъ, что торговецъ, который не могъ представить свидѣтелей, считался не лучше вора, находится въ связи съ развитіемъ системы обезпеченія порукой; законъ признаетъ обвиняемаго виновнымъ, пока онъ не докажетъ своей невинности.

Вессексъ, несомнѣнно, имѣлъ значительныя сношенія съ римскимъ міромъ; торговые корабли постоянно поднимались по Темзѣ въ Лондонъ. Законы, относящіеся къ существовавшимъ таможеннымъ пошлинамъ и торговымъ старшинамъ, указываютъ на раннее существованіе ввознаго рынка; ввозились, по всѣмъ вѣроятіямъ, золото, серебро, драгоцѣнные камни, шелкъ, мѣха, вина, масло, пряности, аптекарскіе товары и ткани. Рабы въ первобытныя времена вывозились въ Африку, Испанію и Ирландію; вывозились туда также шерсть, шкуры и знаменитыя англійскія золотыя издѣлія; вышиванія

---

[1]) Приведенъ въ „Report of the Royal Commission on market Rights and Tolls. vol. I, 1889 г,

были въ большомъ ходу у саксонскихъ женщинъ во всѣхъ большихъ хозяйствахъ.

Одежда. Одежда женщинъ состояла изъ цвѣтнаго платья до колѣнъ, надѣтаго сверхъ болѣе длинной полотняной туники. *Gunna* (*gown* — платье) надѣвалось для охоты; у нихъ были длинныя и короткія мантиліи, короткія надѣвались для охоты и при стрѣльбѣ изъ лука. У всѣхъ дамъ шеи до подбородка густо закутывались (вуалью), и ни одна изъ нихъ не дѣлала попытки щегольнуть тонкой таліей; на головахъ онѣ также не носили никакого другаго украшенія, кромѣ капюшона (hood). Обыкновенное одѣяніе мужчинъ составляла простая туника до колѣнъ, стягивавшаяся у таліи поясомъ; мужчины носили короткій плащъ, иногда чулки; и всегда башмаки, даже рабочіе классы. Они отпускали длинную бороду, часто раздвояли ее, но съ усвоеніемъ норманскихъ обычаевъ во времена Герольда II стали брить лицо. Одежды обоихъ половъ дѣлались изъ шелка, полотна и шерсти, а нѣкоторыя части мужской одежды — изъ кожи. Красный, голубой и зеленый были любимые цвѣта. Носили драгоцѣнные камни и украшенія. Украшенія имѣли особый характеръ и по выполненію были подражаніемъ архитектурныхъ украшеній и живописи; послѣдняя, впрочемъ, главнымъ образомъ ограничивалась требниками.

Украшенія, которыя носили саксонскіе мужчины, были броши, браслеты и fibulae (застежки) изъ золота, серебра и слоновой кости. Цѣпи, кресты и кольца изъ золота и серебра, усыпанные драгоцѣнными камнями, головныя украшенія или діадемы, украшенныя дорогими камнями встрѣчаются на иллюминаціяхъ манускриптовъ. Страсть къ длиннымъ развѣвающимся волосамъ и локонамъ не исчезала, не смотря на порицанія духовенства. Длинные волосы и раздвоенныя бороды можно считать отличительными чертами саксонцевъ. Обычай татуированія кожи продолжалъ болѣе или менѣе существовать какъ остатокъ варварства въ теченіи всего англо-саксонскаго періода; это былъ одинъ изъ тѣхъ пороковъ, противъ которыхъ вооружался Уильямъ мальмсбюрійскій послѣ норманскаго завоеванія. Мы можемъ предполагать, что женщины носили *socca* или штаны, какъ и мужчины, но длина ихъ туникъ на иллюминаціяхъ мѣшаетъ провѣрить это. Хотя всѣ носили головную повязку, но все же англо-саксонскія женщины обращали большое вниманіе на прическу волосъ. Альдгельмъ упоминаетъ о завитыхъ локонахъ дамы, тщательно подвитыхъ утюгомъ; Юдифь, въ англо-саксонской поэмѣ этого названія, зовется «дѣвой Создателя съ завитыми локонами». Альдгельмъ пишетъ также, что его жена любила красить щеки красной краской сурьмы. Въ англо-саксонскихъ завѣщаніяхъ упоминаются запястья, ленты, браслеты, золотая муха, украшенная дорогими камнями, золотыя витыя ожерелья, золотыя головныя повязки, серьги, крестъ на шеѣ и золотыя украшенія, называвшіяся *sylas*. Перчатки весьма рѣдки; пер-

чатки на одной изъ иллюминацій только съ однимъ большимъ пальцемъ, другіе пальцы не отдѣлены; руки, обыкновенно, если закрыты, то расположены въ складкахъ мантиліи и въ длинныхъ рукавахъ.

Очень незначительныя національныя особенности отличали одежду датчанъ отъ одежды англо-саксонцевъ въ теченіи девятаго и десятаго столѣтій. Одно время, по словамъ Арнольда изъ Любека, они носили одежду матросовъ, какъ подобаетъ викингамъ и людямъ, живущимъ морскими приключеніями, поселившись въ Англіи, они усвоили болѣе веселый костюмъ, расчесывали свои длинные волосы, которыми они очень гордились, разъ въ день, мылись въ банѣ разъ въ недѣлю и часто мѣняли платье, чтобы нравиться женщинамъ. Въ сагѣ Книтлинга (Knytlinga Saga) описываются густые волосы Канута; онъ, повидимому, носилъ саксонскую королевскую одежду съ тѣмъ измѣненіемъ, что мантія застегивалась шнурками и кистями вмѣсто застежки или кольца. Массивные золотые браслеты датчанъ всегда хоронили вмѣстѣ съ ними. Датчане обыкновенно имѣли болѣе тяжелое вооруженіе, чѣмъ саксонцы и обучались хорошо стрѣлять изъ лука. Они часто носили лунообразные щиты, обыкновенно раскрашенные въ красный цвѣтъ и прославились умѣніемъ владѣть своимъ любимымъ орудіемъ, датскимъ топоромъ.

Кромѣ тканей для одежды выдѣлывались ткани, шедшія на мебель и украшеніе домовъ. Занавѣсы являлись дѣйствительной необходимостью, ими избавлялись отъ постоянныхъ сквозняковъ при дурномъ устройствѣ жилищъ. Альфредъ для той же цѣли употреблялъ фонари, онъ защищалъ ими огни, которыми онъ измѣрялъ время. Нѣкоторыя ткани для занавѣсей богато расшиты изображеніями животныхъ и птицъ золотомъ. Въ древнихъ завѣщаніяхъ упоминается объ англо-саксонскихъ одѣялахъ (beddrease). Одинъ человѣкъ завѣщаетъ занавѣсъ (hryste), покрывало и всѣ принадлежности постели. Сыну своему онъ завѣщаетъ одѣяло и всѣ принадлежащія къ этому простыни. Одна дама завѣщаетъ также два ящика съ содержимымъ и занавѣсы кровати; завѣщается также красный балдахинъ и соломенная подушка. Одѣяло изъ козьей шкуры послано одному англо-саксонскому аббату. Въ «Юдифи» мы читаемъ о золоченной сѣткѣ надъ постелью предводителя; медвѣжьи шкуры часто упоминаются, какъ принадлежность постели. Въ манускриптѣ Claudius B. 4, который можно видѣть въ Strutt, Horda Angel, pl. XIII, fig. 2., имѣется рисунокъ кровати; изголовье и дно ея изъ досокъ, подушки какъ будто сдѣланы изъ плетеной соломы. Налагалась иной разъ эпитимія не ложиться въ постель—грѣхъ искупался лежаніемъ на полу. Для принятія пищи и на пиршествахъ богатые употребляли дорогіе сосуды. Мебель.

Мы постоянно читаемъ о серебряныхъ чашахъ, иногда о позолоченномъ серебрѣ. Чаши часто отказывались въ завѣщаніяхъ. Уинфледа даетъ, кромѣ четырехъ серебрянныхъ чашъ, чашу съ рѣзнымъ

краемъ, деревянную чашу, расписанную золотомъ, деревянное украшеніе для кровати въ видѣ чаши, двѣ очень красивыя чаши для питья. Упоминаются золотыя блюда, и одно блюдо греческой работы. Двѣ серебряныя чаши пожертвованы одной дамой монастырю. Король въ 833 г. отдаетъ свою золоченную чашу, на которой съ наружной стороны вырѣзаны винодѣлы, сражающіеся съ драконами; онъ называетъ ее крестовой-чашей, потому что внутри изображены крестъ и четыре выпуклыхъ ангела въ видѣ креста. Въ другія времена мы встрѣчаемъ костяныя чаши. Менѣе зажиточные классы по необходимости не имѣютъ этихъ цѣнныхъ предметовъ, они употребляютъ сосуды изъ дерева и рога; совѣтъ приказалъ, чтобы таковые сосуды не употреблялись въ церковныхъ зданіяхъ, хотя въ Іоркскомъ Соборѣ до сихъ поръ хранится вычурно выточенный рогъ, сдѣланный въ англо-саксонскую эпоху. Стеклянные сосуды мало употреблялись. Ученикъ Бэды спрашивалъ Луллу (Lullus) во Франціи, не можетъ ли онъ убѣдить кого либо изъ его прихода, умѣющаго выдѣлывать стеклянную посуду, пріѣхать и поселиться въ Англіи, потому что, прибавляетъ онъ, «мы невѣжественны и безпомощны въ этомъ искусствѣ».

Золото и серебро примѣнялись вездѣ — къ личнымъ украшеніямъ, въ одеждѣ, для сѣделъ, для рукоятокъ мечей, уздечекъ и даже мебели, упоминается о столахъ, сдѣланныхъ изъ драгоцѣннаго металла или украшенныхъ имъ. Корона англо-саксонскаго короля, по описанію современнаго біографа, Дунстана, сдѣлана была изъ золота и серебра и украшена различными драгоцѣнными камнями, изъ которыхъ многіе, повидимому, хорошо извѣстны были англо-саксонцамъ.

Мебель саксонскаго дома была груба и простой работы, хотя часто изъ дорогаго матеріала; противъ сквозняковъ въ богатыхъ домахъ употреблялись драпировки; постройка домовъ была чрезвычайно грубая; каменныя строенія были рѣдки; дома состояли, обыкновенно, изъ одной комнаты, среди которой разводился огонь, при чемъ дымъ проходилъ въ срединѣ соломенной крыши.

Развлеченія. Англо-саксонскіе короли, повидимому, очень любили охоту. Кабаны и дикіе олени были главными предметами охоты; охотились также на зайцевъ и козъ. Употреблялись силки и дрессированныя собаки. Употреблялись рога—эта необходимая принадлежность въ дремучихъ лѣсахъ. Законы объ охотѣ, какъ извѣстно, были тогда значительно мягче, чѣмъ въ норманскія времена. Канутъ запретилъ охоту по воскрестнымъ днямъ. Соколиная охота составляла любимое развлеченіе, Альфредъ Великій даже написалъ книгу о соколахъ и обученіи ихъ. Луки, стрѣлы и праща встрѣчаются на рисункахъ, изображающихъ охоту. Хотя нѣтъ свѣдѣній о скачкахъ, но Бэда описываетъ обще-

ство молодыхъ людей, скакавшихъ на своихъ лошадяхъ на открытомъ пространствѣ.

Развлеченія въ дѣломъ измѣнялись соотвѣтственно классамъ общества. О Канутѣ въ одномъ случаѣ говорится, что онъ занятъ былъ игрою въ *tesserae* или *scacci* (кости). Были извѣстны игры вродѣ шахматъ и триктракъ. Духовенству запрещены азартныя игры канономъ Эдгара. Глимены, игравшіе значительную роль въ средніе вѣка на пирахъ, упоминаются и въ англо-саксонскомъ періодѣ. Они были не только музыканты и пѣвцы, но также и шуты, фокусники, танцоры, акробаты, мимики; они, несомнѣнно, положили начало первичнымъ формамъ драмы. Въ манускриптахъ часто изображаются представленія. На одномъ рисункѣ изображена Иродіада, танцующая передъ Иродомъ; глиманы изображаются бросающими и ловящими мечи и ножи. Животныя обучались представлять и танцовать. Физическія упражненія были очень распространены. Св. Кутбертъ, говорится у Бэды, отличался умѣніемъ бороться, бѣгать и другими атлетическими упражненіями. Бой медвѣдей доставлялъ развленіе толпѣ.

Пища.

Крестьянинъ въ первобытныя времена не только пекъ свой собственный ячменный хлѣбъ въ печахъ или на желѣзныхъ блюдахъ, но мололъ муку на ручныхъ мельницахъ; водяныя и вѣтряныя мельницы появились въ позднѣйшее время. Въ городахъ встрѣчались булочники, и бывали примѣры выплачиванія печенымъ хлѣбомъ ренты за землю. Монастыри бывали часто такъ бѣдны, что лишены были возможности употреблять ячменный хлѣбъ; упоминаются соль, бобы, и медъ; послѣдній замѣнялъ сахаръ, неизвѣстный въ этотъ періодъ. Рыба, яйца, сыръ, бобы, травы и мясо составляли пищу дѣтей. Восточныя пряности были извѣстны, но употреблялись рѣдко; онѣ упоминаются, какъ подарки у богатыхъ людей. Такъ мы узнаемъ, что Бонифацій послалъ игуменіи немного ладана, перцу и корицы; а самъ получилъ отъ архидіакона корицу, перецъ и *costus*—любимую тогда приправу.

Пища солилась на зиму, когда скотъ скудно кормился по недостатку пастбищъ; соль выдѣлывалась особымъ классомъ людей и составляла, очевидно, важный продуктъ; мы встрѣчаемъ указанія на льготы и на разныя орудія и приспособленія выварки соли. Рыболовство было важнымъ промысломъ, въ особенности послѣ седьмаго столѣтія; употреблялись удочки и сѣти. Крѣпостные перевозились съ рыболовными снарядами къ прудамъ и ручьямъ неосушенной земли. Лодки приспособлялись для рыболовства въ морѣ, но рыба не ввозилась, конечно, далеко внутрь страны вслѣдствіе недостатка въ путевомъ сообщеніи.

Ячменный и овсянный хлѣбъ составляли главную пищу низшихъ классовъ, но всякое съѣдобное мясо и рыба шли обыкновенно въ пищу, угрей ѣли также охотно, какъ свиное мясо. Пили вино, при-

готовляли напитокъ изъ меда и ягоднаго сока; приготовлялись *piments*—напитки изъ вина, меда и пряностей; народъ пилъ много эля. Чрезмѣрное употребленіе напитковъ не могло считаться порокомъ у народа, считавшаго когда-то употребленіе ихъ принадлежностью религіозной церемоніи.

Хотя вино изготовлялось, но его мало пили; на иллюминаціяхъ мы находимъ виноградный прессъ; но въ силу климатическихъ условій виноградъ могъ воздѣлываться только въ южныхъ частяхъ острова. Во всякомъ случаѣ, медъ и эль были любимыми народными напитками, и пивныхъ было много; священникамъ воспрещалось посѣщать винные погреба. Богатые классы ѣли четыре раза въ день. Что животная пища употреблялась тогда въ большомъ количествѣ доказываетъ законъ Витреда (Wihtred), въ которомъ говорится, что если хозяинъ дастъ мясо своимъ слугамъ въ постный день, то подвергается за то наказанію у позорнаго столба [1]). Если слуга по собственному усмотрѣнію ѣлъ мясо, то онъ платилъ штрафъ или «отвѣчалъ собственной шкурой» (Wilk, Leg Sax. 97). Варить, печь и жарить, были обыкновенные способы приготовленія животной пищи; первый способъ, быть можетъ, употреблялся чаще всего. Главная овощь, бывшая въ употребленіи, была капуста. Въ монастыряхъ имѣлись повара, но въ обыкновенныхъ хозяйствахъ обязанность эту исполняли рабыни. Былъ случай, что дама завѣщала наслѣдство своему повару.

Оружіе саксонцевъ состояло изъ длинныхъ палашей и короткихъ кинжаловъ. Они носили круглые щиты изъ кожи, обшитые металломъ. Шлемы часто дѣлались изъ кожи на металлической основѣ. Кольчуга употреблялась для защиты, былъ въ ходу лукъ, но не длинный лукъ позднѣйшихъ англичанъ.

Бани. У англо-саксонцевъ были въ ходу горячія бани: разсказывается о монахинѣ, которая для умерщвленія плоти, мылась въ баняхъ только по праздникамъ. Не топить бань и воздерживаться отъ спанья въ мягкой постели считалось суровымъ наказаніемъ. На общее распространеніе бань указываетъ тотъ фактъ, что по церковному уставу входило въ обязанность благотворительности давать бѣднымъ мясо, огонь, пищу, постель, баню и одежду. Холодное купаніе однако же не было въ ходу—развѣ въ видѣ покаяннаго упражненія. Умываніе ногъ теплой водой, въ особенности послѣ путешествія, часто упоминается, какъ часть обязательнаго гостепріимства и заставляетъ насъ предполагать, замѣчаетъ Шаронъ Тэрнеръ, «что башмаки и чулки хотя и носились въ обществѣ, но мало употреблялись во время путешествія». Весьма правдоподобно и то предположеніе, что обычай употребленія горячихъ бань возникъ не въ родной странѣ

1) Молоко, сыръ и яйца разрѣшались въ постные дни.

англовъ, а благодаря ихъ соприкосновенію съ романизированными и изнѣженными британцами, виллы которыхъ снабжены были многими удобствами, которыя нельзя было найти въ низменностяхъ Шлезвига. Что касается омовенія ногъ, то, независимо отъ необходимости таковаго послѣ путешествія пѣшкомъ, даже на сѣверѣ до начала этого столѣтія омовеніе ногъ бѣднымъ предписывалось церковью, какъ религіозный искусъ для богатыхъ.

Похороны.

Мертвыхъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, погребали, а не сжигали; и если сжигали, то развѣ въ до-христіанскія времена. Гроба бѣдныхъ дѣлались изъ дерева, богатыхъ—изъ камня. Кутбертъ, одинадцатый епископъ послѣ Св. Августина, получилъ разрѣшеніе устроить кладбища [1]); болѣе здоровая мѣра, чѣмъ позднѣйшая—погребеніе умершихъ въ церквахъ. Уплата духовенству передъ смертью *saul sceat* (вклады на поминъ души) вошла въ большое употребленіе. Шаронъ Тэрнеръ говоритъ. «Никто изъ респектабельныхъ людей не умиралъ и не былъ похороненъ безъ хорошаго подарка церковному учрежденію». Уинфледа за *saut sceat* дала каждому монаху въ указанномъ ею монастырѣ, по золотому манкусъ [2]) и въ другомъ монастырѣ по полфунта. Она даетъ наставленіе дѣтямъ заказывать иллюминаціи для спасенія ея души [3]).

Этельфледа, умирая, говоритъ Дунстану: «Вели утромъ рано приготовить скорѣе баню и приготовить похоронныя одежды, въ которыя меня одѣнутъ; омывъ мое тѣло, я выслушаю обѣдню и причащусь и такъ умру». Что касается погребенія въ церквахъ до существованія кладбищъ, привиллегіей быть похороненнымъ тамъ пользовались только духовные и тѣ, кто велъ святую жизнь.

Вліяніе датскихъ поселеній.

Датчане владѣли Англіей сравнительно короткое время и конечно Канутъ не мало содѣйствовалъ общему соблюденію существующихъ обычаевъ, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ законы и стали строже, чѣмъ раньше—во всякомъ случаѣ Англія продолжала постепенно прогрессировать въ религіозномъ и общественномъ отношеніи; прогрессъ, однако, состоялъ скорѣе въ томъ, что англо-саксонцы пріобрѣтали въ Англіи, а не въ томъ, что они внесли съ континента.

---

[1]) Duqdale, Monasticon I. 25.

[2] *Mancus*—Саксонская монета въ полкроны. *Прим. пер.*

[3]) Sharon Turner Bk. VII c. 14.

ИСТОЧНИКИ.

a) Общая исторія.

Источники: Ammianus Marcellinus, греческій солдатъ римскаго войска, писалъ въ четвертомъ столѣтіи, продолжалъ исторію Тацита отъ Нервы до Валента. Авзоній и Клавдіанъ, латинскіе поэты, также четвертаго столѣтія, ссылаются на Британію. Просперъ Аквитанскій въ пятомъ столѣтіи продолжалъ *Annals of St. Jerome* до 445 по Р. Х. Sidonius Apollinaris Bp. of Clermont описываетъ саксонскихъ пиратовъ; Zozimos, историкъ, отмѣчаетъ событія своего времени въ Британіи. Merobaudes, франкъ, написалъ поэму о третьемъ консульствѣ Аэція. Въ шестомъ столѣтіи славный Св. Гильдасъ написалъ свое „*Epistle to the Kings and Priests of Britain*“. Въ восьмомъ столѣтіи Nennius написалъ по преданію исторію британцевъ, ее дополнилъ Marcus въ девятомъ столѣтіи и Бэда, священникъ изъ Іарроу, написалъ „Исторію Христіанской Церкви въ Англіи“. Все это по приказанію короля Альфреда переведено на англійскій языкъ, онъ также вѣроятно велѣлъ собрать и помѣстить въ Винчестерѣ англо-саксонскія и англійскія хроники. Henry of Huntington, Florence of Worcester, Simeon of Durham и другіе латинскіе хроникеры послѣ завоеванія, французскіе хроникеры Wace и Gaimar также описываютъ эти времена, часто къ фактамъ англійской хроники прибавляютъ свѣдѣнія изъ поэмъ и преданій. Въ одиннадцатомъ столѣтіи Этельвуардъ, англійскій дворянинъ, сократилъ подлинную хронику для своей двоюродной сестры, германской принцессы. Ирландскія и валлійскія хроники (иногда современныя) даютъ лучшую хронологію, чѣмъ англійская хроника. Жизнеописанія различныхъ святыхъ (британскихъ, ирландскихъ и англійскихъ) даютъ много свѣдѣній о жизни и вѣрованіяхъ этихъ первобытныхъ временъ. Лучшее изданіе Бэда: Lumby и Mayor (хорошія примѣчанія). Англо-саксонской хроники изд. Plummer.

Современныя книги: Sharon Turner's „*History of the Anglo-Saxons*“ (въ ней лучшая біографія Альфреда); Stubbs' „*Constitutional History*“ Vol. I; Freeman's „*Old English History and Norman Conquest*“ Vol. 1. Для шотландской исторіи важны произведенія Skene и Bobertson. Полезная хронологія находится въ „Annals of England“ (Oxford, Parker). Цѣнный популярный очеркъ Grant Allen's *Anglo-Saxon Britain* (S. P. C. K.).

b) Спеціальные вопросы.

I. **Религія: Язычество.** Grimm „Deutsche Mythologie“, переведена J. S. Stallybrass 4 т. London 1880 — 88. Rydberg „Teutonic Mythology“, переведена R. B. Anderson London 1889. Kemble „*The Saxons in England*“ Vol. I (новое изданіе London 1876. Для этимологіи мѣстныхъ именъ Isaac Taylor. *Wards and Places* cap. *XIII.* London 1873 г.

II. **Исторія англійской церкви до норманскаго завоеванія.** A. **Оригинальные источники.** До 730 первичный источникъ Бэда: „Historia Ecclesiastica“ и другія сочиненія. (Лучшее изданіе, Moberly's: Clarendon Press). Рядомъ съ Бэдой по значенію, на четыре столѣтія позднѣе, можно назвать William of Malmsbury: *de Gestis Pontificum* (Rolls' Series), для всего періода. „*Old Englisch*

Chronicles“ современный источникъ этого періода, не церковныя хроники. Очень важны законы, каноны, эпитеміи и другіе документы въ сборникѣ Hadan and Stubbs Vol. III. Изъ біографій имѣютъ значеніе жизнеописанія Вильфрида-Едціуса (Migne), Кутберта-Бэды, Альдгельма-Фариціуса (Migne), Альфреда Ассера два жизнеописанія Дунстана (Rolls' Series), одно жизнеописаніе Эдуарда Исповѣдцика. Важны письма Альдгельма и Алкуина. Источники для исторіи кельтскихъ церквей очень скудны и трудны. Современные источники у Haddan und Stubbs Самыя замѣчательные матерьялы о жизни Св. Патрика собраны въ изданіи Vita Tripartita изданныя Whitley Stokes (Rolls' Series). Изданіе Reeve „*Adamnan's Life of St. Columba*“ сокровище учености.

В. **Новѣйшіе писатели**. *Early English Church History*—Bright's для періода, описаннаго Бэдой. Въ главѣ VIII въ Stubbs' „Constitutional History“ очень цѣнны введеніе того же писателя къ жизнеописаніямъ Св. Дунстана (Rolls' Series), и другія статьи въ „Dictionary of Christian Biography“. Прекрасны для кельтскихъ церквей Todd's *Life of St. Patrick* и Vol II Skene's *Celtic Scotland*.

III. Законы. Лучшее изданіе шотландскихъ законовъ Schmid: *Gesetze der Angelsachsen. Land-books* изданы Кемблемъ въ *Codex Diplomations* и въ недавнее время Mr. Birch'омъ. Лучшее новѣйшее сочиненіе объ англо-саксонскомъ законодательствѣ статьи Konrad Mauer'a въ первыхъ томахъ Kritische Ueberschau (Munich) и „*Essays in Anglo-Saxon Law*“ четырехъ американскихъ писателей (Little, Brown and Co. Boston и Macmillan). Другія общія историческія сочиненія о германскомъ законодательствѣ, въ особенности Brunner и Schröder, содержатъ много цѣннаго матеріала объ англо-саксонскомъ законодательствѣ.

IV. Торговля и промышленность. Свѣденія объ общественной и промышленной жизни англо-саксонскаго періода приходится собирать изъ разбросанныхъ ссылокъ (*Ecclesiastical History and Life of St. Cuthbert*) и изъ жизнеописаній святыхъ, въ особенности Вильфрида, Дунстана и Вульфстана и изъ *Codex Diplomaticus*, *Anglo-Saxon law* и *Domesday Book* и *Dialogues of Aelfric*. Много можетъ быть собрано по рисункамъ, сохранившимся въ современныхъ манускриптахъ. Изъ новѣйшихъ англійскихъ сочиненій самыя полезныя Kemble's *Saxons in England*, Sharon Turner (смотри выше), Stubbs' *Constitutional History* (l. c. IV—IX), Green's „*Conquest of England*“, Ashley's *Introduction to Economic History*, Cunningham's *British Industry and Commerce*, Macpherson's *Annals of Commerce*.

V. Общественное здравіе. Въ англо-саксонскихъ хроникахъ очень скудныя свѣдѣнія о чумѣ, эпизоотіи и т. п. Сильная чума въ 664 г. и послѣдующіе годы упоминаются у Бэды „*Historia Ecclesiastica gentis Anglorum*“ и въ жизнеописаніяхъ Св. Адда (St. Adda) и Кутберта и въ исторіи аббатовъ Йарроу („Bede's works“, изданіе Англійскаго Историческаго общества).

VI. Литература. Ten Brink (Bernhard) *Geschichte der Englischen Literatur*. Berlin 1877. Wülker (Dr. Richard): *Grundriss zur Geschichte der angelsächsischen Literatur*. Leipzig 1885 г. Ten Brink (Bernhard); *Beowulf Untersuchungen: Quellen und Forschungen* и т. д. Heft 62. Strassburg 1880. Möller (H.): *Das altenglische Volksepos in der ursprünglichen strophischen Form*. Kiel 1883 г. Heinzel (R). *Ueber den Stil der altgermanischen Poesie: Quellen and Forschungen*. Heft. 10. Strassburg 1874. Bode (W). *Die Kenningar in der angelsächsischen Dichtung*. Darmstadt and Leipzig 1886 г. Bugge (E. S.). *Studien über die Entstehung der nordizchen Götter und Heldensagen*. München 1889 г.—Wülker (Richard): *Ueber den Dichter Cynewulf*: Anglia Bd. I. S. 483—507. 1878 г. Ten Brink (Bernhard) *Besprechung von Zupitza's Ausgabe der Elene*

въ Haupt's *Zeitschrift*. Bd. 24 (N. Folge II), Anzeige s. 53 — 70. 1879. Ten Brink. (Bernhard) *Early English Literature, Appendices*. New Iork. 1883. Rieger (Max) *Ueber Cynewulf*; Zacher's *Zeitschrift für deutsche Philologie*. Bd. I s. 215—226 и 313 и 334. Halle 1869. Sievers (Eduard) *Der Heliand und die angelsächsische Genesis*. Halle a) s. 1875. Earle (Prof Iohn). *Two of the Saxon Chronicles Parallel*. Oxford 1865 г. Foster (T. Gregory), *Judith; Studies in Metre, Language etc. Quellen and Forchungen*. Hept. 91. Strassburg 1892. Gollanez (I) *Cynewulf's Christ*, изданный въ современномъ переложеніи. London David Nutt. 1892.

VII. Архитектура, искусство, нумизматика и т. д. C. Roach Smith's *Collectanea Antiqua*, также изд. Plummer; Sharon Turner's „*History of England*"; Kemble's *Saxons in England*; Willis *Canterbury* (монеты); Ruding's *Annals of the Coinage of Great Britain*; Akerman's *Mannal*; Hawkin's *Silver Coins of England*.

VIII. Общественная жизнь. *Encomium Emmae* изд. Pertz; *Lipe of Dunstan* (ed. Stubbs); *Lives of Edward the Confessor* (ed. Ward.), въ Rolls series; Wright: *Vocabularies* (содержатъ діалогъ Эльфрика); Wright-Wülcker, *Vocabularies* (нѣкоторые изъ нихъ иллюстрируютъ общественную жизнь). *The Exeter Book*., изд. Gollancz, Early English Text Society, *Beowulf* из. Holder (дешевое изданіе, хорошій текстъ); Asser *Vita Allfredi* (переводъ въ Bohn's series); Earle и Plummer „Saxonic Chapters". Много подробностей въ поэтическихъ произведеніяхъ.

ГЛАВА III.

Отъ завоеванія до Хартіи 1066—1216.

Нормандское завоеваніе.

А. Л. Смита (A. L. Smith).

Раздоръ враждующихъ племенъ составлялъ отличительную черту исторіи той страны, на которую предъявлялъ права и завоевалъ Вильгельмъ Завоеватель. Раздоръ этотъ, хотя и обезпечилъ за нимъ непосредственную побѣду, повелъ къ пятилѣтней борьбѣ съ мятежниками, пока наконецъ завоеваніе было вполнѣ закончено.

Сѣверяне почти не помогали западно-саксонскому королю, когда тотъ спѣшилъ отъ Стамфордъ Бриджа въ Гастингсъ; но они медленно подчинялись власти, которая являлась болѣе чѣмъ когда либо властью Вессекса надъ округами датчанъ и англовъ. Англія, завоеванная какъ бы сразу, въ сущности завоевана была по частямъ. Одно время даже казалось, что великая битва предала южную Англію во власть нормандскаго герцога только для того, чтобы норманы въ свою очередь подпали бы власти датчанъ.

Битвй при Сенлакѣ была болѣе, чѣмъ великая военная побѣда; эта битва имѣла также общественное и нравственное значеніе. Не только англійскій топоръ и копьё покорились нормандскому мечу и луку и небольшое количество гаускэрловъ и недисциплинированные кэрлы дружины Гарольда сдались дисциплированнымъ рыцарямъ и тяжело вооруженнымъ пѣхотинцамъ сѣверной Франціи, но и англійская королевская власть и англійскія учрежденія не могли устоять противъ болѣе цивилизованныхъ нормановъ. На вѣсахъ были судьбы двухъ расъ; взвѣшивалась англо-саксонская цивилизація, и она оказалась несостоятельной. Въ концѣ концовъ для Англіи оказалось благопріят-

нымъ то обстоятельство, что побѣда была на сторонѣ той расы, которая внесла съ собою такія качества, какихъ еще не было въ Англіи—способность къ организаціи, сознаніе законности и порядка, духъ предпріимчивости. Порядокъ и дисциплина нормандскаго войска, его благочестивыя приготовленія наканунѣ битвы, его лучшее оружіе и вооруженіе, его искусная стратегія и повиновеніе одной волѣ начальника — все это были новыя типичныя черты, которыя должны были создать новую Англію.

Послѣ битвы при Сенлакѣ юго-восточные графства не въ состояніи были сопротивляться. Дувръ, Кентербюри и Винчестеръ покорились Вильгельму; Лондонъ приготовился оказать смѣлое сопротивленіе, но очутился въ безпомощномъ положеніи, вслѣдствіе эгоистичнаго отступленія Эдвина и Моркера и неспособности Эдгара Этелинга; переходъ же Вильгельма черезъ Темзу изъ Валлингфорда въ Беркэмстедъ отрѣзывалъ всякое подкрѣпленіе, какое могло бы подоспѣть къ городу. Сюда явились къ Вильгельму предводители Вессекса и преклонились предъ нимъ, и, наконецъ, Уитанъ и лондонцы покорились Вильгельму, какъ сорокъ девять лѣтъ тому назадъ они покорились Кануту. На Рождествѣ въ 1066 г., три мѣсяца спустя послѣ высадки въ Певенсеѣ, Вильгельмъ короновался королемъ Англіи въ Вестминстерѣ. Эдгаръ, избранный королемъ, но не коронованный, покорился ему; подчиненіе Эдвина и Моркера послѣ коронаціи повидимому обезпечивали за нимъ среднюю Англію и сѣверъ; хотя въ этихъ округахъ власть Вильгельма была только номинальна, за то въ восточныхъ и юго-восточныхъ графствахъ онъ могъ сразу примѣнять свою политику конфискаціи и раздачи земель. Повидимому, онъ считалъ свою власть вполнѣ упроченной, такъ какъ на Пасху 1067 г. онъ отправился за море, чтобы посѣтить свое герцогство. Онъ оставилъ Англію въ надежныхъ рукахъ; епископъ Одонъ охранялъ Кентъ отъ нападенія съ континента, а Фицъ-Осбернъ охранялъ Гертфордширъ отъ валійцевъ; Одонъ и Фицъ-Осбернъ пользовались всѣми феодальными правами въ этихъ графствахъ. Кромѣ того Вильгельмъ взялъ съ собою заложниковъ, Эдгара, Вальтеофа, Эдвина, Моркера, и архіепископа Стиганда.

Правленіе Нормановъ.

Во время восьмилѣтняго отсутствія Вильгельма и пребыванія его въ Нормандіи обнаружилась суровость правленія норманновъ. Жители Кента и Гертфордшира возстали вслѣдствіе притѣсненій Одона и Фицъ-Осберна. Такія отдѣльныя возстанія были безуспѣшны. Напрасно Кентъ призывалъ на помощь Евстахія Булонскаго, а Эдрикъ Дикій своихъ союзниковъ, валлійцевъ, для разграбленія норманновъ въ Гертфордширѣ. Еще до возвращенія Вильгельма возстанія были подавлены.

Нація, никогда не дѣйствовавшая за одно въ страшное время набѣговъ датчанъ, не могла сплотиться и теперь. Только суровое непреклонное правленіе норманновъ, длившееся болѣе столѣтія, прину-

дило ее сплотиться. Юго-западъ, еще непокоренный Вильгельмомъ, открыто сопротивлялся зимою 1067 г., въ то же самое время возстали Іоркширъ и сѣверъ, но они не дѣйствовали сообща. Экзетеръ, гдѣ жили мать и сыновья Гарольда, предлагалъ сдаться и платить подати подъ условіемъ остаться независимымъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Покореніе Экзетера и разграбленіе Дорсетшира повели за собою покореніе Сомерсета, Девона и Корнваллисса, Ворчестершира и Глочестершира. Завоеваніе это предоставило въ руки короля новую группу конфискованныхъ помѣстій для раздачи ихъ въ видѣ награды своимъ родственникамъ и дружинникамъ Когда закончено было покореніе востока, тогда только открыто возсталъ сѣверъ. Сѣверяне сдѣлали попытку основать отдѣльное сѣверное королевство и опять ввести раздѣленіе страны, бывшее всегда существенной чертой англосаксонской исторіи во времена Эдвина и Эдгара, Эдмунда и Канута, Годвина и Леофрика; они соединились съ Эдвиномъ, Моркере и Эдрикомъ, имъ обѣщали помощь валлійцы, скоты и датчане. Никакое бѣдствіе не могло принудить мерсійскихъ графовъ стать вѣрными союзниками; они опять заключили миръ; возстаніе потерпѣло неудачу, Вильгельмъ съ тріумфомъ вступилъ въ Іоркъ. Онъ теперь былъ фактическимъ правителемъ западныхъ саксонцевъ и восточныхъ англовъ, большей части мерсійской Англіи, съ старой Дейрой. Власть его и надъ этими странами далеко не была еще упрочена; за Тисомъ, округи бернійцевъ: Дургамъ, Нортумберлэндъ и Лотіанъ находились только въ вассальной зависимости; Чеширъ. Шрофширъ и Стаффордширъ оставались внѣ его власти и все еще были подъ властью Эдрика.

Реакціонное движеніе противъ Завоевателя.

Вильгельмъ однако вообразилъ, что самая трудная часть его задачи закончена. Онъ отпустилъ многихъ нормандскихъ солдатъ; онъ назначилъ одного изъ своихъ дружинниковъ графомъ Нортумберлэнда; долгое непоявленіе Свегена, казалось, указывало на то, что опасность со стороны датчанъ миновала. 1069 г. принесъ для него непріятное пробужденіе. Жители Дургама перерѣзали новаго графа и его дружинниковъ; жители Іорка убили нормандскаго начальника замка, сыновья Гарольда напали на Девонширъ, Эдрикъ осадилъ Шревсбюри; датскій флотъ появился у южныхъ и восточныхъ береговъ, наконецъ вошелъ въ Гумберъ и занялъ Іоркъ. Во время мщенія Іорку, Вильгельмъ отозванъ былъ для подавленія всеобщаго возстанія на юго-западѣ. Поспѣшивъ назадъ. онъ изгналъ датчанъ изъ Линкольншира и опять овладѣлъ Іоркомъ. Здѣсь вторичнымъ короноваціемъ на Рождествѣ 1069 г. онъ сдѣлалъ уступку упорному духу независимости въ странѣ къ сѣверу отъ Гумбера. Въ то же время онъ пустилъ въ ходъ мѣры мщенія и политики, сводившія эту независимость къ пустому воспоминанію и навсегда прекратившія возможность призыва на помощь датскаго флота. Мѣра эта была: знаменитое «Опустошеніе

Опустошеніе сѣвера.

сѣвера», разграбленіе и опустошеніе всего Іоркшира—это было опустошеніе, которое возмутило даже тотъ вѣкъ; англичане смотрятъ на это преступленіе, какъ на одинъ изъ тѣхъ трехъ великихъ грѣховъ, которые будутъ тяготѣть надъ ихъ душою въ день Страшнаго Суда. Изъ Іорка Вильгельмъ двинулся въ Дургамъ и тамъ принялъ подчиненіе Вальтеофа. Въ февралѣ 1070 г. онъ совершилъ зимній походъ изъ Іорка въ Честеръ. Разоренная страна едва могла прокормить войско, голодные отряды возставали на пути. Послѣ покоренія сѣверо-западной Мерсіи, завоеваніе Англіи могло считаться фактически законченнымъ.

Датскій флотъ былъ подкупленъ; сопротивленіе страны «датской изгороди» (Fencountry), сосредоточивавшееся на островѣ Эли и личности Гереварда, подавлено было въ 1071 г. послѣ восемнадцатимѣсячной упорной осады. Эдрикъ покорился еще раньше; Эдвинъ умеръ, Моркеръ былъ въ плѣну. Пятилѣтняя неорганизованная борьба закончилась. Договоръ Гастингса былъ подтвержденъ. Новая раса дала странѣ правителей, и только безкровная побѣда на Рунимедѣ въ 1215 г. обнаружила, что норманскіе бароны слились съ массою англійской націи.

Вліяніе Норманскаго завоеванія.

Исторія этихъ пяти лѣтъ доказала необычайное превосходство норманскихъ наемниковъ не только въ бою, но и въ быстротѣ передвиженія, въ единствѣ дѣйствія; превосходство во всѣхъ этихъ трехъ отношеніяхъ проистекало отъ бдительнаго и рѣшительнаго характера ихъ предводителя. Пріемы его вездѣ были одинаковы—навести ужасъ безжалостнымъ опустошеніемъ, занять города сильными гарнизонами и укрѣпить каменными замками, назначить норманскихъ графовъ, къ которымъ онъ могъ питать довѣріе. Но онъ старался также подчинить себѣ англичанъ путемъ помилованій и признанія національныхъ обычаевъ и понятій. Онъ сразу хотѣлъ занять положеніе законнаго англійскаго короля. Еще въ 1070 г. онъ распустилъ большинство наемниковъ; еще въ 1074 г. три мятежные графа убѣдились, что англичане смотрятъ на короля, какъ на своего защитника противъ бароновъ. Въ немъ, по словамъ позднѣйшаго писателя, подданные нашли сильнаго вооруженнаго человѣка, охранявшаго свой домъ. Съ тѣхъ поръ валлійская граница постоянно отодвигается, Вильгельмъ мститъ за жестокія вторженія шотландцевъ нападеніемъ на Шотландію въ 1072 г., когда «Малькольмъ покорился ему и сталъ его вассаломъ». Если бы Вильгельмъ прожилъ еще два года, говорится въ англійской хроникѣ, онъ бы своей мудростью и безъ боя овладѣлъ всей Ирландіей. Долгій рядъ датскихъ набѣговъ и войнъ, продолжавшихся съ 787 г. все время, кромѣ десятилѣтняго перерыва, закончился большими приготовленіями короля Канута въ Даніи въ 1085 г., приготовленіями, не приведшими ни къ какому результату, такъ какъ король былъ убитъ въ 1086 г.

Въ Англіи произошла не менѣе значительная внутренняя перемѣна.

«Не слѣдуетъ забывать порядокъ, установленный королемъ Вильгельмомъ,—говоритъ современный писатель въ хроникѣ Петерборо,—порядокъ былъ таковъ, что каждый человѣкъ могъ безопасно путешествовать въ странѣ изъ одного конца въ другой; никто не смѣлъ убивать другаго, каково бы ни было полученное имъ оскорбленіе».

Норманская королевская власть была тѣмъ, чѣмъ никогда не была позднѣйшая англо-саксонская власть—вполнѣ организованной властью. Вліяніе завоеванія нигдѣ не сказалось такъ быстро, какъ въ военной системѣ. На шпалерахъ въ Бейё мы видимъ коннаго рыцаря и стрѣлка изъ лука, смѣнившихъ обычнаго англійскаго воина, вооруженнаго топоромъ съ двумя рукоятками, и «стѣну щитовъ» пѣшихъ. Уже въ Domesday Book мы находимъ слѣды организаціи феодальнаго набора, что связывается съ опредѣленіемъ рыцарской службы и развитіемъ «рыцарскихъ леновъ». Благодаря политикѣ Вильгельма возросло количество замковъ, которыми овладѣла корона, хотя и послѣ долгой борьбы, и сохранилось старое англійское ополченіе, игравшее роль милиціи въ борьбѣ съ феодализмомъ. Наконецъ сношенія Англіи съ Нормандіей поддерживали значеніе городовъ южнаго побережья и повели къ тѣмъ войнамъ съ Франціей, которыя позднѣе способствовали возрожденію англійскаго флота.

Domesday Book.

Ф. Iopka Поуэлль (F. Iork. Powell).

Великая перепись всей Англіи, которую мы называемъ «Domesday Book», одинъ изъ самыхъ цѣнныхъ документовъ, какимъ владѣетъ какая либо нація. Domesday Book не такой древній и не такой подробный памятникъ, какъ замѣчательный французскій памятникъ *Polyptyques;* это не такой любопытный и первобытный памятникъ, по способу изложенія и содержанію, какъ исландскій памятникъ *Landnamaþoc;* но по разнообразію свѣдѣній, превосходству плана, пространству земли и времени, захватываемому имъ, нѣтъ равнаго этому памятнику. Это—одновременно регистръ, перепись доходовъ, податей, а также книга о владѣніяхъ и законахъ. Этотъ памятникъ имѣетъ значеніе для политико-экономa, юриста, историка, этнолога и филолога. Къ тому же книга эта составлена въ переходное время и лучше всякаго другаго памятника помогаетъ ознакомиться съ характеромъ и вліяніемъ норманскаго завоеванія.

Хроника Петерборо, написанная лицомъ, знавшимъ Завоевателя,

даетъ лучшій современный отчетъ о времени и значеніи переписи, въ 1083 г.

«Послѣ средины зимы король наложилъ тяжелую подать по всей Англіи, а именно по семьдесятъ два пенса на каждый гайдъ».

Въ 1085 г. король датскій Канутъ, женатый на дочери графа Роберта фландрскаго, угрожалъ нападеніемъ на страну. Когда вѣсть объ этомъ достигла до короля Англіи Вильгельма, который былъ тогда въ Нормандіи, потому что ему принадлежала Англія и Нормандія, то онъ отправился въ Англію съ такимъ большимъ войскомъ всадниковъ и пѣшихъ изъ Франціи и Бретани, какого еще не видѣли въ этой странѣ и жители удивлялись, какъ страна въ состояніи будетъ прокормить такое войско. Король распредѣлилъ войско по всей странѣ среди своихъ ленниковъ и они кормили войско каждый на своей землѣ..... Когда король получилъ достовѣрную вѣсть о томъ, что врагу помѣшали и онъ не тронется въ путь, онъ отправилъ часть своего войска на родину, а часть удержалъ въ странѣ на всю зиму. Затѣмъ среди зимы король былъ въ Глочестерѣ съ своими мудрыми людьми и держалъ тамъ судъ пять дней, а потомъ архіепископъ и духовенство засѣдали три дня на соборѣ... Потомъ король много думалъ и совѣщался съ мудрыми людьми о землѣ, кѣмъ она засѣлена и запята и какими людьми. Затѣмъ онъ разослалъ людей по всей Англіи и въ каждый ширъ (графство) и велѣлъ имъ опредѣлить, сколько сотенъ гайдъ было въ каждомъ ширѣ и сколько земель имѣлъ самъ король, и сколько скота на этихъ земляхъ, и какія подати долженъ получать король каждые двѣнадцать мѣсяцевъ съ каждаго шира. Онъ также переписалъ, сколько земли имѣли его архіепископы и его викарные епископы и аббаты и графы, и какимъ образомъ и сколько каждый человѣкъ, владѣющій землей въ Англіи, имѣетъ земли и скота и сколько денегъ все это стоитъ. Онъ велѣлъ такъ подробно вести перепись, что не осталось ни одного гайда или ярда земли или,—даже стыдно сказать, но онъ не считалъ это стыдомъ,—быка или коровы или свиньи, не записанныхъ въ его перепись, и вся перепись затѣмъ была доставлена ему».

Слѣдующія инструкціи даны были для переписи:

«Королевскіе бароны (комиссары) допрашивали подъ клятвою шерифа шира и всѣхъ бароновъ (free-tenants) и изъ нихъ французовъ по рожденію и всю сотню, священника, старшину, шесть вилановъ (copyholders) изъ каждаго вила (деревни)...» «о названіи замка, кто имъ владѣлъ при T. R. E. (*Tempore Regis Edvardi*—во время короля Эдуарда Исповѣдника) и кто владѣетъ теперь (въ 1086 г.), сколько гайдъ принадлежитъ къ каждому замку, и сколько плуговъ въ помѣстьи, сколько людей, сколько вилановъ, сколько коттаровъ, сколько крѣпостныхъ, сколько свободныхъ, сколько сокменовъ (freeholders in socage) сколько лѣса, сколько луговъ, пастбища, какія мельницы и

рыбные пруды, что прибавлено и что отнято, что стоило при T. R. E. и что стоитъ теперь (въ 1086); сколько имѣлъ каждый фригольдеръ; и можно ли извлечь изъ имущества болѣе, чѣмъ получается теперь».

Въ перепись вносились всѣ права и привилегіи, а также и владѣнія и лены. Было нѣсколько комиссаровъ, у каждаго былъ отдѣльный округъ: такъ напр. комиссарами были епископъ Ремигій изъ Фекампа, Генрихъ Ферейръ (Лордъ Тэтбэри), Уальтеръ Жиффардъ (впослѣдствіи графъ Бэкингэмъ) и Адамъ Фитцъ Губертъ, который взялъ на себя тотъ округъ, въ которомъ находился Уорчестеръ; юго-западныя графства образовали одинъ округъ, ширы Оксфордъ, Уарвикъ и Стаффордъ были соединены вмѣстѣ. Нортумберландъ и Дергамъ не были переписаны, вѣроятно потому, что большая часть сѣвера была опустошена. Кумберландъ, Уэстморландъ и сѣверный Ланкаширъ не входили еще въ составъ Англіи. Рутлэндъ вошелъ въ переписи въ составъ сѣвернаго Гантса и Линкольншира, южный Ланкаширъ вошелъ въ составъ Іоркшира и Чешира. Въ Domesday Иксона (Exon Domesday) и во второмъ томѣ большой Domesday Book мы находимъ образцы переписей для пяти юго-западныхъ и трехъ восточныхъ графствъ (Норфолька, Суффолька, Эссекса), существуетъ также копія съ подлинной переписи Кэмбриджшира. Въ остальныхъ округахъ, подвергнутыхъ переписи, послѣдняя не только приведена была въ порядокъ, но и сокращена, какъ это мы находимъ въ первомъ томѣ большой книги Domesday.

Перепись, составляемая подъ клятвой, была постановленіемъ, которое должно было быть обязательнымъ, неопровержимымъ и неоспоримымъ, какъ свидѣтельское показаніе.

Какъ производилась перепись?

Перепись производилась въ графствѣ по сотнямъ, въ каждой усадьбѣ (manor) отдѣльно; къ описанію каждаго графства прилагался списокъ главныхъ владѣльцевъ (непосредственныхъ ленниковъ короны); первымъ упоминался король, затѣмъ шли остальные по рангу.

Комиссары, занося въ перепись результаты мѣстныхъ изслѣдованій, не пытались измѣнять мѣстныя названія; вслѣдствіе этого мы находимъ въ различныхъ частяхъ страны, по сообщенію Г-на Роунда

Англійскія названія: 1 гайдъ=4 virgates или yard земель.
Кентскія названія: 1 suling=4 yokes.
Датско-норманскія названія: 1 plowland или carrucate=8 bovates.

Во всѣхъ случаяхъ названія эти относятся только къ пахатной землѣ и землѣ, платящей налоги, обложенной королевской поземельной податью, столько-то съ данной единицы мѣры; единица мѣры, называлась ли она *suling*, *hide* или *carrucate*, равнялась 120 акрамъ,

безразлично обрабатывалось ли земельное угодіе по двухпольной или трехпольной системѣ. Послѣ перечисленія земель, обложенныхъ податью (*geldable area*) приводятся необложенныя податью земли: то были иногда земли вновь обработанныя послѣ Этельреда, когда впервые стала собираться поземельная подать (*geld;* вѣроятно по мѣстному обложенію графства). Въ 991 г. по предложенію (заимствованному изъ примѣровъ франковъ и римлянъ) архіепископа Зигрика нація выплатила первый крупный налогъ датчанамъ въ размѣрѣ £ 10,000. Намъ неизвѣстно, собиралась ли эта дань датчанамъ обложеніемъ съ каждаго гайда, какъ по всѣмъ вѣроятіямъ собирались позднѣе налоги въ этомъ государствѣ. Иногда необложенная налогомъ земля (*non geldable land*) была землей, которой даровалось по милости короля освобожденіе отъ налога. Послѣ переписей гайдовъ и акровъ послѣдовали по требованію короля другія переписи. Слѣдующій образчикъ описанія сельской усадьбы указываетъ въ какой окончательной формѣ являлась перепись.

Земля Уилльяма Брэйозъ. Въ сотнѣ Рединджесъ. «Уилльямъ Брэйозъ получилъ отъ короля Сэдкотъ. Бриктъуардъ владѣлъ имъ при королѣ Эдуардѣ. (Вильгельмъ норманскій смѣстилъ Бриктъуарда англичанина, какъ ленника короля).

Земля считалась за два гайда, теперь считается за одинъ гайдъ. (старое обложеніе для налога (geld) на эту усадьбу было за два гайда, но по какой то основательной причинѣ теперь обложена за одинъ гайдъ).

Земля состоитъ изъ трехъ запашекъ (plows. Все протяженія пахатной земли три запашки—plowlands,—хотя облагается только за два гайда).

Въ имѣніи одинъ владѣлецъ (Уилльямъ обработываетъ одну запашку самъ), пять вилановъ (copyhold tenants) и бордаріи (cottiers) съ двумя запашками (въ имѣніи двѣ запряжки).

Въ имѣніи мельница стоимостью въ 18 шиллинговъ и рыбная ловля стоимостью въ 50 пенсовъ.

Оно (имѣніе) стоило £ 4; теперь (оно стоитъ) 100 шиллинговъ».

Замѣчателенъ отрывокъ изъ переписи, касающійся Оксфорда, новаго города, извѣстнаго какъ мѣсто-пребываніе святаго, при Альфредѣ—мѣсто чеканки монеты, при Эдуардѣ—укрѣпленіе противъ датчанъ, при Эдгарѣ и Этельредѣ удобное мѣсто для собранія народныхъ вѣче. Сюда входятъ, какъ мы увидимъ, не только налоги, но и штрафы и ренты и другія повинности.

«Во время царствованія короля Эдуарда Оксфордъ выплачивалъ ежегодно королю *toll* и *gafol* и другихъ повинностей, въ размѣрѣ £ 20 и 6 мѣръ (sestiers) меда. Королю Эльфгару выплачивала 10 £ и кромѣ того внутри города ему принадлежала мельница. Когда король шелъ на войну, съ нимъ шли за всѣхъ 20 согражданъ или выплачивали

20 £ королю и всѣ освобождались. Теперь Оксфордъ выплачиваетъ 60 £ счетомъ (а не вѣсомъ, что не было бы выгодно для плательщика) по 20 пенсовъ за *ora* (датская монета, двѣнадцать монетъ давали за фунтъ). Въ выше упомянутомъ городѣ, въ стѣнахъ города и внѣ ихъ. 243 дома выплачиваютъ поземельный налогъ *geld* и кромѣ нихъ 500 безъ 22, такъ раззорены и опустошены, что не могутъ выплачивать поземельный налогъ, *geld*... Всѣ усадьбы, называемыя *mural*, T. R. E., были освобождены отъ всѣхъ повинностей, кромѣ отправленія на войну и исправленія стѣны... Если стѣна по надобности не исправлялась тѣмъ, кто долженъ былъ это сдѣлать, онъ или уплачивалъ 40 шил. королю или терялъ свою усадьбу. Всѣ граждане Оксфорда владѣютъ сообща за городомъ лугомъ и выплачиваютъ 6 шил. 8 пен.».

Въ Оксфордскомъ ширѣ обычаи (customs) таковы: «Если кто нарушитъ королевскій миръ, данный подъ присягой или за печатью, такъ что убьетъ того, кому дарованъ миръ, его жизнь и земли переходятъ во власть короля, если онъ пойманъ; если же его нельзя поймать, его всѣ считаютъ внѣ закона, и, кто сможетъ убить его, получаетъ всю добычу по закону. Если чужестранецъ, пожелавшій жить въ Оксфордѣ, будетъ владѣть домомъ и умретъ тамъ не имѣя родственниковъ, король получитъ все, что останется послѣ него. Если кто ворвется въ чей либо дворъ или домъ, убьетъ или ранитъ или сдѣлаетъ нападеніе на человѣка, то уплатитъ 100 шил. пени королю. Точно также тотъ, кто обязанъ идти на службу и не идетъ, уплатитъ королю 100 шил. Если кто убьетъ человѣка въ своемъ дворѣ или своемъ домѣ, онъ и его имущество поступаютъ въ распоряженіе короля, исключая приданаго его жены, если тотъ далъ ей таковое».

Общіе выводы переписи могутъ быть сведены къ слѣдующему: Было около 5,000,000 акровъ пахотной земли и около 300,000 семей т. е. около 2,000,000 душъ. Это населеніе дѣлилось по владѣнію земли *такъ:*

a)	1,400	ленниковъ	дворянство и духовенство.
	7,900	вассаловъ	
b)	12,000	свободныхъ людей	фригольдеровъ къ сѣверъ отъ Уатлингъ Стритъ.
	23,000	сокменовъ	іоменовъ къ югу отъ Уорка.
c)	109,000	виллановъ, копигольдеровъ	къ западу отъ Линколька и Эссекса. къ востоку отъ Чешира.
	90,000	котаровъ и бордаріевъ, мелкихъ копигольдеровъ	къ югу отъ Темзы главнымъ образомъ.
d)	25,000	крѣпостныхъ—безземельныхъ работниковъ.	югъ средней Англіи. и юго-западъ.

Горожане и часть духовенства не упоминаются, такъ что численность ихъ приходится извлекать изъ другихъ источниковъ.

Смѣна владѣльцевъ.

Большая часть ленниковъ были «французы» — солдаты и духовные, пришедшіе съ Вильгельмомъ. Большая часть вассаловъ были также французы. Такъ въ Оксфордскомъ ширѣ оставались на прежнемъ положеніи, какъ до завоеванія, всего нѣсколько тановъ (какъ Лефъуайнъ, Осмундъ, Саульдъ, Сивардъ-Охотникъ), церковныхъ учрежденій и священниковъ. Король, кромѣ королевскихъ усадьбъ, получилъ конфискованныя земли графовъ Гарольда и Эдвина; земля королевы Эдгиты раздѣлена была между норманскими баронами; норманскіе епископы Байё и Лизьё, заморское аббатство Прео и новое учрежденіе Вильгельма, аббатство Битвы получили владѣнія въ странѣ на счетъ англійскихъ владѣльцевъ. Графы Гугъ изъ Честера, Альберн изъ Нортумберланда, Робертъ изъ Мортена, Вильгельмъ изъ Гирфорда, Евстахій Булонскій, Вильгельмъ изъ Еврё, бароны фамилій Иври, Тодени, Жифардъ, Певрель, Гесдингъ, Анскульфъ, стали ленниками короля, англійскіе землевладѣльцы, какъ напр. архіепископъ Стигандъ, графъ Тости, Тюрготъ, Альфрикъ, Гэконъ, Годрикъ и ихъ наслѣдники были лишены владѣній. Робертъ д'Айли женился на Эльдгитѣ, дочери крупнаго англійскаго землевладѣльца, Вигода изъ Уаллингфорда и получилъ около половины владѣній своего тестя въ ширѣ. Въ сущности, можно слѣдующимъ образомъ резюмировать перемѣну, происшедшую въ Англіи: 20,000 чужестранцевъ смѣнили 20,000 англичанъ; новопришельцы завладѣли тропомъ, графствами, епископствами, аббатствами и большею частію крупныхъ помѣстій, находящихся подъ непосредственной и посредственной властью короны, и многими владѣніями горожанъ въ главныхъ городахъ. Англійскіе владѣльцы или пали въ бою или бѣжали въ изгнаніе; новый, коронованный король конфисковалъ ихъ помѣстія за вооруженное или явное сопротивленіе. Въ иныхъ случаяхъ новый землевладѣлецъ женился на дочери прежняго землевладѣльца, какъ то было въ выше упомянутомъ случаѣ, или на его вдовѣ, но такъ не всегда бывало. Свѣдѣнія о томъ, какъ англійскіе феодалы и бароны бѣжали въ Шотландію и восточную Европу, указываютъ на то, что новопришельцы большею частью лишили владѣній прежнихъ владѣльцевъ и ихъ наслѣдниковъ. Вильгельму надо было вознаградить своихъ дружинниковъ-завоевателей и содержать войско. Самымъ простымъ способомъ было наградить ихъ землей, и для того, чтобы вознаградить людей, рисковавшихъ многимъ въ его военномъ предпріятіи и для того, чтобы удержать то, чѣмъ онъ владѣлъ, ему пришлось дѣлить конфискованныя земли, кусокъ за кускомъ, какъ пришлось ему и завоевывать ее. Мы не можемъ предполагать, чтобы при раздѣлѣ помѣстій крупныхъ бароновъ имъ руководила особая политика (это не подтверждается ни однимъ авторитетнымъ источникомъ). Тотъ фактъ, что завоеваніе происходило по частямъ, объясняетъ намъ, почему у многихъ крупныхъ норманскихъ землевладѣльцевъ имѣлись земли

во многихъ графствахъ. Такъ Гугъ изъ Честера, повидимому, владѣлъ землями въ Стаффордѣ, которыя впослѣдствіи были обмѣнены на другія владѣнія; но онъ удерживалъ земли въ двадцати одномъ различныхъ графствахъ, Робертъ изъ Мортена въ двадцати, Одонъ изъ Байё въ семнадцати, Евстахій Буленскій въ двѣнадцати. Въ болѣе чѣмъ шести графствахъ было сорокъ-одинъ крупныхъ вассала съ помѣстьями — всѣ свѣтскіе владѣльцы. Вильгельмъ не опасался щедро награждать своихъ дружинниковъ, въ особенности близкихъ ему по крови. Такъ Робертъ изъ Мортена, его братъ, получилъ 793 усадьбы; Одонъ изъ Байё, другой братъ — 439; Аланъ Бретанскій, его родственникъ—442. Нѣкоторыя изъ шерифствъ Вильгельма стали наслѣдственными, нѣкоторыя его графства стали палатинатами [1]), но онъ избѣгалъ назначать новыхъ графовъ; а установленіе правильной военной службы — столько-то вооруженныхъ рыцарей должны были быть выставлены съ извѣстнаго количества земли (какъ указываетъ Г-нъ Роундъ), вслѣдствіе чего неправильныя и разнообразныя служебныя обязанности тановъ замѣнялись правильными повинностями,—располагало въ пользу короны.

Новые землевладѣльцы, хотя и могли бы вступить въ иныя отношенія къ королю, чѣмъ ихъ предшественники, въ силу закона или обычнаго права не имѣли ни на іоту больше или меньше власти надъ своими вассалами, древнія народныя вѣча, суды сотни, собранія существовали какъ и прежде съ древними пенями, штрафами и конфискаціями. Каждый свободный безземельный человѣкъ по прежнему долженъ былъ найти отвѣтственнаго патрона, а каждый свободный человѣкъ, имѣющій землю, принадлежать къ мѣстному обществу, обязанному сохранить миръ; каждый свободный человѣкъ, какъ и прежде, давалъ присягу королю. Королевскіе доходы все еще выплачивались натурой. Размѣръ оцѣнки (сохранявшійся въ теченіи слѣдующаго столѣтія) былъ таковъ: быкъ 1 шил., овца 4 пенса, кормъ для двадцати лошадей 4 пенса, хлѣбъ для 100 человѣкъ 1 шил. Статуты Вильгельма Завоевателя были большею частью возстановленіемъ прежнихъ королевскихъ законовъ, а главными нововведеніями его были: замѣна смертной казни изуродованіемъ, усиленіе полицейскихъ мѣръ о пеняхъ и т. п. для огражденія отъ убійства прибывшихъ съ нимъ французовъ, его постановленіе о разграниченіи свѣтскихъ и духовныхъ тяжбъ и передача послѣднихъ въ веденіе юрисдикціи епископовъ.

Слѣдуетъ помнить (какъ указываетъ епископъ Стэбсъ), что новая аристократія большею частью состояла въ родствѣ съ герцогомъ Новопришельцы.

---

[1]) Графства-палатинаты въ Англіи были графства Честеръ, Дэргамъ или Ланкастеръ; въ нихъ графъ, епископъ или герцогъ пользовались правами королевскаго суда. *Прим. перев.*

Нормандскимъ. Изъ герцогскаго рода происходили графы Бріонъ, Эврё, Ё (Eu), Мортенъ, Кентъ; по брачнымъ связямъ родственны были ему Бомонты изъ Меллента, роды Монгомери, Вареннь, Жиффардъ и Брётейль. Другіе три крупные норманскіе рода произошли отъ Ива Белесма, Бернарда Датчанина, Осмонда Кутвильскаго, также близкихъ герцогскому дому, какъ достаточно подтверждаютъ придворныя легенды. Древній списокъ кораблей, далеко не авторитетный и не полный, указываетъ на родъ помощи, оказанной норманскими баронами королю.

	Кораблей.	Рыцарей.
Вильгельмъ Фитцъ-Осбернъ.	60	—
Гугъ, графъ Честера	60	—
Робертъ, графъ Ё.	60	—
Робертъ, графъ Мортена.	120	—
Рожеръ Бомонтъ	60	—
Рожеръ Монгомери	60	—
Вальтеръ Жиффардъ.	30	—
Одонъ, епископъ Байё.	100	—
Реми, епископъ Линкольна	1	20
Николай, аббатъ Св. Овена.	20	100
Гугъ Монфортскій, коннетабль	50	—
Жеральдъ, комиссаръ.	40	—
Фулькъ Хромой.	40	—
Вильгельмъ, графъ Еврё	80	—

Другіе норманы, оказавшіе сильное содѣйствіе были: Ральфъ Кончъ, Вильгельмъ Вареннь, Гугъ Грантменильскій, Рожеръ Моубрей, Балдуинъ и Ричардъ Бріоннь, Гугъ Бутлеръ, Эмери Туаръ. Союзниками Вильгельма были его добрые сосѣди [1]) бретонцы, мансельцы (люди Мена) анжуйцы, люди Пуатьё и Булоня [2]) и французы, «кому онъ обѣщалъ земли, если завоюетъ Англію, щедрую плату и милости» (хотя ни король Франціи, ни графъ Фландріи не помогли ему въ его предпріятіи); они слѣдили за выполненіемъ обѣщанія. Только одинъ рыцарь и одно духовное лицо изъ всего войска, прибывшаго на трехъ тысячахъ и трехъ корабляхъ, чтобы отстаивать права Вильгельма на корону, отказались, какъ сообщаютъ, отнять у другихъ людей имущества и помѣстья. Даже повара, охотники и другіе слуги короля получили участки земли, хотя онъ и избѣгалъ послѣ перваго завоеванія надѣлять землеми наемниковъ и предпочиталъ налагать тяже-

---

[1]) Аланъ Бретанскій, зять Вильгельма, Ральфъ Гуадеръ, графъ Норфолькъ, выдающіеся бретонцы, сильная поддержка.

[2]) Евстахій III, графъ Булоня, родственникъ Эдуарда Исповѣдника, былъ во главѣ ихъ.

лые налоги вмѣсто несправедливыхъ конфискацій. Вильгельмъ, подобно Эдуарду I, былъ королемъ, преданнымъ закону; при самыхъ сильныхъ искушеніяхъ онъ не нарушалъ своихъ собственныхъ постановленій, никогда не нарушалъ данной клятвы и обѣщанія править, какъ правилъ его предшественникъ, согласно законамъ и обычаямъ страны, подавляя зло и поддерживая милосердіе и справедливость.

Вліяніе завоеванія.

Завоеваніе дѣйствительно означало, что исполнительная власть, центральная администрація и мѣстное управленіе, свѣтское и духовное, перешли къ новой группѣ людей — къ лучшимъ правителямъ, болѣе смышленнымъ, хотя и болѣе неразборчивымъ; они меньше пили и ссорились, они были лучше воспитаны, смѣлѣе, экономнѣе, симпатизировали общему европейскому развитію, были предпріимчивѣе и умѣреннѣе. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этого явилась лучшая организація, усиленный прогрессъ, бо́льшія требованія и стѣсненія въ церкви и государствѣ; вассалы не сходились съ своими новыми лордами, обѣ стороны придерживались буквы закона (неизбѣжно покровительствовавшаго лорду); возникла новая и сильная иностранная политика, произошло расширеніе владѣній англійскаго короля и усиленіе его притязаній, какъ внутри, такъ и внѣ этихъ острововъ. Не смотря на это англійскій языкъ и англійскій законъ удержались во всемъ государствѣ и черезъ столѣтіе французскій баронъ сталъ англійскимъ лордомъ.

Съ внѣшней стороны самая большая перемѣна произошла въ постройкахъ королемъ и его самыми богатыми баронами замковыхъ башенъ и тюремъ и въ продолженіи уже начавшагося раньше стремленія къ сооруженію каменныхъ церквей и большихъ соборовъ. Земледѣліе скорѣе подавлялась, чѣмъ развивалась, подъ гнетомъ тяжелыхъ налоговъ и опустошеній междоусобной войны. Не смотря на то, что города сильно пострадали отъ войны и что часть ихъ была снесена для постройки замковъ, торговля развивалась и процвѣтала. Весьма сомнительна польза прибытія евреевъ, вслѣдъ за завоеваніемъ, съ цѣлью воспользоваться крупной добычей, какъ они явились вслѣдъ за скандинавами въ Галлію за два столѣтія передъ тѣмъ; но много нормандскихъ купцовъ поселилось въ Лондонѣ и въ другихъ торговыхъ городахъ и морскихъ портахъ.

Царствованіе Вильгельма Рыжаго и Генриха I.

А. Смита.

Вступленіе на престолъ Вильгельма Рыжаго, не смотря на поддержку, оказанную Роберту нормандскими баронами, было побѣдою

англійскаго народа. Король обѣщалъ хорошее управленіе и поддержку древнихъ обычаевъ, чтобы пріобрѣсть содѣйствіе народа и церкви, уже выступавшей защитницей народа. Ополченіе народа дало ему возможность отразить флотъ герцога Роберта въ Певенсеѣ и взять замокъ Рочестеръ и съ нимъ вмѣстѣ и своего дядю Одона, стоявшаго во главѣ нормандскаго возстанія. Тоже ополченіе онъ призвалъ въ 1094 г. къ Гастингсу, въ количествѣ 20,000 чел., чтобы отразить угрожавшее нападеніе со стороны Франціи. Его тиранія и жадность менѣе давили народную массу, чѣмъ крупныхъ ленниковъ. Правда, онъ былъ безжалостенъ при взыскиваніи пеней и съ ревнивою жестокостью охранялъ свои права на лѣсныя угодья; онъ пользовался мѣстными судами, какъ орудіями вымогательства, а въ то же время его позорная жизнь и богохульства глубоко оскорбляли лучшія чувства его вѣка. За то онъ не допускалъ, по крайней мѣрѣ, иной тираніи, кромѣ своей. Онъ подавилъ другое феодальное возстаніе и конфисковалъ земли Мовбрея Нортумберландскаго и земли другихъ за то, что они принимали участіе въ этомъ возстаніи. Онъ отразилъ вторженіе Малькольма, короля шотландцевъ, въ 1091 г., принудилъ его къ изъявленію покорности, отнялъ у него округъ Карлиль и заселилъ его англійскими поселенцами. Своими пожалованіями—наприм. Монтгомери и Ласи—онъ быстро отодвинулъ англійскую границу на западъ на счетъ валлійцевъ, несмотря на препятствіе, возникшее вслѣдствіе возстанія на Энглеси Магнуса Норвежскаго, разбившаго Гуга, графа Честера. Его царствованіе, почти помимо его желанія, укрѣпило союзъ короны съ народомъ, возникшій почти вначалѣ нормандскаго завоеванія, для общей борьбы съ феодальной анархіей,—такой союзъ является характерной чертой англійской исторіи. Также и въ войнахъ противъ скотовъ и валлійцевъ, и даже противъ французовъ, англійскій народъ считалъ войну своихъ нормандскихъ правителей своей собственной. Только когда король вооружался противъ новаго архіепископа Ансельма, онъ сталъ въ такое положеніе, что и народъ былъ противъ него. Король, во время болѣзни и въ порывѣ покаянія поклявшись исправиться, поспѣшилъ назначеніемъ въ вакантное епископство Кентербюри и принудилъ Ансельма, родомъ итальянца, бывшаго аббатомъ въ Бекѣ, въ Нормандіи, одного изъ самыхъ замѣчательныхъ духовныхъ лицъ своего времени, принять это назначеніе. Едва только король выздоровѣлъ, какъ ему пришлось уже войти въ столкновеніе съ Ансельмомъ по поводу обрядовъ посвященія и въ виду не желанія Ансельма принять омофоръ ни отъ кого иного, кромѣ папы Урбана II. Потерпѣвъ неудачу въ этихъ двухъ пунктахъ, король напалъ затѣмъ на Ансельма за предполагаемое небрежное вооруженіе его феодальныхъ отрядовъ. Наконецъ, когда архіепископъ, утомленный борьбой, покинулъ Англію, чтобъ предъявить свое дѣло, на усмотрѣніе папы, король напалъ

на земли епископства и жестоко расправился съ вассалами. Тѣ толпы, которыя окружали уѣзжавшаго прелата, выражая почти идолопоклонническое почтеніе и затѣмъ привѣтствовали его, какъ святаго по его возвращеніи, являлись предзнаменованіемъ хода послѣдующей борьбы, когда короли могли убѣдиться, что какъ ни преданъ народъ коронѣ, онъ еще болѣе преданъ церкви.

Генрихъ I. 1100—1135.

Союзъ короны съ народомъ былъ отличительной чертой царствованія Вильгельма II; но союзъ этотъ еще болѣе составлялъ главную руководящую черту политики Генриха I. Вступленіемъ своимъ на престолъ онъ обязанъ былъ тому, что онъ былъ Этелингъ, сынъ короля, родившійся въ Англіи, а также своей поспѣшности, умѣлому пользованію своими богатствами и немедленному возвращенію Ансельма, но больше всего обнародованной имъ хартіи. Хартія не только обѣщала уменьшеніе феодальныхъ правъ, которыми его братъ черезъ чуръ сурово пользовался по отношенію къ своимъ ленникамъ, но и предписывала, чтобы и бароны въ свою очередь ослабили въ такой же мѣрѣ свои права по отношенію къ ихъ вассаламъ. Хартія обѣщала также сохраненіе «законовъ Эдуарда» т. е. древнихъ англійскихъ формъ и учрежденій. Когда король женился на Эдитѣ, дочери Малькольма и племянницѣ Эдгарда Этелинга, народъ почувствовалъ, что у него снова англійскій король; его отождествляли съ «львомъ справедливости» пророчества Мерлина. Когда главные бароны присоединились къ Роберту нормандскому, чтобы помочь ему овладѣть англійскимъ тономъ, народъ такъ дружно помогалъ королю, что тотъ могъ взять и послѣдовательно покорить четыре замка Роберта Белесма, который, какъ представитель великаго рода Монгомери и лордъ двухъ графствъ въ Англіи и двухъ въ Нормандіи, былъ признаннымъ руководителемъ феодальной партіи. Этотъ человѣкъ представлялъ худшій типъ феодальнаго лорда и послѣ его низверженія, говоритъ торжествующій англичанинъ, король сталъ теперь настоящимъ королемъ. Съ 1104 г. главная дѣятельность Генриха сосредоточивалась во Франціи. Дѣйствительно, долгая борьба королевской власти съ баронами рѣшалась тамъ съ 1104 по 1118 г. Битва при Таншбре, 1106 г., сдѣлала его владѣльцемъ Нормандіи и сдѣлала герцога Роберта пожизненнымъ плѣнникомъ. Съ Анжу и Бретанью заключены были союзы и Генрихъ выдалъ свою дочь Матильду замужъ за императора Генриха V. Его преслѣдовали интриги въ пользу сыну герцога Роберта, Вильгельма Клито, до самой смерти послѣдняго въ 1126 г. Въ тоже время значеніе положенія Генриха въ Англіи ясно опредѣлилось признаніемъ его сына Вильгельма будущимъ королемъ въ 1115 г., и ему удалось даже послѣ трагической кончины его сына при крушеніи «Бѣлаго корабля» въ 1120 г. заручиться такой же присягой въ пользу его дочери Матильды въ 1126 г. Благодаря энергіи графа Стронгбоу

продолжалось подчиненіе Валлиса, не смотря на частыя возстанія валлійцевъ, чему также способствовали постройка въ странѣ замковъ и заселеніе Пемброкшира фламандцами.

Внутреннія реформы.

Исторія внутренняго состоянія государства во время этого царствованія является исторіей постепеннаго прогресса въ дѣлѣ управленія. Были возобновлены мѣстные суды сотни и шира; мѣстное обычное право городовъ было признано и занесено въ хартіи; постепенно стала развиваться центральная система государственной казны; въ округа посылались временные судьи; улучшена чеканка монеты, сокращены злоупотребленія по доставкѣ припасовъ ко двору, прежнія повинности натурой замѣнены денежными налогами. Изъ среды англичанъ и норманновъ низшаго ранга возникло новое дворянство. Эти люди служили королю чиновниками при государственной казнѣ и въ куріи, ихъ вознаграждали конфискованными землями старыхъ бароновъ сѣвера. Появленіе верховныхъ судей, королевскихъ военныхъ намѣстниковъ и лицъ, облеченныхъ юридической властью начинается съ 1107 г. Рожеромъ Бѣднымъ, епископомъ Салисбюри и его родомъ. Въ феодальномъ совѣтѣ начинается дѣленіе на высшихъ и низшихъ бароновъ—дѣленіе, приведшее впослѣдствіи къ образованію Палаты лордовъ и Палаты общинъ. Мѣстныя хроники полны жалобъ на чуму, голодъ и язву и «тяжелые налоги, которые никогда не ослабѣвали». Тѣ же хроникеры восторженно говорятъ о скоромъ и справедливомъ судѣ, благодаря которому Англія, послѣ невозможной анархіи и насилій англо-саксонской эпохи, становилась страною необычайнаго порядка и мира. «Онъ былъ хорошимъ человѣкомъ, и всѣ люди боялись его. Ни одинъ человѣкъ не смѣлъ обидѣть другаго въ его время. Онъ установилъ миръ для человѣка и звѣря». Люди стали упоминить о законахъ временъ короля Генриха, какъ до того времени и еще съ большимъ основаніемъ говорили о законахъ короля Эдуарда, такъ какъ Генрихъ I положилъ фундаментъ, на которомъ его правнуки строили прочное зданіе англійской конституціи—то была нормандская надстройка на англійскомъ фундаментѣ. Даже одна изъ величайшихъ средневѣковыхъ проблемъ—отношеніе церкви къ государству—была приведена къ временному рѣшенію благодаря твердости и сдержанности короля. Былъ принятъ компромиссъ (1107 г.), который долженъ былъ послужить въ пользу короны. Избранный епископъ долженъ выразить покорность королю и тогда только получалъ духовные знаки сана—перстень и пастырскій жезлъ—изъ духовныхъ рукъ. Такое установленіе указывало на духовный характеръ епископской власти; но епископы въ тоже время были крупные бароны и корона удерживала надъ ними власть, какъ и надъ другими баронами посредствомъ церемоніи изъявленія покорности. Лучшимъ указаніемъ значенія дѣяній и личности Генриха I было проявленіе феодализма въ самой ненавистной

формѣ, обнаружившееся немедленно послѣ того, какъ удалена была сильная рука послѣдняго истаго нормандскаго правителя.

Религія.

Гэттонъ (W. H. Hutton).

Завоеваніе оказало сильное и непосредственное вліяніе на англійскую церковь. Завоеваніе само по себѣ съ самаго начала какъ бы носило характеръ религіознаго дѣянія. Оно являлось миссіей, требованіемъ законнаго наслѣдства, захваченнаго клятвопреступнымъ узурпаторомъ, крестовымъ походомъ до возникновенія крестовыхъ походовъ. Завоеватели, двинувшись для завоеванія по благословенію папы, обязывались въ случаѣ необходимости измѣнить положеніе церкви и государства. Одной изъ величайшихъ цѣлей завоевателя было совершить эти измѣненія. Завоеваніе и церковь.

Первые четыре года его царствованія были заняты матеріальной и физической борьбой. Церковную реформу по необходимости пришлось отложить до того времени, когда страна будетъ вся завоевана. Когда это было завершено въ 1070 г., Вильгельмъ принялся за дѣло, которое онъ намѣтилъ себѣ съ самаго начала. На пасху въ Винчестерѣ, имѣя возлѣ себя папскихъ легатовъ, онъ положилъ начало заботамъ своимъ объ управленіи англійской церковью.

Эльдредъ Іоркскій, помазавшій его на царство, умеръ. Стигандъ Кентербюрійскій, получившій омофоръ отъ анти-папы Бенедикта X, безъ затрудненія лишенъ былъ сана, такъ какъ онъ поставленъ былъ въ епископы не по канону. Съ нимъ палъ и братъ его Этельмэръ, епископъ восточныхъ англовъ, женатый человѣкъ. Епископы и аббаты бѣжали или были лишены сана. Ихъ мѣста большею частью, хотя не всегда, замѣщены были людьми иностраннаго происхожденія. Главное же мѣсто примаса всей Англіи было предоставлено человѣку, который былъ достойнѣе всѣхъ въ Европѣ занимать такое мѣсто. Ланфранкъ, изучавшій юридическія науки въ Павіи, затѣмъ настоятель въ Бекѣ, потомъ аббатъ собственной Церкви Вильгельма въ Канѣ, ученый, государственный человѣкъ, администраторъ, другъ суроваго Завоевателя, былъ посвященъ, по словамъ Уорчестерскаго лѣтописца того времени, въ санъ «англійскаго папы». Въ этой фразѣ былъ смыслъ — такую фразу повторилъ папа Урбанъ при встрѣчѣ Ансельма «alterius orbis Papa».

Подобно тому, какъ древніе англійскіе короли, подчинивъ своей власти валлійцевъ и скотовъ, стали присвоивать себѣ императорскіе Церковь и папство.

титулы и знаки императорской власти—желая такимъ образомъ отдѣлиться отъ великой Римской Имперіи и править своей маленькой имперіей по своему,—такъ поступали и англійскіе примасы, обладавшіе духовнымъ верховенствомъ надъ многими королевствами до объединенія Англіи въ одно государство, они считали себя и признавались другими патріархами народовъ за-моремъ. Изъ писемъ, которыми обмѣнивался Вильгельмъ съ однимъ изъ величайшихъ средневѣковыхъ папъ, съ Гильдебрандомъ Клюни и Каноссы, папою Григоріемъ VII, мы ясно видимъ, что онъ именно и желалъ, чтобы таковымъ было положеніе тѣхъ, кто правилъ англійскою церковью. Ничто не возстановляетъ такъ ясно предъ нами условій жизни тѣхъ временъ, какъ письма,—то осторожныя, то фамильярныя,—которыми обмѣнивались дальнозоркіе государственные люди, правящіе народами въ такихъ различныхъ и столь отдаленныхъ другъ отъ друга странахъ; каждый изъ этихъ государственныхъ людей преслѣдовалъ ясно-намѣченную цѣль съ непреклонной волею. Для Григорія Вильгельмъ «дорогой король», «единственный, дражайшій сынъ святой римской церкви», котораго онъ всегда поминаетъ въ своихъ молитвахъ; но онъ долженъ иногда и наставлять его, чтобы тотъ не навлекъ на себя проклятія. Для Вильгельма Григорій былъ отцомъ и первосвятителемъ, онъ проситъ его молитвъ и будетъ платить ему «динарій Святаго Петра» [1]). Когда же возникъ вопросъ о томъ, чтобы англійскій король объявилъ себя вассаломъ папы—чего потребовалъ папа—отвѣтъ былъ ясенъ и кратокъ. Вильгельмъ никогда не обѣщалъ покорности; ни одинъ изъ его предшественниковъ не изъявлялъ покорности. Какъ поступали они, такъ будетъ поступать и онъ: онъ былъ законнымъ преемникомъ добраго короля Эдуарда.

Такія отношенія между королемъ и папою не могли бы поддерживаться, если бы первое въ Англіи лицо послѣ государя, главный епископъ англійской церкви, самъ былъ въ союзѣ съ римскимъ первосвященникомъ. Несомнѣнно, никакихъ вопросовъ не возникало никогда между Вильгельмомъ и Ланфранкомъ; ихъ согласіе установилось,—мы можемъ быть увѣрены въ этомъ,—за цѣлые годы раньше, чѣмъ перенесено было на англійскую почву. Хотя не возникало никакихъ недоразумѣній между королемъ и архіепископомъ, для всѣхъ было ясно, какими правилами руководствовался король въ своихъ отношеніяхъ къ Риму. Эти правила кажутся историку новыми; но вѣдь и условія и люди были также новы. «Онъ не допускалъ», говоритъ Эдмеръ, «чтобы кто-либо въ его владѣніяхъ признавалъ первосвященника города Рима апостолическимъ папой»,—тогда было много споровъ изъ за вакантнаго Святаго Престола,—«безъ его по-

---

[1]) Ramescot=налогъ въ размѣрѣ пенни, выплачиваемый каждой семьей въ Англіи въ день Св. Петра въ пользу церкви Рима. *Прим. перев.*

велѣнія, или получалъ бы посланія папы, раньше чѣмъ они просмотрены были имъ. Онъ не допускалъ, чтобы примасъ его королевства, архіепископъ Кентербюри, при созывѣ своею верховною властью собранія епископовъ, постановлялъ или запрещалъ что-либо иное, кромѣ того, что согласно съ волею короля или что уже раньше было имъ рѣшено. Онъ не позволялъ никому изъ своихъ епископовъ публично обвинять, отлучать отъ церкви или налагать церковное наказаніе на кого-либо изъ его бароновъ и вассаловъ, обвиняемыхъ въ прелюбодѣяніи или другомъ какомъ-либо уголовномъ преступленіи безъ его королевскаго приказанія». И затѣмъ онъ контролировалъ—этого домогался и Генрихъ I—пріемъ папскихъ легатовъ англійскою церковью. Эти обычаи,—хотя повидимому никогда не возникалъ вопросъ о насильственномъ ихъ навязываніи,—послужили прецендентомъ для позднѣйшихъ государей и часто являлись пунктомъ столновенія для правителей церкви и государства. Они создавали столько же затрудненій, сколько разрѣшали. Необходимо было ограничить полномочія церковныхъ собраній и компетентность духовной власти, въ силу которой король, вмѣстѣ съ своими вассалами, могъ быть отлученъ отъ церкви. Въ то время, когда иностранная политика страны велась черезъ посредство папской куріи, въ которой сосредоточивались всѣ нити международныхъ отношеній, несомнѣнно благоразумно было контролировать признаніе первосвященника, когда два соперника добивались престола Св. Петра, и англійскій король могъ быть вовлеченъ помимо своего желанія въ войну съ императоромъ и съ императорскимъ кандидатомъ. Никакой конкордатъ, построенный на основаніи принципа: «Cujus regio ejus religio», не бывалъ вполнѣ удовлетворительнымъ или удачнымъ. Конкордатъ могъ вліять хорошо, когда церковь и государство, какъ при Ланфранкѣ и Вильгельмѣ, находились между собой въ согласіи; но дурной король или архіепископъ, преслѣдующій свои собственныя цѣли, вскорѣ нарушалъ согласіе.

Церковь и государство.

Могло казаться, что этими порядками Вильгельмъ намѣревался связать по рукамъ и ногамъ церковь; но если онъ сковывалъ ея дѣйствія въ одномъ направленіи, то расширялъ ея свободу въ другомъ. Церковные суды при старыхъ англійскихъ корольхъ хотя удерживали юридическую власть въ вопросахъ нравственности, доктрины и дисциплины духовенства, но ассимилировались по судопроизводству, по времени сессіи и даже по лицамъ, предсѣдательствовавшихъ на нихъ, съ мѣстными судами сотни или шира. Епископъ предсѣдательствовалъ на народномъ собраніи шира и тамъ же, не отсрочивая до сессіи своего суда, онъ выслушивалъ процессы, которые строгимъ законникамъ и канонистамъ Нормандіи казались выходящими изъ сферы компетенціи свѣтскаго юридическаго производства. Вильгельмъ и Ланфранкъ, хотя и не были покорными

вассалами папы, были вполнѣ проникнуты духомъ порядка, любовью къ разграниченію и подраздѣленію, что свойственно было такому законнику, какъ Григорій VII. Для нихъ, какъ и для него, немыслимо было, чтобы какая-либо отрасль судопроизводства велась кое какъ. Вслѣдствіе этого король издалъ эдиктъ съ цѣлью положить конецъ этой неурядицѣ и разграничить сферы дѣятельности церкви и свѣтскихъ судовъ. Съ тѣхъ поръ епископы и архидіаконы уже не выслушивали церковныхъ дѣлъ на судахъ сотни. Они разбирали свои дѣла въ своихъ судахъ и «secundum episcopales leges et sanctorum canonum praecepta» (на основаніи епископскихъ законовъ и правилъ святыхъ каноновъ), а не по обычному праву. Они не должны были допускать рѣшенія духовныхъ вопросовъ свѣтскими судьями. Свѣтскимъ лицамъ воспрещено было также вмѣшиваться въ церковные процессы. Король черезъ посредство шерифа приводилъ въ исполненіе приговоръ отлученія отъ церкви, постановленный епископомъ. Когда Вильгельмъ далъ такимъ образомъ церковнымъ судамъ значительную свободу и независимость, онъ далъ духовенству также и значительное вліяніе въ обычномъ уголовномъ судопроизводствѣ. «Ultimo ratio» въ уголовныхъ процессахъ было испытаніе, торжественное воззваніе къ суду Божію. Теперь судъ Божій подчиненъ былъ окончательно особому контролю епископовъ и могъ происходить только въ городахъ, гдѣ находилась кафедра епископа или въ другомъ мѣстѣ, избранномъ епископами.

Значеніе этихъ реформъ Завоевателя было огромное. Духовенство, находясь подъ управленіемъ, пріобрѣтавшимъ съ каждымъ годомъ все больше централизаціи, получило новую власть и должно было проявить классовые интересы, отдѣльные и независимые отъ остальныхъ ихъ согражданъ. Эти интересы горячо оспаривались въ теченіи послѣдующихъ двухъ столѣтій и борьба послужила къ обезпеченію національной свободы благодаря отстаиванію классовыхъ привилегій. Развитіе же каноническаго права въ связи съ дѣятельностью церковныхъ судовъ и возобновленіе изученія гражданскаго закона повели за собою, какъ естественный результатъ, признаніе папскаго суда, какъ трибунала для аппеляціи.

Церковная реформа.

Реформы Вильгельма и Ланфранка не могутъ разсматриваться въ отдѣльности; онѣ входили въ общій планъ очищенія и подъема церкви. Не только епископскія мѣста теперь замѣщены были иностранцами, но и резиденціи епископовъ перенесены были изъ деревень и мелкихъ городовъ въ большіе города. Такъ Шерборнъ былъ замѣненъ крѣпостью Старый Сарумъ, Дорчестеръ—Линкольномъ, Тетфордъ—Норвичемъ, Уэльсъ—Батомъ, Сельси—Чичестеромъ, Личфильдъ—Честеромъ; епископы очутились въ обществѣ воиновъ и горожанъ, вмѣсто монаховъ и поселянъ. Сдѣланы были также большія усилія, чтобы пріостановить браки духовенства и развитіе наслѣдственной церковной

касты. Ревностно боролись съ общественными злоупотребленіями. Ланфранкъ и добрый англійскій епископъ Вульфстанъ, котораго никакая зависть и алчность не могли вытѣснить изъ епископства Ворчестеръ, вооружались противъ похищенія людей и торговли рабами въ портѣ Бристоль. Вездѣ мы видимъ одну цѣль внести миръ въ страну и въ церковь. Не всегда это удавалось королю. Въ Св. Албанѣ гробницы англійскихъ аббатовъ были разрушены ихъ нормандскими преемниками. Въ Гластонбюри, Тэрстанъ, въ своемъ неразуміи, призвалъ своихъ стрѣлковъ противъ монаховъ, предпочитавшихъ старинные Грегоріанскіе гимны новому пѣнію Вильгельма Фекампа. «Тогда монахи сильно ихъ испугались, и не знали, что дѣлать и бѣгали туда и сюда... Печальное событіе произошло въ тотъ день, потому что французы прорвались на клиросъ и стрѣляли въ алтарь, гдѣ были монахи, и нѣкоторые рыцари взошли на амвонъ и стрѣляли въ алтарь, такъ что въ распятіе, стоявшее надъ алтаремъ, ввонзилось много стрѣлъ. Несчастные монахи лежали возлѣ алтаря, а нѣкоторые спрятались подъ алтарь и взывали о помощи къ Богу, моля Его о милосердіи, такъ какъ не могли получить милосердія отъ людей. Мы можемъ только сказать, что они жестоко стрѣляли и что нѣкоторые разбили двери и вошли и закололи на смерть монаховъ и многихъ ранили, такъ что кровь лилась съ алтаря на ступени и со ступеней на полъ» (A. S. Chron. A. D. 1083). Такая борьба бывала рѣдко и сурово наказывалась. Въ большей части страны французы и англичане вскорѣ были связаны узами церкви. Семь монастырей подъ властью Св. Вульфстана соединились вмѣстѣ—смиренные монахи англійскаго происхожденія и правители завоевателей—слились какъ одно сердце и одна душа. Самую пріятную иллюстрацію того товарищества, въ какое вскорѣ вступили оба народа, мы видимъ въ Св. Албанѣ. Тамъ даже дерзкій аббатъ Павелъ, раззорившій гробницы своихъ предшественниковъ, получилъ отъ англичанина Лигульфа и его жены два колокола для церкви. «Какъ пріятно блеютъ мои козы и овцы»,—сказалъ достойный англичанинъ, услышавъ звонъ новыхъ колоколовъ.

Таково главное слѣдствіе царствованія Завоевателя: колокола мира звучали среди случайныхъ мѣстныхъ распрей. Пока жилъ Ланфранкъ, миръ продолжался; даже необузданный Рыжій сдерживалъ себя, побаиваясь мудреца, котораго любилъ его отецъ. Когда же онъ умеръ, король принялся приводить въ исполненіе обдуманную политику лишить церковь ея одухотворяющаго элемента. Епископскія мѣста оставались вакантными, а ихъ доходы присвоивались короной. Назначенія же, которыя дѣлались, являлись предметомъ торга и продажи; люди получали самыя лучшія должности только въ силу той заслуги, что они были пособниками короля въ тираніи и порокахъ. Ранульфъ Фламбардъ, «разгонявшій собранія по всей Англіи», получилъ епис-

Вильгельмъ II и церковь.

копство Дургамъ — палатинапъ - епископство вродѣ тѣхъ германскихъ княжескихъ епископствъ, владѣлецъ которыхъ являлся маленькимъ государемъ. Наконецъ въ 1093 г. повидимому смертельная болѣзнь Рыжаго короля побудила его къ суевѣрному раскаянію и онъ назначилъ Ансельма Кентербюрійскимъ епископомъ. Трудно было сдѣлать лучшій выборъ. Ланфранкъ былъ скорѣе государственнымъ дѣятелемъ, а Ансельмъ соединялъ въ себѣ добродѣтели философа и святаго. Бургундецъ изъ Аосты, онъ правилъ знаменитымъ аббатствомъ Бека кротко и разсудительно, что имѣло больше вліянія, чѣмъ строгость. Онъ обладалъ нѣжнымъ сердцемъ, но былъ рѣшителенъ, уменъ и въ то же время отличался дѣтской наивностью; не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ полнѣйшей чистотѣ его благочестія. Въ простой кельѣ Бека онъ обдумалъ замѣчательныя сочиненія «Monologion» и «Proslogion», выказывавшія христіанскій платонизмъ среднихъ вѣковъ въ самомъ привлекательномъ видѣ; въ «Cur Deus Homo» онъ выработалъ аргументъ, оказывавшій глубокое вліяніе на богословіе до нашего времени.

Св. Ансельмъ.

Ансельмъ принялъ архіепископскій санъ по принужденію; но когда онъ его принялъ, онъ вовсе не имѣлъ намѣренія подчинять свое поведеніе руководству какого-либо свѣтскаго государя. Свирѣпость короля его не страшила, хитрость коварныхъ епископовъ не могла склонить его на компромиссъ. Немедленно по выздоровленіи короля возникли затрудненія. Возникъ вопросъ о признаніи англичанами папы; Ансельмъ окончательно принудилъ Вильгельма признать Урбана II. Возникъ вопросъ объ омофорѣ, знакѣ сана примаса, сотканномъ изъ бѣлой шерсти ягнатъ Св. Агнесы и посылаемомъ папой архіепископу; Ансельмъ упорно отказывался отъ притязанія короля возложить омофоръ на его плечи; наконецъ, въ силу благоразумнаго компромисса, на который его навело его мудрое смиреніе, онъ самъ взялъ омофоръ съ алтаря Кентербюри, на которомъ онъ лежалъ. Затѣмъ послѣдовало обвиненіе, что онъ выставилъ для войны съ валлійцами недостаточный отрядъ, соотвѣтственно съ его феодальной служебной повинностью. Со стороны короля послѣдовали безконечныя требованія и начались бѣдствія церкви; все это, наконецъ, способствовало отъѣзду Ансельма въ 1097 г. съ цѣлью обратиться за совѣтомъ къ папѣ.

Церковь при Генрихѣ I.

Три года спустя новый король Генрихъ I призвалъ вновь архіепископа съ выраженіями покорности. «Самъ я и народъ всей страны, мы подчиняемся совѣту вашему и совѣту тѣхъ, кто съ вами призванъ наставлять меня». Ансельмъ вернулся въ качествѣ перваго конституціоннаго совѣтника короны и въ 1101 г. соединилъ духовенство и народъ для защиты короля отъ вторженія его брата Роберта и клятвопреступныхъ бароновъ. На время казалось, что вернулись времена Завоевателя. Церковь и государство были въ проч-

чомъ союзѣ. Англія не могла устранить себя, однако, отъ европейской борьбы. Генрихъ требовалъ права назначенія епископовъ и аббатовъ и врученія имъ кольца и пастырскаго жезла, какъ символовъ прелатства, которымъ пользовались монархи на континентѣ. Пока не было вполнѣ понято значеніе этого права, послѣдовало молчаливое согласіе; самъ Ансельмъ получилъ инвеституру изъ рукъ Рыжаго. Церковь же на Латеранскомъ соборѣ, на которомъ присутствовалъ самъ Ансельмъ, рѣшила, что сохраненіе духовнаго характера назначеній является вопросомъ принципа и необходимо протестовать противъ «позора и злоупотребленія вслѣдствіе того, что высшими церковными должностями располагаютъ короли и временные князья, безъ всякаго соотношенія къ значенію и святости этихъ мѣстъ». По этому пункту не могло быть компромисса. Обращенія къ папѣ за совѣтомъ только укрѣпили Ансельма въ его настойчивости. Генрихъ настаивалъ на своихъ требованіяхъ, Ансельмъ твердо стоялъ на своихъ отказахъ; и, наконецъ, архіепископъ отправился въ Римъ, «по мирному согласію короля, со всѣми принадлежавшими ему полномочіями», чтобы получить отъ папы рѣшеніе вопроса. Рѣшеніе вопроса, которое Ансельмъ получилъ, благодаря главнымъ образомъ своему такту и терпимости, и предрѣшавшее его за шестнадцать лѣтъ до Вормскаго конкордата, заканчивавшаго въ Европѣ борьбу за инвеституру, давало королю право раздачи только свѣтскихъ владѣній и право на выраженіе покорности со стороны избраннаго епископа до его посвященія; король «давалъ и постановлялъ съ этого времени навсегда, что никто въ Англіи не будетъ получать епископства или аббатства, жезла или кольца изъ рукъ короля или другаго свѣтскаго лица». И такъ главный спорный вопросъ былъ рѣшенъ, повидимому, въ пользу церкви. Генрихъ все же смотрѣлъ на церковныя должности, какъ на средство вознагражденія своихъ приверженцевъ и во время его царствованія характеръ епископствъ совершенно измѣнился. Вильгельмъ Завоеватель, хотя и назначалъ въ епископства иностранцевъ, все же предпочиталъ людей, служившихъ церкви. Генрихъ избиралъ и награждалъ людей, преданныхъ государству. Онъ допускалъ, что каноники имѣли право выбирать своихъ начальниковъ; но избраніе должно было происходить при его дворѣ и, безъ принужденія, должны были быть избраны его кандидаты. На такомъ каноническомъ избраніи былъ избранъ въ епископы Салисбюри Рожеръ, бѣдный священникъ, обратившій на себя вниманіе короля скоростью, съ какою онъ служилъ мессу, «подходящую для охотниковъ», и зарекомендовавшій себя какъ управляющій и канцлеръ — «*magnus in secularibus*». Онъ сталъ верховнымъ судьей и государственныя должности создавались имъ и замѣщались его родственниками. При немъ развилась великая система централизаціи финансовъ

Борьба за инвеституру.

въ зависимости отъ казначейства, о чемъ его внукъ оставилъ намъ любопытный отчетъ.

Царствованіе Стефана 1135—1154.

А. Смита.

Можно разсматривать девятнадцать лѣтъ царствованія Стефана, какъ промежутокъ простой анархіи между царствованіями двухъ великихъ правителей и организаторовъ. Этотъ краткій промежутокъ, протекшій повидимому среди полной смуты, неурядицъ и бѣдствій, занимаетъ во многихъ отношеніяхъ исключительное и единственное мѣсто въ исторіи англійскаго народа. Эти девятнадцать лѣтъ опредѣлили, какимъ образомъ и гдѣ два составные элемента этого народа должны слиться во-едино. Въ эти годы упорный англійскій духъ мѣстной независимости усвоилъ себѣ идею о необходимости подчиненія централизаціи, чего онъ не могъ усвоить даже въ страшные годы датскихъ вторженій и въ мрачный моментъ нормандскаго завоеванія. Въ эти годы господствовалъ настоящій феодализмъ и сдѣлался потомъ навсегда невозможнымъ въ Англіи. Наконецъ, въ эти года хаоса, два центра надеждъ и прогресса средневѣковаго міра,—церковь и городъ,—сдѣлали рѣшительный шагъ впередъ къ власти.

По смерти Генриха I феодальная партія отказалась выполнить клятвы, которыя покойный король заставилъ ихъ принести его дочери Матильдѣ. Ихъ нормандская гордость не могла примириться съ правленіемъ жены графа Анжуйскаго. Стефанъ, сынъ дочери Вильгельма Завоевателя, уже владѣвшій англійскими помѣстьями и бывшій въ родствѣ въ силу брака съ одной изъ баронскихъ фамилій, былъ блестящій и великодушный государь и феодалы смотрѣли на него, какъ на своего. Лондонъ поддержалъ его, чтобы избѣжать иностраннаго правленія; помощь его брата, епископа Винчестера, и его полное подчиненіе клерикальнымъ притязаніямъ расположили церковь въ его пользу.

Въ силу слабости, присущей его положенію, онъ принужденъ былъ призвать изъ-за границы наемниковъ, щедро раздавать своимъ приверженцамъ титулы и пенсіи и, главнымъ образомъ, давать имъ роковое позволеніе воздвигать новые замки. Черезъ три года новый король поссорился съ Робертомъ, графомъ Глочестерскимъ, своднымъ братомъ Матильды; на него двинулся его дядя Давидъ, король Шотландіи; и даже его братъ-епископъ перешелъ въ ряды его враговъ, такъ какъ онъ поссорился съ сильной фамильной группой духовныхъ лицъ, занимавшихъ государственныя должности съ 1101 г. Высадка

Матильды въ 1139 г. послужила сигналомъ для открытія междоусобной войны. Во время этой войны Стефанъ взятъ былъ въ плѣнъ въ Линкольнѣ и заключенъ въ тюрьму, но выпущенъ въ обмѣнъ на графа Роберта; Генрихъ Винчестерскій, теперь папскій легатъ, опять перешелъ на его сторону; Лондонъ вновь возсталъ; Матильда, воспользовавшаяся краткимъ успѣхомъ благодаря непопулярности своего соперника, погубила себя своей безумной гордостью.

Послѣ ея отъѣзда въ Нормандію въ 1146 г. и послѣ смерти ея своднаго брата Роберта, ея дѣло тянулось еще до 1148 г. Въ этомъ году ея сынъ Генрихъ, теперь пятнадцати лѣтъ отъ роду, явился въ Шотландію и сдѣлалъ оттуда нападеніе на Англію. Въ 1150 году онъ сталъ герцогомъ нормандскимъ, а вскорѣ получилъ Менъ и Анжу. Послѣ брака въ 1152 г. съ Элеонорой Аквитанской онъ сталъ владѣльцемъ двухъ третей современной Франціи, достаточно было одного его появленія въ Англіи, ктобы принудить его противника идти на компромиссъ, названный Уаллингфордскимъ договоромъ. Стефанъ удержалъ корону пожизненно; онъ долженъ былъ усыновить Генриха и признать его своимъ наслѣдникомъ.

Анархія.

Во время долгой борьбы феодалы даже не претендовали на какую либо преданность королю; то была жадная погоня за властью, въ самомъ худшемъ феодальномъ смыслѣ. «Въ древнія времена—говоритъ хроникеръ Вильгельмъ изъ Ньюбурга—не было короля въ Израилѣ, и каждый поступалъ, такъ какъ считалъ лучшимъ; въ Англіи теперь хуже; въ ней есть король, но онъ безсиленъ, и каждый поступаетъ дурно, завѣдомо зная это». Въ продолженіи, которое мы находимъ въ англійской хроникѣ Петерборо, положеніе вещей излагается съ еще болѣе ясной простотой, съ которой не можетъ соперничать ни одно современное описаніе: «Они наполнили страну замками, а замки наполнили дьяволами. Они схватывали всѣхъ, у кого подозрѣвали имущество, мужчинъ и женщинъ и истязали ихъ невыразимыми мученіями; много тысячъ погубили они голодомъ... они грабили и жгли деревни, такъ что можно было проѣхать цѣлый день, не встрѣчая на пути ни человѣческаго жилья въ деревнѣ, ни обработанной земли. Въ странѣ не было ни хлѣба, ни мяса, ни сыра. Епископы проклинали ихъ, но они не обращали на это никакого вниманія, они были распроклятые, отступники и погибшіе... Люди открыто заявляли, что Христосъ и его святые спятъ. Вотъ что мы можемъ сказать: мы терпѣли девятнадцать зимъ за наши грѣхи».

Безъ этого тяжелаго опыта, пріобрѣтеннаго путемъ произвола феодализма, воспитаніе англійскаго народа не было бы законченнымъ. Независимые замки, частныя войны, частная чеканка монеты, юридическая власть владѣльцевъ—всѣ внѣшніе знаки феодализма занесены крупными штрихами именно на эту страницу нашей исторіи.

Въ то же время плодотворно работалъ молчаливый, незаписанный процессъ развитія. Города,—какъ мы убѣждаемся путемъ сравненія хартій, дарованныхъ при Генрихѣ I и Генрихѣ II — устойчиво развивались и несомнѣнно служили оплотомъ противъ внѣшнихъ безпорядковъ. Церковь сама по себѣ служила сильнымъ убѣжищемъ. Бекетъ напоминалъ Генриху II, что церковь передала ему корону Стефана. Церковь въ критическій моментъ смерти Генриха I отстаивала право «избрать и назначить короля», и отклонила притязанія на престолъ Евстахія, сына Стефана, «сына клятвопреступника», она заявила, что Богъ битвъ рѣшилъ судомъ Божіимъ противъ Стефана, и когда, наконецъ, былъ заключенъ миръ, церковь благославляла миръ благословеніями пророчествъ Исаія.

Въ другомъ значительномъ, но почти скрытомъ, процессѣ сліянія норманской и англійской крови церковь также играетъ роль. Лучшее доказательство этого сліянія обнаружилось въ двухъ событіяхъ, происшедшихъ подъ клерикальнымъ давленіемъ. Событія эти: крестовый походъ въ 1138 г. для взятія Лиссабона у мавровъ и «Битва Знаменъ» — пораженіе скотовъ при Нортгаллертонѣ въ 1138 г. милиціей сѣверныхъ шировъ, сопровождаемой ея приходскими священниками, которые вмѣсто знамени несли распятіе. Въ обоихъ этихъ событіяхъ англійскіе фермеры подчинялись норманскимъ предводителямъ, англичане и норманы называли себя «сыновьями одной матери»; вспоминались англійскія и норманскія традиціи. Мы поэтому готовы принять сдѣланныя уже нѣсколько лѣтъ спустя оффиціальныя указанія на то, что благодаря взаимнымъ бракамъ невозможно отличить англичанъ отъ норманновъ.

Колесо исторіи сдѣлало оборотъ; бѣдствія Сенлака закончились; хорошіе результаты—оживленіе и расширеніе англо-саксонской жизни и характера черезъ посредство болѣе проницательнаго и широкаго темперамента норманновъ, созиданіе и централизація англо-саксонскихъ учрежденій черезъ посредство норманской способности къ организаціи, возникновеніе и пробужденіе англо-саксонскаго патріотизма вслѣдствіе тираніи норманновъ — къ этому времени вошли въ плоть и кровь народа. Изъ этого испытанія возникъ англійскій національный характеръ; сліянію норманской живости съ саксонской серьезностью мы обязаны самыми благородными событіями въ «нашей суровой островной исторіи» и самыми лучшими твореніями нашей несравненной литературы.

Царствованіе Генриха II. 1154—1159.

Династія Плантагенетовъ, начавшаяся Генрихомъ II,—занимавшая тронъ болѣе трехсотъ лѣтъ—выдѣлила столько замѣчательныхъ личностей, что современники, чтобы объяснить ихъ характеръ, вели ихъ происхожденіе отъ демонической прабабки. Изъ всѣхъ ихъ самымъ замѣчательнымъ былъ Генрихъ II. Онъ былъ сильнымъ человѣкомъ—и для задачи, которая предстояла ему, требовались напря-

женія всѣхъ способностей, физическихъ и умственныхъ, организаторскій геній и ясность намѣреній, сильная энергія и суровая непреклонная воля. Онъ долженъ былъ создать прочное зданіе централистической власти. Это значило, что онъ долженъ былъ сломить окончательно феодализмъ, призвать побѣжденный народъ къ содѣйствію въ политической работѣ, слить мѣстныя англійскія учрежденія съ норманскими принципами централизаціи.

Его первыя мѣры были достаточно круты, хотя приведеніе ихъ въ исполненіе было облегчено истощеніемъ страны послѣ междоусобныхъ войнъ и отъѣздомъ многихъ бароновъ въ Святую Землю въ крестовый походъ 1147 г. «Ненасытные волки, фламанскіе наемники были изгнаны; новые замки снесены; домены короны и доходы возстановлены; судъ сталъ снова дѣйствовать»: Изрѣдка какой нибудь Мортимеръ или Бигодъ возставали на время, въ общемъ же феодальная партія молчала и созерцала, какъ въ теченіи девятнадцати лѣтъ неутомимый король закладывалъ глубокое и прочное основаніе административной и судебной системѣ, а когда наконецъ бароны опомнились, ихъ силы тратились напрасно.

Этотъ результатъ, обнаружившійся такимъ образомъ въ 1173 г., можно было бы уже предвидѣть, когда въ 1159 году бароны согласились на королевское предложеніе замѣнить денежнымъ взносомъ военную повинность, какой были обложены ихъ лены. Этимъ учрежденіемъ налога на щиты (scutage) король сразу нанесъ ударъ военной силѣ феодализма и доставилъ себѣ болѣе удобное наемное войско для заграничныхъ войнъ.

Генрихъ II былъ настолько уменъ, что считалъ Англію ключомъ своихъ владѣній, но будучи владѣльцемъ въ силу своихъ правъ и правъ жены двухъ третей Франціи, чаще жилъ заграницей, чѣмъ дома, и рѣдко когда не велъ войны съ своимъ сосѣдомъ, королемъ Франціи. Въ 1158 г. онъ обручилъ своего сына Жофруа съ наслѣдницею Бретани и самъ сталъ опекуномъ герцогства за смертію герцога въ 1165 г. Въ 1159 году онъ предъявилъ притязаніе на графство тулузское и былъ вовлеченъ въ постоянныя, хотя и маловажныя, военныя столкновенія съ королемъ Людовикомъ VII. Война эта пріобрѣла значеніе, когда Людовикъ далъ убѣжище Ѳомѣ Бекету въ 1167 г. Бекетъ изъ кофиденціальнаго совѣтника вначалѣ царствованія и канцлера сталъ въ 1162 г. Кентербюрійскимъ архіепископомъ. Вслѣдствіе происшедшей съ нимъ перемѣны, часто встрѣчающейся и въ наше время, новый прелатъ сразу принялъ самую величественную духовную осанку. Въ судебныя реформы Генриха входила попытка уничтожить «привилегіи духовенства», которыя толковались такъ, что служили для укрытія самыхъ опасныхъ преступниковъ. Одно духовное лицо опозорило цѣлую семью и пыталось убить главу семьи; другое лицо положило ядъ въ чашу съ причастіемъ. Оба были

Генрихъ Бекетъ.

внѣ наказанія гражданскимъ судомъ. Ссора повела къ изгнанію Бекета на шесть лѣтъ. По его возвращеніи, когда Бекетъ пожелалъ мстить прелатамъ, преданнымъ королю, король дошелъ до такого бѣшенства, что отрядилъ четырехъ королевскихъ рыцарей, чтобы принудить Бекета къ послушанію. Борьба, возникшая при этомъ, повела за собою убійство Бекета въ кентербюрійскомъ соборѣ. Это была роковая ошибка въ жизни Генриха II и это событіе отдѣляетъ періодъ процвѣтанія отъ періода неудачъ въ его царствованіи. Первымъ слѣдствіемъ было такое проявленіе религіознаго чувства, что онъ принужденъ былъ удалиться въ экспедицію въ Ирландію. Булла Адріана IV въ 1156 г. присоединила Ирландію къ англійской коронѣ; въ 1170 г. Ричардъ Клэръ (Крѣпкій Лукъ) взялъ Дублинъ, женился на наслѣдницѣ Дермота, короля Лейнстера и получилъ эту провинцію. Генрихъ прошелъ теперь всю Ирландію, принимая покорность отъ всѣхъ туземныхъ вождей и оставилъ «Крѣпкій Лукъ» своимъ представителемъ для управленія всѣмъ островомъ. Такимъ образомъ сдѣланъ шагъ впередъ въ приведеніи въ исполненіе великаго плана союза всѣхъ британскихъ острововъ подъ одной короной; въ Валлисѣ было теперь только одно независимое королевство, Гвинеддъ на сѣверѣ. Генрихъ II три раза безуспѣшно нападалъ на это королевство, другіе же валлійскіе князья появляются при англійскомъ дворѣ, какъ вассалы. Сношенія Валлиса съ Англіей до этого времени были незначительны. Гарольдъ совершилъ два вторженія въ 1055 г. и въ 1063 г.; далѣе идетъ рядъ мирныхъ присоединеній норманскими баронами Марша и заселеніе Генрихомъ I Пемброкшира фламандцами.

Генрихъ и Шотландія.

Шотландія въ 1157 г. принуждена была отступиться отъ трехъ сѣверныхъ графствъ Англіи, которыя, не смотря на «Битву Знаменъ», она удерживала во все время царствованія Стефана. Теперь, въ 1173 г., шотландскій король охотно присоединился къ могущественной лигѣ противъ Генриха II, во главѣ которой стояли сыновья Генриха и къ которой присоединились король Франціи, графъ Фландрскій, бароны Нормандіи, Англіи, Бретани и Гаскони. Самъ Генрихъ понялъ связь этихъ событій съ убійствомъ Бекета и когда бѣдствіе стало надвигаться, онъ поспѣшилъ къ гробницѣ «святаго мученика» и для искупленія бичевалъ себя передъ его прахомъ. Въ тотъ же день, съ трепетомъ замѣтили люди, вторгнувшееся войско Вильгельма Льва было совершенно уничтожено при Альнвикѣ и король Шотландіи взятъ въ плѣнъ. До прибытія Генриха въ Англію Верховный Судья разбилъ мятежныхъ графовъ Норфолька, Лейчестера и Дерби.

Фалезскимъ договоромъ король Шотландіи сдалъ замки Генриху, выказалъ ему покорность въ Іоркѣ и призналъ англійское главенство.

Развитіе королевской власти.

Кризисъ выказалъ всю слабость случайной связи, соединявшей владѣнія отъ Чевіота (Cheviots) до Пиринеи и включавшей много раз-

личныхъ народностей. Кризисъ выказалъ и полное довѣріе англійской націи къ коронѣ; онъ обнаружилъ существованіе сильной группы сѣверныхъ бароновъ, потомковъ приверженцевъ Генриха I и предковъ людей, которые сорокъ лѣтъ спустя взяли на себя иниціативу движенія изъ-за Великой Хартіи; кризисъ послужилъ пробой и утвердилъ силу той административной системы, которую этотъ великій король съ рѣдкой проницательностью сталъ организовать съ момента самаго восшествія на престолъ.

«Съ тѣхъ поръ», гордо пишетъ королевскій казначей, «пусть каждый, самый могущественный лордъ узнаетъ, что далеко не легкая задача вырвать жезлъ изъ рукъ Геркулеса».

Была и еще причина, навлекшая бѣдствія 1173 г., помимо святотатства 1170 г. То были отношенія короля къ его сыновьямъ. Онъ, безъ сомнѣнія, намѣревался подѣлить земли, которыя онъ сознавалъ невозможнымъ удержать вмѣстѣ. Чтобы обезпечить наслѣдство въ Англіи, Нормандіи и Анжу за своимъ старшимъ сыномъ Генрихомъ, онъ побудилъ архіепископа Іоркскаго короновать его въ 1170 г. Жофрей долженъ былъ сдѣлаться герцогомъ Бретани. Ричардъ долженъ былъ править Пуату и Аквитаніей. Іоаннъ назначенъ былъ лордомъ Ирландіи въ 1177 г. Сыновья же вовсе не хотѣли дожидаться смерти отца. Три старшихъ присоединились къ возстанію противъ него; когда, во время удачнаго возмущенія Ричарда противъ короля въ 1188 г., старый король узналъ, что Іоаннъ, младшій и любимый сынъ, давно ведетъ противъ него интригу, то вѣсть эта, вмѣстѣ съ вѣстью о взятіи Анжу и Турени его презираемымъ и ненавистнымъ соперникомъ Филиппомъ, королемъ Франціи, и униженіе передъ соперникомъ и своимъ недостойнымъ сыномъ такъ поразили его, что черезъ два дня онъ скончался. Семейная исторія его послѣднихъ дней трагична. Возлѣ него предательская и мстительная жена; сыновья, которые вели войну между собою и съ нимъ и взводили на него самыя ужасныя обвиненія, затѣмъ смерть старшаго и третьяго сыновей — во всемъ этомъ люди видили Божью кару за «Кентербюрійскаго святаго мученика», за незаконную любовь Генриха, за его неукротимый богохульный нравъ. Не смотря на его неудачную иностранную политику въ теченіи 1173 г. по 1189 г. произведенъ рядъ реформъ, которыя воздвигли зданіе нашей конституціи, «Ассизы» соединили неразрывно королевскіе и народные элементы суда, замѣнили судъ Божій судомъ въ родѣ нашего суда присяжныхъ, поддержали принципъ выборнаго представительства, оживили и преобразовали національную милицію. Въ 1170 г. были смѣщены продажные мѣстные шерифы и замѣнены королевскими чиновниками. Въ 1178 г. мы уже встрѣчаемъ аппеляцію въ королевскій совѣтъ, зародышъ нашего канцелярскаго суда. Въ 1188 г. сдѣланы два важныхъ нововведенія въ налогахъ, въ силу которыхъ духовен-

Реформы Генриха II

ство облагается контрибуціей и личная собственность съ этого времени облагается налогами наравнѣ съ землею. Немногіе изъ королей обладали такимъ разностороннимъ опытомъ и жизнь немногихъ была такъ разнообразна; весьма немногіе изъ нихъ выказывали такіе разностороннія способности и такой сильный и замѣчательный характеръ; быть можетъ, никто изъ нихъ не принесъ столько блага своему народу, какъ Генрихъ Плантагенетъ.

Ричардъ I. 1189—1199

Въ царствованіе Ричарда I, короля почти не умѣвшаго говорить по англійски, жившаго въ страхѣ всего нѣсколько мѣсяцевъ и смотрѣвшаго на англійскія учрежденія и королевскія владѣнія, какъ на продажное имущество, казалось бы должна была наступить задержка въ конституціонномъ прогрессѣ, который являлся прямымъ результатомъ союза народа съ короной. Но королевскіе чиновники проводили реформу съ такимъ же усердіемъ, какъ и раньше; они расширяли самоуправленіе мѣстныхъ судовъ сотенъ и шира; они предоставляли выбирать присяжныхъ для ассизовъ; они сдѣлали обложеніе чрезъ посредство выборныхъ представителей правиломъ для взиманія налоговъ на личность и землю и такимъ образомъ оставалось всего одинъ шагъ къ учрежденію представительныхъ Парламентовъ; они увеличили права, дарованныя хартіями городамъ; и когда Лондонъ организовался подъ управленіемъ выборнаго головы, они настолько допустили расширеніе городскаго самоуправленія, что (говоритъ Ричардъ Девизъ) «ни самъ Ричардъ, ни его отецъ Генрихъ, не допустили бы до этого за тысячу тысячъ марокъ». Большая часть изъ этихъ мудрыхъ реформъ введены были послѣ паденія Вильгельма Лоншана, епископа Эли. Этотъ человѣкъ, норманскаго происхожденія, съ дерзкимъ презрѣніемъ относился къ англичанамъ; въ 1189 г. Ричардъ поручилъ ему управленіе королевствомъ. Какъ верховный судья, канцлеръ и папскій легатъ, онъ обладалъ сильною властью и его паденіе можно объяснить себѣ только его безумною дерзостью. Онъ жестоко возстановилъ противъ себя не только своихъ коллегъ, но и прелатовъ, бароновъ, лондонцевъ, массу народа,—когда наконецъ въ 1191 г. Іоаннъ, освободившись отъ клятвы трехлѣтняго пребыванія за-границей, взятой съ него Ричардомъ, сталъ во главѣ движенія противъ «выскочки», окончившеюся отставкою Вильгельма и его изгнаніемъ. Впервые въ нашей исторіи мы видимъ проявленіе (хотя и крайне смутное) самыхъ плодотворныхъ конституціонныхъ понятій объ отвѣтственности королевскихъ чиновниковъ не только передъ королемъ, но и передъ націей. Хотя Лоншанъ былъ наглъ и заносчивъ, онъ по крайней мѣрѣ былъ преданъ своему отсутствующему властителю. Іоаннъ—который по своему положенію, если не въ силу оффиціальнаго титула, занималъ первое мѣсто въ Англіи въ 1192 г. и 1193 г.—тратилъ всю энергію на интриги, чтобы отнять корону у своего брата, который въ то время, къ скандалу

христіанскаго міра, содержался узникомъ на нѣмецкой землѣ. Когда благодаря страстнымъ воззваніямъ его матери, королевы Элеоноры, и вѣрноподданнической щедрости всего англійскаго народа былъ собранъ огромный выкупъ и Ричардъ весной 1194 г. былъ освобожденъ, Филиппъ французскій предупреждалъ своего сообщника Іоанна многозначительнымъ сообщеніемъ: «Берегитесь; дьяволъ свободенъ». Съ Іоанномъ, въ это время открыто воевавшимъ съ верховнымъ судьей, поступлено было лучше, чѣмъ онъ того заслуживалъ. Ричардъ, во время краткаго двухмѣсячнаго пребыванія, устроилъ королевство по своему и передалъ управленіе Губерту Уольтеру, кентербюрійскому архіепископу, папскому легату, теперь въ то же время сдѣлавшемуся и верховнымъ судьей. Онъ былъ племянникомъ Ранульфа Гленвилля, получившаго постъ верховнаго судьи въ 1180 г. отъ Ричарда де Люси, и который провелъ свою жизнь на службѣ Генриху II. Онъ могъ оправдать довѣріе короля. Правда, усиленныя ненасытныя требованія Ричардомъ денегъ заставляли его прижимать сильно народъ, но за то ему главнымъ образомъ мы обязаны конституціоннымъ прогрессомъ этого царствованія. Его положеніе министра финансовъ и верховнаго судьи послужило къ развитію министерской отвѣтственности и министерской свободы дѣйствія. Въ 1198 г. Великій Совѣтъ, подъ предсѣдательствомъ Св. Гуга, епископа Линкольна, прямо отказалъ королю въ требованіи денегъ; единственнымъ прецендентомъ такому отказу могъ служить поступокъ Бекета въ 1163 г.,—верховный судья воспользовался случаемъ и подалъ въ отставку; его замѣнилъ Жоффри Фицъ-Петеръ, крупный баронъ. Эти послѣдніе четыре съ половиною года своего царствованія Ричардъ провелъ въ странствованіяхъ, въ мелкихъ военныхъ столкновеніяхъ съ Филиппомъ и растрачивалъ силу организаціи и стойкую энергію, въ силу которыхъ въ Палестинѣ онъ достигъ невозможнаго и на время вдохнулъ жизнь въ умиравшія поселенія франковъ на востокѣ.

Характерно для Ричарда было и то, что онъ получилъ смертельную рану, желая отнять кладъ у упорнаго вассала; на смертномъ одрѣ онъ выказалъ благородное великодушіе и искреннее раскаяніе. Врядъ ли его можно назвать англичаниномъ, но онъ сдѣлалъ много для Англіи своими подвигами, выборомъ министровъ и косвенно своимъ отсутствіемъ и даже своими вымогательствами.

Царствованіе Іоанна. 1199—1216.

Ричардъ одно время предполагалъ сдѣлать своимъ наслѣдникомъ Артура Бретанскаго, но въ концѣ концовъ призналъ наслѣдникомъ Іоанна, выборы котораго королемъ показываютъ, что феодальный порядокъ престолонаслѣдія не замѣстилъ еще древняго англійскаго обычая избирать въ короли изъ королевской фамиліи болѣе достойнаго. У Артура, получившаго всего одинъ голосъ въ Англіи, была

сильная партія за-границей; кромѣ Бретани, онъ владѣлъ временно Анжу, Меномъ и Туренью.

Филиппъ пользовался Артуромъ, какъ орудіемъ; Артуръ былъ взятъ въ плѣнъ Іоанномъ и исчезъ—безъ сомнѣнія былъ убитъ—въ 1203 г. Филиппъ тогда возобновилъ приговоръ конфискаціи, поставленный противъ Іоанна въ судѣ перовъ. Въ концѣ 1204 г. обширныя владѣнія Генриха II, включавшія три пятыхъ современной Франціи, были утрачены, за исключеніемъ Гаскони и Гвіенни.

Потеря Нормандіи.

И такъ Англія отдѣлена была отъ Нормандіи; узы, соединявшія двѣ страны въ теченіи 140 лѣтъ, были порваны. Англія много пострадала вслѣдствіе этихъ узъ, но и много выиграла; она расширила свой горизонтъ, пріобрѣла европейскіе интересы и смѣлый, жизнерадостный норманскій духъ. Теперь, когда Англія воспользовалась всѣмъ, чѣмъ могла, продолженіе сношеній было бы уже неравнымъ союзомъ, союзомъ мертваго организма съ живымъ. Такое положеніе вещей указывается тѣмъ поразительнымъ фактомъ, что когда двѣ страны раздѣлились, только нѣсколько семей оказались владѣльцами земель въ обѣихъ странахъ. Такимъ образомъ бароны по обѣ стороны канала имѣли отдѣльныя владѣнія. Генрихъ I неоднократно конфисковалъ англійскія владѣнія болѣе безпокойныхъ норманскихъ бароновъ. Феодальный элементъ получилъ урокъ въ 1174 г. и теперь въ теченіи пятидесяти лѣтъ пріученъ былъ къ строгому порядку; «налогъ на щиты» при Генрихѣ II превратилъ воинственныхъ феодаловъ въ деревенскихъ землевладѣльцевъ; фамиліи, какъ напр. Бомонтъ, Монтфортъ, подѣлили свои владѣнія — норманскія владѣнія перешли старшей линіи, а англійскія младшей. Вслѣдствіе этихъ причинъ бароны стали истыми англичанами. Что это было такъ, видно изъ того довѣрія, которое народъ сталъ къ нимъ питать; довѣріе это составляетъ характерную черту конституціонной исторіи за послѣдующіе 250 лѣтъ, оно благородно выражено и благородно оправдано на страницахъ Великой Хартіи.

Король, бароны и папа.

Бароны были сильно унижены потерею французскихъ провинцій—въ сущности менѣе потерею провинцій, чѣмъ способомъ ихъ потери. При возникновеніи первой опасности Іоаннъ дерзко потребовалъ отъ нихъ феодальной службы, хотя самъ онъ не выполнилъ ни одного изъ торжественныхъ обѣщаній, данныхъ на коронаціи, а только захватывалъ ихъ замки и не разъ безчестилъ ихъ семьи самымъ низкимъ образомъ. Когда отряды собрались, онъ три раза грабилъ ихъ и распускалъ, или бралъ ихъ за-море, чтобы они въ бездѣйствіи смотрѣли, какъ сдавались норманскія крѣпости. Поведеніе это въ сущности обусловливалось подозрительностью и сознаніемъ недостаточности средствъ, въ глазахъ же бароновъ являлось слѣдствіемъ трусости и глупости. Въ 1213 г. они прямо отказались посылать отряды за-границу; теперь Нормандія была уже потеряна,

Пуату-же они не дорожили. Рѣшающимъ факторомъ въ суммѣ событій, которые повлекли за собою Великую Хартію, былъ разладъ Іоанна съ церковью. Въ день смерти Губерта Уольтера въ 1205 г., младшіе монахи Церкви Христа въ Кентербюри избрали субъ-пріора своего и немедленно послали его въ Римъ для утвержденія его папою. Король узналъ объ этомъ и поспѣшно водворилъ своего кандидата во владѣніяхъ архіепископства; въ то же время епископы настаивали на своемъ правѣ избирать кентербюрійскаго архіепископа. Папа, великій Иннокентій III, воспользовался случаемъ. Онъ отклонилъ притязанія всѣхъ трехъ партій и назначилъ члена своего двора, англійскаго кардинала, жившаго въ Римѣ, Стефана Лангтона. Трудно было избрать болѣе подходящаго человѣка. Естественно, что Іоаннъ отказался принять его; когда въ наказаніе за это въ 1208 году наложенъ былъ интердиктъ на все королевство, онъ отомстилъ тѣмъ, что объявилъ епископовъ внѣ закона и конфисковалъ церковныя имущества. Слѣдующей мѣрою было торжественное отлученіе отъ Церкви самого короля и окончательной мѣрой была булла о его низложеніи. Закрытіе церквей, прекращеніе колокольнаго звона и службъ по церквамъ, прекращеніе совершенія таинствъ, отлученіе самого короля, какъ прокаженнаго, отъ церкви, освобожденіе его подданныхъ отъ присяги, порученіе королю Филиппу двинуться на Англію и исторгнуть королевство изъ рукъ «сына проклятія» —все это только ожесточало Іоанна. Когда же безумный фанатикъ предсказалъ, что въ день Вознесенія въ 1213 г. Іоаннъ потеряетъ корону, король выказалъ всю трусость тирана и суевѣріе богохульника; онъ пресмыкался въ позорномъ униженіи передъ Пандульфомъ, передъ тѣмъ же папскимъ легатомъ, котораго въ 1208 г. онъ встрѣтилъ угрозою, что «тотъ взлетитъ на воздухъ», если осмѣлится явиться передъ лицемъ короля. Іоаннъ передалъ теперь свое королевство папѣ, чтобы получить его обратно, какъ данникъ и вассалъ и призналъ архіепископомъ Лангтона. Лангтонъ въѣхалъ въ Англію—и сразу найдена была разгадка всего положенія. Іоаннъ оскорблялъ бароновъ, осквернялъ церковь, грабилъ и притѣснялъ народъ. Бароны безучастно относились къ страданіямъ церкви; они обосновывали свое сопротивленіе техническими подробностями феодальнаго владѣнія, а не широкими національными цѣлями. Миссіей новаго архіепископа было установить взаимное довѣріе трехъ классовъ на конституціонной основѣ. На Соборѣ въ храмѣ св. Павла 25 августа, 1213 г. архіепископъ предъявилъ Хартію Генриха I; Великая Хартія является распространенной копіей этой Хартіи.

Подъ этимъ знаменемъ организовалось возстаніе въ то время, когда Іоаннъ былъ за-границею, въ Пуату; въ ноябрѣ 1214 г., мѣсяцъ спустя по его возвращеніи, бароны сошлись въ Св. Эдмундъ и дали торжественную клятву потребовать отъ него подобную Хартію. На-

прасно старался Іоаннъ разрознить партію, подкупить церковь, обращаться за помощью къ папѣ. Затрудненія увеличивались вокругъ него. На Пасху вооруженное войско въ 10.000 человѣкъ сошлось въ Стамфордѣ; 24 мая оно среди ликованій вступило въ Лондонъ. Вслѣдъ за тѣмъ немногіе бароны, все еще преданные королю—главнымъ образомъ члены старинной феодальной группы, люди, въ родѣ графа Варенна и Ранульфа, графа Честера покинули его; Іоаннъ съ бѣшенствомъ и, затаивъ злобу въ сердцѣ, долженъ былъ уступить.

Великая Хартія.

Великая Хартія была подписана на Рунимедѣ 15 іюня 1215 г. Не слѣдуетъ смотрѣть на Хартію, какъ на новое постановленіе или какъ на завершеніе борьбы. Напротивъ, Хартія въ главныхъ чертахъ консервативна, въ основу ея положены «законы Генриха I». Въ то же время «подтвержденіе Хартіи» явилось общимъ требованіемъ послѣдующихъ трехъ поколѣній; до 1340 г. конституціонный прогрессъ былъ ничѣмъ инымъ, какъ разработкою главныхъ положеній Хартіи.

Іоаннъ пережилъ этотъ день униженія всего шестнадцать мѣсяцевъ. Въ этотъ короткій промежутокъ совершилось столько событій, что они могли бы послужить матеріаломъ для послѣднихъ сценъ Шекспировской трагедіи;—король проявляетъ упорную энергію, онъ одерживаетъ верхъ надъ врагами, папа отлучилъ отъ церкви мятежниковъ и отставилъ архіепископа отъ исполненія его обязанностей; бароны въ отчаяніи передали корону принцу Людовику французскому, иностранные солдаты Іоанна предаются слѣпой и дикой мести, они прошли по странѣ и ихъ походы оставили повсюду слѣды пламени и крови,—наконецъ пески Уаша погубили войско Іоанна. и монахъ Суинстеда — гласитъ народная молва—пожертвовалъ собою, чтобы стать орудіемъ проявленія Божьяго гнѣва надъ тираномъ.

Церковь во время анархіи.

В. Гэттона (W. H. Hutton).

При вступленіи на престолъ Стефана церковь имѣла видъ свѣтской корпораціи. Рожеръ Салисбюри оставался верховнымъ судьей, его сынъ Рожеръ—канцлеромъ, его племянникъ Нигель—казначеемъ и епископомъ Эли, его другой племянникъ Александръ—епископомъ Линкольна. Стефанъ обязанъ былъ короной исключительно Рожеру и въ первыхъ новыхъ королевскихъ хартіяхъ воздавалось должное поддержкѣ духовенства. Когда началась гражданская война, нелѣпый арестъ главныхъ прелатовъ привелъ страну въ смятеніе, пріі-

остановилъ дѣйствіе юридической и конституціонной администраціи и далъ Матильдѣ временное торжество. Церковь удерживала равновѣсіе партій и управляла движеніемъ. Отдѣльныя духовныя лица въ теченіи «девятнадцати зимъ» смутъ являлись руководителями и вожаками и часто слѣпыми предводителями слѣпыхъ. Генрихъ Блуа, братъ Стефана, епископъ Винчестера, суровый цистерціанецъ, непреклонно преданный интересамъ независимости церкви, старался быть посредникомъ, но оказывался лишь измѣнчивымъ приверженцемъ. Теобальдъ, кентербюрійскій архіепископъ, поддерживалъ постоянно Матильду, но его вліяніе затемнялось вліяніемъ великаго епископа Винчестера. Онъ тѣмъ не менѣе собралъ вокругъ себя кружокъ ученыхъ и мыслителей, давшихъ Англіи славу въ Европѣ въ самую мрачную эпоху ея исторіи. Въ царствованіи Стефана произошло чрезвычайно широкое развитіе монастырской жизни, совершенно измѣнившей характеръ сѣверной Англіи. Сѣверные ширы не могли оправиться послѣ опустошенія ихъ Завоевателемъ; даже до 1130 года на шестьдесятъ миль вокругъ Іорка страна была въ запустѣніи. Монахи, главнымъ образомъ цистерціане, превратили пустыню въ плодородныя поля. «Спустя короткое время послѣ того, какъ Стефанъ получилъ титулъ короля,—говоритъ Вильгельмъ, Августинскій каноникъ Ньюбурга, — въ Англіи возникло гораздо больше жилищъ служителей и служительницъ Бога, чѣмъ прежде въ теченіи цѣлаго прошлаго столѣтія». Двадцать монастырей въ Іоркширѣ, девятнадцать въ Линкольнширѣ, еще больше въ другихъ графствахъ, основано въ періодъ анархіи — «то были Божьи замки, — говоритъ хроникеръ, — гдѣ слуги истиннаго Помазанника-Короля стоятъ на стражѣ, а Его младшіе слуги вступаютъ въ борьбу съ духовнымъ зломъ». Въ то же время возникъ и одинъ исключительно англійскій орденъ. Жильбертъ Семпрингамъ, рыцарь Линкольншира, учредилъ общество, куда допускались и мужчины и женщины и которое чрезвычайно быстро распространилось въ Англіи. Его дѣятельность была воспитательная и духовная; Вильгельмъ Ньюбургъ говоритъ: «онъ заслужилъ пальму первенства среди всѣхъ, кто прилагалъ религіозные труды къ обученію и воспитанію женщинъ».

Развитіе монастырской жизни.

Такъ какъ дѣятельность церкви развивалась и вслѣдствіе ужасовъ и смутъ того времени не происходило сессій обыкновенныхъ судовъ въ государствѣ, то было естественно, что церковные суды, находившіеся въ вѣденіи лицъ все болѣе и болѣе усвоивавшихъ каноническое и гражданское право, стали вторгаться въ среду свѣтской юрисдикціи. Процессы между клерикомъ и мірянином по поводу земли, уголовные процессы, въ которыхъ замѣшанъ былъ клерикъ въ качествѣ преступника или потерпѣвшаго, долги, заключенные подъ клятвой и тому подобныя дѣла подлежали вѣденію церковныхъ судовъ. Итакъ когда страна была умиротворена, когда Генрихъ Анжуйскій

Расширеніе церковныхъ судовъ.

вступилъ на престолъ своего дѣда съ твердымъ намѣреніемъ уровнять всѣхъ людей передъ однородной системою закона и управленія, неизбѣжно должно было возникнуть столкновеніе между церковью и государствомъ. Среди ученыхъ архіепископа Теобальда выдавался Ѳома Лондонскій, сынъ Жильберта, прозваннаго Бекетомъ, руанскаго купца, поселившагося въ Лондонѣ и ставшаго шерифомъ. Ѳома былъ умный и проницательный человѣкъ и велъ примѣрную жизнь; за нѣсколько лѣтъ до смерти Стефана, онъ сдѣланъ былъ кертербюрійскимъ архидіакономъ; онъ былъ представленъ преемнику Стефана «какъ его конфиденціальный совѣтникъ», и въ 1154 г. сталъ канцлеромъ. Два молодыхъ человѣка скоро стали друзьями, «по окончаніи дѣла, они забавлялись, какъ сверстники; въ залѣ, въ церкви они сидѣли рядомъ или вмѣстѣ выѣзжали... Иногда король верхомъ въѣзжалъ въ залу, гдѣ обѣдалъ канцлеръ; иногда онъ являлся съ лукомъ въ рукѣ, возвращаясь съ охоты или отправляясь на охоту; иногда онъ пилъ съ нимъ предъ отъѣздомъ. Иногда онъ перескакивалъ чрезъ столъ, садился и ѣлъ съ нимъ. Никогда еще въ христіанскія времена не было двухъ болѣе сходныхъ людей и лучшихъ друзей». Такъ писалъ другъ и біографъ Ѳомы, Вильгельмъ Фицстефенъ, бывшій съ нимъ до конца его разнообразной жизни. Ѳома помогалъ,—если не руководилъ,—въ великой законодательной реформѣ, которою Генрихъ началъ свое царствованіе; онъ отправлялся въ посольства, онъ выслушивалъ дѣла, онъ предводительствовалъ рыцарями на полѣ сраженія. Когда Теобальдъ умеръ и король настоялъ, чтобы тотъ, кого онъ зналъ и любилъ больше всѣхъ, вступилъ на тронъ Августина, Ѳома «сложилъ съ себя діаконскій санъ» и сразу сталъ борцомъ за права и притязанія церкви. Въ октябрѣ 1163 г. на соборѣ въ Вестминстерѣ король требовалъ, чтобы клерики, обвиняемые въ большихъ преступленіяхъ, подлежали его судамъ. Его поддерживали канонисты и гражданскіе юристы и вскорѣ на его сторонѣ было большинство робкихъ и угодливыхъ епископовъ. Въ Кларендонскихъ конституціяхъ, въ январѣ 1164 г., онъ выставилъ наконецъ свои требованія объ ограниченіи апелляціи въ Римѣ, а также судопроизводства гражданскихъ процессовъ относительно земель и долговъ. Архіепископъ держался твердо. Онъ уже занялся очищеніемъ церкви; въ своей собственной епархіи «онъ вырывалъ, сносилъ, разсѣевалъ, искоренялъ все, что было дурно посѣяно въ саду Господа». Онъ стремился, какъ и король, очистить церковь отъ злоупотребленій; но онъ предполагалъ внутреннее преобразованіе и не желалъ призывать свѣтскаго содѣйствія. Прошло девять мѣсяцевъ и соглашенія не предвидѣлось. Тогда король предалъ его суду на соборѣ въ Нортгамптонѣ по обвиненію, имѣвшему лишь косвенное отношеніе къ вопросамъ спора. Послѣ бурной сцены архіепископъ апеллировалъ въ Римъ и черезъ нѣсколько дней уѣхалъ изъ Англіи. Слѣ-

Ѳома Бекетъ.

дующіе шесть лѣтъ онъ жилъ во Франціи и попытки примиренія церкви съ государствомъ терпѣли неудачу одна за другою. Генрихъ преслѣдовалъ и изгонялъ родственниковъ и приверженцевъ Бекета. Бекетъ отлучалъ отъ церкви тѣхъ, кто вторгался и грабилъ его епископство. Папа и антипапа обращались за поддержкою къ королю Англіи и Александръ III то восхвалялъ, то порицалъ пылкость защитника церкви. Съ годами вокругъ Бекета въ Понтиньи и Сенсѣ собрался кружокъ, какъ около монарха въ изгнаніи: европейскіе ученые вели съ нимъ переписку и церкви всѣхъ странъ наблюдали за нимъ, какъ за гладіаторомъ на аренѣ. Наконецъ Генрихъ уступилъ, онъ обѣщалъ уничтожить Кларендонскія конституціи и принять архіепископа съ лобзаніемъ мира. 1 декабря 1170 г. Бекетъ высадился въ Сандвичѣ; 20 онъ былъ убитъ въ его собственномъ соборѣ. Хотя Ѳома Бекетъ вездѣ былъ встрѣченъ ликованіемъ народа, епископы, принадлежавшіе къ королевской партіи, продолжали отказываться подчиниться его власти; ихъ жалобы побудили короля къ страстному возгласу, перетолкованному слишкомъ поспѣшно. «Я возрастилъ и возвысилъ въ моемъ государствѣ безпечныхъ и презрѣнныхъ негодяевъ, у нихъ нѣтъ преданности къ своему властелину и они позволяютъ низкому клерику такъ недостойно оскорблять его». Ѳома Кентербюрійскій принялъ смерть отъ четырехъ безшабашныхъ рыцарей съ стойкостью, поразившей бывшихъ при немъ робкихъ монаховъ. «Я готовъ,—сказалъ онъ,—умереть за Господа, если моею кровью церковь получитъ свободу и миръ. Но во имя Всемогущаго Бога я запрещаю вамъ трогать моихъ людей, какъ клериковъ, такъ и свѣтскихъ». Результатомъ его смерти было полное подчиненіе короля. Обычное право было оставлено совершенно, клерики и обидчики ихъ вновь подлежали церковнымъ трибуналамъ, другаго исхода не могло быть. Король заразился ужасомъ, какой убійство возбудило въ Европѣ. Бекетъ во всѣ годы борьбы былъ обожаемъ народомъ Англіи; Гарнье, поэтъ бѣдняковъ, воспѣвалъ ему хвалы; его сограждане-лондонцы сдѣлали его своимъ патрономъ; неизвѣстные поэты отдаленныхъ странъ повѣствовали о его борьбѣ за церковь; рыцари-крестоносцы основали въ честь его новый орденъ, въ Исландіи исторія его жизни послужила матеріаломъ для саги. Кромѣ того онъ являлся первымъ человѣкомъ со времени завоеванія Вильгельма, рожденнымъ на англійской почвѣ, на котораго возложена была архіепископская митра, на цѣлыя столѣтія онъ выдѣлялся, какъ великій національный герой. Онъ былъ причисленъ къ лику святыхъ въ 1173 г. Ни одинъ святой не пользовался такимъ поклоненіемъ; память его сохранилась въ сердцѣ націи.

Св. Ѳома Кентербюрійскій.

Слѣдуетъ замѣтить, что тѣ силы, которыя группировались вокругъ Св. Ѳомы, не только сочувствовали ему, какъ обыкновенно сочувствуютъ смѣлой борьбѣ за идею, но онѣ вели также тайную борьбу

съ отвратительными наказаніями того вѣка и естественнымъ выраженіемъ протеста противъ таковыхъ для нихъ являлось подтвержденіе церковныхъ привиллегій, распространявшихся на вдовъ и сиротъ, клериковъ и ихъ обидчиковъ.

Скандалы въ Церкви.

Преобразованіе, о которомъ мечтали Бекетъ и Генрихъ, далеко не было закончено. Сатирики указывали на дѣтей, которыхъ карьера въ церкви была обезпечена ранѣе, чѣмъ они начали говорить. Дѣти въ колыбеляхъ, жаловались они, назначаются въ архидіаконы, чтобы устами младенцевъ и грудныхъ дѣтей творить хвалу. Грудныя дѣти поставляются для совершенія таинствъ. Мальчики становятся епископами въ томъ возрастѣ, когда яблоко дороже для нихъ дюжины церквей. Они воспитываются для мірской жизни. Ихъ отправляютъ въ Парижъ, гдѣ они обучаются пороку: они возвращаются въ Англію, чтобы забавляться съ соколами и охотиться. Епископы, получившіе кафедры черезъ посредство свѣтской дѣятельности или низкой интриги, не заботятся воздѣлывать виноградникъ Господа. «Какой епископъ», говоритъ Жиральдъ, умный валлійскій архидіаконъ, «соотвѣтствуетъ каноническому описанію истиннаго пастыря даже въ мелочахъ»? Многое во всемъ этомъ слѣдуетъ отнести къ литературному преувеличенію: обычнымъ развлеченіемъ церковныхъ сатириковъ было бросать камешки въ епископовъ и епископы мало обращали на это вниманія. Но въ произведеніяхъ самыхъ смѣлыхъ лѣтописцевъ мы встрѣчаемъ достаточно примѣровъ, которые указываютъ на то, что церковь была далеко не въ цвѣтущемъ состояніи. О св. Ѳомѣ сообщаютъ, какъ объ одной изъ его добродѣтелей, что онъ сходилъ съ лошади для совершенія таинства миропомазанія. Присутствующіе удивлялись, когда св. Гугъ Авалонскій, епископъ Линкольна, омывалъ собственноручно язвы прокаженнаго. Ссоры изъ-за первенства отнимали много времени у тѣхъ, чьи сердца должны были быть заняты высшими интересами. Примасы спорили о превосходствѣ своихъ епископствъ. «Дѣйствительно, говоритъ Вильгельмъ Ньюбургъ, апостольское правило «воздадите честь другъ другу» такъ игнорируется епископами нашего времени, что они, отложивъ пасторскія попеченія, спорятъ изъ-за первенства упрямства и глупости». Такъ въ 1176 году, когда папскій легатъ созвалъ соборъ въ Лондонѣ, «архіепископъ Іоркскій, прибывъ раньше, занялъ главное мѣсто, присвоивъ его себѣ. Кентербюрійскій архіепископъ въ качествѣ оскорбленнаго лица, отказался занять низшее мѣсто и торжественно заявилъ свою обиду по поводу отнятія у него мѣста; его спутники, еще ревностнѣе отстаивавшіе его достоинство, не ограничились словами, но бросились въ рукопашную схватку. Іоркскій архіепископъ (враждебная партія была сильнѣе) былъ стащенъ съ позоромъ съ мѣста, занятаго имъ преждевременно; онъ показывалъ папскому легату свою изорванную мантію въ доказательство совершеннаго надъ нимъ на-

силія; онъ объявилъ, что потребуетъ кентербюрійскаго архіепископа съ его шайкой къ Святому Престолу. Пока дрались архіепископы, всѣ дѣла были забыты, соборъ не состоялся и былъ распущенъ; всѣ призванные и съѣхавшіеся на соборъ, разъѣхались по домамъ». Церковь при Ричардѣ и Іоаннѣ отличалась своими спорами и свѣтскостью. Губертъ Ультеръ, кентербюрійскій архіепископъ былъ ловкій финансистъ и почтенный добросовѣстный государственный дѣятель; но какъ прелатъ, онъ главнымъ образомъ извѣстенъ ссорами съ своимъ клиромъ. Его ссоры, ссоры Гуга изъ Нуанта въ Ковентри, Саварика Уэльскаго (Wells) и Жоффри Іоркскаго не всегда были доказательствомъ свѣтской дерзости епископовъ. Чаще онѣ указываютъ на притязанія крупныхъ монастырей быть изъятыми изъ подчиненія епископской власти и желаніе ихъ подчиняться непосредственно только римской куріи. Эти притязанія, съ колеблющимся успѣхомъ проводимыя въ послѣдующее столѣтіе, были, хотя и медленно, признаны: величайшимъ затрудненіемъ въ англійской церкви до конца правленія анжуйской династіи была независимость монастырей, вслѣдствіе чего невозможно было создать прочное управленіе; монахи и епископы дѣлились на два враждебные лагеря, пока наконецъ епископы уступили теченію и въ пятнадцатомъ столѣтіи заявили себя покорными вассалами папства.

Истинные преобразователи Церкви.

Легко рисовать слишкомъ мрачную картину, но и здѣсь, какъ и вездѣ, пробивался свѣтъ, если мы только поищемъ его. Возможно, что крестовые походы были безплодны, но проповѣдь крестовыхъ походовъ все же указывала людямъ на высокій образецъ самопожертвованія и преданности. Нѣкоторые прелаты изрѣдка оказывали поддержку, если не свое участіе, святой войнѣ. Чрезвычайно трогательна въ исторіи среднихъ вѣковъ та преданность, съ какою епископъ, священникъ, клерикъ и мірянинъ жертвовали жизнію ради спасенія своихъ братьевъ на востокѣ. И у себя на родинѣ люди, какъ св. Гугъ, служили примѣрами ума, проницательности и истиннаго благочестія. Человѣкъ, выказывавшій сопротивленіе такимъ королямъ, какъ Генрихъ II и Ричардъ I и побивавшій ихъ съ помощью ихъ же собственнаго оружія, могъ удивлять высшихъ лицъ церкви своими нападеніями на самую драгоцѣнную святыню. А между тѣмъ не было человѣка болѣе мягкаго и почтительнаго. Позднѣе Англія подпала подъ власть самого испорченнаго изъ ея королей и тогда англичанинъ и англійскій примасъ руководилъ баронами и народомъ въ достиженіи свободы, добытой на вѣчныя времена.

Король Іоаннъ и Иннокентій III.

Въ первые годы царствованія Іоанна, пока живъ былъ Губертъ Ультеръ, король былъ въ мирѣ съ церковью; но едва онъ умеръ въ 1205 г., король заявилъ себя необузданнымъ тираномъ. Монахи церкви Христа избрали примасомъ своего собственнаго субъ-пріора; король назначилъ Іоанна, епископа Норвича. Папа не утвердилъ ни

одного изъ назначеній и по его настоянію депутаціей монаховъ, находившейся тогда въ Римѣ, избранъ былъ англійскій знаменитый ученый Стефанъ Лангтонъ. Король отказался принять его, изгналъ монаховъ Кентербюри и захватилъ ихъ владѣнія. Иннокентій III угрожалъ интердиктомъ и наконецъ объявилъ отлученіе отъ церкви. Бѣдствія, причиненныя отлученіемъ, быть можетъ, преувеличены. Формальное пріостановленіе совершенія Таинствъ подвергалось многимъ исключеніямъ и въ худшемъ случаѣ интердиктъ сводилъ богослуженіе до простой службы протестанскихъ общинъ. Страна же была въ волненіи; каждый поступалъ по своему усмотрѣнію; законъ не дѣйствовалъ; и хотя король упорствовалъ нѣкоторое время, находясь подъ личнымъ отлученіемъ отъ церкви, онъ принужденъ былъ наконецъ уступить. Онъ избралъ странный способъ подчиненія. Передавъ свою корону папѣ и получивъ ее обратно въ качествѣ ленника Св. Престола, онъ давалъ обѣщаніе защищать «наслѣдіе св. Петра и въ особенности королевства Англію и Ирландію», и такимъ образомъ сразу нарушалъ политику своихъ прадѣдовъ на англійскомъ престолѣ. Самымъ важнымъ результатомъ борьбы съ нашей точки зрѣнія было то, что сторонникомъ народа являлась церковь. Когда король и бароны вновь вовлечены были въ междоусобія, Стефанъ Лангтонъ, патріотъ и прелатъ, предъявилъ сторонникамъ конституціи Хартію Генриха I, на которой должны были основываться ихъ требованія и изъ которой возникла Великая Хартія. «Quod Ecclesia Anglicana libera sit» — первое положеніе Великой Хартіи, свобода клиру выбирать своихъ епископовъ послужила образцомъ для вольностей, дарованныхъ всей странѣ.

Англійское законодательство во время Норманскаго правленія.

Ф. Мейтленда (F. W. Maitland).

Норманы во время завоеванія Англіи въ одномъ важномъ отношеніи были менѣе цивилизованной народностью, чѣмъ покоренные ими англичане. Мы можемъ сказать почти навѣрное, что у нихъ не было писанныхъ законовъ. Полтора столѣтія тому назадъ король франковъ принужденъ былъ уступить обширную провинцію шайкѣ скандинавскихъ пиратовъ. Пираты стали властелинами покореннаго народа; постепенно они усвоили религію, языкъ и цивилизацію покореннаго народа; они стали французами. Они, быть можетъ, выказывали нѣкоторое подчиненіе писаннымъ законамъ франковъ, древ-

нему Lex Salica и капитуляріямъ меровинговъ и каролинговъ. Владѣльцы эти сдѣлались абсолютными властелинами, и ни норманскіе герцоги, ни ихъ номинальные властелины, короли франковъ или французовъ, не могли издать приговоровъ, подобныхъ тѣмъ, которые Канутъ обнародовалъ въ Англіи. Кое-какія традиціи далекаго прошлаго, правленія Карла Великаго, завоеватели могли занести съ собою въ Англію; эти традиціи, занесенныя на почву покореннаго королевства, могли привиться здѣсь и дать результаты,—первымъ плодотворнымъ результатомъ была великая перепись, которую мы называемъ «Domesday Book»—но писаныхъ законовъ у нихъ не было.

Повидимому, Завоеватель предполагалъ, что его англійскіе подданные могутъ придерживаться своихъ древнихъ законовъ. Простой норманскій герцогъ сталъ королемъ Англіи и онъ не прочь былъ присвоить себѣ тѣ королевскія права, какія, по его объясненіямъ, переданы ему королемъ Эдуардомъ. По нѣкоторымъ вопросамъ онъ издавалъ постановленія. Напримѣръ: жизнь его дружинниковъ охранялась знаменитой пеней за убійство. Если французъ найденъ убитымъ и убійца не обнаруженъ, крупная сумма уплачивалась округомъ, гдѣ совершено преступленіе. Существованіе предположенія, что всякій убитый есть французъ, пока не доказано противоположное—предположеніе чрезвычайно выгодное для королевскаго казначея,—повело въ позднѣйшее время къ любопытной процедурѣ—«доказательства англійскаго происхожденія» («the presentment of Englishry»). Сотня должна была выплачивать или родственники должны были доказать англійское происхожденіе убитаго. Вильгельму пришлось также установить примѣненіе Божьяго суда, который ввели норманы и въ данномъ случаѣ онъ старался поступать справедливо по отношенію къ норманамъ и къ англичанамъ. Ему пришлось также выступить въ нѣкоторомъ родѣ поборникомъ римскаго правовѣрія, ему надо было болѣе точно, чѣмъ это было до того въ Англіи, отдѣлить сферу духовной власти отъ свѣтскаго законодательства. Многое также—хотя и не путемъ общаго законодательства—измѣнено имъ и въ старой военной системѣ, оказавшейся такой несостоятельной за послѣднее время. Раздавая конфискованныя земли своимъ баронамъ, онъ потребовалъ отрядовъ вооруженныхъ конныхъ рыцарей. Онъ произвелъ и нѣкоторыя другія измѣненія, въ общемъ же онъ желалъ, чтобы англичане жили подъ охраною древняго закона, закона, носившаго теперь благословенное имя Эдуарда.

Законодательство при Генрихѣ I.

И затѣмъ, послѣ смерти Вильгельма Рыжаго—отъ Вильгельма Рыжаго мы не получили и не могли ожидать законодательства—Генрихъ захватилъ корону и принужденъ былъ пріобрѣтать приверженцевъ дарованіемъ хартіи, полной разнородныхъ обѣщаній, даваемыхъ людямъ всѣхъ званій;—онъ полагалъ расположить сердца англичанъ обѣщаніемъ возстановить законы Эдуарда, съ измѣненіями, сдѣлан-

ными въ нихъ Завоевателемъ. Генрихъ самъ былъ великимъ правителемъ, но не законодателемъ. При содѣйствіи его опытныхъ министровъ сталъ принимать опредѣленную форму вліятельный высшій судъ, бывшій въ то же время финансовымъ учрежденіемъ для собиранія доходовъ, «казначейство» (exchequer); законовъ же новыхъ было обнародовано мало. Самымъ характернымъ подвигомъ въ сферѣ законодательства норманскаго періода были попытки различныхъ частныхъ лицъ возстановить «законъ Св. Эдуарда». Они переводятъ нѣкоторыя старинныя англійскія рѣшенія на латинскій языкъ насколько могутъ лучше—задача не легкая, ибо англійскій языкъ быстро усвоиваетъ новую форму. Они измѣняютъ старыя рѣшенія, чтобы приспособить ихъ къ требованіямъ новаго вѣка. Они заимствуютъ изъ иностранныхъ источниковъ—изъ каноновъ католической церкви, изъ франкскихъ капитулярій и иногда изъ римскихъ законодательныхъ книгъ. Въ царствованіе Генриха I они все еще смотрятъ на древнія англійскія рѣшенія, на законы короля Эдуарда, какъ на ядро законовъ, существующихъ въ Англіи. Мы не можемъ знать, конечно, сколько дѣйствительной правды заключается въ томъ, что они говорятъ; дѣйствительно ли приводились въ исполненіе древніе уголовные тарифы, которые они переписываютъ; обращали ли много вниманія на слова Канута французы, предсѣдательствующіе на судахъ, даже когда эти слова и были переведены на латинскій или на французскій языкъ. Все же ихъ попытки доказываютъ намъ, что происходило перемѣщеніе, а не полный перерывъ въ законодательной исторіи Англіи; а также и то, что французы не внесли новыхъ законовъ, достаточно точныхъ, чтобы можно было изложить ихъ письменно.

Главная часть правосудія все еще отправлялась мѣстными судами, вѣчами—шира, вѣчами—сотни, которые поддерживались Завоевателемъ и Генрихомъ I, какъ часть древняго строя, и новѣйшими феодальными судами, возникавшими въ каждой деревнѣ. Королевскій судъ являлся судомъ для охраны королевскихъ правъ, судомъ для разбирательства дѣлъ королевскихъ бароновъ, и высшимъ судомъ, куда могъ обратиться настойчивый тяжущійся, не найдя правосудія въ иномъ мѣстѣ. Древнее англійское законодательство, оставаясь въ такомъ видѣ и медленно приспособляясь къ измѣнившимся обстоятельствамъ, могло бы отбросить архаизмы и стать законодательствомъ, написаннымъ и изъясненымъ на англійскомъ языкѣ. Еще болѣе вѣроятія, что «Законы св. Эдуарда» разбились бы на миріады мѣстныхъ обычаевъ и затѣмъ въ будущемъ англичане нашли бы прибѣжище отъ невозможной путаницы въ римскомъ законодательствѣ. Ни то, ни другое не случилось, потому что въ царствованіе Генриха II королевскій судъ открылъ доступъ людямъ всѣхъ званій; судъ пересталъ быть временнымъ собраніемъ воинственныхъ бароновъ для судебныхъ цѣлей; онъ сталъ судомъ профессіональныхъ су-

дей, появляясь періодически во всѣхъ графствахъ Англіи подъ видомъ объѣзныхъ судей. Тогда постепенно обычай процедуры королевскаго суда является общимъ закономъ для Англіи. Со времени Завоевателя королевскій судъ былъ въ истинномъ смыслѣ слова французскимъ судомъ. На судѣ говорили по-французски, члены суда были французскаго происхожденія и съ трудомъ привыкали считать себя англичанами. Судъ былъ свободенъ. Онъ не могъ, если бы и пожелалъ, приводить въ исполненіе древніе англійскіе писанные законы въ ихъ примитивной чистотѣ: во первыхъ они были непонятны, во вторыхъ въ двѣнадцатомъ столѣтіи они стали варварскими — они карали преступленіе какъ въ старину. Съ другой стороны, къ счастію, не было писаннаго норманскаго кодекса и король не хотѣлъ быть въ Англіи только герцогомъ, какимъ онъ былъ въ Нормандіи. И такъ его судъ былъ свободенъ; онъ могъ самъ по себѣ создать законъ. Сохранены многія древнія англійскія постановленія, въ особенности тѣ постановленія общаго законодательства, которыя были выгодны для короля:—король, напримѣръ, могъ настаивать, чтобы шерифы оставались шерифами, а не наслѣдственными виконтами—но законы частнаго характера, законы объ ленахъ, о землевладѣніи, договорахъ, процедурѣ, развившіеся въ судѣ въ теченіи двѣнадцатаго столѣтія, чрезвычайно напоминаютъ обычное право *(coutume)* сѣверной Франціи. Сотни лѣтъ протекли, пока явилась попытка изложить ихъ на англійскомъ языкѣ; и когда наконецъ это приведено въ исполненіе, англійскій языкъ является языкомъ, гдѣ каждое имѣющее значеніе существительное, каждый точный терминъ—французскаго происхожденія.

Юридическій языкъ.

Небезъинтересно сказать нѣсколько словъ о языкѣ нашего законодательства. Начиная съ Завоевателя до 1731 года оффиціальнымъ языкомъ нашего законодательства былъ не французскій, не англійскій, а латинскій языкъ. Даже въ англо-саксонскую эпоху, хотя законы обнародывались на англійскомъ языкѣ и на этомъ языкѣ производилось разбирательство тяжбъ, короли, имѣя передъ собою итальянскіе образцы, на латинскомъ языкѣ излагали пожалованія землею церквамъ и тегнамъ, въ 1066 году ученые обѣихъ народностей могли говорить и писать другъ другу по латыни. Мы можемъ смѣло сказать, что всякій, кто умѣлъ читать и писать, могъ читать и писать по латыни. Французскій же языкъ былъ почти вульгарнымъ латинскимъ нарѣчіемъ, это былъ языкъ, на которомъ говорили, но не писали; на немъ было написано всего нѣсколько пѣсенъ. Два языка, которыми Завоеватель пользовался для законовъ, хартій и документовъ, были латинскій и англійскій, латинскій вскорѣ беретъ верхъ и на время становится единственнымъ языкомъ, на которомъ пишутся законы. Въ королевской канцеляріи пишутъ толь-

ко по латыни и на латинскомъ языкѣ записываются приговоры королевскихъ судовъ. Такъ было, какъ мы уже упомянули, до 1731 г.; для того, чтобы замѣнить латинскій языкъ англійскимъ въ королевскихъ документахъ, патентахъ и хартіяхъ и въ записываніи рѣшеній судовъ понадобился статутъ временъ Георга II.

Между тѣмъ произошло много значительныхъ измѣненій. Въ концѣ двѣнадцатаго или въ началѣ тринадцатаго столѣтія французскій языкъ сталъ формироваться въ такой языкъ, на которомъ не только можно было писать пѣсни и разсказы, но и документы. Около средины тринадцаго вѣка начинаютъ появляться постановленія и статуты, написанные ни французскомъ языкѣ. Въ то же время начинаетъ входить въ употребленіе и англійскій языкъ. Генрихъ III «purz Godes fultume king on Engleneloande» издалъ эдиктъ на англійскомъ языкѣ. Это притязаніе на употребленіе было или запоздавшимъ или преждевременнымъ. При Эдуардѣ I французскій языкъ, хотя не могъ еще вытѣснить англійскій въ изложеніи тяжбъ, становится языкомъ, на которомъ обнародываются законы и пишутся своды законовъ. Онъ продолжаетъ быть языкомъ статутовъ до конца среднихъ вѣковъ. Въ царствованіе Генриха VII англійскій языкъ наконецъ становится языкомъ, на которомъ англійскіе законодатели обращаются къ своимъ подданнымъ, хотя должны были пройти двѣсти пятьдесятъ лѣтъ прежде, чѣмъ англійскій языкъ завладѣлъ той областью, куда вкоренился вѣками латинстій языкъ.

Французскій языкъ одержалъ побѣду въ устной рѣчи тяжущихся и ихъ совѣтниковъ. На королевскомъ судѣ этотъ языкъ преобладалъ со времени завоеванія, но въ мѣстныхъ судахъ долго и часто употреблялся, должно быть, англійскій языкъ. Въ царствованіе Генриха II стало обнаруживаться централистическое движеніе, отмѣченное нами раньше. Судопроизводство на французскомъ языкѣ было общимъ закономъ, мѣриломъ правъ и обязанностей; юрисдикція суда проводилась во всей странѣ черезъ посредство временныхъ объѣздовъ судей. Въ тринадцатомъ столѣтіи люди при тяжбахъ или юридическихъ бесѣдахъ говорятъ по французски; всѣ профессіональные юристы пишутъ и думаютъ по французски. Умѣнье говорить по французски распространено было во всѣхъ классахъ, кромѣ развѣ самаго бѣднаго; всякій, у кого въ жилахъ текло хоть нѣсколько капель иностранной крови, говорилъ по французски. Въ 1362 г., когда начались продолжительныя войны между Англіей и Франціей, патріотический статутъ требовалъ введенія на судахъ англійскаго языка вмѣсто французскаго. Было уже поздно; мы имѣемъ основаніе думать, что постановленіе это медленно приводилось въ исполненіе и во всякомъ случаѣ юристы продолжали писать о юридическихъ вопросахъ цо французски. Постепенно въ шестнадцатомъ столѣтіи ихъ

французскій языкъ сталъ искажаться и они начали писать по англійски: но много времени еще прошло, пока они стали думать и писать по англійски. На англійскомъ же языкѣ почти всѣ техническіе термины были французскаго происхожденія. Такъ осталось до настоящаго времени. Нельзя написать ни одной юридической фразы, не употребивъ такія слова: «debt» (долгъ), «heir» (наслѣдникъ), «trespass» (преступленіе), «pay» (уплата), «money» (деньги), «court» (судъ), «judge» (судья), «jury» (присяжные); всѣ эти слова перешли къ намъ съ французскаго языка. Во всѣхъ странахъ, гдѣ господствуетъ англійское законодательство, ежедневно воздается восхваленіе Вильгельму норманскому и Генриху анжуйскому.

То, что совершилъ Генрихъ въ серединѣ двѣнадцатаго столѣтія, чрезвычайно важно, но если бы мы вздумали излагать эти измѣненія подробно, намъ пришлось бы вдаваться въ устарѣвшія техническія подробности. Вкратцѣ мы можемъ сказать, что онъ сосредоточилъ всю систему англійскаго судопроизводства въ судѣ, состоявшемъ изъ судей, опытныхъ по профессіи въ знаніи законовъ. Онъ могъ такимъ образомъ пріобрѣтать доходы—въ средніе вѣка никто не творилъ судъ даромъ—и могъ пріобрѣсти власть; онъ могъ контролировать и уничтожить феодальные суды. Предлагая націи свой королевскій судъ, онъ предлагалъ прочное и удобное преимущество. Вскорѣ мелкій народъ—фермеры, крестьяне,—противившись съ мѣстными судами, являлись въ Вестминстеръ хлопотать по поводу своихъ мелкихъ тяжбъ. Мы признаемъ, что съ теченіемъ времени сосредоточеніе судопроизводства зашло слишкомъ далеко. Во время Эдуарда I компетенція мѣстныхъ судовъ по гражданскимъ дѣламъ ограничивалась сорока шиллингами,—компетенція было довольно обширная; но по мѣрѣ того, какъ падала цѣнность денегъ, она все съуживалась, пока въ послѣднемъ столѣтіи нельзя была взыскать долга, кромѣ развѣ самого мелочнаго, не неся большихъ издержекъ по судопроизводству въ одномъ изъ судовъ Вестминстера. Первыя же стадіи преобразованія были безспорно полезны—онѣ дали намъ общее законодательство.

Генрихъ II и судебныя реформы.

Король Генрихъ и его способные министры явились какъ разъ во время—немного позже было бы уже поздно: англійское законодательство пришло бы къ единообразію, но оно бы романизировалось. Мы, быть можетъ, привыкли слишкомъ громко хвастаться чисто «англійскимъ происхожденіемъ» нашего общаго законодательства. Нельзя сказать, чтобы это было чистымъ выигрышемъ. Если бы мы «приняли римское законодательство», какъ это сдѣлали наши сосѣди, быть можетъ мы избавились бы отъ многихъ смутъ, выпавшихъ на нашу долю. Не затрогивая политическую сторону вопроса, не говоря даже объ абсолютной монархіи, сопровождавшей всегда римское законодательство, быть можетъ и хорошо для насъ и для всего

міра вообще, что мы шли впередъ эмпирическимъ путемъ, не считаясь съ мудростью другихъ народовъ. Мы можемъ испытывать нравственное удовлетвореніе, какое испытываетъ добродѣтельный школьникъ, не воспользовавшійся «готовымъ переводомъ классиковъ», который у него былъ подъ рукой; мы можемъ ждать за то себѣ той награды, какая выпадаетъ всѣмъ тѣмъ, кто честнымъ образомъ чему либо научился.

Римское законодательство въ Средневѣковой Европѣ.

Попытаемся изложить вкратцѣ подробную исторію законодательства. На континентѣ Европы римское законодательство никогда не исчезало. Послѣ варварскихъ нашествій оно все же оставалось «отдѣльнымъ законодательствомъ» покоренныхъ провинціаловъ. Франки, ломбарды и другія побѣдоносныя племена соблюдали древнее германское обычное право, побѣжденные же придерживались римскаго законодательства. Съ теченіемъ времени отдѣльнымъ законодательствомъ массы жителей сталъ областной законъ страны, гдѣ они жили. Римское законодательство стало опять общимъ законодательствомъ для Италіи и южной Франціи; но оно утратило свою чистоту, оно стало испорченнымъ, вульгарнымъ римскимъ законодательствомъ, сохранялось въ видѣ традиціоннаго обычнаго права, а не въ классическихъ текстахъ, о которыхъ почти и не знали. Въ началѣ двѣнадцатаго столѣтія произошла большая перемѣна. Школа законовѣдѣнія въ Болоньи начала изучать пандекты, въ которыхъ Юстиніанъ сохранилъ премудрость великихъ законовѣдовъ золотаго вѣка. Новая наука распространилась изъ Болоньи. Насколько распространялась власть императора, настолько же по мнѣнію людей того вѣка распространялось и римское законодательство. Императоры, хотя теперь и германскаго происхожденія, все же были римскими императорами и законы ихъ предковъ заключались въ законахъ Юстиніана. Въ то же время ново-открытая система—мы можемъ почти съ увѣренностью сказать, что она была вновь открыта—казалась такой разумной, что могла лишь способствовать развитію законодательства въ странахъ, какъ Франція и Англія, не подчинявшихся императорамъ.

Каноническое право.

Въ то же время создавалась другая великая система всемірнаго законодательства. Уже цѣлыя столѣтія католическая церковь медленно завоевывала поле юрисдикціи ея исключительнаго вѣдомства; для руководства церковныхъ судовъ возникъ обширный сводъ законовъ, состоявшій изъ каноновъ, обнародованныхъ соборами церкви и декреталій—настоящихъ и ложныхъ—папъ. Въ обращеніи находилось много сборниковъ этихъ законовъ, но въ срединѣ двѣнадцатаго столѣтія, они были вытѣснены сборникомъ Граціана, болонскаго монаха. Онъ назвалъ сборникъ «*Concordia discordantium canonum*»; но вскорѣ сборникъ сталъ вездѣ извѣстенъ подъ названіемъ *Decretum Gratiani*. Въ это время папы дѣятельно разсылали декреталіи во всѣ уголки западнаго міра. Были обнародованы авторитетные

сборники этихъ декреталій и церковные законовѣды («канонисты» или «декретисты») имѣли вскорѣ въ своемъ распоряженіи писанные законы, количество которыхъ значительно превышало количество законовъ, изучаемыхъ римскими законовѣдами («легистами»). На ряду съ *Corpus Juris Civilis* возникаетъ *Corpus Juris Canonici*. Часто одно лицо изучало оба свода законовъ; лицо это было «докторомъ» того и другого законодательства; въ сущности новѣйшая система широко заимствовала у старой; она заимствовала ея форму, духъ и значительную часть матеріала.

Каноническое право итальянскихъ докторовъ стало церковнымъ законодательствомъ западнаго міра. Изъ всѣхъ мѣстныхъ судовъ, гдѣ бы они ни были, аппелировали въ верховный судъ Рима. Новое ученіе отразилось и на свѣтскомъ законодательствѣ каждой страны. По-видимому, можно установить общее правило: гдѣ вліяніе отразилось позднѣе—тамъ оно и сильнѣе. Въ тринадцатомъ столѣтіи Парижскій Парламентъ принялся за упорядоченіе провинціальнаго обычнаго права сѣверной Франціи, которое онъ и романизировалъ. Въ шестнадцатомъ столѣтіи, послѣ «возрожденія наукъ» итальянское законодательство распространилось по всей Германіи и уничтожило значительную часть древняго народнаго права. Вездѣ, гдѣ римское законодательство наталкивается на нецентрализованную, слабую систему судопроизводства, оно свободно проникаетъ туда. Въ Шотландію оно проникло поздно; но удержалось тамъ.

Римское законодательство въ Англіи.

Въ Англію оно проникло рано. Рѣдкій изъ университетовъ можетъ похвастаться такой старой школой римскаго права, какъ Оксфордъ. Въ смутное время короля Стефана, когда церковь заявляла новыя требованія слабому государству, архіепископъ Теобальдъ вывезъ изъ Италіи нѣкоего Вакаріуса, ломбардскаго законовѣда, читавшаго здѣсь римское право и написавшаго книгу, которую можно читать и понынѣ. Вскорѣ затѣмъ въ Оксфордѣ возникла знаменитая школа гражданскаго и каноническаго права. Съ тѣхъ поръ, какъ Вильгельмъ Завоеватель торжественно санкціонировалъ учрежденіе спеціальныхъ церковныхъ судовъ, вполнѣ понятно, что на этихъ судахъ должно было преобладать законодательство католической, а не исключительно англійской церкви; а также ясно, что законодательство это будетъ главнымъ образомъ итальянскимъ. Въ слѣдующемъ столѣтіи, какъ мы знаемъ, Генрихъ и Бекетъ возбудили вопросъ объ опредѣленіи компетенціи церковныхъ судовъ. Они вступили въ борьбу, ни одинъ изъ борцовъ не пріобрѣлъ того, чего желалъ. Съ этого времени до протестантской реформаціи и даже позднѣе между двумя судами происходили всегда столкновенія. Побѣда естественно склонялась въ пользу тѣхъ судовъ, которые непосредственно располагали физической силой, но все жъ, по нашему мнѣнію, обширная сфера предоставлялась и канонистамъ. Въ ихъ сферу входило не только под-

держка церковной дисциплины и наказаніе—церковнымъ запрещеніемъ и какъ послѣднимъ средствомъ отлученіемъ отъ церкви—за грѣхи, оставляемые безнаказанными свѣтскимъ закономъ, но также все относящееся къ браку, разводу, послѣдней волѣ и завѣщанію умирающаго, что тѣсно связано съ исповѣдью умирающаго, а также и управленіе имуществомъ лицъ, умершихъ безъ завѣщанія. Почему до сихъ поръ мы соединяемъ «утвержденіе завѣщанія» (Probate) и «разводъ»? Потому что въ средніе вѣка и то и другое подлежало «христіанскимъ судамъ». Почему къ «утвержденію завѣщанія» и «разводу», мы присоединяемъ «адмиралтейство»? Потому что легисты—а въ Англіи одно и то же лицо обыкновенно бывало легистомъ и канонистомъ—умудрились, хотя сравнительно въ позднѣйшее время, захватить тяжбы, касающіяся происшествій на далекихъ моряхъ, такихъ далекихъ, куда нельзя было вызвать никакихъ присяжныхъ. Въ Англіи канонисту предоставлялось достаточно свободы; оставалось достаточно и легисту: онъ былъ весьма полезенъ, какъ дипломатъ.

Мы говорили однако же о нашемъ обычномъ англійскомъ правѣ, правѣ нашихъ обычныхъ свѣтскихъ судовъ и объ отразившемся на немъ вліяніи новаго итальянскаго, всемірнаго законодательства, мы должны признать, что вліяніе это было сильно на короткое время, съ средины двѣнадцатаго до средины тринадцатаго столѣтія. Обыкновенно количество заимствованнаго чужестраннаго законодательства или уменьшается или преувеличивается; мы не можемъ дать правильную оцѣнку, не входя въ подробности. Были усвоены нѣкоторыя главныя положенія, заимствованы болѣе конкретныя постановленія; въ общемъ же заимствовались логика, методъ, духъ; а не самая сущность. Мы можетъ ясно видѣть это вліяніе въ трактатѣ о «законахъ Англіи», дошедшемъ до насъ со времени послѣднихъ лѣтъ царствованія Генриха II. Трактатъ приписывается верховному судьѣ Генриха—даже вице-королю Ранульфу Гланвиллю; принадлежитъ ли трактатъ его перу или нѣтъ (онъ былъ свѣтскій человѣкъ и воинъ), въ немъ описывается процедура суда, въ которомъ онъ предсѣдательствовалъ. Весьма мало въ немъ фразъ, на которыя мы могли бы указать, какъ на заимствованныя изъ римскаго свода, а между тѣмъ духъ всего трактата римскій. Мы сравниваемъ трактатъ съ сводомъ законовъ при Генрихѣ I, и съ трудомъ вѣрится, что ихъ раздѣляютъ всего семьдесятъ лѣтъ. Трактатъ можетъ прочесть и понять всякій, кто знаетъ немного средневѣковый латинскій языкъ и немного англійское законодательство; второе сочиненіе будетъ всегда непонятно даже для самыхъ ученыхъ людей. Между этими двумя сочиненіями та же пропасть, которая существуетъ между логикой и произвольнымъ изложеніемъ, между разумностью и безсмысліемъ. Съ средины тринадцатаго столѣтія у насъ осталось еще болѣе выдающаяся и лучшая книга, чѣмъ книга Гланвилля. Мы знаемъ ея автора подъ

Гланвилль.

именемъ Брактона, хотя его настоящее имя было Генрихъ Браттонъ. Онъ былъ духовнымъ лицомъ, архидіакономъ, но много лѣтъ состоялъ однимъ изъ королевскихъ судей. Онъ былъ начитанъ въ итальянскомъ законодательствѣ, въ особенности много читалъ произведеній знаменитаго болонскаго доктора Азо. Оттуда онъ получилъ понятіе о томъ, каковъ долженъ быть сводъ законовъ, какъ законы должны быть изложены и собраны; оттуда извлекъ онъ положенія и конкретныя правила; съ помощью ихъ онъ могъ пополнить пробѣлы англійской системы. Но онъ же и доказываетъ, что по пути романизированія нельзя ничего больше сдѣлать. Со времени Генриха II королевскій дворъ усердно собиралъ прецеденты, разбиралъ документы и комментировалъ ихъ. Самъ Брактонъ старательно извлекъ изъ длинныхъ въ цѣлую милю свертковъ суда до пятисотъ рѣшеній и пользуется ими, какъ авторитетами. Для него англійскій законъ уже «внѣшній законъ» (case-law); рѣшеніе же является прецедентомъ. До этого времени наука легистовъ не примѣнялась на практикѣ, имъ еще не удалось приспособить древніе классическіе тексты къ средневѣковой жизни; королевскій судъ, состоявшій изъ профессіональныхъ судей—подобныхъ которымъ трудно было найти въ какой либо другой чужеземной или въ незавоеванной странѣ—быстро разработывалъ общее законодательство для Англіи, устанавливалъ строгую и формальную рутину судопроизводства и связывалъ руки всѣмъ послѣдующимъ судьямъ. Со времени Брактона римское законодательство оказываетъ самое слабое вліяніе на англійское общее законодательство, и то вліяніе, которое оно оказываетъ, скорѣе отталкивающаго, чѣмъ притягательнаго свойства. Въ этотъ ранній періодъ англійское законодательство впитало въ себя столько римскаго законодательства, что оно могло выдержать всѣ послѣдующія нападенія и пройти безвредно черезъ критическое шестнадцатое столѣтіе. Брактонъ.

Быть можетъ удобнѣе теперь остановиться на этомъ моментѣ развитія нашихъ юридическихъ учрежденій, чтобы прослѣдить исторію развитія нашего судопроизводства.

Долгое время англичане гордились своимъ судомъ присяжныхъ, гордились тѣмъ, что націи Европы подражали этому «палладіуму англійскихъ вольностей», этому «оплоту англійской конституціи». Ихъ гордость, хотя въ другихъ отношеніяхъ вполнѣ разумная, не уменьшается и тѣмъ, что по своему происхожденію судъ присяжныхъ скорѣе французскій, чѣмъ англійскій, скорѣе королевскій, чѣмъ народный, скорѣе служитъ признакомъ завоеванія, чѣмъ знакомъ свободы. Англичане его создали такимъ, каковъ онъ есть; а онъ совершенно не тотъ, какимъ онъ былъ. Повѣствованіе о судѣ присяжныхъ очень длинно и любопытно. Исторія суда присяжныхъ.

Попытаемся обрисовать судъ двѣнадцатаго столѣтія: судъ могъ быть судомъ графства, судомъ сотни или судомъ крупнаго барона Юридическія формы двѣнадцатаго столѣтія.

для его вассаловъ. Судъ происходилъ подъ открытымъ небомъ—быть можетъ на какомъ либо древнемъ вѣчевомъ холмѣ, который со временъ язычества являлся мѣстомъ отправленія правосудія. Въ судѣ предсѣдательствуетъ чиновникъ— шерифъ, староста шерифа, комиссаръ владѣльца. Всѣ или большая часть свободныхъ землевладѣльцевъ округа обязаны присутствовать на судѣ; они должны вести дѣло; они являются истцами; они постановители приговоровъ: «doomsmen»; они опредѣляютъ «приговоры» (dooms), а не предсѣдатель суда. Онъ провѣряетъ процедуру, издаетъ постановленія, онъ произноситъ приговоръ; но когда нужно изложить приговоръ въ окончательной формѣ, онъ проситъ истцовъ постановить приговоръ. Все это существуетъ издревле и мы можетъ найти это почти вездѣ въ западной Европѣ. До сихъ поръ мы еще не наталкиваемся на зародышъ суда присяжныхъ. Эти постановители приговора (doomsmen) не являются «судьями факта». Да этого и быть еще не могло. Если два тяжущіеся прямо противорѣчатъ другъ другу, одинъ говоритъ «ты совершилъ это», а другой противополагаетъ этому «ты лжешь», является неразрѣшимая проблемма. Простой человѣкъ не въ состояніи взвѣшивать свидѣтельскія показанія, подвергать свидѣтелей перекрестному допросу, по мелкимъ обрывкамъ доказательствъ возстановить истину. Онъ прибѣгаетъ къ сверхъестественному. Онъ присуждаетъ, что та или другая тяжущаяся сторона должна доказать свою правоту обращеніемъ къ Богу.

Присяга. Приговору предшествуетъ доказательство. Доказательство состоитъ не въ удачной попыткѣ убѣдить судей въ правотѣ вашего показанія, но въ исполненіи возложеннаго на васъ испытанія; если вы выполняете его, Богъ на вашей сторонѣ. Способъ доказательства двоякій: присяга и судъ Божій. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы видимъ, что отвѣтчику дозволяется опровергнуть обвиненіе своей собственной присягой. Чаще же онъ праводитъ лицъ, дающихъ за него присягу—въ позднѣйшее время ихъ называютъ «соприсяжными» («compurgators»);—послѣ того, какъ отвѣтчикъ произноситъ присягу, каждый изъ соприсяжныхъ поочереди клянется: «Клянусь именемъ Бога, что клятва его чиста и истинна». Люди, постанавливающіе приговоръ—doomsmen,—опредѣляютъ, сколько отвѣтчикъ долженъ поставить соприсяжныхъ и какихъ. Много традиціонной мудрости хранится по этому предмету; сохраняются странныя ариѳметическія правила о томъ, какъ клятва тегна равняется клятвамъ шести кеорлей и т. п. Иной разъ требуется, чтобы соприсяжные приходились родственниками главнаго отвѣтчика и это обстоятельство предостерегаетъ насъ отъ того раціоналистическаго вывода, по которому соприсяжники будто являлись «свидѣтелями личности», и прямо указываетъ на то время, когда узы крови были сильны и родственники человѣка отвѣчали за его злодѣянія. Весьма легкимъ испытаніемъ кажется съ нашей точки зрѣнія

эта присяга при помощи соприсяжныхъ. Но оно далеко не такъ легко, какъ кажется. Необходимо было строго соблюдать всѣ предписанныя церемоніи; необходимо было произносить опредѣленную формулу; малѣйшая оплошность, запинка могутъ погубить все и противникъ выиграетъ дѣло. Кромѣ того общая молва гласитъ, что клятвопреступника тутъ же на мѣстѣ постигаетъ смерть, или онъ превращается въ карлика, или онъ не можетъ отнять руки отъ святыни, которую осквернилъ.

Божій судъ.

Когда человѣкъ обвинялся въ преступленіи, ему не всегда дозволялось оправдать себя присягою. Его подвергали «суду Божію». Весьма возможно, что этотъ судъ языческаго происхожденія, но христіанская церковь давно уже усвоила его, она предписала торжественные обряды освященія элементовъ — огонь и вода — служащихъ для обнаруженія истины. Воду въ колодцѣ заклинали принять невиннаго и отбросить виновнаго. Кто тонетъ, тотъ оправдывается; кто выплываетъ, считается погибшимъ. Нужно было поднять и пронести три шага полосу желѣза въ фунтъ вѣсомъ, раскаленную до красна. Затѣмъ руку, въ которой было желѣзо, завертывали въ холстъ. Три дня спустя снимается печать. Чиста ли рука или загноилась?—вотъ страшный вопросъ. Пузырь «величиною съ полъ-орѣха» уже является роковымъ. Какъ исполнялись эти испытанія на практикѣ, мы не знаемъ. У насъ мало разсказовъ объ этихъ испытаніяхъ, развѣ, какъ случалось иногда, въ дѣло вмѣшивается мѣстный святой и совершаетъ чудо. Мы можемъ догадываться, что хорошо было также быть въ дружбѣ съ священникомъ, когда приходилось идти на судъ Божій.

Судъ поединкомъ.

Затѣмъ норманскіе завоеватели привезли съ собою другую форму суда Божія—судъ поединкомъ. Это тоже судъ Божій—хотя церковь сомнительно относилась къ нему—это не обращеніе къ одной грубой силѣ, это обращеніе къ Богу битвъ. Каждый сражающійся торжественно клянется въ истинѣ своего дѣла; онъ торжественно клянется, что онъ не ѣлъ и не пилъ ничего такого, «чѣмъ бы могъ нарушить Божій законъ и превознести законъ дьявола». Когда состоялась обвиненіе въ преступленіи — «преступленіи, наказуемомъ смертью» (appeal of felony)—обвинитель и обвиняемый, если они не калѣки, не слишкомъ молоды или очень стары, должны сражаться самолично. Когда процессъ идетъ о землѣ, истецъ предлагаетъ поединокъ, но не самъ, а въ лицѣ одного изъ своихъ людей. Этотъ человѣкъ въ теоріи является свидѣтелемъ, который клянется въ справедливости дѣла своего лорда. Въ теоріи онъ не долженъ быть, но на практикѣ часто бывалъ, наемнымъ борцомъ, котораго профессія сражаться за другихъ на поединкахъ. Если борецъ обличенъ какъ наемникъ, ему отрубали руку; но борцы были въ большомъ ходу во многихъ дѣлахъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ весьма любопытны употребляемыя ими орудія; орудія эти сдѣланы изъ дерева или рога

и похожи (у насъ есть рисунки ихъ) на короткую кирку. Вѣроятно онѣ употреблялись для священныхъ цѣлей — съ того вѣка, когда еще не извѣстно было употребленіе желѣза. Мы знаемъ также, что голова бойца выбривалась, хотя и неизвѣстно, зачѣмъ это дѣлалось. Битва могла продолжаться весь день, до появленія звѣздъ. Обвинитель задавался цѣлью въ теченіе дня «доказать своимъ тѣломъ» истину своего обвиненія; если онъ не выполнитъ этого до сумерекъ, онъ терпитъ неудачу, онъ клятвопреступникъ. Цѣль каждаго бойца въ поединкѣ не столько убить своего противника — что врядъ ли и возможно такимъ архаическимъ орудіемъ, которымъ они пользовались — сколько принудить его произнести «позорное слово», заставить его просить пощады. Въ уголовномъ дѣлѣ обвиняемаго, если онъ оказывался побѣжденнымъ, вѣшали или уродовали; во всякомъ же случаѣ просящій пощады выплачивалъ пеню въ шестьдесятъ шиллинговъ, древнюю королевскую пеню (kings'ban) по законамъ франковъ и если онъ признавалъ себя клятвопреступникомъ, онъ съ тѣхъ поръ считался безчестнымъ.

Развитіе королевскихъ судовъ.

Франкскіе короли давно поставили себя внѣ сферы древней формальной и священной юрисдикціи. Они шли по слѣдамъ римскихъ правителей, даже римскихъ императоровъ. Для себя и для своихъ дѣлъ они имѣли особое судопроизводство. Если права ихъ бывали спорныя, они отправляли чиновниковъ созывать лучшихъ и старѣйшихъ людей въ окрестности, чтобы взять съ нихъ присягу о фактахъ, относящихся къ дѣлу. Королевскіе чиновники производили слѣдствіе, дѣлали допросъ, принуждали людей приносить присягу въ томъ, что они дадутъ правдивые отвѣты на тѣ вопросы, которые могутъ быть предложены именемъ короля. Ихъ могутъ спросить, принадлежитъ или нѣтъ королю такой-то участокъ земли; имъ могутъ предложить и общій вопросъ: какія земли принадлежатъ королю въ ихъ округѣ, ихъ могутъ спросить (потому что король началъ понимать, что для него имѣетъ громадное значеніе прекращеніе преступленій) — о ихъ сосѣдяхъ, о именахъ тѣхъ, кто подозрѣвается въ убійствѣ или грабежѣ, и тогда тѣхъ людей подвергали Божіему суду. Эту привилегію, которою пользуется король, онъ можетъ передать другимъ; онъ можетъ даровать привилегію своимъ любимымъ церквамъ, чтобы ихъ земли находились внѣ сферы первобытной и случайной юрисдикціи обыкновенныхъ судовъ; если оспариваются ихъ права на эти земли, королевскій чиновникъ созываетъ сосѣдей для подтвержденія истины — другими словами для постановленія вердикта. Въ этомъ мы уже видимъ зародышъ суда присяжныхъ.

Слѣдствіе.

Норманскій герцогъ въ своемъ завоеванномъ королевствѣ могъ производить слѣдствіе вполнѣ свободно и въ большихъ размѣрахъ. «Domesday Book» составилась изъ вердиктовъ людей различныхъ сотенъ и городовъ Англіи въ отвѣтъ на рядъ вопросовъ, предложен-

ныхъ имъ королевскими комиссарами. Мы читали, какъ суровый король не стыдился заниматься тѣмъ, о чемъ стыдился писать англійскій монахъ, какъ онъ считалъ каждаго быка, каждую корову, каждую свинью въ Англіи. Съ тѣхъ поръ слѣдствіе вошло въ механизмъ управленія; оно примѣнялось для различныхъ цѣлей, когда король желалъ собрать свѣдѣнія. Онъ могъ пользоваться имъ для своей собственной тяжбы, онъ могъ предоставить и другимъ тяжущимся, кому удалось или кто былъ достаточно богатъ, чтобы пользоваться его милостями. Во все продолженіе царствованія норманскихъ королей слѣдствіе носитъ характеръ прерогативы.

Королевскіе ассизы.

Когда Генрихъ II пожелалъ водворить высшее правосудіе въ своемъ королевствѣ, онъ предоставилъ эту привилегію въ пользованіе всѣхъ своихъ подданныхъ. Онъ это совершилъ не общимъ закономъ, но по частямъ, рядомъ постановленій, извѣстныхъ подъ именемъ «ассизовъ»; нѣкоторыя сохранились, другія погибли. Напримѣръ, въ случаѣ тяжбы о правѣ собственности на землю, отвѣтчикъ вмѣсто того, чтобы принять вызовъ истца на поединокъ, могъ перенести свое дѣло «въ королевскій большой ассизъ». Вслѣдствіе этого дѣло, начатое въ какомъ нибудь феодальномъ судѣ, переносилось въ королевскій судъ: двѣнадцать рыцарей, избираемыхъ въ округѣ, гдѣ находилась земля, постановляли вердиктъ, кто правъ: истецъ или отвѣтчикъ. Въ другомъ случаѣ — напримѣръ, когда споръ шелъ о владѣніи землей, а не о собственности на нее — употреблялась менѣе торжественная форма разбирательства: двѣнадцать свободныхъ и полноправныхъ людей, не непремѣнно рыцарей, должны были постановить: вытѣснилъ ли отвѣтчикъ истца или нѣтъ. Къ концу двѣнадцатаго столѣтія разбирательство въ той или другой формѣ — иногда называемое «ассизомъ», иногда судомъ присяжныхъ—вошло въ составъ обычнаго судопроизводства почти по всякому гражданскому дѣлу. Все же случалось много дѣлъ, когда отвѣтчикъ, если желалъ, отказывался отъ новой формы суда и требовалъ древняго права очиститься съ помощью соприсяжныхъ или поднималъ перчатку, которую истецъ бросалъ, какъ вызовъ на поединокъ. Даже прелатъ церкви иной разъ больше полагался на сильную руку профессіональнаго бойца, чѣмъ на свидѣтельства своихъ сосѣдей. Въ стѣнахъ городовъ, имѣвшихъ хартіи, люди чрезвычайно консервативно относились ко всему, что давало преимущество свободному горожанину на счетъ презираемаго пришельца. Лондонцы считали судъ присяжныхъ пригоднымъ для всѣхъ не-гражданъ, но граждане могли снять съ себя обвиненіе въ неуплатѣ долга или захватѣ земли путемъ присяги своихъ друзей. Судъ присяжныхъ не привился также и въ старыхъ общинныхъ судахъ. въ судахъ графствъ и сотенъ, гдѣ землевладѣльцы округа являлись постановителями приговора (doomsmen); тамъ судъ присяжныхъ созывался только по королевскому повелѣнію: эта одна изъ

причинъ, почему эти старые суды прозябали, приходили въ упадокъ и становились безполезными. Однако же еще до конца среднихъ вѣковъ, судъ присяжныхъ сталъ единственной формой суда для гражданскихъ дѣлъ. Еще въ 1824 г. находчивый тяжущійся, воспользовавшись оплошностью противника, являлся передъ королевскимъ судомъ, чтобы присягой, при помощи одинадцати соприсяжныхъ, снять съ себя обвиненіе въ долгѣ—по техническому выраженію «дать себѣ законъ», и только въ 1833 г. эта старинная процедура уничтожена статутомъ; но уже за долго до этого опытный истецъ могъ помѣшать своему противнику ускользнуть такимъ легкимъ образомъ.

Первоначальный судъ присяжныхъ.

Мы говорили о судѣ присяжныхъ. Этотъ терминъ естественно вызываетъ представленіе о двѣнадцати лицахъ, вызванныхъ на судъ, чтобы выслушать показанія свидѣтелей, постановить справедливый вердиктъ «согласно доказательствамъ», короче, они должны дѣйствовать въ качествѣ судей по вопросамъ о фактѣ, подлежащемъ разбирательству. Судъ присяжныхъ принимаетъ эту форму значительно позднѣе царствованія Генриха II. Раньше присяжные призывались не для выслушиванія показаній, а сами они давали показанія. Они свидѣтели. Они сосѣди тяжущихся сторонъ; предполагается, что раньше, чѣмъ явиться на судъ, они уже знаютъ о фактахъ, по поводу которыхъ должны дать показанія. Они избираются шерифомъ и являются представителями «окрестной мѣстности», страны,—а «окрестная мѣстность», страна, должна знать факты. Въ двѣнадцатомъ столѣтіи населеніе было рѣдко, люди дѣйствительно больше знали о поступкахъ своихъ сосѣдей, чѣмъ мы знаемъ теперь. Предполагалось, что всѣ юридическія сдѣлки должны происходить публично; передача земли происходила на открытомъ дворѣ, женѣ давалось приданое у церковныхъ дверей, человѣкъ, купившій потихоньку скотъ, подвергался большой и вѣрной опасности прослыть воромъ; судъ происходилъ въ деревнѣ каждыя три недѣли и на немъ обсуждались всѣ дѣла сельчанъ. Вердиктъ являлся свидѣтельствомъ, скрѣпленнымъ клятвой сельчанъ; если двѣнадцать присяжныхъ оказывались клятвопреступниками, вердиктомъ другаго состава присяжныхъ изъ двадцати четырехъ они могли быть отправлены въ тюрьму и объявлены безчестными навсегда. Съ теченіемъ времени, весьма медленно и постепенно—такъ постепенно, что мы почти не можемъ прослѣдить процесса измѣненія—судъ присяжныхъ отбросилъ старый и усвоилъ новый видъ. Иногда, въ томъ случаѣ, когда присяжные ничего не знали о фактахъ, призывались свидѣтели, чтобы дать требуемыя свѣдѣнія. По мѣрѣ осложненія человѣческихъ дѣлъ сосѣди, призываемые шерифомъ, все менѣе и менѣе могли выполнять свои прежнія обязанности, они находились все въ бо́льшей и бо́льшей зависимости отъ показаній, даваемыхъ въ ихъ присутствіи тѣми свидѣтелями, которыхъ вызывали тяжущіяся стороны. Въ пятнадцатомъ

столѣтіи произошло измѣненіе—хотя еще и въ позднѣйшее время, если человѣкъ призывался, какъ присяжный и желалъ отказаться на томъ основаніи, что онъ кое-что знаетъ о фактахъ, о которыхъ идетъ рѣчь, то отговорка его принималась за основаніе, чтобы именно его привлечь въ число присяжныхъ. Мы поэтому можемъ сказать, что хотя судъ присяжныхъ ведетъ начало отъ франкскаго слѣдствія, но онъ развился на англійской почвѣ; судъ присяжныхъ до недавнихъ временъ являлся отличительною чертою Англіи и Шотландіи; на континентѣ Европы всѣ другія формы юридическаго производства были вытѣснены той формой, которую канонисты и легисты создали на римскихъ основахъ.

Уголовное судопроизводство.

Намъ придется поговорить еще о ходѣ слѣдствія въ уголовныхъ дѣлахъ. Франкскіе короли пускали въ ходъ слѣдствіе для открытія преступленія. Подозрѣваете-ли вы кого-либо въ убійствѣ, грабежѣ, воровствѣ или въ чемъ либо подобномъ? Королевскіе чиновники предлагали этотъ вопросъ избраннымъ представителямъ каждой мѣстности; отвѣтъ давался подъ присягой и подозрѣваемыя лица предавались на «судъ Божій». Церковь заимствовала эту процедуру; епископъ открывалъ церковныя нарушенія, какъ король открывалъ преступленія. Весьма возможно, что эта особая форма слѣдствія проникла въ Англію за полстолѣтія до норманскаго завоеванія, но о ней мало слышно до временъ Генриха II. Онъ повелѣлъ примѣнять ее въ широкихъ размѣрахъ и въ постоянномъ обиходѣ, какъ судьямъ, посылаемымъ имъ въ графства, такъ и шерифамъ. Съ этого времени достаточно показанія подъ присягою присяжныхъ, являющихся представителями сотни, о томъ, что такой то подозрѣвается въ преступленіи, чтобы предать этого человѣка суду. Это называется «имѣть въ подозрѣніи» (indictment). Оно фигурируютъ на ряду съ прежнимъ обвиненіемъ—«аппеляціей» (appeal) обиженнаго лица, лица, у кого украдено имущество, или ближайшаго родственника убитаго. Пока это только обвиненіе; во времена Генриха II подозрѣваемое лицо прибѣгаетъ для оправданія къ раскаленному желѣзу или холодной водѣ; быть можетъ, Богъ за него, хотя люди противъ него. Уже проявляется нѣкоторое недовѣріе къ такъ называемому суду Божію; если обвиняемый выходитъ чистымъ изъ испытанія, онъ долженъ покинуть страну и даетъ клятву никогда не возвращаться. Наконецъ въ 1215 г. четвертымъ Латеранскимъ соборомъ запрещено духовенству принимать участіе въ этомъ суевѣрномъ обрядѣ. Съ тѣхъ поръ мы не слышимъ въ Англіи о судѣ Божіемъ, какъ объ юридической процедурѣ, хотя до позднѣйшихъ дней съ трудомъ исчезало народное повѣріе, что вѣдьмы выплываютъ на поверхность воды и не мало старухъ бросали въ прудъ. Судьи тринадцатаго столѣтія не могли ничѣмъ замѣнить суевѣрное испытаніе, котораго лишилъ ихъ просвѣщенный папа. Конечно, если подозрѣваемое лицо согла-

шалось принять приговоръ своихъ сосѣдей, каковъ бы онъ ни былъ, «положиться на свою страну»—т. е. окрестную мѣстность—тогда дѣло улаживается легко. Тѣмъ, кто указалъ на него, какъ на подозрѣваемое лицо, можетъ быть предложенъ вопросъ: виновенъ ли онъ или нѣтъ; если они скажутъ, что онъ виновенъ, его можно повѣсить, такъ какъ онъ согласился на судъ и долженъ терпѣть послѣдствія. Для правильности суда можно созвать другихъ присяжныхъ, не тѣхъ, которые объявили его въ подозрѣніи. Отсюда происхожденіе двухъ составовъ присяжныхъ, которые существуютъ въ наше время—большого «жюри», объявляющаго въ подозрѣніи, и малаго «жюри», которое судитъ. Предположимъ, онъ не дастъ согласія; тогда вовсе не очевидна необходимость считать показанія его сосѣдей имѣющими рѣшающее значеніе. До того времени онъ могъ обращаться къ суду Божію; можно ли лишить его этого древняго, естественнаго права? Нѣтъ, никто не можетъ быть судимъ судомъ присяжныхъ, кто не соглашается быть судимымъ таковымъ. Можно сдѣлать это такимъ образомъ — можно принудить его дать согласіе, можно морить его голодомъ, пока онъ не дастъ согласія, можно ускорить медленное дѣйствіе голодовки, положивъ его нагимъ на полъ темницы и наложивъ тяжести на грудь, пока онъ не заявитъ, что готовъ подчиниться вердикту своихъ сельчанъ. Такимъ образомъ мы доходимъ до педантской жестокости «peine forte et dure». Даже въ семнадцатомъ столѣтіи были люди, выносившіе агонію задавливанія на смерть, и не желавшіе произнести тѣ нѣсколько словъ, которыя подчиняли ихъ суду присяжныхъ. Ихъ стойкость имѣла основаніе. Если ихъ повѣсятъ, какъ преступниковъ, ихъ имущество будетъ конфисковано, дѣти останутся безъ гроша; иначе они покидали міръ, какъ упорные, но не осужденные. Все выше-изложенное—людей задавливали на смерть до 1772 г.—переноситъ насъ въ тѣ времена, когда Божій судъ казался прекраснымъ и естественнымъ способомъ обнаруженія виновности и невинности и когда судъ присяжныхъ являлся ново-изобрѣтеннымъ учрежденіемъ.

Подозрѣніе, indictment, имѣло мѣсто на ряду съ «аппеляціей»—древнимъ частнымъ обвиненіемъ. Собственникъ украденнаго имущества или родственникъ убитаго могъ вести тяжбу прежнимъ способомъ и предложить свою личность для испытанія вѣрности его показаній. Церковь не уничтожила и не могла уничтожить судебнаго поединка, хотя поединокъ являлся судомъ Божіемъ, никакого благословенія священникомъ орудія не требовалось. Постепенно въ тринадцатомъ столѣтіи обвиняемый пріобрѣтаетъ право отказываться отъ вызова истца и предавать себя суду присяжныхъ. Далѣе судьи покровительствуютъ объявленію въ подозрѣніи, «indictment» и всякими способами стараются избѣгать «аппеляціи» (appeal). Они требуютъ отъ истца мелочнаго соблюденія старинныхъ формальностей и объявляютъ недѣйстви-

тельнымъ его обвиненіе при малѣйшей оплошности. Все же въ средніе вѣка иногда упоминаютъ о поединкахъ въ уголовныхъ дѣлахъ. Въ отдѣльныхъ случаяхъ осужденный преступникъ могъ быть «оправданданнымъ» (approver) т. е. получалъ прощеніе на томъ условіи, что онъ избавитъ міръ, черезъ свои аппеляціи (appeals), отъ трехъ или четырехъ преступниковъ. Если ему не удастся выполнить это, его затѣмъ повѣсятъ. Тѣ, кто не роется въ старинѣ, давно уже перестали и вѣрить въ возможность существованія варварскаго обычая суда посредствомъ поединка, когда процессъ 1818 г. показалъ, что они недостаточно проникли въ мракъ консерватизма законовъ нашей страны. Нѣкто Марія Ашфордъ найдена утонувшей; нѣкій Абраамъ Торнтонъ привлеченъ къ суду по подозрѣнію въ убійствѣ ея; судъ присяжныхъ оправдалъ его. Вердиктъ не удовлетворилъ общественное мнѣніе, братъ убитой дѣвушки прибѣгнулъ къ «аппеляціи»: предшествующее оправданіе не могло служить отвѣтомъ на это обвиненіе. Торнтонъ объявилъ свою готовность защищать свою невинность своей личностью и бросилъ въ Вестминтерской Залѣ, какъ вызовъ на поединокъ, древнюю перчатку «безъ пальцевъ и большаго пальца, изъ бѣлой выдѣланной кожи, украшенной частой сѣткой и шелковой бахрамой, перекрещенной узкой полосой красной кожи, съ кожанными шнурами и застежками для застегиванія». Судьи употребили всѣ усилія, чтобы обнаружить какую либо оплошность въ его процедурѣ; но онъ былъ остороженъ и опытенъ, даже перчатка была по настоящему средневѣковому образцу. И такъ оставалось только признать его права, его нельзя было принудить подчиниться суду присяжныхъ, разъ онъ предпочиталъ поединокъ. Его противникъ не думалъ выходить на поединокъ и не поднялъ перчатку. Послѣ такого громкаго скандала Парламентъ зашевелился и въ 1819 г. закончилъ дѣло папы Иннокентія III и уничтожилъ послѣднюю форму суда Божія.

Процессъ Абраама Торнтона. 1818 г.

Если смотрѣть на средневѣковый судъ присяжныхъ, какъ на орудіе открытія истины и наказанія злодѣевъ, то онъ въ этомъ отношеніи представлялъ нѣчто весьма неудовлетворительное. Весьма часто вердиктъ суда основывался на догадкахъ, на сплетняхъ сельчанъ. Иногда человѣкъ отправлялся на висѣлицу не потому, что кто либо видѣлъ, какъ онъ совершалъ преступленіе, не потому, что вина его была доказана цѣлымъ рядомъ фактовъ, но потому только, что онъ извѣстенъ былъ какъ человѣкъ, отъ котораго можно ожидать убійства или грабежа. Только постепенно судьи стали настаивать, чтобы присяжные прислушивались къ показаніямъ свидѣтелей на гласномъ судѣ и полагались бы только на предъявленныя доказательства. Даже когда и этотъ шагъ былъ сдѣланъ, еще прошло много времени, пока оформленъ былъ современный законъ о показаніяхъ, много времени прошло еще, пока судьи изложили постановленія, «что слухъ не есть показательство», и показаніе, что заключенный могъ бы совершить

Дѣятельность суда присяжныхъ.

другія преступленія, не надо считатать доказательствомъ, что именно онъ и совершилъ то особое преступленіе, по поводу котораго онъ привлеченъ къ суду.

Мы не знаемъ, какъ бывало дѣло во времена суда Божіяго—о которомъ мы знаемъ весьма мало,— но въ позднѣйшіе времена среднихъ вѣковъ чаще случалось, что ускользали виновные, чѣмъ наказывались невинные. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній наше законодательство выработало извѣстное постановленіе, что судъ присяжныхъ не можетъ постановить вердиктъ иначе, какъ при единодушномъ согласіи двѣнадцати присяжныхъ. Получить единодушный обвинительный вердиктъ было не легко, если обвиняемый принадлежалъ къ хорошей фамиліи; всегда найдется одинъ изъ двѣнадцати сосѣдей, который постоитъ за его невинность. Помогали много и взятки; еще большее значеніе имѣло вліяніе владѣльца; шерифъ, котораго также можно было подкупить, имѣлъ свои симпатіи и антипатіи и отъ него зависѣло многое, такъ какъ онъ подбиралъ присяжныхъ. Легко намъ признавать неконституціоннымъ обычай, установившійся при Тюдорахъ и Стюартахъ, отвѣтственности присяжныхъ за ихъ вердикты передъ Королевскимъ Совѣтомъ; трудно сказать утвердительно, что судъ присяжныхъ безъ этой, нѣкоторымъ образомъ, неправильной мѣры могъ бы уцѣлѣть въ теченіи шестнадцатаго столѣтія. Затѣмъ, можно замѣтить, что если мы назовемъ судъ присяжныхъ въ средніе вѣка демократическимъ учрежденіемъ, то только въ средневѣковомъ смыслѣ этого слова. Присяжные были свободные владѣльцы (фригольдеры); большая же часть англійскаго народа не была свободными владѣльцами. Крестьянинъ, обвиняемый въ преступленіи, оправдывался или обвинялся по слову своихъ сосѣдей, но только такихъ, которые считали себя неизмѣримо выше его.

Если мы перенесемся въ тѣ времена, мы станемъ сожалѣть не столько о томъ, что посылались на висѣлицу люди, вина которыхъ далеко не была доказана, сколько о томъ, что многіе, вина которыхъ была слишкомъ очевидна, избѣгали правосудія. Возьмемъ документъ, куда внесены показанія присяжныхъ. Вездѣ мы встрѣчаемъ одно и тоже повѣствованіе:

«Злоумышленники ворвались ночью въ домъ такого-то, въ такомъ-то мѣстѣ; они убили его, его жену и его сыновей, и его дочерей, и ограбили домъ; мы не знаемъ, кто они; мы не подозрѣваемъ никого». Организація, существовавшая въ то время, была совершенно недѣйствительна для обнаруженія грабителей. Каждый порядочный и полноправный человѣкъ долженъ былъ явиться на зовъ и крикъ, и сельскій староста, а позднѣе сельскій городовой, долженъ стать во главѣ импровизированной и необученной полиціи. Внѣ стѣнъ городовъ не было правильнаго плана надзора или стражи, не было никого, въ чьи обязанности входило бы слѣдить за людьми съ подозрительными при-

вычками и собирать нити доказательствъ въ явную улику. Сосѣди, выслѣдивъ слѣдъ украденнаго скота въ границѣ графства, способны были вернуться къ своему плугу и сказать: «Пусть себѣ народъ Глочестершира разыскиваетъ негодяевъ Глочестершира». Имъ придется платить пеню и штрафъ, когда сюда явятся судьи, за неисполненіе ихъ обязанностей, потому что на нихъ донесутъ шерифъ или коронеръ, или кто либо другой,—а пока имъ надо убирать сѣно, погода стоитъ дождливая. Даже, если присяжные знаютъ имя преступника, является десять шансовъ противъ одного, что преступникъ не будетъ пойманъ. Его можно объявить только внѣ закона. На четырехъ послѣдовательныхъ судахъ графства—судъ графства происходилъ каждый мѣсяцъ—объявлялось о немедленной «явкѣ его по королевскому повелѣнію» и на пятомъ судѣ онъ объявлялся внѣ закона. Когда послѣ того его поймаютъ, тогда, если ему не удастся заручиться помилованіемъ отъ короля, онъ осуждается на смерть безъ всякаго разслѣдованія его вины или невиновности; разъ доказано, что онъ былъ внѣ закона, смертная казнь является неизбѣжнымъ слѣдствіемъ. Древній законъ былъ еще строже: убить человѣка, объявленнаго внѣ закона, было не только правомъ, но и обязанностью всякаго полноправнаго человѣка и даже въ половинѣ тринадцатаго столѣтія этотъ обычай входитъ въ обычное право въ болотахъ Валлиса. Человѣкъ внѣ закона далеко не тотъ герой, котораго мы видимъ на сценѣ; если онъ и его люди были дѣйствительно «веселы» въ зеленыхъ лѣсахъ, то они были веселы при другихъ болѣе почетныхъ обстоятельствахъ. Несомнѣнно, что даже и въ тѣ времена, когда существовали люди внѣ закона, они возбуждали нѣкоторую романтическую симпатію. Вытекало это также и изъ грубой суровости лѣсныхъ законовъ, по которымъ самымъ нелѣпымъ образомъ строго наказывались малѣйшія нарушенія, за нимъ налагались наказанія, которыя были бы умѣстны за худшія преступленія.

Худшія преступленія были не рѣдки. Изрѣдка король и народъ тревожились, и тревожились не безъ причины; усиливались убійства и грабежи. Обнародывалось новое повелѣніе, давались новыя инструкціи судьямъ, шерифы проявляли дѣятельность, присяжные торопились обвинять; многихъ вѣшали, быть можетъ очень неразборчиво. Паника проходила и правосудіе снова усвоивало свои лѣнивыя привычки. Въ теченіи всѣхъ среднихъ вѣковъ жизнь была крайне не обезпечена; бывало много ночныхъ грабежей, и по малѣйшему поводу англичанинъ могъ заколоть ножемъ, который всегда носилъ при себѣ.

Право убѣжища.

Церковь не улучшила положеніе дѣлъ, освящая мѣста и лицъ. Въ первобытныя времена, во время кровавыхъ раздоровъ, когда наказаніе и месть были почти одно и тоже, быть можетъ, было и хорошо, что бывали святыя убѣжища, куда человѣкъ могъ скрыться, когда мститель слѣдовалъ по его пятамъ—мѣста, гдѣ проливать кровь

считалось святотатствомъ. Являлась возможность примиренія. Епископъ или священникъ не выдавали бѣглеца, который запыхавшись лежалъ у подножія алтаря, пока не устанавливались извѣстныя условія между нимъ и его преслѣдователями. Въ позднѣйшее же время, когда государство стремилось наказывать проступниковъ, и наказаніе слѣдовало только послѣ суда, убѣжища являлись зломъ. Законъ гласилъ: «Если преступникъ войдетъ въ церковь, онъ въ безопасности, сосѣди, преслѣдовавшіе его, должны окружить церковь, помѣшать его побѣгу и послать за коронеромъ». Иногда они располагались вокругъ церкви на нѣсколько дней. Наконецъ коронеръ являлся и вступалъ въ переговоры съ бѣглецомъ. Если онъ сознавался въ своемъ преступленіи, онъ «могъ» отречься отъ королевства, т. е. поклясться покинуть Англію черезъ нѣсколько дней (ему давалось столько дней, во сколько можно было достичь ближайшаго морскаго порта) и никогда не возвращаться. Если онъ отклонится отъ прямой дороги, ведущей въ портъ, или вернется снова въ королевство, онъ сейчасъ же можетъ быть осужденъ на смерть. Подобное укрывательство въ церкви, сознаніе въ своемъ преступленіи и отреченіе отъ королевства, было повседневнымъ явленіемъ и не мало злодѣевъ отправлялись грабить нашихъ сосѣдей во Франціи и Фландріи. Если человѣкъ, укрывшійся въ убѣжищѣ, не сознается въ преступленіи, не подчинится суду, государство ничего не можетъ сдѣлать противъ него. Государство старалось внушить духовенству обязанность голодомъ принудить укрывшагося къ покорности; но духовенство недружелюбно относилось къ вмѣшательству въ церковныя дѣла. Элементъ произвола вносился въ отправленіе правосудія. Сильный, ловкій, предусмотрительный убійца избѣгалъ висѣлицы. Въ особенности въ городахъ, за исключеніемъ какой либо особой неудачи, ему всегда удавалось укрыться отъ поимки въ одной изъ многочисленныхъ церквей. Съ другой стороны человѣка, не замышлявшаго преступленія, могли повѣсить.

„Привилегія духовенства".

Затѣмъ духовенство поставлено было внѣ уголовнаго закона. Если клерикъ духовнаго ордена совершалъ преступленіе, его не могли судить свѣтскимъ судомъ, таковъ былъ законъ тринадцатаго столѣтія. Его могли обвинять на судѣ, судьи могли спросить присяжныхъ: «виновенъ онъ или нѣтъ»; но даже если они нашли его виновнымъ, судъ не былъ дѣйствительнымъ. По требованію епископа—а епископы ввели такія требованія въ обычай—его предавали церковному суду. Судъ этотъ былъ уполномоченъ налагать тяжелыя наказанія. Онъ не могъ проливать кровь, но могъ пожизненно заключить въ тюрьму, и кромѣ того клерика могли опозорить лишеніемъ его сана. Въ большинствѣ случаевъ, однако, наказаніемъ было только опозореніе. Мало того, уголовное церковное судопроизводство въ Англіи сохраняло нелѣпыя старинныя формы и было неудовлетворительно. Судъ вводилъ

клятвенное свидѣтельство (compurgation). Если обвиняемый клерикъ могъ поставить одинадцать или двѣнадцать друзей своего званія, которые поклянутся въ его невинности, его оправдывали; онъ могъ продолжать преступную дѣятельность. Церковь и государство оба были виноваты въ такомъ печальномъ положеніи вещей. Церковь не желала ни на іоту поступиться притязаніями, скрѣпленными кровію св. Ѳомы; свѣтскіе суды не допускали епископовъ творить уголовное правосудіе настоящимъ образомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что худшіе преступники,—люди признанные виновными судомъ присяжныхъ въ грубыхъ убійствахъ и грабежахъ —избѣгали правосудія, потому что носили отпечатокъ профессіональной святости. Слѣдуетъ принять во вниманіе, что изъятіе распространялось, помимо епископовъ, священниковъ и діаконовъ, и на громадную массу людей «низшгао разряда». Они вовсе не исполняли церковныхъ обязанностей; они были женаты; они вели такой же образъ жизни, какъ и свѣтскіе люди, но они находились внѣ уголовнаго закона. «Привилегія духовенства» была однимъ изъ худшихъ золъ среднихъ вѣковъ. Королевскіе судьи всегда недолюбливавшіе эту привилегію. свели ее, наконецъ, къ нелогичной нелѣпости. Они не трудились требовать доказательствъ о духовномъ званіи заключеннаго. Достаточно было, если онъ могъ прочесть строку изъ книги; говорятъ даже, что давался одинъ и тотъ же стихъ псалмовъ каждому заключенному и даже безграмотный человѣкъ могъ избавиться отъ суда, прочтя наизусть спасительныя слова. Уголовный законъ былъ первобытенъ и грубъ, иной разъ жестокъ: онъ часто пускалъ въ дѣло висѣлицу; онъ наказывалъ смертью воровство за такія суммы, которыя, благодаря паденію цѣнности денегъ, оказывались ничтожными. Жестокость все же въ такихъ случаяхъ лучше произвола, а «привилегія духовенства» придавала закону произвольный характеръ, не придавъ мягкости.

Норманскіе способы веденія войны.

С. Омана.

При Гастингсѣ произошла послѣдняя проба древней военной системы англичанъ. Тамъ выступили гаускёрлы (дружинники) короля Гарольда, за ними отряды тегновъ южной Англіи и безпорядочныя массы «файрда» (ополченія) графствъ; они столкнулись на склонахъ Сенлака съ совершенно инымъ врагомъ, какой появлялся когда либо къ сѣверу отъ канала. Когда датчане сражались съ англичанами, битва происходила между сомкнутыми отрядами пѣшихъ солдатъ, они сходились лицомъ къ лицу колоннами, воины строились въ колонну бокъ объ бокъ,

образуя стѣну щитовъ и рубили другъ друга черезъ щиты, («wall of war-lindens») пока одна сторона брала верхъ надъ другою.

Норманы герцога Вильгельма обучились у своихъ франкскихъ сосѣдей сражаться по новому способу, который вытѣснилъ въ десятомъ столѣтіи на континентѣ способъ войны древнихъ племенныхъ отрядовъ. Въ то время, какъ англо-датчане Гарольда стояли пѣшіе, сомкнувшись плечомъ къ плечу, подобно своимъ предкамъ, сражавшимся подъ предводительствомъ Альфреда и Гутрума, норманы и наемные французы Вильгельма выступали тройнымъ рядомъ, вооруженные различнымъ образомъ. Въ первомъ ряду были стрѣлки, затѣмъ шелъ рядъ тяжело-вооруженныхъ пѣшихъ, вооруженныхъ еще по древнему обычаю, а затѣмъ шли большіе отряды всадниковъ въ кольчугахъ, противъ которыхъ англичане не могли никого выставить. За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ графъ Ральфъ Герефордскій пробовалъ обучить англійскіе отряды тегновъ искусству сражаться на коняхъ; тегны относились къ этому недружелюбно. Когда графъ повелъ ихъ противъ валлійцевъ, онъ потерпѣлъ неудачу; неудача всѣми была приписана тому что «Anglos contra morem in equos pugnare jussit». Если бы опытъ оказался удачнымъ, быть можетъ битва при Гастингсѣ окончилась бы иначе.

Конница. Вильгельмъ Незаконнорожденный прекрасно зналъ, какъ сражаться съ англійскимъ войскомъ, вооруженнымъ на старинный ладъ. Его стрѣлки, безъ конницы, могли бы быть оттѣснены съ поля сраженія однимъ натискомъ; его конница, безъ поддержки стрѣлковъ, могла разбиться о непроницаемую стѣну щитовъ англичанъ. Когда же онъ съ необычайной ловкостью соединилъ два войска, онъ одержалъ блистательную побѣду. Англичане не могли устоять подъ смертоноснымъ градомъ норманскихъ стрѣлъ. Недисциплированныя массы файрда, долгое время стойко вынося градъ стрѣлъ, бросились съ высотъ, чтобы уничтожить стрѣлковъ, такъ терзавшихъ ихъ. Тогда непроницаемая стѣна щитовъ прорвалась, Вильгельмъ устремилъ всадниковъ въ промежутки, и неустрашимые гаускёрлы Гарольда, хотя они храбро сражались до послѣдняго человѣка, были медленно изрублены.

И такъ Гарольдъ, сынъ Годвина, лежалъ
Хладнымъ трупомъ на изломанномъ знамени,
На упитанномъ кровью холмѣ Суссекса.
И надъ Секлакскомъ полемъ битвы
Кружился откормленный сѣро-клювый воронъ.

Норманское завоеваніе произвело полный переворотъ въ военной организаціи Англіи—на ново преобразованы: система собиранія войска, тактика войска и оружіе, употребляемое имъ. Въ теченіи послѣдующихъ двухсотъ пятидесяти лѣтъ феодальный всадникъ въ кольчугѣ составлялъ главную силу въ войскѣ. Англо-норманскіе короли при

надобности продолжали созывать файрдъ, но никогда не полагались на него, какъ на главную силу войска, пѣхота заняла второстепенное мѣсто на полѣ сраженія. Дѣйствительно, важнымъ элементомъ войска Вильгельма стали тѣ конные дружинники норманскихъ рыцарей и графовъ, которымъ Вильгельмъ роздалъ земли англичанъ, на условіи военной службы. Норманскіе всадники, одѣтые въ длинную кольчугу и въ остроконечный шлемъ съ забраломъ, вооруженные датскимъ щитомъ, въ видѣ бумажнаго змѣя и пускавшіе, какъ главное оружіе, въ ходъ копье, были цвѣтомъ рыцарства Европы; они выказали себя таковыми не только на почвѣ Англіи, но и въ дальнихъ сраженіяхъ, какъ напр. при Чивителлѣ, Дураццо или Антіохіи.

Норманскіе замки.

Норманы, помимо введенія конницы, какъ главной силы, развили до безпримѣрнаго до этого времени значенія постройку замковъ и крѣпостей. Саксонцы и датчане довольствовались тѣмъ, что окружали себя рвомъ и палисадомъ, за исключеніемъ развѣ тѣхъ случаевъ (какъ въ Лондонѣ или Честерѣ) когда имъ удавалось исправить римскую городскую стѣну и воспользоваться ею. Норманы начали новую эру военныхъ построекъ, какъ начали они ее въ церковныхъ постройкахъ. Завоеванная Англія охранялась дюжинами замковъ, квадратными укрѣпленіями изъ стѣнъ громадной толщины, сложенныхъ изъ крѣпкаго камня; эти укрѣпленія должны были сами постоять за себя и часто не окружались внѣшними укрѣпленіями. Англичане, во время своихъ мятежей, никогда не могли взять ни одного изъ новыхъ замковъ, и даже норманскіе короли съ трудомъ овладѣвали замкомъ возмутившагося вассала. Въ одиннадцатомъ столѣтіи искусство защиты совершенно превзошло искусство нападенія; орудія осады были немногочисленны и первобытны; подрыть уголъ замка, или попытаться поджечь замокъ—вотъ все, что могъ сдѣлать осаждающій. Самый вѣрный способъ принудить къ сдачѣ былъ голодъ; за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда владѣлецъ замка бывалъ застигнутъ въ расплохъ и не запасся провизіей, замокъ выдерживалъ голодовку нѣсколько мѣсяцевъ.

Въ теченіи двухъ столѣтій, когда феодальная конница преобладала въ Англіи, произошло болѣе замѣчательныхъ осадъ, чѣмъ сраженій въ открытомъ полѣ. Для слабой стороны было гораздо выгоднѣе защищаться за крѣпкими стѣнами, чѣмъ пытать счастья въ битвѣ, такъ что походы представляли рядъ удачныхъ или неудачныхъ осадъ. Во время войны Вильгельма Рыжаго съ мятежными вассалами, борьбы Генриха I съ Робертомъ Бэлесмомъ, долгой схватки Стефана съ королевой Матильдой (или Модъ), осады насчитывались дюжинами; были только двѣ настоящія важныя битвы, битва Знаменъ, въ 1138 г., и при Линкольнѣ, въ 1141 г. Битва при Танибре и Бремуль, два сраженія Генриха I на континентѣ, были простыми схватками конницы. Подробности битвы при Линкольнѣ доказываютъ важное значеніе

конницы. Король сосредоточилъ пѣхоту въ центрѣ, а конницу расположилъ на флангахъ; графы Честерскій и Глочестерскій, его противники, въ главномъ ряду имѣли три отряда конницы, а по бокамъ окружены были легкими валлійскими пѣхотинцами. Битва закончилась тѣмъ, что королевская конница была вытѣснена съ поля сраженія конницей бароновъ, въ тоже время масса пѣхотинцевъ въ центрѣ, гдѣ былъ самъ Стефанъ, окружена была и постепенно разбита нападеніями побѣдоносной конницы двухъ графовъ.

Битва Знаменъ (1138 г.) отличалась отъ схватокъ того времени тѣмъ, что сражалась главнымъ образомъ пѣхота. Войско Давида Шотландскаго состояло изъ дикихъ племенныхъ отрядовъ горной Шотландіи и гальвегскихъ пѣхотинцевъ, было всего только двѣсти рыцарей въ кольчугахъ, составлявшихъ свиту короля. Англійское, враждебное войско состояло изъ файрда Іокшира, съ сравнительно незначительнымъ отрядомъ феодальной конницы въ тылу его. Сраженіе состояло изъ ряда нападеній недисциплированныхъ скотовъ на ровный фронтъ копій и сѣкиръ, которыми вооружены были іоркширцы. Стрѣлки главнымъ образомъ рѣшили сраженіе въ этотъ день; англичане—впервые по словамъ лѣтописи—вывели на полѣ сраженія стрѣлковъ изъ лука, у скотовъ же ихъ не было. Въ этотъ день произошло единственное нападеніе конницы, когда принцъ Генрихъ Шотландскій прикрывалъ отступленіе остатка отцовской арміи отчаянной и неудачной аттакой съ своимъ маленькимъ эскадрономъ изъ двухсотъ рыцарей, «изъ которыхъ только восемь благополучно вернулись въ Шотландію».

Арбалетъ.

Со временъ Стефана до Эдуарда I мало приходится сообщать о какихъ-либо измѣненіяхъ въ тактикѣ англійскихъ войскъ. Главной силой была попрежнему конница, пѣхота имѣла второстепенное значеніе. Ричардъ I, величайшій солдатъ своего времени, оставилъ память въ военныхъ лѣтописяхъ введеніемъ арбалета и систематической постройкой замковъ. То, что арбалетъ сталъ главнымъ и важнымъ орудіемъ, указываетъ, какъ мало развито было еще въ Англіи искусство стрѣльбы изъ лука; лукъ пребывалъ въ примитивномъ состояніи и по военнымъ ассизамъ Генриха II (1181 г.) никто изъ подданныхъ государства не долженъ былъ являться на войну съ лукомъ и стрѣлами; фермеры (yeomen), въ послѣдующія поколѣнія образовавшіе отряды непобѣдимыхъ англійскихъ стрѣлковъ, должны были являться вооруженные *hawberk* и копьемъ. Арбалетъ находился преимущественно у чужеземныхъ наемниковъ: Ричардъ и Іоаннъ содержали отряды наемныхъ континентальныхъ стрѣлковъ; вторая битва при Линкольнѣ (въ 1215 г.) исключительно выиграна благодаря усиленной стрѣльбѣ наемныхъ стрѣлковъ изъ арбалета Фаука Бреоте, французскаго предводителя авантюристовъ на службѣ у Іоанна.

Во второй половинѣ двѣнадцатаго столѣтія замѣчается одно инте-

ресное явленіе, которое слѣдуетъ отмѣтить. Короли, какъ Генрихъ II и Ричардъ I. затѣвавшіе продолжительныя войны вдали отъ родины, ощущали важное неудобство. отличавшее то войско, которымъ они предводительствовали. Феодальной войско можно было удерживать на войнѣ весьма недолго; оно было необучено, недисциплинировано. безпорядочно. Оно не терпѣло долгой службы далеко отъ родины. Тогда короли принуждены были прибѣгнуть къ употребленію большихъ отрядовъ наемниковъ, которые оставались на войнѣ сколько угодно времени и служили пока имъ платили. Генрихъ II предложилъ англійскимъ баронамъ и рыцарямъ налогъ на щиты (*scutage*), въ силу котораго всякій могъ отказаться отъ личной службы королю, внеся опредѣленную сумму за каждый щитъ, который онъ по феодальному порядку долженъ былъ поставить въ войско. Предложеніе было принято съ радостью и на будущее время король набиралъ для войнъ въ отдаленныхъ странахъ большіе отряды наемниковъ и выплачивалъ изъ суммъ, составлявшихся съ налога на щиты. Для ближайшихъ походовъ. противъ валлійцевъ, или скотовъ, или мѣстныхъ мятежниковъ, все еще употреблялись феодальное ополченіе и національный файрдъ. Напримѣръ, главнымъ образомъ мѣстное ополченіе разбило наемниковъ графа Лейчестерскаго при Форнгамѣ въ 1174 г. и отняло Бедфордъ у мятежнаго Фаука де Бреоте въ 1224 г.

Профессіональные солдаты.

Въ то время, когда искусство веденія войны на открытомъ полѣ все еще находилось почти въ застоѣ, усовершенствованія въ искусствѣ укрѣпленія не переставали прогрессировать. Древній норманскій замокъ, съ своей квадратной и массивной башней, въ двѣнадцатомъ столѣтіи окружался внѣшними укрѣпленіями, становившимися все болѣе и болѣе сложными. Прежде всего къ башнѣ прибавлены наружныя стѣны, затѣмъ эти наружныя стѣны укрѣплены башнями, внутри ограды помѣщались еще башни, чтобы производить перекрестный огонь съ фланга во время нападенія на длинномъ протяженіи «*curtain*» [1]). Бойницы и выдающіяся галлереи (brattices), возвышавшіяся выступами надъ стѣной, чтобы дать возможность гарнизону лучше обозрѣвать ровъ и подножье стѣнъ, чѣмъ это возможно было съ самого вала. Наконецъ прекрасно-построенный замокъ, какъ образцовый замокъ Гайляръ Ричарда I, являлся комбинаціей весьма сложныхъ укрѣпленій, съ нѣсколькими рядами оборонъ, которыми можно было послѣдовательно пользоваться, когда осаждающіе пробьются черезъ наружную стѣну. Въ то же время въ искусствѣ нападенія, хотя орудія осады, какъ то тараны, всевозможные метательные снаряды увеличились въ количествѣ и улучшились по силѣ дѣйствія, не были еще приспособлены считаться съ новыми препятствіями, воздвигав-

Способъ защиты.

[1]) *Curtain* называлась часть вала между флангами двухъ бастіоновъ. *Прим. пер.*

шимися усовершенствованными укрѣпленіями. Осады тянулись мѣсяцъ за мѣсяцомъ, голодовка являлась все же наиболѣе вѣрнымъ средствомъ нападенія. Настойчивый предводитель сооружалъ рядъ окоповъ вокругъ стѣнъ замка врага и предоставлялъ голоду совершать свое дѣло. Единственнымъ способомъ покончить скорѣе съ затянувшейся, но безнадежной обороной, являлась угроза повѣсить весь гарнизонъ, если онъ будетъ продолжать защищаться, когда уже нѣтъ надежды ни на какую помощь—угроза иногда приводилась въ исполненіе,— такъ напр. такую угрозу привелъ въ исполненіе въ 1224 г. Губертъ де Бургъ въ Бедфордѣ.

Норманскій флотъ. 1066—1087 г.

Л. Клоуэса (W. Laird Clowes).

О флотѣ, доставившемъ Вильгельма и его войско въ Англію, извѣстно очень мало. Современные хроникеры не обладали спеціальными морскими познаніями и сообщенія ихъ значительно различаются одно отъ другаго. Одинъ историкъ сообщаетъ, что число кораблей доходило до четырехсотъ, каждый корабль былъ снабженъ большой мачтой и парусомъ, и что было тысяча транспортныхъ лодокъ; другой пишетъ, что было три тысячи судовъ, снабженныхъ парусомъ; третій повѣствуетъ, что было девятсотъ семь большихъ кораблей; Вильгельмъ Пуату говоритъ, что хотя Агамемнонъ съ тысячью кораблями завоевалъ Трою, Вильгельму понадобилось больше кораблей, чтобы завоевать Англію. Мы не знаемъ также ничего опредѣленнаго о размѣрѣ и типѣ употребленныхъ въ дѣло кораблей. Главнымъ источникомъ свѣдѣній являются вышитыя работы въ Байё. Неизвѣстно, принадлежитъ ли этотъ интересный образчикъ вышиванія королевѣ Матильдѣ, женѣ Вильгельма, или императрицѣ Матильдѣ, внучкѣ Завоевателя; несомнѣнно, что это труды рукъ одной изъ дамъ, принадлежавшихъ къ норманскому двору. Женщины благороднаго происхожденія, казалось, никогда не обладали такими скудными свѣдѣніями по части кораблей и морской жизни, какъ тогда. Трудно ждать отъ нихъ поэтому, чтобы онѣ могли оцѣнить важность блока, значеніе каната и силу законовъ, отъ которыхъ зависитъ устойчивость корабля и его пригодность къ мореплаванію. Трудно предполагать, чтобы вышивальщицы оставили точный и вѣрный снимокъ въ подробностяхъ тѣхъ кораблей, которые онѣ видѣли и на которыхъ путешествовали. Дѣйствительно, вышиваніе имѣетъ особое свойство; въ немъ пренебрегаютъ точностью, а стремятся получить только общій эффектъ. Напримѣръ, на этой вышивкѣ собственный

корабль Вильгельма изображенъ съ кормою, изукрашенной изображеніемъ мальчика, который играетъ въ рогъ и держитъ въ лѣвой рукѣ хоругвь, на носу корабля, какъ главная фигура, находится голова льва; въ современномъ же тогдашнемъ манускриптѣ Бодлеіанской библіотеки сообщается, что на носу корабля «*Mora*» Матильда, которая велѣла построить корабль, приказала изобразить золотаго мальчика, правымъ указательнымъ пальцемъ мальчикъ указывалъ на Англію, а лѣвой прижималъ къ губамъ рогъ изъ слоновой кости; Уэсъ подтверждаетъ это показаніе.

Корабли того времени не были велики; весьма немногіе изъ нихъ, а быть можетъ и ни одинъ, могли выдерживать грузъ около тридцати тонъ. Корабли строились такъ, что край верхней доски накладывался на край нижней, ихъ строили на берегу и спускали носами впередъ. Носъ и корма возвышались, и на большихъ кораблях имѣли какое-либо украшеніе. Никогда не бывало больше одной мачты, она возвышалась по срединѣ корабля и была наклонена впередъ. Была всегда одна рея и одинъ парусъ, часто разноцвѣтный и изукрашенный рисунками. На мачтѣ не было ни клотика, ни брейдъ-вымпела, они бывали только на главномъ кораблѣ эскадры или флота. На вышивкѣ на мачтѣ «Мога» изображено квадратное бѣлое знамя съ золотымъ прямымъ крестомъ, окруженнымъ голубой каймой, на верху же возвышается золотой крестъ. Уэсъ описываетъ мачту, украшенную фонаремъ и позолоченный мѣдный брейдъ-вымпелъ. Рулевой сидѣлъ на кормѣ, въ лѣвой рукѣ у него былъ канатъ, въ правой—рулевой шестъ—*clavus*. Врядъ ли на самомъ большомъ кораблѣ бывало больше сорока или пятидесяти человѣкъ. Борта всѣхъ кораблей были низки, безъ сомнѣнія, чтобы сдѣлать ихъ выше и защитить себя отъ брызгъ волнъ, солдаты, находившіеся на кораблѣ, складывали щиты у борта. Нѣтъ свѣдѣній о томъ, чтобы хоть одинъ корабль Вильгельма былъ снабженъ палубою, въ дурную погоду корабли эти были опасны и весьма неудобны. Экспедиція еще не тронулась въ путь, корабли стояли у Сенъ-Валери-ан-Ко, (Saint-Valery-en-Caux), когда нѣсколько кораблей на якоряхъ пошли ко дну; такъ какъ флотъ сильно мѣшкалъ отплытіемъ, то удивительно, что не было больше подобныхъ случаевъ. Интересно обратить вниманіе на то, что корабли тщательно раскрашивались, обыкновенно разноцвѣтными горизонтальными полосами. Слѣдуетъ предположить, что постройка ихъ не обходилась очень дорого, такъ какъ Вильгельмъ, высадившись въ Певенсей, уничтожилъ всю свою флотилію; если бы трудно было бы вновь построить такую же, врядъ ли бы уничтожилъ онъ ее съ цѣлью убѣдить своихъ дружинниковъ, что для нихъ обратный путь отрѣзанъ.

Единственными приспособленіями на норманскомъ кораблѣ, повидимому, были мачта и снасти, парусъ, весла, шестъ-*clavus*, канатъ и

якорь, который находился на кораблѣ и спускался, какъ и теперь, съ корабельнаго носа. На нѣкоторыхъ корабляхъ Вильгельма находились лошади—въ количествѣ отъ трехъ до восьми—и люди; но нѣтъ и признаковъ какихъ-либо приспособленій для удобства животныхъ; на вышивкѣ изображена высадка животныхъ на берегъ очень простымъ способомъ; ихъ спускали за бортъ и предоставляли идти въ бродъ или плыть къ берегу. Мы не знаемъ какимъ образомъ реи соединялись съ мачтою, не можемъ также сказать употреблялись ли въ ходъ блоки. Норманцамъ блоки были извѣстны, они употребляли ихъ при спускѣ кораблей, при ихъ сооруженіи и постройкѣ.

Экипажи военныхъ кораблей того времени составлялись изъ различныхъ элементовъ. Туда входило мало настоящихъ матросовъ; большинство экипажа составлялось изъ солдатъ и значительнаго числа искателей приключеній, мошенниковъ, разбойниковъ. Дисциплина и въ Англіи и въ Нормандіи была слабая. Гарольдъ передъ самымъ завоеваніемъ не могъ выставить своихъ кораблей, такъ какъ экипажъ ушелъ, и начальники кораблей не могли поэтому встрѣтить Вильгельма на морѣ. Вильгельму также очень трудно было собрать и удержать при себѣ войско. Онъ подкупалъ своихъ вельможъ и духовенство, чтобы заручиться ихъ поддержкою, онъ обѣщалъ имъ деньги, земли или рабовъ. Въ видѣ поощренія онъ обѣщалъ Реми, священнику Фекампа, епископство въ Англіи, въ обмѣнъ за корабль и десятка два вооруженныхъ людей; когда его дружинники впадали въ уныніе и теряли бодрость, Вильгельмъ оживлялъ ихъ напоминаніемъ о томъ высокомъ одобреніи, съ которымъ Церковь относится къ ихъ предпріятію, а также поддерживалъ въ нихъ храбрость крѣпкими напитками. Профессіональныхъ моряковъ по всѣмъ вѣроятіямъ было мало, чтобы снабдить экипажемъ весь флотъ. Въ политику норманновъ никогда не входила поддержка торговаго флота; а гдѣ нѣтъ торговаго флота, тамъ и нѣтъ моряковъ. Повидимому и среди норманновъ былъ небольшой классъ людей, дѣлавшій профессію изъ морской службы и потомки ихъ становились также моряками. Стефанъ Фитцъ-Эрардъ, капитанъ «Мога», очевидно принадлежалъ къ этому классу; Ѳома, его сынъ или внукъ, въ 1120 г. былъ капитаномъ на «Blanche»—«Бѣломъ кораблѣ», когда произошло несчастное событіе: Вильгельмъ, сынъ Генриха I, и много его друзей и родственниковъ потонули въ скалахъ Катевильскаго прохода.

Флотъ Гарольда.

Въ Англіи, наоборотъ, торговля поощрялась и удивительно процвѣтала. Считалось честью, а не позоромъ, какъ въ Нормандіи, быть купцомъ; умѣлый купецъ, который совершилъ три плаванія на своемъ кораблѣ, получалъ въ силу этого право на титулъ тана. Рѣка Темза всегда занята была англійскими и иностранными кораблями; пошлины доставляли крупныя суммы. Конечно торговый флотъ при Эдуардѣ Исповѣдникѣ и Гарольдѣ не могъ быть значителенъ; нѣтъ сомнѣнія,

что существовалъ и военный флотъ. Военный флотъ существовалъ дѣйствительно со временъ Этельреда. Его даже собирали ежегодно для маневровъ вскорѣ послѣ Пасхи. Мы не знаемъ собственно, какимъ образомъ набирался флотъ и оплачивался; вѣрно то, что главную часть флота поставляли и снабжали экипажемъ главные морскіе порты: Дувръ и Сандвичъ, а быть можетъ и всѣ порты, извѣстные позднѣе подъ именемъ Пяти Портовъ, и другія гавани, задолго до завоеванія, обязаны были разъ въ каждомъ году поставлять королю на пятнадцать дней двадцать кораблей, на каждомъ кораблѣ экипажъ состоялъ изъ двадцати одного человѣка. Нѣкоторые внутренніе города поставляли людей, деньги и платили натурой. Отъ времени до времени происходилъ особый наборъ для снабженія экипажемъ кораблей, существовалъ постоянный налогъ подъ именемъ «Danegeld»—датскихъ денегъ—и, хотя нѣкоторые полагаютъ, что деньги эти шли на подкупъ датскихъ грабителей, вѣрнѣе то предположеніе, что они составляли фондъ для устройства національной морской защиты. И такъ въ Англіи были опытные моряки и почтенный флотъ, когда Вильгельмъ двинулся въ экспедицію; если бы люди Гарольда не толковали буквально законъ, въ силу котораго послѣ годичной службы они могли возвращаться домой ко дню Рождества Пресвятой Богородицы, мы можемъ полагать по всѣмъ признакамъ, что Вильгельмъ, отплывшій въ путь на три недѣли позднѣе, былъ бы разбитъ на морѣ. Въ виду очевидной опасности, грозящей королевству, люди вѣроятно остались бы; многіе изъ нихъ немедленно присоединились къ Гарольду, послѣ высадки Вильгельма. Они присоединились слишкомъ поздно, чтобы оказать дѣйствительную помощь; Годвинъ и Эдмундъ, сыновья Гарольда, стали во главѣ флота и отправились въ Ирландію, гдѣ уже нѣсколько лѣтъ они производили рядъ полу-пиратскихъ набѣговъ на берегъ Западной Англіи; но эти набѣги произвели подобное же дѣйствіе, какъ и набѣги Принца Руперта противъ Республики почти шестьсотъ лѣтъ спустя; корабли принцевъ только безполезно погибли одинъ за другимъ. И такъ Англія на время осталась безъ военнаго флота; она являлась такой безпомощной на морѣ, три или четыре года спустя послѣ того, какъ Вильгельмъ уничтожилъ свой флотъ, что 1070 г. Завоеватель принужденъ былъ подкупить датчанъ, четыре мѣсяца безпрепятственно пребывавшихъ въ Гумберѣ, и воспользовался ихъ кораблями, чтобы опустошить и разграбить страну отъ Іорка до Элп. Какъ только Вильгельмъ водворился въ странѣ, онъ сейчасъ же возстановилъ флотъ. Уже въ 1071 г. онъ могъ на морѣ сражаться противъ мятежнаго графа Моркере; въ 1072 г. онъ отправилъ корабли противъ Шотландіи. Эти корабли частью поставлены были береговыми городами въ силу ленныхъ обязательствъ; частью сооружены на датскія деньги; частью ихъ поставили частные владѣльцы, обмѣнивавшіе корабли на участки земли.

Морское дѣло 1087—1100.

Нельзя, конечно, отрицать, что приморское населеніе Англіи было до крайности дико и необуздано; берега даже во времена номинальнаго мира были небезопасны для честнаго люда. Предполагалось, что король охраняетъ проливы отъ нападеній пиратовъ и разбойниковъ, а въ замѣнъ онъ получалъ повинности и пошлины и всю рыбу, извѣстную подъ именемъ «крупной» или «королевской», пойманную или выброшенную на берегъ въ владѣніяхъ короля. «Мы желаемъ», гласитъ повелѣніе, цитируемое Николасомъ Бректонскимъ (Nicolas from Bracton), «чтобы осетръ, пойманный на нашихъ земляхъ, былъ нашъ, возмѣстивъ поймавшему траты и издержки. А если будетъ пойманъ китъ, мы желаемъ, чтобы голова принадлежала намъ, а хвостъ нашей супругѣ, согласно древнему обычаю». Сомнительно, чтобы первые норманскіе короли присвоивали себѣ также владѣніе морями. Сельденъ, Принпъ, и ученые юристы того времени стремились доказать, что наши короли поступали такъ съ незапамятныхъ временъ; но весьма вѣроятно, что нѣкоторые изъ этихъ законниковъ натягивали, если не выдумывали, факты для доказательства ихъ выводовъ; весьма мало основанія для предположенія, чтобы формально заявлены были права владѣнія морями до Іоанна. Вѣрно то, во всякомъ случаѣ, что моря и берега плохо охранялись, и, хотя короли и изъявляли притязанія на господство надъ морями, они весьма мало или почти не заботились фактически овладѣть ими. Проливы кишѣли грабителями разныхъ національностей; берега, не снабженные маяками, были еще опаснѣе, такъ какъ нхъ заселяли пираты и грабители судовъ, потерпѣвшихъ крушенія. Только въ немногихъ крупныхъ портахъ соблюдались законы. Вездѣ же сила была право.

Экспедиція, организованная въ 1189 г. графами Честерскимъ и Шревсбюри противъ Энгльси прекрасно уясняетъ положеніе вещей въ царствованіе Вильгельма II. Валлійскіе принцы были номинальными вассалами англійской короны, но этотъ фактъ не помѣшалъ двумъ графамъ поступать на Энгльси такъ, какъ въ болѣе позднѣйшее время поступали пираты въ нѣкоторыхъ частяхъ испанскаго Мена. Они высадились, грабили, убивали жителей и уже готовясь къ отплытію, набрали громадную добычу, когда Магнусъ, норвежскій пиратъ, напалъ на нихъ съ моря, разбилъ ихъ, убилъ графа Шревсбюри, и отнялъ все награбленное.

Флотъ Генриха I. 1100—1134.

То отсутствіе системы, которое сдѣлали флотъ Гарольда негоднымъ во время нападенія Вильгельма Завоевателя, не исчезло и въ послѣдующія затѣмъ царствованія; къ плохой дисциплинѣ и не подчиненію въ царствованіе Генриха I, прибавилась безчестность. Въ 1101 г., когда Робертъ герцогъ норманскій, грозилъ нападеніемъ, Генриху не трудно было собрать большую эскадру, но онъ не могъ удержать ее. Не успѣла эскадра отплыть, какъ большая ея часть перешла къ врагу; и, не подоспѣй кстати миръ между братьями, Генрихъ вѣ-

роятно лишился бы короны, потому что въ исторіи Англіи владѣніе землей обыкновенно принадлежало тому, кто владѣлъ моремъ. Къ концу царствованія исчезла безчестность моряковъ и береговаго населенія, едва только Генрихъ получилъ возможность вполнѣ выказать себя. Его измѣненіе закона о кораблекрушеніяхъ несомнѣнно было такою мѣрою, которая доставила ему извѣстность какъ среди морскаго, такъ и торговаго классовъ. До него, при гибели корабля, грузъ, выброшенный на берегъ, принадлежалъ королю; Генрихъ повелѣлъ, чтобы если кто-либо останется въ живыхъ съ погибшаго корабля, корабль не считается претерпѣвшимъ кораблекрушеніе и право собственности на него и на содержимое имъ не отчуждается отъ прежняго владѣльца.

Въ это царствованіе впервые сталъ проявляться особый духъ морской предпріимчивости у англичанъ. Въ 1102 г. Эдгаръ, внукъ Эдмунда Желѣзнобокаго, предпринялъ крестовый походъ въ Святую Землю; пять лѣтъ спустя «Гардингъ Англійскій» появился съ христіанскимъ флотомъ при Іаффѣ [1]) во время осады Іерусалима. Этотъ духъ предпріимчивости возникъ благодаря континентальнымъ норманамъ, которые уже пріобрѣли большое значеніе въ Средиземномъ морѣ и встрѣтили вскорѣ грозныхъ соперниковъ въ своихъ островныхъ родичахъ. По старому правилу торговля всегда сопровождаетъ флагъ; и хотя, благодаря продолжительности войнъ крестовыхъ походовъ, первыя экспедиціи англичанъ на востокъ и не повели къ немедленнымъ торговымъ сношеніямъ съ востокомъ, онѣ конечно проложили путь и облегчили эти сношенія, какъ только возможно было завязать ихъ по водвореніи мира. Участіе англичанъ въ отдаленныхъ экспедиціяхъ имѣло еще другой болѣе важный результатъ. Произошло значительное усовершенствованіе въ судостроеніи, въ искусствѣ, въ которомъ много столѣтій проявлялось мало успѣховъ. Люди быстро сообразили, что корабли, годные для переѣзда канала при благопріятной погодѣ, врядъ ли могли устоять отъ напора громадныхъ волнъ въ Бискайскомъ заливѣ и врядъ ли пригодны для измѣнчивыхъ условій далекаго плаванія. Неизвѣстно много ли сдѣлано улучшеній въ 1120 г.; но извѣстно, что *Blanche*—корабль, обыкновенно называемый Бѣлымъ кораблемъ, погибшій въ томъ году вмѣстѣ съ Вильгельмомъ «Этелингомъ» и его свитой—имѣлъ пятьдесятъ веселъ, и, когда онъ былъ разбитъ, съ нимъ вмѣстѣ пошло ко дну около трехсотъ душъ. Если мы допустимъ даже, что число бывшихъ на кораблѣ преувеличено, мы не можемъ не придти къ тому выводу, что «Бѣлый корабль» былъ уже значительно большимъ судномъ, чѣмъ тѣ, которыя входили въ составъ флота Вильгельма Завоевателя въ 1066 г. Вильгельмъ, затѣмъ еще передаютъ намъ, покинулъ

---

[1]) Іорра нынѣ Іаффа, портъ въ Іудеи. *Прим. пер.*

погибающій корабль на лодкѣ; онъ могъ бы спастись, если бы не пытался спасти свою сводную сестру Марію; а у насъ нѣтъ никакого доказательства, чтобы при кораблях Завоевателя находились лодки.

Другое замѣчательное обстоятельство, связанное съ этимъ періодомъ—это усиленіе значенія Портсмута. Робертъ, герцогъ норманскій, собираясь вторгнуться въ Англію, высадился въ Портсмутѣ въ 1101 г. Генрихъ I много разъ избиралъ Портсмутъ мѣстомъ отправки въ Нормандію, а въ 1141 г., когда императрица Матильда или Модъ явилась въ Англію, чтобы утвердить права ея сына на корону, она высадилась въ Портсмутѣ.

орскія дѣла Генрихѣ II. Бромтонъ, Вильгельмъ Ньюбюрійскій и Жервезъ Кентербюрійскій восхваляютъ Генриха II за то, что онъ повелѣлъ, чтобы хорошо обходились съ лицами, потерпѣвшими кораблекрушеніе и запретилъ, подъ страхомъ суроваго наказанія, отбирать у нихъ ихъ имущество и товары. Болѣе прямымъ образомъ онъ оказалъ покровительство возникавшей торговлѣ въ его государствѣ первыми законами о мореплаваніи. Въ 1181 г. онъ повелѣлъ судьямъ объявить въ каждомъ графствѣ, что никто не долженъ продавать или покупать корабля для отправки его внѣ предѣловъ Англіи, никто не долженъ побуждать моряка поступить на службу не у себя на родинѣ.

Въ его царствованіе Лондонъ и Бристоль стали очевидно главными коммерческими портами королевства, первый по торговлѣ съ Германіей и центральными частями континента, послѣдній по торговлѣ съ скандинавскими землями и Ирландіей. Во время первой половины царствованія Генриха, Ирландія все еще не была завоевана; но благодаря усиліямъ частныхъ искателей приключеній, не многимъ лучше пиратовъ, и благодаря стараніямъ самого короля, напавшаго на Ирландію съ четырьмя стами большихъ кораблей въ 1171 г., этотъ сосѣдній островъ былъ приведенъ въ нѣкоторое подчиненіе. Это сильно увеличило торговлю Бристоля, купцы его даже славились большимъ богатствомъ, чѣмъ купцы столицы.

Опять мы находимъ доказательство увеличенія размѣра англійскихъ кораблей. Одинъ корабль, пошедшій ко дну въ 1170 г. въ каналѣ, повлекъ гибель четырехсотъ лицъ. Многіе комментаторы, сильно довѣряющіе тогдашнимъ изображеніямъ кораблей на монетахъ и въ манускриптахъ, полагаютъ, что сообщенія хроникёровъ о снаряженіи кораблей того періода сильно преувеличены, но повидимому весьма мало основанія для такой недовѣрчивости. Монеты вообще доказываютъ весьма мало или вовсе ничего. Дѣйствительно, если мы допустимъ свидѣтельство монетъ, придется прійти къ такому нелѣпому заключенію, что въ тринадцатомъ столѣтіи мачтовые корабли строились часто менѣе чѣмъ въ шесть футовъ длины и только чудомъ могли прямо держаться на водѣ. Болѣе вѣроятно, что всѣ изобра-

женія кораблей, дошедшія до насъ съ одинадцатаго и двѣнадцатаго столѣтія, чисто условнаго типа. Ясно, однако, что на корабляхъ все еще не бывало болѣе одной мачты, что они большею частью были малы и посредственной пригодности для мореплаванія.

Царствованіе Ричарда I съ морской точки зрѣнія замѣчательно во многихъ отношеніяхъ. Въ это царствованіе совершена первая отдаленная морская экспедиція, которая когда либо предпринималась силами государства, и были обнародованы первые правительственные законы объ англійскомъ военномъ и торговомъ флотѣ. Морскія дѣла при Ричардѣ I.

Въ Шинонѣ, въ 1190 г., Ричардъ издалъ постановленія, которыя можно считать основой нашихъ современныхъ статей о войнѣ. Эти постановленія гласили, что если какой-либо человѣкъ убьетъ другаго на кораблѣ, его должны привязать къ мертвому тѣлу и бросить съ нимъ въ море. Если убійство совершено на берегу, убійцу должны привязать къ трупу и похоронить вмѣстѣ съ нимъ. Если доказано свидѣтельскими показаніями, что кто-либо грозилъ ножомъ другому или какимъ либо образомъ пролилъ кровь, этому человѣку отрѣзывали руку. Если кто либо наносилъ ударъ рукою, не проливъ крови, обидчика погружали троекратно въ море. Если кто унизитъ или оскорбитъ другаго, онъ обязанъ при каждомъ подобномъ случаѣ уплатить обиженному унцію серебра. Вору брили голову, лили на нее горячую смолу и сыпали перья; это дѣлалось для того, чтобы его вездѣ можно было узнать; какъ только корабль приставалъ гдѣ либо, его высаживали на берегъ. Другое повелѣніе требовало отъ каждаго лица повиновенія начальникамъ или судьямъ флота; тѣхъ, кто дорожилъ собою и желалъ вернуться на родину, побуждали строго исполнять всѣ правила.

Съ этими повелѣніями соединялся кодексъ, извѣстный подъ именемъ Законовъ Олерона. Законы эти приписываютъ Ричарду или его матери, королевѣ Элеонорѣ, но большая часть ихъ вѣроятно принадлежитъ болѣе раннему времени и были только подтверждены Ричардомъ Львиное Сердце. Кодексъ регулируетъ торговую службу того времени, какъ выше упомянутыя повелѣнія регулируютъ военный флотъ; кодексъ пошелъ и дальше. Онъ состоитъ изъ сорока семи статей; самыя интересныя изъ нихъ слѣдующія: если корабль задержанъ вѣтромъ или бурей, хозяинъ, когда произойдетъ перемѣна погоды, долженъ посовѣтоваться съ экипажемъ, говоря: «Господа, что вы думаете объ этомъ вѣтрѣ?» и долженъ слѣдовать совѣту большинства; плыть ли дальше или нѣтъ. Если онъ не поступилъ такимъ образомъ и произойдетъ несчастіе, онъ долженъ возмѣстить убытки. Если матросъ потерпитъ поврежденіе отъ пьянства или во время ссоры, хозяинъ не обязанъ лечить его и можетъ прогнать съ корабля; но если поврежденіе получено матросомъ на корабельной службѣ, его должны лечить на счетъ корабля. Больнаго матроса Законы Олерона.

должны отправить на берегъ, ему должны доставить квартиру, свѣчи и приставить одного изъ корабельныхъ мальчиковъ или сидѣлку для ухода за нимъ, ему должны выдать столько припасовъ, сколько ему полагается на кораблѣ. Въ случаѣ бури, хозяинъ съ согласія торговцевъ, находящихся на кораблѣ, можетъ облегчить корабль, бросивъ часть груза въ море; если они не будутъ соглашаться съ нимъ. онъ долженъ поступить по своему усмотрѣнію: по прибытіи въ портъ. онъ и треть экипажа должны дать клятву, что они поступили такъ для сохраненія корабля; убытокъ распредѣлялся по-ровну на всѣхъ торговцевъ. До нагрузки товаровъ хозяинъ долженъ убѣдить купцовъ относительно крѣпости его канатовъ и стропилъ; если онъ не поступилъ такимъ образомъ, или не сдѣлалъ требуемыхъ исправленій и послѣдовалъ убытокъ, хозяинъ обязанъ былъ возмѣстить убытокъ. Въ случаѣ несогласія хозяина и кого-либо изъ экипажа, послѣдній можетъ быть законнымъ образомъ разсчитанъ только послѣ того, какъ его три раза лишатъ ежедневнаго пайка, если же человѣкъ въ присутствіи экипажа представитъ удовлетворительныя объясненія. а хозяинъ будетъ настаивать на его отправкѣ, онъ можетъ прослѣдовать на кораблѣ до мѣста его назначенія и требовать тамъ жалованія, какъ бы предполагая, что хозяинъ не отправлялъ его на берегъ. Въ случаѣ столкновенія корабля подъ парусомъ съ кораблемъ на якорѣ по причинѣ дурнаго управленія кораблемъ и если первый корабль потерпѣлъ поврежденіе, убытокъ дѣлился поровну, хозяинъ и экипажъ другаго корабля давали клятву, что столкновеніе произошло случайно. Законъ этотъ направленъ противъ безчестныхъ хозяевъ. которые ставили старое и подержанное судно на пути хорошихъ суденъ. Всѣ якори должны были означаться якорными сигналами. Если лоцманъ по незнанію или другой причинѣ не сможетъ провести благополучно корабль и купцы потерпятъ убытокъ, онъ долженъ, если имѣетъ средства, вполнѣ возмѣстить убытки; если не можетъ, то его казнятъ; если хозяинъ или кто-либо изъ моряковъ отрубитъ ему голову, они не преслѣдуются; но раньше, чѣмъ прибѣгать къ этой роковой мѣрѣ, слѣдовало убѣдиться, что лоцманъ дѣйствительно не въ состояніи возмѣстить убытки. Это постановленіе направлено противъ класса мошенниковъ-лоцмановъ, которые нарочно разбивали корабли въ такихъ мѣстахъ, гдѣ по обычаю треть или четверть претерпѣвшихъ крушеніе кораблей шла владѣльцу, съ которымъ, конечно, лоцманъ вступалъ въ соглашеніе. Не забыты также и владѣльцы, пользовавшіеся обломками корабля. Грабителя корабля, претерпѣвшаго крушеніе, привязывали къ столбу среди его собственнаго жилища, его домъ сжигали надъ его головой, стѣны разрушали, площадь, занимаемая домомъ, обращалась въ базаръ для свиней, а имущество этого человѣка конфисковалось въ пользу тѣхъ, кого онъ ограбилъ. Людей, «болѣе варварскихъ, жестокихъ и безчеловѣчныхъ чѣмъ бѣ-

шенныя собаки», которые убивали людей, спасшихся отъ кораблекрушенія, погружали въ море и забивали до смерти. Товары, приплывшіе къ берегу, слѣдовало держать годъ и болѣе; если никто не требовалъ ихъ, владѣлецъ продавалъ ихъ, полученныя деньги раздавались на приданное бѣднымъ дѣвушкамъ и на другіе благотворительныя цѣли.

Корабли, на которыхъ Ричардъ предпринималъ свои отдаленныя экспедиціи, были различныхъ типовъ. Самые большіе корабли были галеры, иногда онѣ назывались, если на нихъ былъ большой грузъ, дромоны («dromons»); хотя «дромонъ» означало безразлично всякій большой корабль. «Buss»—бэссъ—было широко-носое вмѣстительное судно, главнымъ образомъ употребляемое какъ транспортное судно или какъ судно для склада припасовъ. «Галіонъ» или «галліасъ» была меньшаго размѣра и болѣе легкая галера. «Visser» — «висеръ» или «usser» былъ плосскій плотъ. Баржа вѣроятно была меньшаго размѣра корабль для перевозки товаровъ. «Esnecca» (snakes—змѣи) были должно быть легкія, быстроходныя пассажирскія лодки. «Cog» очевидно большой корабль, безразлично военный или торговый. Галеры были длинны и низки, въ нихъ бывало рѣдко болѣе двухъ скамей для веселъ. съ мачтой и деревомъ изогнутымъ поверхъ воды. На самой большой галерѣ Ричарда въ Средиземномъ морѣ въ 1190 г. было тридцать веселъ. Руля еще не было, правили исключительно шестомъ или *clavus*, помѣщеннымъ съ правой стороны судна. *Clavus* иногда прикрѣплялся какимъ-то образомъ къ корпусу корабля и снабжался румпелемъ, такъ что походилъ на теперешній руль у лодки. На большихъ военныхъ корабляхъ бывали не только снаряды для выбрасыванія стрѣлъ и клмпей, но и греческій огонь, и родъ взрывчатыхъ петардъ, называвшихся змѣями (serpents). Корабли сражались подъ знаменемъ св. Георга, которое съ того времени стало флагомъ Англіи, хотя не разъ его замѣняли и другимъ.

Морскія экспедиціи.

Въ это царствованіе къ Англіи присоединено первое изъ ея отдаленныхъ владѣній: былъ завоеванъ Кипръ. Ричардъ очень скоро продалъ пріобрѣтенный островъ рыцарямъ св. Храма. а когда они настаивали, чтобы онъ взялъ его обратно, передалъ его Гюи-де-Лузиньяну. Король покинулъ островъ, чтобы отправиться въ Палестину и сталъ героемъ морскаго сраженія; такъ какъ это было первое сраженіе со временъ Альфреда, въ которомъ англійскій монархъ принималъ участіе и такъ какъ въ этомъ сраженіи обнаруживаются тѣ морскіе пріемы, которые были въ ходу въ то время, мы и упоминаемъ здѣсь о немъ. Николасъ составилъ слѣдующее описаніе этого сраженія:

«7-го іюня, когда приближались къ Бейруту, увидѣли впереди громадный корабль. Этотъ корабль, самый большой, какой когда-либо видѣли англичане, возбудилъ удивленіе и восхищеніе. Нѣкоторые хроникеры называли его «dromon», другіе «buss»; одинъ изъ нихъ вос-

клицаетъ: «чудесный корабль! О такомъ большомъ кораблѣ никто и не слыхивалъ, за исключеніемъ корабля Ноя и затѣмъ онъ называетъ его «Королемъ кораблей». Этотъ корабль былъ очень прочно построенъ, съ тремя остроконечными мачтами, бока его были раскрашены въ зеленый и желтый цвѣтъ и такъ изящно, что ничто не могло превзойти его красоту. Корабль былъ полонъ людей, на немъ было невѣроятное количество людей, до тысячи пятисотъ; среди нихъ было семь эмировъ и восемьдесятъ отборныхъ турокъ для защиты Акра; онъ нагруженъ былъ луками и стрѣлами; для гибели христіанъ заготовлено было обиліе греческаго огня въ сосудахъ и двѣсти самыхъ смертоносныхъ снарядовъ-змѣй (serpents)! Ричардъ отправилъ галеру, подъ начальствомъ Петра де-Баррисъ, чтобы она подошла и опросила чужеземное судно; съ корабля отвѣтили галерѣ, что это судно идетъ изъ Антіохіи для осады Акра, что оно принадлежитъ французскому королю, но экипажъ не говорилъ по-французски и не могъ показать французскаго или другаго какого либо христіанскаго знамени. При дальнѣйшихъ разспросахъ они измѣнили свои отвѣты и сказали, что это генуэзскій корабль и идетъ въ Тиръ. Въ то же время одинъ матросъ галеры призналъ это судно за судно, снаряженное въ Бейрутѣ, которое онъ видѣлъ, когда былъ въ портѣ; въ отвѣтъ на разспросы короля онъ сказалъ: «Я даю голову на отсѣченіе или пусть меня повѣсятъ, если я не докажу, что это сарацинскій корабль. Пошлите галеру вслѣдъ за нимъ и не давайте ему салюта: тогда обнаружатся его намѣреніе и надежность». Предложеніе было принято; какъ только галеры подошли къ кораблю, сарацины бросили въ нее стрѣлы и греческій огонь. Ричардъ сейчасъ же приказалъ атаковать непріятеля, говоря: «Идите, схватите ихъ, если они уйдутъ, вы потеряете мое расположеніе навсегда; если возьмете ихъ, все ихъ имущество будетъ ваше». Король, со свойственной ему храбростью, оживлялъ всѣхъ, стоя во главѣ и побуждая галеры къ нападенію на корабль. Градъ снарядовъ летѣлъ съ обѣихъ сторонъ, турецкій корабль замедлилъ ходъ; хотя галеры сновали вокругъ корабля во всѣхъ направленіяхъ, онѣ не могли абордировать его, по причинѣ его высоты и количества экипажа, стрѣлы котораго падали и наносили смертоносные удары. Англичане вслѣдствіе этого падали духомъ и почти впадали въ отчаяніе, когда король воскликнулъ: «Что же, развѣ вы допустите, чтобы корабль ушелъ нетронутымъ и невредимымъ? О, позоръ, послѣ столькихъ побѣдъ вы предаетесь бездѣйствію и страху? Знайте же, если корабль уйдетъ, каждый изъ васъ будетъ повѣшенъ на крестѣ или преданъ страшной пыткѣ». Тогда матросы «вынужденные», какъ говоритъ простодушный историкъ, къ подневольной храбрости, бросились за бортъ и ныряя у корабля непріятеля, привязали канаты къ его рулю и потащили его и затѣмъ, схвативъ канаты и взобравшись по бокамъ

корабля, наконецъ абордировали корабль». «Началась отчаянная схватка: турки были оттѣснены впередъ, но къ нимъ присоединились тѣ, кто былъ внизу; соединившись, они прогнали нападающихъ на ихъ галеры. Оставалось одно средство и оно сейчасъ же пришло въ голову королю. Онъ приказалъ своимъ галерамъ проткнуть бока непріятельскаго корабля желѣзными остріями, прикрѣпленными къ носамъ галеръ. Приказаніе это приведено въ исполненіе съ большимъ искусствомъ и успѣхомъ. Галеры немного отплыли и выстроились въ линію; затѣмъ, пустивъ въ ходъ весла, онѣ ударились о турецкій корабль съ такою силою, что пробили его бока во многихъ мѣстахъ, вода пошла въ отверстія и судно стало идти ко дну. Безчеловѣчные побѣдители или потопили или перебили весь храбрый экипажъ корабля, за исключеніемъ пятидесяти пяти человѣкъ, которыхъ пощадили только потому, что они могли быть полезны для сооруженія военныхъ приспособленій. Гибели этого корабля придаютъ такое большое значеніе, что даже говорятъ, что если бы онъ прибылъ благополучно, Акръ никогда бы не былъ взятъ».

Король Іоаннъ и возникновеніе флота. 1199—1216.

Короля Іоанна называютъ основателемъ королевскаго флота въ Англіи. Онъ не заслужилъ этого, такое названіе по справедливости можно бы было дать такому монарху, который создалъ флотъ тамъ, гдѣ его не было совсѣмъ; а мы не можемъ указать годъ, въ которомъ учрежденъ флотъ, не можемъ назвать документъ или актъ, которымъ онъ учреждался. Заслуга Іоанна состоитъ въ томъ, что онъ значительно улучшилъ флотъ и во все время царствованія обращалъ на него большое вниманія. Къ тому же онъ, повидимому, былъ первымъ англійскимъ государемъ, который выплачивалъ морякамъ постоянное жалованіе и давалъ пенсіи раненнымъ офицерамъ, онъ первый заявилъ права на проливы. Служащимъ на галерахъ выдавалось жалованья по шести пенсовъ, а матросы получали по три пенса въ день; экипажъ его кораблей снабжался припасами, въ составъ которыхъ входили: селедки, ветчина и вино. Онъ кромѣ того ввелъ въ обыкновеніе выплачивать людямъ часть жалованья впередъ, до отплытія. Кромѣ кораблей, доставляемыхъ ему по ленной повинности пятью портами и другими приморскими городами ,у него были свои собственные корабли; нѣкоторые изъ нихъ были значительныхъ размѣровъ, экипажъ въ семьдесятъ человѣкъ былъ нерѣдкость; сообщаютъ и о корабляхъ, которые считались «малыми кораблями», тѣмъ не менѣе на нихъ могли помѣщаться пятнадцать лошадей. Въ случаѣ нужды требовались корабли и принуждались къ службѣ люди, но существовала также система найма кораблей и добровольнаго записыванія моряковъ, велся также правильный списокъ кораблей, которые постоянно должны были являться на службу. Эти резервные корабли управлялись по округамъ—въ каждый округъ входило четыре или пять портовъ—и находились подъ начальствомъ офицера извѣст-

наго ранга. Въ 1205 г., королевскіе и резервные корабли составляли силу болѣе сотни парусныхъ кораблей. Старательность на морской службѣ поощрялась обычаемъ выдачи морякамъ половины всей добычи или призовъ отобранныхъ у непріятеля. Въ сущности призы становились собственностью короля, и или продавались или присоединялись къ флоту; но въ силу королевской милости всегда происходила раздача призовыхъ денегъ; со времени царствованія Іоанна мы часто встрѣчаемъ упоминаніе объ этихъ выплатахъ.

Вильгельмъ Роттэмъ, архидіаконъ Таунтона, былъ правою рукою короля. О немъ упоминаютъ, какъ объ управляющемъ Королевскими Галерами, Королевскими Кораблями и Морскими Портами; онъ занималъ должности современныхъ Перваго Лорда Адмиралтейства, Контролера Флота и Адмирала, а также начальника морской артиллеріи. Онъ содѣйствовалъ первоначальному устройству въ Портсмутѣ доковъ и арсенала. Въ маѣ 1212 г. шерифъ Саутгамптона, по распоряженію архидіакона Таунтона, приказалъ окружить бухту Портсмута крѣпкой стѣной для охраны королевскихъ галеръ и кораблей: онъ повелѣлъ также построить магазины для корабельныхъ складовъ и снарядовъ.

Сельденъ подтверждаетъ, что Іоаннъ заявлялъ о владычествѣ надъ морями. Сельденъ цитируетъ рукописный сборникъ: Commentary on Affairs concerning the Admiral. Сельденъ не единственный авторитетный источникъ. Сэръ Джонъ Бороу и Принъ ссылаются по этому предмету на этотъ же и другіе манускрипты; хотя оригиналы намъ вовсе не извѣстны, но самый фактъ достовѣренъ; много очень важныхъ документовъ, даже относящихся къ первой половинѣ семнадцатаго столѣтія, давнымъ давно исчезли, и до насъ не дошли бы никакіе документы, если бы содержаніе ихъ не было бы вскорѣ перепечатано. Повелѣніе, перепечатанное Сельденомъ переводится имъ слѣдующимъ образомъ: «Если начальникъ или командующій королевскимъ флотомъ во время морской экспедиціи встрѣтитъ въ морѣ какой либо корабль, съ грузомъ или безъ оного, и тотъ откажется опустить паруса по приказанію королевскаго начальника или адмирала или его лейтенанта или окажетъ сопротивленіе принадлежащимъ его флоту, то корабль надо считать врагомъ и пытаться овладѣть имъ; эти корабли и товары могутъ быть арестованы, какъ товары враговъ; и такъ поступить съ ними, хотя хозяева и собственники кораблей и заявятъ впослѣдствіе, что эти самые корабли и товары принадлежатъ друзьямъ и союзникамъ нашего господина короля; лица же, находившіяся на этихъ корабляхъ, за мятежъ должны быть наказаны заключеніемъ на какой угодно будетъ срокъ» Достовѣренъ ли документъ или нѣтъ, онъ чрезвычайно интересенъ, такъ какъ онъ представляетъ раннее доказательство тѣхъ притязаній, которыя впослѣдствіе гордо и побѣдоносно заявлялъ англійскій флотъ въ теченіи многихъ столѣтій. Несомнѣнно, что въ первой половинѣ

царствованія Іоанна проливы охранялись такъ, какъ не охранялись никогда раньше. Поэтому вполнѣ естественно было и государству заявлять на нихъ притязанія, когда оно не щадило трудовъ, чтобы сдѣлать ихъ безопасными и открытыми для торговыхъ судовъ всѣхъ націй.

Норманская архитектура

Р. Гуга.

Норманская политика ни въ одной области не проводилась такъ успѣшно, какъ въ архитектурѣ. Архитектура явилась творчествомъ тѣхъ духовныхъ наемниковъ Вильгельма, которые умомъ, дисциплиной и всѣмъ, за исключеніемъ развѣ количества, были значительно выше свѣтскихъ солдатъ. Они также представляли довольно значительный отрядъ и количественно, такъ какъ въ теченіи всего царствованія Завоевателя (и при его многихъ пріемникахъ) норманскіе, французскіе и итальянскіе священники наѣзжали въ Англію. Въ общій планъ норманизаціи страны входило также всюду помѣщать наряду съ чужеземными солдатами и чужеземныхъ духовныхълицъ. Вильгельмъ даже самъ предусмотрѣлъ и многія детали. Онъ назначилъ главные города главными постами военныхъ силъ и рѣшилъ также сдѣлать эти мѣста главными центрами религіи; чтобы болѣе дѣйствительнымъ образомъ упрочить принципъ такого двойного гарнизона, онъ поощрялъ перемѣщеніе епископскихъ резиденцій изъ мелкихъ городовъ епархіи въ крупные.

Откуда бы не явилось духовное лицо—былъ ли онъ итальянецъ, какъ Ланфранкъ; изъ Пьемонта, какъ Ансельмъ; или изъ Нормандіи, какъ Ральфъ Torch—онъ неизмѣнно обнаруживалъ страсть къ постройкамъ. Первое, дѣствительно, что мы обыкновенно узнаемъ объ иностранцахъ, замѣстившихъ англичанъ въ англійскихъ епископствахъ и аббатствахъ, это то, что они занялись перестройкой своего собора или церквей аббатства. Для этой цѣли разрушалась обыкновенно вся англійская постройка; иногда, если новая церковь строилась на мѣстѣ старой, сохраняли склепъ; чаще же начинали строить норманскій склепъ. Постройки сооружались и раньше и позже, но понемногу исчезли всѣ англійскіе соборы. Конечно, то были постройки различнаго достоинства; нѣкоторыя, какъ Винчестеръ, были большими каменными сооруженіями, другія частью изъ камня и совсѣмъ деревянныя. Нѣкоторыя постройки относились ко времени Вильфрита и Бенедикта, другія ко времени возрожденія при Дунстанѣ, большая часть принадлежали ко времени Канута или Исповѣдника. Презрѣніе

къ грубому, первобытному романскому стилю саксонцевъ было повидимому всеобщимъ; принадлежало ли строеніе ко времени послѣдняго Эдуарда или ко времени древняго Этельфрита, оно безразлично было англійскимъ и потому сносилось. Конечно въ сельскихъ округахъ архитектурныя разрушенія не шли такъ быстро: англійскія приходскія церкви не разрушались. Происходило это частью за недостаткомъ капиталовъ у мѣстныхъ священниковъ, частью вслѣдствіе недостаточнаго архитектурнаго искусства. Иногда норманы пытались перестраивать въ саксонскомъ стилѣ, или прибавляли норманскій этажъ, какъ въ Диргэрстѣ, или надстраивали норманскую башню, какъ въ Монквирмаутѣ. Въ первое время царствованія Вильгельма появились такимъ образомъ нѣсколько построекъ въ новомъ стилѣ, нѣсколько въ старомъ и нѣсколько построекъ смѣшаннаго характера.

Въ это же время построено было нѣсколько новыхъ церквей въ саксонскомъ стилѣ. Напримѣръ въ Линкольнѣ Вильгельмъ и епископъ Реми захватили старый городъ на вершинѣ возвышенности подъ постройку новаго замка, новаго собора и монастыря, а саксонскихъ жителей выселили въ болотистую мѣстность, расположенную въ долинѣ. Тамъ, въ то время какъ вверху воздвигались соборъ и замокъ, саксонцы воздвигли церкви св. Петра и св. Маріи Вигфордъ, походившія въ общихъ чертахъ на типичныя саксонскія постройки. Въ Линкольнѣ мы поэтому находимъ настоящіе образчики саксонскаго стиля временъ норманновъ, а Вестминстеръ представляетъ настоящій образчикъ постройки норманскаго стиля, воздвигнутой цѣликомъ въ саксонскую эпоху. И тѣ и другія постройки римскія по своему происхожденію, хотя норманскій стиль быть можетъ является болѣе благородной формой романскаго стиля; англійскій или саксонскій стиль представляетъ пожалуй болѣе грубое выраженіе того же стиля

Заимствованія норманновъ у Рима.

И тотъ и другой стиль римскіе, но въ норманскомъ стилѣ проявляется больше совершенства очертаній. Норманскій круглый сводъ, поддерживаемый колоннами, встрѣчается въ большихъ акведукахъ, воздвигнутыхъ римлянами во Франціи, Испаніи и Италіи. Круглый сводъ ничто иное, какъ вершина римской базилики. Норманскій *triforium* (нижняя часть строенія) и норманская верхняя часть постройки (clerestory) представляютъ развитіе архитектуры амфитеатра. Центральная башня представляетъ больше оригинальности, хотя мы видимъ нѣкоторые намеки на подражаніе архитекторомъ св. Софіи и св. Виталія и на копію съ св. Виталія въ Ахенѣ.

Норманская церковная архитектура.

Планъ норманской церкви неизмѣнно изображалъ латинскій крестъ. Въ передней половинѣ средней части постройка поддерживалась большими квадратными или овальными подпорами, которыя иногда округлялись въ низкія колонны. Вездѣ встрѣчаются простые своды безъ связныхъ брусьевъ (ribs) въ узкихъ мѣстахъ, и съ деревянными крышами въ широкихъ мѣстахъ. Сводъ бывалъ безъ углубленія или

только съ однимъ углубленіемъ или съ простыми круглыми украшеніями по краямъ. Украшенія не шли дальше простыхъ аркадъ съ плоскими зигзагами или ромбовъ; все это выдѣлывалось топоромъ, употребленіе рѣзца было неизвѣстно. Капители также очень простые—верхній камень квадратенъ, нижній представляетъ полушаріе и верхушки сторонъ отесаны, такъ что образуется обычная форма подушки или—какъ въ Бѣлой башнѣ въ Лондонѣ,—по угламъ находятся завитки, а въ срединѣ Антоніевскій крестъ. Окна круглыя вверху, не стрѣльчатыя и безъ украшеній, они продолговаты и съ узкими отверстіями, двери квадратны подъ круглымъ сводомъ. Главныя башни чрезвычайно низки и тяжелы, подпоры совершенно простыя, выступы надъ дверьми незначительны, двери въ углубленіи толстой стѣны.

Норманская постройка.

Эта древне-норманская постройка очень проста во всѣхъ очертаніяхъ, но низкіе круглые своды, необычайная толщина стволовъ или колоннъ, суровость и строгость украшеній—все это, надо сознаться, производитъ сильное впечатлѣніе. Постройки эти напоминаютъ постройки Рима и Египта, строители какъ бы воздвигали на вѣчныя времена, на каждомъ камнѣ лежитъ отпечатокъ норманской гордости и норманской мощи. Строители, однако, врядъ ли задавались такими поэтическими замыслами. Подражая мало-сплоченной римской постройкѣ, они не умѣли приготовлять твердой извѣсти и поэтому въ силу сознанія непрочности своего матеріала придавали своимъ столбамъ, колоннамъ и сводамъ толщину, кажущуюся непропорціональной съ той тяжестью, которую они поддерживаютъ. Самой отличительной чертой древней норманской постройки является плохая, мало сплоченная каменная работа. Первые норманскіе архитекторы были дѣйствительно совершенно правы; каждый разъ, когда они отрѣшались отъ скромной недовѣрчивости и задавались честолюбивыми планами, имъ приходилось раскаяваться. Разрушеніе древне-норманскихъ построекъ случалось, дѣйствительно, очень часто. Такъ башня въ Эли, южные своды св. Албана, башня Винчестера—всѣ разрушились. Послѣдній соборъ строился четырнадцать лѣтъ; башня, оконченная въ 1093 г., разрушилась въ 1107 г., почти семь лѣтъ спустя послѣ того, какъ подъ ней похороненъ былъ Рыжій король. Трудно опровергнуть народное повѣріе о томъ, что близость тѣла нечестиваго Вильгельма Рыжаго ускорила паденіе этой башни; Вильгельмъ Мальмсбюри однако склоненъ былъ приписать это людской неумѣлости, а не Божіему гнѣву. Нѣсколько лѣтъ спустя, вѣроятно около 1115 г. (точное число неизвѣстно) башня снова была воздвигнута. Башня низка, но столбы, на которыхъ она воздвигнута, громадны, и если бы они были такъ крѣпки, какими кажутся, они въ состояніи были бы выдержать тяжесть втрое большую.

Англо-норманская традиція толстыхъ колоннъ, которыми мы такъ восхищаемся, въ сущности поддерживалась въ силу той робости, ко-

торая осталась съ того времени, когда каменная работа была плоха и традиція удерживалась и тогда, когда, по словамъ Вильгельма Мальмсбюри, «ряды камней складывались такъ правильно, что соединеніе ихъ ускользало отъ глаза и казалось, что вся стѣна выведена изъ одной каменной глыбы»; плохая каменная работа продержалась не болѣе полстолѣтія послѣ Завоеванія. Къ тому времени вернулись домой крестоносцы, они повидали людей, архитектуру многихъ городовъ, ихъ возвращеніе отмѣчается поразительнымъ измѣненіемъ не только въ каменной работѣ, но и въ характерѣ и типѣ норманской постройки. Мы видимъ, какъ удивляется хроникёръ усовершенствованію новой каменной работы; еще болѣе поразителенъ переходъ отъ простоты къ обилію орнамента, переходъ отъ простѣйшаго украшенія къ самымъ изысканнымъ формамъ.

Вліяніе крестовыхъ походовъ.

Стрѣльчатый сводъ.

Нашъ древній стрѣльчатый сводъ вѣроятно образовался отъ пересѣченія двухъ круглыхъ сводовъ, пересѣченіе даетъ настоящую стрѣльчатую форму. Въ началѣ сводъ является только украшеніемъ, какъ напр. въ аркадѣ, служащей украшеніемъ, въ Кентербюри, построенной около 1110 г., во время бытности тамъ настоятеля Эрнульфа, онъ же нѣсколько лѣтъ позже повторилъ его и въ Рочестерѣ, куда Эрнульфъ назначенъ былъ епископомъ. Какъ элементъ постройки, даже въ самомъ простѣйшемъ видѣ, стрѣльчатый сводъ появляется только во второй половинѣ норманской архитектуры—слѣдовательно до конца первой четверти двѣнадцатаго столѣтія. Въ этомъ отношеніи норманскіе архитекторы значительно отстали отъ своихъ континентальныхъ собратій. Стрѣльчатые своды уже болѣе столѣтія были въ употребленіи въ южной Франціи, черезъ которую прошло много крестоносцевъ; стрѣльчатые своды находятся въ церкви гроба Господня, построенной послѣ взятія Іерусалима въ 1100 г. Весьма поэтому вѣроятно, хотя и не доказано, что стрѣльчатые своды занесены и въ Англію крестоносцами. Очевидно, впервые они были введены около 1125 г. епископомъ Салисбюрійскимъ Рожеромъ, который перестроилъ соборъ Древняго Сарума. Не осталось ни камня *in situ* отъ зданія, но мы встрѣчаемъ такіе же стрѣльчатые своды въ аббатствѣ Мальмсбюри, гдѣ они опираются на массивные норманскіе столбы, а во всѣхъ другихъ отношеніяхъ постройка простого норманскаго типа. Они появляются нѣсколько позже въ госпиталѣ св. Креста, построенномъ Генрихомъ Блоа, братомъ короля Стефана; тамъ также пересѣкающіяся круглыя аркады образуютъ въ нижней части (triforium) стрѣльчатыя окна. Съ тѣхъ поръ, до конца столѣтія, круглый сводъ и стрѣльчатый сводъ встрѣчаются въ постройкахъ до тѣхъ поръ, пока въ послѣднее переходное время отъ норманскаго къ древнеанглійскому стилю, круглый сводъ окончательно выводится изъ употребленія и если гдѣ и удерживается, то только какъ украшеніе. Въ самой богатой норманской постройкѣ мы безразлично встрѣча-

емъ употребленіе того и другого свода; слѣдуетъ замѣтить однако, что стрѣльчатый сводъ не является необходимой принадлежностью роскошной постройки.

Самыми прекрасными и характерными образчиками постройки того времени являются двери и своды, какъ въ свѣтскихъ зданіяхъ, напримѣръ въ Бристолѣ, такъ и въ церковныхъ, какъ въ Иффлеѣ. Двери обыкновенно сильно углублены во всю толщину стѣны; на верху, рядъ за рядомъ, съ каждой стороны идутъ украшенія, безъ орнамента не остается даже квадратный дюймъ камня. Скульптурныя украшенія глубоки и чисты, исполнены рѣзцомъ, топоръ уже окончательно выведенъ изъ употребленія. Листель и кронбалки, шнуръ перлами, медальоны съ фигурами, условные листики или цвѣты и розетки разбросаны въ неистощимомъ разнообразіи въ соединеніи съ прежними формами ромбовъ, зигзаговъ, звѣздъ, завитковъ. Подпоры уже не такъ просты, колонны становятся выше, появляются перевитые и желобчатые столбы. Окна также становятся украшеніями. Окна отдѣляются одно отъ другого, встрѣчаются настоящія стрѣльчатыя окна, хотя пересѣкающіеся своды еще существуютъ. Появляются круглыя окна, сначала это простыя круглыя отверстія, потомъ онѣ переходятъ въ колесо-образную форму, а со временемъ разовьются въ настоящее круглое окно — розетку. Простой карнизъ капителей, имѣвшій прежде зубчатую форму, съ развитіемъ стиля покрывается орнаментомъ. Копируются волюты или завитки, на ихъ квадратныхъ поверхностяхъ часто появляется легкій этрусскій филигранный рисунокъ:—вотъ главныя черты позднѣйшаго норманскаго стиля. Трудно, конечно, точно опредѣлить начало или конецъ той или другой формы архитектуры; подраздѣляя норманскій стиль на два періода: «ранній» и «позднѣйшій», мы можемъ приблизительно считать ранній періодъ законченнымъ къ 1120 г. (или пятьдесятъ четыре года спустя послѣ Гастингса); а позднѣйшему періоду отводимъ слѣдующіе пятьдесятъ четыре года. Мы доходимъ до 1174 г., въ этомъ году въ Кентербюри былъ сильный пожаръ, англійская архитектура очень многимъ обязана этому бѣдствію.

Переходъ къ древнему англійскому стилю.

Реставрація Кентербюри, предпринятая Вильгельмомъ Сенскимъ въ 1175 г., несомнѣнно отмѣчаетъ начало переходнаго времени, начало смѣшаннаго стиля норманскаго съ древне-англійскимъ. Этотъ стиль отмѣчается не только стрѣльчатымъ сводомъ; этотъ сводъ, какъ мы видѣли, встрѣчается и за сорокъ лѣтъ до этого времени; въ постройкѣ Кентербюри мы не только встрѣчаемъ стрѣльчатый сводъ, но и расцвѣтъ готическаго стиля и раньше, чѣмъ закончено зданіе, мы видимъ уже этотъ стиль въ полномъ его развитіи. По счастливой случайности одинъ изъ современниковъ описываетъ годъ за годомъ постепенную постройку зданія. Въ первый годъ постройка въ деталяхъ почти чисто норманская, постепенно стиль измѣняется, въ

особенности послѣ смерти французскаго архитектора, пока наконецъ каждый аксессуаръ, каждый орнаментъ не становится древне-англійскими. Сохраняется, однако, романская колонна и измѣненная коринѳская или сложная капитель, заимствованная вѣроятно съ французскихъ образцовъ. Строители Кентербюри были, въ сущности, піонерами и успѣхъ, достигнутый ими при сооруженіи собора, далъ толчекъ развитію готическихъ построекъ по всей Англіи. Къ тому же несомнѣннымъ было превосходство стрѣльчатаго свода надъ круглымъ, такъ какъ являлась возможность воздвигать своды надъ широкими и неравными пространствами, что и способствовало вытѣсненію норманскаго стиля. Вскорѣ стали предпочитать стрѣльчатые своды и употреблять ихъ и тамъ, гдѣ можно было бы вывести круглый сводъ и гдѣ таковой былъ бы пригоднѣе. Другое указаніе на переходныя формы мы находимъ въ формахъ оконъ, которыя теперь часто стрѣльчатыя снаружи и круглыя внутри, какъ въ замкѣ Окгамъ, съ стрѣльчатымъ орнаментомъ по бокамъ и дантикуломъ, типичнымъ украшеніемъ древне-англійскаго стиля. Мы встрѣчаемъ также круглыя аркады надъ стрѣльчатыми окнами, какъ въ церкви св. Гильды въ Уитби, и колонны, напоминающія древне-англійскую форму, какъ въ аббатствѣ Байлендъ.

Дергамъ.

Помимо этихъ примѣровъ, гдѣ готическій стиль является преобладающимъ,—хотя круглый сводъ и удерживается въ видѣ украшенія—есть и другіе, гдѣ обнаруживается обратное явленіе. Въ Дергамѣ. Галилейскія или западныя врата могутъ служить интереснымъ примѣромъ; главный корпусъ, такъ сказать, остается вполнѣ норманскимъ, а духъ постройки совершенно древне-англійскій. Строителемъ этой церкви былъ епископъ Гугъ Пусей, получившій санъ епископа въ 1180 г.; онъ умеръ въ 1197 г.; это дорогое и прекрасное зданіе относится къ началу царствованія короля Ричарда или къ самому концу царствованія короля Генриха. Оно построено для богомольныхъ женщинъ; для нихъ здѣсь отведено было мѣсто, откуда онѣ могли созерцать святыя мѣста, строгій монастырскій уставъ не допускалъ женщинъ въ предѣлы монастыря. Каждая арка возникаетъ изъ высокой, стройной колонны, хотя и врядъ ли правильно называть колоннами эти два изящные столба изъ пербекскаго [1]) мрамора, изъ котораго первоначально высѣчена каждая изъ этихъ колоннъ. Онѣ измѣнены къ худшему; но мелкія группы столбовъ, поддерживающихъ легчайшія каменныя аркады, граціозныя, какъ всякое сооруженіе позднѣйшаго готическаго стиля, вовсе не напоминаютъ грубую мощность норманскаго стиля. Фриманъ говоритъ объ архитектурной граціи этой постройки и нельзя не признать правильности такого

---

[1]) Пербекъ—Purbeck—островъ, къ югу-востоку отъ Англіи, откуда вывозился камень для построекъ. *Прим. перев.*

эпитета. То было послѣднее слово норманскаго стиля и, надо сознаться, оно неподражаемо.

Необычайная архитектурная энергія, проявившаяся въ двѣнадцатомъ столѣтіи, замѣняется нѣкоторымъ упадкомъ въ началѣ тринадцатаго столѣтія. Быть можетъ, это отчасти объясняется необычайной алчностью Ричарда и Іоанна, отзывавшейся тяжело на всѣхъ собственникахъ, это сильно отразилось на монастыряхъ и евреи, ссужавшіе монастыри деньгами на постройки, не желали выказывать своей состоятельности, чтобы не возбуждать жадности у королевскихъ вымогателей. Въ царствованіи Іоанна, когда возникли первыя хартіи вольностей націи, достигла процвѣтанія и паша чисто національная архитектура. Извѣстный нашъ «древній англійскій стиль» въ сущности возникъ нѣсколько ранѣе, а именно въ царствованіи брата Іоанна, Ричарда; то было единственное хорошее, чѣмъ отмѣчается царствованіе одного изъ самыхъ гнусныхъ нашихъ монарховъ. Этотъ стиль обязанъ своимъ возникновеніемъ Гугу Дофинé, Линкольнскому епископу, извѣстному подъ именемъ Св. Гуга Бургундскаго. Онъ умеръ въ 1200 г., и похороненъ за высокимъ алтаремъ своей неоконченной церкви. Его зданіе замѣчательно въ двухъ отношеніяхъ: во первыхъ это первый образчикъ въ Англіи чисто готическаго стрѣльчатаго стиля, (безъ малѣйшей примѣси романскаго стиля)—и не только въ Англіи, но и во всей Европѣ—во вторыхъ оно носитъ отпечатокъ юношескаго, можно сказать, дѣвственнаго изящества, въ немъ нѣтъ ничего подражательнаго или незрѣлаго. Всѣ характерныя черты готическаго стиля на лицо. Мы видимъ группы колоннъ, изящные условные листья, стрѣльчатую, трилиственную арку, узкія стрѣльчатыя окна, стебли и листья капителей. Исторія несомнѣнно констатируетъ тотъ фактъ, что стиль явился продуктомъ эволюціи, а не возникъ внезапно; но случайный наблюдатель, навѣрное, предположитъ, что древній англійскій стиль возникъ цѣликомъ и вполнѣ развитымъ, какъ Паллада изъ головы Зевса, въ мозгу архитекторовъ Линкольна и Эли. Такое предположеніе вѣроятно по отношенію къ хорамъ Св. Гуга, построеннымъ въ послѣднее десятилѣтіе тринадцатаго столѣтія; въ особенности же оно вѣрно относительно Галилейскихъ вратъ въ Эли, построенныхъ въ первое пятнадцатилѣтіе тринадцатаго столѣтія, они представляютъ самый совершенный образчикъ этого стиля.

Древне-англійскій стиль.

Самыя же крупныя и болѣе замѣчательныя зданія этой благородной формы готическаго стиля, какъ соборъ Салисбюри, принадлежатъ послѣдующему поколѣнію, — царствованію не Іоанна, а его сына. Меньшія постройки, о которыхъ мы уже упоминали, не уступаютъ имъ въ красотѣ и доказываютъ вполнѣ, что стиль переходнаго времени и норманскій стиль исчезли уже въ эту раннюю эпоху. Въ двадцать лѣтъ или около этого произошло полное и окончательное

видоизмѣненіе стиля. Вмѣсто тяжелыхъ сводовъ и массивныхъ столбовъ, импонировавшихъ массивностью, нашъ взоръ очаровываютъ своей воздушной граціей легкія группы изящныхъ колоннъ. Стрѣльчатые своды поддерживаютъ стѣпы, а стрѣльчатыя аркады ихъ украшаютъ и по всѣмъ вѣроятіямъ высокія плоскія кровли замѣнились возвышающимися каменными сводами. Вмѣсто мелкаго тщательнаго орнамента (напоминавшаго орнаментъ требниковъ) норманскаго рѣзчика, появились свободныя украшенія, почти натуральное воспроизведеніе цвѣтовъ и листьевъ. Вмѣсто норманскихъ четокъ, мы встрѣчаемъ фіалки. Норманскія украшенія изъ плоскихъ квадратовъ и желобовъ замѣняются смѣло высѣченными завитками и листелемъ и необычайно разнообразными тѣневыми выемками. Взоръ не приковывается больше къ землѣ горизонтальными норманскими линіями; наоборотъ, всѣ линіи стремятся вверхъ, къ небу; вертикальность является закономъ новаго стиля. Круглый сводъ исчезаетъ и не появляется въ теченіи столѣтій.

Норманская свѣтская архитектура. Замки.

Измѣненіе архитектуры при замѣнѣ англійской церкви норманскимъ соборомъ не возбудило, вѣроятно, въ глазахъ англичанъ столько изумленія, сколько замѣна англійскаго замка — *burh* норманскимъ замкомъ—*castle*. Повидимому до завоеванія въ Англіи не существовало настоящихъ каменныхъ укрѣпленій; извѣстный французскій антикварій, Комонъ, изслѣдовавшій тщательно мѣстоположеніе норманскихъ замковъ, владѣльцы которыхъ сражались при Сенлакѣ, подтверждаетъ, что то же самое можно сказать и о Нормандіи. Подобно англичанамъ норманцы больше довѣряли деревяннымъ стѣнамъ и земляпымъ укрѣпленіямъ, защищеннымъ палисадомъ и глубокимъ рвомъ. Эти укрѣпленія, хорошо выдерживавшія осады, легко воспламенялись отъ огня и вѣроятно въ силу этого соображенія Завоеватель не только самъ сталъ строить каменные замки, но и побуждалъ своихъ крупныхъ ленниковъ слѣдовать его примѣру. Дѣйствительно, есть доказательства, что его первыя укрѣпленія были деревянныя, мы читаемъ въ Domesday о такихъ замкахъ, какъ Стаффордъ, что тамъ «*rex precepis feri castellum quod modo destructum est*» и врядъ ли могло это случиться иначе, какъ черезъ посредство огня, между тѣмъ врядъ ли могли подвергаться разрушенію огнемъ такія строенія, какъ Тоуэръ Лондона. Мы узнаемъ позднѣе о громадномъ числѣ замковъ, построенныхъ безъ разрѣшенія (castella adulterina), возникшихъ въ смутныя царствованія, напр. въ царствованіе Стефана, и когда водворенъ былъ въ странѣ законъ и порядокъ, замки эти разрушались буквально сотнями. Эти замки были также деревянные; Вильгельмъ же и его знатные бароны строили обыкновенно каменные замки, что мы видимъ по останкамъ, сохранившимся до нашего времени. Нѣкоторые замки, какъ Винчестеръ, Линкольнъ и Лондонъ съ самаго начала считались королевскими; другіе замки при-

надлежали ленникамъ *in capite* и также считались принадлежавшими коронѣ; нѣкоторые же замки, на которые королевскія права были сомнительны, перешли путемъ конфискаціи или инымъ образомъ во владѣнія короля.

Планъ замка.

Архитектура норманскаго замка была проста. Въ большинствѣ случаевъ форма замка прямоугольная, стороны имѣли отъ двадцати пяти до ста футовъ въ длину и столько же въ вышину. Углы стѣнъ выдавались и образовали квадратныя башни, фасадъ обыкновенно украшался плоскими пилястро-подобными подпорами. Въ базисѣ стѣны иногда доходили до тридцати футовъ толщины, у вершины до десяти футовъ. Внизу находился погребъ; выше, куда поднимались по узкимъ лѣстницамъ, продѣланнымъ въ толщинѣ стѣны, находились комнаты для гарнизона и владѣльцевъ замка, полы и крыша были деревянные. Всегда вырывали колодезь, иногда очень глубокій. Если была возможность, замокъ окружался рвомъ, наполненнымъ водою; и хотя сооруженіе подобнаго рва не всегда представлялось возможнымъ, какой-нибудь ровъ почти всегда защищалъ замокъ. Ворота, весьма небольшаго размѣра и черезъ которыя можно было проникнуть въ незначительную часть внутри укрѣпленія, защищались подъемнымъ мостомъ, спускной рѣшеткой или другимъ подобнымъ приспособленіемъ. Одна особенность отличала всегда эти древніе замки отъ болѣе сложныхъ построекъ позднѣйшаго времени: ихъ недоступность зависѣла отъ толщины стѣны, а не отъ какихъ-либо укрѣпленій или отъ замысловато построенной ограды—*enceinte*.

Мѣстоположеніе для постройки замка норманы избирали исключительно задаваясь цѣлью покоренія страны, хотя конечно они не пренебрегали укрѣпленіями (естественными и искусственными), гдѣ когда-то укрывались британцы и саксонцы. Пользованіе старыми мѣстами повело, однако, къ измѣненію типа замка. Строеніе скалы или недостаточность искусственной насыпи часто заставляли нормана-строителя отступать отъ своего любимаго плана и воздвигать замокъ какъ придется, такъ что замокъ являлся укрѣпленіемъ наиболѣе возвышеннаго и представлявшаго наиболѣе удобствъ для защиты мѣста. Очевидно, это и послужило происхожденіемъ замка въ видѣ скорлупы («shell»), отличавшагося отъ замка прямоугольной формы. Доказательствомъ того, что норманы прибѣгали неохотно къ постройкѣ подобнаго замка служитъ то, что прямоугольная форма встрѣчается на старыхъ и на новыхъ мѣстахъ, но нигдѣ, гдѣ замокъ воздвигался совсѣмъ на новомъ мѣстѣ, не попадается форма замка въ видѣ скорлупы. Это предположеніе вѣрно даже относительно мелкихъ замковъ, остатки которыхъ украшаютъ сѣверныя границы и которые ничто иное, какъ большіе замки въ родѣ Колчестера и Лондона въ миніатюрѣ. Прямоугольные каменные замки, какъ образчики военной архитектуры, самые грандіозные по своимъ очертаніямъ. Большинство

этихъ замковъ относится ко времени Генриха I, царствованіе котораго особенно обильно было постройками замковъ; сохранились прекрасныя развалины и ранней постройки — наприм. замокъ Моллингъ (Malling), построенный Гундульфомъ Рочестерскимъ и значительная часть построекъ Лондона, Гильдфорда, Брамбера, Карлиля, Годерика, Уальдена, Уольвесея и Колчестера. Между ранней и позднѣйшей постройкой весьма мало различія, хотя въ концѣ изслѣдуемаго нами періода ограда *(enceinte)* начинаетъ играть большое значеніе, а также и круглая башня—*donjon* или *juliette* изрѣдка смѣняетъ квадратный норманскій замокъ. Все это имѣетъ, однако, чужеземный характеръ и у насъ не сохранилось древней постройки въ этомъ стилѣ, какую бы можно по грандіозности сравнить съ неприступными башнями Куси.

Дома капитуловъ.

Намъ мало извѣстно о другихъ свѣтскихъ зданіяхъ, воздвигнутыхъ норманскими архитекторами двѣнадцатаго столѣтія. Большинство сохранившихся зданій были монастырскими, и къ нимъ, дѣйствительно, можно причислить капитулы существующихъ соборовъ. Норманская очень ранняя англійская форма капитуловъ прямоугольна, и остатки немногихъ такихъ капитуловъ указываютъ, какъ и слѣдовало ожидать, что они строились по всѣмъ правиламъ стиля, господствовавшаго въ то время. Безъ сомнѣнія, что чудо того времени «громадная зала Вильгельма Рыжаго» которая въ сущности исчезла, представляла характерную базилику съ круглымъ сводомъ, съ широкой крышей, съ цилиндрическими столбами съ капителями ранней эпохи норманскаго стиля; точно также замокъ Окгэмъ съ сохранившимися раскошными скульптурными капителями является характернымъ образчикомъ позднѣйшаго развитія этого стиля. Великіе короли подобно Вильгельму Рыжему и знатные люди, какъ Феррерсъ составляли исключенія, по большей части увлеченія архитектурой духовныхъ лицъ не возбуждало подражанія у свѣтскихъ людей, за исключеніемъ постройки замковъ. Сохранились остатки немногихъ домовъ и одно или два страенія, приписываемыя по преданію евреямъ, какъ напр., «Moyses Hall» («Зала Моисея») въ Бюри и «Домъ Евреевъ» («Jew's House») въ Линкольнѣ, но врядъ ли они отличаются какими либо характерными чертами.

По всѣмъ вѣроятіямъ масса зажиточныхъ людей продолжала довольствоваться деревянными домами и даже каменщики, повидимому, заимствовали формы у деревянныхъ построекъ, какъ можно предполагать по прекрасной наружной лѣстницѣ въ Кентербюри съ ея норманскими перилами и аркадами.

Орнаменты.

Весьма немного можно сказать о другихъ искусствахъ. Иллюминисты продолжаютъ свою тонкую и трудную работу, но хотя они отбросили кое-какія спеціально англійскія формы орнамента, въ нихъ незамѣтно особаго прогресса. Трудно и ждать было прогресса, пока

раскрашиваніе продолжало выполняться монахами въ библіотекахъ монастыря, вмѣсто того, чтобы выполняться, какъ это было въ позднѣйшее время, художникомъ въ его мастерской. Мы уже обращали вниманіе на церковный характеръ норманской скульптуры. Въ переходную эпоху наступила большая свобода, въ раннихъ англійскихъ произведеніяхъ мы встрѣчаемъ цвѣты и листья, выполненные съ большимъ вкусомъ и эти орнаменты обѣщаютъ много въ будущемъ. Съ десятаго же столѣтія мы не встрѣчаемъ ничего выдающагося въ архитектурѣ, а также и въ орнаментахъ, живописи и фрескахъ.

Нормансія монеты.

Въ царствованіе Вильгельма и его шести преемниковъ единственными англійскими монетами были серебряные пенни и они чеканились случайно. Въ нѣкоторыя царствованія вовсе не чеканилось монеты съ именемъ государя, Ричардъ и Іоаннъ довольствовались монетами съ именемъ и изображеніемъ ихъ отца, хотя найдены были ирландскія монеты Іоанна и аквитанскія монеты Ричарда. Монеты эти очень грубы; съ точки зрѣнія искусства трудно что либо и выбрать изъ монетъ древней чеканки съ изображеніемъ Завоевателя или позднѣйшихъ монетъ, съ изображеніемъ его правнука. Монеты Завоевателя по стилю похожи на монеты Гарольда и Исповѣдника и въ сущности плохая имитація плохихъ оригиналовъ. Какъ доказательство стремленія возстановить легальныхъ королей въ царствованіе двухъ Вильгельмовъ, мы находимъ саксонское *p* вмѣсто *W*. Въ рукахъ норманскаго чеканщика эта буква переходитъ въ *P*, такъ что Вильгельмъ Завоеватель и Вильгельмъ Рыжій фигурируютъ какъ *Pillem* или *Pilhelm*. Въ теченіи всего періода на лицевой сторонѣ монеты фигурируетъ подобіе портрета, причемъ изображенія Вильгельмовъ обыкновенно отличаются комическою свирѣпостью. У нихъ очень странные хохлы на головѣ, но ясно обозначены за то гладкія лица и усы. Обыкновенно тутъ же изображены скипетръ и одна или нѣсколько звѣздъ, а на оборотной сторонѣ крестъ съ орнаментомъ и буквами. Монеты имѣютъ различную форму, нѣкоторыя монеты совсѣмъ круглы, другія позднѣйшія монеты неправильной формы, какъ будто ихъ обрѣзали. Самыя интересныя монеты относятся къ царствованію Стефана, когда онѣ чеканились не только королемъ, но и знатными лордами, какъ напр. Робертомъ Глочестерскимъ, духовными лицами, какъ Генрихомъ Винчестеромъ, сыновьями короля Вильгельмомъ и Евстахіемъ и императрицею Матильдою. Самый интересный образчикъ монеты — монета съ именемъ Стефана и изображеніемъ двухъ фигуръ, которыя обѣ держатъ одно копье—принимали за Стефана и Генриха Плантагенета и предполагали, что монета ознаменовала Уаллингфордскій миръ. По всѣмъ вѣроятіямъ монета относится къ немного болѣе раннему времени и изображаетъ короля и его королеву Матильду и, быть можетъ, отчеканена этой энергичной королевой въ то время, когда она сражалась за своего властелина-плѣн-

ника. Къ сожалѣнію не осталось ни одной монеты этихъ королей, указывающихъ хотя бы на слабое развитіе искусства чеканки, ни одной, хотя бы настолько красивой, какими были монеты за четыре столѣтія передъ тѣмъ въ царствованіе мерсійскаго короля Оффы.

Литература и наука.

Р. Л. Пуля.

Религіозная реформація одинадцатаго столѣтія, послужившая еще разъ къ возвышенію Латинской Церкви, сопровождалась умственнымъ движеніемъ, имѣвшимъ не менѣе важное вліяніе на ростъ и развитіе человѣческой мысли. Интересъ, возникшій по поводу религіозныхъ вопросовъ, побудилъ къ немедленному изслѣдованію богословскаго ученія. Въ силу религіозныхъ сомнѣній Беренгаръ Турскій, въ серединѣ столѣтія, сталъ анализировать тѣ основы, на которыя опиралась вѣра въ принятое ученіе о таинствѣ причащенія; хотя въ своемъ ученіи о пресуществленіи онъ оставилъ мало послѣдователей, все же возбужденная имъ оппозиція и толчокъ, данный имъ умственному движенію, дѣлаютъ его однимъ изъ первыхъ піонеровъ схоластической философіи. Съ одной стороны результатомъ явилось расширеніе борьбы и были затронуты вопросы о разумѣ и авторитетѣ; съ другой стороны споры перешли въ обсужденіе сущности содержанія логики. Мнѣнія Беренгара о таинствѣ причащенія вызвали возраженія Ланфранка, бывшаго впослѣдствіе архіепископомъ кентербюрійскимъ. Нѣсколько лѣтъ спустя возбужденъ былъ споръ Росцелиномъ компіенскимъ, примѣнявшимъ свои выводы къ выясненію ученія о Троицѣ, ему возражалъ Ансельмъ, впослѣдствіе также бывшій архіепископомъ кентербюрійскимъ. Когда Ансельмъ былъ въ преклонномъ возрастѣ, ему возражалъ его собственный ученикъ, Петръ Абеляръ, стремившійся занять среднее положеніе между двумя школами логики; но едва Абеляръ принялся за изученіе богословіи, онъ перешелъ смѣло на сторону тѣхъ, кто ставилъ разумъ выше авторитета, его ученіе и вліяніе возбудили горячую опозицію со стороны Св. Бернарда. Полемика логическая и богословская длилась въ теченіи всего столѣтія, со времени появленія Беренгара до послѣдняго осужденія Абеляра Сенскимъ Соборомъ 1141 г. Хотя Св. Бернардъ нѣкоторое время не могъ справиться съ вопросомъ о новомъ діалектическомъ методѣ Абеляра въ примѣненіи его къ богословскимъ разсужденіямъ, все же на время онъ одержалъ верхъ; побѣдителями явились реалисты, защитники авторитета; потерпѣли пораженіе номиналисты, стоявшіе за

верховенство разума. Чтобы понять эти термины, мы должны обозрѣть методы обученія, бывшіе въ ходу въ то время.

Trivium и Quadrivium.

Элементы обученія подводились подъ двѣ рубрики: *грамматику*, разсматривавшую слова и соединенія ихъ въ предложенія; и *логику*, разсматривавшую соединеніе предложеній въ рѣчь и разсужденіе и въ силу этого распадавшуюся на два отдѣла: риторику и діалектику. Три *искусства*: граматика, риторика и діалектика фигурировали вмѣстѣ и составляли *Trivium* или первый курсъ обученія въ школѣ и діалектика обыкновенно называлась логикой. Второй, высшій курсъ былъ *Quadrivium*, въ него входили: *ариѳметика*, *геометрія*, *астрономія* и *музыка*, первыя три искусства и эти четыре составляли семь свободныхъ искусствъ; они назывались такъ не потому, что обнимали все поле человѣческаго знанія, а въ силу того, что считались самыми подходящими предметами изученія для всякаго образованнаго человѣка—они противополагались профессіональнымъ отдѣламъ: *богословію*, *юриспруденціи* и *медицинѣ*.

Въ такого рода программу преподаванія не входило изученіе философіи; философія изучалась на столько, на сколько она входила въ логику; вслѣдствіе этого отрасль знанія, требовавшая болѣе зрѣлаго умственнаго развитія, входила въ составъ элементарныхъ искусствъ, Trivium. Въ логику, несомнѣнно, входитъ метафизика, вся схоластическая наука опиралась на метафизическую основу логики. Главнымъ предметомъ спора послужила сущность общихъ понятій (universalia). Одни выставляли то положеніе, что логика по существу изслѣдуетъ не только простыя *представленія*, но и *вещи*. Представители этой обще принятой доктрины, реалисты, утверждали, что, когда мы употребляемъ термины, опредѣляющіе разрядъ, наприм., бѣлые предметы, то бѣлизна, приписываемая всѣмъ этимъ предметамъ, есть реальная вещь или субстанція. Номиналисты утверждали обратное: реальна только единичная вещь, общее же понятіе есть лишь названіе, продуктъ нашего собственнаго ума для выраженія вывода отъ сравненія наблюдаемыхъ фактовъ. Одна школа исходила отъ самаго высшаго и обширнаго понятія, на которое способенъ умъ,—отъ отвлеченной идеи, являвшейся для ума единственной реальной сущностью. Другая школа придерживалась опыта, удостовѣреннаго только индивидуумомъ. Главное затрудненіе реалистовъ заключалось въ опредѣленіи индивидуума. Дѣйствительно ли возможно признать индивидуумъ существующимъ? Не есть ли онъ только соединеніе атрибутовъ? Эта школа обладала тѣмъ преимуществомъ, что ея ученія легко было согласить съ доктринами христіанской церкви—а главнымъ образомъ съ изученіемъ о Троицѣ и о пресуществленіи въ таинствѣ причащенія. Номиналисты же, основываясь на показаніяхъ разума, давали разуму гораздо большее значеніе, чѣмъ то допускалось ихъ противниками; логика, какъ методъ, вырабатывающій

Номинализмъ и реализмъ.

способности разума, являлась не только «служанкой богословія», но и сама по себѣ была «наукою наукъ». Хотя въ срединѣ двѣнадцатаго столѣтія номиналисты въ сущности потерпѣли пораженіе, но и одержавшій верхъ реализмъ въ теченіи долгаго спора потерпѣлъ сильныя измѣненія. Такъ какъ этотъ споръ несомнѣнно велся на основаніи логики, противники номиналистовъ вынуждены были молчаливо признать важность ихъ метода, и логика въ теченіи среднихъ вѣковъ продолжала занимать главное мѣсто въ программахъ обученія въ школахъ.

Мы уже упоминали, что логика съ самаго начала примѣнялась къ изслѣдованію богословскихъ истинъ; несомнѣнно, разногласіе выводовъ, къ которымъ пришли Беренгаръ, Росцелинъ и Абеляръ, съ общепринятыми положеніями привели къ торжеству школы ихъ противниковъ. Такъ какъ логическій методъ номиналистовъ оказалъ воздѣйствіе на ихъ противниковъ, то и логическое изслѣдованіе богословія пріобрѣло направленіе, оказавшее сильное вліяніе на ея послѣдующее изученіе. Сравненіе и сопоставленіе догматическихъ мѣстъ библіи и отцовъ церкви, съ перваго взгляда противорѣчащихъ одно другому, не представляло ничего новаго, но когда Абеляръ въ своемъ сочиненіи «Sic et Non» привелъ эти мѣста одно на ряду съ другимъ, подвелъ ихъ подъ опредѣленныя статьи, люди сразу почувствовали, что такимъ образомъ изложены слабые пункты традиціоннаго богословія и открыты для нападеній каждаго непросвѣщеннаго или злонамѣреннаго ума. Несомнѣнно, систематическій подборъ разнорѣчивыхъ «изрѣченій» предназначался лишь для удобства спорящихъ сторонъ; логическій методъ сталъ методомъ богословскаго разсужденія; хотя книга Абеляра была осуждена, планъ ея былъ принятъ и сталъ образцомъ главныхъ руководствъ для школъ. «Изрѣченія» англичанина Роберта Пуллана и ученика Абеляра Роланда, (впослѣдствіе папы Александра III) являются образчиками усвоенія опаснаго метода самыми ортодоксальными духовными лицами. Они содержатъ кратко изложенныя тезы или вопросы, съ аргументами, извлеченными изъ библіи или у отцовъ церкви и изложенными для удобства изученія въ силлогистической формѣ. Тѣ и другія одновременно появившіяся изрѣченія вытѣснены «Изрѣченіями» Петра Ломбардскаго, впослѣдствіе парижскяго епископа; книга эта болѣе трехъ столѣтій служила руководствомъ въ европейскихъ школахъ; каждый кандидатъ на богословскую степень долженъ былъ обосновываться на этомъ руководствѣ, отсюда классификація систематическаго богословія заимствовала въ теченіе позднѣйшихъ среднихъ вѣковъ форму и направленіе.

Классическая литература въ двѣнадцатомъ столѣтіи.

Первыми руководствами въ средневѣковыхъ школахъ были почти исключительно произведенія позднѣйшей римской имперіи. Присціанъ и Донатъ снабдили грамматикой; логика изучалась по Аристотелю,

главнымъ образомъ въ переложеніи и изложеніи Боэція и чаще всего въ сокращенномъ изложеніи, приписываемомъ св. Августину; весь же циклъ сводныхъ искусствъ изучался по очень туманной риторической аллегоріи: «Бракъ Филологіи и Меркурія» Марціана Капелла, по трактату Кассіодора [1]): «Объ искусствахъ и правилахъ свободной науки» и по «Origins» [2]) Исидора, епископа Севильи. Послѣднее сочиненіе давало краткій перечень историческихъ знаній, но чаще употреблялось въ школахъ руководство по исторіи Орозія; другія руководства серебрянаго вѣка были до нѣкоторой степени замѣнены сокращенными руководствами Алкуина, англійскаго совѣтника Карла Великаго; въ высшихъ школахъ были въ ходу второстепенныя сочиненія Бэды Достопочтеннаго, въ особенности его сочиненія по риторикѣ, стихосложенію и космографіи. Образцы стиля заимствовались у Отцовъ церкви, главнымъ образомъ, у св. Августина, Іеронима и Григорія Великаго и изъ Вульгаты или латинской библіи св. Іеронима.

Мы не находимъ на западѣ слѣда изученія греческаго языка послѣ десятаго столѣтія; до этого времени языкъ этотъ по странной случайности уцѣлѣлъ въ традиціяхъ ирландскихъ школъ и въ школахъ того же типа на континентѣ Европы; другихъ слѣдовъ его изученія на западѣ не встрѣчается; доказано, что всѣ найденные слѣды извлечены изъ толковыхъ словарей, переписанныхъ съ болѣе старинныхъ подлинниковъ. Лучшая римская литература ни въ какомъ случаѣ не была забыта; забытое снова изучалось въ вѣка, послѣдовавшіе послѣ возстановленія римской имперіи Оттономъ Великимъ въ десятомъ столѣтіи. Въ двѣнадцатомъ столѣтіи, если судить по самымъ выдающимся образцамъ, въ кругъ знаній входила вся римская литература. Джонъ Салисбюрійскій дѣйствительно, кажется, не зналъ Плавта, Лукреція и, быть можетъ, Катулла, но онъ зналъ Теренція, Виргилія, Горація (только не его «Оды»), Овидія, Лукана, Статія, Ювенала, Марціала, Персія и другихъ позднѣйшихъ поэтовъ. Хотя онъ мало читалъ «Рѣчи» Цицерона, онъ прекрасно зналъ его философскія сочиненія, онъ хорошо знакомъ былъ съ Сенекой, Квинтиліаномъ и двумя Плиніями. Историковъ онъ зналъ меньше. Цезарь и Тацитъ были для него лишь имена: онъ всего одинъ разъ цитируетъ Ливія; но Саллюстій, Светоній, Юстинъ и въ особенности Валерій Максимъ были у него всегда подъ рукой. Конечно, онъ много черпалъ у позднѣйшихъ классическихъ авторовъ — Гелія, Макробія, Апулея и другихъ; несомнѣнно однако, что въ его чтеніе входило больше сочиненій классическихъ писателей, чѣмъ у любаго самаго извѣстнаго латиниста настоящаго времени. Такая ученость была, конечно, рѣдкимъ явленіемъ въ двѣнадцатомъ столѣтіи; очевидно,

[1]) Variarum epistolarum libri XII.
[2]) Originum seu etimologiarum libri XX. *Прим. пер.*

однако, что изученіе латинской литературы въ доступныхъ рукописяхъ гораздо болѣе было распространено, чѣмъ обыкновенно предполагаютъ. Излишне прибавлять, что для преподаванія латинской литературой пользовались весьма мало.

Университеты. Въ двѣнадцатомъ столѣтіи, однако, разнообразіе и эластичность педагогическихъ методовъ были вѣроятно болѣе значительны, чѣмъ тогда, когда преподаваніе стало систематизироваться въ университетахъ. Зачастую учитель создавалъ школу, а не школа формировала учителя. Единичная личность въ силу своихъ личныхъ свойствъ создавала, случалось, новый центръ преподаванія. Матеріальныя потребности средневѣковаго студента были очень ограничены; съ очень легкимъ багажемъ онъ могъ свободно передвигаться съ мѣста на мѣсто и нуждался только въ помѣщеніи. Извѣстно, что лекціи Абеляра собирали толпы студентовъ и студенты строили себѣ хижины изъ вѣтвей вокругъ того мѣста, гдѣ училъ учитель. Иногда группа студентовъ, недовольная чѣмъ либо или просто изъ желанія новизны, покидала свою школу и это переселеніе могло послужить къ образованію новой школы или даже университета. Для того, чтобы понять вполнѣ значеніе слова «университетъ», мы должны остановиться на разсмотрѣніи тѣхъ педагогическихъ учрежденій, которыя предшествовали той болѣе законченной организаціи, которая извѣстна подъ этимъ именемъ.

При соборахъ и монастыряхъ обыкновенно существовали школы; въ этихъ школахъ сосѣднія дѣти получали по крайней мѣрѣ первоначальное образованіе, хотя въ дѣйствительностя въ эти школы посылали, вѣроятно, только тѣхъ дѣтей, которыхъ предназначали къ духовному званію. Тамъ, гдѣ не было школы, преподаваніе бралъ на себя приходскій священникъ, такъ во времена Генриха I Джона Салисбюрійскаго поручили священнику, чтобы онъ выучилъ его псалмамъ; въ правильно устроенныхъ школахъ преподаваніе ввѣрялось особому члену соборной или училищной корпораціи, называвшемуся *scolasticus*. Въ Англіи обыкновенно мѣсто *scolasticus* занималъ соборный канцлеръ или архидіаконъ; современемъ лицо это стало считать себя слишкомъ важнымъ прелатомъ, чтобы заниматься лично ежедневнымъ преподаваніемъ. Тогда канцлеръ или архидіаконъ пользовался услугами помощника и официальное назначеніе имъ учителей для преподаванія въ школѣ вмѣсто него и послужило началомъ академическихъ степеней; когда школы расширились и число учащихся увеличилось въ нихъ, понадобилось уже нѣсколько учителей, всѣ они получали назначеніе отъ своего главнаго начальника. Онъ давалъ имъ «разрѣшеніе учить» и это „*licentia docendi*“ продолжаетъ и до сихъ поръ входить какъ главный элементъ въ степени магистра или доктора искусствъ въ англійскихъ университетахъ.

Вначалѣ это разрѣшеніе было особою милостью, но Латеранскій

Соборъ въ 1179 г. постановилъ обязательную выдачу разрѣшенія всѣмъ признаннымъ учеными. Каждый, кто желалъ занять мѣсто среди ученыхъ, принужденъ былъ въ силу установившагося обычая добиваться разрѣшенія, честолюбивое соперничество ревностныхъ ученыхъ двѣнадцатаго столѣтія обратило это разрѣшеніе не только въ привилегію, но и въ необходимость; «разрѣшенія» самыхъ знаменитыхъ школъ пріобрѣли европейскую извѣстность и стали необходимымъ документомъ для всякаго учителя, кто хотѣлъ снискивать себѣ пропитаніе преподаваніемъ. Намъ неизвѣстно, какимъ образомъ признаніе этого «разрѣшенія» стало всеобщимъ, но какъ только «разрѣшеніе» признавалось вездѣ, мы доходимъ до положенія вещей тождественнаго съ тѣмъ, когда академическая степень дастъ достаточное право на свободное преподаваніе. Степени, раздаваемыя помимо университетовъ, напримѣръ папою или архіепископомъ Кентербюрійскимъ, были только видоизмѣненіемъ прежняго «разрѣшенія».

По полученіи «разрѣшенія» новый учитель немедленно вступалъ въ должность. Вступленіе обусловливалось во первыхъ прочтеніемъ первой лекціи, во вторыхъ тѣмъ, что онъ занималъ мѣсто (*cathedra*) среди привилегированныхъ учителей учрежденія. Пиръ, устраиваемый для нихъ на его счетъ, заканчивалъ церемонію. Здѣсь уже появляется второй существенный элементъ при образованіи университета, а именно: существованіе общества преподавателей, предъявляющихъ притязаніе на то, чтобы высказать свое мнѣніе по поводу принятія въ ихъ корпорацію новаго члена. Вначалѣ безъ сомнѣнія общество не было правильно установлено, но постепенно оно пріобрѣло организацію. Преподавателямъ необходимо было обезпечить себя отъ возможной конкуренціи учителей, не получившихъ ученой степени и заручившихся какимъ нибудь образомъ разрѣшеніемъ, а также оградить существованіе признанной системы обученія отъ всякихъ произвольныхъ нововведеній. Такимъ образомъ во второй половинѣ двѣнадцатаго столѣтія въ Парижѣ возникло братство или цехъ или *universitas* преподавателей; братство это присвоило себѣ контроль надъ методами преподаванія въ городѣ и надъ допущеніемъ въ свою корпорацію другихъ учителей, имѣвшихъ разрѣшеніе.

Университетъ, въ самомъ своемъ названіи, не заключаетъ, какъ полагали, притязанія на всеобщее, энциклопедическое преподаваніе; университетъ можетъ включать только преподаваніе искусствъ и богословія (какъ въ Парижѣ) или юридическихъ наукъ (какъ въ Болоньи). Слово университетъ означаетъ только корпорацію или какую либо организацію. Фраза *Noverit universitas vestra* въ средневѣковомъ актѣ означаетъ ничто иное, какъ современную фразу «Знаю всѣхъ васъ»; это можетъ относиться безразлично къ капитулу собора или къ корпораціи купцовъ города. Спеціальное значеніе названіе это получило впослѣдствіи. Въ Парижѣ учителя, въ Болоньи учащіеся

организовались въ корпораціи для защиты своихъ интересовъ; въ совокупности ихъ стали называть *universitas magistrorum* или *scolarium*. Университетъ сталъ обозначать организацію, но настоящее названіе университата, какъ мѣста преподаванія, было не *universitas*, а *studium*.

Оксфордскій университетъ.

Мы уже упоминали о привычкахъ къ странствованію средневѣковыхъ студентовъ. Врядъ ли странствованіе сдерживалось учрежденіемъ все болѣе и болѣе постоянныхъ центровъ преподаванія. Студентамъ весьма легко было покидать свою родину или свою школу и уходить въ другую страну, такъ какъ всемірное употребленіе латинскаго языка превращало каждую знаменитую школу среднихъ вѣковъ въ всемірную въ такомъ смыслѣ, въ какомъ не можетъ быть всемірной ни одна современная школа или университетъ; по всѣмъ вѣроятіямъ и Оксфордскій университетъ возникъ благодаря громадному переселенію англійскихъ студентовъ изъ Парижа около 1167 г. У насъ нѣтъ данныхъ для того, чтобы связать Оксфордскій университетъ съ какой либо монастырской школою, или сопоставить студентовъ университета съ учениками кого либо изъ прежнихъ учителей, чьи школы были въ этомъ городѣ. Богословы, какъ Теобальдъ Этампъ, Робертъ Пулланъ и законовѣдъ Вакарій — пребываніе которыхъ въ Оксфордѣ въ первой половинѣ двѣнадцатаго столѣтія не вполнѣ достовѣрно—не оставили, насколько намъ извѣстно, никакихъ традицій ни среди учителей, ни среди учащихся. Внезапно около 1170 г. въ Оксфордѣ скопляется масса студентовъ, появляются купцы, интересы которыхъ связаны съ подобнымъ населеніемъ; и благодаря этому скопленію студентовъ возникъ университетъ. Около 1186 г. Жеральдъ Уэльскій могъ читать «Ирландскую Топографію» передъ обширной аудиторіей въ Оксфордѣ, гдѣ духовенство Англіи въ особенности процвѣтало и отличалось въ церковной «учености». Все же до конца двѣнадцатаго столѣтія Парижъ продолжалъ притягивать всѣхъ тѣхъ англичанъ, кто желалъ пріобрѣсти высшее знаніе.

Англійскіе ученые заграницею.

Среди первыхъ англійскихъ ученыхъ на континентѣ послѣ норманскаго завоеванія Аделяръ изъ Бата занимаетъ первое мѣсто. Онъ жилъ въ началѣ двѣнадцатаго столѣтія, въ то время, когда парижскія школы не достигли еще своего неоспоримаго первенства и онъ учился, говорятъ, въ Турѣ и Лаонѣ. Онъ былъ однимъ изъ первыхъ англійскихъ путешественниковъ, который ознакомился не только съ Испаніей, Сициліей и Греціей, но также и съ отдаленными областями магометанскаго міра. Сомнительно, чтобы онъ изучилъ греческій языкъ, но, несомнѣнно, онъ извлекъ изъ арабскихъ источниковъ знаніе медицинской науки, которая совершенно неизвѣстна была ученымъ того времени. По части арабской учености онъ почти единственный ученый, но его знанія философіи и діалектики не много выиграли отъ этого, хотя въ его время полное собраніе сочиненій Аристотеля

было доступно только въ арабскихъ переводахъ. Только въ позднѣйшихъ поколѣніяхъ сочиненія Аристотеля переведены были съ арабскаго языка и вошли въ общее употребленіе среди латинскихъ студентовъ.

Джонъ Салисбюрійскій былъ, быть можетъ, на пятьдесятъ лѣтъ моложе Аделяра. Подобно Аделяру онъ отправился во Францую для усвоенія тѣхъ традицій учености, которыхъ не было въ Англіи. Первымъ его учителемъ на холмѣ Св. Женевьевы, въ южномъ предмѣстьи Парижа, былъ Петръ Абеляръ. У него въ 1136 г. онъ бралъ первые уроки діалектики. Позднѣе онъ переѣхалъ въ Шартръ, гдѣ вступилъ въ область гуманической учености, насажденной тамъ Бернандомъ Сильвестромъ и развитой его наслѣдниками въ соборной школѣ, Жильбертомъ де ля Порре и Вильгельмомъ Коншъ. Философія въ Шартрѣ была реалистическая, главное же различіе заключалось не въ философіи, а въ филологіи въ старинномъ и широкомъ смыслѣ этого слова. «Мы, говорилъ Бернандъ, подобны карликамъ, взобравшимся на плечи гигантовъ, мы видимъ больше и дальше, чѣмъ они; но мы видимъ не въ силу большей остроты нашего зрѣнія или высоты нашего роста, а потому, что мы приподняты гигантской массой». Изученіе классической древности являлось для него необходимой основой всякаго истиннаго образованія. Латинскихъ авторовъ слѣдуетъ читать не только ради языка, но и ради ихъ смысла. Стили различныхъ писателей сравнивались для того, чтобы ученикъ могъ выяснить себѣ въ чемъ состоятъ достоинства слога. Значеніе классиковъ не исчерпывалось также только литературнымъ интересомъ. Бернандъ любилъ пользовался всѣмъ, чтобы обнаружить скрытый смыслъ и придавалъ изученію классиковъ не только умственное, но и этическое значеніе.

Благородное вліяніе Шартрской школы вскорѣ изгладилось среди тревожныхъ столкновеній діалектическаго движенія, но оно оказывало воздѣйствіе на умъ Джона Салисбюрійскаго въ теченіи всей его жизни; погрузившись еще разъ въ діалектическій потокъ въ Парижѣ, онъ рѣшилъ, что логика,—прекрасное подспорье въ другихъ наукахъ—сама по себѣ слаба и суха и не способна дать истинной мудрости. Возвратившись въ Англію, онъ сдѣлался секретаремъ архіепископа Теобальда и затѣмъ его преемника Св. Ѳомы и шесть лѣтъ дѣлилъ съ послѣднимъ ссылку. Безупречный, какъ богословъ и духовное лицо, Джонъ былъ и самымъ ученымъ человѣкомъ своего времени, его сочиненія прекрасно отражали духъ гуманистическаго ученія, усвоеннаго имъ въ Шартрѣ; онъ умеръ епископомъ этого города въ 1180 г. Въ теченіи всей своей весьма дѣятельной карьеры онъ поддерживалъ въ себѣ вкусы и привычки ученаго и живую любознательность. Ученикъ Абелара, онъ съумѣлъ занять среднее положенье между принятыми основами реализма и богословскими опасностями, скрывавшимися въ номинализмѣ его учителя. Пользуясь своей зрѣлой и всеобъемлющей ученостью, онъ съумѣлъ усвоить лучшіе элементы

философскихъ споровъ своего времени и отбросить всѣ эксцентричности и крайности. Онъ обладалъ добродѣтелями гуманистовъ пятнадцатаго столѣтія, и былъ свободенъ отъ ихъ пороковъ. Проникнутый духомъ классицизма, онъ тѣмъ не менѣе былъ далекъ отъ всякихъ стремленій къ возрожденію умственнаго или нравственнаго кодекса язычества. Онъ главнымъ образомъ желалъ быть духовной особой и его богословіе безспорно основывалось на основательномъ изученіи Св. Отцовъ. Суровость его ученія умѣрялась не только его преданностью традиціямъ Платона, усвоенными имъ и провѣренными ученіями другихъ, но также и спокойной умѣренностью его сужденія, которымъ отличались и его общественная жизнь и его сочиненія. Все же позднѣйшія поколѣнія вполнѣ правы, когда цѣнятъ его главнымъ образомъ какъ ученаго, его ученость выдѣляла его изъ среды всѣхъ богослововъ. Его классическая начитанность превосходила по основательности и объему начитанность любаго писателя среднихъ вѣковъ. Онъ постоянно разыскивалъ новые манускрипты любимыхъ авторовъ, заказывалъ копіи и даже переводы съ греческаго языка. Весьма вѣроятно, что мы ему обязаны первымъ введеніемъ среди средневѣковыхъ студентовъ послѣднихъ книгъ «Organon» Аристотеля. Его переписка полна вопросами и замѣчаніями, представляющими классическій интересъ. Онъ былъ литературнымъ совѣтникомъ всѣхъ ученыхъ, центральной фигурой учености своего времени.

Между Джономъ Салисбюрійскимъ и даже самыми образованными его современниками разница очень велика. Все же лѣтопись англійскихъ учителей и писателей весьма почтенная и число ихъ съ каждымъ днемъ увеличивалось. Трехъ изъ нихъ Джонъ зналъ въ студенческіе годы въ Парижѣ: это были его учителя—Робертъ Мелунскій и Роберъ Пуланъ (составители систематическаго краткаго изложенія богословіи) и его другъ Адамъ изъ Птипона (Petitpont). Второй изъ нихъ сдѣлался кардиналомъ; двое другихъ награждены на родинѣ епископствовами. Позднѣе извѣстны: Вальтеръ де Мапъ—сатирикъ, послѣдствіи архіепископъ въ Оксфордѣ, Жеральдъ Уэльскій, выдающійся критикъ своего времени; они также были англійскими студентами въ Парижѣ. Тѣ, кто желалъ изучать законовѣденіе, главнымъ образомъ архидіакопы, стекались въ школы Болоньи. Король Генрихъ II самъ былъ ученикомъ шартрскаго учителя Вильгельма Коншъ и всю жизнь любилъ читать ученыя разсужденія; но ученость въ то время не нуждалась въ его покровительствѣ. Дворъ въ Кентербюри, при архіепископѣ Теобальдѣ, являлся соединительнымъ пунктомъ всѣхъ ученыхъ и воспитательнымъ центромъ выдающихся духовныхъ лицъ. Теобальдъ пригласилъ итальянца Вакаріуса читать лекціи въ его домѣ по римскому гражданскому праву, лекціи эти продолжались до тѣхъ поръ, пока ихъ не запретилъ король Стефанъ. Здѣсь получили образованіе будущіе епископы Ѳома и Рожеръ Pont l'Evêque, Джонъ, епископъ

Кентербюрійская школа.

Пуатье и архіепископъ Ліона; Ральфъ Сарръ, деканъ Реймса. Самъ Джонъ Салисбюрійскій втеченіи многихъ лѣтъ былъ почетнымъ членомъ и руководителемъ общества.

Дворъ Кентербюри не былъ единственнымъ. Каждый знатный человѣкъ имѣлъ свой штатъ и свою домашнюю церковь, по крайней мѣрѣ дома прелатовъ рѣдко обходились безъ своего особаго круга ученой жизни и дѣятельности. Епископъ Стёббсъ набросалъ воображаемое путешествіе иностранца по Англіи въ послѣдніе годы царствованія короля Генриха II. Онъ описываетъ ученыхъ людей, кого онъ могъ бы встрѣтить и историческія, юридическія и философскія сочиненія, стихи и сатиры, которыми они занимались. Списокъ поразителенъ. «Что касается книгъ, то здѣсь такое изобиліе писателей и читателей, какъ нигдѣ въ Европѣ, кромѣ только самаго Парижскаго университета[1])». Извѣстные имена Джона Салисбюрійскаго, Петра Блуаскаго, Вальтера де Мапъ, Жеральда Уэльскаго и цѣлаго ряда историковъ, сочиненія которыхъ входятъ въ лѣтопись второй половины двѣнадцатаго столѣтія, быть можетъ одного изъ болѣе извѣстныхъ періодовъ среднихъ вѣковъ,—являются только образчиками типа тогдашней англійской культуры; люди бесѣдовали и думали тогда по латыни; они читали и учились, и относились къ изучаемому съ критической оцѣнкой и писали (за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда желали болѣе туманнаго изложенія) прекрасной латинской прозой; хотя стихи ихъ были плохи, когда они стремились подражать классическому размѣру, ихъ поэмы обладаютъ особой сильной и свѣжей оригинальностью.

Таково было въ общихъ чертахъ положеніе науки въ Англіи во время возникновенія университета въ Оксфордѣ. Въ слѣдующемъ столѣтіи ея положеніе уже значительно измѣнилась подъ вліяніемъ развитія университета, распространенія изученія сочиненій Аристотеля, укрѣпившаго философію въ школахъ, и той энергіи, съ какимъ принялись за умственный трудъ ново-основанные и соперничавшіе другъ съ другомъ ордена монаховъ.

Литература.

Г. Франка Гитса.

Въ длинной цѣпи событій, создающей исторію народа, въ сущности каждое звено имѣетъ важное значеніе для окончательнаго результата; однако же отъ времени до времени совершаются событія, какъ бы сосредоточивающія въ себѣ главныя особенности и отличія

[1]) „Seventeen Lectures“ pp. 145—154.

всего предшедствовавшаго и такъ какъ эти событія привлекаютъ всеобщее вниманіе, они являются удобными пунктами отправленія и для историка. Такія событія обыкновенно называются критическими. Въ нашей исторіи такой критическій моментъ отмѣчается 14 октябремъ 1066 г., когда произошла битва при Сенлакъ и древніе герои-тегны Англіи, воспѣваемые долгое время пѣвцами со времени дѣяній Беовульфа до смерти Биртно (Birthno) пали, пораженные рыцарями Нормандіи. Гарольдъ и его дружинники, погибшіе одинъ за другимъ на холмѣ Гастингса, спиною къ защищаемому ими валу, медленно и неизбѣжно сдавались и уступали лучшему вооруженію и способу веденія войны ихъ норманскаго врага; это было такимъ же типическимъ указаніемъ побѣды романской цивилизаціи надъ германской въ одинадцатомъ и двѣнадцатомъ столѣтіи, какимъ были побѣды при Креси и Пуатье въ четырнадцатомъ вѣкѣ. Норманское завоеваніе не было внезапной катастрофой въ нашей исторіи, оно являлось неизбѣжнымъ результатомъ ослабленія народной жизни при Эдуардѣ Исповѣдникѣ и его непосредственныхъ предшественникахъ; Завоеваніе внесло такъ много новаго въ Англіи, такъ видоизмѣнило направленіе развитія въ прежнемъ періодѣ, что съ перваго взгляда намъ кажется, будто мы имѣемъ дѣло съ внезапнымъ перерывомъ въ общемъ теченіи. Но измѣненіе это скорѣе внѣшнее, чѣмъ внутреннее, старинные литературные пріемы сохраняются, видоизмѣненные по формѣ и уже не такъ проявляющіеся во внѣ, а скрытые въ новомъ теченіи. Слѣдуетъ обратить вниманіе и на то, что замѣна норманами англійскаго дворянства и вытѣсненіе англичанъ изъ высшаго духовенства, среди котораго были главные покровители, знатоки и работники національной литературы, уменьшили количество литературныхъ трудовъ и развили безпечное отношеніе къ храненію манускриптовъ, новые аббаты и епископы не могли ихъ читать и относились къ нимъ презрительно.

Въ тоже время англійскіе священники и монахи, оставленные на своихъ мѣстахъ послѣ перемѣны династіи, были единственными защитниками англійскаго элемента противъ короны, такъ какъ ихъ свѣтскіе покровители исчезли; большая часть отечественной литературы этого періода состоитъ изъ религіозныхъ сочиненій, составленныхъ по латинскимъ образцамъ. Только во второй половинѣ тринадцатаго столѣтія англичане дѣлаютъ попытку сравняться съ норманами по образу жизни, такъ какъ до этого времени вся ихъ энергія поглащается борьбою за національное существованіе, и въ силу этого только послѣ этого періода мы встрѣчаемъ серьезныя попытки вступить въ соревнованіе съ норманами и въ литературномъ отношеніи. Оставивъ пока изслѣдованіе произведеній, написанныхъ на отечественномъ языкѣ, мы разсмотримъ тѣ новые элементы, которые введены были норманами.

Слѣдуетъ помнить, что народъ этотъ былъ германскаго проис-

хожденія; то были датчане или скандинавы, подобные тѣмъ, которые нападали на Англію и заселяли ее съ восьмаго столѣтія. Они поселились на сѣверѣ Франціи, быстро добились признанія со стороны французскаго короля и удивительно скоро усвоили языкъ и культуру своей новой страны [1]). Это былъ народъ необычайно серьезный и настойчивый, отличавшійся особой способностью усвоивать изъ окружающей обстановки все лучшее. Кромѣ того норманы были очень практичны; девизомъ ихъ было: «дѣло, а не слово» и они не отличались той восторженностью, которую мы привыкли приписывать современнымъ французамъ. Несомнѣнно, искусство и литература такого народа должны были отражать его національный характеръ. Такъ это и было. Побѣда при Сенлакѣ воспѣта не англичаниномъ, и длиннымъ стихомъ аллитераціи, какъ воспѣтъ бой съ датчанами при Мальдонѣ, а писателемъ изъ Джерсея по имени Уэсъ тѣмъ же размѣромъ, какимъ изложена «Пѣснь о Роландѣ [2])». Уэсъ излагаетъ, какъ ряды норманновъ двинулись въ аттаку на холмъ: Норманско-французская поэзія. Уэсъ.

„Taillefer, qui mult bien chantont
Sor un cheval qui tost alont
Devant le duc alont chantant
De Karlemaigne e de Rollant [3]).
E d'Oliver e des vassals
Qui mururent en Rencevals".

Roman de Rou II 8035—40 [4]).

Эти нѣсколько строкъ указываютъ намъ на ту перемѣну, которую произвела битва. Онѣ указываютъ, что норманско-французскій языкъ, придворный языкъ, сталъ до нѣкоторой степени и литературнымъ языкомъ;—на немъ поэты стали обращаться къ баронамъ и прелатамъ. Онѣ указываютъ, что французскій національный эпосъ состоялъ изъ короткихъ рѳмованныхъ строфъ; онъ не обоснованъ на ритмитической системѣ, какъ древне-англійскій, а состоитъ изъ строкъ въ восемь слоговъ, четыре изъ нихъ съ удареніемъ;—такая форма стиха принята въ англійскомъ языкѣ въ тринадцатомъ столѣтіи. Кромѣ того онѣ указываютъ, какъ различны пріемы норманскаго поэта отъ пріемовъ старинной пѣсни. Въ этой поэмѣ «Roman de Rou»,

[1]) Внуки воиновъ, завоевавшихъ Руанъ при Ролло въ 912, забыли языкъ своихъ дѣдовъ.

[2]) Самый древній манускриптъ этого знаменитаго французскаго эпоса написанъ норманомъ, поселившимся въ Англіи, на англо-нормандскомъ нарѣчіи.

[3]) Это относится къ какой либо старинной балладѣ о Роландѣ, такъ какъ „Пѣснь о Роландѣ" написана не въ формѣ пѣсни.

[4]) „Тайлеферъ, который могъ пѣть хорошо, выступалъ на конѣ передъ герцогомъ и пѣлъ о Карлѣ Великомъ и Роландѣ, объ Оливерѣ и его вассалахъ, умершихъ при Ронсевалѣ".

а еще яснѣе въ болѣе ранней «Пѣснѣ о Роландѣ» мы видимъ строгую простоту, столь характерную для норманской народности. Разсказъ прость и безъ всякихъ обиняковъ, онъ ведетъ читателя отъ пункта къ пункту, безъ всякой тенденціи свернуть съ главной темы и безъ повтореній, что такъ затрудняетъ разсказъ старинаго англійскаго поэта. Въ эпитетахъ нѣтъ достаточно силы и оригинальности, но за то они болѣе подходящи, чѣмъ у стариннаго англійскаго поэта. Простота французскаго поэта и его ограниченный горизонтъ спасаютъ его отъ всякихъ «причудъ» и сдерживаютъ его отъ употребленія метафоръ и уподобленій. То, что французскій эпосъ теряетъ въ разнообразіи содержанія, онъ выигрываетъ въ единствѣ творчества, опредѣленности формы, отрывки же, какъ напр. описаніе смерти Роланда[1]), безподобны по силѣ замысла и героической страсти и врядъ ли мы можемъ найти въ древней англійской поэзіи что либо, что могло бы сравниться съ мрачною серьезностью описанія сценъ битвъ. Уэсъ является типичнымъ представителемъ норманско-французскихъ поэтовъ въ Англіи. Помимо глубины мысли и страстности, обнаруживаемыхъ въ «Пѣснѣ о Роландѣ», его лаконическій, логическій методъ, гладкій стихъ, ясная, умѣренная и даже пріятная дикція отражаютъ практическій, серьезный, культурный характеръ норманской народности. Его произведеніе, однако же, уже не національный эпосъ, какимъ несомнѣнно является «Пѣснь о Роландѣ», не смотря на романическія примѣси (какъ сарацины, мощи). «Roman de Rou» повѣствованіе, романъ (Romance); самое названіе обусловливаетъ меньшую серьезность и характерность, но за то въ немъ больше чувства и больше простора развитію разсказа. Всѣ эти черты необходимо помнить, когда придется изслѣдовать англійскія произведенія, написанныя подъ норманско-французскимъ вліяніемъ.

Прежде всего проявилась практическая сторона норманскаго характера; большая часть литературы послѣ битвы при Сенлакѣ занимается религіозными, научными и историческими сюжетами. Эти книги, предназначаемыя для образованія, были написаны на всемірномъ ученомъ языкѣ—латинскомъ; большая часть книгъ трактовала о третьей изъ вышеупомянутыхъ отраслей знанія.

Религіозная литература.

Изъ религіозныхъ произведеній того времени извѣстны: «Liber Scintillarum» (1080) архіепископа Ланфранка о догматѣ пресуществленія; «De Incarnatione Verbi», «De Voluntate», «De Concordia Praescientiae et Praedestinationis» и т. д. Ансельма, произведенія отличающіяся глубиною мысли. Написано много Житій Святыхъ, изъ нихъ слѣдуетъ отмѣтить житіе «Св. Малха (St Malchus) (с. 1120) Режинальда Кентербюрійскаго, написанное леонинскимъ гекзаметромъ. Лаврентій Дургамскій написалъ библейскую исторію «Hypognosticon» (с. 1150) гра-

[1]) Пѣсня о Роландѣ" II 2375—96.

ніозными латинскими двустишіями; историкъ Генрихъ Гунтингдонъ, писавшій также лирическіе и дидактическіе стихи, написалъ восемь книгъ Эпиграммъ [1]). Въ послѣднемъ родѣ литературы самымъ выдающимся стилистомъ того времени былъ Годфрей Винчестерскій (умеръ въ 1107 г.).

Научныя книги.

Самымъ знаменитымъ ученымъ того времени былъ Этельуардъ или Аделяръ изъ Бата, проницательный и смѣлый мыслитель, очень начитанный въ наукѣ арабовъ. Онъ перевелъ Эвклида и написалъ много трактатовъ, между прочимъ «Quaestiones Naturales»—книгу по медицинѣ и «De Eodem et Diverso», аллегорическое изложеніе о значеніи разума, какъ высшей инстанціи.

Исторія.

Не такъ легко дать краткій обзоръ историческихъ сочиненій. Во первыхъ намъ придется включить сюда произведенія не только нормано-французскія и англійскія, но и латинскія, которыя составляли большинство сочиненій этого рода. Во вторыхъ придется различить, покрайней мѣрѣ, пять различныхъ родовъ историческихъ сочиненій и при изслѣдованіи послѣдняго рода произведеній мы переходимъ въ такую сферу, въ которой интересъ больше чисто литературный, чѣмъ научный.

Различные роды историческихъ произведеній слѣдующіе: 1) біографіи 2) собственно исторія, 3) хроники, 4) лѣтописи, 5) псевдо-исторія. По заглавію весьма трудно судить, къ какому роду историческихъ произведеній собственно принадлежитъ сочиненіе, и дѣйствительно одно и тоже сочиненіе включаетъ частью біографическій матеріалъ, частью хронику, лѣтопись и наконецъ просто псевдо-исторію. Собственно историческимъ сочиненіемъ мы называемъ такое сочиненіе, въ которомъ видна попытка изложить событія съ точки зрѣнія соотношеній причинъ и слѣдствій. Единственными двумя писателями этого періода, написавшими сочиненія, заслуживающія названія историческихъ, были Вильгельмъ Мальмсбюрійской и его послѣдователь и ученикъ Вильгельмъ Ньюбургскій. Хроники не заботились о подборѣ фактовъ или художественномъ изложеніи, но они давали тщательный отчетъ о событіяхъ и въ порядкѣ излагали хронологію. Ральфъ де Дицето, цитируя Кассіодора, называетъ ихъ «Imagines Historiarum». Англійскія хроники и «Gesta Regis Henrici II et Ricardi I», приписываемыя Бенедикту Петерборо, служатъ хорошими образчиками. Другое главное отличіе хроникъ или лѣтописей отъ настоящей исторіи заключается въ томъ, что авторъ послѣдней пользуется источниками, но придаетъ сочиненію свою литературную форму и особый стиль, хроникеры же и лѣтописцы никогда не бываютъ оригинальны, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда они описываютъ современныя событія; они выписываютъ цѣликомъ и слово въ слово цѣлыя мѣста изъ

[1]) По Леланду „De Scriptoribus Britannicis“ 198.

книгъ, бывшихъ у нихъ подъ рукою, относящихся къ предшествующимъ періодамъ. Иногда они сокращаютъ, иногда распространяютъ, но бываютъ оригинальны только при изложеніи современныхъ событій. Совершенно понятно, что исторія, представляя художественное сочиненіе, въ которомъ событія излагаются соотвѣтственно какой либо теоріи и съ какой либо особой точки зрѣнія, не представляетъ такой цѣнности для будущаго историка, какъ хроника, въ которой въ извѣстномъ порядкѣ изложены одни факты. Въ литературномъ же отношеніи исторія стоитъ выше хроники и ея цѣнность имѣетъ такое же постоянное значеніе, какъ цѣнность всякаго произведенія искусства. Лѣтописи — неполныя хроники, простая запись событій безъ всякой попытки связать ихъ. Таковы два продолженія Винчестерской хроники въ Кентербюри (смот. таблицу).

Подъ псевдо-исторіей слѣдуетъ понимать искусное повѣствованіе подъ видомъ исторіи, введенное Готфридомъ Монмоутъ; его переводчики и подражатели до Роберта Глочестерскаго (въ первой части его хроники) продолжали этотъ родъ литературы до конца тринадцатаго столѣтія. Конечно, и до Монмоута существовало много псевдо-историческихъ сочиненій: легендъ, чудесъ, простаго вымысла и т. п. Псевдо Неній (Nenius), какъ главный источникъ подобныхъ сочиненій, служитъ лучшимъ образчикомъ этого рода. Исторія Монмоута о британцахъ такимъ путемъ была принята впослѣдствіи за историческій матеріалъ нѣкоторыми неразборчивыми писателями, какъ напр. Генрихомъ Гентигдономъ и писателемъ, рукописью котораго пользовался Вальтеръ Ковентри, но ихъ не слѣдуетъ считать псевдо-историками. Сочиненія классифицуются по этимъ категоріямъ соотвѣтственно той долѣ достовѣрности, какую они заключаютъ въ себѣ.

Мы можемъ здѣсь упомянуть подробно только о самыхъ выдающихся историческихъ сочиненіяхъ того времени.

Въ самомъ началѣ мы находимъ продолженіе Древней Англійской Винчестерской хроники въ аббатствахъ Кентербюри, Абингдонѣ, Ворчестерѣ и Петерборо—они служатъ доказательствомъ стремленія во что бы то ни стало продолжать прозаическую литературу до 1154 г. [1]), потому что за исключеніемъ переложенія на двухъ языкахъ въ Кентербюри (MS. F.) и второго продолженія MS. A. всѣ эти рукописи написаны на англійскомъ языкѣ.

Одно изъ этихъ продолженій (ворчестерское), вмѣстѣ съ «Chronicon Universale» [2]) Маріана Скота (Marianus Scotus) монаха изъ Фульды въ

[1]) Продолженіе въ Пертеборо заканчивается этимъ годомъ. Въ каждомъ изъ этихъ аббатствъ, непосредственно или посредственно, были сняты копіи съ древней Винчестерской хроники, а затѣмъ уже писалось продолженіе. Соотношеніе различныхъ продолженій одно къ другому и къ подлиннику и даты ихъ окончанія, см. таблицу.

[2]) Не слѣдуетъ смѣшивать съ позднѣйшимъ сочиненіемъ „Chronica Mariani Scoti“.

АНГЛІЙСКІЯ ХРОНИКИ

На этой таблицѣ двойныя вертикальныя линіи означаютъ продолженіе. Другія линіи означаютъ болѣе древнюю рукопись (MS.) или рукописи (MSS.), служившіе основой (непосредственно или посредственно) для послѣдующихъ рукописей, къ которымъ проведены линіи. Въ каждомъ квадратѣ стоитъ названіе рукописи (MS,) по номенклатурѣ профес. Ирля (Prof. Earle), дата послѣдней записи и мѣсто и время, когда рукопись написана. Если ничего не упомянуто о языкѣ это означаетъ, что рукопись на англійскомъ языкѣ. Рукопись MS. E., послѣдняя прерванная, важна по записямъ отъ 1066 до 1154 г., дата послѣдней записи. MS. A теперь въ C.C C. Camb (№ C.L.XXIII) оригиналъ MS. G. (A) списаннаго въ Кентербюри и основа MSS. B D. и E. MS. G. (A) въ Cotton Library (Otho B. XI) сгорѣлъ въ 1731 г., сохранились только записи отъ 837—71. Cf. Earle: „Two Anglo-Saxon Chronicles Parallel“ 1865. Его замѣтками мы пользовались для этой таблицы.

Германіи, «Жизнеописаніе Альфреда» Ассера и Бэды: «Церковная Исторія» послужили главными источниками для Florence (Цвѣтника) Ворчестерской «Chronicon ex Chronicis», доходящей до 1117 г., впослѣдствіе было два продолженія, меньшей цѣнности, доведенныхъ до 1295 г. Меньшее значеніе представляетъ «Historia de Gestis Regum Anglorum» (до 1129 г.) Симеона (Simeon) Дургамскаго. Эдмеръ Кентербюрійскій кромѣ «Historia Novorum» (1062—1122), написалъ цѣнное сочиненіе «Vita Anselmi»; церковная исторія нашла гораздо позднѣе другого повѣствователя въ лицѣ Ордерика Виталиса (Ordericus Vitalis) (—1075 1143), автора «Historia Ecclesiastica» въ тринадцати книгахъ, доведенной до 1143 г.

Генрихъ Гунтингдонъ (с. 1083—1155), поэтъ, хроникеръ и историкъ, былъ архидіакономъ Гунтингдона, какъ и его отецъ, бывшій по всей вѣроятности норманскаго происхожденіа. Его «Historia Anglorum» [1]) не представляетъ такой цѣнности, какъ сочиненія его великаго современника Вильгельма Мальмсбюрійскаго. Лучшая часть та, которая относится къ той эпохѣ, когда онъ жилъ, и къ непосредственно предшествовавшему періоду, о которомъ онъ могъ распросить очевидцевъ; его положеніе давало ему возможность пользоваться распросами; но онъ больше любилъ интересныя росказни, чѣмъ точное изложеніе, больше старался выводить нравственныя нравоученія, чѣмъ излагать факты. Онъ былъ честолюбивъ, обладалъ литературнымъ вкусомъ и умственной живостью, но у него мало было настойчивости и еще меньше точности и критическаго отношенія. Если онъ меньше отклоняется отъ главнаго предмета, чѣмъ его современники, то лишь потому, что матеріалъ, которымъ онъ пользовался, былъ скуденъ и мало представлялось искушенія для отклоненія въ сторону. Предполагали раньше, что онъ пользовался многими древне-англійскими народными пѣснями, такъ какъ въ своихъ описаніяхъ битвъ пятаго и шестого столѣтій онъ всегда прибавлялъ художественныя подробности къ отчетамъ, заимствованнымъ изъ англійскихъ хроникъ; но болѣе точное изслѣдованіе показало, что онъ пускалъ въ ходъ свое собственное воображеніе. Ему трудно было переводить древне-англійскій языкъ даже десятаго столѣтія и онъ надѣлалъ крупныхъ промаховъ въ описаніи битвы при Брунанбургѣ. Его сочиненія имѣютъ важное значеніе въ развитіи потому, что онъ былъ послѣднимъ переводчикомъ англійскихъ хроникъ и первымъ писателемъ, принявшимъ безъ изслѣдованія валлійскія преданія и повѣствованія—чѣмъ подалъ дурной примѣръ. [2]) Эпиграммы встрѣ-

---

[1]) Было пять изданій этого сочиненія, въ послѣднемъ повѣствованіе доведено до смерти Стефана.

[2]) Онъ переписалъ въ Бекѣ въ 1139 г. извлеченіе изъ соч. Готфрида Монмоута, что послужило сюжетомъ для посланія къ Warine, втораго изъ трехъ посланій, помѣщенныхъ въ восьмой книгѣ его исторіи.

чающіяся въ его исторіи, вѣроятно принадлежитъ его перу, одинадцатая и двѣнадцатая книги почти цѣликомъ наполнены поэзіей.

Вильгельмъ Мальмсбюрскій (1095 до с. 1143) былъ южанинъ, монахъ и библіотекарь въ Мальмсбюри, и подобно Вильгельму Гунтингдону смѣшаннаго происхожденія. Онъ является первымъ писателемъ въ Англіи, сдѣлавшимъ попытку переработать всю массу находившагося подъ рукой матеріала и написать, связавъ причины съ слѣдствіями, симетрическое сочиненіе, проникнутое широкими взглядами и зрѣлыми выводами. Его предшественники были простые хроникеры и не имѣли понятія объ исторіи, какъ наукѣ. Онъ отличался здравымъ смысломъ и культурными вкусами и выказывалъ вслѣдствіе этого склонность къ характеристикамъ. Онъ умѣлъ схватывать значеніе главныхъ событій и излагать развитіе политическихъ учрежденій. Онъ отличался необыкновенно широкими взглядами и отсутствіемъ партійности; онъ одинаково симпатизируетъ норманамъ и англичанамъ, его сочиненіе блещетъ юморомъ и остроумными замѣчаніями. Его «Gesta Regum Anglorum» въ третьемъ изданіи доводитъ исторію до 1128 г.; пятая книга и его «Historia Novella» (до 1142), начатая въ 1140 г. въ видѣ продолженія къ «Gesta Regnum» только простыя выписки, которыя онъ предлагалъ пересмотрѣть и переписать. Онъ также написалъ «Жизнеописаніе Альдгельма» (Life of Aldhelm) и семнадцать другихъ сочиненій.

Вильгельмъ Ньюбургскій (1136—1208), продолжатель метода Мальмсбюри, написалъ «Historia Rerum Anglicarum» (со времени завоеванія до 1198 г.), достовѣрное сочиненіе. За исключеніемъ немногихъ страницъ, сочиненіе посвящено его времени, но оно далеко не такъ оригинально, какъ раньше предполагали. Онъ открыто пользовался Симеономъ Дургамскимъ, Генрихомъ Гунтингдономъ, «Itinerarium Regis Ricardi» Ричарда Каноника и потерянымъ сочиненіемъ Ансельма, капелана.

Жиральдъ Камбрензисъ (Giraldus Cambrensis) или Жеральдъ де Барри (1147 — 1223), прозванный Silvester (Дикимъ), сильный, страстный валліецъ изъ Пемброка, разносторонній, одаренный наблюдательностью и ясностью мысли, но тщеславный и суевѣрный. Онъ писалъ о богословіи, политикѣ, топографіи, исторіи и о себѣ самомъ въ «De gestis Giraldi Laboriosis». Его другія сочиненія: «Expugnatio Hiberniae», повѣствованіе о завоеваніи Ирландіи Генрихомъ II и «Topographia Hiberniae», дающая много цѣнныхъ свѣдѣній; ему же принадлежатъ «Topographia Camriae» и сатира на монаховъ и папскую власть, подъ заглавіемъ «Speculum Ecclesiae». Такая сатира не служитъ указателемъ желанія реформъ—время еще не настало для Виклифа—въ ней отражаются только грустный и недовольный тонъ, характеризующій средневѣковую литературу. Подобный же тонъ и тенденцію имѣетъ начало «Polycraticus» Джона Салисбюрійскаго (в. с. 1120), умершаго

въ 1180 г. епископомъ Шартрскимъ. Въ этомъ сочиненіи, появившемся ранѣе сочиненія Жеральда, между 1156—1159 г., послѣ сатиры на дворъ, излагается система философіи, а кромѣ того живымъ хорошимъ слогомъ и съ знаніемъ дѣла дается очеркъ о классическихъ мыслителяхъ.

Вальтеръ де Мапъ (с. 1137 до с. 1196), другъ и соотечественникъ Жеральда де Барри, былъ моложе Джона Салисбюрійскаго, менѣе образованъ и ученъ, но болѣе экспансивенъ, остроуменъ и съ большей свѣтскостью, хотя высокой нравственности. Въ своемъ «Nugis Curialium», [1]) подъ вліяніемъ Джона Салисбюрійскаго онъ дастъ подробное описаніе, полное ѣдкой сатиры, двора и общества того времени. Ему приписывались также многія латинскія поэмы: «Apocalypsis Goliae», «Praedicatio» и «Confessio» и множество латинскихъ и французскихъ романовъ [2]) двѣнадцатаго столѣтія, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ упоминается о Граалѣ и легенда объ Артурѣ.

Жоффри Монмоутъ.

Впервые эти легенды собраны были въ Англіи Жоффри Монмоутомъ, епископомъ св. Асафа (St. Asaph) (ум. въ 1154 г.); въ своемъ серьезномъ сочиненіи «Historia Regum Britanniae» (написанной въ 1132—1135 г.), онъ соединяетъ франко-бретонскую форму легенды объ Артурѣ съ болѣе историческимъ валлійскимъ варіантомъ, сопоставляя героя, сѣверо-британскаго происхожденія, съ валлійскимъ святымъ Кентигерномъ, основателемъ Гластонбюри. Мерлинъ, колдунъ двора Вортигерна, является также продуктомъ многихъ преданій. Жоффри мы обязаны разсказами объ Горбодукѣ, Цимбелинѣ, королѣ Лирѣ и Сабринѣ. Валлійцы были польщены шовинистскимъ духомъ книги, норманамъ нравилось, что писатель изображаетъ англичанъ въ неблагопріятномъ свѣтѣ, придавая въ то же время всему разсказу мѣстный колоритъ рыцарскаго двора Генриха II. Сочиненіе это было настолько популярно, не смотря на насмѣшливыя нападки Вильгельма Ньюбурга и Жиральда Камбрензиса, что менѣе чѣмъ черезъ пятнадцать лѣтъ по его выходѣ Альфредъ Беверлей написалъ его въ сокращенномъ видѣ и продолжилъ до 1129 г.; около того же времени Жоффри Геймаръ написалъ англо-норманскій риѳмованный варіантъ, «Estorie des Bretons», теперь потерянный, и продолженіе «Estorie des Engleis» (до 1100). Его варіантъ Монмоута вскорѣ вытѣсненъ былъ болѣе популярнымъ сочиненіемъ Уэса (в. 1124), «Geste des Bretons»—или «Brut d'Engleterre», какъ часто его называютъ—написанномъ въ 1155 г. Сочиненіе, написанное восьмисложными риѳмованными строфами, за исключеніемъ длинной части въ началѣ, позднѣйшаго происхожденія и написанной александрійскимъ стихомъ, разработываетъ сюжетъ о «Кругломъ столѣ»; этотъ сю-

---

[1]) Это заглавіе служило вторымъ заглавіемъ „Polycraticus“.

[2]) Ему обыкновенно приписываютъ „Lancelot du Lac“.

жетъ встрѣчается только въ Бретонскихъ варіантахъ. Книга Уэса послужила основою величайшаго изъ литературныхъ произведеній этого цикла, «Парсиваля» Вольфрама фонъ Эшенбаха. Изъ сочиненій Уэса наиболѣе извѣстны «Gestes des Normans» или «Le Roman de Rou», о которыхъ мы уже упоминали. Постепенно очаровательный «вымыселъ» проложилъ себѣ дорогу и сталъ пользоваться довѣріемъ даже среди англичанъ, въ то время, какъ привлекательный, но оскорбительный разсказъ переведенъ былъ впервые на англійскій языкъ Лайямономъ, западнымъ священникомъ, жившимъ на берегу Северна. Его произведеніе «Brut», (с. 1205) вдвое длиннѣе сочиненія Уэса, на которомъ оно обосновано; во всей поэмѣ мы находимъ всего девяносто словъ норманско-французскаго производства.

Языкъ

Сравнительная чистота отечественнаго языка приводитъ насъ къ тому заключенію, что вліяніе на него норманско-французскаго языка было скорѣе отрицательное, чѣмъ положительное. Нѣкоторые звуки видоизмѣнились, такъ напримѣръ гортанные перешли въ нёбные, введены одинъ или два новыхъ звука; въ другомъ отношеніи результатомъ явилось усиленное развитіе по тому направленію, которое можно прослѣдить до завоеванія: языку предоставленъ былъ свободный просторъ, какъ только нарушена была сдерживавшая его зависимость отъ древняго литературнаго нарѣчія Вессекса. Послѣ завоеванія замѣчается усиленная центробѣжная тенденція, которая не сдерживалась до Чосера. Стихъ «Brut» лишь служитъ доказательствомъ продолженія древней традиціи, въ особенности въ западной части страны; это ничто иное, какъ популяризированная форма древнеанглійской аллитераціи — при чемъ допущена большая свобода въ правилахъ аллитераціи; тамъ гдѣ аллитерація отсутствуетъ, въ срединѣ и въ концѣ стиха, попадается риѳма. Это украшеніе стиха, рѣдко употреблявшееся до Завоеванія, заставляло первоначально длинный стихъ считать за короткую риѳмованную строфу неправильной формы. Древній стихъ въ чистѣйшей формѣ встрѣчается въ собраніи «Житей Святыхъ», написанныхъ около этого времени; лучшія изъ нихъ житія «Св. Маргариты» и «Св. Юліана». Подобно этимъ произведеніямъ, написанцымъ на югѣ, но болѣе важное произведеніе — это проповѣдь въ стихахъ, названная «Нравоучительной одой»; она относится въ своей первоначальной формѣ къ первой половинѣ двѣнадцатаго столѣтія. Поэма, почти страстная по глубинѣ чувства, звучитъ благородствомъ, но проникнута духомъ латинской церкви, а не духомъ германскихъ героевъ. Простой, ясный языкъ указываетъ на норманское вліяніе, стихъ-ямбическое семистишіе (katalectic tetrameter), заимствованный изъ латинскихъ гимновъ и встрѣчающійся въ размѣрѣ стиха Теренція и Аристофана [1]). Этотъ раз-

[1]) Сравненіе слѣдующихъ строкъ—изъ „Andria“ Теренція, знаменитой

мѣръ безъ двойной рифмы «Нравоучительной Оды» встрѣчается въ Линкольнширскомъ варіантѣ церковныхъ проповѣдей августинскаго монаха Оррма, назвавшаго свое произведеніе «Orrmulum» (с. 1205). Orrmulum. Книга не имѣетъ литературнаго значенія, но тщательное отличіе, отмѣченное въ подлинникѣ рукописи, длинныхъ и короткихъ гласныхъ (удваиваніемъ согласной послѣ короткой гласной) и между различными произношеніями буквы «g» [1]) даетъ ему филологическую цѣнность. Семистишіе введено было въ срединѣ тринадцатаго столѣтія въ лирическій стихъ и является любимой формой, встрѣчающейся въ «Робинъ Гудѣ» и другихъ народныхъ балладахъ; вмѣстѣ съ французскимъ александрійскимъ стихомъ эта форма оказала вліяніе и на народное развитіе древней аллитераціи.

Англійская проза.

Англійская проза того времени исключительно религіозная; самымъ выдающимся и интереснымъ образчикомъ служитъ «Ancren Riwle» («Правила для отшельницъ»), написанныя (с. 1210) для трехъ сестеръ въ монастырѣ Тарентъ въ Дорсетширѣ. Кромѣ обычныхъ правилъ поведенія, книга содержитъ аллегорію и замѣчательное описаніе мистической любви Христа къ душѣ и души къ Христу, въ духѣ рыцарскаго повѣствованія, Эротическій тонъ [2]) въ религіозной литературѣ мы прослѣдимъ впослѣдствіи въ лирическихъ произведеніяхъ болѣе поздняго времени. Въ то же время въ свѣтской области все больше и больше пріобрѣталъ значеніе французскій эпосъ, не смотря на предостереженіе благочестивыхъ людей, какъ Ѳомы Гальса (Thomas Hales), который видѣлъ въ этихъ разсказахъ соблазны міра и плоти, и даже навожденіе дьявола.

Торговля и промышленность.

А. Л. Смита.

Мы можемъ ознакомиться съ системою земледѣлія начала этого періода въ общихъ чертахъ по переписи, называемой Domesday Book,

---

средневѣковой застольной пѣсни и первой строки „Нравоучительной Оды“—обнаруживаютъ одну и ту же риѳму въ стихѣ:

„Per omnes tibi adjuro deos nunquam eam me deserturum“.
„Andria“ IV 2, II.

„Mihi est propositum in taberna mori“.

„Ich eom nu eldre zanne ich waes a wintre and eac a lare“.
„Moral Ode“ 4, I.

Семь ударенiй въ каждой строкѣ и отсюда названіе.

[1]) Cf. Professor Napier „Academy“ March 15. 1890.

[2]) Ср. также „The Wohunge of ure Louerd“, „The Wohunge of ure Leudi“, „A god Oreisun of ouere Louerd etc“.

и въ частностяхъ по реестрамъ сотни. Въ этихъ реестрахъ мы можемъ въ концѣ тринадцатаго столѣтія ознакомиться съ законченной формою, какъ разъ передъ переходомъ къ современной системѣ. Содержаніе Domesday Book лучше всего характеризуется инструкціями комиссарамъ, сообщеннымъ въ книгѣ Эли (Ely's book). Они должны были узнать, между прочемъ, сколько плуговъ въ владѣніи лорда и сколько людей; сколько вилановъ и коттаровъ въ усадьбѣ, сколько свободныхъ людей и сокменовъ; сколько лѣсу, луговъ и пастбищъ; сколько мельницъ и прудовъ для ловли рыбы; прежнюю и настоящую стоимость земли. Эти распросы и отвѣты указываютъ, что Англія уже дѣлилась на усадьбы; каждая усадьба включала владѣнія лорда (собственную землю лорда) и земли вилановъ. Вилланы составляли главную массу населенія. Совладѣльцевъ было мало, только въ восточныхъ графствахъ и восточныхъ внутреннихъ графствахъ; естественнѣе предположить, что они представляли пережитокъ древней свободы въ этихъ округахъ, заселенныхъ датчанами, чѣмъ то, что они появились въ позднѣйшее время и что рабство было нормальнымъ состояніемъ саксонской Англіи. Число рабовъ указано незначительное—около 25,000 и главнымъ образомъ на юго-западѣ. Собственно вилланы, съ нормальнымъ владѣніемъ въ *yardland* (тридцать акровъ) или въ полъ yardland'а, отличаются отъ низшаго класса вилановъ—бордарій или коттаровъ, которые владѣли иногда только хижиною и огородомъ, иногда хижиною и нѣсколькими акрами, весьма часто не болѣе пяти акровъ, изъ общественной пахатной земли. Настоящій виланъ выставлялъ пару быковъ къ общественному плугу, у коттара не было своего быка. Вилланы обрабатывали владѣнія лорда плугомъ лорда, запряженнымъ восемью быками; они же часто обрабатывали своими собственными плугами и быками. Все это требовало много скота, для котораго были обширныя пастбища. Сѣнокосы были рѣдки и цѣнны. Лѣсу было много, его измѣряли количествомъ свиней, которыхъ онъ могъ прокормить. Высчитывали 5.000,000 акровъ обработанной земли, что составляетъ пять двѣнадцатыхъ обработаннаго пространства настоящаго времени. Населенія насчитывалось около 2.000,000. Это совпадаетъ съ вычисленіемъ, что приблизительно половина обработанной земли была подъ пшеницей, среднимъ числомъ собирали пшеницы по четверти съ акра. Кромѣ бобовыхъ растеній, сѣяли много ячменя, овса и не много ржи; отсутствіе корнеплодовъ и систематическаго удобренія обусловливали громадныя пространства невспаханной земли, составлявшей треть всей пахатной.

Система земледѣлія.

Трудно себѣ представить, насколько строй деревенской жизни того времени отличался отъ современнаго состоянія. Большая часть сельскаго населенія не владѣетъ въ настоящее время землей; въ одиннадцатомъ, двѣнадцатомъ и даже до семнадцатаго и восемнадцатаго

Контрастъ съ современнымъ положеніемъ.

столѣтія сельскіе жители были землевладѣльцами. Весьма рѣдко, развѣ только на церковныхъ земляхъ, встрѣчались фермеры на арендныхъ или годовыхъ условіяхъ. Въ настоящее время отношенія между дворянствомъ и крестьянствомъ главнымъ образомъ экономическія, въ тотъ вѣкъ они преимущественно были соціальныя и политическія. Виланъ долженъ присутствовать на судѣ лорда, слѣдовать за нимъ на войну и обработывать его землю. Они были связаны обоюдными обязательствами; лордъ не могъ лишить его владѣній, чтобы тамъ ни говорилось въ современныхъ юридическихъ книгахъ, но и онъ не могъ уйдти отъ своего лорда или бросить усадьбу. Современниковъ, быть можетъ, не столько поразитъ фактъ существованія общиннаго землевладѣнія, сколько преобладаніе общественной обработки земли.

Общественная обработка земли.

Деревня въ сущности представляла громадную общественную ферму. Самымъ типичнымъ отличіемъ являлось то, что каждое изъ трехъ пахотныхъ полей было «не огорожено», не было изгороди и оно не разбивалось на нѣсколько полей, только полосы дерна дѣлили на участки въ акръ, каждый пятый участокъ могъ принадлежать лорду, десятый священнику и т.д. Все поле вспахивалось, боронилось, засѣвалось и съ него собиралась жатва общими усиліями всѣхъ владѣльцевъ. Каждый согласно обычаю вносилъ свою долю труда, давалъ быковъ или вносилъ стоимость плуга. Владѣніе виллана въ тридцать акровъ могло состоять изъ тридцати или сорока отдѣльныхъ участковъ, разбросанныхъ по всему приходу. Такая система, конечно, причиняла крупные убытки, но она сложилась подъ вліяніемъ такихъ условій, которыя не имѣли никакого отношенія къ экономическому положенію. Она вытекала изъ примитивнаго обычая ежегоднаго передѣла участковъ пахотной земли; она являлась слѣдствіемъ родственныхъ отношеній общины и запутанность системы обусловливалась стремленіемъ обезпечить полнѣйшее равенство доли каждаго. Система эта оказывала громадное вліяніе на медленное образованіе англійскаго характера, пріучая людей къ мѣстному самоуправленію.

Производительность, цѣны, издержки.

Только въ послѣднее поколѣніе «акты объ огораживаніи» совершенно уничтожили слѣды «не огороженныхъ» приходовъ. Нѣсколько общинъ-приходовъ еще сохранились. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ онѣ составляли большинство. Эта странная устойчивость объясняется тѣмъ, что вліяніе системы не оказывалось такимъ дурнымъ, какъ могло это казаться. Несомнѣнно, однако, что система способствовала весьма низкой производительности средневѣковаго земледѣлія. Низкая производительность и плохія пути сообщенія и дороги объясняютъ громадныя колебанія цѣнъ на сосѣднихъ рынкахъ. Часто, очевидно, случалась мѣстная недостача, даже когда не было общаго неурожая. Въ англо-саксонской хроникѣ отъ 1070 по 1100 г. приводится не менѣе девяти лѣтъ голода. Мы узнаемъ о единственномъ постоянномъ улучшеніи земли—объ удобреніи мергелемъ. Съ другой стороны

много было огородовъ; выдѣлывалось значительное количество мѣстнаго вина; въ Domesday упоминается о тридцати восьми виноградникахъ. Повсемѣстно разводили пчелъ; употребленіе меда, до употребленія сахара, было общимъ. Быть можетъ, одною изъ главныхъ помѣхъ для успѣшной обработки земли была дороговизна желѣза. Расходъ на новое желѣзо для плуга составлялъ одну изъ главныхъ статей расхода въ отчетахъ старостъ тринадцатаго столѣтія; для избѣжанія лишнихъ расходовъ употреблялись деревянные плуги и поле взрывалось, а не вспахивалось. Въ сущности вводилось весьма мало усовершенствованій въ обработкѣ земли и только при Тюдорахъ введена лучшая смѣна посѣвовъ, лучшее и болѣе разнообразное удобреніе полей и употребленіе лошадей вмѣсто быковъ. Слѣдуетъ замѣтить однако, что въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ молочные продукты и птица были дешевы и въ изобиліи.

Главныя измѣненія, происшедшія между эпохой Domesday book и срединой тринадцатаго столѣтія, яснѣе всего видны по документамъ, которые отражаютъ эти измѣненія.

Измѣненія отъ 1085 до 1250.

По Liber Niger Петерборо 1125—8 возьмемъ для примѣра первую указанную тамъ усадьбу; въ ней нормальное владѣніе виллана—virgate или «ярдлэндъ» (yardland) въ тридцать акровъ пахатной земли. Каждый виланъ обязанъ весною вспахать для лорда четыре акра. Каждый поставляетъ двухъ быковъ въ запряжку плуга, онъ отдаетъ ихъ въ распоряженіе лорда на три дня зимою, три дня весною и одинъ день лѣтомъ. Кромѣ того каждый виланъ работаетъ на лорда три дня въ недѣлю, выплачиваетъ ежегодно подати 2 шил. 1½ п., даетъ курицу и шестнадцать яицъ. Крестьянинъ (cottager) владѣетъ пятью акрами земли, работаетъ на лорда одинъ день въ недѣлю, кромѣ того два раза въ годъ готовитъ солодъ для лорда и уплачиваетъ по 1 п. за каждую козу, которую онъ выгоняетъ на пастбище. Въ этой усадьбѣ повидимому было 1.253 акра пахотной земли, которая приходилась на сорокъ три виллана и восемь крестьянъ; 400 акровъ обрабатывались лордомъ черезъ посредство старосты; усадьбѣ принадлежали нѣсколько дюжинъ цѣнныхъ луговъ, мельница, дающая доходъ въ 20 ш. въ годъ, и неопредѣленное, но вѣроятно обширное, пространство земли для пастбища скота, овецъ, свиней, козъ, принадлежащихъ лорду и поселянамъ. Владѣніе лорда обрабатывалось принудительнымъ трудомъ его людей подъ присмотромъ старосты. Эта усадьба является типичной для двадцати пяти, упоминаемыхъ въ переписи и составившихъ помѣстье аббатства. Въ нѣкоторыхъ усадьбахъ находятся «сокмены» (socmen)—свободные владѣльцы, ихъ владѣнія не больше владѣній виллановъ, но они вмѣсто тяжелыхъ повинностей выплачиваютъ опредѣленную и не обременительную ренту.

Въ «Boldon Book», переписи, сдѣланной въ 1183 г. усадьбъ епископа Дургамскаго, главное различіе отъ вышеуказанныхъ усадьбъ

состоитъ въ томъ, что повинности жатвы, рубки дровъ и др. замѣняются денежной платой, владѣнія же крестьянъ часто достигаютъ до двѣнадцати акровъ каждое. Иногда вмѣсто всѣхъ повинностей лорду выплачивалась опредѣленная годовая плата; такъ напр., вилланы Саутсбайдайкъ (Southbydyke) владѣли землею, выплачивая за нее 5 ф. ежегодной аренды и поставляя 160 человѣкъ осенью для жатвы и тридцать шесть повозокъ, чтобы свозить хлѣбъ.

Въ «Domesday Св. Павла» (1222) указывается, что помимо повинностей каждый виллань выплачивалъ ежегодно лорду деньгами и натурой нѣсколько шиллинговъ и что число свободныхъ владѣльцевъ значительно увеличилось послѣ норманскаго завоеванія.

Въ переписи монастыря Св. Маріи въ Ворчестерѣ, уже въ тринадцатомъ столѣтіи, указывается на нѣкоторыя дальнѣйшія подробности владѣнія землею вилланами. Они не могли безъ разрѣшенія лорда продать быка или лошадь, отправить куда либо сыновей и отдать ихъ въ духовное званіе, выдать дочерей замужъ и молоть хлѣбъ не на мельницѣ лорда; въ случаѣ смерти виллана лордъ могъ захватить лучшее имущество и наложить какую угодно пеню на «наслѣдника». Позднѣе мы находимъ безчисленное количество подобныхъ документовъ: регистровъ, переписей, оцѣночныхъ записей, усадебныхъ реестровъ.

Города. Въ періодъ норманской и анжуйской династій въ сильной степени и почти внезапно возникаютъ жизнь и развитіе англійскихъ городовъ. Несомнѣнно, что первымъ слѣдствіемъ норманскаго завоеванія было разореніе городовъ. Число гражданъ, перечисляемыхъ въ 1086 г., сравнительно съ числомъ гражданъ царствованія Эдуарда, падаетъ почти вдвое (8,000 вмѣсто 17,000). Пришествіе новаго норманскаго лорда и постройка каменнаго замка вызвали отчаянное сопротивленіе со стороны жителей. Вслѣдствіе такой борьбы жалкія жилища сносились, чтобы дать мѣсто пристройкамъ замка или сжигались и разрушались случайно или въ видѣ наказанія; городокъ изнемогалъ подъ тяжестью труда и повинностей, налагаемыхъ новымъ лордомъ. «Въ этомъ городкѣ опустошены и разрушены 478 домовъ и они не могутъ выплачивать налоговъ». О каждомъ городкѣ можно сказать тоже, что сказано въ оксфордской записи Domesday Book. Норманы съ самаго начала пришествія давали больше, чѣмъ брали. Вслѣдъ за норманами появилось развитіе торговыхъ путей сообщенія, появились сношенія съ гаванями Нормандіи, Бретани, Пуатье, Гаскони и Испаніи. Иностранные купцы стали стекаться въ Лондонъ, Винчестеръ, Ипсвичъ, Бостонъ и Линкольнъ. Всюду поселились иностранные ремесленники, и всѣ ремесла, какъ то: каменьщика, плотника, выдѣлывателя стекла и обработывающаго металъ получили сильное развитіе, такъ какъ вездѣ строились замки, соборы и аббатства. То, что мы узнаемъ о Честерѣ, можетъ относиться ко многимъ городкамъ. Честеръ сильно пострадалъ

въ первые годы правленія новой династіи, но оправился къ 1086 г «Когда графъ Гугъ получилъ его, тамъ было на 250 домовъ менѣе. чѣмъ въ царствованіе короля Эдуарда; городъ былъ сильно разрушенъ; теперь тамъ столько же домовъ, сколько онъ засталъ по прибытіи». Во всякомъ случаѣ такое положеніе вещей вѣрно относительно городовъ почти до конца царствованія Генриха I. Какъ бы ни были тяжелы требованія норманскихъ лордовъ, для промышленныхъ классовъ они являлись сравнительно легкими, такъ какъ охраняли ихъ отъ необезпеченности и анархіи англо-саксонской эпохи. когда даже могущественные короли тщетно сѣтовали «на происходящія ежедневно многочисленныя и беззаконныя стычки». Тотъ же англичанинъ, который считалъ Вильгельма и «суровымъ и гнѣвнымъ», жаднымъ къ добычѣ и причиною всѣхъ бѣдствій, долженъ былъ сознаться, «что не слѣдуетъ забывать установленный имъ порядокъ; порядокъ былъ таковъ, что человѣкъ... могъ проѣхать по всему королевству, набивъ золото за пазуху и никто не смѣлъ убивать другого, какъ бы тотъ не оскорбилъ его». И затѣмъ говорилось о Генрихѣ I: «трудно описать тѣ бѣдствія, какія терпѣла страна отъ вымогательствъ короля»; и все же «онъ былъ хорошій человѣкъ и его боялись; ни одинъ человѣкъ не смѣлъ обижать другого въ его время; онъ установилъ «миръ для человѣка и звѣря». Новые правители обезпечивали не одну только безопасность внутренней торговли. Хартія герцога Нормандіи и Мена и короля Англіи, а также хартіи анжуйскихъ королей, повелѣнія которыхъ имѣли значеніе отъ Бервика до Байонны, открывали до сихъ поръ невиданный просторъ свободной торговлѣ. Повелѣніе: «да будетъ свобода и освобожденіе отъ всѣхъ податей, налоговъ, пошлинъ на ярмаркахъ и вездѣ, во всѣхъ гаваняхъ, во всѣхъ моихъ владѣніяхъ, какъ по сю такъ и по ту сторону моря, на сушѣ и на берегу», придавало новую жизнь скованной и сдавленной торговлѣ страны. Торговое развитіе повело къ повышенію конституціонныхъ требованій, а конституціонный прогрессъ возбудилъ въ свою очередь коммерческое развитіе. Свобода англійскихъ городовъ возникла съ ихъ процвѣтаніемъ и самый критическій моментъ ихъ исторической жизни совпадаетъ съ періодомъ, начало и конецъ котораго отмѣчаются хартіей Вильгельма I, дарованной Лондону и Великой Хартіей, вынужденной у Іоанна. Эта ступень ихъ исторической жизни была критической, такъ какъ обусловливала ту форму, какую приметъ городское самоуправленіе. До того времени англійскій городъ едва отличался отъ селенія. Если онъ былъ слишкомъ великъ, чтобы принимать его за одно селеніе, его признавали группою селеній т. е. «сотней». «Этотъ городъ при уплатѣ повинностей платитъ какъ сотня», — гласитъ формула Domesdaybook. Всѣ селенія и даже нѣкоторыя сотни подпали подъ власть лорда. Тотъ же феодальный процессъ затронулъ и городъ. Города позднѣй-

Королевскія хартіи.

шаго англо-саксонскаго періода принадлежали одному или нѣсколькимъ лордамъ или королю. На ряду съ древнимъ вѣчемъ, быть можетъ, зачастую и вытѣсняя его, возникъ судъ лорда, гдѣ главные граждане засѣдали, какъ вассалы лорда. На время феодальный характеръ обострился при новыхъ норманскихъ лордахъ, съ ясно-очерченной теоріей владѣнія и подраздѣленіемъ на горожанъ и виллановъ. Вскорѣ феодальный строй уступилъ мѣсто коммерческому строю. «Ганза» или гильдія возникала въ каждомъ значительномъ городѣ. Эти гильдіи были корпораціи купцовъ для собственной защиты, регулированія торговли и также, слѣдуетъ прибавить, для удаленія соперниковъ. Безъ королевской хартіи гильдіи были бы «незаконны» и могли бы распадаться. Въ силу хартіи онѣ могли принимать и освобождать крѣпостныхъ и вводить свои особыя постановленія во всемъ городѣ. Такъ Генрихъ II жалуетъ торговой гильдіи Оксфорда привилегію, что никто не принадлежащій къ ней не можетъ торговать въ городѣ и окрестностяхъ; Ноттингамской гильдіи даруется контроль надъ торговлей крашеннымъ сукномъ на десять лье кругомъ; Линкольнской гильдіи жалуется общій контроль надъ всѣми торговцами графства. До того времени города стремились только къ двумъ привилегіямъ, помимо общаго подтвержденія ихъ древнихъ мѣстныхъ обычныхъ правъ. Эти привилегіи были слѣдующія: за исключеніемъ немногихъ случаевъ имѣть свои собственные городскіе суды и право поставлять приговоръ божьимъ судомъ, не чужеземнымъ способомъ «вызова на бой». Теперь же въ силу сильнаго и быстраго развитія торговли и успѣха гильдій города стали стремиться свести всѣ налоги къ одной опредѣленной суммѣ и собирать эту сумму и самимъ вносить въ казну. Такой порядокъ вещей освобождалъ отъ ненавистной тираніи шерифа и осуществился при Генрихѣ II и въ особенности при Ричардѣ I, «въ глазахъ котораго все продажно». Этотъ шагъ имѣлъ рѣшительное вліяніе на строй будущихъ городовъ. Казна неизбѣжно продавала эту привилегію гильдіи, а не древнему вѣчу или суду вассаловъ. Вѣче и судъ вассаловъ устарѣли; гильдія есть явленіе новаго вѣка. Приводимъ, какъ интересный образчикъ той зависти съ какой смотрѣли на гильдіи, слова Ричарда Девайза (Devizès), осуждавшаго признаніе въ 1191 г. гильдіи главнымъ учрежденіемъ Лондона: «Зло, происходящее отъ этихъ союзовъ, видно изъ того, что говорятъ о нихъ; союзы эти волнуютъ чернь, угрожаютъ королевству и вселяютъ равнодушіе къ религіи». Признакомъ этого признанія гильдіи явилось разрѣшеніе городу имѣть своего городскаго голову. И такъ глава гильдіи сталъ главою города, альдермены гильдіи стали его помощниками, а зала гильдіи мѣстопребываніемъ администраціи. Такое устройство установилось въ царствованіе Іоанна; другіе города вскорѣ послѣдовали примѣру Лондона: такъ Лейчестеръ получилъ «коммуну» въ 1251 г. Къ счастію города все еще въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ

Система гильдій.

зависѣли отъ шерифа, напримѣръ въ дѣлѣ вооруженія, созыва милиціи, присутствія при объѣздныхъ королевскихъ судьяхъ и т. д. И такъ положеніе городовъ по ихъ участію въ системѣ шира не было нарушено—они могли имѣть представителей въ парламентѣ наряду съ рыцарями шира и не обособились, какъ вездѣ въ Европѣ; изъ такого положенія вытекаетъ двойственный составъ нашей палаты общинъ и ея единство.

Ремесленные цехи.

Въ то время, когда торговая гильдія стала главнымъ учрежденіемъ, въ силу естественнаго раздѣленія труда стали возникать ремесленные цехи или ассоціаціи ремесленниковъ; они организовали низшее и какъ бы соперничающее съ гильдіей учрежденіе. Соперничество было, правда, значительно слабѣе, чѣмъ на континентѣ. Все таки въ тринадцатомъ столѣтіи, какъ общее правило, ни одинъ ремесленникъ не могъ принадлежать къ торговой гильдіи. Мы знаемъ, что уже въ 1130 г. во многихъ большихъ городахъ были цехи ткачей; купцы подкупаютъ Іоанна, чтобы онъ отнялъ у ткачей хартію, а ткачи опять покупаютъ ее у него. Позднѣе ремесленнымъ цехамъ удается постепенно освободиться отъ монополіи торговой гильдіи и зачастую обезпечивать для себя независимую юрисдикцію.

Не слѣдуетъ смотрѣть на цеховую систему со всѣми ея ограниченіями, какъ на слишкомъ узкое примѣненіе экономическихъ формулъ. Въ тотъ вѣкъ, когда власть вмѣшивалась всюду, когда потребители весьма мало могли оградить себя, цехи оказали большую услугу, введя опредѣленный кодексъ промышленной нравственности; они строго преслѣдовали неправильные вѣсы и мѣры, негодный матеріалъ и плохую работу. Они дѣйствовали также въ качествѣ благотворительныхъ, страховыхъ и похоронныхъ обществъ; они выполняли общественныя, педагогическія и даже религіозныя функціи, кромѣ того регулировали часы труда, мануфактурное производство, заработную плату и цѣны.

Иностранные торговцы и иностранная торговля.

Много энергіи англійской торговой жизни направлялось на вытѣсненіе иностранцевъ изъ внутренней торговли страны. До тринадцатаго столѣтія вывозъ Англіи, состоявшій исключительно изъ сыраго матеріала, находился главнымъ образомъ въ рукахъ иностранцевъ. Въ интересахъ короны было жаловать или продавать привилегіи этимъ людямъ. Уже въ царствованіе Генриха II Ганза Нидерландовъ имѣла въ Лондонѣ постоянную сильную организацію; резиденція Ганзы была въ замкѣ, окруженномъ стѣнами — Стильярдъ (Steelyard) на берегу Темзы, съ общей залой и трапезной, съ мейстерами (Masters) въ полномъ вооруженіи и воротами, запиравшимися по сигналу. Такую же соперничащую организацію представляла Тевтонская Ганза; она учреждена была торговцами Кёльна, но слилась въ тринадцатомъ столѣтіи съ болѣе сильною Ганзою Любека и Брюгге. Эти учрежденія завели филіальныя отдѣленія въ провинціальныхъ центрахъ. Даже

менѣе организованные союзы купцовъ изъ Флоренціи, Лукки, Піаченцы, появляясь въ двѣнадцатомъ столѣтіи для закупки шерсти въ Бостонъ и Линнъ и привозя безъ сомнѣнія для обмѣна южные и восточные товары, очевидно имѣли свой опредѣленный уставъ и корпоративныя права [1]). Со времени третьяго крестоваго похода начинается подобная же тѣсная связь съ Генуей. Изъ Гаскони и Лотарингіи получался большой запасъ винъ. Для удовлетворенія нуждъ иностранной торговли около 1200 г. вводятся векселя. Главною цѣлью англійскихъ государственныхъ людей было обезпечить «торговый балансъ» въ Англіи въ видѣ серебра. Генрихъ Гунтингдонъ, перечисляя громадные транспорты мяса, рыбы, шерсти, олова, жести, отправленные на Рейнъ, разсуждаетъ о томъ, что германцы выплачиваютъ за нихъ серебромъ и вслѣдствіе этого денежное обращеніе въ Англіи состоитъ изъ чистаго серебра. Такіе же ошибочные взгляды повели къ запрещенію вывоза хлѣба. Для пріостановленія вывоза Ричардъ I сжегъ нѣсколько англійскихъ кораблей, захваченныхъ у Св. Валерія, и сжегъ самъ городъ и перевѣшалъ матросовъ.

Мѣстная торговля ярмарка.

Внутренняя торговля Англіи зависѣла главнымъ образомъ отъ крупныхъ ярмарокъ въ разныя времена года. Въ Кембриджѣ было четыре такихъ ярмарки въ годъ. Въ 1189 г. упоминается, что городской судъ Лондона пріостанавливалъ свои дѣйствія во время годовыхъ ярмарокъ въ Бостонѣ и Винчестерѣ. Въ продолженіи семи дней ярмарки Св. Фридесвиды въ Оксфордѣ настоятелю монастыря принадлежала юридическая власть надъ всѣмъ городомъ. Во время такихъ собраній «ярмарочный судъ» примѣнялъ упрощенное «торговое судопроизводство». Пока длилась ярмарка въ городѣ или округѣ, обыкновенно пріостанавливалась всякая другая торговля. На извѣстномъ разстояніи строились деревянные балаганы, образуя ряды, носящіе названіе по предмету торговли—рядъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ, рядъ скорняковъ и т. д. Самая большая ярмарка была въ Стаурбриджѣ (18 сентября и 9 октября). Здѣсь встрѣчались купцы изъ Гамбурга, Брюгге, Страсбурга, Руана, Бордо, Флоренціи и Генуи. Старосты фермъ являлись сюда закупать годовой запасъ перца, желѣза, дегтя и продать шерсть, шкуры, скотъ, хлѣбъ и сѣно. Экономы коллегій Оксфорда и отдаленныхъ аббатствъ являлись закупать запасы на зиму, соль, пряности, а также полотно изъ Ліежа, испанское вино, балтійскіе мѣха и фламандское сукно. Подобное стеченіе народа, занимавшее пространство въ полъ квадратной мили, указываетъ, что пути сообщенія и дороги были довольно сносны въ началѣ среднихъ вѣковъ. Разбросанность помѣстій знатныхъ лордовъ, наплывъ пилигримовъ способствовали хорошему состоянію дорогъ; хорошее ихъ

[1]) Въ одномъ спискѣ тринадцатаго вѣка насчитываетя 177 монастырскихъ домовъ, откуда флорентинцы получали шерсть.

состояніе видно изъ дневниковъ путешественниковъ (напр. отъ Оксфорда до Ньюкэстля), по умѣренной цѣнѣ за повозку даже для тяжестей и наконецъ по обилію гостинницъ. Нерѣдко общественные или благотворительные фонды употреблялись на поправку главныхъ мостовъ и дорогъ; кромѣ того обычное право возлагало эту обязанность на приходы.

Развитіе Лондона. Главнѣйшіе города.

Лондонъ можетъ служить примѣромъ того, какъ быстро въ тотъ періодъ развивалась промышленность и увеличивалось богатство. Въ современномъ описаніи Фитцъ-Стефена, относящемся къ 1174 г., въ Лондонъ ввозились золото и пряности изъ Аравіи, драгоцѣнныя камни изъ Египта, шелка изъ Индіи, мѣха изъ сѣверныхъ странъ, вина изъ Франціи и оружіе изъ Скиѳіи. Въ немъ было 139 церквей; Лондонъ, какъ столица, вытѣснилъ Винчестеръ; быть можетъ, слѣдуетъ принять только одну десятую той военной силы, которая насчитывалась въ количествѣ 60,000 пѣшихъ и 20,000 конныхъ. Въ силу величины города «граждане считались почти благородными». Они сами избирали шерифа и судей. Королевскія хартіи обезпечивали за ними свободу провоза товаровъ и торговли и право охоты въ Чайльтернѣ, Миддльсексѣ и Сюрреѣ. За подтвержденіе этихъ правъ и обѣщаніе снять плотины съ Темзы и Медуэй они выплатили въ 1199 г. 3,000 ф. королю Іоанну. Переходъ Лондона на сторону барововъ въ маѣ 1215 г. принудилъ короля подписать Великую Хартію. Лондонъ представлялъ высшее проявленіе муниципальнаго прогресса, немногіе англійскіе города этого столѣтія достигали населенія свыше 10,000. Самыми значительными городами на югѣ были Эксетеръ, Бристоль, Винчестеръ и Соутгамптонъ; на сѣверо-западѣ Честеръ; въ восточныхъ графствахъ Дунвичъ, Норвичъ, Линнъ; на сѣверѣ:—Линкольнъ, Гримсби. Іоркъ, Гуль и Ньюкэстль. Береговые города доставляли довольно многочисленный флотъ, хотя корабли были очень малой вмѣстимости. Вильгельмъ I въ 1072 г. пользовался подобнымъ флотомъ противъ Шотландіи, а Генрихъ I въ 1099 г. противъ своего брата Роберта. Генрихъ II положилъ начало королевскому флоту, независимому отъ наборовъ частнаго флота; у Ричарда I хотя и были собственныя галеры, но его флотъ состоялъ главнымъ образомъ изъ кораблей, взятыхъ силою или нанятыхъ у его подданныхъ. Въ его царствованіе мы находимъ другое доказательство увеличенія богатства страны; его выкупъ былъ оцѣненъ въ 150,000 марокъ, и Говеденъ заявляетъ, что въ теченіе двухъ лѣтъ королю выслано было изъ Англіи 1,100,000 марокъ, (около 750,000 ф.)—невѣроятная сумма, въ двѣнадцать разъ превышавшая годовой доходъ Генриха II. Совершенно очевидно, что Англія становится самымъ богатымъ изъ европейскихъ государствъ, за исключеніемъ Италіи и самой благоустроенной и свободной страной.

Общественное здравіе

С. Крейтона.

Существованіе проказы указываетъ на крайне жалкое состояніе средневѣковой жизни. Эта болѣзнь служитъ безспорно указателемъ общественнаго бѣдствія, какъ для настоящаго времени, такъ и въ прошломъ; но не слѣдуетъ преувеличивать ея значенія. Англія въ средніе вѣка вовсе не представляла изъ себя несчастную страну прокаженныхъ, какъ мы можемъ себѣ ее представить по тому вниманію, какое обращается на этихъ страдальцевъ. Генрихъ, архидіаконъ Гунтингдона, въ царствованіе Генриха I, называетъ свою родину «веселой Англіей» (Anglia plena jocis); англичане, говоритъ онъ,—свободный народъ; они обладаютъ свободнымъ духомъ и языкомъ и еще большей щедростью; у нихъ обиліе прекрасныхъ вещей для себя и они могутъ кое-что удѣлить своимъ заморскимъ сосѣдямъ. Именно этотъ буйный животный духъ, эта любовь къ охотѣ и забавамъ, хорошей компаніи и удовольствіямъ жизни, все, что отмѣчало «средняго чувственнаго человѣка», и составляло преобладающій національный типъ, представляло сильный контрастъ съ смиреніемъ, униженностью, покаяніемъ, умерщвленіемъ плоти и мрачными мыслями религіознаго меньшинства. Такъ какъ историческія свѣдѣнія доходятъ до насъ исключительно черезъ посредство духовныхъ лицъ, мы многое узнаемъ о религіозной и мрачной сторонѣ народной жизни; въ связи съ этимъ мы узнаемъ много и о прокаженныхъ, которые были любимымъ объектомъ благочестивой заботы. Прокаженные были «бѣдные Христа», ихъ называли лазарями, въ честь Лазаря,—безразлично, какъ того, кого любилъ Христосъ, такъ и того Лазаря, который, покрытый язвами, лежалъ у воротъ богача. Давидъ, король шотландцевъ, сынъ Св. Маргариты и Малькольма Канмора, графъ Гунтингдона, основалъ тамъ больницу для прокаженныхъ. Его біографъ говоритъ, что онъ вмѣстѣ съ Лазаремъ, «котораго онъ любилъ», принятъ въ лоно Авраама. Его сестра Матильда, королева и жена Генриха I, основавшая больницу для прокаженныхъ въ Ст. Жильсѣ, умывала ноги прокаженнымъ, убѣжденная въ томъ, что она такимъ образомъ умываетъ ноги самаго Христа. Религіозное чувство средневѣковаго міра противополагалось жизнерадостному чувству язычества, но оно составляло контрастъ и съ буйнымъ, обыденнымъ духомъ своего времени. Религіозное чувство побуждало ухаживать за всѣми немощными и безпомощными въ борьбѣ; оно изливало на нихъ ласки, относилось къ нимъ съ мрачнымъ уваженіемъ и преувеличенной преданностью, потому что дѣла бла-

готворительности давали исходъ чувству, столь необходимому въ такой тяжелый и суровый вѣкъ.

Англійскія больницы для прокаженныхъ стали основываться послѣ Завоеванія. Ланфранкъ, архіепископъ Кентербюрійскій при Вильгельмѣ, учредилъ двѣ больницы: одну для прокаженныхъ. другую вообще для больныхъ. Много больницъ основаны со времени царствованія Генриха I, другія основаны Стефаномъ, нѣкоторыя учреждены Генрихомъ II и нѣсколько больницъ въ царствованіе Іоанна; не смотря на свой гнусный характеръ, онъ выдѣляется среди англійскихъ монарховъ, какъ покровитель прокаженныхъ. Основателями и покровителями больницъ были короли, королевы, рыцари и благочестивыя дамы, епископы, аббаты. Больницы для прокаженныхъ составляли только незначительную часть благотворительныхъ учрежденій Англіи—быть можетъ шестую или восьмую часть и по всей вѣроятности ихъ насчитывалось не болѣе пятидесяти. Въ Дургамѣ была больница на шестьдесятъ человѣкъ, мужчинъ и женщинъ; въ больницѣ Матильды въ Ст. Жильсъ-Фильдѣ, за Лондономъ, была часовня и зала на сорокъ прокаженныхъ, спали они должно быть въ другомъ мѣстѣ; въ больницѣ въ Рипонѣ «для всѣхъ прокаженныхъ Ричмондшира» было восемнадцать кроватей; въ Линкольнѣ была больница на десять кроватей; а въ мужскомъ госпиталѣ аббатства Св. Албана было шесть кроватей. Больницы эти обыкновенно сильно поддерживались духовенствомъ; нѣкоторыя были общими для прокаженныхъ и обыкновенныхъ больныхъ, приходилось трое или четверо больныхъ на шесть или восемь прокаженныхъ, другія больницы были для больныхъ или «прокаженныхъ монаховъ и священниковъ; или для тѣхъ же лицъ, когда они состарятся, заболѣютъ проказою или другою болѣзнію». Уже въ 1279 г. госпиталь для прокаженныхъ въ Стоурбриджѣ, возлѣ Кембриджа, былъ отдѣленъ отъ прокаженныхъ епископомъ Эли; по изслѣдованіямъ въ царствованіе Эдуарда III видно, что въ госпиталяхъ для прокаженныхъ въ Рипонѣ, Оксфордѣ и другихъ мѣстахъ вовсе не было прокаженныхъ; въ Св. Албанѣ, за нѣсколько лѣтъ до 1349 г. только одна кровать или двѣ или три изъ шести заняты были прокаженными; въ 1434 г. по новымъ уставамъ, написаннымъ для большого Дургамскаго госпиталя, двѣ кровати должны были оставляться для прокаженныхъ, «если таковые найдутся», чтобы такимъ образомъ сохранить воспоминаніе о первоначальной цѣли госпиталя. Въ сущности, тѣ немногія больницы, которыя прямо предназначались для прокаженныхъ, вполнѣ или частью, понемногу измѣнили свое назначеніе и даже на глазахъ у тѣхъ, кто помнилъ ихъ учрежденіе. Это происходило частью отъ скупости духовенства, частью отъ ненадобности такихъ больницъ для прокаженныхъ или быть можетъ и потому, что онѣ возникли въ силу преувеличеннаго рыцарскаго увлеченія.

Во многихъ хартіяхъ больницъ для прокаженныхъ упоминалось о пріемѣ и не-прокаженныхъ больныхъ, но даже и тѣ, которые считались прокаженными, представляли разнородныхъ больныхъ хроническими болѣзнями, страдающими язвами, сыпью, опухолями, и различными уродствами. Несомнѣнно, что средневѣковые писатели въ началѣ четырнадцатаго столѣтія знали настоящую проказу, видѣли ее и описали по дѣйствительнымъ наблюденіямъ; но несомнѣнно и то, что слово «прокаженный» употреблялось и лицами, которыя не умѣли отличить проказы; названія «проказа», «прокаженный», «домъ Лазаря» пріобрѣли крайне обширный смыслъ. Принявъ во вниманіе всю обширность понятія о проказѣ, распространеніе проказы въ средне-вѣковой Британіи не было велико: могъ въ той или другой деревнѣ появится прокаженный; могъ оказаться одинъ или два больныхъ въ городѣ, гдѣ происходитъ базаръ; появлялась дюжина или болѣе прокаженныхъ въ городѣ или около двадцати въ цѣлой епархіи,—такъ по записямъ города Глочестера, подъ числомъ 20 октября 1273 г. упоминается три лица—мужчина и двѣ женщины—прокаженныхъ и живущихъ «infra villam» ко вреду и опасности жителей. Больница для прокаженныхъ въ Рипонѣ «для всѣхъ прокаженныхъ Ричмондшира» разсчитана всего на восемнадцать кроватей. Проказа никогда не достигала такого распространенія въ Англіи, чтобы древнее названіе «веселая Англія» стало только парадоксомъ. Предполагаютъ, что проказа возникала отъ плохой пищи: полусгнившей рыбы или мяса; въ средніе вѣка, когда въ теченіи многихъ мѣсяцевъ въ году нельзя было имѣть свѣжей пищи (только лордъ и браконьеръ имѣли дичь), а соленые припасы плохо приготовлялись благодаря дороговизнѣ соли или ея плохаго качества (соль Чешира стала добываться значительно позднѣе), неудивительно, что кое-гдѣ жители заболѣвали проказою, въ особенности, если они привыкали употреблять въ пищу полусгнившее мясо и рыбу, къ чему и въ наше время привыкаютъ дикари, полу-цивилизованные народы и зараженныя проказою племена. Англичане вообще всегда употребляли хорошую пищу; они предпочитали лучше не ѣсть хлѣба, чѣмъ «ѣсть его съ примѣсью, они любили лучшій сортъ и чисто-пшеничный—они ѣли окорокъ, или свѣжее мясо и хорошо изжаренную или сушеную рыбу». Въ особенности избѣгали они употребленія ржанаго хлѣба («чернаго хлѣба»), главной пищи крестьянъ во Франціи; и быть можетъ, вслѣдствіе этого избѣгали одной изъ самыхъ распространенныхъ болѣзней среднихъ вѣковъ—антонова огня или гангрены—отъ хлѣба изъ заплѣсневѣлой ржи, самой разрушительной и мучительной болѣзни, о которой во французскихъ легендахъ упоминается гораздо чаще, чѣмъ даже о проказѣ.

Болѣзни и голодъ.

Если мы допустимъ, что проказа правильно называется «*morbus miseriae*», и что она происходила отъ испорченной пищи, то по всей

вѣроятности во время основанія въ Англіи больницъ для прокаженныхъ тамъ дѣйствительно существовала проказа; то былъ смутный періодъ и отмѣченъ онъ въ лѣтописяхъ частымъ голодомъ и эпидеміями вслѣдствіе голода. Голодовка была въ послѣдній годъ царствованія Завоевателя (1086—7), она сопровождалась всеобщей сильной горячкой (тифомъ); хроникеры говорятъ, что горячка похитила тѣхъ, кого пощадилъ голодъ; всѣ указываютъ на большую смертность, и даже Вильгельмъ Мальмсбюрійскій отвлекается отъ дипломатіи и церковной исторіи, чтобы упомянуть о ней. Сильный голодъ и смертность отмѣчаются опять при Вильгельмѣ Рыжемъ, по видимому не вслѣдствіе неурожаевъ, а потому что крестьяне бросали работу, видя, что жатва ихъ немедленно конфискуется, какъ подать королю. Тѣ же жалобы на чрезмѣрныя подати продолжаются при Генрихѣ I, въ царствованіе котораго происходили эпидеміи вслѣдствіе голода, и падежа скота. Анархія и междоусобія въ царствованіе Стефана сопровождались тѣми же бѣдствіями; только при вступленіи Генриха II въ 1154 г. эти записи прекращаются на время, за однимъ исключеніемъ во все продолженіе его долгаго царствованія. Хорошее управленіе не могло окончательно помѣшать голоду или эпидемическимъ болѣзнямъ, два неурожая подрядъ почти навѣрное служили къ ихъ возникновенію во всякой странѣ средневѣковой Европы. Одна такая голодная эпидемія была въ Англіи въ царствованіе Ричарда I въ продолженіи шести мѣсяцевъ въ 1196 г.; въ «Айвенго» упоминается объ этой эпидеміи. Нѣсколько лѣтъ подъ рядъ былъ неурожай не только въ Англіи, но и во всей Европѣ; народъ умиралъ отъ голода, наконецъ началась эпидемическая горячка, «какъ бы отъ труповъ, умершихъ отъ голода», говоритъ историкъ; она проникала всюду, отъ нея заболѣвали имѣвшіе пищу и голодные. Вильгельмъ Ньюбургъ былъ очевидцемъ ея въ Іокширѣ; Жиральдъ Камбрензисъ разсказываетъ, какъ голодный народъ осаждалъ окна и двери странноприимнаго дома, гдѣ онъ жилъ въ Линкольнѣ. Смертность была громадная, обходились безъ похоронъ, хоронили только богатыхъ; въ многолюдныхъ мѣстахъ трупы закапывали во рвахъ, какъ во время Черной Смерти. Эта большая смертность обусловливалась не однимъ голодомъ. Вильгельмъ Ньюбургъ, историческій талантъ котораго вселяетъ довѣріе къ его мнѣнію, указываетъ на то, что и тѣ, у которыхъ былъ хлѣбъ, заражались, какъ бы отъ труповъ умершихъ отъ голода; онъ передаетъ странный разсказъ очевидца о томъ, какъ въ деревнѣ или маленькомъ городкѣ Ананъ, на Сольуэйѣ, распространилась зараза и случайно выслѣдили ея возникновеніе отъ трупа, брошеннаго нагимъ въ неглубокую яму въ землѣ, и какъ мудрецы того городка прекратили эпидемію тѣмъ, что вырыли вредный трупъ и сожгли его.

Рѣдко бывало болѣе мирное завоеваніе сравнительно цивилизован-

Общественная жизнь и нравы.

ной страны, какъ завоеваніе Англіи норманами; не трудно выяснить причину подобнаго завоеванія. Послѣ битвы при Сенлакѣ у англичанъ не было предводителей и черезъ нѣсколько лѣтъ положенъ конецъ всякому сопротивленію. Эдвинъ и Моркере были побѣждены, даже Геревардъ Храбрый сдался, видя, что всякое дальнѣйшее сопротивленіе излишне; Эдгаръ Этелингъ былъ не опасенъ. Такое положеніе вещей главнымъ образомъ зависило отъ мирной политики Завоевателя—примѣромъ служитъ хартія Вильгельма городу Лондону. Оригиналъ документа, на который мы ссылаемся, хранится въ ратушѣ и написанъ на англо-саксонскомъ языкѣ; приводимъ переводъ его:

„*Вильгельмъ король обращается къ Вильгельму епископу и Годфрею старшинѣ (Port reeve) и ко всѣмъ гражданамъ въ Лондонѣ—французамъ и англичанамъ—дружелюбно. И я объявляю вамъ мою волю, чтобы вы пользовались всѣми законами, какими пользовались при королѣ Эдуардѣ. И я желаю, чтобы каждый ребенокъ былъ наслѣдникомъ отца по его смерти. И я не потерплю, чтобы кто-либо нанесъ вамъ обиду. Да хранитъ васъ Богъ*“.

Кромѣ того въ религіи не произошло никакого измѣненія; хотя англійское дворянство, не желавшее сразу подчиниться, подверглось конфискаціи помѣстій, и для того, чтобы прочнѣе удержать Англію, пришлось покрыть ее крѣпостями, все же «простой народъ» въ Англіи пострадалъ весьма мало. Онъ только перемѣнилъ властелина и, если вѣрить Вильгельму Мальмсбюрійскому, къ лучшему:

„При саксонцахъ, (говоритъ онъ) народъ, оставленный безъ защиты, сталъ добычею болѣе сильныхъ, которые накопляли богатство или захватомъ его имущества или продажею владѣльцевъ въ чужія страны; хотя врожденнымъ свойствомъ этихъ людей была скорѣе наклонность къ пиршествамъ, чѣмъ къ накопленію богатства“. III 245.

Такой порядокъ вещей прекращенъ при Генрихѣ I въ 1102 г., онъ повелѣлъ: «чтобы въ Англіи не происходило больше продажи и покупки людей, какъ то происходило до того времени, какъ будто они были коровы или быки».

Какъ только Вильгельмъ почувствовалъ себя упроченымъ на престолѣ, его мягкость исчезла. Спидъ говоритъ:

„Древніе законы страны были большею частью отмѣнены и обнародованы новые, какъ болѣе равные и легкіе для исполненія; законы же эти, хотя относились собственно къ *англичанамъ* и потому должны были быть имъ хорошо извѣстны, тѣмъ не менѣе написаны были на грубомъ *норманскомъ* языкѣ, который они не понимали; многія лица, частью въ силу несправедливости самаго закона, частью въ силу ложнаго истолкованія по незнанію, а также по проискамъ истцовъ и судей, выдававшихъ за законъ все, что имъ было угодно, неправильно осуждались на конфискацію имущества и земель, и лишались жизни; обыкновенно же такъ

запутывались въ неясномъ толкованіи, мучились отсрочками, тревогами и препятствіями, что предпочитали бросать тяжбы, чѣмъ подвергать себя безконечнымъ мученіямъ“ [1]). *Historie* of Great Britain Bk. IX c. 2 № 20.

Вполнѣ естественно, что онъ постарался обезоружить народъ насколько возможно, и чтобы не происходило ночныхъ сборищъ, онъ повелѣлъ послѣ сигнальнаго звона въ восемь часовъ вечера тушить всѣ огни.

Онъ также велѣлъ произвести точную перепись во всемъ королевствѣ о собственникахъ земли, ихъ цѣнности, числѣ домовъ и жителей въ каждомъ помѣстьи; эту перепись, Domesday Book, Робертъ Глочестеръ изложилъ въ стихахъ:

„The King Willam, vorto wite the wurth of his londe,
Let enqueri streitliche thoru all Englelonde
Hou moni plou-lond, and hou moni hiden al so.
Were in everich ssire, and wat hii were worth ther to:
And the rentes of ech toun, and of the wateres echone,
Thet worth, and of wodes ek, that ther ne bilevede none,
That he nuste wat hii were worth of al Englelonde.
And wite al clene, that worth ther of ich under stonde.
And let it write clene ynou, and that scrit dude iwis.
In the Tresorie at Westmunstre, there is yut is,
So that vre Kinges sutthe, wanne his raunson toke,
Yredy wat folc mighte give, hii founde there in hor book“.

(7674, seq. [2]).

Послѣ переписи, онъ повелѣлъ, чтобы ему выплачивали по шести шиллинговъ съ каждаго гайда земли.

Если мы примемъ во вниманіе количество норманновъ, явившихся въ обѣтованную землю, и тщательно, стратегически разселенныхъ вдоль и въ ширину (Вильгельмъ, говорятъ, высадилъ въ Англію по крайней мѣрѣ 60,000 человѣкъ: 50,000 всадниковъ и 10,000 пѣшихъ), можно предположить, что имена ихъ гораздо больше сохранились, чѣмъ то было въ дѣйствительности. Свѣдѣнія о нихъ весьма скудны и сводятся главнымъ образомъ къ списку битвы при Аббатствѣ; предполагаютъ, что это списокъ тѣхъ предводителей, ко-

Спутники Завоевателя.

---

[1]) Такъ продолжалось до 36 Эдуарда III с. 15, который повелѣлъ, чтобы въ будущемъ всѣ тяжбы излагались, разбирались, защищались, обсуждались и судились на англійскомъ языкѣ, а записывались и вносились по латыни.

[2]) Король Вильгельмъ, чтобы знать стоимость земли, велѣлъ произвести изслѣдованіе по всей Англіи, сколько пахатной земли, и сколько гайдовъ также, было въ каждомъ помѣстіи и сколько ихъ стоимость; и ренту каждаго селенія, и о водахъ, о ихъ стоимости; и лѣсахъ, чтобы знать стоимость всего, чѣмъ онъ владѣетъ въ Англіи и велѣлъ все написать и перепись положить въ Вестминстръ, гдѣ она и теперь находится и тогда король обо всемъ, что могъ дать ему народъ, могъ узнать изъ этой книги.

торые были тамъ въ роковой день, составленный для того, чтобы монахи могли молиться за души тѣхъ, «чьи труды и храбрость помогли завоевать королевство». Оригиналъ списка уже давно не существуетъ--да и онъ не былъ вполнѣ достовѣренъ; Дугдэль и Кэмденъ говорятъ, что монахи вносили за плату имена. Существуютъ нѣсколько копій этого списка; списокъ, въ которомъ больше всего именъ, находится въ началѣ Голиншедской хроники—въ немъ 629 именъ, а въ хроникѣ Леланда 495 именъ.

Общественныя измѣненія.

Пришествіе норманновъ произвело безъ сомнѣнія громадное улучшеніе въ нравахъ, нравственности и вообще въ цивилизаціи. Вильгельмъ Мальмсбюри изображаетъ общество до нашествія Завоевателя и общество въ послѣдующія царствованія:

„Тѣмъ не менѣе съ теченіемъ времени стремленіе къ литературѣ и религіи пришло въ упадокъ за нѣсколько лѣтъ до пришествія норманновъ. Духовенство, довольствуясь слабой степенью учености, едва могло бормотать слова Таинствъ; лицо, знавшее грамматику, возбуждало изумленіе и удивленіе. Монахи насмѣхались надъ уставомъ своего ордена и носили прекрасныя одежды и ѣли всякую пищу. Дворянство, преданное роскоши и веселью, не ходило въ церковь по утрамъ по обычаю христіанъ, но безпечно слушало утреню и обѣдню, которыя служилъ наскоро священникъ, у себя въ комнатѣ... Пьянство, въ особенности, было въ общемъ ходу, и въ немъ проводили цѣлыя ночи и дни. Они проживали свое состояніе въ низкихъ и позорныхъ домахъ;—тогда какъ норманы и французы проживали воздержанно въ благородныхъ великолѣпныхъ замкахъ... Они привыкли ѣсть до пресыщенія и пить до тошноты. Послѣднія качества они передали Завоевателямъ, во всемъ остальномъ усвоили ихъ нравы. Къ тому же норманы, (я долженъ говорить и о нихъ), тогда и даже теперь хорошо одѣвались, были изысканы въ пищѣ, но не чрезмѣрно. Норманы народъ, созданный для войны, и не могутъ существовать безъ нея; они неистово набрасываются на врага; когда не хватаетъ силы для успѣха, идутъ на хитрость или даже подкупъ. Какъ я разсказалъ уже, они живутъ умѣренно въ большихъ зданіяхъ; они завидуютъ высшимъ, хотятъ превзойти себѣ равныхъ и грабятъ своихъ подчиненныхъ, хотя защищаютъ ихъ отъ другихъ; они вѣрны своему лорду, но по поводу малѣйшей обиды измѣняютъ ему. Они оцѣниваютъ измѣну по успѣху и мѣняютъ свои чувства за деньги. Они, однако же, самый добрый народъ и уважаютъ иностранцевъ, заслуживающихъ уваженія, наравнѣ съ своими. Они заключаютъ браки среди своихъ вассаловъ. По прибытіи своемъ они оживили религію, ставшую безжизненной въ Англіи. Въ каждой деревнѣ построена церковь, а въ мѣстечкахъ и городахъ построены монастыри по неизвѣстному до того стилю; страна расцвѣла при возобновленіи церковнаго богослуженія, каждый самостоятельный человѣкъ старался возобновить потерянное раньше время какимъ либо великодушнымъ поступкомъ“. III 245.

Мы узнаемъ отъ того же хроникёра, что такое счастливое положеніе вещей не существовало при Вильгельмѣ Рыжемъ.

„Духовные почести Церкви, когда умирали пастыри, продавались: какъ только становилась извѣстна смерть епископа или аббата, немедленно

являлся кто-либо изъ клериковъ короля, онъ дѣлалъ опись всему и будущіе доходы вносилъ королевскому казначею. Въ то же время искали лицо для занятія мѣста умершаго, не по нравственнымъ качествамъ, а по деньгамъ, и затѣмъ, такъ сказать, пустое достоинство продавалось по высокой цѣнѣ. Подобныя вещи казались самыми позорными, потому что во время его отца по смерти аббата или епископа всѣ доходы сохранялись для передачи его преемнику-пастырю и избирались лица дѣйствительно достойныя по своей религіозности. Но въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ все измѣнилось. Не было богатаго человѣка, кромѣ мѣнялы; богатаго клерика, если онъ не былъ законовѣдомъ; священника, если онъ не фермеръ. Люди низкаго положенія или виновные въ преступленіи выслушивались, если они могли представить какую-либо прибыль королю; петля снималась съ шеи грабителя, если тотъ представлялъ какую-либо выгоду королю. Военная дисциплина была ослаблена, придворные набрасывались на имущество сельчанъ, поглощали ихъ средства къ жизни, выхватывали куски изъ самаго рта несчастныхъ созданій". IV 314.

Эдмеръ, говоря объ отношеніяхъ двора къ поселянамъ, говоритъ:

„Что касается до жестокости къ ихъ хозяевамъ и неприличнаго поведенія къ ихъ женамъ и дочерямъ, то даже позорно и вспомнить объ этомъ".

Все это измѣнилось въ царствованіе Генриха I; онъ

„сдѣлалъ постановленіе для свиты своего двора, въ какой бы части владѣній своихъ онъ не находился, что именно придворные могутъ получать безъ платы у поселянъ, и за сколько и по какой цѣнѣ могутъ покупать; нарушители наказывались тяжелымъ денежнымъ штрафомъ или лишались жизни". MS. 229 Rolls'Series 192.

Онъ старался насколько возможно уничтожить изнѣженность, преобладавшую въ теченіе предшествовавшаго царствованія. Согласно Ордерику Виталису, во время бытности его въ Нормандіи, онъ, выслушавъ сильную проповѣдь Серло, епископа, о грѣхѣ ношенія длинныхъ волосъ и бородъ, предложилъ остричься по образцу епископа, прелатъ самъ выполнилъ операцію.

Послѣ его смерти все вернулось къ старому режиму, а междоусобная война уничтожила все хорошее, сдѣланное Генрихомъ.

„Было много замковъ въ Англіи, защищавшихъ раньше окрестность, а теперь опустошавшихъ ее. Гарнизоны увели съ полей овецъ и скотъ, они не пощадили церквей и кладбищъ. Схвативъ сельскихъ іоменовъ (vavassours), слывшихъ богатыми, они страшными пытками принуждали ихъ давать какія угодно обѣщанія. Разграбляя дома несчастныхъ землепашцевъ, даже ихъ постели, они бросали ихъ въ тюрьмы; они освобождали ихъ подъ тѣмъ условіемъ, что бы они отдавали все, что имѣли или что могли вмѣстѣ собрать для своего освобожденія. Многіе умирали среди мученій для вымогательства выкупа, вознося жалобы — все что они могли сдѣлать — о своихъ несчастіяхъ Господу". William of Malmesbury II 483.

Лондонъ. Таково было общее состояніе страны во время норманскаго правленія. Если бы даже было мѣсто для описанія, у насъ мало свѣдѣній о другихъ городахъ, помимо Лондона. О Лондонѣ же сохранилось живописное описаніе Вильгельма Фитцъ-Стефена, писавшаго вѣроятно во время царствованія Генриха II. Упомянувъ о его стѣнахъ, воротахъ, Тоуэрѣ, церкви Св. Павла, Новомъ Дворцѣ въ Вестминстерѣ, онъ говоритъ:

„Къ строеніямъ примыкаютъ сады тѣхъ гражданъ, которые живутъ въ предмѣстьяхъ, сады засажены деревьями, обширны и красивы. На сѣверѣ поля, пастбища и прекрасные луга, перерѣзанные прекрасными рѣчками, на которыхъ много мельницъ, шумъ ихъ такъ пріятенъ для слуха. За ними растилаются громадные и прекрасные лѣса и рощи, полные логовищъ и норъ звѣрей, дичи, оленей, кабановъ и дикихъ быковъ. Вышеупомянутыя поля вовсе не безплодные пески, но могутъ поспорить съ любыми плодородными равнинами Азіи, производятъ раскошную жатву и наполняютъ амбары холоповъ и фермеровъ. Вокругъ города и къ сѣверу находятся на небольшомъ разстояніи прекрасные ручьи, вода которыхъ пріятна, здорова и чиста и

„Whose runnels murmur o'er the shining stones“ [1]).

„Самые главные ручьи считаются Голіуэль, Клеркенуэль и ручей Св. Климента, ихъ чаще всего посѣщаютъ учащіеся школъ, молодежь города, когда захотятъ погулять въ лѣтній вечеръ.

„Что касается жителей, городъ можетъ гордиться своимъ населеніемъ, хорошо вооруженнымъ и многочисленнымъ. Во время послѣдней войны король Стефанъ сдѣлалъ смотръ; оказалось не менѣе двадцати тысячъ всадниковъ, въ полномъ вооруженіи, и шестьдесятъ тысячъ пѣшихъ воиновъ. Граждане Лондона извѣстны вездѣ и во всемъ королевствѣ, какъ самые вѣжливые въ обращеніи, изысканные въ одеждѣ и отличаются великолѣпіемъ стола. Поэтому жителей другихъ городовъ называютъ *гражданами*, а ихъ называютъ *баронами*... Различные ремесленники, продавцы различныхъ товаровъ, всевозможные рабочіе находятся ежедневно на своихъ мѣстахъ, соотвѣтственно своимъ занятіямъ“.

Онъ приходитъ въ восторгъ отъ «Смитсъ-Фильда», гдѣ происходилъ рынокъ лошадей для рыцарей и сквайровъ, отъ того какъ ихъ показываютъ и устраиваютъ иной разъ скачки, тамъ же продаютъ рабочихъ лошадей, земледѣльческія орудія, свиней, быковъ и коровъ. Собственно говоря, базаръ Смитсъ-Фильда былъ въ то время почти тотъ же, какъ и во время его уничтоженія въ 1855 г. Онъ говоритъ о торговлѣ города и хорошемъ управленіи; онъ только сожалѣетъ о чрезмѣрномъ пьянствѣ глупыхъ людей и о частыхъ пожарахъ, происходившихъ отъ того, что дома были большею частью деревянные, а улицы очень узки. Его описаніе развлеченій гражданъ такъ хорошо, что слѣдуетъ привести его *in extenso:*

---

[1]) „Ихъ потоки журчатъ по сверкающимъ камнямъ“.

„Въ Лондонѣ вмѣсто древнихъ представленій въ театрѣ и развлеченій сцены происходятъ представленія болѣе благочестиваго характера; изображаются чудеса, совершенныя святыми исповѣдниками вѣры, или страсти и страданія мучениковъ, проявившихъ такъ замѣчательно свое мужество. Кромѣ того — мы начнемъ съ развлеченій мальчиковъ — ежегодно, во вторникъ первой недѣли великаго поста (Shrove Tuesday), мальчики соотвѣтствующихъ школъ приносятъ своимъ учителямъ каждый по боевому пѣтуху и имъ позволяется смотрѣть все утро въ школьной комнатѣ на бой ихъ пѣтуховъ. Послѣ обѣда молодежь города отправляется въ поле въ окрестностяхъ и упражняется въ извѣстную игру въ мячъ. Ученики каждой школы имѣютъ свои особые мячи; а большинство ремесленниковъ—свои. Взрослые, отцы играющихъ, богатые и состоятельные пріѣзжаютъ верхомъ, чтобы смотрѣть на забавы юношей и по внѣшности такъ же юны, какъ ихъ дѣти; ихъ врожденная пылкость оживляется при видѣ игръ и при участіи въ забавахъ своихъ веселыхъ сыновей. Великимъ постомъ каждое воскресенье благородный отрядъ молодыхъ людей отправляется, послѣ обѣда, въ поле, верхомъ на лучшихъ лошадяхъ и

„Each steed's well taught to gallop in a ring“ [1]).

„Сыновья гражданъ толпами выходятъ изъ воротъ, вооруженные копьями и щитами; болѣе юные съ заостренными дротиками, только безъ стальнаго острія. Они подражаютъ военнымъ стычкамъ и устраиваютъ мнимое сраженіе и упражняются въ военной борьбѣ. Если король находится поблизости города, придворные оказываютъ честь своимъ присутствіемъ вмѣстѣ съ юношами двора епископовъ, графовъ, барономъ, не получившихъ еще рыцарскаго достоинства и желающихъ выказать свою ловкость. Желаніе отличиться оживляетъ борьбу. Благородные ратные кони ржутъ и закусываютъ удила. Наконецъ, когда начиналась борьба, юные воины дѣлились на отряды, одинъ отрядъ отступалъ, другой преслѣдовалъ, не настигая его; въ другомъ же мѣстѣ преслѣдователи настигали врага; выбивали изъ сѣдла и перескакивали черезъ нихъ.

„На Пасху развлеченія происходили на водѣ; длинный щитъ (тарчъ) привязывается къ мачтѣ по срединѣ рѣки; юноша стоитъ на кормѣ лодки, которая идетъ на веслахъ и по теченію насколько возможно быстро и онъ долженъ бросить копье въ щитъ; если, прицѣлясь, онъ сломаетъ копье и удержится въ лодкѣ, онъ выигрываетъ и торжествуетъ; если же копье не сломается отъ силы удара, онъ конечно падаетъ въ воду и лодка уплываетъ безъ него. Между тѣмъ лодки, полныя молодыхъ людей, стоятъ на готовѣ по обѣ стороны щита, чтобы подхватить неудачника, когда онъ выплываетъ изъ воды и появится на поверхности. Мостъ и балконы на берегу полны зрителей—ихъ дѣло смѣяться. По праздникамъ, лѣтомъ, времяпрепровожденіе юношества: упражненія въ стрѣльбѣ изъ лука, бѣгѣ, прыганіи, борьбѣ, бросаніи камней и метаніи на извѣстномъ разстояніи и наконецъ, въ упражненіи съ щитами. Дѣвушки, какъ только взойдетъ луна, танцуютъ подъ звуки гитары и скользятъ быстрыми движеніями по землѣ.

„Зимою развлеченія юношей бываютъ утромъ, происходятъ бои кабановъ до ихъ послѣдняго издыханія, также свиней, съ полными клыками, предназначаемыхъ на окорока; или травятъ собаками дикихъ быковъ и медвѣдей въ большомъ количествѣ. И когда большое озеро, которое омы-

---

[1]) „И каждый конь обученъ пускаться въ скачь“.

васть городъ съ сѣвера [1]), совсѣмъ замерзнетъ, юноши, въ большемъ количествѣ идутъ развлекаться на ледъ. Нѣкоторые, раскатившись для усиленія скорости, ставятъ ноги на извѣстномъ разстояніи и уносятся, скользя по льду очень далеко; другіе дѣлали глыбу изъ льда и, поса дивъ на нее товарища, брались за руки и тащили его; случалось, что двигаясь по такой скользкой равнинѣ они всѣ падали. Другіе же еще болѣе изощрялись въ своихъ развлеченіяхъ на льду; они привязывали кости ноги животныхъ къ подошвамъ ногъ, завязывая у ладыжекъ, брали шестъ съ желѣзнымъ концомъ и отталкивали имъ себя по льду и мчались съ быстротою полета птицы или стрѣлы, пущенной изъ самострѣла. Иной разъ два, вооруженные такимъ образомъ, условливались и становились на разныхъ концахъ на большомъ разстояніи, они встрѣчались, поднимали шесты, нападали другъ на друга и ударяли шестами, одинъ изъ нихъ или оба падали; не обходилось безъ тѣлесныхъ поврежденій; и даже послѣ паденія ихъ силою движенія уносило на значительное разстояніе другъ отъ друга; иногда голова ударялась о ледъ и черепъ разбивался. Часто кто либо изъ нихъ, кто падалъ, ломалъ ногу или руку; но юность—возрастъ честолюбивый къ славѣ, любитъ и стремится къ побѣдѣ и, чтобы пріобрѣсти храбрость и отвагу для настоящихъ схватокъ, юноши подвергались этимъ случайностямъ мнимой борьбы. Многіе граждане любили охоту на птицъ съ кобчиками и соколами и т. д. и охоту на звѣрей; они имѣли право и привилегію охотиться въ Миддльэссекѣ, Гертфордширѣ и во всей Чильтернской странѣ и въ Кентѣ до рѣки Крей".

Этотъ разсказъ указываетъ на положеніе гражданъ Лондона того времени: соколиная охота и охота съ собаками вообще дозволялась знатнымъ людямъ, горе бѣднягѣ низкаго происхожденія, застигнутому на соколиной охотѣ или охотѣ съ собаками его схватывали и сурово наказывали и иногда выкалывали ему глаза, даже собакѣ, застигнутой на мѣстѣ преступленія, отрубали лапу. Смутныя времена заставляли однако многихъ жить въ громадныхъ лѣсахъ, существовавшихъ тогда въ Англіи, и тамъ, находясь внѣ закона, они могли существовать только охотою и грабежомъ; отсюда сложились и легенды о храбрыхъ дѣяніяхъ миѳическаго Робина Гуда и его «веселыхъ» людей. Вильгельмъ I образовалъ Новый Лѣсъ въ Гэмпширѣ, «опустошивъ города и разворивъ церкви на тридцать миль въ окружности», а Вильгельмъ II «такъ ограничилъ право охоты, которую онъ раньше разрѣшалъ, что поимка оленя наказывалась смертною казнью».

Образованіе. Хотя юношество Лондона и развлекалось въ опредѣленные сроки, оно посѣщало и школу. Въ Лондонѣ было три школы при трехъ церквахъ — при соборѣ Св. Павла, церквахъ Св. Маріи-ле-Боу и Св. Мартина Великаго; а также была школа при Вестминстерскомъ Аббатствѣ. По сообщеніяхъ Фитцъ-Стефена школьникамъ приходилось работать.

„На праздникахъ, при тѣхъ церквахъ, гдѣ празднуется день св. Патрона церкви, учителя созываютъ учениковъ. Юноши въ такомъ случаѣ

[1]) Болотистые округа Мурфильда, Финсбюри и др.

держатъ диспутъ, одни демонстративно, другіе логическимъ способомъ. Одни выставляютъ тезы, другіе чистые силлогизмы. Другіе, чтобы лучше проявить себя, упражняются въ дебатахъ и вступаютъ въ состязаніе другъ съ другомъ, въ то же время излагаютъ путемъ коментарій какую либо истину. Нѣкоторые софисты на вымышленныя темы сыпятъ потокъ словъ; другіе производятъ впечатлѣніе ложными заключеніями. Ораторы стараются въ своихъ риторическихъ рѣчахъ выказать всю силу убѣжденія, соблюдая всѣ правила искусства и не пропуская ничего, что можетъ относиться къ темѣ. Ученики различныхъ школъ состязаются другъ съ другомъ въ стихахъ; препираются о правилахъ грамматики, правилахъ совершеннаго времени и супина. Другіе въ эпиграммахъ и иныхъ сочиненіяхъ пускаютъ въ ходъ все сквернословіе, какое мы читаемъ у древнихъ; они нападаютъ на учителей, не упоминая именъ, и съ древней Фессеннійской [1]) распущенностью направляютъ на нихъ свои насмѣшки и сарказмы и съ Сократовскимъ остроуміемъ осмѣиваютъ слабости своихъ сотоварищей и иной разъ и болѣе важныхъ лицъ". (30).

Хотя въ этотъ періодъ трудно что либо отмѣтить съ эстетической точки зрѣнія, кромѣ архитектуры, все же встрѣчаются произведенія искусства, которыя отчетливо изображаютъ нравы и обычаи, костюмы и обстановку, что имѣетъ важное значеніе для изслѣдователя. Такъ на вышивкѣ въ Байё, которая приписывается Матильдѣ, женѣ Вильгельма, и несомнѣнно относится къ тому времени — мы узнаемъ такія подробности жизни саксонцевъ и норманновъ, какія не могло бы дать ни одно описаніе. Какъ ни груба работа этой вышивки, мы замѣчаемъ ея вѣрность и цѣнимъ ее, несмотря на то, что въ ней совершенно отсутствуетъ соблюденіе перспективы, свѣта и тѣни.

Другая отрасль искусства, гдѣ пользовались при изображеніи фигуръ красками — это эмаль, которую такъ любили норманы. Мы находимъ многочисленные образчики ея—champlevée и cloisonnée; ею украшали всевозможныя церковныя вещи: пастырскіе жезлы, дароносицы, подсвѣчники, раки для мощей, ковчеги и т. п.; ее употребляли и въ домашнемъ быту для драгоцѣнныхъ вещей, рукоятокъ мечей, переплетовъ книгъ и т. д. Англійскія вышивки очень цѣнились и были очень хороши. Соотвѣтственно настроенію того времени, церкви естественно принадлежало все лучшее; и митра и облаченіе Ѳомы Бекета, хранящіяся въ Сенсѣ, служатъ великолѣпными образчиками вышивки того періода.

Сохранилось много скульптурныхъ фигуръ, весьма цѣнныхъ, такъ какъ онѣ даютъ намъ болѣе точныя свѣдѣнія о подробностяхъ костюмахъ, чѣмъ тѣ свѣдѣнія, которыя можно собрать по иллюминаціямъ книгъ, не всегда достовѣрнымъ. Такъ напримѣръ въ ману-

[1]) Прилагательное отъ города Фессеніума въ Италіи (Fescennium), гдѣ возникли особаго рода веселые, сатирическіе и непристойные стихи, распѣваемые на свадьбахъ Фессеннійскіе стихи — означаютъ непристойные стихи. *Прим. перев.*

скриптахъ двѣнадцатаго и тринадцатаго столѣтій мы постоянно встрѣчаемъ изображенія домовъ, замковъ, церквей, аббатствъ и т. д., не похожія на оригиналы и которыя нельзя было бы и воспроизвести изъ камня или другого матеріала. Къ счастію, однако, у насъ сохранилось до настоящаго времени столько остатковъ норманской архитектуры, что мы знаемъ въ точности, какъ строили норманы и можемъ прослѣдить всѣ стадіи развитія искусства. Многочисленныя крѣпости, разбросанныя по всей странѣ, свидѣтельствуютъ своими развалинами, въ какихъ жилищахъ жили феодалы. Сохранилось много церквей и аббатствъ, свидѣтельствующихъ о прочности и красотѣ постройки; соборы Кентербюри, Карлиля, Честера, Чичестера, Св. Давида, Дургама, Эли, Эксетера, Глочестера, Ландаффа, Линкольна, Норвича, Оксфорда, Петерборо, Рочестера, Винчестера. Ворчестера— всѣ носятъ слѣды норманской архитектуры отъ 1066 — 1216 г. Горожане жили въ каменныхъ или деревянныхъ домахъ, а виланы въ глиняныхъ мазанкахъ или хижинахъ изъ вѣтвей, крытыхъ камышемъ.

О количествѣ существовавшихъ замковъ, мы получаемъ нѣкоторое представленіе изъ одной статьи соглашенія на конференціи, состоявшейся въ Винчестерѣ въ 1153 г. Статья гласитъ:

«Всѣ тѣ замки, которые вопреки всякому основанію и порядку, были воздвигнуты и построены кѣмъ либо во дни короля Стефана, должны быть разрушены и снесены и ихъ насчитываютъ тысячу сто пятнадцать». (Holinshed II 61. 17).

Постановленіе не приводилось въ исполненіе до 1155 г., втораго года царствованія Генриха II. Хотя на ряду съ разрушеніемъ мы можемъ привести тотъ фактъ, что въ царствованіе Стефана воздвигнуто столько аббатствъ, сколько не воздвигалось въ предшествующіе сто лѣтъ. Замокъ обыкновенно окружался рвомъ и строился на возвышенности. Единственный входъ въ замокъ былъ по подъемному мосту, который въ тревожное время всегда былъ поднятъ; сторожъ занималъ помѣщеніе, откуда видна была вся окрестность, его обязанность была опрашивать черезъ калитку каждаго посѣтителя и, если возможно, впускать его. Планъ замковъ былъ одинаковъ вездѣ. Черезъ ворота входили во дворъ, вокругъ располагались зала, часовня, конюшни и службы. Главное въ замкѣ зала— hall. Эта зала—пріемная дома, туда вводились посѣтители и хозяинъ здѣсь принималъ ихъ. Здѣсь происходила общая трапеза, различіе въ положеніи обозначалось большой солонкою на столѣ — впереди стояла солонка для лорда, его семьи и гостей; ниже — для всѣхъ низшихъ; послѣ ужина зала служила спальней слугамъ, они спали на соломѣ, вмѣстѣ съ собаками, которыхъ держали много и кормили обыкновенно за семейнымъ столомъ. Позднѣе въ концѣ прибавлялась галлерея для странствующихъ пѣвцовъ; стѣны украшались

Домашняя жизнь.

оленьими рогами и другими трофеями охоты и оружіемъ, употреблявшимися въ дѣло, а не только для украшенія. Нижняя часть почти всегда увѣнчивалась коврами и матеріями и громадный огонь согрѣвалъ главную залу. О размѣрахъ залы при дворцѣ мы можемъ составить себѣ представленіе по Вестминстерской залѣ, построенной первоначально Вильгельмомъ Рыжимъ; когда ему указывали, что она слишкомъ велика для своего назначенія, онъ сказалъ: «зала вовсе не велика, она будетъ служить спальной при той залѣ, какую я предполагаю построить». Рѣдко бывало сообщеніе залы съ верхней частью дома, «solar», гдѣ были спальни, комната лэди, «lady's bower», во второй этажъ входили по наружной лѣстницѣ со двора. Главныя окна были довольно велики, иногда съ желѣзными рамами и перекладинами. Все же освѣщалось узкими выемками въ каменной постройкѣ, бойницами, черезъ которыя никто не могъ войти и которыя были весьма полезны при оборонѣ. Въ замкѣ были погреба для припасовъ и, быть можетъ, одна или двѣ подземныя темницы для плѣнниковъ и, конечно, колодецъ, имѣвшій особое значеніе. Съ нашей точки зрѣнія жилища эти были весьма неудобны. Меньшаго размѣра дома горожанъ были уютнѣе и удобнѣе, но и въ нихъ лѣстница на верхъ въ «solar» была всегда снаружи.

Титулы дворянства были какъ и теперь наслѣдственны, рыцарское званіе давалось большею частью въ награду за храбрость; больше всего добивались титула рыцаря-знаменосца (banaret) [1]); титулъ давался на полѣ сраженія за какой либо особый подвигъ. Дворянство и король могли жаловать въ рыцари; въ первое время по завоеваніи эту почесть могло даровать и высшее духовенство;—архіепископъ Ланфранкъ производитъ въ рыцари Вильгельма Рыжаго, по легендѣ Геревардъ сдѣланъ рыцаремъ своимъ дядей Брандомъ, аббатомъ Петерборо; но это право отнято у духовенства Генрихомъ I. У рыцарей были тѣлохранители, большею частью благороднаго происхожденія; они чистили и носили вооруженіе своего господина, берегли копья и т. п., они чистили лошадей и исполняли всѣ домашнія работы, они не считали эти работы унизительными, все это считалось подготовкою къ рыцарскому достоинству, котораго такъ добивались. Это естественно создавало значительное количество бѣдныхъ рыцарей; они не владѣли землею и принуждены были ютиться у могущественнаго и богатаго дворянства; въ обмѣнъ за личныя услуги они получали одежду, помѣщеніе и пищу. Высшее духовенство не всегда обитало въ своихъ замкахъ; дворяне находились при дворѣ; многіе жили въ Лондонѣ у Тоуэра, резиденціи короля. Фитцъ-Стефенъ говоритъ:

---

[1]) Титулъ давалъ привилегію рыцарю имѣть свое собственное знамя. *Прим. пер.*

„Почти всѣ епископы, аббаты и знатные люди королевства нѣкоторымъ образомъ граждане и жители Лондона, у нихъ тамъ соотвѣтственныя и изысканныя жилища и здѣсь они живутъ, когда имъ позволяютъ средства или когда они вызваны сюда изъ помѣстій на соборы и торжественныя собранія королемъ или ихъ архіепископомъ, или принуждены являться сюда по своимъ собственнымъ дѣламъ".

Церковь. При норманахъ церковь значительно усилилась. Мы видѣли, что Вильгельмъ Мальмсбюри указываетъ на упадокъ саксонской церкви во время Завоеванія. Настало иное положеніе вещей съ пришествіемъ норманновъ, явившихся съ священнымъ знаменемъ, освященнымъ самимъ папою. Благочестивый норманъ вѣрилъ, что жертвуя церкви, онъ обезпечиваетъ себѣ вѣчное спасеніе. Монахъ-хроникеръ говоритъ:

„Король Вильгельмъ дружески расположенъ былъ къ иностранцамъ; безъ различія жаловалъ ихъ почестями и усердно раздавалъ милостыню; его щедрость и щедрость его дворянства не оставляли безъ вниманія ни одного монастыря въ особенности въ Нормандіи, бѣдность тамъ смягчалась богатствами Англіи. Въ его время монашеская паства вездѣ увеличивалась; возникали монастыри, древніе по уставу и новые по постройкѣ; но здѣсь я долженъ замѣтить, что лучше бы старые монастыри сохранились въ ихъ первобытномъ состояніи, вмѣсто этихъ новыхъ на ихъ разграбленныхъ развалинахъ". III, 278.

Въ царствованіе Вильгельма Рыжаго, когда поумирали саксонскіе епископы и аббаты, они замѣщены были норманами; церковь развивалась быстро и стала такъ могущественна, что стремилась превратить короля въ простаго вассала Рима; она причинила много хлопотъ свѣтской власти въ послѣдующія царствованія. Многіе епископы, начиная съ Одона, епископа Байё, были борцами церкви и въ тоже время считались и свѣтскими баронами; остатки такого положенія вещей мы находимъ въ томъ, что епископы и теперь занимаютъ мѣста въ палатѣ лордовъ; и еще недавно епископъ дургамскій опоясывался мечомъ, какъ рыцарь-палатинъ. Приводя примѣръ такого положенія, занимаемаго нѣкоторыми духовными лицами, Голиншедъ говоритъ о Вильгельмѣ Лонгшампѣ, лордѣ канцлерѣ и епископѣ Эли въ царствованіе Ричарда I:

„Онъ занималъ такой постъ и положеніе, что ѣздилъ въ сопровожденіи тысячи всадниковъ, вслѣдствіе чего пріѣздъ его въ аббатства и другія мѣста (съ таковою свитою) былъ весьма обременителенъ для нихъ, въ особенности, если онъ оставался въ ихъ домахъ нѣкоторое время".

Безбрачіе духовенства. Многіе саксонскіе священники были женаты; когда Завоеваніе привлекло сюда иностранное духовенство, бывшее болѣе чѣмъ англійское духовенство подъ вліяніемъ Рима, папа обратилъ вниманіе на этотъ фактъ. Священникамъ объявили, что они должны покинуть своихъ женъ; такъ какъ они не обратили вниманія на повелѣніе, папа Григорій VII въ 1077 г. обнародовалъ буллу, повелѣвавшую

не присутствовать при обѣднѣ, совершаемой женатымъ священникомъ. Кромѣ того женатыхъ священниковъ обложили пеней; въ 1099 году возникъ споръ между Ранульфомъ, епископомъ Чичестера и Вильгельмомъ Рыжимъ, кому должны принадлежать эти пени и епископъ одержалъ верхъ. Такъ какъ священники не хотѣли разставаться съ своими женами, приходилось принимать дальнѣйшія мѣры; въ 1108 году Ансельмъ, архіепископъ кентербюрійскій, созвалъ соборъ, на которомъ въ присутствіи короля и съ согласія графовъ и бароновъ королевства постановлено, что съ этого времени ни одинъ священникъ, діаконъ или поддіаконъ не можетъ вступать въ бракъ, женатые же священники должны удалить своихъ женъ и могутъ видѣться съ ними въ присутствіи свидѣтелей и въ общественныхъ мѣстахъ. Непослушаніе наказывалось, соотвѣтственно степени, отрѣшеніемъ отъ мѣста или отлученіемъ отъ церкви. Это постановленіе повидимому возымѣло свое дѣйствіе; священники получили впослѣдствіи многія милости: въ 1142 г.

„Такъ какъ епископы выказали большую угодливость королю, тотъ же парламентъ постановилъ, что кто насильственно наложитъ руку на священную особу, или за какую бы то ни было провинность захватитъ для устрашенія другихъ безъ разрѣшенія епископа, онъ будетъ преданъ анаѳемѣ и кромѣ папы никто не можетъ снять съ него проклятія, какъ установлено было церковнымъ канономъ, но не приводилось въ исполненіе ни однимъ англичаниномъ до настоящаго времени. Причина установленія такого повелѣнія обусловливается тѣмъ, что во время междоусобныхъ войнъ ежедневно убивали священниковъ или брали въ плѣнъ и требовали выкупъ или налагали на нихъ тяжкія кары и обременительныя пени“.

Иноческая жизнь.

Мы видѣли, насколько увеличилось число монастырей послѣ завоеванія и народъ имѣлъ основаніе радоваться этому; монастыри были центрами учености; монахи были друзьями бѣдныхъ—помогали имъ въ несчастьи и лечили ихъ болѣзни и даже шли въ среду прокаженныхъ, тогда многочисленныхъ—однимъ словомъ монахи являлись воплощеніемъ самоотверженія. Монастыри были гостинницами для путешественниковъ и никому не отказывали въ пищѣ и кровѣ, каково бы не было его званіе. Нѣкоторые монахи жили въ довольствѣ и роскоши, но не всѣ; въ немногихъ монастыряхъ Завоеваніе внесло раздоры, напр. въ слѣдующемъ случаѣ въ 1084 году:

„Въ то время, когда король Вильгельмъ закончилъ перепись своихъ подданныхъ, возникла ссора между Тэрстаномъ, аббатомъ Гластонбюри, норманомъ и монахами этого монастыря. Одной изъ причинъ ссоры было то, что аббатъ заставлялъ бросить простое пѣніе, указанное для употребленія во время службы папою Григоріемъ и употреблять другой голосъ, придуманный Вильгельмомъ Фекампомъ; кромѣ того, упомянутый аббатъ тратилъ имущество, принадлежавшее монастырю, на кутежи и позволялъ себѣ другія злоупотребленія (отнималъ у монаховъ ихъ обыч-

ную порцію пищи): они стали обмѣниваться словами и дошли до рукопашной схватки. У аббата были вооруженные люди, онъ напалъ на монаховъ, убилъ трехъ у главнаго алтаря и ранилъ XVIIj. Однако же монахи съ своей стороны бросились на этихъ людей со скамьями и подсвѣчниками, защищая себя, какъ могли, они ранили приверженцевъ аббата и выгнали съ хоровъ".

Англія принимала участіе въ особомъ религіозномъ движеніи одиннадцатаго, двѣнадцатаго и тринадцатаго столѣтій — въ крестовыхъ походахъ; хотя мы и не занимаемся здѣсь исторіей этого движенія, отмѣтимъ, что сношенія съ другими народами повели къ возникновенію торговли Англіи и такимъ образомъ существенно повліяли на общественный прогрессъ.

Торговля. Тѣсныя сношенія Англіи и Нормандіи, усилившіяся послѣ Завоеванія, естественно способствовали развитію торговли континента съ Англіей; Лондонъ быстро сдѣлался центромъ этой торговли, сюда являлись корабли изъ Фландріи, Германіи, Гаскони, Италіи и Норвегіи. Пристани тянулись вдоль береговъ Темзы и существовала особая пристань для выгрузки каждаго товара или товара каждой національности. Корабли, насколько можно судить по вышивкѣ въ Байё — а мы уже указывали, что эта вышивка не можетъ служить вполнѣ достовѣрнымъ источникомъ по части мореходства — были совершенно иной постройки, чѣмъ наши. Все таки они повидимому были болѣе годны для мореплаванія, чѣмъ корабли послѣдующихъ двухъ столѣтій. Корабли были парусные, безъ палубъ и когда они наполнялись людьми, по бокамъ кораблей устанавливались змѣе-образные щиты этихъ людей, на подобіе военныхъ щитовъ (war-boards) ихъ предковъ. Носъ и корма закруглены и иной разъ или то и другое или одна изъ этихъ частей корабля вырѣзались въ видѣ львиной головы или головы дракона. Они управлялись однимъ весломъ у кормы и могли вмѣщать нѣсколько лошадей: указываютъ на корабль, который могъ вмѣщать десять. Въ послѣдующія столѣтія измѣнилась форма кораблей, носъ и корма были значительно повышены; корабль крылся палубой, имѣлъ ютъ у кормы и высокій помостъ у носа. Обыкновенно на верху мачты была вышка для наблюденія и корабли высоко держались на поверхности воды. Въ манускриптахъ того времени можно найти много изображеній кораблей, а также (для тринадцатаго столѣтія) находятся изображенія ихъ на печатяхъ Дувра, Ярмута, Сандвича, Пуля и вѣроятно и другихъ англійскихъ городовъ. Для насъ удивительно, какъ совершали они удачно свои плаванія. Нѣкоторые корабли (*dromonds*, иногда неточно называемые *busses*) были велики, въ три мачты, сопровождались галерами, которыя шли на веслахъ, и транспортными кораблями.

Двѣнадцатое и тринадцатое столѣтія замѣчательны цехами — добровольными союзами купцовъ и торговцевъ, которые обезпечивали по-

рядокъ и защиту для своихъ членовъ; хотя эти союзы существовали въ зачаточной формѣ и въ саксонскія времена, они въ теченіе двухъ столѣтій разрослись въ могущественныя учрежденія, и честность и безкорыстіе ихъ членовъ доставило уваженіе англійскому купцу во всемъ цивилизованномъ мірѣ. Многія отрасли торговли имѣли свои гильдіи—что сохранилось въ форменной одеждѣ отдѣльныхъ гильдій Лондона; эти гильдіи покровительствовали своей отрасли торговли, провѣряли цѣны и наблюдали, чтобы товары и ихъ выдѣлка были хорошаго качества. Двѣ гильдіи, имѣющія форму (livery companies), еще существуютъ въ такомъ же видѣ. Цехъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ кладетъ пробу на золото; другой, оружейный цехъ удостовѣряетъ годность ружейныхъ стволовъ; оба цеха кладутъ свое клеймо въ удостовѣреніе того, что вещь пробирована и одобрена. Торговля являлась единственнымъ путемъ для капиталиста, какъ средство увеличенія богатства. Невозможно было увеличить состояніе земледѣліемъ, такъ какъ оно находилось въ жалкомъ и отсталомъ состояніи, и, насколько мы знаемъ, не существовало никакой промышленности. Ростовщичество предоставлено было евреямъ, но оно не шло имъ въ пользу: когда они наживались, ихъ притѣсняли и баронъ и король [1]). Евреи были мѣнялами, съ расширеніемъ торговли возникло неудобство перевоза за границу звонкой монеты, что повело къ введенію кредитивовъ и векселей; первые употреблялись уже при королѣ Іоаннѣ. Мѣстная чеканка до Эдуарда I была очень груба, были только серебряные пенни, которые должны были вѣсить $22^1/_2$ грана, но рѣдко имѣли такой вѣсъ. Несомнѣнно чеканилась монета низкаго достоинства, въ особенности въ царствованіе Стефана, хотя въ настоящее время не существуетъ ни одной такой

---

[1]) Евреевъ страшно преслѣдовали; гдѣ бы они не жили, они должны были хоронить умершихъ въ Лондонѣ. Въ 1177 г. Генрихъ II уничтожилъ это постановленіе. Во время коронаціи Ричарда I, они явились для поднощенія богатаго подарка, но ихъ не допустили войти въ ворота дворца, на нихъ напали, били, бросали въ нихъ камнями и загнали въ ихъ дома, нѣкоторые дома подожгли и евреи сгорѣли въ нихъ. Послѣ того король повелѣлъ, чтобы никто не обижалъ евреевъ, но на слѣдующій же годъ бѣдныхъ евреевъ въ Линнѣ, въ Норфолькѣ самымъ безжалостнымъ образомъ избили и ограбили. Въ царствованіе Іоанна, въ 1210 г., евреевъ особенно облагали налогами; такъ въ Бристолѣ одинъ еврей не хотѣлъ уплатить 10.000 марокъ, которыми его обложили, по королевскому повелѣнію ему ежедневно вырывали зубъ, пока онъ не согласился на уплату. „Въ продолженіе семи дней онъ держалъ себя упорно, теряя каждый день по зубу, но на восьмой день, когда онъ долженъ былъ лишиться восьмаго зуба и послѣдняго (у него всего было восемь зубовъ), онъ заплатилъ деньги, чтобы спасти послѣдній зубъ“.—(Holinshed). Въ 1256 г. сто два еврея привезены изъ Линкольна въ Вестминстеръ, ихъ обвиняли въ томъ, что они распяли христіанскоо дитя. Восемнадцать изъ нихъ повѣшаны, другіе долго сидѣли въ тюрьмѣ.

монеты; Генрихъ II при вступленіи на престолъ нашелъ монету въ плохомъ состояніи вслѣдствіе поддѣлки и обрѣзыванія и въ 1156 г. вышла монета новой чеканки, а низко-пробныя монеты, называемыя *Basels* [1]) были изъяты изъ употребленія.

Въ царствованіе Ричарда I (1197 г.) издано повелѣніе, чтобы мѣры для всякаго зерна были одинаковы во всемъ государствѣ, а также вѣсъ и одинъ и тотъ же ярдъ; все же вкрались неточности и на двѣнадцатый годъ царствованія Генриха III нашли необходимымъ исправить вѣсы и мѣры.

ИСТОЧНИКИ.—1066—1216 г.

Общая исторія.

1066—1054. Повѣствованіе о норманскомъ завоеваніи, какимъ оно казалось немедленно послѣ событія, передано William Jumièges, William of Poitiers (капелланомъ Завоевателя) въ *Carmen de Bello Hastingensi* и въ *Anglo-Saxon Chronicles*, но лучше всего въ Domesday Book. Для царствованія Вильгельма II и Генриха I хронику слѣдуетъ пополнять сочиненіями Eadmer и монаха Ordericus Vitalis. Отъ послѣдняго писателя, изъ „*Gesta Stephani*“ William of Malmsbury (Rolls series), у лѣтописцевъ Hexham и въ *Cronicle of Melrose* мы узнаемъ о царствованіи Стефана. Лучшія новѣйшія сочиненія (до 1135) Freeman's *Norman Conquest* vols IV и V (сокращено въ его *Short History of the Norman Conquest*). Очень цѣнное сочиненіе Stubbs' *Constitutional History* отъ IX гл. Прекрасная біографія Dean Church's *Anselm*. Прекрасно изложены факты и подробности въ Frank Bright's *History of England*: Green's Short History of the English People, даетъ прекрасный очеркъ. Лучшій краткій очеркъ Stubbs *Early Plantagents* (начинается съ Генриха I).

1154—1216. Лучшія повѣствованія изъ всѣхъ писателей о царствованіи Генриха II: William Newburgh, такъ называемый Benedict of Peterborough и Roger Hoveden. Въ дополненіе можно привести Ralph de Diceto, Giraldus Cambrensis, John of Salisbury и Rolls Series. Большинство этихъ писателей лучшіе источники для царствованія Ричарда и Іоанна. Эти царствованія описываются въ меморіалахъ Ричарда I (Rolls Series), въ различныхъ монастырскихъ лѣтописяхъ и въ собраніи Royal Rolls и въ собранныхъ документахъ въ Stubbs' *Charters*. Современныя писатели тѣ-же; болѣе полная разработка въ Miss Norgate's *England under the Angevin Kings*. *Domesday Book*. Текстъ Survey, въ Exon Domesday, Inquisitio Eliensis, Winton Domesday и въ общественныхъ библіотекахъ. Факсимиле (для каждаго графства отдѣльно) напечатаны правительствомъ. Очень полезна книга Sir H. Ellis's Introduction to Domesday Book съ указателемъ (2 vols. 1833). R. W. Eyton *Domesday Studies* (анализъ и толкованіе Стрэдфордширской переписи), 1881 г.: *Dorset Survey* и *Key to Domesday*. Очень полезна и интересна книга Freeman's Norman Conquest vol. V (J. L. Mowat). Notes on Oxfordshire Domesday 1892 г.

---

[1]) *Basels*—отъ слова base—низко-пробный. *Прим. пер.*

(очень хороша для изслѣдователей Domesday). J. H. Round *Domesday Studies* въ томахъ *Domesday Celebration*, лучшее изслѣдованіе по труднымъ вопросамъ. *The Festa de Nevill* и *Hundred Rolls* и *Domesday Book of St. Paul's* (published by the Dean and Chapter) необходимы для сравненія Domesday Book съ позднѣйшими распоряженіями. Seebohm, *English Village Community*, прекрасное изслѣдованіе. См. также Stubbs' Const. Hist. I.

Спеціальные отдѣлы.

Религія. Авторитетные современные источники, кромѣ вышеупомянутыхъ, сочиненія Eadmer, Walter of Mapes (Camden Society), Giraldus Cambrensis, Lanfranc, Anselm (Migne *Patrologia Latina*); the Lives of St. Thomas of Canterbury, его письма, письма Gilbert Foliot (Migne) и Watter of Coventry. Вышеупомянутыя сочиненія входятъ и въ Rolls series. О Бекетѣ на англійскомъ языкѣ смот. *W. H. Hutton's St. Thomas of Canterbury* (D. Nutt. 1889).

Законы. Stubbs' *Select Charters* необходимы, также Bigelow's *Placita Anglo-Normannica* и различныя сообщенія, напечатанныя Record Commission и Pipe Roll Society. Своды законовъ того времени главнымъ образомъ напечатаны у Schmidt *Gesetze der Angelsachsen*. Dr. Liebermann перепечаталъ и напечаталъ *Quadripartitus* и *Conciliatio Cnuti*. Часто перепечатывался учебникъ Glanvill. *The Dialogas de Scaccario* въ Stubb's *Select Charters*. Различныя отдѣльныя изданія Dr. Heinrich Brunner (въ особенности *Die Entstehung der Schwurgerichte*) и Dr. Liebermann очень цѣнны.

Война. Матеріалъ разбросанъ въ древнихъ хроникахъ, въ особенности у Froissart. Современныя книги: Hewitt *Ancient Armour* Oxford 1860; G. F. Clarke, *Mediœval Military* Architecture 2 vols. 1886; and Oman *Art of war in the middle age*.

Мореходство. (1066 — 1399). Много матеріала тамъ-же. Въ особенности кромѣ *Chronicles* въ the *Black Book of the Admiralty*, the *Pipe Rolls*, *Close Rolls*, *Patent Rolls* и *Rolls of Parliament*., *the Wardrobe Accounts*, *Acta Regia*, Chronicle of Flodoard и Melrose; слѣдуетъ упомянуть *Chronique de Normandie* и также Selden's *Mare Clausum* и Prynné — Animadvessions и Bracton. Очень полезный современный источникъ Jal's *Archéologie Navale*.

Торговля и промышленность. Намеки у William of Malmsbury, Domesday Book и въ меньшихъ Domesdays (l. g. St. Paul's), *Boldon Book*, *Chronicle of Jocelin of Brakeland*, городскія хартіи и другіе документы въ Stubbs' *Select Charters*. Самыя полезныя современныя книги: Freeman: *Norman Conquest* vol. V; Green: *Short History of the English People*; Gross, *Gild Mer. chant; Ashley, Economie History;* Cunningham, *British Industry and Commerce*.

Архитектура. Freeman, *History of the Norman Conquest;* Ferguson, *History of Architecture*; Rickman *Gothic Architecture*; Parker: *Glossary* и *Introduction to Gothic Architecture*; Marray's *Cathedral Handbooks*; Scott, *Mediaeval Architecture*; Turner and Parker: *Domestic Architecture of the Middle Ages*; Clark, *Mediœval Military Architecture in England*; Winston *Inquiry into the Difference of style in Ancient Glass Paintings*. Монеты, тотъ же источникъ chap. II.

Наука. Hampden, *Scholastic Philosophy in its relation to Christian Theology* (1833); Milman, *History of Latin Christianity*: Church: *Anselm*; Bass Mullinger, *The University of Cambridge*; R. L. Poole, *Illustrations of the History of Mediœval Thought* 1884. H. P. Maxwell Lyte: *History of the University of Oxford* 1886. Stubbs' *Literature and Learning at the Court of Henry II* (in seventeen Lectures VI, VII), Rashdall *The Origins of the University of Paris (English*

Historical Review; 1886). *Early History of Oxford (Church Quarterly,* XIII, 1887 and *Academy* iune 1888); Prof. Holland, *Origin of the University of Oxford (English Historical Review* VI, 1891); Poole, *John of Salisbury in Dictionary of National Biographi XXIX.*

Литература. Freeman, *Norman Conquest*; H. Morley, *English Wrilers* III etc.; Earle' and Plummer's editions of the *Anglo-Saxon Chronicles*; Gardiner and Mullinger, *Introduction to the study of English History* London 1882. A. Chevalier, *Répertoire des Sources Historiques du Moyen Age* (Paris, 1887—1886); Nutt. A, *Studies on the Holy Grail* (Folklore Society, 1888); изданія въ Rolls series, въ особенности изданныя Dr. Stubbs. Спеціальныя сочиненія: B. Ten Brink, *Geschichte der Englischen Litteratur*, Berlin 1877. R. Wuelcker, *Grundriss zur Geschichte der Angelsächsischen Letteratur* Leipzig 1885; Ebert A. *Allgemeine Geschichte der Litteratur des Mittelalters im. Abendlande* Leipzig 1874—80 и A. Brandl. Mittelenglische Litteratur (in Paul's *Grundriss der Germanischen Philologie* Strassburg 1889 eth. II. I). Большая часть упомянутыхъ источниковъ изданы „Early English Text Society". Часть издана также Surtees and Camden Societies und Roxburgh Club.

Общественная жизнь. Кромѣ выше-упомянутыхъ хроникеровъ можно указать: Holinshed's *Chronicle* (London 1577); Speed Histoire of Great Britaine etc. (London 1632); Fitzstephen's *Description of London* (edition of 1772); the Duchess of Cleveland's edition of the *Roll of Battle Abbey* (London 1889); J. C. Bruce. *The Bayeux Tapestry Elucidated.* London 1856; P. Lacroix, *Arts in the Middle Ages* (London 1886); *Manners, Customs, and Dress during the Middle Ages* (London 1874); C. Walford, *Origin of Gilds*; H. O. Wakeman, *Essays on Anglo-Norman Administrative System* 1887; T. Wright, *The Homes of Other Days* 1881; and H. Hall *History of Customs Revenue in England* 1885. Самый цѣнный матеріалъ находится въ англійскихъ манускриптахъ въ Британскомъ музеѣ.

ГЛАВА IV.

Отъ хартіи до парламента 1216—1273.

Царствованіе Генриха III 1216—1273.

А. Л. Смита.

Шестнадцать смутныхъ, мятежныхъ лѣтъ и случайно удачнаго правленія; семнадцать скучныхъ лѣтъ попытокъ установить абсолютизмъ и неудачныхъ усилій сопротивленія; семь критическихъ лѣтъ междоусобной войны, торжества бароновъ, стычекъ, неудачъ; и наконецъ восемь ничѣмъ не замѣчательныхъ лѣтъ мира и сравнительно хорошаго правленія;—такова разнообразная исторія долгаго смутнаго царствованія Генриха III (1216—1273). Смерть Іоанна оставила королевство въ тревожномъ состояніи. Два военныхъ отряда стояли въ странѣ—наемники Іоанна и отряды Людовика; почти всѣ бароны обязались присягой служить Людовику. Лангтонъ былъ въ отсутствіи, въ немилости, папскій легатъ держалъ въ своей власти англійскую церковь. Верховнымъ судьей былъ Петръ де-Рошъ, епископъ Винчестера, родомъ изъ Пуатье, иностранецъ по воззрѣніямъ. Въ то время была сильная феодальная партія, готовая воспользоваться всякимъ предлогомъ для смуты. Смерть Іоанна удалила, однако, одну важную причину смутъ. Немедленно составился союзъ англійскихъ сановниковъ съ иностранными, феодальной партіи—съ папскою. Черезъ три недѣли молодой король былъ коронованъ (ему было девять лѣтъ); хартія вновь была издана, а Вильгельмъ Маршаль, графъ Пемброкскій сдѣланъ опекуномъ и регентомъ. Весною въ 1217 г. бароны быстро стали возвращаться къ вѣрности. 20 мая послѣ битвы, названной Линкольнской ярмаркой, Людовикъ принужденъ былъ бѣжать въ Лондонъ; пораженіе его флота Губертомъ де-Бургъ принудило его поко-

риться неизбѣжности. Ко дню Михаила Архангела въ Англіи водворился миръ. Гораздо труднѣе было возстановить порядокъ. Бароны, какъ Ранульфъ Честерскій, сражались противъ французскаго принца, чтобы обезпечить монополію власти для себя. Иностранные искатели приключеній, вродѣ Фоука де-Бреоте, пагубное наслѣдіе Іоанна, все еще находились на англійской службѣ; Фоукъ — шерифъ шести графствъ, начальникъ шайки негодяевъ, похититель невѣстъ и устрашитель судебной власти; «онъ былъ больше, чѣмъ королемъ въ Англіи», говоритъ о немъ Дунстабльскій лѣтописецъ. Уже до смерти Маршаля въ 1219 г. многое было сдѣлано. Многое также сдѣлано послѣ него Губертомъ Бургомъ, который, въ качествѣ верховнаго судьи, раздѣлялъ власть съ Пандульфомъ, новымъ легатомъ и Петромъ де-Рошъ, теперь опекуномъ королевской особы: ему главнымъ образомъ обязаны всѣмъ тѣмъ, что совершено между 1219 и 1227 гг. Онъ уничтожилъ бича страны, Фоука де-Бреоте, возстановилъ королевскую власть надъ феодальными замками и снова сдѣлалъ Лангтона главою англійской церкви. Въ 1227 г. король объявилъ себя совершеннолѣтнимъ, но къ счастью для себя до 1232 г. не могъ освободиться отъ Губерта, верховнаго судьи, служившаго посредникомъ между королемъ и презрѣніемъ и недовольствомъ его подданныхъ, и препятствовавшаго безумнымъ планамъ короля воевать съ валлійцами, шотландцами и французами. Губерта погубило соединеніе враждебныхъ вліяній — мстительность феодальной партіи, интриги соперниковъ, вліяніе папы и тщеславіе и своенравіе самого Генриха. Благодарность, какую питала къ нему страна, характеризуется разсказомъ о кузнецѣ, отказавшемся ковать оковы для человѣка, который спасъ Англію. Съ возвращеніемъ Петра де-Рошъ къ власти и послѣ брака Генриха на Элеонорѣ Прованской, политика Губерта въ Англіи смѣнилась противоположнымъ направленіемъ и «толпы голодныхъ бандитовъ, конныхъ и пѣшихъ (какъ выражается Матью Парисъ) наводнили страну и вытѣснили англійскихъ священниковъ и чиновниковъ». Бароны соединились и угрожали низложить короля, если онъ не смѣститъ епископа Петра. Епископъ былъ смѣщенъ въ 1234 г., но не раньше, какъ успѣлъ выдать на смерть предводителя бароновъ, Ричарда Маршаля, и посвятить короля въ политику личнаго правленія, что доставило королевству тридцать три года дурнаго правленія и смутъ и едва не стоило королю престола. Эта политика, въ связи съ воспоминаніями о наемникахъ Іоанна, возбудила ненависть къ иностранному вліянію, что составляетъ отличительную черту настроенія англичанъ того времени до Тюдоровъ.

Губертъ де Бургъ.

Иноземцы.

Негодованіе противъ иноземцевъ иногда кажется преувеличеннымъ. Слѣдуетъ вспомнить, что помимо вытѣсненія англійскихъ дворянъ и обѣднѣнія короны, иноземцы поощряли короля къ абсолютизму. Они владѣли замками и морскими портами, что представляло большую

опасность; они угрожали только что возникшему единству Англіи и являлись соучастниками тягостной системы, вслѣдствіе которой богатство и благосостояніе англійской церкви направлялись на поддержку иностранныхъ прелатовъ. Примасомъ былъ Бонифацій Савойскій, дядя королевы; ея оба брата были графами. Въ 1252 г. епископъ Гросстетъ Линкольнскій, первое духовное лицо того времени, заявилъ, что папскіе кандидаты извлекаютъ ежегодно изъ Англіи доходы, втрое превышающіе доходы короля. Слабый, впечатлительный умъ Генриха былъ запуганъ сильными личностями, какъ Григорій IX и Иннокентій IV. Когда папы потребовали десятину отъ англійскаго духовенства, «король гнулся какъ тростникъ», и подобныя требованія стали возобновляться почти ежегодно. Недовольство бароновъ и духовенства не могло проявиться безъ предводителя. Послѣдовательно руководителями движеніемъ противъ произвольной расточительности Генриха, противъ постояннаго нарушенія имъ хартій, противъ безпорядка, возникавшаго вслѣдствіе постоянной вакантности должностей канцлера, верховнаго судьи и казначея и повторенія нарушеній закона со стороны короля были сначала Ричардъ Корнваллисскій, братъ короля, затѣмъ Ричардъ Маршаль и Эдмундъ Ришъ, примасъ и знаменитый Гросстетъ. Король однажды клялся «какъ человѣкъ, христіанинъ, рыцарь, коронованный и помазанный на царство король»; и эту клятву онъ также легко нарушилъ, какъ и предыдущія.

Дѣло доходило до крайности въ 1233, 1237, 1242 и 1244 гг. Въ этомъ году Ричардъ Корнваллисскій сталъ во главѣ желавшихъ реформы, бывшей еще необходимѣе въ 1248, 1253 и 1255 гг. Совпаденіе особыхъ обстоятельствъ выдвинуло наконецъ подходящаго человѣка въ лицѣ Симона Монфора. Онъ былъ иностранецъ по происхожденію, но наслѣдникъ графства Лейчестерскаго, онъ пріобрѣлъ милость короля и женился на его сестрѣ; онъ вѣрно служилъ королю въ неблагодарной должности намѣстника въ Гаскони и тамъ испыталъ неблагодарность и подозрительность Генриха. Симонъ заявилъ свою симпатію къ преобразовательной партіи уже въ 1244 г.; но до 1254 г. онъ не бывалъ часто въ Англіи. Въ 1255 г. король вовлеченъ былъ въ непримиримую войну папъ противъ Гогенштауфеновъ, хотя Гогенштауфены приходились, въ силу брака, родственниками королю. Доставивъ титулъ «короля Сициліи» тщеславному Эдмунду, второму сыну короля, еще ребенку, папа пріобрѣлъ возможность черпать изъ богатствъ Англіи и вскорѣ предъявилъ Генриху вексель на 140,000 марокъ. Король хладнокровно обратился къ духовенству за этой суммой. «У всѣхъ зазвенѣло въ ушахъ», говоритъ Матью Парисъ, но они принуждены были обѣщать 52,000 марокъ. Когда на слѣдующій годъ бароны узнали, что король поручился честью страны за весь долгъ, втрое превышавшій ежегодный доходъ Англіи, чаша

Войны бароновъ.

была переполнена. Бароны явились вооруженные въ Оксфордъ; королевская партія назвала ихъ «сумасшедшимъ парламентомъ».

Оксфордскія опредѣленія.

Хотя въ силу Оксфордскихъ опредѣленій, иностранцы были изгнаны и избранные сановники и комитеты бароновъ въ сущности замѣняли королевскую власть, но требованія реформы были умѣренны и даже довольно смутны. Король могъ управлять только черезъ посредство совѣта пятнадцати, состоящаго изъ одинаковаго числа роялистовъ и бароновъ; три раза въ годъ этотъ совѣтъ соединялся съ двѣнадцатью выборными людьми отъ всѣхъ бароновъ. Это соединенное собраніе называлось «парламентомъ» и двѣнадцать, какъ говорилось, являлись «представителями всей общины». Такой олигархическій планъ реформы долженъ былъ потерпѣть неудачу. Быть можетъ, Генрихъ предвидѣлъ нѣчто подобное, когда утвердилъ клятвою опредѣленія, желая уплаты своего долга. Онъ былъ правъ въ своемъ предположеніи; нѣсколько позже, чѣмъ черезъ годъ исключенные элементы предъявили свои права. Поддерживаемые Эдуардомъ и, вѣроятно, Симономъ Монфоромъ, «рыцари Англіи» напали на правленіе бароновъ за ихъ эгоизмъ и исключительность и вынудили ихъ требовать дальнѣйшихъ реформъ. Два графа, руководившіе реформою, поссорились: Симонъ былъ представителемъ либеральной партіи, а Глочестеръ олигархической. Политическій успѣхъ первой партіи,—рыцарей, свободныхъ владѣльцевъ, горожанъ,—придаетъ главное значеніе и интересъ смутной, перемѣнчивой и повидимому ничтожной исторіи этихъ лѣтъ борьбы (1258—1265). Два раза бароны, не смотря на ссору, принуждены были соединиться изъ опасенія усиленія врага. Въ 1261 г. Генрихъ получилъ легко папскую буллу, разрѣшавшую его отъ клятвъ; въ ноябрѣ 1262 г. принцъ Эдуардъ, вѣроятно подозрѣвая намѣренія Симона, присоединился къ отцу. Съ другой стороны въ 1262 г. умеръ старый графъ Глочестеръ, а сынъ его былъ упорный сторонникъ реформъ. Наконецъ, послѣ безпрестанныхъ ссоръ и интригъ, въ силу простаго утомленія, обѣ стороны обратились за рѣшеніемъ къ Людовику, королю Франціи. Его приговоръ несомнѣнно былъ неблагопріятенъ для партіи мятежниковъ. Симонъ сталъ ссылаться на опредѣленія великой хартіи, а лондонцы отказались принять приговоръ, въ которомъ они не участвовали. Военная сила была теперь противъ Симона. Онъ принужденъ былъ соединиться съ мятежными валлійцами и, когда дошло до правильной битвы при Льюсѣ, онъ едва не былъ побѣжденъ королевскимъ войскомъ, такъ какъ его отряды были менѣе дисциплинированы; но принцъ Эдуардъ совершилъ тотъ же промахъ, какой совершилъ принцъ Рупертъ въ 1645 г. при Назеби. Партія Симона, состоявшая изъ горожанъ, духовенства и народа, не могла сравниться по военной силѣ съ партіей бароновъ, большая часть которыхъ была теперь роялистами. Съ мстительной горячностью Эдуардъ напалъ на лондонцевъ, разбилъ ихъ и разогналъ и преслѣ-

Битва при Льюсѣ.

довалъ цѣлыя мили; когда же вернулся, увидѣлъ, что все было кончено—его отецъ, дядя и двоюродный братъ были плѣнниками, а графъ Лейчестеръ сдѣлался настоящимъ правителемъ Англіи.

Побѣда не сдѣлала положеніе Симона болѣе прочнымъ. Подъ тонкимъ покровомъ королевскаго имени Англія четырнадцать мѣсяцевъ управлялась совѣтомъ девяти, назначаемымъ тремя лицами; эти три лица были: самъ Симонъ, его поклонникъ Клэръ, графъ Глочестеръ и его другъ, епископъ Чичестерскій. Сыновья Симона, по непростительной глупости, оскорбили Клэра, допустили бѣгство принца Эдуарда, были застигнуты имъ и дали ему возможность разбить ихъ отца. «Сэръ Симонъ справедливый палъ при Эвешамѣ»—съ жестокостью, весьма рѣдкою въ англійской войнѣ, его тѣло было страшно изуродовано. Память о немъ жила въ народѣ; цѣлыя поколѣнія его чтили какъ святого; у его могилы происходили чудесныя исцѣленія. Онъ дѣйствительно былъ замѣчательнымъ человѣкомъ; и однако же еще до его смерти то, что онъ могъ совершить, уже было совершено, а что оставалось совершить, предоставлено его великому преемнику, его ученику, союзнику и врагу, Эдуарду I. Послѣ побѣды роялистовъ, окончательнаго подчиненія остатка недовольныхъ приговору въ Кенильвортѣ пятнадцать мѣсяцавъ спустя, исчерпывается весь интересъ этого царствованія. Когда большая часть Вестминстерскихъ опредѣленій вошла въ 1267 г. въ акты парламента Марльборо, многое, чего добивались бароны, было достигнуто. Въ 1270 г. принцъ Эдуардъ организовалъ крестовый походъ и, когда онъ лежалъ раненый кинжаломъ фанатика въ Акрѣ, Генрихъ III умеръ; отъ имени Эдуарда I обнародована прокламація мира и принесена ему присяга вѣрности.

Происхожденіе парламента.

А. Л. Смита.

Происхожденіе англійскаго парламента слѣдуетъ прослѣдить, начиная съ мѣстныхъ учрежденій германскихъ племенъ. Послѣднія же стадіи его развитія устанавливаются въ періодъ со времени восшествія на престолъ Генриха II до конца царствованія Эдуарда I.

До 1213 г. исторія парламента — исторія мѣръ, какими королевская власть подготовляла мѣстныя учрежденія къ содѣйствію въ мѣстной администраціи. Съ 1213 г. все переносится въ Вестминстеръ; все болѣе и болѣе опредѣленно мѣстныя власти соединяются въ одно центральное собраніе—процессъ заканчивается образованіемъ «Образцоваго парламента» 1295 г. Въ то же время происходятъ важные

вспомогательные процессы. Представительство становится избирательнымъ. Ленное право, какъ конституціонный принципъ, слабѣетъ Города пріобрѣтаютъ политическое значеніе. Духовенство организуетъ полныя представительныя собранія. Обложеніе налогами видоизмѣняется по формѣ; особыя жюри (juries of recognition) становятся органами обложенія личности новыми налогами.

Элементы парламентскаго представительства.

Невозможно прослѣдить въ совокупности развитіе всѣхъ этихъ элементовъ. Необходимо выдѣлить существенные изъ нихъ и прослѣдить ихъ въ отдѣльности. Четыре принципа выражены въ приказѣ 1295 г., годъ «Образцоваго парламента». Приказъ обращается къ шерифамъ; имъ повелѣвается прислать въ Вестминстеръ два избранные рыцаря изъ каждаго шира и два избранныхъ горожанина отъ каждаго города, съ полными и достаточными уполномочіями отъ каждаго шира и города для приведенія въ исполненіе того, что рѣшено будетъ на общемъ совѣтѣ.

Существенные пункты слѣдующіе:

A) Представительство отъ шира. Представительство исходитъ отъ свободныхъ владѣльцевъ-фригольдеровъ, помѣстій или городовъ—представителями первыхъ являются рыцари, послѣднихъ—горожане.

B) Представители—выборные, т.-е. они должны быть настоящими представителями.

C) Цѣль — обложеніе налогами. Они призываются не только для совѣщанія и сообщенія свѣдѣній правительству, но и для дѣятельнаго участія, т.-е. для опредѣленныхъ вотированій суммъ.

D) Они сходятся съ другими сословіями (магнатами и духовенствомъ).

Представители являются не только представителями сословія, т.-е. опредѣленнаго класса собственниковъ и ихъ отдѣльныхъ интересовъ; точно также лорды являются представителями своего сословія, а духовенство, духовное сословіе—имѣетъ своихъ представителей.

Ширъ или графство.

A) Когда англо-норманскіе короли искали союзника противъ феодальныхъ бароновъ, или Плантагенеты искали союзника для защиты отъ посягательствъ папской церкви, они находили его въ старой системѣ графствъ.

Фактъ такого союза удостовѣряется цѣлымъ рядомъ доказательствъ; главныя изъ нихъ слѣдующія:

1) Повелѣніе Генриха I, въ которомъ ясно указывается его намѣреніе, чтобы судъ шира и его низшая инстанція—судъ сотни засѣдали одновременно и въ томъ же мѣстѣ, какъ во дни короля Эдуарда, и чтобы весь ширъ присутствовалъ на этихъ судахъ.

2) Пользованіе судами шира и сотни Генрихомъ II, какъ орудіями для королевскихъ нуждъ; такъ напр. для рѣшенія вопросовъ о ленахъ въ случаяхъ столкновенія короны съ церковью, для содѣйствія порядку и приведенія въ исполненіе королевскаго правосудія на осно-

ваніи ассизовъ Кларендонскихъ и Нортгамптонскихъ, для обложенія налогами личной собственности и для опредѣленія налогоспособности личности; также для рѣшенія дѣлъ тяжущихся относительно земель, взамѣнъ грубаго судебнаго поединка.

3) Статутъ суда шира въ царствованіе Ричарда I, 1194 г., когда судъ этотъ достигъ своего полнаго развитія, когда четыре главные рыцаря суда отправлялись въ объѣздъ для организаціи представительства двѣнадцати рыцарей или фригольдеровъ отъ каждой сотни, одно донесеніе которыхъ могло повести къ изгнанію изъ государства завѣдомо злонамѣреннаго лица или предать суду лицо, подозрѣваемое въ преступленіи; они могли рѣшать, какія земли и феодальныя повинности принадлежатъ коронѣ и какія нѣтъ; могли рѣшать гражданскіе иски подданнаго съ подданнымъ и т. д. до наложенія наказанія за невѣрные вѣсы и мѣры.

То было мѣстное «самоуправленіе» въ самомъ полномъ и истинномъ смыслѣ этого слова. Чтобы создать центральное самоуправленіе оказалось нужнымъ только призвать этихъ мѣстныхъ представителей въ центральное собраніе и представить этому собранію контроль надъ всѣмъ управленіемъ. Первая задача приведена въ исполненіе въ тринадцатомъ столѣтіи (1195—1295); вторая задача потребовала для осуществленія еще четыре столѣтія и пять революцій.

Первый шагъ соединенія шировъ въ центральное собраніе произошелъ въ 1213 г., во время съѣзда въ Сентъ-Албансѣ четырехъ человѣкъ и старосты отъ каждаго города въ королевскихъ доменахъ для опредѣленія убытковъ, причиненныхъ въ послѣдніе годы землямъ церкви во время интердикта. Въ томъ же году четыре рыцаря отъ каждаго шира должны были съѣхаться въ Оксфордѣ «для совѣщанія съ королемъ о дѣлахъ королевства»; но это совѣщаніе не состоялось. Въ 1226 г. съѣхались рыцари отъ восьми шировъ для обсужденія спорныхъ статей великой хартіи.

Ранніе примѣры поясняютъ намъ, что только во время борьбы бароновъ въ тридцатилѣтній промежутокъ дурнаго управленія короля данъ былъ поводъ подумать о принципахъ управленія и сознана вся важность созванія подобнаго представительнаго собранія. Министры прибѣгли къ созванію рыцарей въ 1254 г., какъ къ послѣднему средству добыть денегъ. Въ 1261 г., когда бароны созвали рыцарей въ Сентъ-Альбансѣ, король выразилъ сильное негодованіе противъ такого незаконнаго собранія и торжественно повелѣлъ явиться «въ Виндзоръ, а не въ иное мѣсто»; во время короткаго пятнадцатимѣсячнаго правленія Симона Монфора, онъ дважды созывалъ парламентъ; одинъ въ іюнѣ 1264 г., и другой, болѣе знаменитый, въ январѣ 1265 года.

Среди ожесточенной политической борьбы въ эти годы между тремя группами бароновъ, которыя можно назвать роялисткой, аристокра-

тической и національной, внезапно возникъ важный вопросъ: чѣмъ должна быть конституція Англіи? Мы можемъ формулировать этотъ вопросъ слѣдующимъ образомъ: Какимъ образомъ должно быть организовано центральное собраніе? Должно избирательное право принадлежать баронамъ или военнымъ ленникамъ или представителямъ народа? Если послѣднимъ, то кто долженъ быть избирателями и кто выборными?

Въ тринадцатомъ столѣтіи все это сводилось къ одному вопросу, который встрѣчается во всѣхъ хроникахъ, конституціонныхъ актахъ и политическихъ пѣсняхъ того времени. Что такое commna—Общины?

Общины.

Слово это въ различныхъ формахъ — *commna, communitas, commun* — терминъ такой же широкій по смыслу, какъ слово «нація», *commna totius terrae*; но въ дѣйствительности часто смыслъ этого слова съуживался на столько, насколько это было желательнымъ баронамъ; такъ напр. комитетъ бароновъ, избранный въ 1258 г. *per communitatem*, въ сущности избранъ горстью менѣе двадцати руководителей бароновъ. Въ какомъ бы смыслѣ мы не приняли это слово, оно всегда означало *организацію*; и такъ, если принять ленное владѣніе, какъ главный организаціонный принципъ англійскаго королевства, *commna* должна означать бароновъ и только бароновъ. Но подобная монополія бароновъ была въ то время уже анахронизмомъ. Можно ли было признать основой представительства военную службу? Въ такомъ случаѣ собраніе могло быть выборнымъ, но оно должно тогда состоять изъ представителей болѣе мелкихъ ленниковъ и класса рыцарей. Но это тоже было бы анахронизмомъ, такъ какъ феодализмъ уже утратилъ свой военный характеръ, рыцари вовсе не были боевымъ сословіемъ, а осѣдлыми англійскими дворянами. Принять ли за *commna* всѣхъ живущихъ на англійской землѣ? Это значитъ понимать общины въ слишкомъ обширномъ и неопредѣленномъ смыслѣ? Какъ же понимать Общины? Въ томъ смыслѣ, въ какомъ это слово послѣдовательно употреблялось для означенія древняго вѣча шира, собраніе всѣхъ фригольдеровъ шира, сельскихъ и городскихъ, *communitas scirae*. Собраніе должно быть *domus communitatum*, общественнымъ мѣстомъ собранія вѣча шира. Въ этомъ смыслѣ парламентъ Монфора въ 1265 г. былъ первою палатою Общинъ,—въ этомъ смыслѣ и Эдуардъ I по возвращеніи въ Англію объяснилъ въ первомъ парламентѣ о полученіи субсидіи отъ «общинъ государства». То было окончательно торжествомъ шира, какъ единицы системы управленія. Наконецъ произошло сліяніе англосаксонскихъ мѣстныхъ учрежденій съ норманскою централизаціей.

Союзъ двухъ классовъ, горожанъ и рыцарей, отличаетъ развитіе нашего первоначальнаго парламента отъ парламентовъ другихъ странъ. Этотъ фактъ имѣетъ очень важное значеніе, онъ не былъ случайнымъ, а вытекалъ изъ состава шира. Съ самаго начала нашей исто-

рiи города считались частью шира; они отправляли выборныхъ людей на судъ шира въ присутствiи королевскихъ судей. Представительство городовъ являлось необходимымъ слѣдствiемъ представительства *communitas sciræ*. Прежнiе писатели поэтому преувеличиваютъ, считая Монфора основателемъ парламентовъ; они также не обратили вниманiя, что онъ считалъ города не частью шира, а почти отдѣльнымъ сословiемъ (онъ, въ сущности, считалъ ихъ континентальными муниципiями, а не англiйскими боругами.

B.) Всѣ представители были выборными.

Положенiе это не такъ ясно и очевидно, какъ оно намъ кажется теперь. Феодальная теорiя какъ бы выдѣляла нѣчто въ родѣ представительства; лордъ самъ даровалъ себѣ помощниковъ изъ своихъ вассаловъ, даже изъ вилленовъ. Избирательный принципъ.

Въ сущности преимущество выборныхъ представителей предъназначенными было финансовымъ открытiемъ во второй половинѣ двѣнадцатаго столѣтiя и до 1254 г. не примѣнялось къ парламентскимъ цѣлямъ.

Весьма возможно, что и расширенiе Верховнаго Совѣта (great counsil) произошло путемъ созыва болѣе мелкихъ ленниковъ. Собранiе являлось такимъ образомъ собранiемъ менѣе знатныхъ, такъ какъ классовый духъ исключительно знатныхъ могъ бы уничтожить парламентъ; и въ четырнадцатомъ столѣтiи весьма часто, хотя и ошибочно, такое положенiе вещей признавалось за настоящую теорiю общинъ. Къ счастiю, ленное право уже слишкомъ ослабѣло въ срединѣ тринадцатаго столѣтiя, чтобы предоставлять опору для правительства; мелкiе ленники вошли въ ширъ, а менѣе знатные люди стали дворянами.

C). Такимъ путемъ ленное право смѣнилось представительствомъ, какъ основнымъ принципомъ законодательнаго собранiя. Рѣшительное вліянiе на этотъ процессъ оказало главнымъ образомъ обложенiе налогами.

Значенiе обложенiя громадно въ нашей англiйской исторiи; въ сущности, почти вся наша конституцiонная исторiя заключается въ исторiи обложенiя. Улучшенiе судебной системы въ двѣнадцатомъ столѣтiи было средствомъ собиранiя налоговъ; королевская администрацiя первоначально являлась органомъ сбора налоговъ, развитiе парламента вызвано необходимостью новыхъ способовъ обложенiя. Такъ феодальная помощь, первоначальная форма налога, будучи въ теорiи добровольнымъ даромъ, порождала принципъ, что обложенiе обусловливается согласiемъ подданнаго. Когда введены были новые налоги на личность, это согласiе пріобрѣло большее реальное значенiе, такъ какъ требовалось содѣйствiе плательщиковъ для обложенiя и сбора налоговъ; постепенно отдѣльныя дѣйствiя отдѣльнаго шира упрощались созывомъ представителей каждаго шира для сов- Обложенiе податями, какъ факторъ англiйской исторiи.

мѣстнаго опредѣленія налога. Мы уяснимъ себѣ это, тщательно прослѣдивъ дѣйствія Эдуарда I въ 1890 г. Въ маѣ онъ созвалъ феодальный совѣтъ для изданія важнаго земельнаго статута; этотъ совѣтъ назначилъ ему феодальную помощь. Эта помощь равнялась 18.000 ф., въ виду же крайней нужды, онъ полагалъ получить болѣе обширную національную субсидію, которая включила бы обложеніе и личности и земли и дала бы по крайней мѣрѣ 40.000 ф. Поэтому въ іюнѣ онъ созываетъ рыцарей отъ каждаго шира, которые и даютъ ему желанную субсидію.

Ясно, что въ 1290 г., такой великій человѣкъ, какъ Эдуардъ I продолжалъ считать древній феодальный совѣтъ вполнѣ компетентнымъ во всѣхъ дѣлахъ правленія, исключая новаго способа обложенія; для этого обложенія, и только для него, онъ считалъ необходимымъ представительное собраніе. То же воззрѣніе проглядываетъ и въ его отношеніи къ духовенству; онъ опредѣлилъ, сколько духовенство должно платить, такъ какъ свѣтское сословіе платитъ и сражается; духовенство владѣетъ церковными имуществами, а церковныя имущества должны нести свою долю національныхъ тягостей; въ силу этого духовенство также должно быть съорганизовано въ представительное сословіе. Послѣ долгой борьбы ему удалось провести свои мѣры; его слабые преемники пошли на компромиссъ, сохранившій духовенству ихъ любимую независимость, но въ концѣ концовъ оказавшійся роковымъ для него.

Соединеніе сословій.

D) Послѣднимъ шагомъ къ образованію парламента было соединеніе всѣхъ трехъ сословій. Сословіе магнатовъ въ силу давней традиціи образовало родъ малаго собранія крупныхъ ленниковъ; Эдуардъ I усилилъ ихъ стремленіе къ ограниченію ихъ численности, уменьшивъ число перовъ на половину противъ прежняго и пользовался значительной свободою избранія личностей, входившихъ въ составъ собранія. Духовенство быстро организовалось для своихъ цѣлей въ представительное собраніе или вѣрнѣе въ два собранія— конвокаціи Кентербюри и Іорка. Эдуардъ соединилъ ихъ въ одно парламентское сословіе духовенства и наконецъ, не ранѣе 1295 г., созвалъ три сословія въ одномъ мѣстѣ и въ одно время для обсужденіи одного и того же вопроса. Интересно, что послѣ парламента Монфора, въ составъ котораго входили магнаты, хотя въ небольшомъ числѣ, незначительное количество духовенства и общины: рыцари и горожане,—все же потребовалось тридцать лѣтъ, чтобы выработать постоянную форму парламента изъ трехъ сословій. Въ этотъ промежутокъ времени созывалось семь парламентовъ, но въ каждомъ были недочеты: не было горожанъ или отсутствовало духовенство, и въ 1295 г. впервые созывается парламентъ, состоящій изъ трехъ сословій. «Сословіе» означаетъ классъ, подлежащій отдѣльному обло-

женію; три сословія означали землю, церковныя имущества и движимую собственность.

Парламенту придано такимъ образомъ двойное значеніе, онъ являлся національнымъ представителемъ знатныхъ классовъ и національнымъ представителемъ мѣстныхъ общинъ. Первое значеніе теперь совершенно утрачено, такого представительства классовъ не существуетъ; послѣднее значеніе видоизмѣнилось замѣщеніемъ реальныхъ *communitates* избирательными округами.

Обзоръ перваго періода парламентской исторіи указываетъ на: Выводы.

1) Медленность развитія. Наша система суда присяжныхъ и нашъ парламентъ, два самыя характерныя и возбудившія больше всего подражанія англійскія учрежденія, происходятъ отъ одного корня; корень этотъ лежитъ въ древней германской жизни. Первый призывъ выборныхъ представителей, дѣйствовавшихъ отъ своихъ шировъ, относится по крайней мѣрѣ къ царствованію Генриха I, созывъ же ихъ въ центральное собраніе подготовлялся восемьдесятъ два года (1213—95).

Система, слѣдовательно, была примѣнена и испробована сначала въ маломъ размѣрѣ; представительство примѣнялось къ мелкимъ мѣстнымъ дѣламъ до примѣненія въ обширной сферѣ; парламентъ устойчивъ потому, что основы его національны; англійское самоуправленіе существуетъ столѣтія, потому что оно является продуктомъ столѣтій.

2) Политическая система есть отраженіе общественной системы. Современная политическая жизнь опредѣляется вопросомъ: кому будетъ принадлежать политическое право? Этотъ вопросъ долженъ быть рѣшенъ предварительно до введенія какой либо представительной системы. Однако же этотъ вопросъ вовсе не рѣшался въ первое время существованія парламента, даже никогда не ставился; первое дѣйствительное законодательство по этому вопросу состоялось только въ 1430 г. — болѣе столѣтія спустя, когда объявлено, что право принадлежитъ фригольдерамъ, пользующимся доходомъ въ 40 шиллинговъ и болѣе. Вопросъ этотъ, въ сущности, никогда опредѣленно не рѣшался въ первый періодъ, такъ какъ никогда сознательно не былъ возбужденъ. Политическая система являлась лишь отраженіемъ общественной системы въ томъ видѣ, какъ она существовала. Общество, основанное на феодальныхъ понятіяхъ, смотрѣло на фригольдера, какъ на составную часть самого себя. Фригольдеры составляли вѣче шира. Палата Общинъ обозначала палату соединенныхъ вѣчъ. И вслѣдствіе этого Общины были фригольдеры—свободные владѣльцы.

3) Учрежденіе парламента не являлось нововведеніемъ; оно не было революціей. Оно не измѣняло древняго поземельнаго владѣнія; не вводило новыхъ дѣленій. Оно не было избирательной системой, висящей въ воздухѣ, видимой только въ дни выборовъ, съ ариѳметически обозначенными избирательными дѣленіями, съ избирателями

безъ всякой связи, кромѣ обязательства явиться разъ въ семь лѣтъ и опустить въ одинъ и тотъ же день бумажку въ ящикъ для баллотировки.

Церковь.

В. Г. Гэттона.

Въ царствованіе Іоанна исторія церкви была исторіей государства. Папы охраняли тронъ юнаго короля, а когда онъ упрочился на престолѣ и достигъ совершеннолѣтія, они стали требовать платы, необходимой для выполненія ихъ собственныхъ плановъ. Требованія папъ все увеличивались, пока архіепископъ Эдмундъ Ришъ не покинулъ въ отчаяніи Англію.

Иноземныя духовныя лица.

Появлялся протестъ за протестомъ, самымъ знаменитымъ протестомъ было письмо ректоровъ Беркшира въ 1240 г., гдѣ они протестовали противъ всемірнаго скандала, производимаго римской церковью ея вымогательствами, они заявляли, что имущество другихъ церквей не подлежало обложенію и подати римскому папѣ. Опять церковь наводнилась иностранными прелатами. Сводные братья короля и родственники его жены явились въ страну, чтобы разживаться доходами съ церковныхъ имуществъ, папы «ради дохода» давали лучшія бенефиціи лицамъ своего двора. Слабость короля и апатія епископовъ способствовали усиленію злоупотребленій, хроники полны возгласовъ скорби и воззваній къ традиціямъ національной независимости. Два луча свѣта освѣщаютъ мракъ картины. Первый лучъ—жизнь Гросстета, линкольнскаго епископа, второй—прибытіе фріаровъ.

Гросстетъ.

Робертъ Гросстетъ былъ восемнадцать лѣтъ, отъ 1235 по 1253 г., выдающимся духовнымъ лицомъ въ странѣ; онъ былъ главнымъ дѣятелемъ внутренней реформы церкви, первымъ лицомъ въ борьбѣ бароновъ противъ короля и первый выказалъ сопротивленіе вымогательствамъ папы. Онъ былъ другомъ Симона Монфора, воспитателемъ его сына и ярымъ поборникомъ всѣхъ попытокъ политической реформы. Отъ него епископы, какъ Вальтеръ Кантилупъ, учились соединяться во имя свободы народа. Отъ него духовенство заимствовало мужество противостоять развращенности того времени и вымогательствамъ папъ. «Пораженный изумленіемъ» говоритъ Матью Парисъ, «скупостью римлянъ, онъ велѣлъ тщательно вычислить и оцѣнить доходы иностранцевъ въ Англіи; тогда обнаружилось и выяснилось, что папа Иннокентій IV обиралъ всю церковь больше всѣхъ своихъ предшественниковъ, начиная отъ первыхъ папъ. Доходы иноземныхъ

клериковъ, которыхъ онъ поселилъ въ Англіи и которыхъ обогатила церковь, насчитывалось до 70,000 марокъ, въ то же время доходы короля не достигали и трети этой суммы».

Когда папа потребовалъ отъ него учредить въ его соборѣ пребенду его племяннику, юношѣ не имѣвшему духовнаго сана и нежелавшему ѣхать въ Англію, онъ отвѣтилъ письмомъ, которое служитъ самымъ поразительнымъ примѣромъ англійскаго настроенія противъ Рима, какой можно найти въ исторіи среднихъ вѣковъ; уже при послѣднемъ издыханіи онъ взывалъ о помощи «къ знатнымъ людямъ Англіи и гражданамъ Лондона и общинѣ всего государства» противъ оскорбленій, какія англійская церковь выносила отъ иностранныхъ пришельцевъ, «старавшихся только стричь шерсть и не знавшихъ своей паствы».

Фріары.

Такіе протесты, какъ протестъ Гросстета, могли казаться безплодными. Но церковь возрождалась сама по себѣ. Въ 1220 г. доминиканцы впервые появились въ Англіи, въ 1224 г. францисканцы; первые, какъ ученые и проповѣдники, были съ радостью приняты въ Оксфордѣ. Вскорѣ туда явились и вторые и основали свой собственный богословскій факультетъ. Тѣ и другіе фріары не только являлись представителями учености, но были и выразителями нуждъ народа, и проводили воззрѣнія вилленовъ; изъ ихъ среды выходили великіе люди. Гросстетъ былъ ректоромъ францисканцевъ въ Оксфордѣ въ 1224 г., а двѣнадцать лѣтъ спустя они считали среди своихъ братьевъ Адама Марша. Гросстетъ и Маршъ были два друга въ теченіе всей жизни. Адамъ былъ выдающимся человѣкомъ своего времени, онъ постоянно бывалъ при дворѣ и въ то же время усердно читалъ лекціи въ Оксфордѣ; онъ былъ совѣтникомъ Симона Монфора и также и короля; все время онъ строго наблюдалъ уставъ Св. Франциска, «служилъ несчастнымъ и отверженнымъ и исполнялъ главныя и существенныя обязанности монаха». Первые фріоры не только были представителями великаго духовнаго возрожденія и руководителями умственнаго движенія, они были главнымъ образомъ общественными миссіонерами. Монашескіе ордена работали въ сельскихъ округахъ; нищенствующіе монахи были миссіонерами городовъ. Въ теченіе двѣнадцатаго и тринадцатаго столѣтій города значительно разрослись, за стѣнами города въ тѣсныхъ дворахъ или въ болотахъ у рѣки скоплялись массы мужчинъ и женщинъ, брошенныхъ на произволъ судьбы. Среди этой толпы проказа—подъ этимъ именемъ подразумѣвали безъ сомнѣнія и много другихъ болѣзней—свирѣпствовала, какъ безжалостный демонъ; тамъ фріары прежде всего стали искать работы и нашли ее. Всѣ францисканскіе послушники выдерживали испытаніе въ госпиталяхъ для прокаженныхъ и фріары селились въ самыхъ населенныхъ частяхъ городовъ, гдѣ и теперь сохраняются названія монастырей. Благодаря трудамъ фріаровъ данъ первый толчокъ изученію медицины въ средніе вѣка и неоцѣнимо то благо, ка-

кое они давали страждущимъ, смягчая ихъ страданія. Ихъ дѣятельность расширяла самую идею монашеской жизни; ихъ примѣръ какъ бы сближалъ монашество съ жизнью мірянъ. Присоединеніе къ нимъ лицъ, сохранявшихъ свои профессіи и владѣвшихъ своей собственностью, которые отдавали подъ ихъ руководствомъ свой трудъ на дѣла благотворительности и милосердія, сильно поднимало уровень общественной жизни. Какъ только фріары отбросили ограниченіе, налагаемое Св. Франциском относительно науки, они стали во главѣ культурнаго движенія и въ концѣ царствованія Генриха III, они также высоко стояли въ сферѣ образованія, какъ въ миссіонерской и филантропической дѣятельности.

Робертъ Кильуардби сталъ кентербюрійскимъ архіепископомъ въ 1273 г., а ранѣе Бонавентура отказался отъ іоркскаго архіепископства. Оба были францисканцами. Александръ Гальсъ, Дунсъ Скотъ и Рожэръ Бэконъ являются англійскими передовыми людьми, произведшими переворотъ въ сферѣ мысли. И такъ при вступленіи на престолъ Эдуарда I, благодаря мудрости отдѣльныхъ прелатовъ и трудамъ фріаровъ, церковь Англіи оправилась отъ суровыхъ ударовъ, нанесенныхъ Іоанномъ. Корпоративная жизнь церкви съорганизовалась и упрочилась; духовное сословіе пріобрѣло организацію и выдѣлило передовыхъ людей. Теперь оставалось выяснить, какъ преодолѣетъ церковь тѣ трудности, которыя могутъ возникнуть отъ борьбы между сильной церковью и сильнымъ королемъ.

Церковь и національная жизнь.

Исторія средневѣковой Англіи не можетъ быть изучаема даже поверхностно безъ указанія того глубокаго вліянія, какое церковь оказывала на національную жизнь въ политическомъ, общественномъ и религіозномъ отношеніи. Вліяніе церкви было громадно и не встрѣчало противодѣйствія. Въ тотъ періодъ, о которомъ идетъ рѣчь, въ сущности и не было другихъ противодѣйствующихъ элементовъ. Тогда не было еретиковъ и диссидентовъ. Иностранная секта, послѣдователи которой появились въ Англіи въ царствованіе Генриха II, пріобрѣла только одного сторонника, въ лицѣ несчастной женщины (*mulierecula*, говоритъ хроникеръ), да и она отреклась отъ своего ученія при первомъ преслѣдованіи. Въ церкви не было богословской борьбы; евреи являлись единственными представителями не-христіанъ, о которыхъ имѣли понятіе мѣстные англичане. Интересно, какъ же относилось это высшее религіозное общество къ невѣрнымъ по своему уставу? Церковь, какъ учрежденіе, не относилась сурово къ евреямъ. Извѣстны много примѣровъ дружбы между христіанами и евреями. Евреи врачи находили дружескій пріемъ среди христіанъ; монашескіе общества поддерживали дружескія отношенія съ еврейскими учрежденіями, хроникёры,—а они всѣ монахи или духовныя лица,—рѣдко отзываются одобрительно объ оскорбленіяхъ евреевъ. Все-жъ по мѣрѣ того, какъ евреи богатѣли отъ ростовщичества,

Церковь и евреи.

которымъ только они и могли заниматься, отношенія стали обостряться. Съ 1144 г., когда впервые появляется обвиненіе въ убійствѣ христіанскаго мальчика, евреи отъ времени до времени начинаютъ подвергаться обвиненіямъ, часто ложнымъ, и надъ ними происходитъ большею частью поспѣшный судъ. Выдающіеся процессы этаго рода создавали иной разъ новый культъ. Часто мощи мученика-мальчика становились самыми знаменитыми въ соборѣ. Самыми выдающимися примѣрами является св. Вильгельмъ Норвичскій въ 1144 г., Гарольдъ Глочестерскій въ 1168 г., Робертъ Эдмундсбюрійскій въ 1181 г., неизвѣстный мальчикъ въ Лондонѣ въ 1244 г., похороненный съ большей пышностью въ соборѣ св. Павла и св. Гугъ Линкольскій въ 1255 г. Трудно совсѣмъ не вѣрить такимъ обстоятельнымъ и частымъ разсказамъ; съ другой же стороны этихъ разсказовъ черезчуръ ужъ много, чтобы они всѣ были достовѣрны, а иные слѣдуетъ отбросить, какъ вполнѣ вымышленные. Одно лишь ясно, что и въ этихъ случаяхъ духовенство не было склонно къ преслѣдованіямъ. Мы узнаемъ отъ Матью Париса и изъ Бэртонской лѣтописи, что нищенствующія ордена успѣшно ходатайствовали о прощеніи евреевъ, обвиняемыхъ въ подобныхъ преступленіяхъ. Въ общемъ духовенство настроено было въ пользу терпимости и эта терпимость объясняется неоспоримою властью церкви.

Церковь въ сельскихъ округахъ.

Общая исторія подробно описываетъ намъ значеніе этой власти въ крупныхъ городахъ и для націи вообще. Гораздо меньше извѣстно о вліяніи церкви въ сельскихъ округахъ. Здѣсь трудъ монастырей въ двѣнадцатомъ столѣтіи и нищенствующихъ монаховъ въ тринадцатомъ столѣтіи является непосредственно трудомъ проповѣди и культуры. Церкви возникли въ мало населенныхъ ширахъ и до сихъ поръ онѣ свидѣтельствуютъ о практическомъ характерѣ народнаго благочестія. Вокругъ приходской церкви сосредоточивалась деревенская жизнь, въ маленькихъ городкахъ цехи, возникая въ центрѣ страны въ Бэрфордѣ въ одинадцатомъ столѣтіи, трудились совмѣстно съ религіозными учрежденіями. Приходскіе священники обыкновенно были простыми, часто невѣжественными людьми. Общій уровень ихъ потребностей не былъ ниже уровня потребностей лицъ выше ихъ по сану и гораздо выше уровня общества, среди котораго они жили. Несомнѣнно суевѣріе господствовало почти повсемѣстно, но то было мягкое суевѣріе, освѣщенное проблесками ума. Когда мы читаемъ, что въ восточной Англіи во время жатвы появились неизвѣстно откуда двое дѣтей, мальчикъ и дѣвочка, «съ совершенно зеленые лицами, одѣтые въ одежды страннаго цвѣта и изъ неизвѣстной матеріи», мы также узнаемъ, что эти странные пришельцы были ласково приняты, ихъ окрестили и приняли въ лоно церкви и обласкали «и наконецъ у нихъ измѣнился ихъ первоначальный цвѣтъ, вслѣдствіе естественнаго вліянія нашей пищи». Вильгельмъ Ньюбургъ передаетъ

также разсказъ о сельской религіи, не лишенный своей особой красоты и своеобразности. Нѣкто Кетелль, вилленъ, бывшій на службѣ у нѣкоего клерика по имени Гэмъ, жившій въ Фарнгэмѣ въ Іокширѣ, обладалъ страннымъ даромъ: онъ могъ видѣть злыхъ духовъ, которые мучатъ человѣчество. Тѣмъ не менѣе онъ продолжалъ также просто жить, какъ и раньше, не выказывалъ своего превосходства своимъ сосѣдямъ, но не стремился вступить въ бракъ, велъ холостую жизнь, воздерживался отъ употребленія мяса, не носилъ холста и насколько позволяла работа, посѣщалъ службы сельской церкви, первый входилъ и послѣдній выходилъ оттуда. Духъ благочестія поддерживался отшельниками, жившими въ пещерахъ и у отдаленныхъ ручьевъ, туда народъ стекался на богомолье, чтобы учиться ихъ простой вѣрѣ и дивиться ихъ строгой святости. Одно изъ прекрасныхъ мѣстъ повѣствованія Вильгельма, настоятеля Ньюбурга, его описаніе, какъ онъ видѣлъ Годрика, отшельника Финчала на вершинѣ Дургама, за нѣсколько дней до его смерти—старика и невѣжественнаго человѣка, но полнаго «удивительнаго благородства и привлекательности». Отрадно послѣ войнъ и схватокъ знатныхъ бароновъ и знатныхъ духовныхъ лицъ наблюдать развитіе гуманности и добрыхъ дѣлъ, разносимыхъ церковью по проселкамъ и закоулкамъ сельской жизни.

Развитіе судопроизводства 1154—1272 г.

Ф. Мейтланда.

Въ теченіе періода, отдѣляющаго коронацію Генриха II (1154) отъ коронаціи Эдуарда I (1272) не было еще опредѣленнаго законодательства. Генрихъ своей бдительной и неутомимой дѣятельностью произвелъ много измѣненій, но все это обошлось безъ торжественнаго обнародованія законовъ. Нѣсколько написанныхъ или даже сказанныхъ словъ, переданныхъ его судьямъ,—тѣмъ судьямъ, которыхъ онъ всегда посылалъ въ объѣздъ по странѣ,—могли имѣть громадное значеніе, установлять новые способы судопроизводства, могли привлекать къ подсудности королевскому суду новый классъ людей й разрядъ дѣлъ. Нѣкоторые изъ его постановленій—«ассизовъ», какъ ихъ называли,—дошли до насъ, другія не сохранились. Никто не старался сохранить ихъ текстъ, такъ какъ на эти постановленія смотрѣли не какъ на новые законы, а какъ на временныя инструкціи, которыя могли быть легко измѣнены. Вскорѣ ихъ смѣшали съ массою постановленій «обычнаго права», не приводимыхъ въ испол-

ненiе. Даже въ слѣдующемъ, двѣнадцатомъ столѣтiи, на нѣкоторыя постановленiя Генриха смотрѣли, какъ на традицiонныя постановленiя, сохранившiяся съ давнихъ временъ; они могли исходить отъ Завоевателя, Исповѣдника или какого либо другаго легендарнаго короля.

Но въ царствованiе Эдуарда I законовѣды,—а въ то время профессiональный классъ свѣтскихъ законовѣдовъ сталъ впервые выдвигаться въ Англiи—начали считать Великую Хартiю древнѣйшимъ статутомъ государства, первой статьей писаннаго закона страны, первѣйшимъ изъ тѣхъ текстовъ, гдѣ каждое слово законъ. И то, что совершали они, ихъ преемники продолжаютъ совершать до настоящаго времени. Великая Хартiя стоитъ въ главѣ нашихъ статутовъ, хотя въ позднѣйшiе годы многое изъ нея было отмѣнено. Конечно, она заслуживаетъ этого, потому что не представляетъ философской или риторической декларацiи правъ человѣка или даже правъ англичанина, но въ высшей степени практическiй документъ, прологъ тѣхъ практическихъ статутовъ, какiе обнародываютъ столѣтiе за столѣтiемъ англiйскiе Парламенты. Кромѣ того она является крупнымъ компромиссомъ и прологомъ къ тѣмъ тысячамъ компромиссовъ, въ которыхъ будетъ всегда выражаться практичестая мудрость англiйской нацiи. Даже и форма ея — компромиссъ: частiю добровольное дарованiе вольностей королемъ, частiю договоръ между нимъ и его подданными, договоръ, который можно принудить исполнить, если король нарушитъ его. Затѣмъ въ въ ея отдѣльныхъ статьяхъ необходимо было дать что либо всѣмъ людямъ различныхъ разрядовъ и состоянiй, которые соединились противъ тиранiи Iоанна—епископамъ, клерикамъ, баронамъ, рыцарямъ, горожанамъ, купцамъ—нужно было дать что нибудь каждому изъ этихъ классовъ людей, такъ какъ интересы ихъ не всегда совпадали. Въ Великой Хартiи не заключается много новаго законодательства; собственно, по ея теорiи (если можно такъ выразиться) древнiй законъ, который беззаконный король попиралъ, долженъ быть возстановленъ, опредѣленъ, установленъ и написанъ.

Великая хартiя въ нашей книгѣ статутовъ не совсѣмъ та хартiя, которую скрѣпилъ печатью Iоаннъ въ Руннимедѣ; эта хартiя, дарованная его сыномъ и преемникомъ. Генрихомъ III; текстъ первоначальнаго документа измѣнялся при различныхъ обстоятельствахъ. Только два другiя постановленiя въ теченiе всего долгаго царствованiя Генриха вошли въ статутъ; Опредѣленiя Мертона, постановленныя большимъ собранiемъ прелатовъ и знатныхъ, вводили много новаго и заключали слѣдующiя знаменитыя слова: «Мы не хотимъ, чтобы законы Англiи измѣнялись»; это служило какъ бы отвѣтомъ бароновъ на ходатайство епископовъ, желавшихъ измѣнить наше островное законоположенiе: «незаконнорожденный всегда остается незаконнорожденнымъ», желав-

шихъ, чтобы бракъ легализировалъ незаконнорожденныхъ. У англичанъ не было желанія измѣнять законы Англіи. Лишь бы король и его иностранные фавориты соблюдали эти законы, и тогда—таково было общее мнѣніе—все будетъ хорошо. Наступила перемѣна; смутное недовольство перешло въ форму опредѣленныхъ жалобъ. Послѣ войны бароновъ король, хотя и одержалъ верхъ надъ своими врагами и вновь пользовался властью, принужденъ былъ уничтожить многія злоупотребленія опредѣленіями Марльборо или, какъ ихъ обыкновенно называютъ, статутомъ Марльбриджскимъ. Когда нѣсколько лѣтъ спустя Генрихъ умеръ, писанный, изданный законъ Англіи состоялъ главнымъ образомъ изъ четырехъ документовъ, которые легко прочитать въ полчаса—изъ великой хартіи, другой хартіи, опредѣлявшей лѣсной законъ, статута Мертона и статута «Марльбриджскаго». Ко всему этому мы можемъ прибавить еще нѣсколько второстепенныхъ постановленій; древніе англо-саксонскіе приговоры къ тому времени совсѣмъ были забыты, законы норманской эпохи уже были непонятны и даже ассизы Генриха II, изданныя только сто лѣтъ тому назадъ, причислены къ «обычному праву» и не отдѣлялись отъ тѣхъ необнародованныхъ постановленій, которыя постепенно накопились. Англичане могли протестовать противъ измѣненія закона Англіи, но на дѣлѣ законъ Англіи быстро измѣнялся постоянными рѣшеніями облеченнаго властью центральнаго суда.

Военное искусство.

С. Смана.

Только во второй половинѣ тринадцаго столѣтія военное искусство начинаетъ быстро развиваться въ Англіи и появляется тактика, дававшая англичанамъ такое важное значеніе въ войнѣ четырнадцатаго столѣтія. Обычное употребленіе лука, оружія во всѣхъ отношеніяхъ лучшаго, чѣмъ арбалетъ, впервые устанавливается со времени Военныхъ ассизовъ въ 1252 г., когда всѣ, владѣющіе 40 шиллингами дохода съ земли или девятью марками въ движимой собственности, должны вооружиться «мечомъ, кинжаломъ, лукомъ и стрѣлами». Трудно опредѣлить, когда англичане ввели у себя длинный лукъ; норманы при Гастингсѣ—какъ указываетъ вышивка въ Байё—все еще употребляли короткій лукъ въ четыре фута, а не большой лукъ въ шесть футовъ съ стрѣлами въ ярдъ. Арбалетъ еще доставилъ побѣду въ Битвѣ Знаменъ. Вѣроятно, англо-норманы выучились употребленію длиннаго лука у южныхъ валлійцевъ, громадные луки и тяжелыя стрѣлы которыхъ прославляетъ въ послѣдней четверти двѣнадцатаго

столѣтія Жиральдъ Камбрензисъ. Жиральдъ видѣлъ, какъ стрѣлки Гвента пустили стрѣлу въ дверь въ четыре дюйма толщины и остріе прошло насквозь. Во всякомъ случаѣ длинный лукъ хорошо былъ извѣстенъ во второй половинѣ тринадцатаго столѣтія, хотя на долю Эдуарда I выпало введеніе его какъ національнаго оружія. Но во время французскихъ войнъ Генриха III, и даже позднѣе во время валлійской войны въ 1281 г., арбалетъ все еще былъ въ употребленіи, и даже, быть можетъ, пользовался большимъ почетомъ, чѣмъ оружіе, которое въ непродолжительномъ времени должно было окончательно вытѣснить его.

Флотъ. 1216—1272.

В. Лэрдъ-Кловиса.

Пока флотъ Англіи состоялъ главнымъ образомъ изъ полуорганизованныхъ силъ, призываемыхъ на службу короля въ положенные сроки или когда требовалась ихъ помощь, въ проливахъ всегда царило беззаконіе. Это беззаконіе увеличилось, а не уменьшилось, въ силу развитія, вліянія и значенія Пяти Портовъ, которые, хотя и пользовались хартіями и привиллегіями съ давняго времени, не пріобрѣтали еще большаго значенія въ государствѣ до царствованія Генриха III. Этотъ монархъ въ 1229 г. издалъ «постановленіе относительно службы кораблей», которые доставляли порты; такъ какъ въ этомъ постановленіи выясняется положеніе портовъ, ихъ повинности и кладется начало ихъ значенію, то стоитъ привести это постановленіе цѣликомъ: Пять Портовъ.

«Эти порты», говорится въ постановленіи,—«порты короля Англіи и пользуются льготами, которыхъ не имѣютъ другіе порты, что ясно видно изъ хартій дарованныхъ объ этомъ: Гастингсъ, къ которому принадлежатъ какъ части одного города на морскомъ берегу Сифордъ, Певенсей, Бульваргитсъ, Гидлей, Игамъ, Биксборнъ, Гренчъ, Нортси. Служба ихъ нашему господину королю состоитъ изъ двадцати одного корабля и на каждомъ кораблѣ двадцать одинъ человѣкъ съ юнгой, называемымъ gromet. Винчельси и Рай, какъ части одного города: Винчельси десять кораблей и Рай пять кораблей, съ людьми и юнгами, какъ выше указано; Ромней, къ которому принадлежитъ Промгиль, Лидъ, Осуардстонъ, Денгемаршъ, старый Ромней—пять кораблей съ людьми и юнгами, какъ выше сказано; Гайтсъ, къ которому принадлежитъ Вестчайтсъ—пять кораблей, съ людьми и юнгами, какъ выше сказано: Дувръ, къ которому принадлежатъ Фолькстонъ, Февершемъ и Маргэтъ, не съ земли, а съ движимой собственности двадцать

одинъ корабль, какъ и Гастингсъ, съ людьми и юнгами, какъ выше сказано; Сандвичъ, къ которому относится Фордвичъ, Рекульверъ, Сэрре, Сторрей, Диль, не съ земли, а съ движимой собственности пять кораблей, съ людьми и юнгами, какъ выше сказано—что составляетъ пятьдесятъ семь кораблей, тысячу сто сорокъ человѣкъ и пятьдесятъ семь юнгъ, всего тысячу сто девяносто семь человѣкъ. Служба, которую бароны Пяти Портовъ признали себя обязанными выполнять королю по призыву къ службѣ за сорокъ дней до отплытія, слѣдующая: ежегодно, когда понадобится, они снаряжаются на пятнадцать дней на свой собственный счетъ, первый день считается со дня поднятія парусовъ на корабляхъ для отплытія въ тѣ мѣста, куда они обязаны явиться; и далѣе, на сколько пожелаетъ король, соблюдая постановленіе короля».

Помимо повинности поставки кораблей и матросовъ, говоритъ Николасъ, бароны пяти портовъ въ теченіе многихъ столѣтій выполняли почетную службу при коронаціи королей и королевъ Англіи; первый примѣръ мы находимъ во время коронованія Элеоноры Прованской, супруги Генриха III въ 1236 г.

Уже въ 1226 г. пять портовъ оказались полезными противъ Савери де Малолеоне, могущественнаго французскаго барона-пирата и противъ другихъ и въ интересахъ своего монарха «убивали и грабили, какъ пираты». Сорокъ лѣтъ спустя, при Генрихѣ Монфорѣ, они стали злоупотреблять своей властью и нападали уже не только на тѣхъ, кого могли считать врагами своей страны. Ихъ дерзость дошла до такой степени, что въ 1264 г., когда папа послалъ кардинала-легата для примиренія короля съ баронами, они не дали легату высадиться. Ихъ грабежи въ это время, говорятъ, сильно повысили цѣны на всѣ иностранные товары въ Англіи. Это учрежденіе, вслѣдствіе этого, хотя въ военное время иной разъ очень цѣнное, не оказывалось очень благодѣтельнымъ. Проще сказать, пять портовъ въ первые годы существованія были ничѣмъ инымъ, какъ притоками морскихъ разбойниковъ, снабженныхъ хартіями. Много разъ Генрихъ III вознаграждалъ людей, ограбленныхъ этими разбойниками.

Къ несчастію то были не единственные пираты по побережью въ то время. Сэръ Вильгельмъ де Маришъ, осужденный убійца, захватилъ Люнди, сдѣлалъ изъ него пиратскую крѣпость и началъ даже строить тамъ корабль. Линнъ, Дармутъ и другіе маленькіе порты въ Норфолькѣ укрывали много пиратовъ. Затѣмъ упомянемъ о знаменитомъ Евстахіи Монкѣ, сражавшемся то за Англію, то за Францію, и всегда оставаявшемся пиратомъ по своимъ пріемамъ. Похожими на пиратовъ и такими же опасными для мирныхъ людей были приватиры-каперы, классъ иррегулярныхъ, которымъ Генрихъ III, первый изъ англійскихъ королей, даровалъ привилегіи. Онъ даровалъ, въ сущности, то, что позднѣе стало называться каперскимъ свидѣтель-

ствомъ. «Да будетъ извѣстно, заявляется въ одномъ изъ такихъ документовъ, 1243 г.—что мы даруемъ и даемъ привилегію Адаму Робернольту и Вильгельму Дикому (Le Sauvage) и ихъ товарищамъ, кого они возьмутъ съ собою, нападать на нашихъ враговъ на морѣ и на сушѣ, гдѣ бы они не были, при условіи удѣлить намъ половину ихъ добычи».

Размѣры кораблей въ это время увеличились; мы читаемъ о кораблихъ съ палубами, каютами и болѣе чѣмъ съ одною мачтою. Когда Евстахій Монкъ былъ взятъ въ плѣнъ послѣ морскаго сраженія 1217 г., его нашли спрятаннымъ въ трюмѣ одного изъ призовъ; въ 1228 г. посылался въ Гасконь корабль съ имуществомъ короля и была уплачена небольшая сумма, «чтобы сдѣлать комнатку на вышеупомянутомъ кораблѣ для помѣщенія королевскихъ вещей». Въ 1242 г. велѣно каюты короля и королевы обшить панелями. Мы не знаемъ въ точности размѣровъ самыхъ большихъ англійскихъ кораблей этого періода, но они были похожи, если не были лучше, на самые большіе корабли континента. Сохранился лучшій изъ кораблей, доставленныхъ Венеціей Франціи въ 1268 г. Корабль имѣлъ 110 ф. длины, 40 ф. ширины, $11^1/_2$ ф. глубины въ трюмѣ, а высота между палубами на главной палубѣ $6^1/_2$. Экипажъ состоялъ изъ ста десяти офицеровъ и матросовъ. Корабль такихъ размѣровъ вмѣщалъ отъ четырехсотъ до пятисотъ тоннъ груза и приблизительно былъ такой величины, какъ двадцатипушечный корабль временъ Нельсона. Англичане уже славились морскимъ искусствомъ. Въ 1270 г. во время бури на Средиземномъ морѣ изъ всего союзнаго флота только англійская эскадра уцѣлѣла. По берегамъ стали заводить постоянные маяки и сигнальные знаки, строить пристани и молы и старались укрѣплять нѣкоторыя гавани и бухты. Были доки не только въ Портсмутѣ, но и въ Рай, Винчельси, Шоргемѣ и другихъ мѣстахъ; разснащенные корабли обыкновенно защищались навѣсами. Жалованіе въ флотѣ не увеличилось. Штурманамъ платили шесть пенсовъ, матросамъ три пенса въ день, какъ и въ былыя времена.

Мы узнаемъ о морской тактикѣ изъ сохранившихся отчетовъ о крупной англійской побѣдѣ въ Дуврскомъ проливѣ въ 1217 г. Англичане выждали и воспользовались благопріятной погодой; тогда они двинулись и бросились на врага и схватились съ нимъ на возможно ближайшемъ разстояніи. Луки, арбалеты, пращи, мечи, топоры, копья, негашенная известь пущены въ ходъ, галеры, которыхъ выдающіеся носы были обиты желѣзомъ, употреблялись какъ тараны. Днемъ на главной мачтѣ корабля командира развивалось знамя, ночью горѣлъ фонарь; офицеры пяти портовъ дали инструкцію направлять всѣ усилія, чтобы сорвать знамя командира-непріятеля и привести такимъ образомъ въ замѣшательство его флотъ.

Въ царствованіе Генриха III впервые европейскіе мореплаватели

стали употреблять магнитъ для цѣлей навигаціи. Французскій стихотворецъ начала тринадцатаго столѣтія описываетъ грубо сдѣланный компасъ того времени языкомъ, который мы можемъ перевести слѣдующимъ образомъ: «Эта звѣзда (звѣзда полюса) не двигается. Дѣлаютъ снарядъ, который никогда не лжетъ благодаря свойству магнита, коричневатаго некрасиваго камня, притягивающаго желѣзо. Замѣчаютъ настоящую точку, давъ иглѣ прикоснуться къ ней; кладутъ иглу (положенную въ камышъ) въ воду и ничего больше—камышъ держитъ ее на поверхности. Тогда игла поворачиваетъ остріе съ такою точностью къ звѣздѣ, что ни одинъ человѣкъ не можетъ сомнѣваться, и ничто не можетъ измѣнить направленія иглы. Когда море мрачно и бурно, не видно ни звѣздъ, ни луны, ставятъ огонь у иглы и не боятся сбиться съ пути». Другой стихотворецъ говоритъ объ употребленіи пробки, вмѣсто камыша. Ясно, что уже въ этотъ ранній періодъ давно извѣстны были свойства магнита.

Правительство покровительствовало торговлѣ. Въ своей великой хартіи вольностей Генрихъ обезпечивалъ охрану иностраннымъ купцамъ для въѣзда и выѣзда изъ Англіи; въ странѣ они могли свободно безъ помѣхи вести торговлю на сушѣ и морѣ, согласно древнему закономъ установленному обычаю, исключая военнаго времени. Если купцы страны, объявившей войну Англіи, окажутся на королевской территоріи при началѣ военныхъ дѣйствій, ихъ задерживаютъ безъ нанесенія вреда ихъ личностямъ и товарамъ, пока король узнаетъ, какимъ образомъ враждебное государство обходится съ купцами его владѣній: «если съ нашими купцами обходятся тамъ хорошо, и съ ними обойдутся хорошо». Во время многочисленныхъ войнъ съ Франціей торговля обѣихъ странъ весьма мало страдала, а если и происходили стѣсненія, то обыкновенно со стороны Франціи и Англія употребляла лишь репрессаліи.

Искусство и архитектура.

Р. Гугса.

Мы уже видѣли, какъ типъ норманской постройки медленно уступалъ мѣсто развитію древняго англійскаго стиля. Новое направленіе началось съ царствованія Генриха I; оно внезапно проявилось въ широкихъ размѣрахъ въ послѣдніе годы царствованія Ричарда, наконецъ (въ царствованіе его брата Іоанна) произошло полное измѣненіе и послѣдніе слѣды формы постройки, колорита и деталей норманскаго стиля окончательно исчезли. Вполнѣ естественно, вслѣдствіе

этого, что въ царствованіе сына Іоанна въ архитектурѣ не происходитъ уже измѣненій, наступаетъ пора возмужалости и старости новаго стиля, точно также, какъ царствованіе его отца и дѣда были порой его дѣтства и юношества. Изящныя формы, занесенныя изъ Кентербюри въ Рочестеръ и изъ Линкольна въ Эли, остаются тѣ же, онѣ развиваются и примѣняются въ домѣ капитула въ Оксфордѣ, въ хорахъ Ворчестера, «девяти алтаряхъ» Дургама, въ южномъ трансептѣ Іорка. Закругленіе восточной части исчезло, по крайней мѣрѣ въ чисто англійскихъ церквахъ, квадратный конецъ съ группою стрѣльчатыхъ сводовъ (Эли, быть можетъ, самый лучшій образчикъ) замѣнилъ круглый конецъ (apse). Древній англійскій періодъ.

Благодаря счастливой случайности сохранилась одна церковь, построенная въ самомъ чистомъ національномъ стилѣ; благодаря случайному разрушенію позднѣйшихъ пристроекъ остался образчикъ совершенно чистой древней англійской архитектуры. Это Салисбюрійскій соборъ, начатый епископомъ Поромъ на новомъ мѣстѣ въ 1220 г. и оконченный епископомъ Бридпортомъ въ 1258 г. Шпицъ, правда, прибавленіе четырнадцатаго столѣтія; но онъ постренъ архитекторомъ, не считавшимъ себя умнѣе своихъ предковъ, и поэтому прекрасно подходитъ ко всей церкви. Соборъ этотъ ни въ какомъ случаѣ не самый большой соборъ, но его издавна приняли за образчикъ чистаго національнаго стиля и когда предпринимались перестройки древнихъ норманскихъ соборовъ, ихъ большею частью перестраивали по плану Салисбюрійскаго собора. Несомнѣнно въ немъ не хватаетъ богатства послѣдующаго стиля; несомнѣнно въ немъ нѣтъ величественной мощи, свойственной предъидущему стилю; но соборъ этотъ остается единственнымъ по превосходной работѣ, по великолѣпію и красотѣ правильно расположенныхъ линій, по изяществу множества прекрасно выполненныхъ формъ. Мы видимъ послѣднее слово изящества въ этихъ группахъ столбовъ съ ихъ легкими открытыми колонками, съ остроконечными сводами, легкими украшеніями вдоль реберъ крыши, съ разбросаннымъ орнаментомъ фіала и условными гирляндами листьевъ (crocket). Въ Салисбюрійскомъ соборѣ ничего не бьетъ на эффектъ, ни въ общей массѣ, ни въ украшеніяхъ; строители какъ бы стремились къ наименьшему внѣшнему эффекту и цѣль эта вполнѣ достигнута. Въ Салисбюрійскомъ соборѣ одинъ недостатокъ: плохія двери и невзрачный и невыдержанный западный фасадъ. Именно западные фасады всегда плохи въ англійскихъ соборахъ и прекрасны почти во всѣхъ французскихъ соборахъ. Исключеніе. правда, въ этомъ стилѣ составляютъ тройныя паперти въ соборѣ Петерборо, вѣроятно построенномъ нѣсколько раньше Салисбюрійскаго собора; грандіозность и великолѣпіе паперти (громадные своды—въ восемьдесятъ одинъ футъ высоты) не имѣютъ никакого Салисбюрійскій соборъ.

отношенія къ самому собору, который представляетъ tour de force искусства, но не типиченъ и не выдержанъ.

Лондонъ, вообще небогатый церквями, къ счастью обладаетъ большимъ аббатствомъ Св. Петра въ Вестминстерѣ; странно однако, что наше національное «аббатство» самое не—англійское изъ всѣхъ крупныхъ церковныхъ построекъ. Въ 1245 г., когда достраивался Салисбюрійскій соборъ, Генрихъ, изъ благоговѣнія къ памяти Св. Эдуарда Исповѣдника, велѣлъ расширить норманскую церковь Св. Петра. Слѣдуетъ отдать справедливость королю, онъ всегда помнилъ объ Исповѣдникѣ, въ четвертый годъ своего царствованія онъ заложилъ основаніе часовни Божьей Матери на концѣ древнихъ норманскихъ хоровъ. Двадцать пять лѣтъ спустя онъ задумалъ болѣе честолюбивый планъ. Онъ велѣлъ снести весь восточный конецъ церкви, норманскіе хоры, трансепты и часть средней части церкви и затѣмъ, съ помощью «самыхъ искусныхъ мастеровъ, англійскихъ и иностранныхъ» онъ перестроилъ все. Прежде всего отстроены хоры, круглый сводъ церкви, часовни хоровъ, затѣмъ трансепты и одинъ просвѣтъ въ средней части, капитулъ же отстраивался вмѣстѣ съ хорами. Въ центрѣ онъ воздвигъ величественную гробницу и перенесъ туда останки Исповѣдника. Король не жалѣлъ ничего для великолѣпія этой самой большой изъ нашихъ церквей. Онъ ввелъ въ украшенія стеклянную мозаику, цвѣтныя стекла въ окнахъ и на плоскихъ мѣстахъ живопись фресками. Стѣны до верха трифоріума покрыты узорчатымъ орнаментомъ—diaper [1]) ярко позолоченнымъ и раскрашеннымъ.

Перестройка Вестминстерскаго аббатства.

Узорчатый орнаментъ (diaper).

Особую роскошь придавали трифоріуму двойная аркада и лѣпныя украшенія изваянными листьями, въ большихъ сводахъ вмѣщались два меньшихъ свода съ остроконечными вершинами, въ видѣ трилистника, надъ ними кругъ изъ листьевъ и тройной орнаментъ на остроконечныхъ концахъ. Самая же красивая часть постройки Генриха трансепты (поперечные ходы), обширные, широкіе и совершенно англійскіе по типу. Это можно сказать только объ этой части постройки, такъ какъ мы не находимъ нигдѣ въ Англіи подобнаго соотношенія высоты съ другими размѣрами, какія существуютъ въ его хорахъ и частяхъ средней части церкви. Въ другихъ частяхъ уже

---

[1]) Diaper — узорчатый рисунокъ, первоначально заимствованъ съ рисунка персидскихъ шелковыхъ тканей или другихъ восточныхъ матерій; слово должно быть персидское, созвучное съ *jasper*—яшмой, по сходству съ различными цвѣтами этого камня. Слово въ прежнемъ значеніи во Флоренціи (до появленія въ Англіи) повидимому означало подборъ пестрыхъ цвѣтовъ, а не клѣтчатый рисунокъ. По странной случайности мѣсто въ Европѣ, извѣстное выдѣлкою тканей съ подобными рисунками, было фламандскій городъ *Ypres*, отсюда неправильное этимологическое производство (подобно тому какое находитъ Mars' Hill въ Areopagus), которымъ и объясняется слово *diaper*, искаженная форма *d'Ypres*.

замѣчается иностранное вліяніе, хотя восточный конецъ Вестминстера носитъ теперь менѣе иностранный видъ, чѣмъ въ то столѣтіе, когда воздвигнута церковь. Часовня Генриха VII занимаетъ теперь больше пространства, чѣмъ занимала часовня Божьей Матери Генриха III: часовня же по первоначальному плану составляла центръ круга часовень, расположенныхъ въ кругломъ концѣ, а такое устройство является типично французскимъ. Вестминстерское аббатство является доказательствомъ того факта, что король Англіи, лишившись провинцій Анжу и Нормандіи, все же считалъ себя королемъ французскимъ, полуфранцузомъ, и сердце, которое послѣ смерти должно было принадлежать аббатству Фонтевро, при жизни мало удѣляло симпатіи англійскому духу.

Домъ капитула въ Вестминстерѣ.

Судьба какъ бы въ насмѣшку предназначила короля Генриха быть строителемъ дома капитула, гдѣ должны были затѣмъ найти пріютъ на два столѣтія Общины (та часть парламента, которую Генрихъ больше всего ненавидѣлъ). Это типичный образчикъ древняго англійскаго дома-капитула. По формѣ онъ принадлежитъ къ круглымъ шестиугольнымъ или восьмиугольнымъ строеніямъ, совершенно вытѣснившимъ прямоугольную форму, такъ любимую норманами. Дѣйствительно по этому образцу воздвигнута въ Ворчестерѣ зала совѣта монаховъ, поддерживаемая центральной колонной, и удобная для цѣлей покаянія. Въ Линкольнѣ подражали этой постройкѣ и полнаго совершенства подобная постройка достигаетъ въ великолѣпномъ зданіи Вестминстера. Вскорѣ это зданіе стало служить образцомъ для всѣхъ строившихся домовъ-капитуловъ до Эдуарда I, когда была отброшена центральная колонна и впервые воздвигнутъ цѣльный готическій куполъ. Аббатство, по словамъ декана Станлея, чтобы образовать домъ-капитула Вестминстера, «должно было извергнуть одну треть своего южнаго трансепта» и образовать восточную обитель, куда проходили черезъ алтарь. Надъ входомъ среди массы скульптурныхъ украшеній, позолоты и живописи смотрѣла внизъ Божья Матерь. Громадныя окна были съ разноцвѣтными стеклами а стѣны покрыты фресками. Сохранившіяся фрески изъ апокалипсиса, даже самыя древнія изъ нихъ, относятся не ранѣе какъ къ четырнадцатому столѣтію, а часть, вѣроятно, и къ пятнадцатому. Подлинная живопись была вѣроятно частью воспроизведена и даетъ въ нѣкоторой степени понятіе о томъ совершенствѣ искусства, котораго достигали въ древнія англійскія времена. Весьма пріятно отмѣтить тотъ фактъ, что этотъ благородный и самый поучительный образчикъ такъ превосходно реставрированъ: шесть оконъ, устроенныя по образцу седьмаго, къ счастію сохранившагося, постепенно были заполнены разноцвѣтнымъ стекломъ. Поэтому мы видимъ «несравненный» домъ-капитула, какъ Матью Вестминстерскій называетъ его, такимъ, какимъ онъ представлялся удивленнымъ взорамъ англичанина тринад-

Церковныя украшенія.

цатаго столѣтія. Искусство живописи примѣнялось не только къ украшенію церквей; въ счетахъ царствованія Генриха мы находимъ записи крупныхъ уплатъ художникамъ. Такъ въ 1239 г. уплачено Одону и его сыну Эдуарду 117 шиллинговъ и 10 пенсовъ за масло, лакъ и краски и за картины написанныя для комнаты королевы, въ 1259 г. столько же уплочено господину Вильгельму живописцу за Iesse (т. е. генеалогическое дерево) для каменной доски комнаты короля.

Уэльскій соборъ.

Скульптурное искусство нашло мало примѣненія въ Вестминстерѣ. Чтобы знать, чего достигли англичане въ этомъ отношеніи, мы должны пропутешествовать до Уэльса. Этотъ соборъ является прекраснымъ образчикомъ чистой архитектуры этого царствованія—по крайней мѣрѣ средняя часть церкви и западный фасадъ. По времени онъ построенъ нѣсколько раньше Вестминстера; изъ современныхъ источниковъ мы узнаемъ, что епископъ Жоселинъ снесъ весь западный конецъ и перестроилъ церковь и освятилъ свою постройку 23 октября 1239 г. Конечно, такія обширныя постройки тянулись много лѣтъ и средняя часть нѣсколько древнѣе фасада. Возможно также, что эта незначительная разница происходитъ отъ того, что надъ каждою частью работала отдѣльная группа каменьщиковъ и вообще вѣрнѣе предположить, что западный фасадъ былъ отстроенъ ранѣе.

Скульптура.

Уэльскій соборъ замѣчателенъ, однако, не только по своей архитектурѣ. Здѣсь и только здѣсь въ Англіи мы находимъ доказательство внезаннаго проявленія таланта въ области пластическаго искусства, которымъ англичане вообще никогда особенно не отличались. Хотя отдѣльныя группы и фигуры появляются рано и нѣкоторыя относятся вѣроятно къ одинадцатому столѣтію, въ Уэльсѣ впервые скульптору отведено значительное и независимое мѣсто. Дѣйствительно, западный фасадъ какъ будто несоразмѣрно широкъ, чтобы лучше проявить то, что составляетъ его самую отличительную черту. Фигуръ очень много и почти половина—болѣе 150—въ натуральную величину и больше. Короли и королевы въ коронахъ, духовныя лица въ митрахъ, вооруженные рыцари, принцы и знатные въ одеждахъ, расположены рядами или отдѣлены медальонами. «Въ первомъ ряду», говоритъ покойный Коккерелль, посвятившій полжизни на ихъ изученіе, «лица перваго и второго христіанскаго миссіонерства въ Англіи: Св. Павелъ, Іосифъ Аримаѳейскій, Св. Августинъ и его спутники. Во второмъ ряду ангелы поютъ «Gloria in Excelsis» и держатъ духовныя и свѣтскія короны, награды за ихъ проповѣдываніе. Въ третьемъ ряду къ югу находятся сюжеты изъ Ветхаго Завѣта, къ сѣверу изъ Новаго Завѣта. Въ четвертомъ и пятомъ ряду—рядъ духовныхъ и свѣтскихъ лордовъ, святыхъ и мучениковъ, при жизни которыхъ процвѣтала церковь въ этой странѣ; король Инн, основатель монастырской церкви въ Уэльсѣ; Эдуардъ старшій

основатель епископской церкви, династіи Саксонская, Датская, Норманская, Плантагенетовъ. На ряду съ ними расположены основатели династій; дочери и союзники по браку съ королевскими домами Англіи; выдающіяся личности и лорды, какъ архіепископъ Бритгельмъ, Св. Дунстанъ, епископъ Ассеръ, Гримбальдъ, графъ Мерсійскій—окружаютъ Альфреда. Всѣ эти фигуры какъ бы иллюстрируютъ Вильгельма Мальмсбюрійскаго и древнихъ историковъ нашей страны; — это какъ бы календарь для ученыхъ людей и художниковъ».

Это цѣлая проповѣдь изъ камня, цѣлая каменная библія, которую всякій можетъ прочесть, между тѣмъ предшествующіе опыты не шли далѣе пластическаго изображенія отдѣльнаго текста. Хотя невозможно согласиться со всѣми выводами Коккерелля—въ особенности относительно сознательнаго воспроизведенія иллюстраціи хроникеровъ, вродѣ Вильгельма Мальмсбюрійскаго, все же можно допустить, что общая идея, которую онъ старается прослѣдить, дѣйствительно проникаетъ все. Гораздо легче выяснить смыслъ медальоновъ и нѣкоторыхъ группъ, какъ сотвореніе Евы и смерть Іакова. Главный интересъ, конечно, не въ сходствѣ. Удивительно то, что мы здѣсь наталкиваемся на фигуры не только прекрасныя и выразительныя, но обнаруживающія истинное художественное чутье. Великій Флаксманъ, который въ силу страстнаго классицизма враждебно относится къ готическому искусству, заявляетъ, что хотя онѣ лишены правильности и мѣстами «грубы и суровы, часто въ нихъ столько прекрасной простоты, привлекательности и граціи, что онѣ превосходятъ позднѣйшія произведенія!» Самое удивительное, быть можетъ, въ этихъ замѣчательныхъ произведеніяхъ—это время ихъ возникновенія. Мы можемъ отнести ихъ къ 1230—1235 г.; ничего подобнаго мы не встрѣчаемъ въ Сѣверной Европѣ—монументальные притворы Франціи, которые считали современными этимъ произведеніямъ, теперь признаны относящимися къ позднѣйшему времени. Мы должны перейти Альпы, чтобы найдти что либо подобное Уэльсу; знаменитый Николай въ Пизѣ единственный современный художникъ, котораго можно поставить на ряду съ нашими неизвѣстными, забытыми соотечественниками.

Разноцвѣтныя стекла.

Къ сожалѣнію скульптурѣ не суждено служить въ Англіи поученіемъ для народа. Появился соперникъ и она должна была уступить ему мѣсто. Ваяніе изъ камня должно было склонить голову передъ великолѣпіемъ разноцвѣтнаго окна. Одинъ извѣстный архитекторъ прекрасно выразился, что лучшій синонимъ готическаго стиля—это стиль разноцвѣтнаго стекла; несомнѣнно введеніе въ употребленіе этого краснаго матеріала для оконъ дало сильный толчекъ развитію архитектуры. Еще въ восьмомъ столѣтіи,—какъ мы уже упоминали,—простое стекло употреблялось въ постройкахъ церквей; въ древнія времена матеріалъ несомнѣнно ввозился или случайно выдѣлывался

въ Англіи иностранными мастерами. Долгое время не признавалось, однако, свойство стекла служить украшеніемъ, и дѣйствительно до двѣнадцатаго столѣтія стекло повидимому употребляется исключительно для утилитарныхъ цѣлей, для защиты отъ вѣтра и дождя. Впервые, быть можетъ, употребилъ его какъ украшеніе Вильгельмъ Сенсъ, пріѣхавшій изъ города, гдѣ нашелъ себѣ пріютъ Бекетъ, чтобы наблюдать за реставрированіемъ послѣ сильнаго пожара въ 1174 г. въ Кентербюри. Несомнѣнно, онъ зналъ о примѣненіи стекла, какъ и о другихъ усовершенствованіяхъ, уже введенныхъ за цѣлое поколѣніе раньше, въ С. Дени; мы слѣдовательно обязаны Франціи не только за введеніе готическаго стиля, но и за введеніе разноцвѣтныхъ стеколъ, что теперь считается естественнымъ дополненіемъ стиля. Первыя произведенія такого рода представляли скорѣе прозрачную стеклянную мозаику, чѣмъ разноцвѣтныя стекла; мозаика состояла изъ вырѣзанныхъ, соотвѣтственно требованіямъ рисунка, кусковъ, соединенныхъ между собою свинцовыми полосками; (стеклянные куски нарѣзывались раскаленной проволокой, употребленіе алмаза не было извѣстно до пятнадцатаго столѣтія). Такого рода рисунокъ, конечно, не зависѣлъ отъ окраски, хотя окраска стеколъ, несомнѣнно, и придала разноцвѣтнымъ стекламъ такую необычайную распространенность. Сомнительно, чтобы гдѣ либо въ Англіи былъ образчикъ окна съ окрашенными стеклами ранѣе царствованія Іоанна, хотя несомнѣнно можно найти отдѣльные куски и болѣе ранняго времени.

Древнее стекло отличается удивительною толщиною и, благодаря тому что окрашено все стекло, а не только его поверхность, какъ это встрѣчается въ позднѣйшихъ образчикахъ, оно замѣчательно богатствомъ оттѣнковъ. Полагаютъ, что впервые оно систематически введено въ употребленіе при перестройкѣ Генрихомъ III Вестминстера. Очень интересно сравнить эти окна постройки Генриха съ окнами La Sainte Chapelle въ Парижѣ, начатой почти одновременно и оконченной раньше Вестминстера. Въ французской работѣ уже проявляется геометрическая форма рисунка, дающая самый широкій просторъ окраскѣ, англійская работа еще не имѣетъ выработанной формы. Важно замѣтить, что производство разноцвѣтнаго стекла установилось въ Англіи столѣтіемъ позднѣе и стоимость матеріала повидимому способствовала болѣе медленному развитію рисунка, чѣмъ то было во Франціи; врядъ ли слѣдуетъ сожалѣть объ этомъ.

Украшенія оконъ.

Въ теченіе этого царствованія, какъ уже указано выше, произошло мало существенныхъ измѣненій въ типѣ постройки церквей; мало измѣнился и типъ орнамента. Съ другой стороны окна совершенно измѣнены и возникъ «кружевной» орнаментъ (tracery) со всевозможною прихотью рисунка. Съ введеніемъ употребленія разноцвѣтнаго стекла устройство оконъ получило большое значеніе.

Вначалѣ царствованія преобладаетъ форма высокихъ, узкихъ,

стрѣльчатыхъ оконъ, расширяющихся внутри и простыхъ снаружи. Расширеніе вводится, чтобы впускать больше свѣта, но впослѣдствіи, когда стали группировать вмѣстѣ окна, это повело къ новымъ неожиданнымъ эффектамъ. Внутреннія части окна сводились къ узкимъ краямъ, когда вошло вскорѣ въ обычай покрывать эти края тонкими стрѣльчатыми украшеніями, три окна и болѣе снаружи отдѣлялись одно отъ другого, а внутри составляли чудное сочетаніе трехлопастнаго и многолопастнаго окна. Вслѣдствіе аналогичнаго же обычая ставить окна подъ одинъ сводъ получилось новое прибавленіе къ украшенію, надъ верхушками группируемыхъ оконъ и вершиною свода осталось пустое мѣсто стѣны, лишенное украшеній и непріятно поражавшее глазъ. Чтобы сгладить пустое мѣсто и придуманъ «кружевной» орнаментъ. Подобная попытка скрасить это мѣсто придумана не только англійскими архитекторами, норманскіе строители Церкви Св. Маврикія въ Іоркѣ, хоровъ въ Петерборо, башни Св. Джайльса въ Оксфордѣ пробовали придать лучшій видъ, продѣлывая отверстіе въ пустомъ мѣстѣ стѣны; но получилось только отверстіе, нарушавшее монотонность поверхности. Новое прибавленіе состояло въ введеніи окна, круглаго или четырехъ угольнаго рисунка, прорѣзаннаго въ стѣнкѣ надъ верхушками оконъ. Эти отверстія послужили первымъ шагомъ къ орнаменту. Эти окна относятся къ низшему разряду, покойный профессоръ Виллисъ прекрасно окрестилъ ихъ названіемъ: «plate-tracery»—раздѣлка толстыми горбылями, отличавшаяся отъ позднѣйшихъ и болѣе изящныхъ формъ, которыя онъ назвалъ bar tracery — раздѣлкою тонкими горбылями; очень яркое и вѣрное опредѣленіе; первая форма является декоративнымъ прорѣзываніемъ стѣны; вторая форма—декоративная сѣть, заполнившая просвѣтъ окна.

Plate-tracery была въ модѣ всю первую половину царствованія Генриха, но солидныя части толстыхъ горбылей становятся все меньше и меньше, узкіе горбыли пересѣкаютъ солидныя рамы окна, вводятся заостренія и наконецъ (покрайней мѣрѣ уже въ 1260 г.) мы встрѣчаемъ настоящую bar-tracery. Въ то же время увеличивается количество группируемыхъ оконъ и увеличиваются и отверстія вверху. Въ то же время, вѣроятно, обнаруживается и быстрый переходъ къ настоящему «кружеву», образуемому перекрещиваніемъ горбылей вверху окна; получаются такой формы окна, какія преобладаютъ впродолженіе всего «Декоративнаго» періода. Возьмите простыя перекладины трехлопастнаго окна, какое мы находимъ въ Церкви Св. Маріи Вигфордъ въ Линкольнѣ, прибавьте тонкіе горбыли съ рѣзными заостреніями—(не наложеннымъ внѣшнимъ орнаментомъ)—и получится настоящее Декоративное окно. Круглыя окна того времени — око Церкви, какъ называютъ ихъ французы—также весьма поучительны для иллюстраціи постепеннаго развитія «кружева».

Круглыя окна извѣстны были и норманскимъ строителямъ, которые часто, если размѣръ былъ великъ, употребляли колесообразный рисунокъ съ шестью спицами, чтобы скрасить монотонность окна. Эта форма удержалась и послужила къ возникновенію такихъ древнихъ образчиковъ, какъ знаменитое окно въ Петерборо, которое, если бы не было вдоль внѣшняго края изящнаго орнамента изъ листьевъ и если бы фіалъ не украшали палко-образные горбыли—можно бы принять за окно норманской архитектуры. Подобныя же окна встрѣчаются въ Беверлейскомъ Соборѣ, гдѣ четыре круглыя, расположенныя крестообразно отверстія прорѣзаны въ большой круглой плоскости и окружены орнаментомъ полуфіала, къ которому больше подходитъ англійское названіе «дантикулъ» («собачій зубъ»—dog-tooth). Быть можетъ, самый лучшій образчикъ древне-англійскаго «кружева» мы находимъ въ Линкольнѣ, гдѣ окно сѣвернаго трансепта, состоящее изъ кольца малыхъ круговъ, окружено четырьмя широкими шарообразными отверстіями, при пересѣченіи которыхъ виситъ малый равноконечный крестъ, съ четырехлистникомъ въ центрѣ. Въ верхнихъ частяхъ диска, между внѣшнимъ кольцомъ круговъ и шарообразными верхушками прорѣзаны далѣе трехлистники и круглыя отверстія, такъ что здѣсь форма plate-tracery уже почти исчезла. Все же это окно можно смѣло отнести къ первому десятилѣтію царствованія Генриха III и ни одно изъ этихъ оконъ не позднѣе третьяго десятилѣтія его царствованія. Эти окна являются естественными предшественниками большихъ круглыхъ оконъ — формы розы или marigold или колеса (catherine-wheil)—составляющихъ главную особенность Декоративнаго стиля.

Свѣтская архитектура.

Въ царствованіе Генриха III, за исключеніемъ подвергавшихся нападеніямъ и пограничныхъ округовъ, какъ Южный Валлисъ, не строили замковъ, покрайней мѣрѣ на новыхъ мѣстахъ. Пограничные замки были вооруженными мѣстами, чтобы сдерживать воинственное, но плохо вооруженное населеніе, а не непреступныя крѣпости предъидущихъ и послѣдующихъ царствованій. Главнымъ ихъ отличіемъ была крѣпкая стѣна, окружавшая значительную площадь, съ круглыми башнями не на одинаковымъ разстояніи, внутри же жилье строилось изъ дерева. Круглая башня введена въ постройку уединенныхъ замковъ по французскому образу въ царствованіе Іоанна или быть можетъ и раньше; эти замки, какъ и древніе норманскіе, укрѣплялись еще прибавленіемъ enceint — ограды. Такъ было въ Лондонѣ, въ Дуврѣ, гдѣ ограда была двойная; построенная такимъ образомъ крѣпость почти выполняла назначеніе большихъ концентрическихъ замковъ послѣдующаго царствованія. Переходный типъ замка—цилиндрическая крѣпость съ быками, какую мы видимъ въ Конингсбургѣ—нѣсколько ранняго времени, даетъ понятіе о переходной норманской формѣ; круглая же башня, стѣнныя укрѣпленія башни

Замки.

и стѣна ограды были дѣломъ древне-англійскаго строителя. Круглая башня въ архитектурномъ отношеніи не представляла большаго усовершенствованія сравнительно съ прямоугольнымъ укрѣпленіемъ; постройка такой башни требовала меньше матеріала, въ каждомъ этажѣ можно было вывести сводъ и настилать каменный полъ, вмѣсто прежняго норманскаго деревяннаго, представлявшаго опасность пожаровъ. Дерево все продолжало служить матеріаломъ для главной части укрѣпленій этихъ круглыхъ замковъ. Такъ строилась деревянная крытая галлерея—bretache, окружавшая вершину башни, откуда низвергались всевозможныя метательные снаряды на осаждающихъ. Галлерея поддерживалась деревянными подпорами, опиравшимися на каменные выступы, и снабжена была покатою крышею. Часть такого крестовиднаго укрѣпленія сохранилось въ Куси во Франціи; укрѣпленіе построено около 1225 г. Энгерандомъ III. Такихъ остатковъ не сохранилось въ Англіи, хотя въ Норгамѣ сохранились ворота, которыя вели въ крытую галлерею.

Архитектура домовъ.

Въ это царствованіе сдѣлано много, чтобы сдѣлать замокъ обитаемымъ. Введены различныя удобства и улучшенія. Древній норманскій очагъ—простое углубленіе, соединенное съ отверстіемъ для дыма, замѣненъ настоящимъ каминомъ. Широкіе очаги украшались изящнымъ каменнымъ навѣсомъ и въ стѣнахъ замка проводились трубы. Роскошь, господствовавшая при дворѣ Генриха III, способствовала измѣненію всего строя англійской жизни. Знатные стали находить скучнымъ пребываніе въ суровыхъ замкахъ своихъ отцовъ, а мелкіе бароны, которые не могли защищаться въ своихъ замкахъ, стали считать свое пребываніе въ нихъ безполезнымъ. Нелѣпо было также при всѣхъ неудобствахъ жить въ укрѣпленіи, которое могло защищать отъ цѣлой арміи въ то время, когда достаточно было только владѣть домомъ, который могъ бы служить защитою отъ нападенія вора или сосѣда. Такое настроеніе было противъ замка и въ пользу усадьбы; у насъ есть положительныя доказательства, въ многочисленныхъ дозволеніяхъ укрѣпляться *(licentiae kernellare)*, дарованныхъ королемъ, что укрѣпленныя усадьбы были въ большомъ ходу.

Тѣмъ не менѣе до насъ дошло очень мало образчиковъ свѣтской архитектуры, которую можно отличить отъ военной и церковной архитектуры. Бѣдный народъ ютился въ своихъ деревянныхъ домахъ и дома эти, конечно, исчезли. Новыя усадебныя дома были значительно лучше тѣхъ, какими довольствовались норманы и которыя теперь обращены были въ риги и амбары. Новые дома были настолько комфортабельны, что представляли удобства и для позднѣйшихъ собственниковъ и могли быть измѣняемы до неузнаваемости. Во всякомъ случаѣ древніе англійскіе дома такого типа такъ же рѣдки, какъ и дома норманскаго періода. Самые лучшіе образчики уцѣлѣли въ усадьбахъ Коттесфорда и Коггса, относящихся къ первой половинѣ

царствованія; Aydon Hall въ Нортумберландѣ, Стоксэй въ Шропширѣ, Удкрофтъ и Лонгторпъ въ Нортгамптонширѣ, Little Wenham Hall въ Суффолькѣ и домъ Флоры (Flore's House) въ Окгамѣ, относящіеся къ немного позднѣйшему времени.

Слѣдуетъ отмѣтить два замѣчательныя зданія, не церкви, не укрѣпленные замки и не обыкновенные дома. Королевскій замокъ (King's Hall) въ Винчестерѣ и Дворецъ епископа въ Уэльсѣ; эти зданія ясно указываютъ, что и свѣтскіе архитектора вводили, хотя и медленно, тѣ измѣненія, которыя примѣнялись свободными каменьщиками при постройкахъ соборовъ. Королевскій замокъ подвергался многимъ измѣненіямъ и реставраціямъ; въ западномъ концѣ мы видимъ древнія стрѣльчатыя окна первоначальнаго зданія, совершенно отдѣльныя снаружи, но внутри глубоко расширенныя и сгруппированныя подъ однимъ орнаментомъ. Эти окна относятся не позже, какъ къ 1235 г., окно же въ боковой стѣнѣ, сдѣланное не задолго до вступленія на престолъ Эдуарда, представляетъ простую форму plate-tracery. Это настоящее двухъ-лопастное окно, такимъ оно представляется снаружи и изъ внутри зданія, каждый просвѣтъ заканчивается трехлистникомъ, раздѣленъ горбылями и наверху находится четырехлистникъ,—все включено подъ одинъ орнаментъ. Дворецъ епископа въ Уэльсѣ кажется построеннымъ позднѣе древней части залы Винчестера, но вѣроятно, это не такъ; онъ построенъ Жоселиномъ, получившимъ епархію въ 1205 г., архитектора же Уэльса были немного лучше другихъ архитекторовъ Англіи. Нижній этажъ, гдѣ жилыя помѣщенія и кладовыя, освѣщается простыми стрѣльчатыми окнами, верхній этажъ, гдѣ помѣщеніе епископа, снабженъ прекрасными двухлопастными окнами въ формѣ трехлистника, съ четырелистникомъ вверху и мраморными стрѣльчатыми украшеніями по бокамъ. Свѣтскіе архитектора вообще обнаруживали мало оригинальности; поразительно подражаніе соборной архитекурѣ даже въ постройкѣ тюремъ, какъ, напримѣръ, въ комнатѣ со сводами въ Сомертонѣ, въ Лондонскомъ Тоуэрѣ и Линкольнскомъ Замкѣ; даже строится центральная колонна, бывшая повсемѣстно во всѣхъ круглыхъ и шестиугольныхъ домахъ капитуловъ этого царствованія.

Монеты. Это царствованіе замѣчательно усиленнымъ стремленіемъ измѣнить чеканку монеты. Обнародывалось нѣсколько прокламацій противъ не круглой монеты; королевскій гнѣвъ направлялся нетолько противъ преднамѣреннаго мошенническаго способа обрѣзыванія монетъ, но и противъ скромнаго обычая разрубать пенни для размѣна на полпенсы и фартинги. Серебряная монета, пенни, продолжала, какъ и въ предшедствующія царствованія, быть въ ходу въ торговлѣ, хотя чеканились полпенсы и фартинги; есть основаніе предполагать, что гротъ [1]) чеканился съ крестомъ, доходящимъ до края, въ предупреж-

[1]) *Groat*—старинная монета въ четыре пенса, впервые отчеканенная при Эдуардѣ III. *Прим. пер.*

деніе поддѣлокъ евреями. Старые образцы были въ ходу въ первой половинѣ царствованія, но въ 1247, во всякомъ случаѣ, уже предпринята новая чеканка. Съ точки зрѣнія искусства чеканщикъ этого періода значительно былъ ниже своихъ саксонскихъ предшественниковъ. Замѣтна грубая попытка воспроизвести портретъ короля, но это скорѣе слабое воспроизведеніе не менѣе грубаго изображенія дѣда короля. Генрихъ, однакоже, первый изъ норманскихъ и анжуйскихъ королей рѣшился прибавить къ своему титулу число, и появленіе римской цифры III или иногда слова *Terci*, заставляетъ предполагать, что онъ склоненъ былъ считать заслуживающимъ памяти вѣкъ своей династіи. Самымъ замѣчательнымъ нумизматическимъ событіемъ его царствованія была неудачная попытка ввести золотую монету.

Въ срединѣ тринадцатаго столѣтія Западная Европа узнала, что Византія Цезарей Рима при Босфорѣ удовлетворяла всѣмъ нуждамъ обмѣна съ помощью золота. Въ томъ же году въ Лондонѣ Генрихомъ III отчеканенъ золотой пенни. Съ одной стороны король въ коронѣ сидитъ на престолѣ со скипетромъ въ правой рукѣ и съ державой въ лѣвой. На оборотной сторонѣ—длинный двойной крестъ и розетка съ плетушками по угламъ. Золото въ этихъ монетахъ самое чистое, какое когда-либо употреблялось въ нашей національной чеканкѣ,—что не мало способствовало исчезновенію этой монеты. Монеты не отличались красотою, но были чище отчеканены, чѣмъ серебряныя монеты. Монета была принята благосклонно, вѣроятно благодаря ея чрезмѣрной цѣнности. Размѣнъ такой монеты назначенъ въ двадцать серебряныхъ пенни, а стоимость на торговомъ рынкѣ, по нашимъ современнымъ цѣнамъ, вѣроятно равнялась нѣсколькимъ фунтамъ. Монета не осталась долго въ обращеніи; граждане Лондона подавали петицію объ ея изъятіи и король изъялъ ее изъ обращенія. Монета не была, однако, изъята совершенно, хотя безъ сомнѣнія находилась только въ королевскомъ казначействѣ; въ 1265 г., знаменитый годъ битвы при Евешамѣ, прокламаціей цѣнность монеты повышена до двадцати четырехъ пенни. Монета чрезвычайно рѣдка, существующіе экземпляры можно сосчитать по пальцамъ.

Наука.

Р. Л. Пуля.

Университетъ въ Оксфордѣ возникъ съ тѣхъ поръ, какъ братство учителей усвоило формальности и нѣкоторую рутину обученія и це-

ремоній; напримѣръ въ Парижѣ установленъ былъ обычай посѣщенія лекцій и диспутовъ, ношеніе ученой шапки, присутствіе на похоронахъ другихъ членовъ учрежденія. Въ Оксфордѣ не было, какъ въ Парижѣ, соборнаго канцлера, дававшаго разрѣшеніе учить, что составляло, какъ мы видѣли, существенный элементъ для признанія ученаго его старшими. Обстоятельства, при которыхъ онъ назначенъ, характеризуютъ бурную жизнь средневѣковыхъ студентовъ. Въ 1208 г. убійство, совершенное однимъ изъ студентовъ, повело къ репрессаліямъ со стороны горожанъ. Король Іоаннъ покровительствовалъ горожанамъ и студенты—говорятъ, въ числѣ трехъ тысячъ—рѣшили покинуть городъ. Въ началѣ 1209 г. городъ Оксфордъ опустѣлъ. Городъ вскорѣ понялъ всю потерю и, когда пріѣхалъ въ Англію папскій легатъ въ 1213 г., городъ готовъ былъ пріобрѣсти возстановленіе прежняго порядка цѣною тяжелаго наказанія. Въ постановленіи, опредѣлявшемъ наказаніе, указано было о назначеніи «канцлера надъ студентами Линкольнскимъ епископомъ»; когда должность дѣйствительно была учреждена, канцлеръ являлся представителемъ епископа, онъ давалъ разрѣшенія и пользовался судебною властью надъ учителями и студентами университета. Весьма вѣроятно, что съ самаго начала канцлеръ избирался учителями и только утверждался епископомъ; вслѣдствіе этого въ Оксфордѣ не возникъ, какъ въ Парижѣ, постоянный антагонизмъ между канцлеромъ и университетомъ; въ силу естественнаго процесса канцлеръ вошелъ въ составъ академическаго учрежденія. Онъ предсѣдательствовалъ въ конгрегаціи университета, но его судебная власть по существу перешла къ конгрегаціи.

Канцлеръ.

Во второй четверти тринадцатаго столѣтія Оксфордъ заимствовалъ у Парижа другую существенную черту; тамъ учителя искусствъ распадались на четыре націи: французскую, англійскую, норманскую и пикардійскую, каждая нація имѣла своего представителя или проктора; онъ дѣйствовалъ отъ имени учителей, когда требовалось защищать ихъ права. Въ Оксфордѣ были всего двѣ націи, Сѣверная и Южная и вслѣдствіе этого были и существуютъ только два проктора. Въ силу таковой организаціи и численной силы «учителя искусствъ» (artists) способствовали усиленію реальнаго значенія университета, предоставивъ высшимъ факультетамъ: Богословія, Юриспруденціи и Медицины, нѣкоторымъ образомъ почетное представительство. Неумѣстно изслѣдовать здѣсь подробно исторію организаціи Оксфорда. Достаточно замѣтить, что первый статутъ, о которомъ упомянуто, относится къ 1252 г.

Проктеры.

Не смотря на ростъ университета, еще прошло долгое время, пока онъ окончательно утвердился въ Оксфордѣ. Мы видѣли, какое внезапное общее переселеніе произошло въ 1208 г. Въ 1240 г. часть оксфордскихъ клериковъ перебралась въ Кембриджъ, гдѣ въ

началѣ столѣтія возникъ подобный же университетъ. Нѣсколько позднѣе произошло переселеніе и изъ Кембриджа и вблизи основанъ третій университетъ въ Нортгамптонѣ. Здѣсь въ 1264 составилась новая школа изъ массы оксфордскихъ студентовъ, которые послѣ сильнаго столкновенія съ горожанами, основательно опасались, что ихъ привилегіи будутъ урѣзаны. Въ Нортгамптонѣ, когда вскорѣ послѣ того король Генрихъ III осадилъ городъ, оксфордскіе студенты съ своими пращами и луками были впереди и король принудилъ ихъ къ нейтралитету, давъ клятву, что перевѣшаетъ ихъ всѣхъ въ случаѣ сопротивленія. Только послѣ побѣды Симона Монфора—такъ какъ не мало было хлопотъ съ оксфордскимъ бунтомъ—студенты принуждены были вернуться. Еще въ 1334 г. было значительное стремленіе въ Стамфордъ и настолько угрожало самому существованію университета, что были приняты сильныя мѣры къ прекращенію раскола. До тѣхъ поръ, пока студенты жили какъ хотѣли, по квартирамъ или группировались вокругъ учителя въ его частномъ домѣ, нельзя было ручаться за прочное существованіе университета въ одномъ и томъ же городѣ. Академическую прочность Оксфордъ и Кембриджъ пріобрѣли съ возникновеніемъ коллегій, а коллегіи—хотя самая идея ихъ и заимствована у Парижскаго университета—возникли подъ давленіемъ примѣра нищенствующихъ монаховъ.

Нищенствующіе монахи

Чтобы понять отличительныя черты этихъ новыхъ братствъ, мы должны вспомнить время ихъ основанія; въ Латинскомъ христіанскомъ мірѣ было два класса лицъ, признававшихъ религіозный уставъ: монахи, слѣдовавшіе уставу Св. Бенедикта, и каноники, слѣдовавшіе уставу Св. Августина, клюнійцы, картезіанцы и цистерціанцы были по существу бенедиктинцами, правильные каноники и премонстранты были сходны съ августинцами. Латеранскій Соборъ въ 1215 г. преднамѣренно запретилъ основаніе какого бы то ни было новаго ордена. Св. Францискъ, правда, немного раньше, въ 1209 г., получилъ отъ папы Иннокентія III одобреніе своимъ миссіонерскихъ планамъ, но планъ его былъ еще въ зачаткѣ и не могъ получить формальнаго утвержденія. Св. Доминикъ былъ въ Римѣ во время Собора; когда онъ просилъ пану утвердить его братство проповѣдниковъ, ему предложили выбрать уставъ одного изъ существовавшихъ орденовъ и ввести его въ свое братство. Онъ избралъ уставъ, къ которому самъ примыкалъ, августинскій; нищенствующіе монахи-проповѣдники происходятъ по прямой линіи отъ августинцевъ. Францисканцы, съ другой стороны, или младшіе нищенствующіе монахи, удержали свою свободу и только послѣ многихъ правительственныхъ перемѣнъ приняли уставъ организаціи, съ сильнымъ оттѣнкомъ вліянія устава доминиканцевъ.

Нищенствующіе монахи и университеты

Два новыхъ ордена во многомъ отличаются отъ своихъ предшественниковъ. Братья не обязаны были жить въ монастырѣ, устава

котораго они придерживались. Они не несли физическаго труда на поляхъ. Они главнымъ образомъ должны были жить милостыней— они были нищенствующими монахами. Все это ведетъ къ другому пункту различія, весьма важному. Такъ какъ они зависѣли въ своемъ существованіи отъ подаянія другихъ, то ихъ жизнь должна была быть посвящена служенію другимъ; таковъ, въ дѣйствительности, былъ обѣтъ обоихъ орденовъ. Они были главными миссіонерами, но съ слѣдующимъ различіемъ: доминиканцы примѣняли свой трудъ къ искорененію ереси и заблужденій и обращенію язычниковъ въ истинную вѣру; францисканцы задавались непосредственно личною цѣлью возрожденія жизни Христа и его апостоловъ. Это различіе въ правилахъ и примѣрѣ не долго удержалось на практикѣ. Францисканцы, правда, прославились миссіонерствомъ, распространяя культурное вліяніе христіанства среди заброшеннаго населенія городовъ; но и они,— хотя основатель ихъ ордена враждебно относился къ свѣтскимъ занятіямъ—вскорѣ стали учителями и между нищенствующими монахами-проповѣдниками и младшими нищенствующими братьями возникло почетное соперничество, кто займетъ первое мѣсто въ наукѣ и въ школахъ—это соперничество продолжалось до перехода къ новѣйшему времени. Францисканцы расширили значительно свой кругъ дѣйствій пріемомъ тертіаріевъ или полу-членовъ своего ордена, которые жили въ свѣтѣ и соблюдали уставъ съ нѣкоторыми измѣненіями. Около того же времени образовались или преобразовались два другія общества; оба общества, кармелитовъ и августинскихъ отшельниковъ, къ половинѣ тринадцатаго столѣтія приняли францисканскій уставъ. Они извѣстны подъ именемъ бѣлыхъ фріаровъ и августинскихъ нищенствующихъ монаховъ.

Нищенствующіе монахи-проповѣдники первые явились въ Англію. Это было въ 1220 г. и ихъ первый монастырь основанъ въ Оксфордѣ. Францисканцы послѣдовали за ними въ 1224 году и сейчасъ же явились въ Оксфордъ; въ томъ же году они поселились въ Кембриджѣ. Выборъ объясняется очень естественно: университетскій городъ не только представлялъ съ своимъ смѣшаннымъ населеніемъ обширное поле для ихъ миссіонерскихъ трудовъ, но также обѣщалъ и обильную жатву новыхъ членовъ среди студентовъ. Къ тому же, какъ мы уже сказали, для доминиканцевъ научное образованіе было обязательно. Ихъ юные члены обучались философіи до начала богословскаго обученія, что требовалось отъ всѣхъ поступавшихъ въ Оксфордскій монастырь и не имѣвшихъ еще какой либо факультетской степени. Уставы домниканцевъ и францисканцевъ одинаково воспрещали нищенствующему монаху, по вступленіи въ орденъ, получать степень искусствъ. Вслѣдствіе этого, когда университетъ призналъ эту степень необходимой для полученія степени по богословію, нищенствующіе монахи могли лишиться всѣхъ главныхъ академическихъ

привилегій; послѣ долгой борьбы, происходившей въ первые годы четырнадцатаго столѣтія, былъ установленъ на практикѣ компромиссъ: университетъ удержалъ свое постановленіе, но дозволялось въ видѣ снисхожденія обходиться безъ этой степени достаточно подготовленнымъ кандидатамъ, рекомендованнымъ канцлеру ихъ орденами.

Въ началѣ, вѣроятно по необходимости, нищенствующіе монахи назначали своихъ учителей изъ міра. Первымъ лекторомъ оксфордскихъ францисканцевъ былъ Робертъ Гросстетъ, впослѣдствіи Линкольнскій епископъ и самый знаменитый ученый столѣтія; онъ и его три преемника также принадлежали къ свѣтскому духовенству. Вскорѣ школа выдвинула своихъ учителей и нищенствующіе монахи были лекторами въ монастыряхъ Кембриджа, Бристоля, Герефорда и Лейчестера. Они удержались при всѣхъ школьныхъ спорахъ и при независимомъ развитіи знанія, хотя францисканцы поступали такъ вопреки наставленіямъ своего учредителя. Они не могли имѣть книгъ и научныхъ инструментовъ и Рожеръ Бэконъ получилъ чернила и пергаментъ только по особому разрѣшенію папы. Тѣмъ не менѣе оказываніе помощи бѣднымъ заставляло ихъ сталкиваться съ болѣзнями и знаніе медицины было необходимо. Медицина вела къ изученію естественныхъ наукъ и многіе францисканскіе ученые, каково бы ни было ихъ превосходство въ другихъ отрасляхъ науки, отличались своими познаніями естественныхъ наукъ. Первоначальный уставъ ордена не могъ удержаться; кое-какое имущество приходилось имѣть и нищенствующимъ монахамъ, «умѣренное пользованіе» свѣтскими благами, которое имъ разрѣшилъ папа Николай III въ 1279 г., допускало, къ счастію, на практикѣ двусмысленное толкованіе. Широкій уровень знанія, внесенный ими, воздѣйствовалъ и на ихъ свѣтскихъ собратовъ; и даже когда ослабла сила схоластическаго движенія и классическія занятія пришли въ упадокъ, вліяніе ихъ примѣра не исчезло и многіе, желавшіе стать въ ряды ученыхъ, продолжали занятія по математикѣ, физикѣ и естественнымъ наукамъ.

Несправедливо оцѣнивать заслуги нищенствующихъ монаховъ только по ихъ ученымъ трудамъ. Если многіе изъ нихъ были великими учеными, еще большее число ихъ стало великими проповѣдниками; ученость должна была въ сущности подготовлять ихъ къ дѣятельной жизни среди народа. Они были самыми популярными проповѣдниками; ихъ проповѣди, произносимыя съ силою убѣжденія, опиравшагося на духовную серьезность и богословскую законченность подготовки, были весьма доступны по простотѣ рѣчи, юмору и хорошему изложенію. По рѣзкому и естественному контрасту суровость обѣта нищенствующаго монаха сочеталась съ легкомысленнымъ характеромъ и веселымъ настроеніемъ. Онъ вездѣ пользовался репутаціей веселаго малаго. Для тѣхъ, кто читалъ о первыхъ годахъ пребыванія францисканцевъ, вполнѣ понятно то радушіе, съ какимъ ихъ принимали

и быстрота распространенія ихъ вліянія. Точно также было и съ доминиканцами, хотя они, не смотря на выдающееся мѣсто, какое они занимали въ исторіи научнаго движенія въ Англіи, никогда не пользовались такою симпатіею англичанъ, какою пользовались ихъ соперники—францисканцы.

Коллегіальная система

Первенство нищенствующихъ монаховъ въ школахъ Оксфорда и Кембриджа послужило стимуломъ къ дѣятельности ихъ свѣтскихъ соперниковъ, такъ какъ тѣ не могли не замѣтить, насколько ихъ образъ жизни вліяетъ на ихъ усердіе въ наукѣ и на методы обученія. Они жили въ своихъ домахъ или монастыряхъ; каждый монастырь былъ *studium* въ миніатюрѣ среди обширнаго университетскаго учрежденія города. Много было преимуществъ такой общей правильной жизни; вполнѣ естественно явилась попытка примѣнить такую систему и къ потребностямъ тѣхъ, кто не желалъ связывать себя соблюденіемъ постояннаго устава. Первымъ образчикомъ такого примѣненія было, быть можетъ, учрежденіе Джона Балліоля и его жены Дерворгиллы, вскорѣ послѣ 1260 г., но ихъ учрежденіе, устроенное по образцу первыхъ Парижскихъ коллегій, сдѣлалось впослѣдствіи пріютомъ для немногихъ бѣдныхъ студентовъ. Первое настоящее начало коллегіальной системѣ и начало прототипу оксфордскихъ и кембриджскихъ коллегій положено основаніемъ учрежденія Вальтера Мертона, канцлера, впослѣдствіи Рочестерскаго епископа; учрежденіе основано въ 1264 г. и окончательно упрочено въ Оксфордѣ десять лѣтъ позднѣе.

Домъ Балліоля.

Коллегія Мертона.

Коллегія Мертона состояла изъ ректора и извѣстнаго числа студентовъ; они всѣ жили въ монастырскихъ зданіяхъ, построенныхъ по обширному плану. Студенты занимались изученіемъ искусствъ, затѣмъ переходили къ богословію, немногимъ разрѣшалось избирать каноническое или гражданское право. Если кто либо изъ нихъ принималъ церковную бенефицію или вступалъ въ монашескій орденъ, онъ сразу лишался своей стипендіи. Иначе онъ считался Scholar или Fellow (оба названія употребляются безразлично), пока жилъ въ коллегіи. Старшіе студенты принимали значительное участіе въ завѣдываніи коллегіей, вели хозяйственные счета и смотрѣли за имѣніями. Всѣ обѣдали и ужинали въ общей столовой; они обязаны были соблюдать каноническіе часы, слушать обѣдню въ часовнѣ коллегіи. Они не должны были вступать въ духовные ордена и у нихъ были четыре капелана. Въ учрежденіи затѣмъ приняты были нѣсколько (до тринадцати) «бѣдныхъ мальчиковъ», которыхъ содержали и воспитывали до возраста, когда они могли стать студентами.

Планъ Вальтера Мертона послужилъ образцомъ позднѣйшихъ коллегій, хотя и съ измѣненіями въ подробностяхъ; новыя коллегіи вовсе не угрожали серьезно ни Оксфорду, ни Кембриджу какъ университетскимъ центрамъ. Ошибочно предполагать однако, что кол-

легіи занимали то выдающееся положеніе, какое онѣ пріобрѣли въ позднѣйшее время. Въ средніе вѣка большинство студентовъ жили или сами по себѣ по квартирамъ или въ убѣжищахъ, устраиваемыхъ лицами, получившими ученую степень. Не живущій въ колегіи студентъ настоящаго времени представляетъ не только первобытный, но и нормальный типъ англійскаго студента университета; только въ пятнадцатомъ столѣтіи стали стѣснять пребываніе на квартирахъ и только въ царствованіе Карла I коллегіи получили окончательный перевѣсъ въ университетѣ и включили почти все населеніе. Понятно, что когда Оксфордъ насчитывалъ нѣсколько тысячъ студентовъ, весьма малое количество могло помѣститься въ четырехъ коллегіяхъ тринадцатаго столѣтія или даже девяти четырнадцатаго столѣтія, въ каждой коллегіи среднимъ числомъ насчитывалось самое большее тридцать или сорокъ членовъ. Жизнь студента была тогда менѣе формально урегулирована; то единообразіе, какое достигалось, происходило отъ системы обученія, а не отъ строгихъ правилъ дисциплины.

Обученіе въ университетахъ.

Съ того времени какъ Джонъ Салисбюрійскій учился въ Парижѣ или Шартрѣ, методы обученія подверглись значительному измѣненію; это измѣненіе произошло во первыхъ отъ введенія новыхъ діалектическихъ пріемовъ византійской школы логиковъ, а во вторыхъ доступностью для западнаго міра изученія всѣхъ сочиненій Аристотеля. Мы уже видѣли, что всѣ части Organon были извѣстны во время Джона, но сочиненіе это весьма медленно входило въ систему обученія и Св. Эдмундъ Ричъ, впослѣдствіи архіепископъ Кентербюрійскій, первый читалъ о послѣдней части «Sophistici Elenchi» въ Оксфордѣ, въ тридцатыхъ годахъ тринадцатаго вѣка. Знаніе полнаго логическаго изложенія Аристотеля только возбудило желаніе дальнѣйшаго изученія тѣхъ метафизическихъ вопросовъ, которые возникали на основахъ логики. Желаемыя свѣдѣнія найдены были въ другихъ сочиненіяхъ Аристотеля, ставшихъ доступными въ латинскомъ переводѣ въ началѣ тринадцатаго столѣтія. Нѣкоторые переводы сдѣланы съ греческихъ оригиналовъ, другіе съ арабскихъ переложеній, сдѣланнымъ косвенно съ греческаго, черезъ посредство еврейскихъ и сирійскихъ переводовъ. Такъ или иначе всѣ сочиненія Аристотеля были теперь въ рукахъ западныхъ ученыхъ, ихъ вліяніе на методъ и даже на сущность философскаго изученія было замѣчательно. Вмѣсто того, чтобы вращаться въ томъ кругѣ, куда замыкалъ ихъ имѣвшійся у нихъ въ наличности матеріалъ, они открыли теперь мышленію новый міръ для изслѣдованія; шероховатость и двусмысленность переводовъ давали новое поле для измышленій, тонкихъ различій, оригинальности. Хотя въ общемъ трудно допустить оригинальность въ произведеніяхъ схоластической мысли, тѣмъ не менѣе у философовъ

и въ то время замѣтно обиліе оригинальнаго мышленія и также тонкость обработки, которая легко переходила въ виртуозность.

Изученіе Аристотеля.

Вмѣстѣ съ Аристотелемъ западные ученые ознакомились съ комментаріями арабскихъ ученыхъ Авицены (Ibn. Sina, умеръ въ 1037 г.) и Аверроэса (Ibn Rushd, умеръ въ 1198); ихъ ученіе должно было носить отпечатокъ магометанскаго источника. Къ тому же нѣкоторые, изучая «Физику» Аристотеля, дошли до выводовъ, еретическій характеръ которыхъ былъ такъ ясенъ, что сочиненіе въ 1209 г. воспрещено было въ Парижѣ. Шесть лѣтъ спустя запрещеніе распространилось и на «Метафизику» и только съ 1231 г. греческій философъ былъ допущенъ въ этомъ университетѣ. Различіе въ изложеніи одного и того же матеріала арабскими комментаторами возбудило сомнѣніе въ положительной истинѣ; въ то время, какъ нѣкоторые отклонились на путь скептицизма, многіе рады были исправить нерѣшительность человѣческаго разума посредствомъ абсолютнаго и единичнаго авторитета непогрѣшимаго откровенія. Британскій философъ Джонъ Дунсъ Скотъ (умеръ въ 1308 г.) представитель этой тенденціи, утверждаетъ, что внѣ откровенія нѣтъ истиннаго знанія чего либо познаваемаго; мы не можемъ разумомъ доказать существованіе Бога. Итальянскій философъ Св. Ѳома Аквинскій (1223—1274) съ другой стороны, допуская, что нѣкоторыя истины внѣ компетентности человѣческаго разума, старался установить гармонію разума и вѣры, принимая разумъ и откровеніе, какъ два отдѣльныхъ источника знанія; каждый выполняетъ свое назначеніе въ своей сферѣ дѣятельности. Хотя окончательные выводы арабскихъ философовъ и не усваивались вполнѣ, долго преобладало вліяніе ихъ метода. Нѣмецъ Св. Альбертъ Великій, (1193—1280) сталъ послѣдователемъ Авицены; а Аквинскій послѣдователемъ Аверроэса, но они оба рѣшили, что все магометанское построеніе ошибочно и что слѣдуетъ обратиться къ первоначальному источнику, къ основамъ Аристотеля. Тогда Аквинскій предложилъ сдѣлать новый переводъ Аристотеля и не задолго до смерти святаго переводъ сдѣланъ Вильгельмомъ Моербеке.

Слава Альберта и Ѳомы сдѣлали авторитетъ Аристотеля руководящимъ для ихъ Доминиканскаго ордена. Францисканцы, съ другой стороны, придерживались нѣкоторое время традиціи Платона, перешедшей къ нимъ отъ св. Августина. Они не могли, однако, долго оставаться внѣ вліянія Аристотеля, столь сильно распространеннаго черезъ посредство ученія ихъ соперниковъ, и даже Александръ Гальсъ (умеръ въ 1245), бывшій годами старше Альберта, былъ сильно затронутъ этимъ движеніемъ. Спорные вопросы вели къ изслѣдованіямъ проблемъ психологіи; было бы невозможно намѣтить хоть въ главныхъ чертахъ эти проблемы, не входя въ спеціальное обсужденіе, совершенно несоотвѣтствующее характеру этой книги. Доста-

точно упомянуть только, что новое изученіе возбудило сомнѣнія въ рѣшеніи вопроса о безсмертіи души; наиболѣе смѣлые изслѣдователи склонны были рѣшать этотъ вопросъ пантеистической или матеріалистической теоріей; Аквинскаго обвинили за ложное ученіе, осужденное епископомъ парижскимъ въ 1277 г. Въ Оксфордѣ тотъ же споръ былъ поднятъ двумя монахами: архіепископомъ Кентербюрійскимъ Кильуардби, доминиканцемъ и архіепископомъ Пекгамомъ,— францисканцемъ.

Среди выдающихся учителей англійской схоластики тринадцатаго вѣка первое мѣсто занимаетъ Робертъ Гросстетъ, епископъ Линкольнскій. Онъ уже пользовался извѣстностью въ Оксфордскомъ университетѣ, когда во второй четверти столѣтія онъ призванъ былъ завѣдывать тамъ францисканской школой, хотя и былъ не монахомъ; когда онъ сталъ епископомъ епархіи, къ которой принадлежалъ Оксфордъ, его сдержанное и просвѣщенное вліяніе постоянно отражалось на университетѣ, какъ и на всей націи вообще, впродолженіи многихъ лѣтъ до его смерти въ 1253 г. Его личный авторитетъ, однако, оказывалъ менѣе воздѣйствія, чѣмъ его авторитетъ какъ писателя; его вліяніе, какъ писателя, продолжалось и послѣ среднихъ вѣковъ. Онъ комментировалъ Аристотеля, писалъ философскіе трактаты и сочиненія по медицинѣ. Поэмы на французскомъ языкѣ и рядъ богословскихъ трактатовъ свидѣтельствуютъ объ обширности его образованія; прибавимъ къ этому его познанія въ музыкѣ и медицинѣ, знаніе греческаго и европейскихъ языковъ и мы увидимъ, что по своимъ знаніямъ онъ можетъ считаться единственнымъ ученымъ своего вѣка. Гросстетъ какъ ученый.

Его младшій современникъ Адамъ Маршъ, также лекторъ францисканской школы въ Оксфордѣ, замѣчательнѣе какъ учитель по своимъ методамъ обученія, чѣмъ какъ писатель, хотя его сочиненія (теперь утерянныя, исключая его писемъ) дѣлаютъ его достойнымъ преемникомъ высокообразованнаго епископа Линкольнскаго. Его слава главнымъ образомъ создалась школою, которую онъ прекрасно поставилъ; изъ этой школы вышли Рожеръ Бэконъ, Джонъ Дунсъ Скотъ и Вильгельмъ Оккамъ. Рожеръ Бэконъ, какъ извѣстно, занимаетъ исключительное положеніе, не потому что онъ занимался естественными науками, что доставило ему славу въ новѣйшія времена, но потому, что онъ изучилъ все, что тогда можно было изучать, въ философіи, схоластикѣ, наукѣ и литературѣ того времени, онъ зналъ греческій, еврейскій и арабскій языки и, дойдя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ до высшихъ познаній, чѣмъ то считалось возможнымъ, онъ могъ судить о современномъ состояніи знанія и разсматривать его преимущества и недостатки съ болѣе независимой точки зрѣнія, чѣмъ кто либо другой. Онъ былъ не только оригинальнымъ изслѣдователемъ и открывателемъ новыхъ естественно-научныхъ ис- Адамъ Маршъ. Рожеръ Бэконъ.

тинъ, но и самымъ лучшимъ критикомъ учености своего вѣка. Онъ какъ бы понялъ, что схоластическій методъ къ 1267 — 1271 г. закончилъ уже свое существованіе; въ эти годы Бэконъ пишетъ свои главныя сочиненія; въ естественныхъ наукахъ и филологіи настаетъ пора новыхъ способовъ изслѣдованія.

Дунсъ Скотъ. Дунсъ Скотъ, частію, чтобы освободить свой орденъ отъ философскаго вліянія доминиканцевъ, частію въ силу противодѣйствія сильному авторитету Аристотеля, вернулся къ безусловному реализму. Главной его заслугою является то, что въ силу своихъ замѣчательныхъ логическихъ способностей, онъ могъ выступить съ цѣлою батареею критическихъ доводовъ противъ господствовавшей школы знанія и спасъ ее отъ опасностей абсолютизма. Полемика на время очистила воздухъ и дала просторъ мышленію. Въ богословіи Дунсъ подвергался опасности дойти до пантеизма, замѣняя этическое понятіе о Богѣ метафизическимъ, онъ отстаивалъ ученіе о свободѣ воли такимъ образомъ, что для внесенія поправки въ это ученіе необходимо было прибѣгать къ Откровенію; онъ руководилъ францисканцами въ ихъ защитѣ ученія о непорочномъ зачатіи святой Дѣвы, которое упорно отвергали Аквинскій и доминиканцы. Логика для Дунса была самымъ убѣдительнымъ орудіемъ; его ученикъ (какъ его называли) Вильгельмъ Оккамъ придалъ логикѣ еще большее значеніе и возродилъ въ болѣе выработанной формѣ номинализмъ двѣнадцатаго столѣтія. Универсальныя идеи были для него просто произвольными созданіями ума. Отпечатокъ ученія Дунса по богословію и этикѣ удержался въ теченіи его жизни, въ вопросахъ вѣры онъ продолжалъ быть ортодоксальнымъ, его же доктрина по существу носила скептическій характеръ. Неудивительно, что новый номинализмъ пустилъ глубокіе корни въ критическихъ умахъ ученыхъ парижскаго университета и процвѣталъ тамъ въ теченіе многихъ поколѣній.

Британскія острова выдвинули въ двѣнадцатомъ столѣтіи крупныя имена Александра Гальса и Рожера Бэкона и въ четырнадцатомъ вѣкѣ Джона Дунса Скота и Вильгельма Оккама—всѣ они были францисканцы; они неизбѣжно должны были стремиться въ Парижъ, гдѣ такъ много было притягательныхъ сторонъ, гдѣ было больше простора для изученія и обученія, чѣмъ въ Англіи и обширнѣе поприще для честолюбія. Одинъ Бэконъ вернулся въ Оксфордъ; остальные считались лучшими докторами Парижа. Хотя знаменитыя комментаріи Дунса на *Sentences*, носящіе по старой традиціи заглавіе *Scriptum Oxoniense*, написаны были еще въ Англіи и тогда уже онъ пріобрѣлъ себѣ значительную часть славы какъ учитель и писатель. Онъ вовсе не умеръ, какъ обыкновенно говорятъ, въ возрастѣ сорока четырехъ лѣтъ, онъ именно въ этомъ возрастѣ отправился въ Парижъ въ 1304 г. и четыре года спустя умеръ лекторомъ въ Кёль-

нѣ. Оккамъ считается ученикомъ Дунса, по всѣмъ вѣроятіямъ въ Парижѣ, такъ какъ онъ жилъ по крайней мѣрѣ до 1349 г.: навѣрное въ Парижѣ онъ и пріобрѣлъ славу логика. Его послѣдующая карьера, какъ сторонника императора Людовика IV въ его борьбѣ съ папою Іоанномъ XXII, иллюстрируетъ примѣненіе принциповъ скептической логики къ рѣшенію политическихъ вопросовъ. Онъ предпочиталъ свѣтскую власть духовной; Оккамъ вовсе не признавалъ отвлеченной необходимости власти гражданскаго государства, но полагаетъ, что церковь недолжна заниматься свѣтскими дѣлами. Рѣшеніе вопросовъ вѣры онъ ввѣряетъ не папѣ, а соборамъ, составленныхъ изъ духовенства и свѣтскихъ людей; онъ допускаетъ, что и они могутъ заблуждаться и не довѣряя непогрѣшимости человѣческаго разума, онъ принужденъ обращаться къ старой доктринѣ объ авторитетѣ Священнаго писанія. Хотя въ выводахъ Оккама и замѣтны колебанія, его большой политическій трактатъ *Dialogue* составляетъ важный моментъ въ исторіи политической теоріи, а его *Sum of Logic* отмѣчаетъ переворотъ въ теоріи діалектики. Послѣ Оккама, хотя въ одномъ или въ двухъ вопросахъ и замѣтенъ нѣкоторый прогрессъ въ логическомъ мышленіи и хотя и насчитываютъ еще нѣсколько великихъ именъ, вродѣ архіепископа Брадвардина и Вальтера Бурлея, въ общемъ это время можно считать періодомъ упадка; школы занялись переработкою стараго матеріала, пока не истощили весь его запасъ, мысль запуталась въ массѣ словъ, такъ что почти немыслимо было и выбраться изъ нихъ. Система обученія доведена до такого застоя, что понадобились сильныя средства гуманистовъ пятнадцатаго и шестнадцатаго столѣтія, чтобы вывести ее изъ такого состоянія.

Вильгельмъ Оккамъ.

Языкъ и литература.

Франка Гитса.

Хотя англійская нація и вслѣдствіе этого ея языкъ и литература принуждены были уступить мѣсто норманамъ и почти прекратить существованіе въ предыдущіе полтора вѣка, такое положеніе вещей не могло установиться на всегда. Завоеватели были слабы въ количественномъ отношеніи; завоеванные слишкомъ сильны по характеру и натурѣ, чтобы допустить искоренить себя или довести до постояннаго рабства; неизбѣжнымъ слѣдствіемъ явилось медленное, но прочное сліяніе двухъ элементовъ. Прогрессу сліянія значительно способствовали политическія событія въ царствованія Генриха III. Тиранія и административная слабость короны довели бароновъ до

возстанія; окончательный успѣхъ обезпеченъ былъ за тою стороною, которая съумѣетъ пріобрѣсти поддержку англійскихъ фермеровъ и рабочихъ. Баронамъ удалось получить эту поддержку, частію вслѣдствіе близкаго и тѣснаго общенія съ своими фермерами они пользовались личнымъ вліяніемъ на нихъ, которое значительно превышало вліяніе теоретической власти короны, частію потому, что они предоставляли возможность англичанамъ отомстить ненавистному норманскому завоевателю. Послѣ многихъ предварительныхъ смутъ и перемирій, прервавшихся открытой войной, бароны и ихъ англійскіе союзники нанесли окончательный ударъ королевской прерогативѣ; результатомъ явились зачатки нашего теперешнаго парламентскаго управленія и исчезновеніе старой племенной антипатіи и разнородности интересовъ. Тогда снова проявилъ себя національный духъ во всей своей силѣ и нашелъ выраженіе въ литературѣ.

Нормандско-французскій, латинскій и англійскій языки.

Въ силу вышеуказанныхъ причинъ видоизмѣнилось взаимное отношеніе трехъ языковъ, бывшихъ въ употребленіи въ общественной средѣ. Въ предшествующіе стопятьдесятъ лѣтъ англонормансκій языкъ могъ одинъ претендовать на нѣкоторое культурное значеніе и только на этомъ языкѣ могла возникать и литература. Латинскій языкъ былъ господствующимъ языкомъ ученыхъ, юристовъ и церкви, на англіискомъ языкѣ говорили только фермеры и низшій народъ и писалось очень малое количество литературныхъ произведеній, удовлетворявшихъ ихъ потребности. Въ 1154 г. была закончена послѣдняя англійская лѣтопись, составленная въ Петерборо; съ тѣхъ поръ до второй четверти тринадцатаго столѣтія англійскій языкъ употреблялся почти исключительно въ религіозной литературѣ, писавшейся для назиданія массъ.

Вскорѣ послѣ вступленія на престолъ Генриха III, положеніе вещей начало измѣняться. Вслѣдствіе потери Нормандіи, за одинадцать лѣтъ передъ восшествіемъ Генриха III на престолъ, бароны принуждены были считать Англію своею родиною и сосредоточивать въ ней всѣ свои радости и интересы, англо-норманское нарѣчіе стало естественно исчезать изъ обыденнаго употребленія, хотя еще удерживалось при дворѣ и въ судопроизводствѣ. Даже при дворѣ англонормансκій языкъ уступилъ мѣсто французскому, настолько отъ него отличавшемуся, что англійскіе солдаты во время французскихъ войнъ съ трудомъ понимали своихъ враговъ, а знатные часто посылали своихъ сыновей учиться языку, считавшемуся самой аристократической рѣчью [1]). Французскій языкъ оставался придворнымъ язы-

[1]) См. Гервасій Тильбюри, Otia Imperialia in Leibnitz's Scriptores Rerum Brunsvicensium, гдѣ онъ бесѣдуетъ о своемъ времени. Главныя особенности англо-нормандскаго языка были: опущеніе окончаній и гласныя безъ ударенія во всѣхъ частяхъ слова; произнесеніе *ñ* какъ *n* и *ĩ* какъ

комъ до конца слѣдующаго столѣтія, англо-норманскій языкъ былъ правительственнымъ языкомъ и языкомъ судопроизводства еще пять десятъ лѣтъ и только въ 1362 году на англійскомъ языкѣ стали разбираться процессы и вестись пренія въ парламентѣ. Замѣчательно, однако, что впродолженіи всего царствованія Генриха III и даже нѣсколько позднѣе, всѣ отчеты по юридическимъ дѣламъ писались на латинскомъ языкѣ и только въ слѣдующемъ столѣтіи французскій языкъ сталъ для этихъ цѣлей употребляться на ряду съ нимъ. Въ административныхъ сферахъ латинскій языкъ употреблялся почти исключительно до средины тринадцатаго столѣтія, а англійскій языкъ не былъ въ общемъ употребленіи до тридцатыхъ годовъ пятнадцатаго столѣтія. Встрѣчаются употребленія французскаго и англійскаго языковъ ранѣе этого времени, напримѣръ французскій документъ Стефана Лангтона 1215 г. знаменитая прокламація Генриха III въ 1258 г., въ которой употреблялся вмѣстѣ англійскій и французскій языки; затѣмъ королевская прокламація въ Ворчестерѣ въ 1299 г. (Annales monastici, IV, 541) или документъ, даровавшій привилегіи городу Лондону въ 1327 г.—оба документа написаны на англійскомъ языкѣ; но все это только единичные случаи и указываютъ на возраставшій интересъ правительства къ прирожденной англійской части народа или вѣрнѣе къ возраставшему богатству и вліянію этой части.

Къ сожалѣнію, у насъ не имѣется частныхъ документовъ, относящихся къ этому столѣтію; вѣроятно, они всѣ писались по латыни; мы заключаемъ это изъ того факта, что графиня Стаффордъ, написавъ свое завѣщаніе въ 1438 г., сочла нужнымъ объяснить, почему она пишетъ его на англійскомъ языкѣ (Halliwell, Dic. 1. X. note). Вполнѣ естественно съ другой стороны, что обученіе въ высшихъ классахъ все велось на англо-норманскомъ языкѣ. Дѣтей воспитывали дома или въ домѣ какого либо аббата или епископа, иногда же, какъ мы говорили, во Франціи. Слѣдуетъ предположить, однако, что англійскій языкъ употреблялся по крайней мѣрѣ столько же, сколько и англо-норманскій въ соборныхъ, аббатскихъ и грамматическихъ школахъ, такъ какъ врядъ ли сыновья общинниковъ обучались дома какому либо другому языку, кромѣ англійскаго. Въ университетахъ, конечно, главнымъ образомъ господствовалъ латинскій языкъ. Мы видимъ такимъ образомъ, что латинскій и англо-норманскіе языки преобладаютъ въ университетѣ, въ общественной жизни и въ придворной жизни до конца настоящаго періода и дольше, хотя замѣтна тенденція со стороны послѣдняго языка вытѣснить первый изъ юридическихъ и другихъ документовъ. Въ частной же жизни и въ ли-

---

и; введеніе англійскихъ словъ, какъ напримѣръ въ „Fabliau de deux Angloys et de l'anel", „La pais aus Englois" (ср. Райта—Political songs) и въ другихъ.

тературѣ англійскій языкъ начинаетъ распространяться въ ущербъ англо-норманскому языку.

Измѣненія въ англійскомъ языкѣ.

Въ то же время неизбѣжнымъ образомъ англійскій языкъ сталъ отъ соприкосновенія съ французскимъ нарѣчіемъ сильно измѣняться по формѣ и мы находимъ поэтому, что языкъ такого писателя какъ Робертъ Глочестерскій, жившаго въ концѣ тринадцатаго столѣтія, совершенно отличается отъ языка, на которомъ писали до Завоеванія и даже отъ языка Лайямона, языка весьма архаичнаго въ силу тенденціи, хотя Лайямонъ и жилъ въ началѣ столѣтія. Мы уже упомянули, что первое вліяніе норманскаго завоеванія было отрицательное, оно повело къ новому распаденію англійскаго языка на нѣсколько нарѣчій; главныя изъ нихъ были сѣверное, средне-восточное, средне-западное и южное. На послѣднемъ нарѣчіи говорили къ югу отъ линіи, проходящей по Темзѣ къ западу до Оксфорда и затѣмъ черезъ Эвешамъ и Ворчестеръ до Северна. На первомъ нарѣчіи говорили въ Іоркширѣ, Нортумберландѣ, Дургамѣ и въ нижней Шотландіи. Всѣ жившіе между этими двумя округами говорили на среднемъ нарѣчіи. Только въ началѣ четырнадцатаго столѣтія значительное количество романскихъ словъ вошло въ употребленіе въ англійскомъ языкѣ, затѣмъ постепенно вошло до 1200 англо-норманскихъ словъ, главнымъ образомъ въ связи съ церковными и обще-культурными понятіями. Затѣмъ уже появились слова въ связи съ государствомъ, рыцарствомъ, одеждою, охотою, замкомъ, кухней когда не хватало англійскихъ словъ или слова эти вышли изъ употребленія во время упадка англійскаго языка послѣ Завоеванія. Въ иныхъ случаяхъ появились двойныя слова, какъ напримѣръ *work* и *labour* (трудъ).

Слѣдуетъ замѣтить, что эти заимствованныя слова не удержали первоначальную форму, но въ большинствѣ случаевъ подвергались большимъ или меньшимъ измѣненіямъ, въ особенности въ удареніи, которое часто, по англійскому правилу, переносилось на первый слогъ. Въ связи съ тѣмъ фактомъ, что англійское удареніе гораздо сильнѣе французскаго, это современемъ повело къ ослабленію слога безъ ударенія, такъ напримѣръ: англо норманское *resoûn* средне-англійское *resoûn* и позднѣйшее слова *réson* современное англійское, *réason* (произносимое *reezn*). Только къ шестнадцатому столѣтію достигли нѣкотораго единообразія въ этомъ отношеніи и въ теченіи средне-англійскаго періода заимствованныя слова принимали или романское удареніе или англійское. Въ то же время мѣстныя слова подвергались также сильнымъ измѣненіямъ. До 1250 г. замѣчается стремленіе удлинять количество всѣхъ односложныхъ словъ, оканчивавшихся на согласную и удлинять всѣ гласныя, передъ *mb*, *nd*, *ld* и *ng* [1]),

1) Это встрѣчалось у англовъ и въ позднѣйшихъ западно саксонскихъ нарѣчіяхъ до Завоеванія.

между тѣмъ долгія гласныя передъ удлиненной согласной переходили въ короткія. Послѣ 1250 г. короткія гласныя удлинялись, если стояли въ концѣ слога безъ ударенія—напр. *bro-ken-bro-ken* (сломанный). Не менѣе замѣчательны качественныя измѣненія. Древне-англійскія дифтонги (двугласные) перешли въ монофтонги (одногласныя)—гораздо медленнѣе замѣтенъ переходъ на югѣ, чѣмъ въ средней Англіи и на сѣверѣ—появились новыя, такъ называемыя «второстепенныя дифтонги», отъ соединенія первичной гласной съ гласной, происшедшей отъ первичной согласной; такъ на древне-англійскомъ языкѣ слово *doeg* на средне-англійское *dai* или *day* (день). Естественно предположить поэтому, что по крайней мѣрѣ нѣкоторыя согласныя подверглись измѣненію. Древне-англійскія гортанныя переходили въ небныя: древне-англійское слово *loeccean*, средне-англійское *lacchen* = современно-англійское *latch* (щеколда); древне-англійскія небныя совсѣмъ изчезаютъ, въ особенности въ слогахъ безъ ударенія или усиливаются въ гласныя и соединяются съ другими гласными для образованій новыхъ дифтонговъ, какъ указано было выше. Начальные звуки въ словахъ «*chief*» (начальникъ) и «*joy*»—радость заимствованы изъ англо-норманскаго языка. Наконецъ мы можемъ отмѣтить постепенное изчезновеніе окончаній, вслѣдствіе ослабленія гласныхъ въ конечныхъ слогахъ безъ ударенія. Въ свою очередь все это повело къ измѣненію синтаксиса, такъ какъ необходимо было болѣе логическое распредѣленіе словъ въ предложеніи.

Литература.

Если мы теперь перейдемъ къ литературѣ, мы найдемъ, какъ и слѣдуетъ ожидать изъ всего вышесказаннаго, что большинство произведеній первой половины царствованія написано на латинскомъ языкѣ; а главныя сочиненія относятся къ исторіи. Длинный рядъ писателей хроникъ и историческихъ сочиненій двѣнадцатаго столѣтія продолжается до тринадцатаго столѣтія и доходитъ до Матью Париса.

Историографія.

Въ историческомъ изложеніи тринадцатаго столѣтія замѣчается большой прогрессъ. Хроники уступаютъ мѣсто историческимъ сочиненіямъ, хронологическіе отчеты о рядѣ событій смѣняются методомъ изложенія, который стремится связать событія съ ихъ причинами, оцѣнивать и произносить сужденіе о личностяхъ главныхъ дѣятелей и прослѣдить мотивы ихъ поступковъ. Знаменитая сѣверная школа хроникеровъ закончилась самымъ выдающимся изъ нихъ Рожеромъ Говеденомъ († 1201). Центръ литературной дѣятельности передвинулся къ югу въ С. Албансъ, прекрасно расположенный городъ для полученія свѣдѣнія на большой сѣверной дорогѣ и вблизи столицы. Здѣсь въ теченіе тринадцатаго столѣтія жили монахи, давшіе самыя цѣнныя историческія сочиненія.

Выдающимися изъ нихъ были компиляторъ хроники, которой много пользовались потомъ его преемники, Рожеръ Уэндоверъ и Матью Парисъ. Д-ръ Люардъ (Dr. Luard) почти доказалъ, что этого перваго

писателя-компилятора можно отожествить съ Джономъ де Целла (de Cella), бывшаго аббатомъ отъ 1189 по 1214 г. На этой компиляціи, не имѣвшей исторической цѣнности и пользовавшейся одинаково всѣми источниками свѣдѣній, Рожеръ Уэндоверъ (умеръ въ 1236 г.) обосновалъ первую часть своего «Flores Historiarum». Онъ переписывалъ и передѣлывалъ свое первое сочиненіе до 231, списывалъ его до 1012, ввелъ нѣсколько измѣненій до 1065; съ этого годъ онъ опять усердно переписывалъ съ нѣкоторыми добавленіями до 1188 г. и затѣмъ уже началъ свой трудъ. Историческая цѣнность его труда весьма ничтожна, во всякомъ случаѣ по оцѣнкѣ и критическому отношенію къ свѣдѣніямъ. Уэндоверъ стремится, однако, быть безпристрастнымъ и это ему удается тамъ, гдѣ не затрогиваются интересы его ордена. Онъ много распространяется о различныхъ людяхъ и записываетъ ихъ дѣла простымъ сжатымъ слогомъ, лишеннымъ всякой характерности.

Матью Парисъ. Его преемникъ Матью Парисъ (родился 1200, умеръ 1259), не смотря на свое имя англійскаго происхожденія, обнаруживаетъ въ своемъ произведеніи значительный прогрессъ сравнительно съ Сѣверной школою и съ тѣмъ, что писалось до него въ С. Албансѣ. Онъ былъ не только историкомъ, но и путешественникомъ, политикомъ и еще сверхъ всего придворнымъ. Первая часть его произведенія, «Historia Major», какъ и произведеніе Уэндовера переписана съ нѣкоторыми измѣненіями съ компиляціи Джона де Целла; а когда исчерпанъ былъ этотъ источникъ, онъ пользовался «Flores Historiarum» до 1235, но съ 1199 г. вводилъ значительныя измѣненія. Сжатое изложеніе первой части «Historia Major» впослѣдствіи составило первую часть компиляціи подъ именемъ Матью Вестминстерскаго. Съ 1235 до 1250 г., которыми заканчивается первое изданіе, сочиненіе оригинально. Постепенно сочиненіе было просмотрѣно и доведено до 1253 г.; сочиненіе вышло и въ сокращенномъ видѣ подъ заглавіемъ «Historia Anglorum» или «Historia Minor». Наконецъ уже въ концѣ своей жизни авторъ продолжилъ сочиненіе до 1259 г., но никогда его не просматривалъ. Матью Парисъ одинъ изъ лучшихъ средневѣковыхъ историковъ. У него живой и живописный слогъ, въ его сочиненіи мы находимъ рядъ блестящихъ критическихъ замѣтокъ о людяхъ и событіяхъ его времени. Намѣренія его честны, онъ любитъ правду; онъ тонкій наблюдатель, въ общемъ его можно назвать справедливымъ, хотя иногда онъ и разражается энергичными выраженіями, когда дѣло касается церковныхъ интересовъ. Въ сущности онъ единственный авторитетный писатель для царствованія Генриха III отъ 1248 до 1253 и выказываетъ пониманіе современнаго ему положенія Имперіи, Франціи и Рима. Вообще сообщаемыя имъ свѣдѣнія достовѣрны, гораздо болѣе достовѣрны, чѣмъ свѣдѣнія предшественниковъ его школы. Достовѣрность его сочиненій подтверждается параллельными

авторитетными источниками и послѣдними изслѣдованіями. Онъ смѣлѣе Уэндовера порицаетъ тѣхъ, кто заслуживаетъ этого, не стѣсняясь ихъ общественнымъ положеніемъ. Онъ даже укоряетъ Св. Людовика за то, что тотъ вымогалъ у церкви Франціи деньги для крестоваго похода. Онъ очень живо рисуетъ англійскаго короля; онъ изображаетъ его слабымъ въ своихъ намѣреніяхъ, но храбрымъ въ битвѣ, страстнымъ, неустойчивымъ и скупымъ; онъ называетъ его „*regulus mendicans*“—и въ то же время король расточителенъ и любитъ иностранныхъ фаворитовъ. Въ концѣ своей жизни, когда онъ познакомился съ королемъ лично [1]), онъ сталъ размышлять, что, быть можетъ, онъ былъ рѣзокъ въ своей критической оцѣнкѣ, и онъ просмотрѣлъ свое сочиненіе и повычеркивалъ нѣкоторые рѣзкіе отзывы о Генрихѣ, видоизмѣнилъ другіе. Онъ былъ смѣлымъ критикомъ и не опасался поэтому измѣнять свое мнѣніе.

Вильгельмъ Ришангеръ, котораго „*Cronica*“ ведется съ 1259 г. по 1306 г., былъ также монахомъ С. Альбанса. Онъ очевидно пользовался тѣми же источниками, какими пользовался Николай Триве въ своихъ сочиненіяхъ Annales sex Regum Angliae и др., откуда Чосеръ черпалъ «Man of Lawe's Tale. Слѣдуетъ обратить вниманіе на монастырскія лѣтописи Бэртона, Винчестера, Ваверлея, Дунстабля и Ворчестера. Лѣтопись Винчестера даетъ очень подробный современный отчетъ о десятилѣтіи послѣ битвы при Эвешамѣ; лѣтопись Ваверлея даетъ цѣнное дополненіе къ лѣтописи Матью Париса отъ 1219 по 1266 г.

Литература на англійскомъ языкѣ. Поэзія.

При изученіи англійской литературы того времени, мы находимъ, что ея произведенія въ первой половинѣ царствованія посвящены исключительно религіознымъ и нравственнымъ сюжетамъ. Только послѣ битвы при Люйсѣ національная жизнь проявляется какъ въ литературѣ, такъ и въ политикѣ. Однимъ изъ первыхъ англійскихъ произведеній этого царствованія является стихотворное переложеніе «Physiologus» Тебальда, названное «*Bestiary*» (между 1220 и 1230 г.), гдѣ описываются различныя животныя съ ихъ различными мистическими свойствами и символическимъ значеніемъ. Стихъ весьма не правиленъ—то короткія риѳмованныя строфы, то стансы съ коротким стихомъ и риѳмою черезъ строчку, или стихъ съ аллитераціей и безъ риѳмы. Послѣдняя форма встрѣчается въ описаніяхъ, двѣ первыя формы въ нравоучительныхъ мѣстахъ. Метръ также представляетъ странную смѣсь національныхъ и романскихъ правилъ стихосложенія. Еще замѣтнѣе романское вліяніе въ поэтическомъ переложеніи «Genesis», написанномъ позднѣе и такъ же какъ «Orrmulum» и «Bestiary» на востокѣ средней Англіи. Стихъ состоитъ изъ короткихъ риѳмованныхъ строкъ правильной конструкціи, по правиламъ

[1]) Генрихъ III посѣтилъ С. Альбансъ въ 1257 г.

французскаго или силлабическаго стихосложенія. Вторженіе чужеземнаго вліянія и въ религіозную литературу служитъ доказательствомъ прогрессивнаго направленія, о которомъ мы уже упоминали. Главнымъ источникомъ для автора служила не Библія, а «Historia Ecclesiastica» Петра Коместора (написанная 1169—1175). Такимъ же образомъ другой поэтъ, быть можетъ того же монастыря, написалъ немного позднѣе стихотворный «*Exodus*» въ томъ-же стилѣ и основываясь на томъ же источникѣ. Изъ лирическихъ поэмъ того времени—многія изъ нихъ написаны подъ вліяніемъ «Poema Morale [1])»—заслуживаетъ упоминанія «Luve Ron» (Love Roon) Томаса Гальса по богатству фантазіи и красотѣ языка. Въ эту область поэзіи проникли сложные музыкальные французскіе размѣры. Съ религіозной поэзіей тѣсно связаны пословицы. Этотъ родъ литературы вполнѣ естественно болѣе консервативенъ по формѣ. Сборники пословицъ подъ именемъ Альфреда или вымышленнаго мудреца Гендинга часто составлялись въ это царствованіе, хотя первый сборникъ встрѣчается и въ предъидущемъ столѣтіи. «The Owl and the Nightingale», («Сова и Соловей») написанная около 1220 на югѣ по образцу провансальскихъ «jeux partis» изобилуетъ мудростью пословицъ. Тѣмъ не менѣе нравоученіе не навязывается, какъ это бываетъ всегда въ средневѣковыхъ произведеніяхъ. Съ удивительнымъ искусствомъ сопоставляются спорныя мнѣнія; стихъ—французская короткая строфа съ риѳмою—такъ же гладокъ, какъ стихъ Чосера. Сова—пуританинъ-юмористъ, представитель старо-модныхъ обычаевъ и нравовъ, не хочетъ знать любви и женщинъ, а эти вопросы очень интересуютъ граціознаго веселаго соловья (Филомелу), онъ желаетъ предоставить рѣшить споръ Николасу Гильдфорду, приближенному короля. Каково его рѣшеніе—предоставляется дополнить нашимъ воображеніемъ, хотя мы можемъ предположить, что рѣшеніе не въ пользу совы.

Въ подражаніе «Совѣ и Соловью» возникъ цѣлый рядъ подобныхъ «поэтическихъ диспутовъ» «disputacions», въ особенности на югѣ, напримѣръ пѣснь «The Thrush and the Nightingale» «Дроздъ и Соловей», написана *rime couée* [2]). Въ то же время усиливается вкусъ къ свѣтской эротической поэзіи, которую предпочитаютъ религіозной поэзіи, хотя и послѣдняя остается популярною. Знаменитая «Cuckoo's Song» «Пѣснь кукушки», написана риѳмованнымъ семистишіемъ съ припѣвомъ и частою аллитераціею, съ риѳмою по срединѣ; эта пѣснь служитъ образчикомъ новой формы.

Англичане вскорѣ стали интересоваться и другими вещами помимо

---

[1]) Cf. Morris's „Old English Miscellany" pp. 192, 195.

[2]) Или укороченной рифмой (tail-rime); строфа, въ которой нѣкоторыя строки, обыкновенно третья и шестая короче, (ср. Chaucer's Rime of Sir Thopas).

церкви и не случайно баллада о битвѣ при Люисѣ написана на англійскомъ языкѣ, а не на французскомъ или латинскихъ языкахъ, какъ писались всегда до того времени такія поэмы. Принявъ во вниманіе этотъ фактъ, мы не удивимся, что въ срединѣ столѣтія вновь возрождается національный эпосъ. Правда «King Horn» (Король Горнъ) и «Havelok the Dane» (Гавелокъ Датчанинъ) во многихъ отношеніяхъ можно считать «романами приключеній», а не эпосомъ и въ нихъ мало общаго съ высокимъ героическомъ стилемъ древне-англійскаго національнаго эпоса. Повѣствованіе однако же мѣстное и основывается на историческомъ фактѣ, и самый плебейскій тонъ этихъ произведеній, правдивость, съ какой они изображаютъ упорный духъ побѣжденныхъ, но непобѣдимыхъ англичанъ, даетъ имъ право на наше вниманіе. Горнъ и Гавелокъ сыновья королей; они находятся въ изгнаніи и послѣ многихъ испытаній и приключеній вновь возвращаютъ себѣ прежнее положеніе и получаютъ въ награду прекрасную королевну. Повѣствованіе о Гавелокѣ написано грубѣе и реальнѣе, что вполнѣ приходилось по вкусу суровымъ людямъ Линкольншира, для которыхъ оно и написано. Но будь это повѣствованіе такъ серьезно написано (не смотря на юморъ), его можно было бы принять за пародію на «Короля Горна». Герой выростаетъ рыбакомъ и поваренкомъ, вмѣсто того, чтобы жить при дворѣ и выказываетъ свою доблесть, бросая громадный камень, вмѣсто метательныхъ копій. Поэма «Король Горнъ» написана до 1250 г. и предназначалась для пѣнія [1]); эта единственная поэма (romance), написанная такимъ же стихомъ, какъ «Brut» Лайямона и «Пословицы Альфреда» т. е. неправильными строфами короткихъ рифмованныхъ куплетовъ съ четырьмя (мужское окончаніе) или съ тремя удареніями (женское). Поэма «Говелокъ Датчанинъ», напротивъ, написана риѳмованными куплетами французскаго типа, вродѣ англо-норманской «Lai de Havelok» (Пѣснп о Гавелокѣ), откуда она и заимствована и предназначалась не для пѣнія, а для декламаціи. Изгнаніе и окончательное возвращеніе служили любимыми темами для средневѣковыхъ поэмъ и вокругъ именъ «Гереварда Бодраго», «Фулкъ-Фитцъ-Варина» и другихъ именъ создались подобныя легенды. Можно назвать такія поэмы, какъ поэма Гюи Варвика, написанная въ Кентѣ и Бевиса Гамптона, западно-саксонскую поэму. Для поэмъ пользовались и чужими источниками также охотно, какъ и мѣстной легендой.

Эпическая поэзія

Поэма.

«Amis and Amiloun»—Орестъ и Пиладъ западной поэмы, «Floris and Blancheflor» и «sir Tristrem»—всѣ заимствованы съ французскаго,

---

1) „Alle beon he blithe — Всѣ будутъ счастливы
That to mysong lythe; — Кто внемлетъ моей пѣснѣ;
A sang ihc schal you singe — Пѣснь я буду пѣть
Of Murry the kinge“ H I I K. — О королѣ Мюрри

послѣдняя поэма кельтскаго происхожденія. Объ послѣднія поэмы—повѣствованія о любви;—но въ этомъ одномъ онѣ только и сходны, въ первой поэмѣ изображается нѣжное, невинное чувство, во второй—всепоглащающая, разрушительная страсть. Англійская поэма «sir Tristrem» главнымъ образомъ интересна тѣмъ, что представляетъ переходъ отъ поэмы къ балладѣ; повѣствованіе сжатое, стихъ состоитъ изъ станса изъ четырехъ александрійскихъ стиховъ съ риѳмою въ срединѣ и въ концѣ, сопровождаемыхъ пятымъ подобнымъ стихомъ, связаннымъ съ ними строчкой съ однимъ удареніемъ. Британскія и англійскія повѣствованія были такъ же популярны, какъ и кельтскія и восточныя, поэмы объ «Артурѣ и Мерлинѣ», о «Ричардѣ Львиное Сердце» врядъ ли менѣе популярны, чѣмъ ихъ восточные прототипы «Alisaunder» и «Тристанъ и Изольда». Не только поэмы, но и фабліо [1]) (fabliaux) заимствовались изъ Франціи, главный интересъ этихъ произведеній заключался въ дѣйствіи, а не въ типахъ. Въ поэмѣ главное искусство проявляется въ способѣ изложенія, въ фабліо все искусство заключается въ самой фабулѣ. Образчиками такого рода искусства могутъ служить «Dame Siriz» и «Renenard and Sigrim» (заимствовано изъ Reynard saga»)—авторъ этого произведенія по умѣнію разсказывать является однимъ изъ лучшихъ предшедственниковъ Чосера. Другія поэмы, какъ «Orpheo», первоначально занесены съ Востока, хотя носятъ на себѣ значительный кельтскій отпечатокъ.

Земледѣліе

Корбета.

Исторія земледѣлія за сто сорокъ лѣтъ, которые мы теперь описываемъ, отличается главнымъ образомъ тѣми усиліями, съ какими земледѣльцы въ царствованіе Генриха III принялись за управленіе и расширеніе своихъ помѣстій, и затѣмъ постепенной и коренной перемѣною, происшедшей въ теченіе этого періода въ положеніи настоящихъ воздѣлывателей земли. Легче прослѣдить развитіе помѣстій и лучшее управленіе ими, но измѣненіе положенія земледѣльцевъ имѣетъ болѣе важное значеніе: вслѣдствіе этаго измѣненія большая часть крестьянъ, обязанныхъ, какъ крѣпостные, работать въ усадьбахъ своихъ лордовъ, тамъ гдѣ они родились, стали свободными работниками, получавшими ежедневную заработанную плату и свободными работать гдѣ угодно и на кого имъ будетъ угодно. Въ самомъ на-

[1]) Родъ сказокъ въ стихахъ. *Прим. пер.*

чалѣ этого переворота произошло и полное измѣненіе въ способахъ англійскаго земледѣлія и арендаторъ-фермеръ впервые выдвинулся какъ главный и обычный дѣятель деревенской жизни Хотя встрѣчается много примѣровъ отдачи въ аренду фермъ въ тринадцатомъ вѣкѣ, даже о началѣ царствованія Эдуарда III нельзя сказать, что бы арендная система вошла уже во всеобщее употребленіе. Во многихъ мѣстахъ не исчезла окончательно прежняя система общественной обработки подъ властью капиталистовъ-лордовъ, хотя система эта и приходила уже въ упадокъ, пока чума, свирѣпствовавшая впервые въ 1348 г., не опустошила всю страну, не нарушила всякія экономическія отношенія и не положила по необходимости начало совершенно новому періоду.

До этого года внѣшнее измѣненіе замѣтно весьма мало, люди повидимому были довольны и настоящимъ и надеждами на будущее и замѣтно лишь нѣкоторое постепенное улучшеніе въ прежнемъ земледѣліи. Такое положеніе вещей происходило, вѣроятно, вслѣдствіе сравнительно мирнаго характера царствованій Генриха III и его двухъ преемниковъ и благодаря еще тому факту, что за исключеніемъ десяти лѣтъ 1311—1321 г., были все время урожаи и обильныя жатвы, всѣ напрягали свои усилія для улучшенія своего матеріальнаго положенія и мало было поводовъ къ недовольству или къ заботамъ о какихъ либо основныхъ измѣненіяхъ. Въ теченіи десяти лѣтъ было вообще повышеніе цѣнъ — то были годы неурожая и извѣстно изъ многихъ источниковъ, что въ 1316 и 1317 г. былъ настоящій и почти безпримѣрный голодъ. Причина голода была въ удивительно дождливомъ лѣтѣ не въ одномъ округѣ, а во всей странѣ въ 1315 г. и въ 1316 г. и оба эти года былъ сильный неурожай хлѣба. Голодъ былъ такъ великъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ цѣны хлѣба доходили до 27 шил за четверть—что почти въ пять разъ превышало обыкновенную цѣну хлѣба, а на второй годъ цѣна повысилась вчетверо сравнительно съ предъидущимъ годомъ; въ то время повысились цѣны и на другіе предметы потребленія. До чего доходила нищета и даже голодовка массы народа, очевидно изъ того, что 300 лѣтъ спустя въ 1582 г, англійскій фермеръ съ трудомъ продавалъ свой хлѣбъ вдвое дороже той цѣны, которая существовала до голода и подобная цѣна рѣдко удерживалась болѣе двухъ лѣтъ подъ рядъ. Другое бѣдствіе, постигшее земледѣльцевъ этого періода и о которомъ слѣдуетъ упомянуть, это новая болѣзнь, постигшая овецъ, которыхъ только что стали разводить въ большомъ количествѣ, такъ что разведеніе ихъ стало важной статьей хозяйства англійскихъ фермъ. Болѣзнь эта чесотка (scab); она появилась впервые въ 1288 г. и съ тѣхъ поръ сдѣлалась распространенной болѣзнію.

Годы голода.

Главною отличительною чертою земледѣлія въ это столѣтіе и въ предшествующія тринадцатое и четырнадцатое столѣтія было то, что

Размѣры обработки земли.

большинство населенія постоянно занималось земледѣліемъ. Это легко доказать цифрами; размѣры производительности земли все это время были незначительны (не болѣе восьми бушелей на акръ пшеницы, вчетверо больше посѣяннаго количества, и не болѣе $3^1/_2$ для ячменя); такъ что безъ преимущественнаго занятія земледѣліемъ было бы невозможно прокормить даже скромное населеніе отъ 1,500,000 до 2.000,000, какое тогда насчитывалось въ Англіи. Вслѣдствіе этого жители городовъ, быстро пріобрѣтавшіе богатство и значеніе, продолжали въ значительной степени оставаться тѣми же земледѣльцами и во всякомъ случаѣ выходили въ поле во время жатвы. Студентамъ университетовъ, говорятъ, преднамѣренно давались продолжительныя каникулы, чтобы они могли отправиться домой и помогать своимъ роднымъ во время жатвы и полевыхъ работъ; то же самое, быть можетъ, можно сказать и о юристахъ. Тѣ же соображенія, которыя заставляютъ насъ предполагать, что почти всѣ въ Англіи принимали участіе въ производствѣ ежегодной пищи, приводятъ насъ къ предположенію, что въ тринадцатомъ и четырнадцатомъ столѣтіяхъ въ густо-населенныхъ округахъ не меньшее пространство земли находилось постоянно подъ пашней и въ особенности подъ пшеницей, чѣмъ въ настоящее время. Иначе не было бы достаточнаго количества засѣва для производства четверти пшеницы на человѣка, необходимой среднимъ числомъ для его ежегоднаго пропитанія; пшеничный хлѣбъ былъ тогда самой распространенной пищею, даже среди бѣднѣйшихъ классовъ. Съ перваго взгляда это кажется невѣроятнымъ; но слѣдуетъ вспомнить, что во многихъ мѣстахъ Англіи, напримѣръ въ южныхъ низменностяхъ, находятъ несомнѣнные слѣды прежней обработки; тамъ, гдѣ столѣтія не воздѣлывалась земля, встрѣчаются до сихъ поръ межи и борозды; въ этотъ ранній періодъ врядъ ли отводилась земля для парковъ или садовъ и не было даже и молочныхъ фермъ; наконецъ, пшеница повидимому воздѣлывалась въ эти столѣтія сравнительно довольно успѣшно даже въ сѣверныхъ графствахъ Нортумберланда и Дургама, хотя столѣтіе тому назадъ предполагалось всѣми невозможною ея воздѣлываніе гдѣ-либо сѣвернѣе Гумбера. Въ сущности, главною отличительною чертою періода является почти однообразная обработка во всей странѣ; вездѣ сѣятъ одинъ и тотъ же хлѣбъ, разводятъ тотъ же скотъ и одна и та же обработка существуетъ и на сѣверѣ и на югѣ. Причина очевидна: каждый землевладѣлецъ стремится къ тому, чтобы усадьба удовлетворяла всѣмъ нуждамъ. Нѣкоторые предметы, какъ желѣзо для орудій и подковъ и соль, получались извнѣ; однако насколько возможно старались избѣгать привоза извнѣ и прилагали всѣ усилія производить дома все, что могло бы удовлетворять тѣмъ скромнымъ потребностямъ, какія существовали тогда. Однимъ словомъ, врядъ ли сознавались тогда преимущества раздѣленія труда и хотя существовали мѣстности.

Смѣшанное сельское хозяйство.

болѣе пригодныя для пастбищъ, другія для посѣва ржи или овса, врядъ-ли гдѣ-либо не засѣвали въ то же время и извѣстное количество пшеницы и ячменя и не содержали всевозможный скотъ. Съ сельско-хозяйственной точки зрѣнія Англія, такимъ образомъ, не распадалась на нѣсколько округовъ, въ которомъ занимались одной какою либо отраслью сельскаго хозяйства, она распадалась на двѣ области: на низменности, гдѣ каждый занимался земледѣліемъ по одному образцу, и на возвышенности, болота и горы, гдѣ вовсе не существовало попытокъ земледѣлія и которыя были необитаемы, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ въ Іоркширѣ, гдѣ цистерціане и другіе монашескіе ордена ввели разведеніе овецъ и начали селиться въ пустынныхъ мѣстахъ.

Распредѣленіе населенія.

Соотвѣтственно такому положенію вещей распредѣлялось и населеніе; вмѣсто того, чтобы быть гуще, какъ въ настоящее время, въ холмистыхъ округахъ сѣвера и запада, оно главнымъ образомъ сосредоточивалось къ югу и востоку; наиболѣе густо населенное пространство приблизительно обозначалось линіей, проходящей отъ Норфолька черезъ Ридингъ къ Дорсетширу. Вполнѣ естественно, что общее распредѣленіе богатства въ сельскохозяйственныхъ округахъ въ этотъ періодъ, за исключеніемъ городовъ, вездѣ въ главныхъ чертахъ одинаково. Такъ въ 1341 г., когда Эдуардъ III для покрытія издержекъ французской войны обложилъ всю Англію налогомъ шерстью (подробности этого обложенія извѣстны), Норфолькъ былъ самымъ богатымъ графствомъ; въ этомъ округѣ съ каждыхъ 610 акровъ требовался куль шерсти или уплата казначею деньгами стоимости такого куля, а съ каждаго графства вообще требовался куль шерсти съ каждыхъ 1,570 акровъ. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что сравнительное процвѣтаніе Норфолька не зависѣло отъ превосходства земледѣлія его землевладѣльцевъ, оно обусловливалось тѣмъ, что это графство служило въ то время сосредоточіемъ торговли шерстью, вслѣдствіе этого оно было заселено фламандскими ткачами и другими иностранными ремесленниками, большинство которыхъ селилось и работало по деревнямъ. Изъ числа земледѣльческихъ округовъ Миддльэссексъ,—исключительно Лондонскій округъ—и Оксфордширъ были самыми богатыми, каждое графство доставляло съ каждыхъ 760 акровъ мѣшокъ шерсти; затѣмъ идутъ Бедфордширъ, Кентъ и Беркширъ. Графства ниже средняго уровня по богатству и въ то же время не гористыя—Шропширъ и Герфордширъ; въ каждомъ изъ этихъ округовъ требовался съ каждыхъ 3,500 акровъ мѣшокъ шерсти; самыми бѣдными округами были теперешніе промышленные округа Ланкаширъ и Западный Ридингъ въ Іоркширѣ.

Большее вниманіе, какое начинаютъ обращать на земледѣліе въ тринадцатомъ столѣтіи сравнительно съ предъидущими годами, доказывается во первыхъ появившимися въ этомъ столѣтіи, впервые въ Англіи,

систематическими трактатами и руководствами по управленію имѣній, служившими указателями въ затруднительныхъ случаяхъ, какъ для землевладѣльцевъ, такъ и для ихъ слугъ; во вторыхъ значительнымъ количествомъ письменныхъ документовъ, сохранившихся въ нашихъ библіотекахъ и въ архивахъ колледжей и другихъ сельскихъ корпорацій; въ этихъ документахъ излагается въ подробности ходъ сельскохозяйственныхъ работъ въ нѣкоторыхъ усадьбахъ въ царствованія Генриха III и Эдуарда I; подобныхъ документовъ не было въ болѣе ранніе періоды. Всѣ эти нововведенія обязаны своимъ происхожденіемъ, безъ сомнѣнія, примѣру и вліянію крупныхъ монастырей, которые всегда обращали усиленное вниманіе на свои помѣстья и являлись піонерами всѣхъ существенныхъ улучшеній, вводимыхъ въ средневѣковое сельское хозяйство; несомнѣнно, что съ 1259 г. ихъ примѣру стали подражать и свѣтскіе землевладѣльцы и въ большинствѣ помѣстій стали заводить письменные документы, о которыхъ мы упоминали.

Книги по сельскому хозяйству.

Самый первый трактатъ объ управленіи имѣніемъ, какой мы можемъ въ точности прослѣдить, небольшая книга на норманско-французскомъ языкѣ Гросстета, знаменитаго линкольнскаго епископа, появившаяся между 1240—1241, написанная для Маргариты, вдовствующей графини Линкольна; книга эта извѣстна подъ заглавіемъ «Rules of St. Robert» (Правила Св. Роберта). Книга не была, повидимому, очень распространена, быть можетъ потому, что первоначально предназначалась для женщины и касалась, главнымъ образомъ, домашняго хозяйства. Болѣе распространенными книгами этого періода были анонимныя книги безъ указанія года: «Husbandry» (Сельское хозяйство) и «Seneschaucie» (Управленіе); обѣ книги написаны на норманско-французскомъ языкѣ. Въ первой—главнымъ образомъ излагаются способы веденія счетовъ по сельскому хозяйству; во второй—описываются обязанности различныхъ лицъ усадьбы, начиная съ управляющаго и различныхъ другихъ лицъ до молочницы. Самая распространенная, и самая практическая изъ этихъ трактатовъ—это книга Сэра Вальтера де Генлей, не задолго до 1250 г., озаглавленная «Le dite de Hosebondrie» (Сельское хозяйство) или «Du Gaignage des Terres» (Доходъ съ помѣстій). Въ этой книгѣ авторъ, самъ бывшій фермеромъ или быть можетъ старостою помѣстья, принадлежавшаго Кентербюрійскому Собору, обозрѣваетъ каждый отдѣлъ сельскаго хозяйства – запашку, бороньбу; онъ указываетъ заботливому землевладѣльцу необходимость за всѣмъ наблюдать самому, если онъ желаетъ вести экономно хозяйство въ своихъ имѣніяхъ. Этотъ трактатъ пользовался такимъ успѣхомъ, что болѣе 200 лѣтъ оставался образцовымъ англійскимъ руководствомъ; онъ вытѣсненъ сочиненіемъ Антонія Фитцгерберта, куда вошла значительная часть этого трактата. Въ этомъ періодѣ появляются также другаго рода трактаты, которые, хотя и

косвенно, имѣютъ отношеніе къ управленію имѣніями; они состоятъ изъ многочисленныхъ сборниковъ постановленій и рѣшеній по части веденія суда въ усадьбахъ и написаны не позже царствованія Эдуарда II; всѣ эти юридическія руководства, такъ же какъ и сельскохозяйственныя, указываютъ на стремленіе людей того времени вести свои дѣла лучше и установить условія труда для своихъ подчиненныхъ такъ, чтобы каждый могъ легче уяснить себѣ, сколько извлекается доходовъ изъ его личной собственности.

Усадебныя записи.

Сохранились три отдѣльные вида документовъ, относящихся къ отдѣльнымъ имѣніямъ, или вѣрнѣе усадебныхъ записей, которыя стали заводить въ царствованіе Генриха III. Документы эти слѣдующіе: 1) Подробная перепись каждой усадьбы, по образцу переписей Domesday, но болѣе подробная. 2) Усадебныя судебныя записи, подражаніе записямъ, которыя велись въ королевскихъ судахъ. 3) «Compotus» — годовой отчетъ доходовъ и убытковъ, который староста представлялъ не жившему въ усадьбѣ землевладѣльцу, вродѣ тѣхъ отчетовъ, которые шерифы представляли ежегодно казначею о состояніи ихъ графствъ. Первый изъ такихъ отчетовъ составлялся на основаніи клятвенныхъ показаній всѣхъ сельчанъ и затѣмъ послѣ извѣстныхъ промежутковъ снова провѣрялся; этотъ отчетъ даетъ подробное описаніе доходности земли и количества акровъ въ усадьбѣ, вмѣстѣ съ перечисленіемъ всѣхъ земледѣльцевъ, свободныхъ и вилановъ, получавшихъ землю отъ лорда или обязанныхъ ему какими либо повинностями; затѣмъ перечисляются всѣ повинности и ихъ стоимость въ деньгахъ. Затѣмъ были отчеты о всѣхъ мелкихъ дѣлахъ, разбиравшихся на усадебномъ судѣ; изъ нихъ мы узнаемъ, какъ отъ времени до времени происходили измѣненія въ арендномъ пользованіи землею, какъ подданные распредѣляли налагаемыя повинности, какъ часто они старались ускользнуть отъ наложенныхъ на нихъ повинностей и какія налагались на нихъ наказанія за это. Изъ третьихъ документовъ мы узнаемъ какіе расходы несъ землевладѣлецъ во времена Плантагенетовъ, насколько онъ былъ въ зависимости отъ честности старосты, какъ онъ вознаграждалъ рабочихъ и сколько онъ могъ расчитывать получать дохода съ усадьбы въ годы средней доходности. Конечно, сравнительно въ рѣдкихъ случаяхъ въ сохранившихся до нынѣ записяхъ мы находимъ всѣ вышепоименованныя свѣдѣнія объ усадьбахъ или образчики всѣхъ трехъ родовъ документовъ. Сохранилось, однако, такое количество записей того или другаго рода и онѣ относятся къ столькимъ мѣстностямъ, что если бы дозволялъ намъ объемъ книги, мы могли бы возстановить почти полную картину земледѣлія, бывшаго въ ходу въ Англіи до Черной Смерти. Теперь же мы должны ограничиться тѣмъ очеркомъ, который даемъ въ слѣдующей главѣ; очеркъ этотъ въ сущности обрисовываетъ только крупныя помѣстья. Слѣдуетъ принять къ свѣдѣ-

нію, что подобныя записи велись только въ помѣстьяхъ крупныхъ землевладѣльцевъ; мы не можемъ предполагать, что и мелкіе помѣщики—сквайры и мелкіе фермеры—такимъ же образомъ обрабатывали свои владѣнія, хотя, быть можетъ, такое предположеніе и не было бы совсѣмъ безъосновательно.

Торговля и промышленность.

Губерта Голля.

Съ перваго взгляда покажется весьма простою и въ то же время неблагодарной задачею прослѣдить развитіе британской торговли въ тринадцатомъ столѣтіи. Не только скудны необходимыя хронологическія данныя, но и интересъ исторіи этого періода не въ подобныхъ матеріальныхъ соображеніяхъ, а скорѣе въ изслѣдованіи извѣстныхъ политическихъ и общественныхъ явленій совершенно иного характера. Съ одной стороны намъ приходится слѣдить за борьбою за хартіи, которыя подтверждались сто разъ въ теченіе этого столѣтія; съ другой стороны за сліяніемъ народностей и возстановленіемъ мѣстной литературы. Къ тому же король и его совѣтъ не столько заняты были положеніемъ торговли и распредѣленіемъ богатства, сколько безплодными попытками разрѣшить великую задачу управленія разрозненной имперіи, которую нельзя было удерживать больше съ помощью устарѣвшаго феодальнаго режима.

Источники.

Въ сущности начало тринадцатаго столѣтія составляетъ важную эпоху въ исторіи торговли и промышленности; мы теперь можемъ пользоваться новымъ источникомъ свѣдѣній, которымъ до сихъ поръ пренебрегали. Мы можемъ получать статистическія данныя по этому предмету изъ списковъ и записей казначея, изъ отдѣльныхъ хартій и изъ неясныхъ и метафорическихъ описаній современныхъ историковъ. Съ конца тринадцатаго столѣтія и далѣе развитіе торговли націи прекрасно иллюстрируется въ парламентскихъ спискахъ и въ тщательно занесенныхъ въ списки отчетахъ сборщиковъ пошлинъ и налоговъ; отчеты эти были необходимы для составленія бюджета. Для даннаго періода весьма цѣннымъ матеріаломъ служатъ также серіи списковъ канцлерства. Эти записи не только даютъ много свѣдѣній по части развитія торговли, такъ какъ они не только изобилуютъ перечисленіями уплатъ и пеней за права, свободный проѣздъ и другія привиллегіи купцовъ, но даютъ также и косвенныя доказательства развитія значенія торговли въ видѣ прецедентовъ ея контроля и урегулированія со стороны короны. По этимъ новымъ источникамъ, а также по прежнимъ источникамъ, по муниципальнымъ

и усадебнымъ отчетамъ и по прежнимъ книгамъ и по нѣкоторой аналогіи мы можемъ формулировать положеніе англійской торговли и промышленности со времени смерти короля Іоанна до вступленія на престолъ Эдуарда I.

Произведенія почвы.

Въ тринадцатомъ столѣтіи и значительно позднѣе классификація торговли сводится къ заголовкамъ ввоза и вывоза, хотя слѣдуетъ принять во вниманіе, что нѣкоторыя отрасли мѣстной промышленности находились въ рукахъ иностранцевъ, вслѣдствіе неопытности мѣстныхъ торговцевъ и презрѣнія къ наживѣ. Тѣмъ не менѣе слѣдуетъ признать мѣстныхъ торговцевъ этого періода типичнымъ классомъ общины. Въ странѣ, которая не можетъ вполнѣ удовлетворяться собственнымъ производствомъ—т. е. которая ввозитъ иностранные товары, какъ предметы необходимости или роскоши, необходимо также сбывать и мѣстные продукты въ обмѣнъ за ввозимые товары. Точно также одинъ округъ обмѣнивается опредѣленными продуктами съ другимъ округомъ и каждый производитель долженъ добыть себѣ все необходимое для производства. Трудно представить себѣ какой либо періодъ нашей исторіи, когда бы не существовала какая бы то ни было система обмѣна или торговли, въ тринадцатомъ же столѣтіи торговля достигла уже очень значительныхъ размѣровъ.

Въ этотъ періодъ англичане были главнымъ образомъ земледѣльческой націей; главные предметы торговли были продукты земли: хлѣбъ, мясо, молочные продукты. Эти продукты—вѣрнѣе избытокъ послѣ удовлетворенія нуждъ семьи и запаса на посѣвъ будущаго года—продавались на мѣстномъ рынкѣ или на ежегодныхъ крупныхъ ярмаркахъ; полученная прибыль, употребленная на пріобрѣтеніе необходимыхъ вещей, увеличивала имущественное значеніе землевладѣльца.

Многочисленныя описанія усадебнаго хозяйства, существующія съ средины тринадцатаго столѣтія, даютъ намъ возможность представить себѣ полную картину подобной торговли;—управляющій (messor) распредѣляетъ хлѣбъ изъ амбара по телѣгамъ для базара, отобравъ зерно для осенняго посѣва; въ день Св. Мартина [1]) сортировались овцы, выращенныя дома и купленныя для откармливанія въ послѣдній праздникъ Hocktide [2]) и для продажи, при чемъ оставляется достаточное количество для соленія на продовольствіе домашнихъ до Пасхи; лѣтомъ запасаютъ молочные продукты въ видѣ «круговъ» (weighs) тонкихъ сыровъ, значительно меньшихъ по размѣру, чѣмъ тѣ круги, которые выдавали во время жатвы «boon-men'амъ» лорда (рабочимъ).

Вышеупомянутые продукты земли не были единственными рыночными товарами. Съ давнихъ поръ было замѣчено что стада цѣнны

[1]) Martinmas—праздновался 11 ноября. *Прим. пер.*

[2]) Во второй вторникъ послѣ пасхи; прежде праздновался въ Англіи въ ознаменованіе побѣды надъ датчанами при Этельредѣ. *Прим. пер.*

не только доставляемымъ мясомъ, но и своими шкурами и кожами; продажа шерсти, шкуръ и кожъ составляла очень важную статью дохода въ усадебныхъ счетахъ. Меньшій доходъ давало сало животныхъ, остававшееся на бойняхъ. Другіе почвенные продукты были: желѣзо, олово, жесть, камень и дерево,—хотя такого рода промыслы могутъ быть подведены и подъ другую рубрику. Въ тоже время вмѣстѣ съ прежними продуктами эти произведенія составляли главные продукты страны.

Иностранный ввозъ.

Изъ тѣхъ же источниковъ мы узнаемъ косвеннымъ путемъ о главныхъ товарахъ ввоза, какіе потреблялись земледѣльческою общиною. Управляющій, ведя отчетъ о доходахъ имѣнія, могъ затрачивать часть на покупку необходимыхъ предметовъ для лучшей обработки, а также на покупку дегтя, парусины и жернововъ, о чемъ чаще всего и упоминается. Въ домашнихъ хозяйствахъ, въ счетахъ короны или какого либо знатнаго лорда, списокъ пріобрѣтаемыхъ товаровъ значительно увеличивается и доходитъ до большихъ размѣровъ; въ тринадцатомъ столѣтіи въ подобный списокъ входятъ сукна самой тонкой окраски (въ особенности окрашенныя еще въ шерсти), шелка, мѣха, драгоцѣнные камни, всевозможные бакалейные товары, воскъ (требовался въ большомъ количествѣ для свѣчей и печатей при дворѣ и въ монастыряхъ), вино (для гостинницъ и трактировъ), соль.

Ганза.

Всѣ эти ввозимые товары достигали различными путями англійскихъ гаваней. Товары сѣверо-восточныхъ странъ Европы, входившихъ въ составъ такъ называемой Балтійской торговли, съ средины тринадцатаго столѣтія находились исключительно въ рукахъ крупной федераціи, извѣстной подъ именемъ Ганзы; Ганза снабжала Англію обильно мѣхами, дегтемъ, рыбою — въ особенности селедкою. Весьма естественно торговля направлялась къ сѣверо-восточнымъ портамъ этой страны. Этимъ же путемъ происходило и косвеннымъ образомъ сообщеніе съ востокомъ, связывающимъ звеномъ являлся Новгородъ.

Восточные купцы.

Помимо торговли съ Ганзою велась значительная торговля съ Фландріей и съ сѣверной Франціей; Ганза вела торговлю отъ Антверпена на сѣверѣ до Кельна на югѣ; нѣсколько позднѣе члены Ганзы стали извѣстны подъ именемъ восточныхъ купцовъ — Easterlings [1]).

Торговля на Средиземномъ морѣ.

Признаннымъ центромъ торговли съ Средиземнымъ моремъ считался Соутгамптонъ; эта торговля находилась почти исключительно въ рукахъ крупныхъ итальянскихъ республикъ, граждане этихъ республикъ захватили монополію торговли цѣнными произведеніями Востока. Товары — исключительно пряности — доставлялись къ Средиземному

---

[1]) Easterlings — такъ назывались въ Англіи купцы съ прибрежья Балтійскаго моря, а также купцы Даніи и Норвегіи. *Прим. пер*

морю или Азіатской дорогой черезъ порты Антіохіи и Трапезунда или черезъ Египетъ въ Александрію; трудность перевозки обусловливала почти чрезмѣрныя цѣны. Изъ итальянскихъ городовъ главнымъ образомъ вывозились шелковыя матеріи, хотя оттуда же, какъ изъ Фландріи, вывозилось также и значительное количество тонкаго сукна. Безполезно указывать насколько въ тринадцатомъ столѣтіи крестовые походы способствовали развитію торговли на Средиземномъ морѣ, насколько доставили они также независимыхъ и цѣнныхъ наблюденій сѣвернымъ народностямъ, пока духъ предпріимчивости не побудилъ и ихъ послѣдовать по новымъ торговымъ путямъ на далекій Востокъ.

Все же мѣха, шелковыя матеріи и пряности составляли незначительную часть нашихъ предметовъ ввоза. Спросъ на эти предметы роскоши, хотя и существовалъ всегда и постоянно увеличивался, исключительно былъ при дворѣ и въ знатныхъ классахъ, потребленіе же вина и соли было почти всенароднымъ.

Распредѣленіе предметовъ ввоза легко опредѣлить по общимъ суммамъ пошлинъ съ товаровъ, собираемыхъ нѣсколько позднѣе; сумма пошлинъ, собираемая съ опредѣленнаго вѣса товаровъ (poundage) незначительно превышала сумму пошлины съ вмѣстимости (tunnage и prisage [1]) вина. Прибытіе груза вина изъ центра или съ юга Франціи или съ Рейна являлось такимъ же важнымъ событіемъ, какъ благополучная отправка англійскихъ кораблей съ шерстью въ фламандскіе порты.

Способы распредѣленія товаровъ.

Мѣстные продукты и иностранные товары такимъ образомъ являлись въ продажѣ; какимъ же образомъ происходила продажа? Съ давнихъ поръ въ удобныхъ пунктахъ устраивались базары. Изъ Domesday Book мы видимъ, что базаръ являлся естественнымъ дополненіемъ каждой усадьбы; въ тринадцатомъ столѣтіи мы находимъ мало привилегій, куда бы не входило это выгодное сеньоральное право. Три условія были необходимы для базара — выгодное мѣстоположеніе по отношенію къ большой дорогѣ; привилегія отъ короны, дарованная лорду земли, о которой мы упоминали; установленіе базара и сборъ повинностей лордомъ. Базаръ въ какой либо опредѣленный день недѣли является обычнымъ явленіемъ въ теченіи многихъ столѣтій.

Болѣе важнымъ событіемъ въ этомъ столѣтіи являются ежегодныя крупныя ярмарки, куда свозились для продажи всѣ произведенія графства и главные товары ввоза. Эти ярмарки, какъ и мѣстные базары, происходили подъ покровительствомъ и особою юрисдикціей какого либо лорда.

---

[1]) Prisage—пошлина, которую корона брала въ свою пользу въ размѣрѣ 2 тоннъ съ каждаго корабля, на которомъ грузъ вина былъ въ двадцать тоннъ или болѣе. *Прим. пер.*

Дороги и водныя пути сообщенія.

Въ срединѣ предъидущаго столѣтія, мы узнаемъ, что рента королю, выплачиваемая натурою—быками, овцами, зерномъ—замѣнена денежною рентою, вслѣдствіе чрезмѣрной стоимости доставки. Дороги были чрезвычайно плохи и даже путешествіе водою встрѣчало препятствіе въ подводныхъ камняхъ и всевозможныхъ препятствіяхъ со стороны грабителей — владѣльцевъ, противъ которыхъ, начиная съ Великой Хартіи, предпринимается рядъ обвиненій, но безъ всякаго результата. Утверждаютъ даже и, быть можетъ, такъ и было въ дѣйствительности, будто бы ввозимое вино было потому превосходнаго качества, что только лучшіе сорта выдерживали всѣ трудности путешествія. Правда, что путешествіе по дорогамъ дошло до нѣкотораго благоустройства въ силу позднѣйшей почтовой системы; такъ напримѣръ существовали опредѣленныя станціи отъ Лондона до Дувра *en route* изъ Парижа въ Римъ, извѣстныя уже Матью Парису и его современникамъ; но хотя лошади были не дороги, все же эта процедура стоила не мало; путешественники принуждены были занимать опредѣленныя помѣщенія и не могли избѣжать дорожныхъ пошлинъ и платъ за перевозы. Очутившись на открытой дорогѣ, путешественникъ навѣрняка подвергался нападенію разбойниковъ, засѣвшихъ гдѣ либо въ лѣсной чащѣ или въ пустынной степи вблизи крупныхъ городовъ и ярмарокъ.

Базары и ярмарки.

Періодическіе базары въ деревняхъ и мелкихъ городкахъ главнымъ образомъ предназначались для мѣстной торговли какого либо однороднаго продукта, какъ это бываетъ и въ настоящее время. Базары крупныхъ городовъ походили на наши теперешніе базары, кромѣ развѣ свойства самимъ товаровъ и національности продавцевъ. На базарѣ Смитсфильда, напримѣръ, каждыя шесть недѣль выставлялся скотъ и лошади. Помимо этихъ постоянныхъ рынковъ съ ихъ постоянными или передвижными балаганами, товары выставлялись обыкновенно подъ навѣсами лавокъ, а нѣкоторые продукты, въ особенности топливо и вода, развозились въ тѣлежкахъ по улицамъ, какъ то бываетъ и теперь. Ярмарка—конечно, менѣе древняго происхожденія чѣмъ базары—была отличительною чертою торговой жизни тринадцатаго столѣтія. Какъ и базаръ, ярмарка была доходною статьею какого либо лорда; она происходила въ извѣстные сроки, обыкновенно разъ въ годъ, въ какой либо праздничный день. Нѣкоторыя англійскія ярмарки пользовались европейской извѣстностью; двѣ же ярмарки въ особенности являются естественными центрами англійской торговли востока и юга.

Ярмарка Стоурбриджа.

Ярмарка Стоурбриджа занимала весьма удобное мѣстоположеніе для обмѣна или вывоза продуктовъ восточныхъ графствъ и для продажи иностранныхъ товаровъ Балтійской торговли. Ярмарка открывалась 18 сентября и продолжалась три недѣли; она происходила подъ кон-

тролемъ корпораціи Кембриджа. Ярмарка происходила на открытомъ полѣ, ежегодно строились временные балаганы и образовали улицы, занимая площадь въ полъ квадратной мили. Здѣсь главнымъ образомъ происходила продажа шерсти и сукна для вывоза и покупка товаровъ ганзеатическихъ купцовъ, но на улицѣ ярмарки можно было встрѣтить всевозможные товары и всевозможные народности.

Ярмарка Винчестера имѣла еще большее значеніе въ тринадцатомъ столѣтіи; она связывалась съ юго-восточною торговлею; съ торговлею Соутгамптона и портовъ Лондона и Сандвича. Ярмарка находилась подъ непосредственнымъ контролемъ епископа и наканунѣ праздника Св. Джайльса его чиновники объявляютъ, что ярмарка будетъ продолжаться шестнадцать дней. Ярмарка расположилась на холмѣ, откуда виднъ былъ городъ; на холмѣ строились балаганы, образуя отдѣльныя улицы, гдѣ и распредѣлялись обычнымъ образомъ различные товары и національности. Главнымъ условіемъ открытія ярмарки была монополія торговли въ окрестности во все время существованія ярмарки; предпринимались всѣ предосторожности къ пріостановленію въ извѣстныхъ границахъ недозволенной торговли, чтобы такимъ образомъ доходы лорда не потерпѣли ущерба. Въ то же время торговой общинѣ было выгодно установить строгій надзоръ и набюденіе надъ вѣсомъ и мѣрою и въ замѣнъ подобнаго надзора большинство купцовъ охотно выплачивали за право торговли на ярмаркѣ и вѣсовыя за вѣсъ шерсти (woolbeam.), хотя сообщаютъ, что нѣкоторые скупые купцы старались уклониться отъ уплатъ, прячась за палиссадомъ или оттягивая заключеніе торговыхъ сдѣлокъ до конца ярмарки и избѣгая такимъ образомъ уплаты повинностей. На этой ярмаркѣ, какъ и на всякой другой, происходилъ торговый судъ (Court of Pie-powder); здѣсь всѣ дѣла рѣшались быстро для удобства временно находящихся здѣсь тяжущихся — людей съ «запыленными ногами» (dusty-feet). Въ силу того, что возникавшія дѣла касались главнымъ образомъ торговыхъ интересовъ, внѣ узкой сферы обычнаго законодательства, придавали большое значеніе рѣшеніямъ присяжныхъ экспертовъ. Такимъ образомъ торговцы создавали свое законодательство; во многихъ процессахъ дѣло шло не о кредитахъ «tallies» [1]) и задаткахъ—God's-pennies», а объ обманѣ и насиліи. Такъ мы читаемъ въ судебномъ спискѣ Св Ива, что отвѣтчикъ, обвиняемый въ продажѣ мѣднаго кольца за $5^1/_2$ д., сказалъ: кольцо изъ чистѣйшаго золота, одноглазый человѣкъ нашелъ его въ прошлое воскресенье въ Церкви Св. Ива, у креста». Мы узнаемъ однако, что въ большинствѣ случаевъ торгъ благополучно кончался выпивкою

Ярмарка Винчестера.

Торговые суды.

Кромѣ Стоурбриджа и Винчестера значительныя ярмарки проис-

[1]) Бирки одинаковаго образца, на которыхъ кредиторъ и должникъ вели счета; уничтожены статутомъ 23. Георга III. *Прим. пер.*

ходили въ Бостонѣ, С. Ивѣ (Гунтсъ), Стамфродѣ, Оксфордѣ. Абингдонѣ, Эдмундсбюри, Ноттингамѣ и другихъ мѣстахъ.

Развитіе промышленности.

Трудно считать значительнымъ промышленный прогрессъ въ тринадцатомъ столѣтіи. Національное богатство обусловливалось процвѣтаніемъ поземельной собственности. Громадный контрастъ мы находимъ между артистическимъ чутьемъ романизированнаго британца и усвоеннымъ искусствомъ ремесленника четырнадцатаго столѣтія; въ нѣкоторыхъ же отношеніяхъ тринадцатое столѣтіе представляетъ типичную эпоху въ англійской промышленности. Если промышленныя преобразованія четырнадцатаго столѣтія являются новыми и внезапными, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что почти вся англійская торговля все это время находилась въ рукахъ у чужеземцевъ; мѣстная предпріимчивость едва пробуждалась въ развитіи вольныхъ городовъ континента, мелкое судно «*cog*» вытѣснялось крупнымъ галіономъ («carrack» [1]) въ торговлѣ Средиземнаго моря. До промышленнаго переворота восемнадцатаго столѣтія прядильныя фабрики, составлявшія славу этой страны, были мелкими промышленными заведеніями, подспорьемъ къ земледѣлію, къ морскимъ промысламъ и лихорадочной погонѣ за скрытыми сокровищами земли. Хотя мы напрасно стали бы разъискивать въ тринадцатомъ столѣтіи, и значительно позднѣе, существованіе такой англійской промышленности, которую можно было бы сравнить съ крупными мануфактурами Флоренціи, мы не можемъ сомнѣваться однако въ существованіи довольно развитаго прядильнаго искусства, которое обусловливало самостоятельность подобной промышленности. Одежда низшаго и средняго классовъ изготовлялась дома, изрѣдка прикупалось на какой либо изъ ярмарокъ тонкое сукно, привозимое изъ Фландріи и Италіи, или прочная ткань англо-фламандскихъ станковъ, сукно судейское (of assize), выдѣлываемое цехами ткачей почти во всѣхъ крупныхъ городахъ Англіи.

Мануфактура.

Большею частью сельскія ремесла удовлетворяли всѣ подробности. Въ каждой деревни было достаточно шерсти и конопли для десятковъ веретенъ, толстая нить давала ткань для верхней одежды и рубашекъ; носившіе ткань не были прихотливы, не гонялись за красной краской или фламандской мареной. Знатные украшали подобною грубою тканью стѣны своей комнаты, королевскіе чиновники покрывали ею скамьи или столъ казначейства; кэрлъ и вилланъ, монахъ, а иногда и землевладѣлецъ, употребляли эту ткань для одежды. Деревенскій кожевникъ и сапожникъ поставляли высокіе сапоги изъ мягкой кожи для тѣхъ, кому нужна была обувь прочнѣе сандалій домашняго издѣлія. Профессіональный охотникъ на волковъ, кошекъ или выдръ и даже скромный охотникъ на кротовъ доставляли шапки для тѣхъ,

---

[1]) Carrack—галіонъ—испанское судно. *Прим. пер.*

кто не желалъ ходить съ открытою головою; и такимъ образомъ удовлетворялась для деревевскаго жителя вторая естественная потребность. Въ каждой деревнѣ помимо прядильнаго ремесла существовало кузнечное ремесло и былъ плотникъ, который выдѣлывалъ плуги и телѣги. Даже веревки изъ волоса и конопли для упряжи выдѣлывались дома; производство же корзинъ и бочекъ было уже болѣе мѣстнымъ. Для постройки церкви или замка плотники и каменьщики привозились издалека, какъ и камень, гонтъ и свинецъ, изъ которыхъ они строили; крестьянинъ же строилъ свою хижину, какъ люди шерифа строили мѣстную тюрьму, изъ мелкаго королевскаго лѣса. Наконецъ, мельница лорда была образчикомъ самостоятельной промышленности. Здѣсь всѣ фермеры обязаны были молоть хлѣбъ и мельница являлась поэтому доходной статьей со времени Domesday приблизительно до нашего времени. Въ то же время мы замѣчаемъ увеличеніе цѣнности сукна домашняго производства, какъ товара на мѣстныхъ рынкахъ и ярмаркахъ; доставлялось же сукно, какъ мы видѣли, скорѣе какъ избытокъ домашняго производства, а не въ видѣ правильнаго производства, какъ то было въ торговыхъ общинахъ городовъ,

Города.

Въ тринадцатомъ столѣтіи упрочилось положеніе англійскихъ городовъ. Ихъ процвѣтаніе впрочемъ уже упрочилось въ двѣнадцатомъ столѣтіи пріобрѣтеніемъ хартій. Городъ естественно являлся промышленнымъ центромъ округа и средоточіемъ торговли. Въ Англіи, какъ и въ другихъ странахъ Европы, оптовая торговля, въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы ее понимаемъ теперь, сосредоточивалась въ городахъ. Съ самаго начала двѣнадцатаго столѣтія эти города при благопріятныхъ обстоятельстахъ заручились необходимыми и важными привилегіями, изложенными въ хартіяхъ, въ силу которыхъ они сами давали отчетъ казначею о своихъ фермахъ или производили расцѣнку имуществъ для обложенія повинностями. Въ добавокъ къ этимъ привилегіямъ, дававшимъ возможность пользоваться результатами предпріимчивости, горожане много разъ добивались существенной привилегіи самоуправленія, а также общаго изъятія отъ тягостнаго присутствія на судахъ и отъ произвольныхъ повинностей внѣ ихъ городовъ. Напримѣръ, граждане Лондона освобождались отъ повинностей на ярмаркѣ Винчестера, если они пользовались этой привилегіей въ извѣстное время. Еще болѣе важное значеніе для процвѣтанія городской общины имѣло признаніе статутовъ купеческихъ цеховъ.

Купеческіе Цехи.

Съ давнихъ поръ существовали общества для общественныхъ или религіозныхъ сношеній или для обезпеченія круговой отвѣтственности въ принятой полицейской системѣ въ странѣ; подобныя общества стали возникать постепенно и для торговыхъ цѣлей и, заручившись въ нѣкоторомъ родѣ узаконеннымъ статутомъ согласнымъ

съ законами церкви и государства, онѣ коллективно пріобрѣли право общаго контроля надъ торговлею въ качествѣ купеческаго цеха. Эта корпорація имѣла центральное учрежденіе—ратушу (guild-hall), она имѣла своихъ чиновныхъ лицъ и свои постановленія, хотя помимо цеха общіе интересы всѣхъ гражданъ вообще охранялись механизмомъ муниципальнаго управленія. Торговля страны не только по существу носила чисто муниципальный характеръ, она имѣла и интермуниципальный характеръ, т. е. члены цеха одного города пользовались на равныхъ правахъ торговыми привилегіями и другаго города, они считались отвѣтственными за поведеніе и платежную способность другъ друга и они, конечно, помогали въ трудныхъ случаяхъ своимъ бѣднѣйшимъ членамъ. Такимъ образомъ жители городовъ составляли какъ бы одну большую семью купцовъ съ общимъ устройствомъ и цѣлями; по мѣрѣ того, какъ разросталась семья, бѣдные члены и чужеземцы, составлявшіе громадный классъ ремесленниковъ, долго пользовавшихся болѣе или менѣе независимымъ положеніемъ въ ремесленныхъ цехахъ, получившихъ права отъ короны съ половины двѣнадцатаго столѣтія, принуждены были ввести и у себя извѣстную систему управленія съ цѣлью регулированія труда; они не задавались цѣлью вырвать изъ рукъ муниципалитета монополію торговли и управленія, они желали только, чтобы управленіе большаго города охраняло также и ихъ интересы.

Промышленная жизнь.

У насъ нѣтъ данныхъ объ особомъ процвѣтаніи или развитіи промышленности въ этомъ періодѣ. Горожане по всѣмъ вѣроятіямъ были потомками тѣхъ людей, которые съ давнихъ поръ скоплялись для торговыхъ цѣлей въ удобныхъ для этой цѣли мѣстахъ; то были купцы, или землевладѣльцы, или торговцы чужеземными товарами, жившіе главнымъ образомъ на счетъ заказовъ двора или аристократіи. Самыми предпріимчивыми и удачными торговцами были евреи, самые искусные ремесленники были фламандскаго происхожденія. Въ каждой отрасли торговли мы находимъ значительное количество ремесленниковъ, хотя имѣвшими значеніе слѣдуетъ считать только тѣ ремесленные цехи, которые упоминаются въ спискахъ — Pipe-Rolls. Сюда входили ткачи, которыхъ мы находимъ въ каждомъ большомъ городѣ, суконщики, булочники и другіе, какъ напримѣръ шорники, сапожники; золотыхъ дѣлъ мастера повидимому славились, но художественныя металлическія издѣлія, какъ и доспѣхи, кажется обыкновенно ввозились. Ежегодно шерифы Лондона и Миддльэссекса дѣлали громадные запасы военной одежды, а также шелка, упряжи, палатокъ, поясовъ и тонкихъ суконъ; все это могло изготовляться въ городѣ, такъ всѣ эти издѣлія безразлично фигурируютъ въ спискахъ Pipe-Rolls, какъ мѣстные продукты. Мы читаемъ о мастерѣ щитовъ (въ Іоркѣ) и шорникѣ, оштрафованныхъ за продажу оружія врагамъ короля еще во время бунта 1173—4 г.; нѣсколько ранѣе

купцамъ Глочестора воспрещено снаряжать англійскихъ искателей приключеній для завоеванія Ирландіи. Въ царствованіе Іоанна мы находимъ списокъ почти тридцати городовъ, въ которыхъ почти полстолѣтія велась торговля крашеннымъ сукномъ. Самое устройство средневѣкой лавки указываетъ на производство тутъ же товара; въ верхнемъ этажѣ помѣщалось жилье, внизу была мастерская, товары выставлялись на скамью подъ навѣсомъ. Характерной чертой городской промышленности является распредѣленіе соотвѣтственныхъ ремеслъ по отдѣльнымъ кварталамъ города, какъ распредѣляютъ ихъ въ временныхъ балаганахъ крупныхъ провинціальныхъ ярмарокъ; такое распредѣленіе облегчало въ значительной степени надзоръ цеховыхъ чиновниковъ за качествомъ и добротностью ихъ товаровъ.

Иностранныя сношенія

Норманское Завоеваніе произвело важный переворотъ въ общественномъ состояніи страны, открывъ англійскіе порты для торговли запада и юга Европы. До этого времени Англія имѣла сношенія только съ сѣверомъ и эти сношенія имѣли пиратскій характеръ, пока варварскія нападенія временно прекратились, вслѣдствіе введенія цивилизаціи въ Скандинавскія королевства и гуманизирующаго вліянія римской церкви. Благотворное вліяніе континента окончательно сказалось въ тринадцатомъ столѣтіи, когда развилась торговля вольныхъ городовъ Европы. Тогда постепенно смышленные народы юга стали пользоваться естественными богатствами страны, составлявшими раньше лакомую добычу сѣверныхъ грабителей и которыми издавна такъ хвалились мѣстные лѣтописцы. Новыя торговыя отношенія установились, однако, не между народами, а между городами. Нѣмцы были купцами Кёльна или Гамбурга и не только подданными императора, но также членами нѣмецкаго цеха—Ганзы, имѣвшей учрежденія во многихъ главныхъ англійскихъ городахъ. То же самое можно сказать о великихъ Итальянскихъ республикахъ или о Фландріи. Въ то время не существовало названія «купецъ Франціи», но были купцы Гаскони и являлась толпа смѣлыхъ рыбаковъ изъ приморскихъ портовъ Нормандіи и Бретани, съ ними Пять Портовъ были въ смертельной враждѣ за господство надъ проливами со временъ Губерта де Бурга до Стефана изъ Пенчестера. Въ общемъ же соблюдались дружественныя торговыя отношенія; нѣмцы, норвежцы гасконцы и ломбардцы пользовались большими привилегіями въ своихъ англійскихъ факторіяхъ, а англійскіе граждане претендовали на подобное же покровительство для членовъ свого цеха въ иностранныхъ портахъ. Съ одной стороны возобновляется прежняя торговля съ сѣверными странами, эта торговля сосредоточивалась въ выработанной организаціи Ганзеатическихъ городовъ; съ другой стороны сношенія съ Римомъ и крестовые походы привели Англію въ сношеніе съ государствами прибрежья Средиземнаго моря. Въ обоихъ случаяхъ мы пріобрѣли неистощимые рынки для нашей шерсти и

другихъ продуктовъ вывоза, а также пользовались ввозомъ изысканныхъ одеждъ и пряностей. Была и еще торговля, занесенная къ намъ съ континента, а именно торговля, въ которой соперничали еврейскіе и фламандскіе купцы.

Регулированіе торговли.

Въ періодъ, предшествовавшій завоеванію, торговля находилась — по крайней мѣрѣ номинально — подъ контролемъ короны. Мы узнаемъ это изъ саксонскихъ законовъ и такой порядокъ вещей былъ необходимъ въ тринадцатомъ столѣтіи въ дѣйствительныхъ или только воображаемыхъ интересахъ закона и порядка, а главнымъ образомъ для національнаго благосостоянія. Торговцы, быть можетъ, въ это время, какъ то было неизбѣжно позднѣе, дѣлились соотвѣтственно статуту на мѣстныхъ, чужеземныхъ и гражданъ — всѣ же они во первыхъ облагались извѣстными повинностями, во вторыхъ подвергались со стороны короны извѣстнымъ ограниченіямъ. Мы разсматриваемъ теперь торговлю со стороны королевскихъ интересовъ, досихъ поръ мы затрогивали ее со стороны муниципальной или мѣстной. Можно прослѣдить происхожденіе королевскаго права со времени уплаты племенами дани государству; позднѣе эта дань приняла форму повинностей на содержаніе двора, права короля на первую покупку, права на двѣ тонны вина съ каждаго корабля, ввозившаго вино и на уплату 2 шил. за каждую тонну вина съ иностраннаго торговца, уплачиваемые королевскому дворецкому, права на десятину и, наконецъ, на таможенныя пошлины. Уже съ средины двѣнадцатаго столѣтія устанавливается правильный размѣръ пошлинъ, взыскиваемыхъ въ портахъ. Такія же пошлины взыскивались на основаніи сеньоріальныхъ и муниципальныхъ привиллегій, зависящихъ отъ милости короны. Лондонъ, Сандвичъ, Соутгамптомъ и Бостонъ были первоначальными центрами для сбора королевскихъ пошлинъ; пошлины собирались казначеями, пока при Эдуардѣ I не были назначены особые сборщики и контролеры. Вино подвергалось въ особенности обложенію, мѣстные купцы доставляли одну или двѣ тонны, соотвѣтственно размѣру корабля, по пониженной цѣнѣ королевскимъ поставщикамъ. Въ то же время иностранные купцы уплачивали пошлину въ два шиллинга съ тонны, такая пошлина называлась *butlerage*—уплата дворецкому; эта пошлина и вышеупомянутая *prisage*—собиралась королевскимъ дворецкимъ. Въ этотъ періодъ средняя оптовая цѣна на вино была очень низка, съ мѣстнымъ купцомъ обходились лучше чѣмъ съ иностранцами, которые часто подвергались произвольнымъ поборамъ. Когда въ слѣдующемъ столѣтіи цѣнность вина увеличилась въ три раза, мѣстный купецъ былъ въ убыткѣ, упорно придерживаясь стараго положенія, иностранный же купецъ, уплачивая по старому размѣру пошлину дворецкому (butlerage), окончательно установленную въ 1303 г., былъ въ выигрышѣ. Въ серединѣ тринадцатаго столѣтія мы узнаемъ, что въ теченіе трехъ лѣтъ только Лон-

донъ и Сандвичъ взяли 1455 тоннъ съ ввезеннаго вина. Каждая тонна среднимъ числомъ равнялась двадцати бочкамъ, слѣдовательно средній годовой ввозъ всѣхъ этихъ портовъ доходилъ до 10,000 тоннъ.

Пошлины съ другихъ товаровъ въ двѣнадцатомъ и тринадцатомъ столѣтіяхъ обыкновенно составляли десятую часть или пятнадцатую. Въ царствованіи Іоанна во всѣхъ портахъ Англіи взимается правильно пятнадцатая часть, общая сумма доходовъ равнялась 5,000 ф. Хотя судя по спискамъ казначейства (Exchequer Rolls) подобный доходъ былъ весьма значителенъ въ этомъ періодѣ, возможно, что въ силу королевскихъ правъ на ограниченіе торговли получалась еще болѣе значительная прибыль. Пошлины

Каковы были уплачиваемыя повинности мы узнаемъ изъ списковъ канцеларства (Chancery Rolls); многіе купцы уплачивали большія суммы за права торговли—а именно за право вывоза краски (woad), шерсти и кожи, а также хлѣба и другихъ произведеній Англіи, за право проѣзда и покровительства для нихъ и товаровъ въ королевскихъ владѣніяхъ, безъ уплаты произвольныхъ призовъ и пошлинъ. Эти суммы чаще всего уплачивались иностранными купцами и доходили до четырехъ тысячъ марокъ или состояли изъ подношенія скаковаго коня или сокола. Не смотря на извѣстную статью Великой Хартіи, ограниченія торговли и сборы различныхъ повинностей продолжались съ нѣкоторыми перерывами до царствованія Эдуарда I, когда установленный тарифъ въ портахъ и иностранная политика дали новый толчокъ развитію англійской торговли.

Корона съ другой стороны пріобрѣла большое вліяніе на мѣстную торговлю своимъ отношеніемъ къ евреямъ, которые еще болѣе находились въ ея полной власти, чѣмъ неживущіе постоянно иностранцы. Мы поймемъ большое значеніе евреевъ и важность этихъ отношеній къ нимъ, когда примемъ во вниманіе насколько были обширны коммерческія предпріятія этого народа, и то обстоятельство, что они являлись единственными капиталистами того вѣка; во власти короны была возможность произвести всегда родъ финансоваго кризиса, оказавъ давленіе на евреевъ. Въ общемъ, быть можетъ, дѣйствія короны оказывались отчасти благотворными для общины, такъ какъ регулированіе торговыхъ сдѣлокъ евреевъ на время пріостановило злоупотребленіе ростовщичества, хотя это нѣсколько напоминало древнее уподобленіе съ губкою, такъ какъ такимъ путемъ большая часть богатства подданныхъ переходило въ королевское казначейство. Евреи Корона

Вліяніе евреевъ на англійскую торговлю въ тринадцатомъ столѣтіи отражалось несомнѣнно благотворно на гражданскомъ населеніи; евреи какъ бы служили звеномъ между мѣстными торговцами и преобладающими земельными интересами. Жертвами ростовщичества неиз-

бѣжно оказывались непредусмотрительные землевладѣльцы, феодальный произволъ которыхъ когда-то представлялъ самую большую помѣху процвѣтанію страны. Въ интересахъ послѣднихъ евреи были окончательно выселены, —то была крайняя мѣра со стороны короны, чтобы принудить своихъ вассаловъ къ болѣе щедрой поддержкѣ въ затруднительныхъ случаяхъ; помѣстья евреевъ кредиторовъ перешли къ коронѣ, а корона могла тогда оказать воздѣйствіе на христіанскихъ должниковъ и принудить ихъ выполнить обязательства.

Народное здравіе.

С. Крейтона.

Великимъ событіемъ въ царствованіе Генриха III былъ голодъ и чума въ 1257 и 1259 г. Повидимому, этотъ голодъ и еще два сильныхъ голода создали Англіи совершенно незаслуженную репутацію среди иностранцевъ—репутацію страны, гдѣ голодъ обычное явленіе. Голодъ и чума 1257—9 г. были единичными явленіями и ничего подобнаго не повторялось до 1315—16 г. Какъ и всегда въ Англіи, голодъ возникъ вслѣдствіе ряда неурожаевъ, вслѣдствіе холодной, и поздней весны или сырой осени; все же недостатокъ и дороговизна хлѣба не причинили бы такого сильнаго голода, если бы не вывезены были деньги изъ страны, частью для римской куріи, частью благодаря королевскимъ налогамъ, которые шли брату короля, графу Корнваллисскому, кандидату на священную римскую корону, которому необходимы были деньги на уплату нѣмецкимъ войскамъ и на покупку голосовъ избирателей-князей. Недостатокъ хлѣба сталъ ощущаться зимою 1256—7 и сопровождался въ 1257 г. смертными случаями отъ голода. Въ томъ году былъ плохой урожай, частью вслѣдствіе того, что земля оставалась безъ обработки и посѣва; въ маѣ 1258 г. появилась чума; смертность была очень значительна, если судить по смертности въ Лондонѣ, равнявшейся пятнадцати тысячамъ человѣкъ изъ бѣднѣйшихъ классовъ. Тогда впервые ввезено значительное количество зерна на берега Темзы изъ Германіи и Голландіи, графъ Корнваллисскій отправилъ шестьдесятъ грузовыхъ кораблей, которые и проданы были за его счетъ голодающимъ лондонцамъ. По словамъ Матью Париса, жившаго тогда въ С. Албансѣ, хлѣба ввезено столько, сколько во время урожая собиралось раньше въ трехъ англійскихъ графствахъ. Несчастіе не приходитъ одно. Хотя въ 1258 г. урожай былъ необычайно обиленъ, надежды землевладѣльцевъ оказались напрасными, вслѣдствіе сильныхъ дождей въ

концѣ года обильная жатва гнила на землѣ, поля покрылись какъ бы кучами навоза. Зерно, какое удалось собрать, отсырѣло, люди пробивались зиму и весну (1259), продавали скотъ, болѣли и умирали. Таковъ былъ голодъ въ Англіи, вслѣдствіе ряда плохихъ урожаевъ и экономическихъ или фискальныхъ затрудненій. Со времени перваго неурожая остался малый запасъ для посѣва на слѣдующій годъ, но и въ тотъ годъ не было урожая; третья жатва погибла вслѣдствіе безпрерывныхъ дождей, всѣ же бѣдствія усиливались еще значительнѣе тяжелыми налогами и какъ слѣдствіе этого и недостаткомъ въ деньгахъ. Такого рода голодовки въ Англіи не бывали часто—былъ голодъ въ послѣдній годъ царствованія Завоевателя (1086—7), затѣмъ былъ голодъ въ 1195—7 по возвращеніи Ричарда I съ крестоваго похода; о третьемъ мы упоминали выше, четвертый голодъ былъ во время слабаго правленія Эдуарда II въ 1315—16 г.; мы уже не упоминаемъ здѣсь о различныхъ мѣстныхъ голодовкахъ; затѣмъ происходилъ еще одинъ голодъ въ пятнадцатомъ столѣтіи (1439) вслѣдствіе двухъ или болѣе неурожаевъ; голодъ былъ тогда еще сильнѣе въ Шотландіи и Франціи. Цѣна въ промежуточные годы не была постоянна; годы, когда хлѣбъ цѣнился вдвое, втрое и вчетверо дороже, сопровождались годами, когда цѣны были очень низки. Въ среднія вѣка колебаніе цѣнъ, можно сказать, было обычнымъ явленіемъ; цѣна хлѣба увеличивалась сравнительно съ дешевой цѣной въ восемь или десять разъ и тогда только возникалъ голодъ; это происходило вѣроятно вслѣдствіе того, что въ обычный годъ, когда хлѣбъ былъ дорогъ, бѣдный классъ потреблялъ овесъ, ячмень и бобы вмѣсто пшеницы—главнаго зернового хлѣба Англіи. Вслѣдствіе сильныхъ колебаній цѣнъ богатые еще больше богатѣли; такъ сообщаютъ что архіепископъ Іоркскій, во время сильнаго неурожая въ 1234 г., наполнилъ свои амбары въ Рипонѣ хлѣбомъ съ четырехъ жатвъ, двѣ жатвы или три изъ таковыхъ были весьма неблагопріятны для бѣдныхъ. Даже во время сильнаго голода въ Лондонѣ лѣтомъ 1258 г., когда прибыли шестьдесятъ судовъ съ грузомъ хлѣба графа Корнваллискаго, король прежде всего обнародовалъ постановленіе для обузданія жадности посредниковъ-перекупщиковъ и барышниковъ.

Общественная жизнь и нравы.

У насъ мало свѣдѣній относительно обрядовъ при рожденіи, бракѣ или похоронахъ у норманновъ въ Англіи. Намъ много извѣстно объ англо-саксонцахъ и объ общественной жизни четырнадцатаго столѣтія и послѣдующихъ столѣтій, но объ этомъ именно періодѣ намъ

извѣстно весьма мало. Въ англо-саксонскихъ манускриптахъ мы встрѣчаемъ много изображеній новорожденнаго ребенка съ матерью и безъ матери, мы ясно видимъ малютку, завернутаго на подобіе муміи; но для двухъ послѣдующихъ столѣтій мы мало встрѣчаемъ въ манускриптахъ изображеній изъ дѣтской жизни. Въ трактатахъ Вальтера де-Байбльсвортса (Biblesworth) (напечатаннаго въ Mayer's Library of National Antiquities) мы встрѣчаемъ кое-какіе намеки на первые годы дѣтства; онъ писалъ въ концѣ тринадцатаго вѣка и описываетъ съ удивительною мелочностью первые ступени и стадіи воспитанія ребенка.

Бракъ. Бракъ, повидимому, былъ слѣдствіемъ взаимной привязанности и былъ настолько естественнымъ, что о немъ упоминается весьма мало. Бракъ былъ таинствомъ и поэтому церемонія происходила въ церкви, затѣмъ слѣдовалъ пиръ съ танцами; друзья часто сопровождали молодую чету до брачной постели, которую кропилъ святой водой епископъ или священникъ.

Смерть и похороны. Существовало повѣріе, что ангелы или дьяволы носятся надъ постелью умирающаго; въ жизнеописаніи св. Гутлака, въ манускриптѣ двѣнадцатаго столѣтія, мы видимъ, какъ ангелы уносятъ его душу въ моментъ его смерти. Послѣ смерти тѣло омывали и одѣвали въ саванъ, затѣмъ клали въ гробъ, одинаковой ширины по всей его длинѣ, иногда съ выпуклой крышкой, украшенной крестомъ. Священники бодрствуютъ надъ тѣломъ и поютъ изъ *Officium Defunctorium* антифонъ «Placebo Domino in regione vivorum», похороны совершаются священникомъ при кажденіи ладаномъ и т. д. На вышивкѣ въ Байё мы видимъ тѣло Эдуарда, завернутое въ саванъ; восемь человѣкъ несутъ его въ открытомъ гробу, а съ каждой стороны провожатый звонитъ въ два колокольчика. Священникъ и сопровождающіе тѣло идутъ за гробомъ; затѣмъ изображено какъ его хоронятъ безъ гроба.

Воспитаніе. Мы знаемъ, что въ общественныхъ школахъ мальчиковъ обучали классикамъ и логикѣ; частное образованіе этого періода также состояло изъ чтенія, письма и латыни; этотъ языкъ былъ въ ходу во всемъ цивилизованномъ мірѣ и считался необходимымъ какъ для дворянина, такъ и для клерика. Въ домашнее обученіе входило также обученіе манерамъ, приличныхъ дворянину, какъ поступать и вести себя, поведенію въ присутствіи другихъ и за столомъ; съ этою цѣлью Робертъ Гросстетъ, епископъ Линкольнскій написалъ сочиненіе «Liber Urbanitatis». Норманско-французскій языкъ, языкъ романской поэзіи и странствующихъ пѣвцовъ, былъ роднымъ языкомъ дворянъ и каждый дворянинъ долженъ былъ умѣть играть на какомъ-либо музыкальномъ инструментѣ. Кромѣ того, конечно, обучали атлетическимъ упражненіямъ, ѣздѣ верхомъ и другимъ мужскимъ занятіямъ. Дѣвицъ обучали чтенію и письму, музыкѣ и соотвѣтственно

ихъ положенію домашнему хозяйству, въ особенности сообщали поверхностныя свѣдѣнія по медицинѣ и хирургіи. Ихъ досугъ пополнялся пряденіемъ и вышиваніемъ, чтеніемъ романовъ, когда попадалась книга; для тѣхъ, кто былъ въ лучшемъ общественномъ положеніи, развлеченіемъ являлись верховая ѣзда и соколиная охота. Для забавы у нихъ были любимцы: птицы, комнатныя собачки, нѣжныя маленькія итальянскія борзыя; сады также доставляли много удовольствія, дѣвицы очень любили танцы.

Пища.

Когда впервые появились норманы, они заявили себя не только болѣе разборчивыми въ пищѣ, но и болѣе воздержанными, чѣмъ англосаксонцы, но вскорѣ они дошли до того же уровня, какъ и англы. Здѣсь у насъ опять не хватаетъ свѣдѣній относительно того, какъ они жили и чѣмъ питались. Оба короля Вильгельмъ I и его преемникъ задавали настоящіе королевскіе пиры, но ихъ *menus* [1]) намъ неизвѣстны, не было поваренной книги, какъ «the Forme of Cury», составленной около 1390 г. главными поварами короля Ричарда II. Мы узнаемъ кое-что о кухнѣ и ея внутреннемъ устройствѣ изъ трактата объ утвари Александра Неккама, извѣстнаго ученаго своего времени, онъ родился въ С. Албансѣ въ 1157 г. и умеръ въ 1217 г. Онъ говоритъ:

„Кто желаетъ хорошо устроить семью, вести хозяйство и сберегать имущество, прежде всего долженъ запастись утварью и домашней одеждою. Въ кухнѣ долженъ быть столъ, на которомъ можно бы крошить зелень, какъ чечевицу, горохъ, овощи, бобы въ шелухѣ и безъ шелухи, просо, лукъ и всякую зелень, какую понадобится. Въ кухнѣ должны быть глиняные горшки, таганы, сѣчка, ступа и пестикъ, вертелъ, безмѣнъ, котелъ, кастрюля, мѣдная посуда, маленькая сковорода, противень, рашперъ, кувшинъ, круглое блюдо, подносъ, блюдо для дессерта, солонка, ножи для чистки рыбы. Должна быть также большая ложка поворачивать жареное и мѣшать кушанье. Въ чуланѣ должна находиться острога или дротики или мелкіе крючья и корзина для спусканія рыбы въ прудъ. Главный поваръ долженъ имѣть въ кухнѣ шкапъ, чтобы хранить пряности и муку или хлѣбъ, который онъ долженъ протирать черезъ сито и мѣшать для поджариванія мелкой рыбы. Нужно имѣть лоханку со стокомъ, гдѣ можно было бы мыть птицу, гусей и домашнюю птицу, грудь и ноги, и держать въ чистотѣ. Также должна быть лоханка съ горячею водою, чтобы шпарить мелочь. Нужно имѣть мельницу для перца и ручную мельницу. Мелкую рыбу для жаренія надо класть въ соусъ—*muria*,

---

[1]) Вальтеръ де Байбльсвортсъ даетъ намъ одно меню. По его словамъ прежде всего подавали голову кабана съ клыками украшенными цвѣтами, затѣмъ дичину, журавлей, павлиновъ, лебедей, дикихъ гусей, козлятъ, поросятъ, куръ. Затѣмъ подавалось приготовленное съ пряностями мясо, и вино бѣлое и красное „à graunt plenté“. Потомъ давали фазановъ, тетеревовъ, куропатокъ, дроздовъ, жаворонковъ и зуекъ „ben rostez“, съ свининой и другими кушаньями; „après manger avyunt à graunt plenté“ подавался бѣлый порошокъ (blaunche poudre) и сладости.

воду съ солью. Такой соусъ годится не для всякой рыбы, такъ какъ рыба бываетъ различная, семга, камбала, морской угорь, миног, ракушки, корюшка, пискари, барвена, треска, палтусъ, головль, скатъ, акула, мокрель, торбешъ или палтусъ, селедка, морскіе раки, колюшка, устрицы. Въ комнатѣ буфетчика должны находится салфетки, скатерти, полотенца и вѣшалки по стѣнамъ, чтобы вѣшать одежду. Здѣсь должны храниться ножи, красивыя солонки, крышки для сыра, канделябры, розетки, корзинки для ношенія разныхъ вещей. Въ погребѣ должны находится бочки, кожанные мѣха съ виномъ, боченки, ложки, воляные чаны, чашки, мелкія корзины, вино разныхъ сортовъ, сидръ, пиво, эль, мустъ, кларетъ-clary [1]), piment, медъ, perry. розовое вино, фруктовое вино, Оверньское вино, вино clove, для пьяницъ и жадныхъ, жажда которыхъ ничѣмъ не утолялась".

Mayer I.

Нормапскіе короли и дворянство обращали большое вниманіе на пищу, въ особенности на обѣдъ, главное событіе дня, происходившее подъ наблюденіемъ дворецкаго — Dapifer, иногда называемаго Dispensator; опъ былъ весьма важною особою. Вильгельмъ Фитцъ Осбернъ былъ дворецкимъ при дворѣ Вильгельма Завоевателя; разъ онъ подалъ дурно зажареннаго журавля, Вильгельмъ пришелъ въ такое бѣшенство, что хотѣлъ ударить его кулакомъ, но Эйдо, вскорѣ сдѣлавшійся самъ дворецкимъ, отстранилъ ударъ. Magister Coquus, главный поваръ, занималъ въ королевскомъ хозяйствѣ мѣсто завѣдующаго кухнею; кромѣ того были завѣдующіе хозяйствомъ, хлѣбомъ и виномъ, буфетчики, завѣдующіе хлѣбомъ; sewers [2]), буфетчики, подававшіе кушаніе по очереди; накрывальщики, смотрѣвшіе за столовымъ бѣльемъ; завѣдующій буфетомъ; раздаватель хлѣба; четыре булочника; пирожники; главный буфетчикъ, буфетчики чулана; поваръ и раздаватель королевской кухни; хранитель посуды. Въ главной кухнѣ было два повара, завѣдующій вертеломъ, хранитель блюдъ, возчики главной кухни и кладовой, завѣдующій дичью, главный буфетчикъ и его помощники, завѣдующій масломъ, рабочіе маслобойни, хранитель чашъ, хранитель деревянныхъ чашъ и кубковъ, фруктовщикъ и его три работника—все это составляло дворню.

Роскошь въ ѣдѣ возбуждала подражаніе и у стоявшихъ ниже по положенію, насколько позволяли имъ средства; она дошла до такихъ размѣровъ, что Генрихъ III на тридцать четвертомъ году царствованія запретилъ въ обыденныхъ случаяхъ подавать болѣе двухъ блюдъ за обѣдомъ. Въ царствованіе Генриха II Жиральдъ Камбренсисъ раз-

---

[1]) *Clary* не слѣдуетъ смѣшивать съ теперешнимъ кларетомъ. Онъ состоялъ изъ бѣлаго вина, меда и прянностей—также приготовлялся piment.

[2]) Должность sewer или подавальщика считалась почетною, однажды Генрихъ II, признавъ своего сына соправителемъ, самъ исполнялъ обязанности sewer'a и подавалъ первое блюдо.

сказываетъ слѣдующее о роскошномъ образѣ жизни монаховъ Кентербюри и Винчестера:

Ихъ столъ (говоритъ онъ) состоялъ обыкновенно изъ шестнадцати и болѣе самыхъ дорогихъ кушаній, приготовленныхъ самымъ изысканнымъ образомъ; чтобы возбуждать аппетитъ и угодить вкусу, у нихъ было обилiе вина, въ особенности клерета, тутоваго (mulberry) вина, меда и другихъ крѣпкихъ напитковъ; разнообразiе винъ было такъ велико, что ужъ не хватало мѣста для эля, хотя въ Англiи и въ особенности въ Кентѣ приготовлялся самый лучшiй. De Rebus a se gestis II. 5.

Онъ разсказываетъ о настоятелѣ и монахахъ Св. Суитсина въ Винчестерѣ:

Они бросились къ ногамъ короля Генриха II и со слезами жаловались, что епископъ епархiи, которому они были подчинены, какъ игумену, отнялъ у нихъ три блюда изъ обычныхъ. Генрихъ спросилъ, сколько же еще оставалось; когда ему сказали, что десять, онъ сказалъ: что самъ довольствуется тремя и пошлетъ проклятiе епископу, если онъ не сведетъ количество блюдъ до этого числа. Speculum Ecclesiae II 3.

По поводу этой роскоши монаховъ существуетъ древняя англiйская поэма, конечно не ранѣе двѣнадцатаго столѣтiя, оттуда извлечена эта маленькая сатира:

„There is a wel fair abbei
Of white monkes and of grei,
Ther beth bowris and halles
All of pasteüs be the walles,
Of fleis, of fisse, and rich met,
The likefullist that man mai et.
Fluren cakes beth the shingles alle,
Of cherch, cloister, boure and halle.
The pinnes beth fat podinges,
Rich met to princes and kinges.
. . . . . .
Ther beth IIII wellis in the abbei
Of triacle and halwei,
Of baum and ek piement.
. . . . . .
Zite I do zow mo s to witte
The gees irosted on the spitte
Fleeth to that abbaï, god hit wotte
And gredith II gees al hote al hote“.

(*Harleian Ms.*; *цитир. I Warton, Hist. Of Eng. Poetry I p. 8*).

(Тамъ прекрасное аббатство съ бѣлыми монахами и сѣрыми, у нихъ лучшiя залы, съ богато разукрашенными стѣнами, у нихъ обилiе всего, чѣмъ можетъ обладать человѣкъ: Лучшiе пироги и эль, церкви, монастырь, бургъ и дворцы — все что подобаетъ князьямъ и королямъ. Въ аббатствѣ было IIII колодца и лучшее угощенiе и вино. Гуси, жаренные на вертелѣ, сами летѣли въ аббатство и кричали: Гуси горячiе, гуси горячiе).

Столъ покрывался прекрасною бѣлою скатертью, ставились чащи съ похлебкою, варенной птицей и рыбою, каждому давалась чашка и круглый хлѣбъ, на которомъ также ѣли и рѣзали пищу. На вышивкѣ Байе изображены два пира, одинъ на открытомъ полѣ, тамъ прекрасная *batterie de cuisine*, хотя гости превращаютъ щиты въ столы. Имъ подаютъ, какъ въ столовой, мясо, птицу на вертелахъ и т. д. У норманновъ была чистоплотная привычка мыть руки до обѣда и послѣ, что было необходимо, такъ какъ не было вилокъ и они ѣли руками. Ножъ былъ, конечно, и каждый рѣзалъ себѣ сколько хотѣлъ отъ подносимаго на вертелѣ и клалъ на ломоть хлѣба или пирога, на которомъ уже рѣзалъ на куски, а хлѣбъ съѣдалъ напослѣдокъ.

Трактиры. У кого не было своего дома или кто по дѣламъ не могъ возвращаться туда къ обѣду, въ городахъ, въ Лондонѣ, по крайней мѣрѣ, были трактиры; Фитцъ Стефанъ описываетъ одинъ изъ таковыхъ:

„Къ тому же на берегу рѣки, помимо продажи вина на корабляхъ и въ погребахъ, есть трактиръ или съѣстная лавка. Здѣсь соотвѣтственно времени года можно найти всевозможные съѣстные припасы, жаренные, печенные или варенные. Рыба, мелкая и крупная, и грубое мясо для бѣднѣйшихъ и болѣе изысканныя кушанья для богатыхъ, дичь, птица, мелкія птицы. Если другъ пріѣхалъ въ домъ кого либо изъ горожанъ и такъ усталъ отъ путешествія и такъ голоденъ, что не можетъ ждать пока купятъ провизіи и приготовятъ, тогда прибѣгаютъ къ помощи трактира на берегу рѣки и тамъ получаютъ, что имъ угодно. Сколько бы не явилось въ городъ рыцарей и чужеземцевъ въ какой угодно часъ ночи или дня или сколько бы не уѣзжали изъ города, они всегда получатъ тамъ съѣстные припасы; имъ не придется долго поститься или уѣзжать изъ города безъ обѣда. Они отправляются къ этому мѣсту, если пожелаютъ, угощаются, какъ каждый можетъ. Кто любитъ полакомиться, не будетъ здѣсь вздыхать о стерляди, объ откормленной птицѣ (guinea fowl) или рябчикахъ,—тутъ найдется для него достаточно лакомыхъ блюдъ. Трактиръ весьма удобенъ и полезенъ городу и доказываетъ цивилизованное состояніе города“.

Op. cit. p. 32 seq.

Въ Лондонѣ было изобиліе, но такъ было не во всей Англіи и хроники сообщаютъ о нѣсколькихъ годахъ голода. «Сильный неурожай былъ во всемъ государствѣ Англіи» въ 1196 г. Три года спустя
Голодъ. былъ другой неурожай. «Неурожай хлѣба» въ 1223 г. «Сильный неурожай» въ 1233 г., сопровождался чумою, затѣмъ въ 1257, когда былъ сильный неурожай и «послѣдовала смертность отъ недостатка пищи для поддержанія истощенныхъ тѣлъ бѣдныхъ людей. Люди такъ умирали, что на кладбищахъ рыли ямы и складывали трупы одинъ на другой». Все же въ Лондонѣ наблюдали за цѣною хлѣба и въ 1203 г. было установлено, что цѣна хлѣба должна соотвѣтствовать цѣнѣ пшеницы. Такое же отеческое вниманіе оказывали и

относительно пива. Булочнику позволяли получать хорошій доходъ, но булка хлѣба должна была имѣть опредѣленный вѣсъ и цѣну. Горе обманщику-булочнику! Бигодъ, Лордъ Верховный Судья, судилъ въ Гильдголлѣ (ратушѣ) въ 1258 г. и «вопреки вольностямъ города, онъ присудилъ булочниковъ за невѣрный вѣсъ хлѣба къ выставкѣ на скамьѣ преступниковъ (tumbrell) и къ наказанію передъ тѣмъ у позорнаго столба».

Одежда.

Вполнѣ естественно, что за двухсотлѣтній періодъ, протекшій со времени пришествія норманновъ въ Англію до смерти Генриха III произошли большія измѣненія въ одеждѣ; во время пришествія норманы по своей одеждѣ очень походили на англо-саксонцевъ туника съ поясомъ и плащъ, прикрѣпленный къ плечу брошкой или булавкой; штаны, называемые *chausses*, очень узкіе, иногда перевязанные къ ногѣ діагонально — вотъ ихъ одежда. Иногда они носили плоскую шапку и у нихъ была особая аквитанская мода брить затылокъ и лицо; судя по вышивкѣ Байе, это было очень некрасиво. Вильгельмъ Мальмсбюрійскій говоритъ:

„Гарольдъ послалъ нѣсколько лицъ, чтобы освѣдомиться о количествѣ вражьяго войска. Тѣ были взяты въ лагерь. Вильгельмъ велѣлъ провести ихъ по палаткамъ и, накормивъ ихъ обильно, отпустилъ не нанеся имъ вреда, къ ихъ властелину. По ихъ возвращеніи Гарольдъ спросилъ, что новаго они разскажутъ; они разсказали, какъ благородно обошелся съ ними предводитель и серьезно прибавили, что все войско походитъ на священниковъ, у всѣхъ выбриты лица и обѣ губы. Англичане не брили верхней губы и волосы постоянно росли". III. 239.

Они носили короткіе сапоги различныхъ цвѣтовъ; сапоги доходили до лодыжки и окружались простою полосою вверху, они носили и башмаки и во время пышнаго царствованія Вильгельма II башмаки носили очень длинные. Вильгельмъ былъ эксцентриченъ въ своихъ вкусахъ и одеждѣ и какъ многіе выскочки носилъ только то, что стоило очень дорого. Хроникеръ, слова котораго мы только что цитировали, разсказываетъ о немъ слѣдующее:

„Однажды утромъ, надѣвая новые сапоги, онъ спросилъ каммергера, сколько они стоятъ; тотъ отвѣтилъ: три шиллинга; въ гнѣвѣ и негодованіи король воскликнулъ: „ты негодяй, когда же король носилъ такіе дешевые сапоги? Иди, и принеси мнѣ пару въ серебрянную марку". Каммердинеръ пошелъ и принесъ ему еще дешевле сапоги и солгалъ, что они стоятъ столько, сколько онъ сказалъ. „Да", сказалъ король, „вотъ эти сапоги соотвѣтствуютъ королевскому достоинству". IV. 313,

Длинные остроконечные башмаки, говорятъ, придуманы Фулкомъ (Rechin), графомъ Анжуйскимъ, чтобы скрыть свою изуродованную ногу. Въ это царствованіе люди моды носили туники, волочившіяся по полу, съ широкими рукавами, ихъ плащи были изъ тонкаго су-

кна, какое только они могли себѣ позволить, высшіе классы отдѣлывали плащи мѣхомъ. Епископъ Линкольнскій подарилъ Генриху I плащъ, подбитый мѣхомъ, стоимостью въ сто фунтовъ или по нашему курсу—двѣ тысячи фунтовъ. Они отпускали волосы и бороды, рока Генрихъ I не обрѣзалъ себѣ публично волосъ. Когда они отправлялись на прогулку, то надѣвали къ плащу капюшонъ, чтобы покрыть голову или носили фригійскую шапочку, вродѣ извѣстной «шапки свободы» или шляпу съ широкими полями и иногда съ пуговицей вверху. Крестьяне и бѣдняки носили штаны. Въ псалтырѣ двѣнадцатаго столѣтія (Lansdowne, 383) жнецы и молотильщики изображены обнаженными до пояса и только въ штанахъ, а въ манускриптѣ Жиральда Камбрензисъ тринадцатаго столѣтія (B. B. VII) изображенъ въ штанахъ монахъ. Въ царствованіе Генриха II появилась странная мода вырѣзать различнымъ образомъ края одеждъ и дошли до такой крайности, что въ 1188 г. вышелъ статутъ, запрещавшій носить вырѣзныя одежды, но какъ всѣ такія постановленія, статутъ не соблюдался. Въ первой половинѣ тринадцатаго столѣтія одежда мало измѣнилась, ее шили только изъ болѣе богатыхъ и дорогихъ матерій и мѣхъ былъ въ большемъ ходу. Мы впервые слышимъ о бархатѣ; крестоносцы, по возвращеніи ввели матерію *sendel*, которая, какъ полагаютъ, привозилась изъ Персіи; затѣмъ употреблялась матерія *sarcenet*, носившая названіе отъ сарацинъ; *tartan* —красное сукно; газъ—*gauze*, ввозимый изъ Газы въ Палестинѣ; не слѣдуетъ забывать также *baudequin*—шелкъ затканный золотомъ, привозимый, какъ полагаютъ, изъ Багдада. Въ романѣ о Тристрамѣ, при Генрихѣ III Изольда одѣта слѣдующимъ образомъ:

„La roine out de soie dras, Королева одѣта въ шелковыя платья,
Aportè furent de Baudas, Привезенныя изъ Багдада,
Forre furent de blanc hermine. Опушенныя бѣлымъ горностаемъ.

Носили странный головной уборъ, называемый *coif*, въ родѣ чепчика ребенка, завязываемый подъ подбородкомъ. Крестьяне поводимому носили только тунику различной длины; головнымъ уборомъ, если таковый носился, служила широкая войлочная или суконная шляпа; пастухи носили иногда плащъ изъ шкуры, вѣроятно изъ овечьей. Одежда духовенства была приблизительно такая же, какую носитъ и теперь римское духовенство въ Англіи, —за исключеніемъ митры, которая была значительно ниже.

Во время завоеванія одежда норманской дамы напоминала во всѣхъ отношеніяхъ одежду ея англійской сестры, но части одежды носили конечно разныя названія — туника называлась *cote*, головной уборъ *couvre chef*; мода скоро стала измѣняться; рукава стали длинны у кисти—они были такъ длинны, что приходилось завязывать ихъ въ узелъ, чтобы они не мѣшали. Въ двѣнадцатомъ столѣтіи одежда со-

вершенно измѣнилась. Матеріи стали богаче, лифъ вырѣзался и шнуровался, чтобы выказать фигуру: вмѣстѣ съ простотою туники матроны повидимому исчезло и спокойствіе матроны, если вѣрить Некаму [1]), который обвиняетъ женщинъ въ томъ, что онѣ увѣшиваютъ себя драгоцѣнностями, подкрашиваютъ себѣ глаза, прокалываютъ уши для ношенія серегъ, постятся и пускаютъ себѣ кровь, чтобы быть блѣдными и томными, затягиваются въ корсеты, чтобы улучшить талію и красятъ темные волосы въ желтый цвѣтъ. Онъ также [2]) говоритъ о вѣшалкѣ, *perch*, куда вѣшаютъ рубашки дамы, покрывала, платки, мантильи, плащи, тунику, платье, верхнее платье. Онъ упоминаетъ о ея корсетахъ—*garde-corps*, передникахъ и т. д., онъ описываетъ различныя иглы, которыя она употребляетъ для различныхъ работъ, и ея кожанный напѐрстокъ. Волосы въ двѣнадцатомъ столѣтіи носили заплетенными въ двѣ длинныя косы, висѣвшія по спинѣ или откидываемыя по плечамъ на груди; эти косы тщательно переплетались нитями или лентами, иногда же вкладывались въ вышитые шелковые чехлы. Въ царствованіе Генриха III волосы подбирались и вкладывались въ сѣтку (caul), иногда сдѣланную изъ золотыхъ нитокъ. Въ это время, хотя носили *couvre-chef*, вошло въ моду и *gorget*—(родъ нагрудника) wimple, видоизмѣненіе котораго встрѣчается и теперь въ монашеской одеждѣ; рукава носили такіе узкіе, что ихъ шнуровали или зашивали на рукахъ

Такъ какъ норманы были воинственны, то нельзя обойти молчаніемъ ихъ оружія и вооруженія; на вышивкѣ Байе мы видимъ много образчиковъ. Тамъ мы видимъ, что вооруженіе надѣвалось только на дѣйствительной службѣ, ни одинъ дворянинъ не выходилъ безъ меча, его свита несла копье и щитъ, но онъ не носилъ вооруженія. Форма кольчуги, носимой на войнѣ, хорошо извѣстна; кольчуга состояла изъ длинной туники (hauberc), открытой у шеи, съ разрѣзомъ, чтобы можно было ѣздить верхомъ, и съ капюшономъ (coif), составлявшимъ одну одежду съ кольчугой; дѣлалась ли она изъ кожи или изъ сукна—неизвѣстно. Судя по вышивкѣ нѣкоторя туники покрывались металлическими кольцами или металлическими бляхами, нашиваемыми на тунйку, такое издѣліе носило названіе *jazerant*, иногда же туника была только стеганная. Надъ капюшономъ носили коническій шлемъ съ большимъ выступомъ, забраломъ, для защиты носа, почему это забрало и называли *nasal*. Щитъ былъ въ видѣ бумажнаго змѣя (kite) и отъ двухъ съ половиною до трехъ съ половиною футовъ длины. Они носили слѣдующее оружіе: копье, мечъ и иногда булаву (mace); у Одона, епископа Байе. въ знаменитый день Сенлака была палица — baston. Къ рыцарскому копью прикрѣплялось знамя,

Оруж
воруж

[1]) De laude Monachorum.
[2]) De Utensilibus.

а къ копью барона «gonfanon» или вышитое знамя съ бахромою. У пѣшихъ были короткіе луки, употребленіе которыхъ мало было извѣстно англичанамъ, и которые много способствовали побѣдѣ этого дня.

Девизы, раскрашиваемые на норманскихъ щитахъ, были введеніемъ въ Англію зачатка гербовъ и употреблялись, вѣроятно, затѣмъ, чтобы каждый могъ узнать свои щитъ. На вышивкѣ Байе, мы видимъ разные девизы. Нѣкоторые щиты украшались выпуклостями, на одномъ изображенъ драконъ, на другомъ крестъ; самый любимый девизъ «*fylfot*» или «*filfat*», мистическое значеніе котораго никто не могъ постичь. Этотъ символъ употреблялся древними египтянами и китайцами за 600 лѣтъ до Рождества Христова; онъ извѣстенъ былъ индусамъ въ томъ же періодѣ, когда извѣстна была «swastica», его находили на греческихъ вазахъ, на монетахъ бактровъ и датчанъ, онъ фигурируетъ на Скандинавскихъ рунахъ, какъ молотъ Тора. Врядъ ли поэтому девизы на норманскихъ щитахъ можно считать гербами; гербы фигурировали скорѣе на печатяхъ, которыя, конечно, употреблялись вмѣсто подписей. Насколько намъ извѣстно, у Вильгельма I, II и Генриха I не было девизовъ на щитахъ, а на ихъ печатяхъ изображена только внуренняя сторона щита. Говорятъ, Стефанъ употреблялъ Sagittarius, какъ печать, но этого знака нѣтъ на его большой печати; въ сущности, первый англійскій щитовой гербъ, о которомъ у насъ имѣется достовѣрное свѣдѣніе, — это гербъ Ричарда I, на которомъ изображены два ползущіе льва лицомъ къ лицу; когда Ричардъ вернулся изъ плѣна въ 1194 г. онъ прибавилъ еще одного льва и образовался королевскій гербъ «три льва или леопарда» — «three lions or leopards passant gardant». Съ этого времени геральдика стала наукою и девизы стали наслѣдственны.

Въ серединѣ двѣнадцатаго столѣтія форма щита измѣнилась—круглая часть прежней формы (kite) замѣняется прямыми очертаніями и получается треугольный щитъ, размѣръ его вскорѣ становится меньше, Лукъ вводится въ употребленіе у англичанъ и становится національнымъ оружіемъ; но арбалетъ, какъ военное оружіе, вводится около конца двѣнадцаго вѣка, до этого времени его употребляютъ только для забавы. Прежде чѣмъ закончимъ этотъ періодъ, остановимся на постановленіи Генриха II относительно вооруженія въ 1181 г. Голиншедъ говоритъ:

„Король теперь, возвратившись въ Англію, обнародовалъ статутъ о вооруженіи и оружіи, какое должны имѣть его подданные въ этомъ государствѣ; оно таково: каждый человѣкъ, получавшій жалованіе рыцаря, долженъ имѣть пару латъ, шлемъ, съ щитомъ и копье; и каждый рыцарь и воинъ долженъ имѣть столько латъ, щитовъ и копій, сколько въ его владѣніи рыцарскихъ имѣній. Каждый свѣтскій человѣкъ, у кого есть имущество или доходы цѣнностью въ шестнадцать марокъ, долженъ

имѣть пару латъ, шлемъ, щитъ, копье. Каждый свободный человѣкъ изъ свѣтскихъ, который владѣлъ имуществомъ, цѣнностью въ десять марокъ, долженъ имѣть панцырь, каску, копье; всѣ горожане общины свободныхъ людей должны имѣть *wambais*, [1]) каску и копье". Ed. 1586, 105 b. 32 seq.

Благодаря изображеніямъ на гробницахъ изъ камня, дерева или бронзы мы можемъ имѣть понятіе во всѣхъ подробностяхъ о вооруженіи тринадцатаго столѣтія и прослѣдить всѣ видоизмѣнін. Въ началѣ рыцарь прежде всего надѣвалъ куртку—gambeson, затѣмъ тунику-кольчугу, сдѣланную изъ желѣзныхъ звеньевъ. — искусство проволочной сѣти не было извѣстно. Эта кольчуга еще снабжена была капюшономъ, надѣвавшимся на голову и оставлявшимъ открытымъ только лицо, потомъ прикрѣплялись изъ желѣзныхъ колечекъ перчатки. Надъ сѣтчатымъ капюшономъ надѣвался плоскій шлемъ. Во второй половинѣ столѣтія появляются бляхи, защищавшія плечи, локти и колѣна, перчатки (gauntlet) совсѣмъ отдѣляются. Внизу туники *chausses*-штаны, также сѣтчатые, обхватывавшіе ноги, и сверхъ всего надѣвается свободная полотняная одежда безъ рукавовъ. На кожанномъ поясѣ виситъ мечъ—прямой, съ широкимъ лезвеемъ, съ простой рукояткою, ножны его болѣе или менѣе разукрашены. Шлемъ носится безъ забрала — nasal, и или принимаетъ прежнюю форму или это тяжелый желѣзный колпакъ (heaume), опиравшійся на шею, съ разрѣзами и отверстіями для глазъ и дыханія. На печатяхъ Генриха III мы видимъ хорошіе образчики шлема съ короною и забраломъ. Не первой печати этого короля изображены шпоры съ колечками—до тѣхъ поръ были въ употребленіи острыя шпоры.

Турниры, хотя уже извѣстные въ 1066 г,, не были въ ходу въ Англіи до царствованія Стефана и Генрихъ II не поощрялъ ихъ; но когда въ 1194 г. Ричардъ I вернулся въ Англію, онъ возобновилъ турниры, «для лучшей подготовки солдатъ къ подвигамъ войны, чтобы они стали искуснымъ и достигли совершенства къ тому времени, когда имъ придется испытать свои силы; поэтому онъ собиралъ не малыя суммы денегъ за дарованіе позволенія своимъ подданнымъ устраивать турниры». Подтвержденіе этихъ позволеній давало поводъ къ поборамъ. Рыцарское развлеченіе турнирами возобновилось при Генрихѣ III и когда онъ женился на Элеонорѣ Прованской въ 1236 г. «Roiall iusties» (королеискія турниры) продолжались на поляхъ Тэттль восемь дней кряду. Въ 1245 г. собрались между Дунстэбремъ и Лютономъ лорды, рыцари и дворяне «для военныхъ состязаній и торжественнаго турника», но къ ихъ сильному огорченію, король запретилъ турниръ. Въ 1249 г. былъ турниръ въ Браклеѣ Турниры.

[1]) Или gambeson—стеганная куртка, безъ рукавовъ.

въ Нортгамптонширѣ, гдѣ Вильгельмъ де Валленцъ (De Valence) «сильно помялъ Сэра Вильгельма де Одингсельса (de Odingsseles)». Мы слышимъ объ этомъ турнирѣ въ. связи съ другимъ турниромъ въ 1251 г. «Въ праздникъ Зачатія Богородицы на турнирѣ въ Рочестерѣ чужеземцы потерпѣли пораженіе и побиты англійскими борцами и воинами, такъ что позоръ, нанесенный англичанамъ въ Браклеѣ теперь вознагражденъ вполнѣ; чужеземцы бросились въ городъ за помощью, они были встрѣчены на пути англійскими слугами рыцарей и фермерами, которые бросились на нихъ съ палицами и дубинами и сильно избили ихъ» Сраженія на коньяхъ были далеко не безопасны, какъ видно изъ двухъ слѣдующихъ примѣровъ (1252). «На турнирѣ, устроенномъ въ Вальденѣ, Сэръ Арнолодъ де Монтейни, весьма храбрый рыцарь, былъ убитъ Сэръ Рожеромъ де Лемборнъ, всѣ дворяне оплакивали его смерть и даже самъ Сэръ Рожеръ—хотя его подозрѣвали виновнымъ въ этой смерти, такъ какъ остріе его копья было отшлифовано, а не притуплено». Въ 1256 году «въ Троицынъ день происходилъ большой турниръ въ Блай (Blie), гдѣ лордъ Эдуардъ, старшій сынъ короля, впервые выказалъ свою доблесть. Многіе падали и торпѣли поврежденія, между прочимъ Вильгельмъ де Лонгепе былъ такъ раненъ, что никогда уже съ тѣхъ поръ не могъ поправиться».

Музыка. Норманскіе священники въ арміи Завоевателя пѣли псалмы, служили молебствія и пѣли «Помилуй мя Боже» всю ночь передъ битвою Сенлака; первая норманская музыка, съ которой познакомили англичанъ, была пѣснь о Роландѣ, распѣваемая Тайллефером. когда онъ ринулся въ бой.

„Tallefer, ki mult bien cantout,
Sor un cheval ki tost alout
Devant li Duc alout cantant
De Karlemaine et de Roland".

(„Таиллиферъ, который очень хорошо пѣлъ, на конѣ, который мчится впередъ, передъ герцогомъ громко распѣвалъ о Карлѣ Великомъ и Роландѣ").

Д-ръ Кротчъ напечаталъ мотивъ, на какой пѣлась при этомъ случаѣ «*Пѣснь о Роландѣ*», но такъ какъ авторитетность мотива ни чѣмъ не подтверждается и такъ какъ никто не знаетъ англійской музыки (помимо музыки при церковной службѣ), болѣе ранней чѣмъ «Sumer is incumen in»—первая извѣстная пѣснь, написанная по всѣмъ вѣроятіямъ въ царствованіе Генриха III,—то мотивъ слѣдуетъ считать апокрифическимъ. Въ это время появляется странствующій пѣвецъ *menestral* или *menetrier*. Онъ искусный музыкантъ, какъ мы узнаемъ изъ слѣдующей англо-французской поэмы:

„De sai juglere de *viele*
Si sai de *muse* et de *frestele*
Et de la *harpe*, et de *chiphonie*
De la *gigue*, de *larmonie*
Et el *salteire* et en la *rote*.

(Я играю на альтѣ, я умѣю играть на свирѣли и флейтѣ, на арфѣ и волынкѣ, на скрипкѣ и тамбуринѣ, на лирѣ и на цитрѣ).

Странствующіе пѣвцы и жонглёры.

Онъ пѣлъ короткія и легкія пѣсни—*chansons*. Его предшественникомъ былъ жонглёръ; слѣдующій анекдотъ выясняетъ разницу между ними. Странствующій пѣвецъ—minstrel появился у воротъ замка и просилъ позволенія войти и поѣсть. Привратникъ спросилъ его, кто онъ; онъ отвѣтилъ «Божій слуга». Когда доложили лорду замка, тотъ сказалъ, чтобы въ такомъ случаѣ не впускать его. Когда странствующій узналъ объ этомъ, онъ взялъ на себя роль жонглёра и сказалъ, что онъ «слуга дьявола», тогда его впустили, какъ добраго малаго, (quia bonus socius erat) Жонглёръ пѣлъ дѣйствительно и игралъ на нѣсколькихъ инструментахъ, но онъ странствовалъ, былъ бродяга; сталкиваясь съ разной компаніей и, зарабатывая себѣ хлѣбъ, онъ часто дополнялъ музыку фокусами и шутовствомъ. Въ манускриптѣ Британскаго Музея (Add. II, 695) изображены два жонглёра, танцующіе въ странныхъ путахъ (clogs); одинъ играетъ на альтѣ, другой продѣлываетъ фокусы съ павлиномъ и размахиваетъ ножемъ. Иногда они находились при дворѣ высокопоставленнаго лица; напримѣръ Рагиръ (Rahere), основавшій пріорство Св. Варфоломея, въ Смитсфильдѣ въ 1102 г., былъ жонглёромъ короля. Жонглёры распѣвали пѣсни, сочиненныя труверами и трубадурами; въ царствованіе Генриха III, они впали въ немилость; болѣе изящные и способные minstrel больше соотвѣтствовали высшей цивизаціи того времени.

Музыкальные инструменты.

У норманновъ было много музыкальныхъ инструментовъ; самымъ старинымъ инструментомъ была арфа; въ 1252 г. Master Ричардъ, королевскій арфистъ получалъ сорокъ шиллинговъ и бочку вина и не только онъ, но и жена получала бочку вина. То былъ прекрасный инструментъ, если вѣрить тому, что говоритъ Робертъ де Бруннъ о Гростетѣ, епископѣ Линкольнскомъ:

„I shall you telle as I have herde
Of the bysshope seint Roberde,
His toname is Grosteste,
Of Linkolne, so seyth the geste.
He lovede moche to here the Harpe
For mannes wytte it makyth sharpe,
Next his chaumbre, besyde his study,
Hys Harper's chaumbre was fast therby
Many tymes, by nightes and dayes,
He hadd solace of notes and layes.

One askede hem the resun why
He hadde delyte in Mynstrelry:
He answerde him on thys manere
Why he helde the Harpe so dere.
The vertu of the Harpe, thurgh skylle and ryght,
Will destrye the fendys might;
And to the Cros by gode skeyl
Ys the Harpe lykened weyl.
Tharefore, gode men, ye shall lere,
Whan ye any Gleman here,
To wurschep God at your powere,
As Dauyd seyth in the sautere,
In harpe and tabour and symphan gle
Wurschess God; in trumps and sautre
In cordes, in organes, and bells ringyng
In all these wurschepe the hevene Kyng".

(Я разскажу вамъ, какъ я слышалъ объ епископѣ Робертѣ, по прозванію Гростетъ, Линкольнскомъ, какъ говорится въ пѣснѣ. Онъ любилъ очень слушать арфу, для умнаго человѣка она пріятна; около его комнаты, за кабинетомъ, была комната его арфиста, и часто и ночью и днемъ онъ искалъ утѣшенія въ звукахъ и пѣсняхъ. Когда спросили причину, почему онъ находитъ наслажденіе въ пѣсняхъ, онъ отвѣтилъ по своему, почему ему дорога такъ арфа. Свойство арфы искусствомъ и силою побѣждать могущество дьявола. И Богу угодна арфа и потому учитесь, добрые люди, слушая пѣвца, обожать Бога по мѣрѣ силъ, какъ говоритъ Давидъ; звуками арфъ и тимпановъ хвалите Господа; трубами, струнами, органами, колокольнымъ звономъ хвалите Царя Небеснаго)".

Мебель. Съ раннихъ поръ были въ употребленіи органы, вѣшали маленькіе колокольчики (пять) въ рамѣ и звонили въ нихъ съ помощью молоточковъ. Изъ струнныхъ инструментовъ кромѣ арфы былъ альтъ и скрипка, однострунная лира, лира, на которой играли смычкомъ (иногда двумя) или пальцами и цитра. Изъ духовыхъ инструментовъ, кромѣ органа, былъ рогъ, вѣроятно труба, свирѣли и флейты. Были въ ходу также барабанъ, тамбуринъ и особый инструментъ, hurdygurdy (волынка). Цимбалы на изображеніяхъ встрѣчаются позднѣе, хотя они были безъ сомнѣнія въ употребленіи.

У насъ очень мало изображеній домашней меблировки норманновъ. На вышивкѣ въ Байё мы видимъ сидѣнія со спинками, обыкновенно приспособленныя для двухъ, иногда и болѣе, снабженныя подушками и скамеечками; тронъ дѣлался нѣсколько выше обыкновеннаго сидѣнія. Мы находимъ также полукруглый столъ, въ срединѣ за нимъ сидитъ епископъ и благословляетъ ѣду и питья—слуга прислуживаетъ ему на колѣняхъ. Немногіе раскрашенные англійскіе манускрипты двѣнадцатаго и тринадцатаго столѣтій даютъ намъ мало свѣдѣній. Изображаются иногда стулья, у которыхъ ноги и спинки изъ одного куска, круглыя или квадратныя; нѣкоторые стулья, употребляемые въ Scriptorium или духовными особами, уже рѣзные, какъ и употреб-

лявшіяся тогда очень низкія кровати, безъ колонокъ и балдахина. Ложились въ постель нагими, но на одномъ манускриптѣ (Nero C. IV) двѣнадцатаго столѣтія Св. Іосифъ изображенъ въ ночной рубашкѣ. Достовѣрныхъ изображеній внутренности комнаты не имѣется; но Некгамъ описываетъ намъ спальню. Онъ говоритъ, что стѣны спальни увѣшивались занавѣсами или коврами отъ мухъ и пауковъ и занавѣсы свѣшивались съ архитрава. Возлѣ кровати ставился стулъ (вѣроятно у изголовья), въ ногахъ ставилась скамья, на которую садился ложившійся въ постель. На кровать стлали пуховикъ, вмѣстѣ съ тюфякомъ. Все это покрывалось короткимъ тюфякомъ и на изголовье стлали красивое покрывало. Сверхъ этого стлались простыни изъ шелка или sendel'я или полотна или одѣяло, затѣмъ застилали покрываломъ изъ зеленой или желтой матеріи, опушенной кошачьимъ, бобровымъ или куньимъ мѣхомъ.

Гостинныхъ, какъ у насъ, не было—дама принимала гостей обоего пола въ своей спальнѣ, какъ это изображается на позднѣйшихъ манускриптахъ, сидя на постели и предоставляя стулъ гостю. Для обозначенія меблировки залы мы должны пользоваться значительно позднѣйшей терминологіей и исключить многіе предметы роскоши, которые появились съ двѣнадцатаго столѣтія. Тамъ находился столъ, trestles, bankers (родъ подмостковъ или скамей), dossers (покрывала для скамей), скатерти, столъ *dormaunt* (укрѣпленный, постоянный столъ), чашка и кувшинъ, очагъ, гдѣ горѣлъ огонь, дрова, щипцы, мѣха, длинная скамья (сидѣнье со спиною и ручками), стулъ, скамья, боковой столикъ, налой для чтенія и экранъ, или ширмы. Мало—но слишкомъ роскошно для двѣнадцатаго столѣтія и начала тринадцатаго.

Дороги и путешествія.

Путешествіе было въ то время затруднительно и медленно. Дороги, за исключеніемъ прекрасныхъ римскихъ дорогъ, были очень плохи; дворяне путешествовали верхомъ—и то шагомъ,—останавливаясь на отдыхъ въ гостинницѣ или монастырѣ. Лошади у дворянъ были хороши; норманъ, какъ истый рыцарь—chevalier, любилъ своего коня—destrier. Дамы ѣздили на маленькихъ лошадяхъ или лошакахъ и большею частью садились бокомъ. Экипажи, бывшіе въ употребленіи, ничто иное, какъ безрессорныя телѣги, они были рѣдки и только у знатныхъ. Матью Парисъ, разсказывая о великолѣпномъ экипажѣ Ѳомы Бекета, когда тотъ въ 1158 г. отправился во Францію, чтобы сопровождать въ Англію невѣсту сына Генриха II Маргариту, дочь французскаго короля, говоритъ, что у Ѳомы Бекета было девять экипажей (chariots). Употребляя терминологію Вальтера де Байбльсвортса, онъ говоритъ:

„Io vey cy vener une charette;
Bon est ke entremette
En Fraunceys la charette descrivere
Et pur enfaunz mettre en liviere“

Mayer, I, 167

Онъ въ стихахъ описываетъ составныя части: колеса, спицы, ось и т. д. Люди принуждены были путешествовать не съ торговою цѣлью, а по военнымъ, юридическимъ или религіознымъ причинамъ; короли постоянно совершали путешествія и открывали парламенты въ различныхъ городахъ и городкахъ.

Источники—1216—1273.

Общіе источники.

Для долгаго царствованія Генриха III много современныхъ писателей Важная хроника С. Албанса, компилированная затѣмъ Вендоверомъ, Матью Парисомъ и Ришангеромъ, доходитъ до 1306 г. Очень полны и важны монастырскія лѣтописи Ваверлея, Дунстабля, Оснея и т. д. Въ Rolls' Series находятся цѣнныя серіи королевскихъ писемъ за все время царствованія. Сюда же входятъ письма Гросстета, *Monumenta Franciscana* и произведенія Рожера Бэкона. Ѳома Уайкъ (Wykes) отражаетъ королевскія воззрѣнія: *Carmen de Bello Lewensi* (ed Kingsford) и масса современныхъ политическихъ пѣсенъ излагаютъ взгляды желавшихъ реформъ. Конституціонные документы собраны въ *Charters* Стэбба. Современные источники для главы III, Blaauw, *Baron's war* и Prothero *Simon de Montfort*.

Спеціальные предметы.

Религія. Хроники Роберта Глочестера и Матью Париса (Rolls' series); политическія пѣсни этого періода; произведенія Рожера Бэкона: *Monumenta Franciscana* (изд. Brewer); Eccleston' *Coming of the Friars*.

Законодательство. Лучшій текстъ статутовъ въ изданіи, выпущенномъ Record Commission. Очень полезны Stubbs' Select *Charters* и Bémont's *Chartes*. Различные судебные списки обнародованы Selden Society и Surtees Society. Лучшее изъ трехъ изданій Bracton's Law of England изданіе 1569 г. Въ Bracton's Note Book (ed. Maitland) содержится много процессовъ, на которыхъ онъ обосновываетъ текстъ. Лучшій очеркъ матеріала данъ Brunner'омъ въ Holtzendorff's Encyklopädie der Rechtswissenschaft. Для этого періода полезна книга Reeves' History of English law. Также J. F. Stephen's History of *Criminal Law*; Pyke's *History of Crime*; и Blackstone's *Commentaries*.

Военное искусство и флотъ, тѣ же источники, какъ для главы III.

Земледѣліе (для періода 1216—1348). Thorold Rogers, *History of Agriculture and Prices*; и *Six Centuries of Work and Wages*; Nasse, *Zur Geschichte der Mittelalterlichen Feldgemeinschaft in England*; Виноградовъ *Villainage in England*; Maitland: *Select Pleas in Manorial Courts* (Selden Society); Seebohm, *English Village Community*; Gomme, *Village Community*.

Торговля и т. д Cunningham *History of Industry and Commerce I*; Ashley. *Economic History*; Thorold Rogers, *Agriculture and Prices* I, II; Hall, *History of the Customs Revenue* I, II: Madox, *History of the Exchequer*; Gross, *The Gild Merchant*: *Monumenta Gildhallae* (ed. Riley, Rolls' Series); Jacobs, *Jews in Angevin England*.

Искусство и архтиектура. Тѣ же источники, какіе для главы III, кромѣ Freeman's *History of the Norman Conquest* и Kenyon, *Gold Coins of England*.

Наука. Помимо сочиненій Hampden, Bass Mullinger, Maxwell Lyte и Poole, упоминаемыхъ въ главѣ III, слѣдуетъ указать предисловіе J. S. Brewer къ его изданію Monumenta Franciscana 1858 г. и Roger Bacon's *Opera Inedita*, 1869 г., H. R. Luard, предисловіе къ *Roberti Grosseteste Epistolae* 1861; T. M. Lindsay, *Occam* (Encycl. Brit 9 ed. XVII). A. Seth. *Scholasticism*. (Encycl. Brit, 9 ed. XXI). Rashdall, *Origin of the University of Oxford* (Church Quarterly Review № 46 Jan 1887) и введеніе къ *The Friars Preachers V the University* 1311 — 1313 (in Oxford Historical Society's *Collectanea* 2 series 1890); A. G. Litte *The Grey Friars in Oxford* 1892 г. Brodrick: *Memorials of Merton College* 1885 г.

Языкъ и литература (смотри списокъ, прилагаемый къ главѣ III). Skeat: *Principles of English Etymology* (two series, Clarendon Press, 1887—91); Sweet *New English Grammar part. I* (Clarendon Press 1892); B. Ten Brink: *Chaucer's Sprache und Verskunst*, Leipzig 1884; Kluge *Gesch. d. Englischen Sprache* (in Paul's *Grundriss der Germanischen Philologie I*); H. G. Hewlett, *Cronica Rogeri de Wendover, sive Flores Historiarum* (3 vols. 1886, etc. Rolls Series); Sir F. Madden *Matthaei Parisiensis Historia Anglorum sive... Historia Minor* (3 vols. 1886—9 Rolls' Series); H. R. Luard, *Matthaei Parisiensis Cronica Majora* (1872—82 7 vols. Bolls' Series) и другія хроники, изданныя въ Rolls' Series; *Encyclopaedia Brittannica:* Art. „Romance". H. Ward, введеніе въ *Romance Catalogue* British Museum.

Общественная жизнь. Помимо вышеуказанныхъ въ приложеніи къ главѣ III, сочиненій, слѣдуетъ указать: Walter Biblesworth, in *A. Library of National Antiquities I* ed. by J. Mayer, Liwerpool, 1857; Neckam *de Utensilibus* (ibid); Lacroix, *Military and Religious Lipe*, London 1884; Raimet, *La Costume Historique* Paris 1876; *Histoire de la Chaussure* Paris 1880; Shaw, *Dresses and Decorations of the Middle Ages*. London 1843; H. Hall, *Court Life under the Plantagenets* London 1890; Hon. A. H. Dillon *Costume in England* London 1885; Chappell *The Ballad Literature and Popular Music of the Olden Time*. London 1885—9; R. Warner, *Antiquitates Culinariae* London 1791. *Archaeologia* vol. XPI. Dissertation on Ancient and Mediaeval Cookery (Coote). *The Forme of Cury*, компилированное около 1390 г. (ed. S. Pegge 1780) относится къ гораздо позднѣйшему періоду.

КОНЕЦЪ.

Гос. Историч. Научн. Б-ка НКП РСФСР
Коллект. №
193 г.

Финлея. Грецiя подъ римскимъ владычествомъ. М. 1876 г. Цѣна 4 р.

Фиске Д. Открытiе Америки. Пер. *Ц. Николаева.* М. 1892, въ 2 т. Ц. 4 р.

Фойгта Г. Возрожденiе классической древности. 2 тома. М. 1884 г. Ц. 6 р. 50 к.

Фрикена. Римскiя катакомбы и памятники первоначальнаго христiанскаго искусства въ 4 ч. М. 1885 г. Ц. 6 р. 50 к.

— Итальянское искусство въ эпоху возрожденiя. М. 1895 г., ч. I и II, ц. 4 р.

Фримана. Историческая Географiя Европы, съ картами. Перев. подъ редакцiею *И. В. Лучицкаго.* М. 1892 г. Цѣна 6 р. за два тома.

— Методы изученiя исторiи. Пер. *П. Николаева.* М. 1893 г. Ц. 2 р.

Фулье А. Исторiя Философiи. Пер. *Николаева.* М. 1894 г. Ц. 3 р.

— Отрывки изъ сочиненiй великихъ философовъ. М. Ц. 3 руб.

Шекспира. Полное собранiе драматическихъ сочиненiй. Перев. *Н. Кетчера.* 9 частей. Цѣна 10 р.

Шмидта Карла. Исторiя педагогики, перев. *Э. Циммермана.* т. I, III и IV (IV-й томъ въ 2-хъ частяхъ). М. 1880 г. Цѣна за три тома 17 р. 50 к.

Экономическая библiотека: 1) *Смитъ*, ц. 1 р. 2) *Рикардо*, ц. 1 р. 3) *Милль*, ц. 1 р. 4) *Мальтусъ*, ц. 1 р. 5) *Юмъ* и *Бентамъ*, ц. 1 р. 6) *Кенэ Фр.*, ц. 1 р. 7) *Сэ и Бастiа*, ц. 1 р.

Печатаются слѣдующiя сочиненiя.

Белохъ. Исторiя Грецiи, т. I.

Брандесъ. Фердинандъ Лассаль.

Викторова П. П. Ученiе о личности, вып. II.

Гаспари А. Исторiя итальянской литературы, т. II. Перев. К. Бальмонта.

Герцберга. Исторiя Византiи.

Грегуаръ Л. Исторiя Францiи въ XIX вѣкѣ, 4-й т.

Іодля. Исторiя этики, т. II.

Ковалевскiй М. Происхожденiе современной демократiи, т. III и IV. (I т. вторымъ изданiемъ).

Лампрехта, Исторiя Германскаго народа, т. IV.

Лансона. Исторiя Французской литературы.

Трайля І. Д. Общественная жизнь Англiи. Перев. съ англiйскаго Т II-й.

„Экономическая библiотека": **Ле-Плэ, Физiократы** и пр.

Рамбо. Всеобщая исторiя.

Кгулера. Руководство къ исторіи искусства. 2 тома. Цѣна 10 р.

— Руководство къ исторіи живописи. Пер. *И. Васильева.* М. 1870 г. Ц. 7 р.

Куно-Фишера. Г. Э. Лессингъ, какъ преобразователь нѣмецкой литературы, въ 2 частяхъ, пер. *И. П. Разсадина.* М. 1882 г. Ц. 1 р. 25 к.

Курціуса. Исторія Греціи. II и III т. 1880—3 г. Ц. 9 р.

Лавелэ. Балканскій полуостровъ. М. 1889 г. Перев. *Н. Е. Васильева.* Ц. 6 р

Лампрехта К. Исторія Германскаго народа. Перев. съ нѣмецк. *П. Николаева.* М. 1894 г. т. I, II и III. Ц. 11 р.

Левитова А. И. Собраніе сочиненій. 2 тома. М. 1884 г. Цѣна 2 р. 50 к.

Лессинга Г. Э. Гамбургская драматургія. Цѣна 3 р.

Лёббока. Красоты природы и чудеса міра, въ которомъ мы живемъ. Перев. *А. П. Павлова.* М. 1893. Цѣна 1 р. 50 к.

Лотце. Микрокозмъ. 3 тома. Перев. *Е. Корша.* М. 1870 г. Ц. 6 р. 50 к.

Любке. Исторія пластики. М. 1873 г. Ц. 6 р.

Магаффи. Исторія классическаго періода Греческой литературы. 2 тома. Перев. *А. Веселовскаго.* М. 1882 г. Ц. 6 р.

Масперо. Древняя исторія народовъ Востока. М. 1895 г. Ц. 3 р.

Марта. Философы и поэты-моралисты во времена Римской имперіи. Ц. 2 р.

Матеріалы для біографіи Н. А. Добролюбова. М. 1890 г. Т. I. Ц. 2 р.

Моммсена. Римская исторія, т. I, II, III и V. Ц. 16 р. 50 к.

Морлея Дж. Руссо. Пер. съ англійскаго *В. Н. Невѣдомскаго.* Ц. 2 р. 50 к.

— Дидро и Энциклопедисты. Пер. *В. Н. Невѣдомскаго.* Ц. 2 р. 50 к.

Маурера. Введеніе въ исторію общиннаго, подворнаго, сельскаго и городскаго устройства и общественной власти. М. 1880 г. Цѣна 2 руб. 75 к.

Нефедова Ф. Д. Сочиненія. Т. I и II. М. 1894 г. Ц. 3 р.

Николаева П. Активный прогрессъ. М. 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Паркса. Исторія Австраліи. Въ 2 частяхъ. Пер. съ англійскаго *В. Невѣдомскаго.* М. 1894 г. Ц. 3 р.

Пелисье. Литературное движеніе въ XIX столѣтіи. Перев. *Ю. В. Доппельмайеръ.* М. 1895 г. Ц. 2 р.

Пешеля Оск. Исторія эпохи открытій. М. 1885 года Цѣна 3 р.

Полонскаго Я. П. На закатѣ. Стихотворенія. М. 1882 г. Ц. 1 р. 25 к.

Рибо. Современная англійская психологія. Перев. *П. Д. Боборыкина.* М. 1878 г. Цѣна 2 руб.

Риля А. Теорія науки и метафизика. Пер. *Е. Корша.* М. 1888 г. Ц. 2 р.

Саади-Ширази. Гюлистанъ. (Цвѣтникъ розъ). Съ персидскаго подлинника. Пер. *И. Холмогоровъ.* М. 1882 г. Ц. 1 р.

Столповской А. Очеркъ исторіи культуры Китайскаго народа. Ц. 3 руб.

Страбона. Географія. Перев. съ греческаго *Θ. Г. Мищенко.* М. 1879 г. Ц. 10 р.

Сурикова. Стихотворенія. Полное собраніе съ портретомъ автора, факсимиле и біографіей. Изданіе 4-е (посмертное). М. 1884 г. Цѣна 3 р.

— Стихотворенія. Изданіе третье. М. 1877 г. Ц. 1 р.

Тьюка Х. Духъ и тѣло. М. 1888 г. Пер. *П. Викторова.* Ц. 2 р. 50 к.

Тикнора. Исторія испанской литературы, въ 3 т. Ц. 9 р. 50 к.

Токвиля А. Воспоминанія. Пер. *В. Невѣдомскаго.* М. 1893 г. Ц. 2 р.

Трайля І. Д. Общественная жизнь Англіи. Переводъ съ англійскаго *Л. Ч.*, подъ редакціей *П. Николаева.* М. 1896 г. Т. I-й. Ц. 3 р.

Тренделенбурга. Логическія изслѣдованія, въ 2 томахъ. М. 1868 г. Ц. 4 р.

Тэна. Титъ Ливій. Критическое изслѣдованіе. М. 1885 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Файфа. Исторія Европы XIX ст. т. III. М. 1890 г., Ц. 2 р. 50 к.